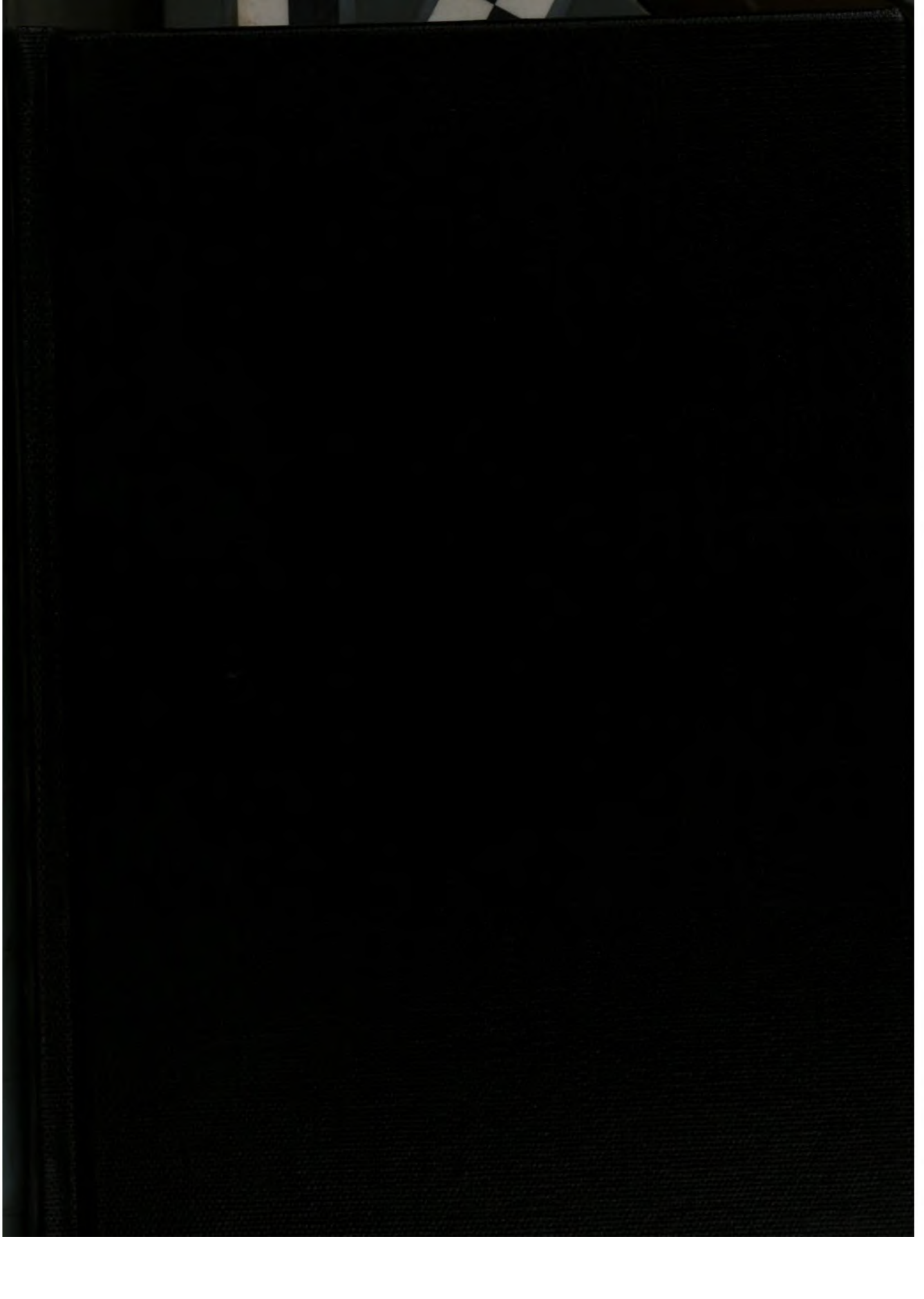


THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

Годъ XI-й. № 4-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АПРѢЛЬ

1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

† АЛЕКСАНДРА АРКАДІЕВНА ДАВЫДОВА.

1. ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ. С. Ашевскаго. . . 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. НАКАНУНѢ ВЕСНЫ. Г. Галиной 32
3. ДРУГЪ ДѢТСТВА. Ольги Шапиръ 33
4. ГОРОДЪ И ДЕРЕВНЯ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ. (Краткій очеркъ экономической исторіи Россіи). Приватъ-доц. Н. Рожкова. 78
5. САМОУБІЙСТВО СРЕДИ ДѢТЕЙ. Д-ра Григорія Гордона . . 93
6. ИЗЪ ДНЕЙ МИНУВШИХЪ. (Съ польскаго). Повѣсть Г. Даниловскаго. Пер. А. И. Я—ъ. (Продолженіе) 115
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ ПѢСЕНЪ ТРУДА. Ѳ. Поступаева. . 143
8. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Родбертусъ. (Продолженіе). М. Туганъ-Барановскаго. 145
9. НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 гг. (Продолженіе). Н. Котляревскаго 165
10. СТИХОТВОРЕНІЕ. ЛЕБЕДИНОЕ ГНѢЗДО. (Елизаветы Броунингъ). О. Чюминой. 195
11. НА РАСТИТЕЛЬНОЙ ПИЩѢ. (Разсказъ). Тана. 199
12. КАКЪ Я СДѢЛАЛСЯ СКУЛЬПТОРОМЪ. (Изъ моихъ воспоминаній). Ильи Гинцбурга 235
13. СТИХОТВОРЕНІЕ. БЕЗСОННИЦА. П. Соловьевой (Allegro). . 261
14. НАУКА И ЖИЗНЬ. Естественныя науки въ средней школѣ. В. Агафонова 262

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

15. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Исповѣдники», повѣсть г. Боборыкина.—Новыя теченія, наблюдаемыя авторомъ.—Разные ихъ представители.—Исповѣдники изъ интеллигенціи и народной среды.—Цѣльность послѣднихъ типовъ.—Здоровое религіозное чувство и болѣзненный мистицизмъ, отмѣчаемые авторомъ.—Памяти Александры Аркадіевны Давыдовой.—Ея общественная дѣятельность, какъ издательницы и руководительницы большого литературнаго предпріятія.—Ея организаторскій талантъ и значеніе, какъ редактора. А. Богдановича 1
16. ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРЫ АРКАДЬЕВНЫ ДАВЫДОВОЙ. А. Вергежскаго. 15
17. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Подъ бременемъ [illegible] ной карточки.—Производительность труда на рус[illegible]

Годъ XI-й. № 4.

The UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АПРѢЛЬ

1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902.

AP 50
.M167
V.11
no.4

Дозволено цензурою 26-го марта 1902 года. С.-Петербургъ.

STA/Ex

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

† АЛЕКСАНДРА АРКАДІЕВНА ДАВЫДОВА.

1. ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ. С. Ашевскаго . . . 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. НАКАНУНѢ ВЕСНЫ. Г. Галиной. . . . 32
3. ДРУГЪ ДѢТСТВА. Ольги Шапиръ. 33
4. ГОРОДЪ И ДЕРЕВНЯ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ. (Краткій очеркъ экономической исторіи Россіи). Приватъ-дец. Н. Рожнова. 78
5. САМОУБІЙСТВО СРЕДИ ДѢТЕЙ. Д-ра Григорія Гордона. . . 93
6. ИЗЪ ДНЕЙ МИНУВШИХЪ. (Съ польскаго). Повѣсть. Г. Даниловскаго. Пер. А. И. Я—ъ. (Продолженіе). 115
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ ПѢСЕНЪ ТРУДА. Ѳ. Поступаева. . 148
8. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Родбертусъ. (Продолженіе). М. Туганъ-Барановскаго 145
9. НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 гг. (Продолженіе). Н. Котляревскаго 165
10. СТИХОТВОРЕНІЕ. ЛЕБЕДИНОЕ ГНѢЗДО. (Елизаветы Броунингъ). О. Чюминой. 195
11. НА РАСТИТЕЛЬНОЙ ПИЩѢ. (Разсказъ). Тана. 199
12. КАКЪ Я СДѢЛАЛСЯ СКУЛЬПТОРОМЪ. (Изъ моихъ воспоминаній). Ильи Гинцбурга. 235
13. СТИХОТВОРЕНІЕ. БЕЗСОННИЦА. П. Соловьевой (Allegro). . 261
14. НАУКА И ЖИЗНЬ. Естественныя науки въ средней школѣ. В. Агафонова 262

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

15. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Исповѣдники», повѣсть г. Боборыкина.—Новыя теченія, наблюдаемыя авторомъ.—Разные ихъ представители.—Исповѣдники изъ интеллигенціи и народной среды.—Цѣльность послѣднихъ типовъ.—Здоровое религіозное чувство и болѣзненный мистицизмъ, отмѣчаемые авторомъ.—Памяти Александры Аркадіевны Давыдовой.—Ея общественная дѣятельность, какъ издательницы и руководительницы большого литературнаго предпріятія.—Ея организаторскій талантъ и значеніе, какъ редактора. А. Богдановича. 1
16. ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРЫ АРКАДІЕВНЫ ДАВЫДОВОЙ. А. Вергежскаго. 15
17. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Подъ бременемъ визитной карточки.—Производительность труда на русскихъ и ан-

стр.

глійскихъ фабрикахъ.—Изъ прошлаго.—Ирбейское дѣло.—Изъ жизни сибирскаго духовенства.—Въ Финляндіи.—За мѣсяцъ 20

18. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СИМПТОМЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ. И. Красноперова 35

19. Изъ русскихъ журналовъ. («Вѣстникъ Всемірной Исторіи»—январь, февраль; «Русская Старина»—мартъ; «Историческій Вѣстникъ»—мартъ; «Вѣстникъ Европы»—мартъ; «Образованіе»—февраль) 41

20. За границей. Германская таможенная политика и женскій вопросъ.—Германскій канцлеръ и женская депутація.—Ирландскій призракъ; обезлюдѣніе Лондона; двухсотлѣтній юбилей.—Американскій лицей и свобода программъ.—Выборная агитація. Общественная жизнь во Франціи. Французскія дѣла.—Новыя экспедиціи въ Гренландію 53

21. Изъ иностранныхъ журналовъ. Американскія библіотеки и читальни для дѣтей.—Аргентинская газета.—Роль соціальной гигіены въ XX вѣкѣ.—Отсталость Соединенныхъ Штатовъ въ научномъ отношеніи и ея причины 66

22. ФАБРИЧНЫЯ ИНСПЕКТРИСЫ ВЪ ГЕРМАНІИ. (Письмо изъ Гейдельберга). М. Б. 70

23. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. О психикѣ насѣкомыхъ. (Переводъ съ нѣмецкаго). Проф. Ав. Фореля 73

24. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Инфракрасная часть солнечнаго спектра.—Успѣхи цвѣтной фотографіи.—Форма кристалловъ снѣга.—Низкая температура и развитіе организмовъ.—Соли натрія, калія и кальція и сокращеніе сердца.—Леченіе оспы дрожжами. В. Аг. 85

25. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Критика и исторія литературы.—Исторія всеобщая и русская.—Исторія культуры.—Естествознаніе.—Народное образованіе.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію 90

26. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 121

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

27. ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ПИТЕРЪ СТЕРЛИНГЪ. Романъ П. Л. Форда. (Продолженіе). Переводъ съ англійскаго Л. Я. Сердечной. 89

28. ИЗЪ ГЛУБИНЪ ОКЕАНА. Описаніе путешествія первой германской глубоководной экспедиціи Карла Куна. (Продолженіе). Переводъ съ нѣмецкаго П. Ю. Шмидта. Съ многочисл. рисунками. 89

†

Александра Аркадіевна Давыдова.

24-го февраля скончалась издательница нашего журнала Александра Аркадіевна Давыдова.

Урожденная Горожанская, Александра Аркадіевна родилась въ Москвѣ 13-го дек. 1849 г. въ старой дворянской патріархальной семьѣ и получила тщательное по тому времени домашнее образованіе. Шестнадцати лѣтъ она выдержала при московскомъ университетѣ экзаменъ на домашнюю учительницу и вскорѣ вышла замужъ за знаменитаго виртуоза-віолончелиста и композитора, солиста Его Императорскаго Величества Карла Юліевича Давыдова, брата извѣстнаго московскаго профессора Августа Юл. Давыдова, автора популярныхъ учебниковъ по алгебрѣ, геометріи и ариѳметикѣ. Вмѣстѣ съ Ан. Рубинштейномъ, К. Давыдовъ дѣятельно работалъ тогда надъ учрежденіемъ петербургской консерваторіи, директоромъ которой и состоялъ до конца 80-ыхъ годовъ. Съ переселеніемъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ мужемъ, для Александры Аркадіевны началась полоса блестящей свѣтской жизни, въ избранномъ кругу артистовъ, писателей и ученыхъ, которая продолжалась до смерти ея мужа. Блестящая красавица, съ выдающимся умомъ и рѣдкимъ образованіемъ, Александра Аркадіевна заняла въ этомъ кругу центральное мѣсто, и въ ея салонѣ собирался цвѣтъ петербургской интеллигенціи и артистическаго міра. Общественная дѣятельность ея въ эти годы ознаменовалась учрежденіемъ при консерваторіи общежитія для слушательницъ консерваторіи, которымъ она завѣдывала до выхода мужа въ отставку. Многочисленныя дружескія знакомства съ писателями, Гончаровымъ, Некрасовымъ, Салтыковымъ, Тургеневымъ, Гаршинымъ, Надсономъ, Н. К. Михайловскимъ, Шелгуновымъ, Гл. Успенскимъ, вовлекли ее въ кругъ журналистики, и въ основанномъ въ серединѣ 80-ыхъ

годовъ г-жею Евреиновой «Сѣверномъ Вѣстникѣ» она принимала участіе въ качествѣ секретаря редакціи.

Но самостоятельная ея дѣятельность въ этой области началась только съ основаніемъ журнала «Міръ Божій» въ декабрѣ 1891 г. Задумавъ вмѣстѣ съ В. П. Острогорскимъ издавать журналъ, Александра Аркадіевна съ тѣхъ поръ отдалась всецѣло новому дѣлу, новому не только для нея, но и въ журналистикѣ, гдѣ до тѣхъ поръ не было журнала такого типа,—научно-популярнаго и литературнаго изданія для самообразованія. Начавъ дѣло въ очень скромныхъ размѣрахъ, она постепенно расширяла его и довела до его современнаго вида. Въ 1895 г. она задумала новый по типу журналъ для дѣтей старшаго возраста «Всходы», съ широкой программой, выходящій два раза въ мѣсяцъ, и, вмѣстѣ съ извѣстной писательницей А. Н. Анненской, вела его съ большимъ успѣхомъ до 1897 г., когда передала его Э. С. Монтвиду, издающему этотъ журналъ и въ настоящее время. Въ обоихъ журналахъ Александра Аркадіевна принимала самое горячее участіе, въ особенности въ «Мірѣ Божьемъ», которому посвятила всю свою выдающуюся энергію, рѣдкій умъ и талантъ организатора. Несмотря на новость дѣла, на необычность программы, на внѣшнія затрудненія, она неутомимо и упорно шла къ намѣченной цѣли, создавъ журналъ съ широкой программой, съ обширнымъ кругомъ сотрудниковъ и читателей.

Смерть ея явилась страшной неожиданностью для всѣхъ окружающихъ; хотя тяжелая болѣзнь, поразившая ее, и внушала опасенія, но никто не думалъ о такой быстрой развязкѣ. Сама покойная, однако, предчувствовала близость рокового конца и сдѣлала своевременно всѣ необходимыя распоряженія, обезпечивающія безостановочное дальнѣйшее продолженіе ея дорогого дѣла, въ прежнемъ составѣ редакціи и сотрудниковъ и въ томъ же духѣ и направленіи, — дѣла, которому она отдала свои лучшія силы и которому служила до послѣдней минуты.

Редакція.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ.

I.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія крѣпостной крестьянинъ тульскаго помѣщика Бунина, отправляясь на войну съ турками въ качествѣ маркитанта, пришелъ къ своему барину проститься и спросить, какого гостинцу привезти ему изъ Турціи. «Привези мнѣ, братъ, хорошенькую турчаночку,—отвѣчалъ баринъ;—видишь, жена моя совсѣмъ состарилась!» Серьезно говорилъ помѣщикъ или шутилъ—трудно рѣшить, хотя внучка его А. П. Зонтагъ въ своихъ воспоминаніяхъ о дѣтствѣ Жуковскаго *) и выдаетъ приведенныя слова за шутку. Желаніе барина было исполнено, и вѣрный холопъ возвратился съ войны съ двумя плѣнными турчанками—сестрами, изъ которыхъ старшая, «прекрасная, ловкая, смиренная и добронравная» Сальха сначала была приставлена няней къ дочерямъ Бунина, а потомъ сдѣлалась его домоправительницей и наложницей. Плодомъ этой связи русскаго барина съ плѣнной турчанкой, кромѣ трехъ дѣвочекъ, умершихъ въ младенчествѣ, 26 января 1783 года явился мальчикъ, которому суждено было впослѣдствіи сдѣлаться замѣчательнымъ русскимъ писателямъ, ближайшимъ учителемъ и предшественникомъ величайшаго русскаго поэта, воспитателемъ гуманнѣйшаго изъ русскихъ царей и однимъ изъ лучшихъ русскихъ людей, отличавшимся необыкновенною добротою сердца и рѣдкимъ согласіемъ слова и дѣла.

Біографы Жуковскаго **) сообщаютъ намъ слишкомъ мало свѣдѣній о его родителяхъ, и потому трудно судить, какія качества ума и сердца могъ унаслѣдовать поэтъ отъ отца и отъ матери. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что вмѣстѣ съ красивою наружностью восточнаго типа Жуковскій получилъ отъ матери и восточную мечтательность,

---

*) «Русская Мысль» 1883 г., февраль.

**) Плетневъ. О жизни и сочиненіяхъ Жуковскаго, Спб. 1853 г. (Перепечатано въ «Сочиненіяхъ и перепискѣ Плетнева», т. III, Спб. 1885). Зейдлицъ. «Жизнь и поэзія Жуковскаго». Спб. 1883 г. П. Загаринъ (Левъ Поливановъ). «Жуковскій и его произведенія». М. 1883 г. Очень цѣнный разборъ книги Загарина въ «Сочиненіяхъ Н. С. Тихонравова», т. III, ч. I. М. 1898 г.

отразившуюся такъ ярко въ его литературной дѣятельности, и восточную лѣнь, съ которой ему приходилось бороться въ теченіе всей своей жизни, и ту покорность судьбѣ, которая отличала поэта до конца его дней и которая такъ близка къ мусульманскому фатализму. Не подлежитъ также сомнѣнію, что та обстановка, среди которой протекало раннее дѣтство поэта, благопріятствовала развитію лучшихъ сторонъ его души. Его отецъ былъ «честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ», хотя и «не самой строгой нравственности». Сама Бунина, принимавшая въ мальчикѣ чисто-материнское участіе, отличалась, по свидѣтельству ея внучки, почти безпримѣрной добротой, кротостью и терпѣніемъ. Номинальный отецъ мальчика также былъ «хорошій человѣкъ» и сумѣлъ пріобрѣсти общую любовь въ домѣ. Если сюда еще присоединить общество маленькихъ племянницъ, среди которыхъ Жуковскій былъ единственнымъ «кавалеромъ», то легко составить представленіе о той атмосферѣ любви, доброты и кротости, среди которой протекли юные годы поэта въ селѣ Мишенскомъ. Уже въ юномъ возрастѣ мы видимъ Жуковскаго «умнымъ, добрымъ, прекраснымъ, терпѣливымъ, кроткимъ и послушнымъ мальчикомъ». Онъ не дѣлаетъ «никакихъ шалостей» и всегда терпѣливо и почтительно выслушиваетъ несправедливую въ большинствѣ случаевъ брань матери, которая находитъ своего благонравнаго сына недостаточно кроткимъ и покорнымъ по отношенію къ своимъ «благодѣтелямъ» и «милостивцамъ».

Когда Жуковскому исполнилось шесть лѣтъ, къ ворчанію и брани строгой матери присоединились педагогическія поощренія грубаго и необразованнаго нѣмца, взятаго изъ мастерской портного гувернеромъ въ домъ Бунина. Мальчикъ выслушиваетъ грубую брань, получаетъ удары линейкою по рукамъ, стоитъ голыми колѣнями на горохѣ и даже переживаетъ страхъ предстоящаго наказанія розгами. Но скоро Жуковскій избавляется сначала отъ грубаго педагога, а потомъ и отъ матери. Выучившись, хотя и съ большимъ трудомъ, славянской грамотѣ подъ руководствомъ своего пріемнаго отца, онъ переселяется вмѣстѣ съ семьей Бунина въ Тулу. Тамъ онъ сначала учится въ «очень хорошемъ пансіонѣ» Роде, по смерти же отца и по закрытіи пансіона живетъ въ семьѣ своей крестной матери и сводной сестры Юшковой и посѣщаетъ главное народное училище. Но изъ училища его скоро увольняютъ за «неспособность» къ усвоенію школьной премудрости, главнымъ образомъ, математики, и Жуковскому приходится пока ограничиться уроками гувернантокъ и домашнихъ учителей.

Среди послѣднихъ особенное значеніе имѣлъ для Жуковскаго старшій учитель тульскаго главнаго народнаго училища Покровскій, помѣщавшій въ тогдашнихъ журналахъ статьи подъ псевдонимомъ «Философъ горы Алаунской». Это былъ гуманный, просвѣщенный и религіозный человѣкъ, въ которомъ трезвое отношеніе къ тогдашней русской дѣйствительности соединялось съ романтическою

мечтательностью надъ могилами «сельскаго кладбища» при «томномъ меланхолическомъ свѣтѣ луны». Природная мечтательность Жуковскаго представляла самую благопріятную почву для усвоенія литературныхъ вкусовъ Покровскаго, и тою «печатью меланхоліи», которою отмѣчены уже первыя произведенія нашего поэта, онъ въ значительной степени обязанъ литературнымъ бесѣдамъ и печатнымъ сочиненіямъ своего перваго учителя словесности. Другой, по всей вѣроятности, еще болѣе важной причиной этой ранней «печати меланхоліи» было открытіе Жуковскимъ тайны своего происхожденія. Когда и при какихъ обстоятельствахъ раскрылась эта тайна, біографы поэта намъ не говорятъ, но едва ли можно сомнѣваться, что уже въ Тулѣ Жуковскій постигъ эту роковую тайну.

На четырнадцатомъ году Жуковскаго отвозятъ въ Кекгольмъ на военную службу, куда онъ былъ записанъ съ рожденія; но восшествіе на престолъ императора Павла избавляетъ будущаго поэта, какъ малолѣтняго, отъ военщины, и въ 1797 году его отдаютъ въ Благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ. Здѣсь мальчикъ находитъ болѣе подходящее для себя общество товарищей, которые не замедлили признать его первенство «въ благонравіи, въ стремленіи къ добру и къ просвѣщенію», и среди которыхъ онъ нашелъ такихъ же друзей на всю жизнь, какъ и среди дочерей Юшковой. Литературныя же и нравственныя вліянія, которымъ подвергается Жуковскій въ пансіонѣ, въ общемъ, представляютъ продолженіе бесѣдъ и уроковъ Покровскаго. Главный руководитель пансіона Прокоповичъ-Антонскій—воспитанникъ Дружескаго ученаго общества и представитель того направленія русской общественной мысли, которое сложилось на почвѣ реакціи просвѣтительной философіи XVIII вѣка. Убѣжденный, что «дни благоденствія народовъ были вмѣстѣ днями торжества религіи» и что «просвѣщеніе безъ чистой нравственности и утонченіе ума безъ образованія сердца есть злѣйшая язва, истребляющая благоденствіе не единыхъ семействъ, но цѣлыхъ народовъ»,—Антонскій, въ видахъ «образованія сердца» и развитія «чистой нравственности», внушаетъ воспитанникамъ «духъ покорности и почтенія» ко всѣмъ старшимъ безъ изъятья, заставляетъ ихъ читать подернутыя мистицизмомъ сочиненія протестантскихъ проповѣдниковъ и задаетъ къ публичнымъ актамъ пансіона сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ на такія темы, какъ добродѣтель, благость, истина, счастье, любовь къ отечеству и тому подобное.

Къ чести Антонскаго надо сказать, что онъ понималъ невозможность усвоенія воспитанниками всѣхъ тридцати шести учебныхъ предметовъ, входившихъ въ программу Благороднаго пансіона, и давалъ своимъ питомцамъ значительную свободу въ выборѣ занятій по своимъ природнымъ склоннностямъ. Особенное вниманіе было обращено въ пансіонѣ на изученіе русскаго языка и русской словесности, а также

на новые европейскіе языки и литературы, въ то время, какъ классическіе языки почти вовсе не преподавались. Для развитія въ своихъ воспитанникахъ литературныхъ интересовъ Прокоповичъ-Антонскій въ залѣ пансіона устраиваетъ засѣданія Общества любителей россійской словесности, гдѣ онъ былъ предсѣдателемъ, дозволяетъ воспитанникамъ учредить собственное общество съ цѣлью «исправленія сердца, очищенія ума и вообще обрабатыванія вкуса», позволяетъ имъ читать тогдашніе журналы и даже печатать въ нихъ свои произведенія.

Жуковскій, не замедлилъ воспользоваться всѣми благопріятными случаями, чтобы уже на школьной скамьѣ отдаться литературной дѣятельности. Онъ является предсѣдателемъ и самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ пансіонскаго общества. Уже въ первый годъ своего пребыванія въ пансіонѣ онъ читаетъ на торжественномъ актѣ оду: «Благоденствіе Россіи, устрояемое великимъ ея самодержцемъ Павломъ Первымъ» и печатаетъ въ журналѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени» собственныя свои «Мысли при гробницѣ». За этими первыми произведеніями Жуковскаго въ стихахъ и въ прозѣ слѣдуетъ рядъ новыхъ поэтическихъ опытовъ, въ которыхъ Жуковскій поетъ гимны *добродѣтели*, *просвѣщенію*, котораго «благотворный свѣтъ съ лучемъ религіи сливаясь, все кроткой теплотой живитъ», *надеждѣ*,—«кроткой посланницѣ небесъ», «подругѣ радости», «усладительницѣ нашихъ горестей» и т. д.

Всѣ указанныя темы Жуковскій могъ найти въ русской литературѣ XVIII вѣка и, между прочимъ, въ сочиненіяхъ Карамзина, вліяніе котораго особенно ярко отразилось въ юношескихъ произведеніяхъ нашего поэта. Но общій тонъ Жуковскаго несравненно меланхоличнѣе, чѣмъ у его учителя. «Флеровая мантія меланхоліи» въ большинствѣ случаевъ «покрываетъ чувства» юнаго поэта.

Подъ звѣзднымъ кровомъ тихой ночи,
При свѣтѣ блѣдныя луны,
Въ тѣни вѣтвистыхъ кипарисовъ,
Брожу межъ множества гробовъ.

Вотъ излюбленная обстановка, при которой Жуковскій даетъ волю своему воображенію. Жизнь представляется ему «бездной слезъ и страданій»; на «лютую смерть» онъ смотритъ, какъ на «путь въ вѣчноблаженную страну». Отсюда выводъ: «счастливъ стократъ, кто, достигнувъ мирнаго брега, вѣчнымъ спитъ сномъ». Къ такому мрачному выводу приходитъ пятнадцатилѣтній Жуковскій въ стихотвореніи «Майское утро».

II.

Начало самостоятельной жизни Жуковскаго совпадаетъ съ началомъ XIX вѣка. Въ концѣ декабря 1800 года онъ покидаетъ Благородный пансіонъ, оставивъ свое имя на почетной доскѣ, и тотчасъ же

поступаетъ чиновникомъ въ главную соляную контору, гдѣ служитъ съ небольшимъ годъ. Служба не мѣшаетъ Жуковскому заниматься литературой и расширять свои знакомства. Еще во время пребыванія въ пансіонѣ онъ посѣщаетъ домъ своихъ школьныхъ товарищей и друзей, братьевъ Тургеневыхъ, и въ лицѣ старика Тургенева находитъ настоящаго отца, а въ домѣ его встрѣчаетъ извѣстнаго масона Лопухина, а также Карамзина и Дмитріева. Всѣ эти лучшіе представители Екатерининской эпохи обращаютъ особенное вниманіе на даровитаго юношу и снабжаютъ его всевозможными совѣтами литературнаго и нравственнаго характера. Особенно сильное впечатлѣніе производитъ на Жуковскаго Карамзинъ, не только какъ поэтъ, но еще больше какъ человѣкъ и мыслитель. Жуковскій на всю жизнь усваиваетъ его политическіе, религіозные и нравственные взгляды и впослѣдствіи всякій разъ, когда ему приходится говорить о Карамзинѣ, отзывается о немъ не иначе, какъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. Карамзинъ для него «ангелъ, другъ, хранитель, наставникъ, примѣръ всего добраго, ободритель для всего прекраснаго», однимъ словомъ, «живое Провидѣніе».

Къ благотворному, хотя и одностороннему вліянію лучшихъ представителей Екатерининскаго времени присоединяется и вліяніе сверстниковъ и друзей Жуковскаго, среди которыхъ оказываются «классики» Блудовъ и Мераляковъ и «нѣмцы» братья Тургеневы. Особенно сильное вліяніе оказываетъ на молодого поэта Андрей Тургеневъ, многообѣщавшій, но преждевременно (въ 1803 году) скончавшійся поэтъ, знатокъ нѣмецкой литературы и «пламенный поклонникъ поэзіи Гете», человѣкъ съ необыкновенно проницательнымъ, острымъ и яснымъ умомъ, съ чистымъ и исполненнымъ любви къ прекрасному сердцемъ и съ кроткой и доброжелательной душой,—человѣкъ, искренно и горячо вѣрующій, смотрѣвшій «духомъ въ вѣчность» и видѣвшій тамъ «лучшій міръ» и «царство вѣчное одной любви святой». Вмѣстѣ съ Тугеневымъ и Мерзляковымъ Жуковскій является во главѣ возникшаго въ началѣ 1801 года Дружескаго литературнаго общества, которое, помимо литературныхъ задачъ, имѣло въ виду преслѣдовать цѣли нравственнаго самоусовершенствованія и даже филантропіи, по примѣру знаменитаго Дружескаго ученаго общества, основаннаго Новиковымъ и Шварцемъ. Члены новаго общества занимаются переводомъ на русскій языкъ произведеній нѣмецкой литературы, и Жуковскій, недостаточно еще владѣющій нѣмецкимъ языкомъ, въ качествѣ переводчика дебютируетъ романомъ Коцебу «Мальчикъ у ручья», за которымъ слѣдуютъ нелѣпофантастическіе романы Шписа и пошло-сентиментальныя драмы Коцебу.

Общеніе съ образованнѣйшими представителями стараго и новаго поколѣнія не могло не обнаружить пробѣловъ въ образованіи Жуковскаго, и въ началѣ 1802 года онъ оставляетъ службу въ «нелѣпой» соляной конторѣ и уѣзжаетъ въ Мишенское съ цѣлой библіотекой, въ

составъ которой входятъ, между прочимъ, знаменитый энциклопедическій словарь Дидро и Даламбера, а также сочиненія Лессинга и Шиллера. Но не Шиллеръ и не Лессингъ увлекаютъ Жуковскаго въ его деревенскомъ уединеніи; онъ увлекается французскимъ идилликомъ и баснописцемъ Флоріаномъ и переводитъ его повѣсти и басни, а также его передѣлку «Донъ-Кихота»

Въ одинъ годъ съ повѣстями Флоріана является и знаменитый переводъ элегіи Грея «Сельское кладбище», напечатанный въ «Вѣстникѣ Европы» Карамзина и сразу поставившій Жуковскаго въ ряды лучшихъ русскихъ поэтовъ. Въ этомъ произведеніи, которое Жуковскій впослѣдствіи ошибочно считалъ первымъ своимъ печатнымъ трудомъ, передъ нами первый образецъ тѣхъ переводовъ-передѣлокъ, которыми Жуковскій обогатилъ русскую литературу и въ которые онъ вложилъ такъ много своего собственнаго *я*, что эти переводы представляютъ такіе же драгоцѣнные матеріалы для характеристики душевнаго настроенія автора, какъ и оригинальныя его произведенія. Еще въ Благородномъ пансіонѣ познакомился Жуковскій съ прозаическими переводами элегіи Грея, и грустный тонъ этого произведенія настолько пришелся нашему поэту по душѣ, что онъ сдѣлалъ *три* стихотворныхъ перевода знаменитой элегіи (въ 1801, 1802 и 1839 гг.). Да и какъ было Жуковскому не увлечься этимъ произведеніемъ, когда въ немъ не только изображена любимая имъ обстановка — кладбище ночью, не только трактуется его любимая тема о смерти, но дается еще и характеристика безвременно умершаго пѣвца, кроткаго сердцемъ, чувствительнаго душой, отмѣченнаго «печатью меланхоліи», даровавшаго несчастныхъ слезой и получившаго въ награду отъ Творца друга. Въ этомъ пѣвцѣ Жуковскій съ полнымъ правомъ могъ видѣть свой портретъ, а такъ какъ этотъ портретъ все-таки не вполнѣ совпадалъ съ оригиналомъ, то образъ англійскаго меланхолика подвергся значительной ретушовкѣ, которая усилила и безъ того мрачный колоритъ элегіи.

Лучшій біографъ и другъ нашего поэта, докторъ Зейдлицъ, вполнѣ справедливо усматриваетъ въ этомъ переводѣ «психологическій документъ, опредѣляющій душевное состояніе поэта» во время пребыванія его въ Мишенскомъ, гдѣ онъ снова почувствовалъ себя въ ложномъ положеніи по отношенію къ своимъ «благодѣтелямъ» и даже по отношенію къ родной матери. Поэтъ является на родину съ самыми скромными желаніями: ему не нужны «вѣнцы вселенной» и «позлащенные чертоги».

Простой, укромный уголокъ
Въ тѣни лѣсовъ уединенный,
Гдѣ бъ я свободнѣе дышалъ,
Всѣмъ милымъ сердцу окруженный,
И лирой слухъ свой услаждалъ.

Вотъ все—я больше не желаю,
Въ душѣ моей цвѣтетъ мой рай.
Я бурный міръ сей презираю.

Для такого любителя уединенія и сельской природы, какимъ былъ Жуковскій, Мишенское было прекраснымъ уголкомъ, но поэту не живется въ той обстановкѣ, въ которой онъ выросъ, и мы видимъ его въ постоянныхъ переѣздахъ съ одного мѣста на другое.

Во время этихъ блужданій не забываетъ Жуковскій, что ему надо «въ просвѣщенье стать съ вѣкомъ наравнѣ». Онъ составляетъ «роспись во всякомъ родѣ лучшихъ книгъ» и задается цѣлью не только прочитать намѣченныя сочиненія, но и сдѣлать изъ нихъ «экстракты». Онъ читаетъ сочиненія сентиментальныхъ поэтовъ и моралистовъ, къ которымъ присоединяются историки, педагоги и даже политико-экономы въ лицѣ Сэя. Рядомъ съ самообразованіемъ идетъ и выработка міросозерцанія, и борьба съ религіозными сомнѣніями. Въ пансіонѣ всѣ такъ называемые «проклятые вопросы» разрѣшались очень просто: *добродѣтель* — цѣль и счастье земной жизни, *безсмертіе* — награда за гробомъ. Но скоро эти понятія, воспринятыя съ чужого голоса, потребовали болѣе точнаго опредѣленія. Смерть Андрея Тургенева кладетъ начало религіознымъ сомнѣніямъ Жуковскаго. Сначала онъ утѣшаетъ себя стихами:

...Пройдетъ и жизнь, ты будешь мой опять!
Во гробѣ намъ судьбой назначено свиданье!
Надежда сладкая, прелестно ожиданье!
Съ какимъ веселіемъ я буду умирать!

А мѣсяцъ спустя послѣ того, какъ были написаны эти строки, у Жуковскаго является уже сомнѣніе, возможно ли «свиданье» въ загробной жизни, и передъ нимъ возстаетъ проблема личнаго безсмертія. Сомнѣнія эти на первыхъ порахъ помогаетъ разрѣшить или, лучше сказать, устранить житейская философія Карамзина, въ основѣ которой лежала «довѣренность къ Провидѣнію».

Но скоро опять «проклятые вопросы» поднимаются въ душѣ Жуковскаго. «Несогласіе чувствъ и дѣлъ съ правилами и словами», замѣчаемое имъ «съ колыбели», развиваютъ въ немъ «неуваженіе и равнодушіе къ религіи», и въ 1805 году всѣ его прежнія религіозныя представленія оказываются «пустыми словами безъ смысла и безъ дѣйствія». А между тѣмъ онъ чувствуетъ, «какое блаженство должна давать прямая религія: она возноситъ человѣка выше всего, выше самой его личности». Вѣра—для него необходимое условіе и подпора счастья, а счастье—«законъ натуры». Слѣдовательно, чтобы исполнить «законъ натуры», нужна вѣра. И вотъ онъ *хочетъ* вѣрить, прежде всего вѣрить безсмертію души, какъ главному условію счастья. 17-го іюля 1805 года онъ смотритъ на небо, «воображаетъ» безсмертіе и мечтаетъ: «Безсмертіе, вѣчное радостное бытіе, котораго подобіе на-

ходимъ здѣсь въ духовныхъ наслажденіяхъ!.. Ахъ, если бы это чувство укоренилось въ душѣ моей! Какъ бы всѣ несчастія были передо мною слабы! Можетъ ли быть то ложно, что такъ возвышаетъ душу, и можетъ ли та душа быть не безсмертна, которая такъ можетъ возвышаться!.. *Тамъ*—какое слово, что подъ нимъ заключается! У меня на глазахъ слезы отъ сего слова! Друзья, надежды, радости, блаженство—все *тамъ*!»

Въ борьбѣ съ религіозными сомнѣніями Жуковскій прибѣгаетъ даже къ внѣшней помощи. «Ты долженъ быть,—пишетъ онъ А. И. Тургеневу,—согрѣвателемъ моей души, долженъ поддерживать во мнѣ чувство безсмертія... Я за себя не совсѣмъ ручаюсь, и для того-то требую подпоры, защиты противъ самого себя» *).

Для того, чтобы быть достойными блаженства *тамъ*, *здѣсь* человѣкъ долженъ быть добродѣтельнымъ. Но что такое добродѣтель? Отвѣтъ на этотъ вопросъ Жуковскій находитъ у главнаго представителя раціонализма XVIII вѣка. «Истинная добродѣтель состоитъ въ употребленіи своихъ способностей къ наибольшему благу людей. На всякой степени ума и во всякомъ состояніи можно быть добродѣтельнымъ». Эти слова Вольтера Жуковскій записываетъ въ своемъ дневникѣ и прибавляетъ: «Вотъ правило, котораго никогда не должно выпускать изъ мыслей» **). Но стремленіе къ наибольшему благу людей не должно находиться въ противорѣчіи съ собственнымъ благомъ человѣка. «Главное дѣло человѣка: пріобрѣсть способность быть счастливымъ». Но въ чемъ же личное счастье? «Быть счастливымъ есть мыслить. Въ мысляхъ заключаются всѣ наши наслажденія. Онѣ возвышаютъ, украшаютъ душу». Даже другъ и жена—только помощники въ достиженіи этой «внутренней душевной возвышенности», которая является для Жуковскаго прообразомъ загробнаго блаженства.

Самообразованіе и выработка міросозерцанія идутъ у Жуковскаго на ряду съ мечтами о матеріальномъ устроеніи своей жизни. Отецъ не оставилъ ему никакого наслѣдства, если не считать семьи дворовыхъ, которые живутъ на волѣ и не думаютъ платить барину оброка. Капиталъ, составленный для него Буниной изъ наслѣдства своихъ дочерей, и литературный заработокъ не въ состояніи избавить поэта отъ необходимости проживать у разныхъ «благодѣтелей». Служить онъ не хочетъ, потому что на низшихъ ступеняхъ административной лѣстницы онъ не желаетъ быть «орудіемъ чужой воли», а для высшихъ ступеней, съ которыми связана возможность дѣлать добро, «онъ не находитъ въ себѣ способностей публичнаго человѣка». По примѣру Карамзина,

*) Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу напечатаны въ приложеніи къ журналу «Русскій Архивъ» за 1895 г.

**) «Дневники» Жуковскаго напечатаны въ приложеніи къ журналу «Русская Старина» за 1901 и 1902 гг.

онъ желаетъ «спокойной, но дѣятельной жизни человѣка, упражняющагося въ наукахъ». Въ половинѣ 1805 года у нашего мечтателя складывается обширный планъ относительно будущаго. Онъ мечтаетъ отправиться на чужой счетъ вмѣстѣ съ Мерзляковымъ и Николаемъ Тургеневымъ за границу для продолженія своего образованія. Онъ думаетъ первый годъ учиться въ Геттингенѣ, другой годъ учиться въ Парижѣ, третій годъ путешествовать по Европѣ. По возвращеніи въ теченіе четырехъ лѣтъ онъ будетъ издавать журналъ, чтобы расплатиться съ долгами, а затѣмъ посвятитъ себя совершенно литературѣ, сколотитъ «двадцатитысячный капиталъ», чтобы имѣть «вѣрный доходъ по тысячѣ рублей въ годъ», и будетъ вести «спокойную, невинную жизнь», заниматься чтеніемъ и садоводствомъ и находить отдохновеніе въ обществѣ «вѣрнаго друга или вѣрной жены». Черезъ восемь дней послѣ того, какъ въ дневникѣ Жуковскаго былъ начертанъ этотъ буржуазно-идиллическій идеалъ счастья, онъ подыскалъ себѣ и будущую «вѣрную жену» въ лицѣ своей двѣнадцатилѣтней племянницы Маши Протасовой. «Я былъ бы съ нею счастливъ,—мечтаетъ Жуковскій,—она умна, чувствительна, она узнала бы цѣну семейственнаго счастья и не захотѣла бы свѣтской разсѣянности... Моя первѣйшая цѣль есть наслажденіе семейственною жизнью».

Мечты Жуковскаго о заграничномъ путешествіи не осуществляются. Вслѣдъ за Протасовыми онъ переѣзжаетъ въ Бѣлевъ и отдается образованію своихъ племянницъ. Этотъ первый опытъ своихъ педагогическихъ занятій Жуковскій начинаетъ съ довольно обширной программой, куда входятъ теологія, этика, философія, исторія, грамматика, риторика, эстетика, словесность, русская и иностранная, и даже воспитаніе. Между прочимъ, Жуковскій предполагаетъ ознакомить своихъ ученицъ въ строгой системѣ съ лучшими писателями древними и новыми. Но исполненіе такой обширной программы оказывается Жуковскому не по силамъ. Уже въ первые мѣсяцы своихъ педагогическихъ занятій съ племянницами онъ дѣлаетъ печальное открытіе: «ученье мнѣ теперь всего нужнѣе, потому что я совсѣмъ ничего не знаю». А въ концѣ 1806 года онъ появляется уже въ Москвѣ съ намѣреніемъ «цѣлый годъ посвятить порядочному ученію, пройти исторію и философію и потомъ уже, имѣя основательныя знанія, приняться за что-нибудь важное и полезное». Но патріотическое воодушевленіе общества, вызванное первой неудачей въ борьбѣ съ Наполеономъ, мѣшаетъ учебнымъ занятіямъ Жуковскаго. Онъ считаетъ своимъ долгомъ служить отечеству и мечтаетъ «втереться въ штатъ какого-нибудь изъ главнокомандующихъ областныхъ для письменныхъ дѣлъ». Онъ не прочь даже «идти во фрунтъ», если это окажется необходимымъ. Отъ поступленія въ милицію Жуковскаго отговорили. Между прочимъ, родная мать поэта написала ему: «ты

совсѣмъ неспособенъ къ военной службѣ и гораздо болѣе можешь быть полезенъ отечеству, избравъ другой родъ службы».

Заплативъ патріотическому воодушевленію «лепту вдовицы» въ видѣ «Пѣсни барда надъ гробомъ славянъ побѣдителей», Жуковскій, по совѣту матери, обращаетъ взоры на гражданскую службу, тѣмъ болѣе, что ему надоѣло уже «ходить въ Блудова сюртукѣ и жилетѣ и ѣсть слоеные пироги», вмѣсто нормальнаго обѣда. Онъ мечтаетъ при помощи друзей найти такую службу, которая обезпечивала бы ему необходимыя средства для существованія и въ то же время не мѣшала бы заниматься и самообразованіемъ. Онъ мечтаетъ и о мѣстѣ библіотекаря, и о мѣстѣ «директора» какого-нибудь училища въ Москвѣ, и даже о поступленіи въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Всѣ эти мечты оканчиваются въ половинѣ 1807 года, когда Жуковскій рѣшается взять на себя редактированіе «Вѣстника Европы».

Неопредѣленность житейскаго положенія и выработка міросозерцанія, связанная съ религіозными сомнѣніями, крайне неблагопріятно отражается на душевномъ настроеніи Жуковскаго. Часто онъ чувствуетъ себя недовольнымъ, неспокойнымъ, лишеннымъ бодрости. Нерѣдко онъ переживаетъ минуты отчаянія. Онъ замѣчаетъ неблагопріятное вліяніе основныхъ свойствъ своей натуры, мечтательности и «священной меланхоліи», и старается отдѣлаться отъ нихъ или ослабить ихъ насколько возможно. Онъ хочетъ быть «энтузіастомъ по разсудку» и проситъ Тургенева прислать ему «какого-нибудь нѣмца-энтузіаста», «что-нибудь хорошее въ нѣмецкой философіи», которая «возвышаетъ душу, возбуждаетъ энтузіазмъ». Точно также Жуковскій сознаетъ, что «жить одними идеалами не годится», что «мечтательность сама по себѣ вредна и опасна», и считаетъ необходимымъ обуздывать порыва фантазіи «здравою опытною философіею». Переводъ «Донъ-Кихота» и чтеніе романа Виланда, «Агатонъ», оказываютъ въ этомъ отношеніи сильное вліяніе на Жуковскаго.

Въ переводѣ знаменитыхъ похожденій рыцаря Печальнаго Образа Жуковскій не только находитъ лекарство противъ своей мечтательности, но и даетъ выходъ тому запасу ироніи и юмора, которые по временамъ брали верхъ надъ его «меланхоліей» и впослѣдствіи доходили даже до буфонства, напримѣръ, въ протоколахъ Арзамаса и въ нѣкоторыхъ письмахъ. Впослѣдствіи онъ находитъ даже страннымъ, что многіе считаютъ его «поэтомъ унынія», тогда какъ онъ «очень склоненъ къ веселости, шутливости и даже каррикатурѣ». Указанныя черты характера Жуковскаго, помимо перевода «Донъ-Кихота», проявились и въ переводѣ басенъ Флоріана и Лафонтена, и въ цѣломъ рядѣ эпиграммъ и сатирическихъ эпитафій, относящихся къ 1806 году и не чуждыхъ иногда гражданскихъ мотивовъ.

Къ сожалѣнію, обстоятельства личной жизни и литературныя вліянія не благопріятствовали развитію въ Жуковскомъ только что указанной

стороны его таланта, и его эпиграммы кажутся даже неумѣстными среди такихъ торжественныхъ, патріотическихъ и воинственныхъ произведеній, какъ «Пѣснь барда надъ гробомъ славянъ побѣдителей», и такихъ сентиментально-меланхолическихъ стихотвореній, какъ «Вечеръ» и «Къ Филалету», гдѣ передъ нами является знакомый намъ «уединенный пѣвецъ», которому

...рокъ судилъ брести невѣдомой стезей,
Быть другомъ мирныхъ селъ, любить красы природы...
Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать—

и для котораго «кончины сладкій часъ любимою мечтою становится».

Все это знакомыя намъ мечты раннихъ произведеній Жуковскаго; новаго въ стихотвореніяхъ разсматриваемаго періода одна только *любовь*, которую нашъ поэтъ изгналъ даже изъ «Сельскаго кладбища» и которая, впервые появившись въ переводахъ романсовъ Сервантеса (въ «Донъ-Кихотѣ»), въ 1806 году, подъ вліяніемъ нѣжнаго чувства къ Машѣ Протасовой, дѣлается для Жуковскаго «счастіемъ, благостью и геніемъ». Этому же нѣжному чувству Жуковскаго къ его юной племянницѣ обязаны мы и первыми переводами изъ Шиллера. Но и любовь не спасаетъ Жуковскаго отъ меланхоліи, которая съ такою силою выливается въ посланіи «къ Филалету» (А. И. Тургеневу), напоминающемъ нѣкоторыми стихами знаменитую элегію Пушкина «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ». Вотъ какія признанія дѣлаетъ Жуковскій другу о своемъ душевномъ настроеніи въ 1807 году:

...Кончины сладкій часъ
Моей любимою мечтою становится;
Унылость тихая въ душѣ моей хранится;
Во всемъ внимаю я знакомый смерти гласъ...
Повсюду вѣстники могилы предо мной...
Внимаю ли рогамъ пастушьимъ за горой,
Иль вѣтра горнаго въ дубравѣ трепетанью,
Иль тихому ручья въ кустарникѣ журчанью,
Смотрю-ль въ туманну даль вечернею порой,
Къ клавиру-ль преклонясь, гармоніи внимаю—
Во всемъ печальныхъ дней конецъ воображаю...

Объясненіемъ такого унынія и стремленія къ замогильному покою является вся жизнь поэта.

Къ младенчеству-ль душа прискорбная летитъ,
Считаю-ль радости минувшаго—какъ мало!
Нѣтъ! счастье къ бытію меня не пріучало;
Мой юношескій цвѣтъ безъ запаха отцвѣлъ;
Едва въ душѣ своей для дружбы я созрѣлъ—
И что же!.. предо мной увядшаго могила.
Душа, не воспылавъ, свой пламень угасила.
Любовь... но я въ любви нашелъ одну мечту,
Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья,
И невозвратное надеждъ уничтоженье.

III.

Въ 1808 году осуществляется мечта Жуковскаго издавать журналъ: онъ дѣлается редакторомъ основаннаго Карамзинымъ «Вѣстника Европы». Въ качествѣ profession de foi онъ печатаетъ «Письмо изъ уѣзда», гдѣ распространяется о громадной пользѣ чтенія вообще и чтенія хорошихъ журналовъ въ частности. Хорошій журналъ, по мнѣнію Жуковскаго, полезнѣе хорошей книги, потому что книга дѣйствуетъ медленно и на немногихъ людей, а «хорошій журналъ дѣйствуетъ *вдругъ* и на многихъ» и такимъ образомъ скорѣе книги распространяетъ полезныя идеи и подготовляетъ читателей къ усвоенію философіи и поэзіи. Результаты вліянія хорошихъ журналовъ на русскую публику Жуковскій рисуетъ самыми привлекательными красками. «Охота читать книги—очищенная, образованная—сдѣлается общею; просвѣщеніе исправитъ понятія о жизни, о счастіи; лучшая, болѣе благородная дѣятельность оживитъ умы... Съ успѣхами образованности, состоянія должны придти въ равновѣсіе... Одинакія понятія о наслажденіяхъ жизни соединятъ чертоги и хижины... Понятія о супружествѣ очистятся; супружество не будетъ соединеніемъ однихъ приличій, но радостнымъ, нераздѣльнымъ товариществомъ на пути къ счастію, въ единомъ дѣятельномъ исканіи совершенства... Воспитанію—высокой, пренебреженной обязанности человѣка въ священномъ званіи отца, обязанности, сближающей его съ Творцомъ, который и счастіемъ, и несчастіемъ воспитываетъ человѣческій родъ — воспитанію возвратятся отнятыя права» и т. д.

Первымъ достоинствомъ журнала Жуковскій считаетъ «разнообразіе» и съ первой же книжки задается цѣлью «собирать, не давая отчета, ученую подать со всѣхъ временъ и народовъ», руководствуясь единственнымъ требованіямъ: «удовольствія и удовольствія, занятія благороднаго и не пустого». Поэзія и мораль составляютъ главное содержаніе «Вѣстника Европы», политика же играетъ въ немъ второстепенную роль, а критика на первыхъ порахъ совершенно изгоняется со страницъ журнала. «Критика и роскошь—пишетъ Жуковскій, почти буквально повторяя слова Карамзина,—дочери богатства; а мы еще не крезы въ литературѣ. Уроки морали ничто безъ опытовъ, и критика самая тонкая ничто безъ образцовъ... Восхищайся, подражай, будь остороженъ—въ этихъ трехъ словахъ заключена вся сущность критики». Но скоро программа журнала подвергается существеннымъ измѣненіямъ. Отдѣлъ политики съ сентября 1809 года изчезаетъ вовсе, зато является самостоятельный отдѣлъ критики. Самъ Жуковскій пишетъ руководящую статью, въ которой излагаетъ свои взгляды на критику, доказываетъ ея пользу и необходимость и указываетъ главныя условія хорошей критики. Теперь критика, по его мнѣнію, «Аріаднина нить разсудку и чувству» читателей, недостаточно подготовлен-

ныхъ для уразумѣнія красотъ изящнаго. Условія хорошей критики — безпристрастіе и «учтивость». «Думаю также,—прибавляетъ Жуковскій,—что, разбирая произведенія изящныя, онъ (критикъ) долженъ болѣе останавливаться на красотахъ, нежели на погрѣшностяхъ». При такомъ направленіи критики, по мнѣнію Жуковскаго, даже «разсматриваніе вздорныхъ книгъ» можетъ послужить «приготовленіемъ къ хорошему». Званіе критика «весьма важное и весьма трудное». Истинный критикъ долженъ быть одаренъ отъ природы глубокимъ и тонкимъ чувствомъ изящнаго, проницательнымъ и вѣрнымъ умомъ. Онъ долженъ знать всѣ правила словеснаго искусства, долженъ быть знакомъ съ превосходнѣйшими образцами словесности и имѣть въ душѣ «собственный идеалъ совершенства, такъ сказать, составленный изъ всѣхъ красотъ, замѣченныхъ имъ въ произведеніяхъ изящнаго, идеалъ, съ которымъ онъ сравниваетъ всякое новое произведеніе художника». А такъ какъ искусство—подражаніе природѣ, то истинный критикъ долженъ быть знакомъ съ природой. Кромѣ того «истинный критикъ долженъ быть и моралистъ-философъ... Онъ долженъ быть и самъ *морально-добрымъ* (курсивъ Жуковскаго) или, по крайней мѣрѣ, имѣть въ душѣ своей рѣшительное расположеніе къ добру, ибо доброта моральная... служитъ основаніемъ чувству изящнаго».

Уже изъ этой руководящей статьи можно видѣть, какіе устарѣлые взгляды исповѣдуетъ Жуковскій въ эпоху изданія «Вѣстника Европы». Передъ нами вѣрный ученикъ Лагарпа, поклонника ложно-классицизма, и Зульцера, положившаго въ основаніе своей «Теоріи изящныхъ искусствъ» принципъ нравственной пользы поэзіи, принципъ, усвоенный Жуковскимъ на всю жизнь. Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ того, какъ Лессингъ въ «Гамбургской драматургіи» нанесъ французской псевдоклассической трагедіи смертельный ударъ и далъ новую теорію драмы, Жуковскій считаетъ Лагарпа лучшимъ знатокомъ теоріи драматическаго искусства. Неудивительно, что имѣя такого руководителя, Жуковскій холодно относится къ Шекспиру и отдаетъ предпочтеніе французскимъ трагикамъ Корнелю, Расину, Вольтеру.

Отсталость Жуковскаго отъ литературнаго движенія на западѣ, столь обычная для ученическаго періода русской литературы, ясно выразилась также и въ выборѣ той «ученой подати со всѣхъ временъ и народовъ», которая составляетъ преобладающее содержаніе «Вѣстника Европы». Рядомъ съ Руссо, которымъ Жуковскій одно время сильно увлекался, рядомъ съ Шиллеромъ, который занялъ въ его сердцѣ мѣсто женевскаго мечтателя, рядомъ съ Виландомъ и Шатобріаномъ мы находимъ въ «Вѣстникѣ Европы» такихъ писателей, какъ Энгель, осмѣянный романтиками, какъ Меркель, извѣстный своей враждой къ Гёте, какъ пресловутый Коцебу и даже Жанлисъ.

Въ стихотворныхъ переводахъ Жуковскій въ большей степени, чѣмъ въ прозаическихъ, является поклонникомъ новаго направленія въ нѣ-

мецкой поэзіи. Но и тамъ на ряду съ переводами и передѣлками стихотвореній Гёте и Шиллера, который надолго дѣлается любимымъ поэтомъ Жуковскаго, мы встрѣчаемъ сентиментальныя произведенія Томсона, Маттисона, Мильвуа и др. Въ это же время появляются и первыя баллады Жуковскаго: «Людмила»—передѣлка знаменитой въ исторіи романтизма «Леноры» Бюргера, «Кассандра» и «Ивиковы журавли» Шиллера, «Громобой» съ сюжетомъ, заимствованнымъ изъ романа Шписа, и наконецъ, уже въ 1811 году, знаменитая «Свѣтлана», представляющая по сравненію съ «Людмилой» еще болѣе смягченную передѣлку «Леноры». И у сентиментальныхъ поэтовъ, и у предшественниковъ нѣмецкаго романтизма Жуковскій беретъ только то, что соотвѣтствуетъ его душевному настроенію и нравственнымъ убѣжденіямъ, не останавливаясь, въ угоду своимъ одностороннимъ литературнымъ вкусамъ, даже передъ передѣлкой и искаженіемъ иностраннаго образца. Неудивительно, поэтому, что не только въ оригинальныхъ, но въ переводныхъ произведеніяхъ Жуковскаго, относящихся къ 1808—1810 годамъ, мы находимъ всѣ его любимыя идеи и понятія. Тутъ и вѣра—вожатый «въ таинственный край чудесъ», и благодатная надежда—«причина всѣхъ добрыхъ дѣлъ, источникъ всего великаго», и покорность Провидѣнію, и спасительность раскаянія, и скорбь—«Создателя посланье», и могила—«вѣрный путь къ покою», и смерть—«лучшій жизни свѣтъ», и свиданіе за гробомъ, и безсмертіе — «нашъ удѣлъ». Господствующимъ же мотивомъ въ поэзіи Жуковскаго за указанный періодъ является любовь къ Маріѣ Андреевнѣ Протасовой, которой онъ посвящаетъ цѣлый рядъ самыхъ страстныхъ посланій, заимствуя языкъ любви у Шиллера. Вліяніе любовнаго увлеченія отражается и на прозаическихъ сочиненіяхъ Жуковскаго. Даже сентиментальныя повѣсти, напечатанныя Жуковскимъ въ «Вѣстникѣ Европы», получаютъ особый смыслъ, если принять во вниманіе, что онѣ вышли изъ подъ пера человѣка, руководившаго воспитаніемъ двухъ дѣвушекъ, на одну изъ которыхъ онъ смотрѣлъ, какъ на свою будущею жену. Сказка «Три пояса» должна была показать ученицѣ Жуковскаго, что въ скромности заключены красота и всѣ таланты женщины. Въ повѣсти «Марьина роща» Марья Андреевна должна была увидѣть, что если она забудетъ своего скромнаго пѣвца и прельстится богатствомъ и знатностью какого нибудь Рогдая, то въ этомъ бракѣ не найдетъ счастья.

Въ общемъ, настроеніе Жуковскаго, въ эпоху изданія имъ «Вѣстника Европы», довольно мрачное. Ни полезная дѣятельность, ни страстная любовь, ни вѣра въ Провидѣніе не спасаютъ его отъ меланхоліи и отъ мысли о смерти, которая, какъ ему кажется, готова раскрыть для него свои объятія. Своей старой знакомкѣ—меланхоліи онъ посвящаетъ цѣлое разсужденіе, гдѣ доказываетъ, что «даже счастье любви есть наслажденіе меланхолическое». Свои излюбленныя мысли о смерти онъ вставляетъ даже въ статьи объ игрѣ актрисы Жоржъ.

«Мысль о смерти—говорится по поводу представленія «Федры»,—мысль трогательная для того, кто въ жизни видитъ одно страданіе и потерялъ всѣ надежды, ибо она (т.-е. смерть) представляетъ ему тихое убѣжище».

При такомъ могильномъ настроеніи Жуковскому, конечно, было не до обсужденія общественныхъ вопросовъ, занимавшихъ въ то время русскую журналистику. Но на одинъ изъ этихъ вопросовъ откликнулся и нашъ поэтъ. Въ 1809 году онъ печатаетъ статью «Печальное происшествіе», гдѣ разсказывается о несчастной дворовой дѣвушкѣ, получившей прекрасное воспитаніе и полюбившей прекраснаго молодого человѣка, но доставшейся старому развратнику. Жуковскій возстаетъ противъ обыкновенія русскихъ баръ давать своимъ крѣпостнымъ образованіе и не предоставлять имъ въ то же время личной свободы. «Такія благотворенія—говоритъ Жуковскій,—гибельны и по большей части бываютъ причиной одного разврата». «Человѣкъ зависимый, знакомый съ чувствами и понятіями людей независимыхъ, несчастливъ навѣки, если не будетъ дано ему благо, все превышающее—свобода!.. Просвѣщеніе должно возвышать человѣка въ собственныхъ его глазахъ—а что унизительнѣе рабства!»

Человѣкъ образованный не долженъ быть рабомъ—такова основная мысль Жуковскаго. Но для необразованнаго народа рабство, по примѣру Карамзина, допускается, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями. Въ 1806 году въ сборѣ ополченія противъ Наполеона Жуковскій видитъ «благопріятный случай для дарованія многихъ правъ крестьянству, которыя бы приблизили его *нѣсколько* къ свободному состоянію»; а въ 1808 году онъ является поборникомъ просвѣщенія закрѣпощеннаго народа. «Просвѣщеніе—по его мнѣнію—необходимо для человѣка во всякомъ состояніи, и можетъ быть благодѣтельно въ самой хижинѣ земледѣльца... Люди низкіе—ремесленники, земледѣльцы—должны быть до нѣкоторой степени образованы». Но «излишество образованія» Жуковскій считаетъ вреднымъ для простого народа и требуетъ для простолюдиновъ «ограниченнаго, приличнаго ихъ скромному жребію просвѣщенія, которое научило бы ихъ наслаждаться жизнью въ томъ самомъ кругу, въ которомъ помѣщены они судьбою, и наслаждаться достойнымъ человѣчества образомъ». Онъ желаетъ даже, чтобы народъ, «по мѣрѣ распространенія понятій своихъ, болѣе и болѣе привязывался къ своему жребію, научался понимать его преимущества, ими наслаждаться или сносить несчастія, необходимо съ нимъ соединенныя: просвѣщеніе должно убѣдить его, что онъ можетъ быть счастливъ, можетъ быть человѣкомъ во всѣхъ состояніяхъ». Жуковскій даетъ даже и списокъ книгъ, желательныхъ для образованія народа въ указанномъ направленіи, столь любезномъ сердцу тогдашнихъ крѣпостниковъ. Въ этотъ списокъ входятъ катехизисъ морали, общія понятія «о натурѣ», руководство для сохраненія здоровья, «энциклопедія ремесленниковъ и зем-

ледѣльцевъ» и кромѣ того, въ дополненіе къ катехизису, повѣсти и сказки, «которыхъ герои были бы взяты изъ состоянія низкаго», и «народныя стихотворенія, въ которыхъ воображеніе поэта украсило бы природу, непривлекательную для грубыхъ очей простолюдина». Историческія же сочиненія Жуковскій считаетъ для народа излишними, потому что тамъ говорится о происшествіяхъ, «въ которыхъ ему не свойственно принимать участія»; а романы онъ считаетъ даже вредными, потому что они переносятъ воображеніе простолюдина въ совершенно иной міръ. Для составленія указанныхъ книгъ Жуковскій проектируетъ даже особую академію «для просвѣщенія простолюдиновъ».

Такой проектъ образованія народа, съ цѣлью привязать его къ своему жребію, могъ составить только человѣкъ, убѣжденный въ необходимости существованія крѣпостного права. Такимъ крѣпостникомъ и былъ Жуковскій въ эпоху изданія «Вѣстника Европы». Извѣстно, что въ 1809 году онъ старается удержать за собою семью дворовыхъ, доставшихся ему отъ Бунина. Когда тѣ стали искать свободы посредствомъ суда, Жуковскій не только не призналъ за своими крѣпостными права на «высшее благо», но обратился даже къ тульскому полицеймейстеру съ просьбой похлопотать, чтобы просьба, поданная дворовыми въ судъ, «не пошла въ дѣло». Извѣстно также, что книгопродавецъ Поповъ купилъ на имя Жуковскаго семью крѣпостныхъ людей. Только въ 1822 году, послѣ перваго заграничнаго путешествія, поэтъ сознаетъ неприличіе быть душевладѣльцемъ и постарался избавиться отъ «крещеной собственности».

IV.

Въ качествѣ руководителя «Вѣстника Европы», Жуковскій не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ. Точно такъ же и собственная мечта поэта—сколотить путемъ изданія журнала капиталецъ—остается неосуществленной. Журналъ не имѣлъ успѣха, и самъ Жуковскій въ 1810 году сознается, что «Вѣстникъ Европы»—«весьма худой журналъ», а впослѣдствіи называетъ себя «жалкимъ издателемъ» этого журнала. Чуждый самообольщенія, поэтъ сознаетъ и главную причину неуспѣха своей дѣятельности въ качествѣ журналиста. «Не знавши азбука,—пишетъ онъ Тургеневу въ концѣ 1810 года,—я принялся за авторство; но авторство мое увѣрило меня, что надобно приняться за азбуку». «Я невѣжда,—продолжаетъ Жуковскій,—во всей обширности этого слова. Теперь главная мысль моя: надобно учиться и потомъ писать».

Жуковскій покидаетъ Москву и снова переселяется въ Бѣлевъ, гдѣ опять принимается за самообразованіе. Его письма къ Тургеневу наполняются просьбами о книгахъ, подобно письмамъ Пушкина изъ села Михайловскаго. Главное вниманіе поэта сначала обращено на исторію.

«Исторія,—пишетъ онъ Тургеневу,—изъ всѣхъ наукъ самая важнѣйшая; важнѣе философіи, ибо въ ней заключена лучшая философія, т.-е. практическая, слѣдовательно, полезная. Для литератора и поэта исторія необходимѣе всякой другой науки: она возвышаетъ душу, расширяетъ понятіе и предохраняетъ отъ излишней мечтательности, обращая умъ на существенное». Для ознакомленія со всеобщей исторіей Жуковскій хочетъ «прочитать всѣхъ классиковъ-историковъ», а русскую исторію онъ хочетъ изучать по источникамъ. Въ частности, русская исторія нужна ему для того, чтобы написать романтическую поэму «Владиміръ». Онъ хочетъ имѣть «основательное понятіе о древности славянской и русской» и, по указанію Карамзина, погружается въ русскія и иностранныя сочиненія о Россіи и о славянахъ, а также и въ памятники древне-русской письменности. Кромѣ того, онъ считаетъ необходимымъ, въ качествѣ подготовительной работы для своей поэмы, прочитать цѣлый рядъ лучшихъ произведеній иностранной литературы, въ томъ числѣ Гомера, Вергилія, Овидія, Аріосто, Тасса, Камоэнса, Мильтона, Шекспира, Вальтера-Скотта, Оссіана, Эдду, «Пѣснь о Нибелунгахъ». Произведенія древнихъ классиковъ Жуковскій желаетъ прочитать въ подлинникахъ и очень жалѣетъ, что греческій и латинскій языки ему неизвѣстны. Уже въ сентябрѣ 1810 года онъ принимается за латинскія вокабулы и «съ восхищеніемъ» мечтаетъ о греческомъ языкѣ, который считаетъ «необходимымъ для усовершенствованія русскаго».

Осуществленіе такой обширной программы самообразованія и не прекратившееся совершенно сотрудничество въ «Вѣстникѣ Европы» требуютъ отъ Жуковскаго массы времени и труда. Но на первыхъ порахъ онъ не унываетъ. У него сердце обливается кровью при мысли, «сколько погибло драгоцѣннаго времени по пустякамъ». Трудолюбіемъ и прилежаніемъ онъ хочетъ наверстать потерянное время. Теперь у него всякая минута занята. Онъ неоднократно повторяетъ «золотое правило» любимаго своего историка Іоганна Миллера: «постоянство и твердость могутъ быть достигнуты лишь тогда, когда все наше время будетъ распредѣлено такъ же правильно, какъ въ монастырѣ». Этого правила онъ хочетъ держаться во что бы то ни стало; онъ дѣлается «рабомъ своего нѣмецкаго порядка», и даже «восхищенію стихотворному» назначенъ у него особый часъ. Дѣятельность и дружба теперь для него «ангелы хранители». Даже любовь къ Машѣ, по собственному заявленію Жуковскаго, «уступила трудолюбію». Эту любовь теперь онъ считаетъ главной причиной своей прежней бездѣятельности и лѣни. Какъ разъ въ это время онъ переводитъ и знаменитое стихотвореніе Шиллера «Die Ideale» (у Жуковскаго «Мечты»), въ которомъ онъ находитъ отраженіе собственнаго душевнаго настроенія. И для нашего поэта надежда оказалась «обольстителемъ неопытной души», а «красоты прежнихъ призраковъ» сдѣлались «добычей истины унылой».

И Жуковскій, подобно Шиллеру, находитъ единственное утѣшеніе въ трудѣ и дружбѣ.

Увлеченный трудомъ самообразованія, Жуковскій чувствуетъ себя совершенно счастливымъ: въ работѣ онъ видитъ и средство къ счастью и самое счастье. Одно только обстоятельство нарушаетъ блаженное состояніе его души—матеріальная необезпеченность. Послѣ передачи журнала Каченовскому Жуковскій опять начинаетъ мечтать о службѣ, которая давала бы ему необходимое матеріальное обезпеченіе и въ то же время не мѣшала бы его литературнымъ занятіямъ. «Совѣтую вамъ, добрые друзья мои, Миллеръ-Тургеневъ и Лагарпъ-Блудовъ,—пишетъ Жуковскій въ декабрѣ 1810 года,—составить между собою академію дружбы, которой цѣль должна быть: изысканіе статистическое, филологическое и микроскопическое способовъ доставить вашему Жуковскому вѣрное состояніе... Вы сдѣлаете пользу мнѣ, а я—я буду полезенъ цѣлой Россіи. Говорю это не шутя, ибо я могу быть и буду хорошимъ писателемъ». Дѣятельность «академіи дружбы» не осталась безъ послѣдствій, и въ началѣ слѣдующаго года Жуковскій получаетъ отъ тогдашняго попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа, Уварова, приглашеніе занять мѣсто профессора въ педагогическомъ институтѣ, который уже давно предполагалось преобразовать въ университетъ. Къ чести Жуковскаго, надо сказать, что онъ отказывается отъ профессорскаго мѣста, потому что чувствуетъ себя неподготовленнымъ къ этому званію, и проситъ попечителя дать ему «время, нужное для приготовительнаго, ученическаго труда».

Но Жуковскому не суждено было сдѣлаться профессоромъ. Важныя перемѣны въ его личной жизни отвлекаютъ его вниманіе совершенно въ другую сторону. Въ маѣ мѣсяцѣ 1811 года умираетъ Бунина, а вслѣдъ за ней сходитъ въ могилу и родная мать Жуковскаго. Осиротѣвшій поэтъ снова покидаетъ Москву, куда онъ переселился съ матерью незадолго до ея смерти, и мы видимъ его въ Муратовѣ—имѣніи Протасовой. Тамъ въ сердцѣ Жуковскаго съ новой силой вспыхиваетъ любовь къ Машѣ, и онъ рѣшается даже просить руки своей племянницы, но получаетъ суровый отказъ, мотивированный близкимъ родствомъ. Подъ впечатлѣніемъ этого отказа Жуковскій пишетъ стихотвореніе «Пловецъ». Единственная звѣздочка, которая свѣтила поэту, занесенному «вихремъ бѣдствія... въ океанъ неисходимый», теперь исчезла: «якорь былъ—и тотъ пропалъ». Поэтъ уже «ропталъ, унывъ душой», но Провидѣніе явилось его кормщикомъ и показало ему вдали «райскую обитель». «Скорбный ропотъ» поэта утихъ, и онъ желаетъ всякаго счастья своей сестрѣ и племянницамъ.

О судьба! одно желанье:
Дай всѣ блага имъ вкусить;
Пусть имъ радость—мнѣ страданье;
Но... не дай ихъ пережить.

Неудачное сватовство, гнѣвъ Протасовой, усмотрѣвшей въ «Пловцѣ» нарушеніе Жуковскимъ обѣщанія не говорить никому о своей любви, наконецъ, патріотическое воодушевленіе 1812 года приводятъ нашего поэта въ ополченіе. Онъ слышитъ «дьявольскую канонаду» при Бородинѣ, стоя въ резервѣ,—составляетъ для Скобелева дѣловыя бумаги, приводившія въ восхищеніе Кутузова, пишетъ воинственно-патріотическаго «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ», куда не забываетъ вставить излюбленныя мысли о безсмертіи, Провидѣніи, любви и дружбѣ,—пишетъ даже вакхическую пѣсню, достойную пера Дениса Давыдова, наконецъ подъ Краснымъ заболѣваетъ горячкой и по выздоровленіи, въ самомъ началѣ 1813 года, является опять на родину. «Гроза двѣнадцатаго года» не разсѣяла любовнаго увлеченія Жуковскаго. Даже въ «Пѣвца» онъ вставляетъ автобіографическое признаніе:

Ахъ! мысль о той, кто все для насъ,
Намъ спутникъ неизмѣнный;
Вездѣ знакомый слышимъ гласъ,
Зримъ образъ-незабвенный;
Она на бранныхъ знаменахъ,
Она въ пылу сраженья,
И въ шумѣ стана, и въ мечтахъ
Веселыхъ сновидѣнья.

Между тѣмъ, сватовство Жуковскаго и отказъ матери сдѣлались извѣстны Марьѣ Андреевнѣ, и извѣстіе это такъ поразило бѣдную дѣвушку, что она опасно захворала. Причина болѣзни не осталась тайной для поэта, и теперь для него начинается періодъ «борьбы за счастье». Теперь прежнее самоотреченіе кажется ему неумѣстнымъ, потому что дѣло идетъ не объ одномъ его счастьѣ, но и о счастьѣ Маши, которая для него дороже всего на свѣтѣ и для счастья которой онъ готовъ на всевозможныя жертвы. Такъ какъ Екатерина Аѳанасьевна Протасова главной причиной своего несогласія выставила близкое родство, то Жуковскій обращается къ своему «благодѣтелю» Лопухину за разрѣшеніемъ этого вопроса. Лопухинъ одобряетъ намѣреніе Жуковскаго, благословляетъ его и говоритъ, что съ религіозной точки зрѣнія онъ не видитъ никакихъ препятствій къ его счастью. Послѣ бесѣды съ Лопухинымъ семейное счастье кажется Жуковскому близкимъ и возможнымъ. Онъ видитъ впереди «новую жизнь» съ «ангеломъ Машей», которая для него «вѣра, источникъ всякаго добра, освѣтитель всякаго счастья».

Къ сожалѣнію, восторженное настроеніе Жуковскаго проходитъ очень скоро. «Благословенія» Лопухина было недостаточно, надо было уговорить еще Екатерину Аѳанасьевну. Чтобы сломить упорство своей сестры, Жуковскій обращается къ посредству своихъ племянницъ Арбеневой и Свѣчиной, расписываетъ имъ все свое счастье въ случаѣ женитьбы на Машѣ и все свое отчаяніе въ случаѣ новаго отказа со

стороны ея матери. Но, сверхъ всякаго ожиданія, въ племянницахъ, къ которымъ Жуковскій обратился за содѣйствіемъ, онъ нашелъ не пособницъ, а противницъ своему счастью. Во имя Бога, во имя Христа, во имя истинной вѣры ему отказываютъ въ томъ счастьѣ, которое и онъ самъ и его авторитеты считали законнымъ. Кроткій Жуковскій выходитъ изъ себя, и изъ-подъ его пера вырываются рѣзкія діатрибы и противъ религіи, зараженной суевѣріями, и противъ лицъ, исповѣдующихъ ея букву. «Я сунулся было—пишетъ онъ своей племянницѣ Кирѣевской (впослѣдствіи Елагиной),—просить дружбы тамъ, гдѣ было одно притворство, и меня встрѣтило предательство со всѣмъ своимъ отвратительнымъ безобразіемъ... И эти люди называютъ себя христіанами... Что это за религія, которая учитъ предательству и вымораживаетъ изъ души всякое состраданіе!» *).

Въ это время Жуковскій переживаетъ страшныя минуты отчаянія, въ которыя его оставляетъ даже вѣра въ Провидѣніе. «Теперешнее мое бытіе,—признается онъ Кирѣевской въ письмѣ отъ 5-го мая 1814 года,—для меня такъ тяжело, какъ самое ужасное бѣдствіе. Для меня было бы величайшимъ наслажденіемъ попасть въ горячку, въ чахотку или что-нибудь подобное и увидѣть вдругъ вблизи прелестный край чудесъ. Вы показываете на вѣчность. О, вѣчность прекрасная бездна! да только бы поскорѣе»!

Но отчаяніе это было непродолжительно. Черезъ мѣсяцъ послѣ приведенныхъ признаній Жуковскій уже значительно успокаивается. Онъ уже хочетъ «быть выше судьбы своей» и «свободно презирать и несправедливости, и кровожадное суевѣріе, и эгоизмъ, украшенный маской добродушія». Онъ предаетъ анаѳемѣ отчаяніе, какъ нѣчто низкое и преступное. Теперь онъ находитъ, «много, много хорошаго въ жизни и безъ счастья». Жизнь безъ счастья кажется ему даже «чѣмъ-то священнымъ и величественнымъ», а на несчастье онъ опять смотритъ, какъ на средство почувствовать себя «близкимъ къ Творцу и Провидѣнію», какъ на «случай быть лучшимъ», какъ на «способъ сдѣлать что-нибудь по сердцу Создателя». Главное, чтобы Маша была, если не счастлива, то по крайней мѣрѣ, спокойна. «Спокойствіе Маши,—говоритъ онъ Кирѣевской,—есть для меня самая лучшая драгоцѣнность—за него я готовъ отдать и то, что для меня всего важнѣе, мое мѣсто въ ея сердцѣ, ея ко мнѣ привязанность». Но до такого самоотреченія дѣло пока еще не дошло. Отказываться отъ любви Марьи Андреевны Жуковскому пока не было надобности. Если у его ученицы не хватило рѣшимости пренебречь предразсудками родственниковъ, то любить-то поэта она не побоялась ни матери, ни двоюродныхъ сестеръ своихъ. И любовь эта на время успокаиваетъ Жуковскаго.

---

*) Письма Жуковскаго къ Кирѣевской-Елагиной напечатаны въ журналѣ «Русская Старина» за 1883 г.

«До сихъ поръ,—пишетъ онъ Тургеневу 14-го сентября 1814 года,—геній, душа, сердце, все, все было въ грязи. Я не умѣю тебѣ описать того низкаго ничтожества, въ которомъ я барахтался. Благодаря одному ангелу... я опять подымаюсь, смотрю на жизнь другими глазами; хотя ничто не удалось и надежда на все, что радовало, пропала, но этотъ ангелъ мнѣ остался, и я еще *радуюсь* жизнью».

Въ это время младшая племянница Жуковскаго, Александра Андреевна Протасова, выходитъ замужъ за Воейкова, который получаетъ мѣсто профессора въ дерптскомъ университетѣ. Екатерина Аѳанасьевна тоже рѣшается со старшей дочерью переѣхать въ Дерптъ. Жуковскій также получаетъ позволеніе не разлучаться со своими бывшими ученицами. Онъ съ радостью принимаетъ это предложеніе въ надеждѣ, что въ будущемъ все устроится по его желанію. Особенно надѣется онъ на Воейкова, котораго въ сердечной простотѣ считаетъ своимъ другомъ. Но еще до переселенія въ Дерптъ Воейковъ, получившій профессуру благодаря стараніямъ Жуковскаго черезъ Тургенева, оказывается такимъ же предателемъ, какъ и Арбенева. Онъ не только не хлопочетъ въ пользу Жуковскаго, но еще вооружаетъ противъ него свою тещу, а Екатерина Аѳанасьевна и безъ того недовѣрчиво относится къ поэту. Жуковскій снова предается отчаянію.

Онъ не брезгаетъ никакими средствами, лишь бы была хотя тѣнь надежды на осуществленіе его счастья. Его «другъ и братъ» Тургеневъ играетъ видную роль при князя А. Н. Голицынѣ, а Голицынъ—оберъ-прокуроръ св. синода и «другъ царевъ». «*Натура и Богъ*,—пишетъ Жуковскій,—*не противятся этому браку* (курсивъ Жуковскаго)... Если бы могли это растолковать матери съ трона, если бы это было подтверждено какимъ-нибудь голосомъ, идущимъ изъ-подъ рясы, тогда бы она могла и сама согласиться, тѣмъ болѣе, что она не имѣетъ никакихъ ясныхъ и опредѣленныхъ понятій, а дѣйствуетъ по какому-то жестокому побужденію фанатизма». Но и самому Жуковскому это средство кажется «химерой сумасшедшаго». Онъ отлично знаетъ, что вынужденное согласіе матери не принесетъ счастья. А счастье и спокойствіе Маши для него дороже всего на свѣтѣ.

Не трудно догадаться, какую обильную пищу доставила меланхолической музѣ Жуковскаго его неудачная борьба за счастье. Онъ «скучаетъ бытіемъ и радъ бы нитъ его прервать». Онъ мечтаетъ о томъ, «съ какимъ презрѣньемъ» послѣ смерти онъ броситъ «взоръ на жизнь, на гнусный свѣтъ,

Гдѣ милое одинъ минутный цвѣтъ,
Гдѣ доброму слѣдовъ ко счастью нѣтъ,
Гдѣ мнѣніе надъ совѣстью властитель,
Гдѣ все... иль жертва, иль губитель!»

Въ разлукѣ съ Машей онъ возлагаетъ надежды на «лучшій міръ», гдѣ «мы любить свободны»:

Туда моя душа ужъ все перенесла,
Туда всечасное влечетъ меня желанье.

Въ переводныхъ произведеніяхъ Жуковскаго за этотъ періодъ, не исключая балладъ, сплошь и рядомъ является несчастная любовь. Достаточно напомнить баллады: «Пустынникъ», «Алина и Альсимъ», «Эльвина и Эдвинъ». Эту же несчастную любовь, причиною которой является сопротивленіе родителей, находимъ мы и въ «Эоловой арфѣ».

Убѣдившись въ любви Марьи Андреевны, Жуковскій нѣсколько успокаивается. Онъ даетъ «обѣтъ» быть достойнымъ ея «священной любви», онъ опять ищетъ успокоенія въ поэзіи и «благотворномъ трудѣ». Въ это время получаетъ свою поэтическую формулировку и та житейская философія Жуковскаго, въ которой онъ находитъ защиту отъ всѣхъ ударовъ судьбы. Устами грека Теона онъ заявляетъ въ концѣ 1814 года, что «и жизнь, и вселенная прекрасны», что «боги для счастья послали намъ жизнь». Правда, съ этою жизнью «печаль неразлучна», но земное блаженство «не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ мечтахъ», а въ такихъ «нетлѣнныхъ благахъ сердца», какъ «любовь и сладость возвышенныхъ мыслей». Этихъ же благъ не можетъ лишить человѣка ни смерть, ни разлука.

Отсюда—заключеніе:

Все въ жизни къ великому средство:
И горесть и радость—все къ цѣли одной,—

заключеніе, которое Жуковскій съ особенной любовью будетъ повторять до конца своихъ дней.

Эта успокоительная философія благопріятно отражается какъ на душевномъ состояніи Жуковскаго, такъ и на продуктивности его поэтическаго творчества, которому онъ ревностно отдается въ послѣдніе мѣсяцы 1814 года, во время пребыванія въ селѣ Долбинѣ, имѣніи Кирѣевской. Здѣсь онъ написалъ, по собственному признанію, «пропасть стиховъ, написалъ ихъ столько, сколько силы стихотворныя вынести могутъ». «Жизнь мнѣ измѣняетъ,—пишетъ Жуковскій Тургеневу въ объясненіе своего необычайнаго трудолюбія,—уцѣпился за безсмертіе. Я объ немъ думаю, какъ о любовницѣ». «Безсмертія» Жуковскій добивается не балладами, въ которыхъ главную роль играютъ или несчастная любовь, или черти и мертвецы, не посланіями къ друзьямъ, гдѣ проповѣдуется романтическое презрѣніе художника къ толпѣ, а такими патріотическими произведеніями, какъ посланіе «Императору Александру». Это тяжеловѣсное посланіе такъ же, какъ раньше «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ», обращаетъ на Жуковскаго вниманіе императрицы Маріи Ѳеодоровны и впослѣдствіи содѣйствуетъ сближенію его съ дворомъ, хотя самъ поэтъ, прославляя побѣдителя Наполеона, былъ чуждъ какихъ бы то ни было корыстныхъ разсчетовъ и даже просилъ, чтобы за посланіе ему не назначали никакой награды.

V.

Въ мартѣ 1815 года Жуковскій пріѣзжаетъ въ Дерптъ, чтобы на правахъ отца, брата и друга заботиться о счастьи Маши и заниматься въ тиши маленькаго нѣмецкаго городка самообразованіемъ и литературой. На первыхъ же порахъ онъ сближается съ нѣмецкими учеными и литераторами, знакомится съ университетской библіотекой, гдѣ находитъ «тьму пособій» и думаетъ отдаться созданію давно задуманной поэмы «Владиміръ». Но на первый разъ Жуковскому удается прожить въ «Ливонскихъ Аѳинахъ» очень не долго. Воейковъ своими оскорбленіями и Екатерина Аѳанасьевна своими подозрѣніями постарались выжить поэта изъ своего дома. Съ растерзаннымъ сердцемъ уѣзжаетъ Жуковскій въ Петербургъ, взявъ предварительно съ Маши клятву, что она не позволитъ жертвовать своимъ счастьемъ въ угоду матери. Лѣтомъ того же года Жуковскій еще разъ дѣлаетъ попытку войти въ семью своей сестры на правахъ брата, но опять терпитъ неудачу и опять съ отчаяніемъ въ сердцѣ уѣзжаетъ въ Петербургъ. Отчаяніе, по обыкновенію, скоро проходитъ подъ вліяніемъ спасительной философіи, которая совѣтуетъ поэту:

Не унывать, хотя и счастья нѣтъ,
Ждать въ тишинѣ и помнить Провидѣнье;
Прекрасному—текущее мгновенье;
Грядущее—безпечно небесамъ;
Что мрачно здѣсь, то будетъ ясно тамъ.

Если бы вмѣстѣ съ этой философіей у поэта оказалась и возможность «писать не заботясь о завтрашнемъ днѣ», то онъ совершенно успокоился бы, совершилъ бы путешествіе въ Кіевъ и въ Крымъ, ради «Владиміра», и поселился бы въ Долбинѣ, гдѣ отдался бы воспитанію сыновей своей племянницы (извѣстныхъ впослѣдствіи братьевъ Кирѣевскихъ) и «святой поэзіи, которая независима отъ близорукихъ судей и довольствуется сама собой». Ни вниманіе императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая приглашаетъ Жуковскаго въ Павловскъ для чтенія имъ своихъ произведеній, ни литературная полемика, вызванная комедіей князя Шаховскаго «Липецкія воды», гдѣ Жуковскій изображенъ въ видѣ жалкаго балладника Фіалкина, ни шутовскія засѣданія только что возникшаго «Арзамаса», гдѣ нашъ поэтъ ведетъ юмористическіе протоколы—ничто не притягиваетъ его къ Петербургу. Онъ жаждетъ только уединенія и возможности отдаться самодовлѣющей поэзіи.

Но вмѣсто идилліи судьба готовила Жуковскому развязку его сердечной драмы. Въ ноябрѣ 1815 года онъ получаетъ письмо, въ которомъ на первомъ мѣстѣ стояли слѣдующія строки, начертанныя рукою его Маши: «Мой милый безцѣнный другъ!.. Я у тебя прошу совѣта такъ, какъ у отца, прошу рѣшить меня на самый важный шагъ въ жизни; я съ тобой съ первымъ послѣ маменьки хочу говорить объ

этомъ и жду отъ тебя, отъ твоей ангельской души своего спокойствія, счастья и всего добраго... Я хочу выйти замужъ за Мойера» *).

Для Жуковскаго это письмо было ударомъ грома. Правда, онъ самъ совѣтовалъ Машѣ выйти замужъ, чтобы избавиться отъ Воейкова, но это былъ совѣтъ для отдаленнаго будущаго. Жуковскій былъ увѣренъ, что этотъ совѣтъ не будетъ исполненъ: Маша «тысячу разъ» ему говорила, что ей нужно только спокойствіе и любовь матери, что никакой перемѣны въ своемъ положеніи она не желаетъ и что если она когда-нибудь выйдетъ замужъ, то это будетъ съ ея стороны жертвой. И вдругъ Маша рѣшается выйти замужъ за человѣка, правда, очень прекраснаго, котораго самъ Жуковскій любитъ, уважаетъ и даже считаетъ способнымъ дать Машѣ счастье, и все-таки за такого человѣка, котораго она не успѣла еще хорошо узнать. Понятно, что Жуковскій не могъ смотрѣть на этотъ бракъ иначе, какъ на жертву со стороны Маши, жертву, приносимую ею для избавленія себя отъ Воейкова, для успокоенія своей матери и для примиренія ея съ братомъ. На такую жертву, приносимую, сверхъ того, по принужденію матери, какъ думалъ сначала Жуковскій, онъ согласиться не можетъ. Жуковскій не требуетъ, чтобы Мойеру было отказано, онъ проситъ и требуетъ только, чтобы Маша «употребила одинъ годъ на размышленіе... на то, чтобы старое (то-есть любовь ея къ Жуковскому) успѣло быть забыто и замѣнено новою привязанностью». Въ противномъ случаѣ всю жизнь его отравитъ мысль, что Машу принудили выйти замужъ изъ опасенія, что онъ, Жуковскій, когда-нибудь приведетъ въ исполненіе свое беззаконное, съ точки зрѣнія Екатерины Аѳанасьевны, намѣреніе и женится на родной племянницѣ.

Марья Андреевна пишетъ Жуковскому второе письмо, въ которомъ старается доказать, что никто не принуждаетъ ее къ замужеству, что она любитъ и уважаетъ Мойера и надѣется найти съ нимъ спокойную и независимую жизнь. Въ концѣ концовъ, Марья Андреевна во имя любви къ ней проситъ Жуковскаго не только не обусловливать своего согласія опредѣленнымъ срокомъ, но упросить и Воейкова, чтобы тотъ также не препятствовалъ ея счастью **). Теперь рушились послѣднія надежды Жуковскаго на счастье и рушились скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ, такъ какъ онъ никогда не могъ допустить и мысли, чтобы Марья Андреевна такъ скоро могла рѣшиться выйти замужъ по собственному желанію. Но счастье Маши выше всего. И Жуковскій ѣдетъ въ Дерптъ, чтобы разрѣшить всѣ свои сомнѣнія, и уже заранѣе рѣшается всѣми силами содѣйствовать замужеству любимой дѣвушки, если только она выходитъ по своей волѣ. «Богъ видитъ, — пишетъ

*) Мойеръ—профессоръ хирургіи въ Дерптѣ, учитель Пирогова.

**) Переписка Жуковскаго и М. А. Протасовой напечатана въ журналѣ «Русская Старина» за 1883 г.

онъ Кирѣевской, — что я желаю здѣсь только добра! Желанія мои чисты и безкорыстны».

Въ Дерптѣ откровенныя бесѣды съ Марьей Андреевной и Мойеромъ убѣждаютъ Жуковскаго, что всѣ его опасенія были напрасны. Онъ не измѣняетъ своему рѣшенію и переживаетъ прекрасныя минуты нравственнаго самоудовлетворенія. «Друзья, — пишетъ онъ своимъ долбинскимъ подругамъ,— какое иногда божественное чувство подымаетъ душу! и какъ весело его раздѣлить! Что передъ этимъ прекраснымъ чувствомъ всѣ эти маленькіе безобразные уродцы, которые называются желаніями для себя и которые иногда выскакиваютъ какъ пузыри и лопаются!.. Я вообще счастливъ; послѣднія три недѣли, проведенныя мною въ Дерптѣ, была самая богатая прекраснымъ чувствомъ эпоха въ жизни моей». Такимъ высокимъ самоотреченіемъ заканчивается самый драматическій эпизодъ въ біографіи Жуковскаго. Кроткая, прекрасная душа поэта нигдѣ не высказалась въ такомъ блескѣ своего нравственнаго величія, какъ въ исторіи его любви къ Марьѣ Андреевнѣ Протасовой.

Но далеко не всегда былъ счастливъ Жуковскій въ этотъ самый тяжелый годъ его жизни, когда «кроткая посланница небесъ», надежда, оказалась «пустымъ словомъ». Поэту больно было видѣть возрастающую привязанность Марьи Андреевны къ Мойеру, и какъ ни бодрится онъ въ своихъ письмахъ къ роднымъ, но въ бесѣдахъ со своимъ «неизмѣннымъ товарищемъ», поэзіей, онъ даетъ полную волю своему горю. Кровью сердца пишетъ Жуковскій въ это время такія произведенія, какъ «Воспоминаніе» и «Пѣсня», проникнутыя безотрадной грустью подъ вліяніемъ потери послѣднихъ надеждъ на счастье:

Прошли, прошли вы, дни очарованья,
Подобныхъ вамъ ужъ сердцу не нажить;
Вашъ слѣдъ въ одной тоскѣ воспоминанья;
Ахъ, лучше-бъ васъ совсѣмъ мнѣ позабыть;
Къ вамъ часто мчитъ привычное желанье—
И слезъ любви нѣтъ силъ остановить;
Несчастіе объ васъ воспоминанье,
Но болѣе несчастье—васъ забыть!
О, будь же, грусть, замѣной упованья;
Отрада намъ — о счастьи слезы лить;
Мнѣ умереть съ тоски воспоминанья!
Но можно-ль жить, увы, и позабыть?

Въ это же время переводитъ Жуковскій и такія характерныя для его душевнаго настроенія пьесы, какъ «Пѣсня бѣдняка» Уланда, «Утѣшеніе въ слезахъ» Гёте и стихотвореніе послѣдняго:

Кто слезъ на хлѣбъ свой не ронялъ,
Кто близъ одра, какъ близъ могилы,
Въ ночи безсонной не рыдалъ,
Тотъ васъ не знаетъ, вышни силы.

Религія, философія и особенно поэзія спасаютъ Жуковскаго отъ полнаго отчаянія. Какъ въ 1814 году въ Долбинѣ, такъ въ 1816 году въ Дерптѣ онъ предается усиленному поэтическому труду. Въ это время значительно расширяется его знакомство съ нѣмецкой литературой, и онъ впервые знакомится съ такими типичными романтиками, какъ Тикъ, Новалисъ и Ламотъ-Фуке. Но болѣе всего увлекаютъ Жуковскаго баллады Уланда и идиллiи Гебеля, у котораго онъ находитъ «поэзію во всемъ совершенствѣ простоты и непорочности».

VI.

Въ 1817 году исполняется давнишняя мечта Жуковскаго имѣть независимость въ матеріальномъ отношеніи, чтобы всецѣло отдаться поэзіи: въ новый годъ, благодаря стараніямъ Тургенева, ему назначается ежегодная пенсія въ 4.000 рублей асс. Теперь у него новый стимулъ къ работѣ—благодарность государю и желаніе быть достойнымъ его вниманія. Пенсію онъ считаетъ «награду за добрую надежду». Онъ находитъ необходимымъ написать «что-нибудь важное» и жалѣетъ о потерянномъ времени, называя всю свою прежнюю жизнь «жалкой жертвой» мечтамъ. Но время для литературной дѣятельности Жуковскаго еще не настало. Хотя онъ и увѣряетъ, что послѣ свадьбы Маши (14-го января 1817 года) душа его «совсѣмъ утихла», что онъ думаетъ «только объ одной работѣ», но на самомъ дѣлѣ душа поэта еще не успокоилась. «Старое все миновалось — признается онъ Тургеневу въ мартѣ 1817 года,—а новое никуда не годится... Душа какъ будто деревянная. Что изъ меня будетъ, не знаю. А часто, часто хотѣлось бы совсѣмъ не быть. Поэзія молчитъ. Для нея еще нѣтъ у меня души. Прежняя вся истрепалась, а новой я еще не нажилъ. Мыкаюсь, какъ кегля».

Друзья Жуковскаго находятъ для него вреднымъ жизнь въ Дерптѣ при видѣ чужого счастья. И самъ поэтъ чувствуетъ необходимость внѣшней перемѣны въ своей жизни. Онъ мечтаетъ предпринять для разсѣянія путешествіе и думаетъ, что «этотъ вояжъ былъ бы факеломъ-воспламенителемъ» его дарованія. Но судьба рѣшила иначе, и поэтъ, всю жизнь мечтавшій объ уединенной жизни, находившій пребываніе въ Петербургѣ пагубнымъ для своего таланта, былъ брошенъ въ водоворотъ столичной придворной жизни. Для принцессы Шарлотты, невѣсты великаго князя Николая Павловича, искали учителя русскаго языка. Жуковскій плѣнился выгодными условіями и при содѣйствіи Карамзина превратился въ придворнаго педагога.

Перемѣна обстановки подѣйствовала на Жуковскаго самымъ благотворнымъ образомъ. Онъ самъ сознавалъ, что слишкомъ неограниченная свобода вредна ему. Теперь у него есть «прекрасная цѣль» и «счастливая должность», которая подчиняетъ его «необыкновенно пріят-

ной дѣятельности». Въ этой должности онъ находитъ и поэзію, и свободу и чувствуетъ себя «совершенно счастливымъ» и со всѣхъ сторонъ независимымъ: «извнѣ и внутри души». Онъ настолько доволенъ своимъ положеніемъ, что желаетъ его сохранить неизмѣннымъ и даже дѣлается болѣе религіознымъ отъ счастья. Съ каждымъ днемъ онъ открываетъ въ своей ученицѣ «милыя непорочныя прелести сердца» и все болѣе и болѣе привязывается къ ней, и привязанность эта скоро переходитъ въ настоящее обожаніе.

Въ качествѣ педагога Жуковскому удается соединить полезное съ пріятнымъ. На ряду, съ «грамматическими занятіями, сухими и непоэтическими», и учитель, и ученица упражняются въ переводахъ поэтическихъ произведеній. Великая княгиня переводитъ стихотворенія Жуковскаго на нѣмецкій языкъ, а Жуковскій дѣлаетъ цѣлый рядъ переводовъ изъ Шиллера, Гёте, Уланда, Гебеля и другихъ. Въ это же время онъ пишетъ и свое знаменитое посланіе по поводу рожденія будущаго императора Александра II, гдѣ помѣщаетъ пророческіе стихи:

Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ!

И формулируетъ «правила царей великихъ» въ словахъ:

Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣхъ—свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать...

Но счастье поэта и его довольство своимъ положеніемъ были непродолжительны. Уже въ 1818 году онъ снова оказывается въ сѣтяхъ любви и переживаетъ чувства, прекрасное выраженіе которыхъ мы находимъ въ переведенномъ изъ Гёте стихотвореніи «Новая любовь—новая жизнь». Обожаніе своей ученицы и «счастье милой старины» не помѣшали Жуковскому влюбиться въ одну изъ придворныхъ фрейлинъ, графиню Самойлову, и усмотрѣть въ ней новаго «хранителя» и «добраго спутника», посланнаго Провидѣніемъ. Любовь эта готовила поэту въ будущемъ новое разочарованіе, но, къ счастью, онъ во время узналъ, что по гордой красавицѣ вздыхаетъ и его другъ В. А. Перовскій. Ради дружбы Жуковскій спѣшитъ прогнать отъ себя мечты о счастьѣ и ограничивается ролью платоническаго обожателя возлюбленной своего друга. Увлеченіе поэта было непродолжительно, но оно успѣло отразиться въ его поэзіи и веселыми, и грустными мотивами. Среди многочисленныхъ посланій, вызванныхъ придворными связями поэта и отличающихся въ большинствѣ случаевъ юмористическимъ содержаніемъ, мы находимъ и такія безотрадно-грустныя произведенія, какъ «Отвѣтъ князю Вяземскому» и «Пѣсня» 1820 года, глубоко огорчившая Марью Андреевну Мойеръ. Комментаріями къ этимъ грустнымъ пьесамъ мо-

гутъ служить откровенныя признанія въ письмахъ Жуковскаго. Въ это именно время онъ пишетъ князю Вяземскому: «Моральный ракъ ѣстъ мою душу... и портитъ все прошедшее, настоящее и будущее... Все мнѣ гадко». Въ это же время онъ пишетъ и Елагиной по возвращеніи изъ Дерпта: «Я отъ всѣхъ оторванный кусокъ и живу такъ, что душа холодѣетъ».

Пессимистическое настроеніе поэта отразилось и въ знаменитой элегіи «На кончину королевы Виртембергской». Тамъ передъ нами «судьба—свирѣпый истребитель» прекраснаго и «предательскій привѣтъ» тлѣннаго счастья, и страданье—«земли жилецъ безвыходный». Но тамъ же указаны и средства утѣшенія: религія, воспоминанія о минувшемъ счастьѣ и сознаніе, что «несчастье намъ учитель, а не врагъ». Этой же утѣшительной «философіей» Жуковскій наполняетъ цѣлыя страницы въ альбомахъ графини Самойловой. Но самъ онъ далеко не всегда находитъ спасеніе въ собственной философіи. Даже воспоминаніе о прошломъ, то самое воспоминаніе, которое онъ называетъ «ангеломъ-хранителемъ нашего счастья», отказываетъ поэту въ необходимомъ утѣшеніи.

И на этотъ разъ такъ же, какъ въ 1817 году, судьба сжалилась надъ Жуковскимъ и послала ему, какъ бы въ утѣшеніе за вновь разбитыя мечты о личномъ счастьѣ, исполненіе давнишняго его желанія. Весною 1820 года онъ отправляется въ заграничное путешествіе.

За границей Жуковскій, говоря его собственными словами, провелъ веселые полгода въ Берлинѣ; потомъ видѣлъ часть Германіи, прелестный Дрезденъ съ его живописными окрестностями; обошелъ пѣшкомъ Швейцарію; прошелъ черезъ Сенъ-Готардъ въ Италію; былъ въ Миланѣ; плавалъ по Lago-Maggiore; любовался Боромейскими островами; черезъ Симплонъ и Валлисъ прошелъ къ подошвѣ Монблана; видѣлъ великолѣпіе и прелесть природы на берегахъ восхитительныхъ швейцарскихъ озеръ; плавалъ по Рейну; любовался его великолѣпнымъ водопадомъ, его замками, его богатыми виноградниками!

Въ Берлинѣ Жуковскій вращается въ самомъ высшемъ обществѣ, куда ему открываетъ доступъ вниманіе великой княгини. Время его занято визитами, обѣдами, балами, театромъ, оперой, осмотромъ достопримѣчательностей и т. д. Здѣсь же заводитъ онъ нѣсколько знакомствъ и дружескихъ связей съ нѣмецкими писателями, учеными, государственными людьми и даже принцами крови, напримѣръ, съ романтически-настроеннымъ прусскимъ наслѣднымъ принцемъ (впослѣдствіи король Фридрихъ-Вильгельмъ IV). Въ Дрезденѣ онъ знакомится съ двумя романтиками, съ писателемъ Тикомъ и съ художникомъ Фридрихомъ, мрачно-меланхолическія картины котораго, съ неизбѣжными почти всегда луной и кладбищемъ, впослѣдствіи являются главнымъ украшеніемъ жилища Жуковскаго. Въ дрезденской картинной галлереѣ Жуковскій проводитъ передъ Мадонной Рафаэля одинъ изъ сча-

сливѣйшихъ часовъ своей жизни и въ письмѣ къ великой княгинѣ даетъ восторженный отчетъ о томъ чисто-романтическомъ художественномъ наслажденіи, которое было доставлено ему созерцаніемъ картины. Для него это не картина, а «видѣніе»: въ ней «все необъятно, все неограниченно», художникъ писалъ ее «не для глазъ... но для души, которая чѣмъ болѣе ищетъ, тѣмъ болѣе находитъ».

Въ Швейцаріи Жуковскій не забываетъ посѣтить мѣста, связанныя съ легендою о Вильгельмѣ Теллѣ, а также бывшій замокъ Вольтера Ферней. Изъ Веве онъ совершаетъ прогулку пѣшкомъ въ Кларанъ, связанный съ именемъ Руссо, и, кромѣ того, посѣщаетъ съ поэмою Байрона въ рукахъ Шильонскій замокъ. И саксонскою и швейцарскою природою Жуковскій наслаждается, какъ романтикъ. Красоты природы, такъ же, какъ и картины дрезденской галлереи, плѣняютъ его «не тѣмъ, что онѣ даютъ нашимъ чувствамъ, но тѣмъ невидимымъ, что возбуждаютъ въ душѣ и что ей темно напоминаетъ о жизни и о томъ, что далѣе жизни». Такъ, напримѣръ, деревянный крестъ на вершинѣ Риги и маленькая часовня Телля говорятъ ему «не о бѣдномъ могуществѣ человѣка, но о величіи души человѣческой, о вѣрѣ, которая выноситъ ее туда, куда не могутъ достигнуть горы своими вершинами».

Если на швейцарскую природу Жуковскій смотритъ глазами романтика, то своимъ отношеніемъ къ жизни швейцарскаго народа онъ напоминаетъ «сентиментальнаго путешественника». Вслѣдъ за Карамзинымъ, который приходилъ въ умиленіе при видѣ «счастливыхъ швейцаровъ», Жуковскій заявляетъ намъ: «Въ Швейцаріи понялъ я, что поэтическія описанія блаженной сельской жизни имѣютъ смыслъ прозаически справедливый. Въ этихъ хижинахъ обитаетъ независимость, огражденная отеческимъ правительствомъ; тамъ живутъ не для того единственно, чтобы тяжкимъ трудомъ поддерживать физическое бытіе свое; но имѣютъ и счастье, правда, простое, неразнообразное, но все счастье, то есть свободное наслажденіе самимъ собою». Въ этой тирадѣ характерно какъ преувеличеніе благотворнаго вліянія «отеческаго правительства» швейцарскихъ патриціевъ, такъ и признаніе свободы необходимымъ условіемъ счастья независимо отъ образовательнаго ценза. Именно въ Швейцаріи слово свобода получаетъ для Жуковскаго болѣе опредѣленный смыслъ, чѣмъ раньше, когда онъ останавливалъ при помощи полиціи стремленіе своихъ крѣпостныхъ къ свободѣ.

Изъ Швейцаріи Жуковскій возвращается съ горячими симпатіями къ возставшимъ грекамъ и желаніемъ, чтобы державы «искренно, безкорыстно и дружно» стали за великое дѣло, которое, по его мнѣнію, примирило бы государей съ народами. Въ Берлинѣ, гдѣ Жуковскій и на возвратномъ пути проводитъ около трехъ мѣсяцевъ, онъ горячо ратуетъ за дѣло грековъ и даже ссорится изъ-за нихъ съ будущимъ германскимъ императоромъ Вильгельмомъ I. Съ такими же симпатіями

возвращается Жуковскій и въ Россію, гдѣ его ожидалъ цѣлый рядъ житейскихъ разочарованій и ударовъ судьбы.

На заграничное путешествіе Жуковскій возлагалъ большія надежды. Онъ надѣялся, что путешествіе «оживитъ и расширитъ душу», что оно «пробудитъ и давно заснувшую поэзію», что его «вялость душевная поубавится». Но надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться вполнѣ. Правда, поэзія пробудилась, и въ портфелѣ Жуковскаго по возвращеніи его изъ-за границы были такія произведенія, какъ «Орлеанская Дѣва» Шиллера, «Пери и Ангелъ» изъ Томаса Мура и «Шильонскій узникъ» Байрона. Душа его оживилась новыми впечатлѣніями природы, жизни и искусства. Но даже и за границей съ нимъ случались припадки грусти, когда онъ чувствовалъ слабость своей воли, былъ недоволенъ своей лѣнью, сознавалъ, что «истратилъ безумно полжизни на ничто». Онъ пробуетъ себя утѣшить разсужденіемъ, что «достоинство человѣка въ искреннемъ желаніи добра и въ постоянномъ къ нему стремленіи, а достиженіе не отъ него зависитъ». Но подобныя обращенія къ собственной философіи не всегда утѣшаютъ Жуковскаго, тѣмъ болѣе, что въ этой философіи не все оказывается незыблемымъ. Не прошло и двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ альбомѣ гр. Самойловой было записано, что надо жить настоящимъ и воспоминаніями о прошломъ, а будущее предоставить Провидѣнію, и вдругъ оказывается, что «для того, чтобы наслаждаться настоящимъ, надобно имѣть въ запасѣ будущее», а его-то какъ разъ и нѣтъ въ это время у Жуковскаго. Легко понять, почему даже при видѣ живописнѣйшихъ мѣстностей «меланхолическая хандра проникала въ его душу», говоря словами Зейдлица.

Возвращеніе въ Россію, гдѣ царила аракчеевщина, не могло не усилить меланхолическаго настроенія Жуковскаго, такъ какъ къ внутреннимъ причинамъ его грусти присоединились и внѣшнія. Вскорѣ по возвращеніи изъ-за границы онъ освобождаетъ своихъ крѣпостныхъ; за это ему даютъ «въ высшихъ кругахъ общества названіе страшнаго либерала, якобинца». Онъ переводитъ изъ Шиллера «Три слова вѣры», но слова: «Der Mench ist frei geshaffen» (человѣкъ созданъ свободнымъ) оказываются нецензурными. Онъ переводитъ балладу Вальтеръ-Скотта «Ивановъ вечеръ» («замокъ Смальгольмъ»), но цензура находитъ, что это произведеніе не заключаетъ ничего полезнаго для ума и сердца и совершенно чуждо всякой нравственной цѣли. А тутъ еще сумасшествіе Батюшкова, смерть Маріи Андреевны Мойеръ, катастрофа 14 декабря, осужденіе на смерть Николая Тургенева, сумасшествіе и смерть его брата Сергѣя, смерть Карамзина, болѣзнь Воейковой—однимъ словомъ, цѣлый рядъ личныхъ несчастій, связанныхъ съ потерею «милыхъ спутниковъ», которые «животворили свѣтъ». Эти потери еще болѣе усиливаютъ въ душѣ Жуковскаго стремленіе *туда*, гдѣ онъ надѣется встрѣтить своихъ лучшихъ друзей.

Личныя несчастія и общественныя бѣдствія угнетающимъ образомъ отражаются и на поэзіи Жуковскаго. Въ тѣхъ немногихъ произведеніяхъ, которыя написаны имъ въ двадцатыхъ годахъ, мы сплошь и рядомъ встрѣчаемъ или *воспоминаніе* о прошломъ, или надежду на будущее, или *тоску* и стремленіе *туда*.

Только къ концу двадцатыхъ годовъ настроеніе Жуковскаго нѣсколько просвѣтляется, и въ его поэзіи проскальзываетъ мысль о примиреніи съ жизнью. Въ 1828 году онъ переводитъ изъ Шиллера «Торжество побѣдителей» съ успокоительной строфой:

Смертный, силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи;
Спящій въ гробѣ, мирно спи;
Жизнью пользуйся, живущій!

Въ слѣдующемъ году онъ переводитъ мысль Гете:

Чистъ душой ты *вчера*,
Нынѣ дѣйствуешь прекрасно
И отъ *завтра* жди добра:
Бывшимъ будущее ясно.

Это успокоеніе поэта, несомнѣнно, явилось послѣдствіемъ его педагогической дѣятельности въ качествѣ воспитателя будущаго «Царя-Освободителя».

С. Ашевскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

НАКАНУНѢ ВЕСНЫ.

I.

Весна близка!.. Природа, пробуждаясь,
Неяснымъ трепетомъ и радостью полна,
И слезы первыя надъ снѣгомъ льетъ она—
Лучами въ небѣ улыбаясь...

***

Весна близка!.. Она мой сонъ тревожитъ
Надеждой молодой, лазурью новыхъ дней...
И скоро вся душа рванется жадно къ ней—
И сердце выдержать не сможетъ...

II.

Когда все будетъ пѣть о счастьи, о любви
И лѣсъ, и соловей, и первые цвѣты—
Я схоронить должна въ душѣ свои мечты,
И пѣсни оборвать мои...

***

Когда все будетъ жить душистою весной
Стремясь радостно на солнечный призывъ—
Я побѣдить должна любви моей порывъ,
И лгать передъ собой...

Г. Галина.

ДРУГЪ ДѢТСТВА.

Повѣсть.

I.

Утро полно было звуковъ. Умильный щебетъ и звонкія трели неслись съ зеленыхъ вершинъ стараго помѣщичьяго сада, сливаясь нѣжнымъ, гармоничнымъ фономъ; а по низу, заглушая его мелодичность, то и дѣло врывались другіе, разрозненные и грубые звуки.

Молодые пѣтухи перекликаются на двухъ концахъ двора; безъ враждебнаго задора, а лишь соперничая силой голоса и игнорируя пренебрежительно прозаическое куриное кудахтанье, назойливое, какъ олицетвореніе самодовольной пошлости. Монотонно зыблящійся утиный басокъ гудитъ сквозь него глухой ворчливой нотой, словно урезонивая не поднимать попусту такого шума, а приступить скорѣе къ серьезнымъ обязанностямъ. Кричатъ рѣзко и сердито обидчивые гуси, находя, что ихъ слишкомъ рано отогнали отъ корыта. На скотномъ дворѣ протяжно и тоскливо мычитъ молодая корова, по важнымъ соображеніямъ оставленная дома; это она проситъ вступиться за нее своихъ счастливыхъ подругъ, мирно позвякивающихъ бубенчиками еще совсѣмъ близко, подъ горой. Оттуда доносится то короткое призывное мычанье, то тупо-растерянное овечье блеяніе, то рѣзкое щелканье длиннаго бича; новый пастухъ щеголяетъ своимъ искусствомъ, на диво двумъ маленькимъ чумазымъ подпаскамъ, замотаннымъ въ сѣрыя лохмотья.

Погожее іюньское утро впиваетъ въ себя всѣ эти звуки и милліоны, милліоны другихъ.

Вверху еще свѣжо и голубо. Снопы густыхъ червонныхъ лучей скользятъ по низу, заглядывая въ самую гущу сочной зацвѣтающей травы, гдѣ копошится и слабо звенитъ и шуршитъ своя хлопотливая жизнь. На ихъ пути вспыхиваютъ радужными лучами капельки росинокъ въ глубинѣ зеленой чашечки, слабо вздрагивающей подъ тонкими, какъ волосокъ, проворными лапками. Нѣжно розовѣютъ тоненькіе стволы молодыхъ березокъ;

матовой позолотой покрыты стройныя сосны. Деревья кажутся развѣсистѣе и выше, озаренныя снизу. Чуть грѣющій лучъ гоститъ мимолетно и тамъ, гдѣ весь день будетъ царить прохладная тѣнь; а воздушныя вершины купаются въ утренней свѣжести, готовясь къ ожидающимъ ихъ жгучимъ поцѣлуямъ.

Утро тихо разгорается, сливая краски, звуки и испаренья.

Съ низкаго крылечка молочной спустилась „молодая барышня“, какъ зовутъ Дину, въ отличіе отъ старшей барышни и хозяйки, Ларисы Ивановны.

Дина выпила свою порцію парного молока и направилась черезъ дворъ къ садовой калиткѣ. Въ одной рукѣ она бережно несла полную до краевъ кружку, а въ другой круто посоленную краюшку чернаго хлѣба, которую доѣдала на ходу. Безъ зонтика, подъ ситцевымъ платочкомъ, бѣлымъ черными точками съ узкой розовой каемкой; платокъ спущенъ навѣсомъ надъ глазами, а изъ-подъ него ниже пояса падаетъ туго заплетенная, каштановая коса. Платье вылинявшаго голубенькаго ситца перетянуто кожанымъ поясомъ и еле трогаетъ подоломъ траву, точно она изъ него выросла; на ногахъ грубые неуклюжіе башмаки безъ каблуковъ. Не хватаетъ только фартука, чтобы принять ее за горничную.

Походка выдаетъ: на ходу Дина волнообразно откидывается назадъ мягкимъ станомъ безъ корсета—въ этомъ движеніи безсознательно-красивая, барская грація. Лицо подернуто старымъ, весеннимъ загаромъ, успѣвшимъ перейти въ темные коричневые тона на вискахъ и подбородкѣ. На щекахъ прочный румянецъ отъ просвѣчивающей густой крови, а не мимолетно вспыхивающихъ приливовъ малокровныхъ барышень.

Дѣвушка вошла черезъ калитку въ садъ. Въ ту же минуту на дворѣ, покрывая собою всю смѣсь звуковъ, залились отчаяннымъ лаемъ сцѣпившіяся собаки. Даже кружка колыхнулась въ рукѣ Дины. Она все время шла, прислушиваясь къ привычнымъ звукамъ... вотъ и прославленная деревенская тишина! А она еще жалѣла потревожить Саню такъ рано съ дороги. Теперь уже все равно, пѣтухи да собаки, навѣрное, давно разбудили.

Калитка какъ разъ около дома. Дина поставила на скамейку свою кружку, свернула въ траву и пробралась къ угловому окошку. Чтобы постучать въ стекло, пришлось подняться на выступающій камень фундамента—а какъ спрыгнула назадъ въ траву, такъ и почувствовала, что сразу промокли чулки надъ невысокими башмаками. Экая роса въ саду славная, точно дождикъ прошелъ ночью!

Дина выбралась на дорожку, разглядывая точно облитые

водою башмаки и подолъ платья. Вотъ чудная роса! иначе все давно посохло бы, такъ давно не было дождя.

Дѣвушка поглядѣла вверхъ, въ синее небо съ едва замѣтными далекими облачками. А вѣдь было бы досадно, еслибъ именно сегодня погода перемѣнилась...

... Годъ не видались. Съ каждымъ пріѣздомъ Саня ужасно мѣняется!

Она стояла на дорожкѣ и нѣжно улыбалась тоненькимъ чернымъ усикамъ съ закрученными колечками. Усатый!..

Изъ-за бѣлой шторы высунулась рука и распахнула раму. Дина схватила кружку и опять шагнула въ траву.

— Санька, бери скорѣе молоко! Здравствуй!.. Выспался?..

— Холодное? — спросилъ опасливо изъ-за шторы молодой басокъ.

— Да, да, давно простыло. Пей, не капризничай!..

Вѣчные споры изъ-за парного молока. Дина такъ впилась въ него, что другого и признавать не хочетъ. Специфическая животная теплота всегда даетъ радостное ощущенье здоровья и силы. А Санька увѣряетъ, что пахнетъ коровой.

Черезъ минуту надъ окномъ вспорхнула бѣлая штора. Студентъ, вытягивая шею, усиливался поймать маленькую запонку въ твердыняхъ свѣжей крахмалки. Онъ подмигнулъ на кружку на столѣ.

— Не утерпѣла, чтобы не подсунуть тепленькаго? Нѣтъ ужъ, видно, надо Ларису попросить, чтобы приносили съ ледника.

— Упрямый! неужели нельзя привыкнуть?

Она смотрѣла, какъ онъ вертѣлся по маленькой комнатѣ, натягивая тужурку, распихивая по карманамъ портсигаръ, спички, какую-то красную книжечку, гребенку, которой расчесывалъ коротко подстриженную щетку густыхъ черныхъ волосъ. Надѣлъ бѣлую фуражку и выпрыгнулъ черезъ окно въ садъ.

— Ишь, франтъ! очень нужно было чистую крахмалку съ утра надѣвать. А усики очень, очень идутъ вамъ, сударь!..

И она мазнула его рукой по верхней губѣ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ отмахнуться.

— Перестань, пожалуйста, что за вздоръ!

— Ну, ну, не злись... Санька, какъ я рада, что ты явился наконецъ!

Дина уцѣпилась за его руку и заглядывала въ глаза.

— Отчего такъ долго не ѣхалъ? Признавайся сейчасъ...

Студентъ пренебрежительно фыркнулъ носомъ, не удостоивъ другого отвѣта.

Дина оглянулась на окна.

— Ахъ, Господи, вонъ ужъ тетя Женя свое окно открыла!

сейчасъ всѣ поднимутся и поговорить не дадутъ. Идемъ, идемъ скорѣе на озеро! Все собаки проклятыя. Спали бы себѣ, знай... имъ-то для чего вставать съ этихъ поръ!

Она тащила его скорѣе изъ сада, а онъ легонько упирался и оглядывался по сторонамъ веселыми любопытными глазами человѣка, которому знакомъ каждый кустикъ.

— Что это?.. липу срубили!?—остановился онъ внезапно на всемъ ходу, замѣтивъ издали бѣлѣвшій свѣжій пень.

— Грозой сломало.

— Что за свинство! вотъ гадость!

Саня подошелъ и для чего-то пошевелилъ кончикомъ сапога жирную траву, высоко поднявшуюся вокругъ пня.

— Идемъ же... ну, что тутъ разглядывать? Старая... Огромное дупло было въ стволѣ, снаружи и незамѣтно.

— Росла лѣтъ пятьдесятъ или семьдесятъ... Липы тихо растутъ.

— Да пойдемъ же, Саня!

Къ озеру можно пройти лугомъ. Не покосъ тутъ, а такъ, помаленьку все лѣто подкашиваютъ выѣзднымъ лошадямъ; отъ этого трава здѣсь до поздней осени держится на одной высотѣ.

Озеро синѣло—что твое море, голубое, съ чуть замѣтными темными струйками легкой ряби по серединѣ. Новая досчатая купальня съ рѣзнымъ конькомъ и краснымъ флагомъ блестѣла на солнцѣ.

— Эхъ... хорошо-о!!—крякнулъ студентъ, поднялъ кверху руки и потянулся.

— Хорошо...—повторила задумчиво дѣвушка.—Ждешь, ждешь хорошаго цѣлую зиму—кажется, никогда конца не будетъ! А настанетъ—и покатилось подъ гору, оглянуться не успѣешь... Вотъ ты двѣ недѣли напрасно потерялъ... И не жаль?

— Что-жъ... двѣ недѣли!—отозвался нехотя Саня, приглядываясь къ чернымъ точкамъ на водѣ.—А вѣдь это утки... смотри, смотри!

— А ты опять ружья не привезъ?! Что же это, наконецъ, такое, Саня?

— Откуда ты знаешь, что не привезъ?—процѣдилъ онъ, прищуривая то одинъ, то другой глазъ на утокъ.

— Знаю... Илью спрашивала.

На лугу мѣстами роса успѣла уже высохнуть на припекѣ. Но глубже въ обѣ стороны, въ нетронутыхъ косою участкахъ, пестрѣютъ цвѣты, и видно, что тамъ еще совсѣмъ мокро. Неистовый трескъ кузнечиковъ поднимается точно изъ каждой травинки. Маленькія бѣлыя и желтыя бабочки кружатся тамъ, гдѣ цвѣты.

Дина взяла правѣе отъ тропинки, къ кустамъ орѣшника, затѣнившимъ небольшой пригорокъ. За пригоркомъ—яма глубокой воронкой, съ никогда не высыхающей мочевиной на днѣ. Тутъ и трава другая: крупная, сочная, съ кружевными зонтиками папоротника въ глубинѣ. Но на самомъ горбѣ пригорка трава низкая, переплетенная ползучими кустиками земляники. Теперь пригорокъ издали бѣлѣлъ отъ земляничнаго цвѣта.

— Вотъ тутъ сухо! Сядемъ.

Дина сѣла на землянику и задвинулась въ тѣнь, къ самымъ кустамъ.

Студентъ тоже растянулся на землѣ, сбросилъ фуражку и сталъ закуривать папироску. Сестра близко разглядывала его.

— Какъ ты загорѣлъ за дорогу!

— Н-да... жарило знатно! Выкупаться надо.

— Нѣтъ, только не сегодня! Нездорово купаться съ дороги. Отдохни сначала.

Онъ повелъ на нее насмѣшливыми глазами.

— Ахъ ты—педагогица! Все-то ты съ душеспасительными наставленіями. Того нельзя, этого не надо...

— Развѣ я виновата, что ты ни о чемъ самъ не думаешь.

— А ты развѣ обязалась за весь свѣтъ думать? Мерзѣйшая повадка, сударыня! Не для чего съ этихъ поръ въ педантку превращаться.

Дина промолчала. Потомъ медленно подняла на него сѣрые глаза и изъ нихъ вдругъ точно выскользнула освѣщавшая ихъ радость... И проступала тяжелая забота...

— Саня... Мнѣ нужно серьезно поговорить съ тобой... Сейчасъ...

— О-о-о?.. и даже сейчасъ!

Студентъ заерзалъ на мѣстѣ отъ безпокойства. Ему сразу вспомнились туманныя, но многозначительныя фразы двухъ послѣднихъ писемъ старшей сестры, вызвавшія въ немъ тогда одну досаду. Что за нелѣпая манера за тысячи верстъ писать объ „обстоятельствахъ“ и „условіяхъ“, намекая невѣдомо на что,—вызывать безформенныя опасенія! Теперь онъ вдругъ смутился. Чего добраго у нихъ тутъ и въ самомъ дѣлѣ завелось что-то неладное?..

Дина эту зиму совсѣмъ рѣдко ему писала. Письма ея стали какъ-то безсодержательны, скучны. Она не вдавалась, какъ бывало прежде, въ лирическія изліянія своихъ настроеній, не дѣлилась съ нимъ фантастическими надеждами (не потому ли, что у него, въ отвѣтъ, все чаще и непринужденнѣе сбѣгало съ пера слово „ребячество“?). Она почти вовсе не упоминала въ письмахъ о своей школѣ. Коротко заявляла, что у нихъ „все какъ

всегда", и наполняла письма разспросами о его собственной жизни, занятіяхъ, знакомствахъ, здоровьѣ.

Только въ эту минуту онъ отчетливо понялъ, что подъ этимъ скрывается что-то серьезное, о чемъ не хотятъ писать. Тогда это не помѣшало ему попросту выкинуть изъ головы несносную дипломатію Ларисы. Ему и безъ нея было о чемъ думать! Теперь сразу почувствовалась въ словахъ Дины связь съ этими письмами.

— Ну, ну... Я слушаю!— сказалъ Саня послѣ длинной паузы, укладываясь на травѣ половчѣе, чтобы прослѣдить, куда такъ торопится блестящій черный жучокъ, вцѣпившись въ сухую травинку раза въ три длиннѣе его роста.

— Видишь ли... все равно, они ужъ непремѣнно заговорятъ съ тобой сегодня же!—точно оправдывалась Дина.—Не хочу я, чтобы... чтобы тебѣ сейчасъ же навязали всю эту чепуху!

Она нетерпѣливо сдвинула прочь со лба бѣлый ситцевый платочекъ.

Крутой завитокъ свѣтлыхъ прядей—свѣтлѣе остальныхъ волосъ—надъ срединой широкаго лба и оригинальный изгибъ темныхъ бровей, рѣзко опущенныхъ къ переносицѣ, точно надломленныхъ, дѣлаютъ лицо Дины своеобразно энергичнымъ. И твердый крупный ротъ выразительно сжимается, точно его сводитъ невидимая судорога. Пристальный взглядъ ясныхъ сѣрыхъ глазъ съ темной каемкой дополняетъ общее впечатлѣніе твердости и упорства.

— Вотъ, то ли дѣло безъ этой дряни!—полюбовался братъ, потянулъ за кончикъ бѣлаго платочка и совсѣмъ стащилъ его съ ея головы.

Дина усмѣхнулась и пригладила ладонью темно-золотистые волосы, заблестѣвшіе на солнцѣ мѣдными переливами.

— Не въ шляпкахъ же щеголять!

— Почему это? Роскошь небось? Такъ за границей, матушка, крестьянки въ полѣ работаютъ въ шляпкахъ.

Дина слегка качнулась впередъ и улыбнулась ему глазами.

— То за границей... У насъ босикомъ щеголяютъ. Простоволосой выходить тоже не полагается. О! этикетъ-то у насъ еще построже всякаго другого будетъ.

— А ты, должно быть, все ужъ изучила досконально?

Она подозрительно приглядѣлась, не смѣется ли онъ.

— Это не такъ легко, какъ ты думаешь,— сказала она серьезно.

— Но едва ли такъ интересно, какъ ты стараешься себя увѣрить...

Саня сказалъ это съ маленькой заминкой, какимъ-то особеннымъ тономъ, точно почву пробуетъ.

Дина еще больше насторожилась.

— Отчего ты такъ думаешь—что я *стараюсь?*

Студентъ отбросилъ сухой прутикъ, которымъ преслѣдовалъ чернаго жучка.

— Да просто, душа моя... думаю, что скука!—усмѣхнулся онъ простодушно.—Разумѣется, ты молодчина, коли сумѣла создать себѣ здѣсь серьезный интересъ. Только не навсегда же погрязать въ этомъ мракѣ!

Опять они помолчали съ минуту.

Студентъ что-то соображалъ, озабоченно пощипывая усы. Дѣвушка сидѣла, обхвативъ колѣно маленькими, темными отъ загара руками и бросала вбокъ безпокойные взгляды; щеки ея начинали краснѣть.

— Н-ну... ужъ я вижу: тебѣ написали что-нибудь? Не церемонься, пожалуйста...

Братъ посмотрѣлъ ей въ лицо своими открытыми ласковыми глазами.

— Честное слово, Дина, я ни аза не разобралъ во всемъ этомъ... Знаешь, когда наша Лариса Ивановна пустится въ краснорѣчіе!

Маленькая нога въ безобразномъ башмакѣ выбивала о землю энергичный, ускоренный темпъ, и вся напряженная фигура дѣвушки вздрагивала отъ этого мелкой дрожью.

— Впрочемъ, ты не подумай — ничего особеннаго тамъ не было,—пояснилъ Саня поспѣшно,—больше все витіеватыя разсужденія объ истинномъ предназначеніи женщины.

— Другими словами—о женихахъ. Какая же у нея можетъ быть другая точка зрѣнія!—выговорила Дина презрительно.

— Смѣшно и требовать.

— Ахъ, я ничего, ничего ровно отъ нихъ не требую!—воскликнула дѣвушка совсѣмъ ужъ азартно.

„Ого! военное положеніе во всемъ блескѣ. Это обѣщаетъ мало веселаго“,—подумалъ Саня.

— Ты, хочешь не хочешь, попадешь въ третейскіе судьи—ты и тетя Женя. Очевидно, она именно для этого и пожаловала въ Зажоры... Ну, и отлично! Я ничего не имѣю противъ этого, но только я... я не допущу лжи!!

Дина схватила съ земли бѣлый платочекъ и начала порывисто разглаживать и вытягивать его у себя на колѣняхъ.

— Вотъ уже такихъ словъ—знаешь—лучше не употреблять, Дина, коли ты хочешь серьезнаго разговора. Коли просто выругаться, чтобы душу отвести—тогда сдѣлай одолженіе, вали безъ стѣсненія!.. Ну, а коли разсудить требуется, тогда ужъ безо всякаго словеснаго давленія... Правду, что ли, я говорю?

Чтобы смягчить репримандъ, онъ шутливо пытался помѣшать ей теребить бѣленькій платочекъ.

Но Дина машинально отталкивала непрошенныя руки; голосъ ея срывался отъ волненія.

— Ну, ужъ это не моя вина!.. То, что не правда, всегда называлось ложью! Словъ пугаться совсѣмъ лишнее... Лицемѣріе! — и только потакать разнымъ гаденькимъ замашкамъ...

Санѣ ужасно не нравилось, въ какомъ тонѣ начинается разговоръ... Потому, быть можетъ, что въ немъ самомъ въ эту минуту ничто не гармонировало съ такимъ тономъ. Была ли то послѣдняя истома дорожной усталости, или разслабленіе нервовъ, внезапно охваченныхъ обволакивающей тишиной, лишенной всѣхъ привычныхъ раздраженій—такъ или иначе, въ немъ росло малодушное желаніе ускользнуть какъ-нибудь отъ надвигающейся непріятности.

...Сестренку и жаль — и досадно. По обыкновенію, досадно больше, чѣмъ жаль, потому что Динѣ вовсе не свойственно возбуждать жалость. Этотъ выпуклый лобикъ, съ живописнымъ хохолкомъ буйно закрученныхъ прядей, этотъ прямой и острый взглядъ изъ-подъ тяжелыхъ, надломленныхъ бровей,—даже маленькія, жесткія и безпокойныя руки, всегда въ движеніи—вся она, упрямая, скрытная и злопамятная, съ самого ранняго дѣтства, раздражала и тревожила окружающихъ.

Нянька иначе не звала ее, какъ—„наказанье ты божецкое“.

Старшая сестра ее запальчиво преслѣдовала.

Саня періодически то состоялъ въ слѣпомъ повиновеніи, то замышлялъ сбросить иго и переходилъ на сторону Ларисы.

Только одна мама всегда съ Диной ладила и недоумѣвала, что̀ они всѣ находятъ въ ней особеннаго?

— Ребенокъ, какъ ребенокъ... Сами вы ее разжигаете попусту, — говорила она своимъ кроткимъ и печальнымъ голоскомъ.

Еще бы! съ бѣдной больной мамой у Дины даже и голосъ былъ какой-то другой... И вся она пугливо затихала при ней. Но не смотря на „пристрастіе“, о которомъ всѣ открыто твердили, даже совсѣмъ маленькой дѣвочкой Дина никогда не прибѣгала подъ защиту матери. Она мѣрилась съ врагами собственными силами.

Лариса увѣряла, что Дина „зла, какъ волчонокъ“. Однако маленькій братишка зналъ примѣры страннаго („дурацкаго“, по его мнѣнію) великодушія загнанной дѣвочки къ этой самой полноправной хозяйкѣ Зажоръ, безконтрольно управлявшей домомъ, имѣніемъ и участью младшихъ дѣтей.

„Теперь, слава Богу, всѣ давно взрослые. Что толку тре-

жить ядовитый осадокъ старыхъ обидъ и раздраженій!" размышлялъ благодушный Саня.

Но по запальчивому тону Дины, по знакомому переливчатому блеску въ сѣрыхъ глазахъ (точно рябь на водѣ) братъ уже видѣлъ, что плохой миръ, тянувшійся съ грѣхомъ пополамъ въ Зажорахъ, въ концѣ концовъ, все-таки приведетъ къ доброй схваткѣ, отъ которой не знаешь, чего ждать.

...Что могло у нихъ случиться?

Динина школа, противъ которой систематически воевала старшая сестра, разъ навсегда семейнымъ совѣтомъ ограждена отъ серьезныхъ посягательствъ... Для чего же понадобился новый соборъ? Саня прозвалъ эти семейныя разбирательства „вселенскими соборами". Зачѣмъ потревожили тетю Женю, наѣзжавшую въ родное гнѣздо только въ экстренныхъ случаяхъ, когда безъ ея вмѣшательства не было надежды водворить миръ въ семьѣ старшей сестры? Очевидно, дѣла въ Зажорахъ обстояли совсѣмъ плохо...

А мирная картина голубого озера и цвѣтущаго луга въ кудрявой рамкѣ недалекой липовой рощи, ласка перваго деревенскаго утра послѣ раздражающихъ утомленій лѣтняго Петербурга— вся эта торжествующая прелесть бытія оказывалась сильнѣе самыхъ серьезныхъ соображеній и убѣдительныхъ воспоминаній...

...Будетъ еще довольно времени для ссоръ и разбирательствъ... Неужели ему не дадутъ отдохнуть и одного дня?..

Въ глазахъ Дины отразилась горечь, когда она выслушала отъ него эту не то жалобу, не то просьбу.

...Отдохнуть!.. не справившись даже, что на очереди у другого—почему она такъ страстно ждала его пріѣзда... единственнаго близкаго человѣка, который могъ понять ее... если захочетъ! Но вотъ онъ прежде всего хочетъ оградить собственный покой...

Дина ничего не отвѣтила.

— Вонъ, вонъ! опять утки... Чортъ!..

Въ одинъ мигъ разпѣженной лѣни какъ и не бывало. Глаза Сани заблестѣли, онъ приподнялся на локтѣ.

— А что, Сергѣй вернулся домой? ну, знаешь, охотникъ...

— Вернулся. Только опять ушелъ,—отвѣтила не спѣша Дина.

— Но-о?.. куда?.. вотъ досада!

— На Уралъ, на заводы его сманили. Второй братъ нынче въ наборъ пойдетъ, такъ надо же кому-нибудь доставать на всѣхъ.

Студентъ снялъ фуражку и почесалъ голову. Камары все сильнѣе одолѣвали на пригоркѣ.

— Вотъ такъ сюрпризъ! Я, признаться, только на него и надѣялся. Этакъ цѣлое лѣто и пострѣлять не придется...

Дина что-то вспомнила и во второй разъ спросила:

— Саня, да какъ же это съ ружьемъ?

Онъ надѣлъ фуражку и добродушно усмѣхнулся.

— Вотъ, я что тебѣ скажу: коли хотите, чтобы я привезъ ружье, такъ высылайте деньги къ самому отъѣзду. Не могу я хранить ихъ вамъ цѣлые мѣсяцы, когда какъ разъ въ это время народъ валомъ вонъ гонятъ за не-взносъ платы... Какія тутъ къ чорту ружья!

Дина покачала головой.

— Это ужъ въ третій разъ, Саня.

— Ну, и тѣмъ лучше!

— Вотъ и посидишь безъ охоты.

Она совсѣмъ отвернула отъ него голову и добавила, какъ-то странно равнодушно, послѣ паузы.

— Развѣ Савелій когда-нибудь дастъ пострѣлять...

— Какъ?.. У Савелія есть ружье?! Откуда это?

— Осенью купилъ.

Дина не поворачивала головы. Абрисъ щеки рдѣлъ на солнцѣ, какъ лепестокъ цвѣтка, а рука безпокойно выщипывала изъ дерна сухіе пучочки пестрыхъ заячьихъ лапокъ.

— Молодчина же, коли такъ, твой философъ!

Дина, не спѣша, повернулась и скользнула по немъ взглядомъ.

— Угодилъ...

Саня лукаво подмигнулъ:

— Я вѣдь думалъ, что онъ каждый грошъ на книжки копитъ. И на что ему ружье понадобилось!

— Ружье каждому человѣку необходимо имѣть, это я понимаю,—сказала вдругъ Дина убѣжденно.—Я тоже непремѣнно заведу револьверъ.

— Н-но? — смѣялся Саня.—Ужъ не разбойники ли у васъ тутъ появились? Такъ, значитъ, это ты ему внушила...

— Вовсе не значитъ. Онъ не малолѣтній, можетъ и безъ чужой указки обойтись.

Братъ любопытно посматривалъ ей въ лицо. Губы ея стягивались своеобразной нервной ужимкой.

— А въ школу Савелій ходилъ нынче?

— Послѣдній годъ. Мнѣ больше нечему его учить.

Тяжелыя брови еще тяжелѣе опустились надъ глазами. Она смотрѣла въ даль, на озеро. Въ лицѣ проступало что-то важное.

— Н-ну!.. будто ужъ и нечему? — протянулъ онъ недовѣрчиво.—А ты попрежнему считаешь, что нашъ Савка — замѣчательная голова?

Глаза Дины блеснули.

— Скажи, для чего ты теперь выспрашиваешь?—заговорила запальчиво, прорвавшимся звукомъ.—Вѣдь ты даже не поинтере-

совался выслушать, когда я хотѣла... ты желаешь отдыхать!.. Просто... праздное любопытство...

Она оборвала, стискивая зубы, и начала поспѣшно повязывать голову платкомъ.

Студентъ тоже, точно невольно, поднялся на ноги.

— Позволь, позволь... чего это я коснулся „праздным любопытствомъ“? Помилуй, Дина!

— Поздно разговоръ начинать—вонъ тетка идетъ купаться.

Она побѣжала навстрѣчу, на бѣгу надвигая глубже на глаза платокъ.

— Ну, ужъ и правда—характерецъ!—послалъ ей вслѣдъ съ досадой Саня.

II

Тетя Женя шла по лугу шаткой и неровной походкой, какъ-то забавно расправляя на ходу пышныя плечи, точно она не просто идетъ, а старательно продѣлываетъ какое-то гимнастическое упражненіе. Видно, какъ ея маленькимъ ногамъ въ тонкихъ туфляхъ съ французскими каблуками трудно балансировать тяжелое тѣло. По травѣ тащится шлейфъ вышитаго батистоваго капота; въ одной рукѣ бѣлый зонтикъ; въ другой—изящная ажурная сумка съ туалетными принадлежностями.

На ходу красивая головка тети Жени надменно откидывается назадъ на короткой бѣлой шеѣ. Густые волосы, точно покрытые ровнымъ слоемъ пудры, моложаво свернуты подъ дорогіе гребни и шпильки. Особенно эффектенъ контрастъ изящной сѣдины съ мягкими черными глазами подъ тонкими бровями.

Тетя Женя вся раскраснѣлась, хоть не отошла отъ дома и ста саженей. Она обрадовалась предлогу остановиться, когда Дина подбѣжала и потянула у нея изъ рукъ синюю сумочку.

— Зачѣмъ же вы сами безпокоитесь, тетя!—воскликнула дѣвушка съ искреннимъ сочувствіемъ передъ ея жалобнымъ видомъ.

— Некому, душа моя... у васъ вѣчно прислуга въ разгонѣ! Маша моя впередъ ушла съ бѣльемъ... Что это за жара съ самой зари!

— Развѣ такъ жарко?

— Охъ, милая!.. Лошадь велѣть бы заложить, такъ боюсь, засмѣетъ ваша Лариса...

— Лошадь... — попробовала повторить серьезно Дина, — но вдругъ покраснѣла, какъ піонъ, отъ усилія сдержать смѣхъ—и не удержала: Ха, ха, ха... вѣдь тутъ... тутъ всего десять минутъ! Простите, милая тетя Женя, простите... Разумѣется, велимъ подавать вамъ дрожки! Можно кругомъ объѣхать.

— Ну, какъ-нибудь! Что-жъ дѣлать!—вздыхала тетушка, точно готовилась ступать по скользкому льду, а не по мягкой зеленой тропиночкѣ.

Сбоку подходилъ къ нимъ студентъ.

— Вотъ и ты!.. bonjour, mon enfant. Смѣется надъ старухой твоя сетричка. Да! прыгала и я козой по этому лугу не хуже васъ...

Тетя Женя задумчиво покивала величавой головкой и пошла бодрѣе, когда Саня догадался предложить ей свою руку.

— Пойдемъ купаться со мной... Скучно одной!—позвала она Дину.

Дѣвушка колебалась съ минуту; но сообразила что-то—поглядѣла, гдѣ солнце, и пошла за ними.

Съ самаго пріѣзда тетки онѣ еще не оставались съ глазу на глазъ... Тетя Женя какъ будто избѣгаетъ этого.

Тихое озеро нѣжно плескалось о пологій берегъ.

Съ этой стороны до самой деревушки, раскинувшейся на высокихъ пригоркахъ, тянется глубокій мелкій песокъ—ни дать, ни взять морской плажъ! Озеро ширится вправо, и тамъ берегъ окайменъ зеленой полосою густыхъ камышей.

До противоположнаго берега по озеру считается восемь верстъ. На горизонтѣ темнѣетъ ярко синяя полоса, точно разлинованная серебряными черточками... Ближе къ правому берегу брошено нѣсколько зеленыхъ островковъ; одинъ изъ нихъ поднимается выше другихъ и издали блеститъ крутымъ песчанымъ обрывомъ. Надъ нимъ кружились какія-то крупныя птицы...

Отъ деревни къ островамъ, поперекъ озера, плыла узкая черная лодка съ однимъ гребцомъ.

Купальню поставили новую всего годъ назадъ, когда старая разсыпалась отъ ветхости. До воды проложены узенькія дощечки, наполовину затонувшія въ пескѣ.

Маша стояла въ открытыхъ дверяхъ, поджидая свою генеральшу. Въ синей модной юбкѣ и въ розовой батистовой крахмалкѣ на корсетѣ, Маша больше походитъ на барюшню, чѣмъ Дина. И коса по модному свернута крендельком надъ высоко зачесаннымъ затылкомъ.

Когда господа были въ нѣсколькихъ шагахъ, Маша сочла своей обязанностью пойти навстрѣчу, чтобы взять у барышни сумку.

Въ купальнѣ тетя Женя долго разоблачалась и снаряжалась, отдыхая и нѣжась въ тепломъ воздухѣ. Всѣ принадлежности купанья у нея необыкновенно щегольскія, заграничныя. Въ бѣломъ фланелевомъ костюмѣ съ фестонами и перламутровыми пуговицами и въ кокетливомъ чепчикѣ съ красными помпонами на сѣрыхъ

волосахъ, она выглядѣла теперь еще живописнѣе и моложавѣе. Бѣлое выхоленное тѣло значительно свѣжѣе лица.

Тетя Женя сознаетъ это и съ довольнымъ видомъ красуется передъ племянницей, упрятывая свои маленькія пухлыя ножки въ какія-то особенныя чешуйчатыя туфли.

Дина проворно сбросила свои жиденькія юбочки, и тетка не успѣла оглянуться, какъ она уже юркнула въ воду. А Евгенія Петровна долго еще красовалась вся на виду, не рѣшаясь окунуться, и ласково журила ее.

— Можно ли не беречь такихъ прелестныхъ волосъ! Сколько времени такая коса должна сохнуть, да еще на солнцѣ! Бѣлокурые волосы требуютъ большого ухода, чтобы не потерять своего блеска... Выгорятъ на солнцѣ и получатъ вульгарный зеленоватый оттѣнокъ — couleur femme de chambre...

...А кожа! Никогда Дина смуглая не была... Это отъ постояннаго загара. Безъ шляпки, безъ зонтика. Загаръ въѣдается— вѣдь это ожогъ! Вонъ руки—точно въ перчаткахъ.

...Да ужъ не больна ли она чѣмъ-нибудь? Просто непозволительно быть такой сухой, живя въ деревнѣ.

Дѣвушка конфузливо ежилась худенькими плечами подъ этимъ безцеремоннымъ разглядываньемъ.

Но, наконецъ-то, красные помпоны всплыли, точно яркіе цвѣты, надъ серебрянной зыбью. Брызги воды задрожали на розовомъ атласѣ роскошнаго бюста.

— Вотъ ты погляди на меня и сравни!—говорила тетя Женя добродушно, разводя по водѣ красивыми руками.—Кажется, Лариса гораздо моложе меня, а она и десять лѣтъ назадъ была не молодая. Такъ отчего же это, скажи пожалуйста? Вы вѣдь увѣрены, что только въ деревнѣ жизнь нормальная.

Застигнутая врасплохъ вопросомъ, Дина собиралась добросовѣстно разсудить, но тетя Женя не ждала ея:

— А я тебѣ скажу отчего: отъ скуки! Человѣкъ долженъ жить нервами, впечатлѣніями, а не одними растительными процессами. И за тѣломъ нуженъ постоянный уходъ. Посмотри, сколько садовникъ ухаживаетъ за какимъ-нибудь растеньецемъ, чтобы сдѣлать его пышнымъ и красивымъ. И достигаетъ! На этомъ вся культура основана. Почему же наше тѣло должно обходиться безъ ухода? Небось, свои платьица ты чистишь да разглаживаешь, такъ вѣдь и кожа наша не больше, какъ ткань!

Динѣ хотѣлось поплавать, но тетка говорила, не умолкая.

Смоченные волосы потемнѣли и плотнѣе прилегли къ круглой головкѣ; но завитокъ на лбу уже свѣтлѣлъ и закручивался въ теплomъ воздухѣ.

Евгенія Петровна взглянула, усмѣхнулась и неожиданно рас-

правила его мокрой рукой, сверкнувъ на солнцѣ своими кольцами.

— Вотъ, вотъ, упрямство-то наше гдѣ сидитъ... вотъ въ этомъ задорномъ хохолкѣ! У-у-у... и упрямица же ты! Что ни говори—молчитъ и думаетъ по своему—да?

Дина засмѣялась.

— Да развѣ я одна?! Кто же хочетъ не по своему, а по чужому? Вы, можетъ быть, думаете, тетя, что Лариса очень уступчива?

Тетя Женя сощурила бархатные глазки и улыбнулась.

— Ну-ну... Это я знаю, пожалуй, не хуже тебя.

— Нѣтъ, всего не знаете, — отвѣтила Дина рѣшительно.— Мнѣ вы, можетъ быть, не совсѣмъ вѣрите—мы ссоримся. Такъ спросите сосѣдей!

— Какихъ это сосѣдей?—переспросила тетка любопытно.

— Какъ это какихъ? Нашихъ зажорскихъ сосѣдей.. крестьянъ.

Онѣ поглядѣли другъ на друга недоумѣвающими глазами. Подъ „сосѣдями“ Евгенія Петровна привыкла понимать, разумѣется, не мужиковъ. Ей это ужасно не понравилось.

— Что ужъ это ты, душа моя! О чемъ я стану мужиковъ допрашивать...

...А кого же иначе спрашивать? У нихъ вѣдь и всѣ дѣла деревенскія, мужицкія. Нѣтъ, не отъ скуки Лариса высохла, а отъ вѣчной злобы на всѣхъ! Всю жизнь на ножахъ прожила...

Опять, какъ давеча, съ Саней, Дина не могла себя заставить выбирать выраженія. Тетя Женя легонько морщилась, слушая ее. Она рѣшила, однако-жъ, что надо когда-нибудь дать Динѣ высказаться до конца.

Политика тети Жени обыкновенна заключалась въ томъ, что она по очереди бесѣдовала съ каждой изъ воюющихъ сторонъ, и въ заключеніе, на очной ставкѣ, вносила отъ себя примирительное предложеніе, скомбинированное заранѣе изъ всѣхъ возможностей. Авторитетъ тети Жени былъ поставленъ этимъ чрезвычайно высоко.

— Лариса всю свою жизнь на семью работала, это вамъ грѣхъ забывать,—сказала она вѣско.—Сама знаешь, подъ силу ли было матери съ имѣньемъ управиться, да долги выплачивать... Все бы врозь поползло, кабы не Лариса.

Дина покраснѣла, оттого что ее подозрѣваютъ въ неблагодарности.

— Этого я, тетя Женя, никогда не забывала, *никогда!* Только потому я и считала себя обязанной подчиняться... Но всему

есть предѣлъ! Мнѣ двадцать три года... У каждаго человѣка должна быть своя личная жизнь и въ ней онъ свободенъ.

Тетя Женя поспѣшила сбавить тонъ.

— Полно, полно, душечка, не горячись такъ. Я не знаю, о чемъ ты говоришь, въ чемъ отъ тебя требуютъ подчиненія.

Настойчивый взглядъ изъ-подъ бровей пронизывалъ ее насквозь.

— Развѣ вы не знаете? — переспросила Дина съ такимъ явнымъ недовѣріемъ, что отвѣтить категорически было совсѣмъ уже неудобно.

— То-есть... знаю, что у васъ идутъ препирательства насчетъ зимы—здѣсь ли попрежнему оставаться, или переѣхать въ городъ, n'est ce pas? Да, вѣроятно, есть же для этого какія-нибудь серьезныя основанія?

— Еще бы! Домъ въ Зажорахъ вдругъ сталъ холоденъ отъ старости!—крикнула Дина задорно на все озеро.

— Пора выходить, ваше превосходительство! Вы очень долго въ водѣ сегодня,—позвала съ берега Маша, чутьемъ угадывая, что именно въ эту минуту ея барынѣ будетъ пріятенъ перерывъ разговора.

Дина вдругъ пропала на глазахъ у тетки. Вынырнула саженя на три дальше и поплыла въ озеро, рѣдко и сильно взмахивая руками. Тетя Женя покачала головой и выбралась на горячій песокъ.

Не раньше, какъ минутъ черезъ двадцать Дина выскочила изъ озера. Руками обмахнула съ себя воду и накинула бѣлье; волосы скрутила и выжала что было силы, какъ прачки выжимаютъ бѣлье, и явилась въ купальню, увѣренная, что тетка уже одѣта.

Къ ея удивленію, Евгенія Петровна еще сидѣла закутанная въ нарядный мохнатый халатъ съ пестрой каймой; на скамейкѣ около нея красовался цѣлый рядъ флаконовъ и баночекъ.

— Ахъ, можно ли такъ далеко плавать, Дина! встрѣтила она дѣвушку съ неподдѣльной тревогой. — Ну, сохрани Богъ, сдѣлается судорога... такъ вѣдь и тонутъ люди!

— Вы бы сказали мнѣ, барышня, сбѣгать за простынькой, покамѣстъ вы купаетесь—вставила неожиданно слащавымъ голосомъ Маша, скромно отводя отъ нея свои глаза.

— Спасибо, Маша. Я всегда безъ простыни обхожусь—такъ свѣжѣе.

— Поди, поди ко мнѣ... нѣтъ, поближе сюда!

— Что это на ловтяхъ у тебя? Ахъ, Боже мой настоящая щетка! Дина, Дина... это ужасно! Это у тринадцатилѣтнихъ дѣвочекъ бываетъ, а тебѣ давно пора замужемъ быть.

— Что же мнѣ съ этимъ дѣлать, тетя!—разсмѣялась Дина ея неподдѣльному сокрушенію.

— Какъ, что дѣлать?! На солнцѣ мокрая обсыхаешь каждый день и думаешь, что для кожи все ни по чемъ. Возьми, намажь сейчасъ кремомъ... да, да, не серди меня! Ca n'a pas de sens commun—devenir tellement laide! une jeune fille comme vous! да съ одними волосами твоими другая бы... petite sotte!

Дина упиралась, но тетя Женя начала собственноручно натирать ей руки нѣжной бѣлой мазью, разлившей запахъ розоваго масла.

— Вотъ попалась! Тетя, б-будетъ! ради Бога, отпустите душу на покаяніе!—хохотала до слезъ Дина.

Невыразимо комичной казалось ей красивая московская барыня, съ ея арсеналомъ скляночъ и баночекъ, съ цѣлымъ багажомъ спеціальныхъ туалетовъ для каждаго момента жизни.

„Ну, и атласная кожа—а кому отъ этого лучше? Скуку такую терпѣть цѣлую жизнь—идіотизмъ какой!“ негодовала Дина, потирая свои локти. Ей все казалось, что они не совсѣмъ еще высохли отъ тетушкиной мази.

Изъ купальни Дина пошла не домой. Она взяла налѣво берегомъ и скрылась въ камышахъ.

Тетя Женя нѣсколько разъ оглядывалась посмотрѣть, идетъ ли она за ними.

— Что же она тамъ дѣлаетъ столько времени? Вѣдь даже гребенки у нея нѣтъ! дѣлилась она своимъ недоумѣніемъ съ Машей.

— Гуляютъ, должно быть... процѣдила, наконецъ, дипломатически наперсница такимъ тономъ, что генеральша покосилась на нее и перестала спрашивать.

И Маша не находила своевременнымъ выкладывать барынѣ свои свѣдѣнія, почерпнутыя въ людскихъ.

III.

Ни съ озера, ни съ берега нельзя замѣтить въ камышахъ тропинки—однако, надъ нею кто то не мало потрудился. Вся она старательно утрамбована хворостомъ и мохомъ, а въ очень топкихъ мѣстахъ вымощена камешками.

Дина ловко пробиралась по ней, высоко вздернувъ и безъ того не длинную голубую юбочку. Лицо ея, поблѣднѣвшее послѣ купанья, было озабочено.

Нѣсколько разъ она останавливалась, безсознательно облегчала грудь вздохомъ и прислушивалась къ царившей тишинѣ.

Со всѣхъ сторонъ обступала высокая зеленая стѣна, зыбкая

даже въ этой неподвижности жаркаго безвѣтреннаго утра. То тамъ, то здѣсь зеленыя метелки вздрагиваютъ отъ непонятной причины—и толчокъ передается далеко, какъ по водѣ разбѣгается рябь. Что-то слабо шуршитъ, цѣпляясь за жесткіе стебли... Что-то шевелится внизу, въ водѣ. Пахнетъ водяной гнилью; но отъ косогора, на который выводитъ тропинка, уже доносится сладкій ароматъ медуницъ.

Такъ же, какъ и на другомъ концѣ, тропинка кончается здѣсь внезапнымъ заворотомъ подъ прямымъ угломъ; но и этотъ выходъ совершенно закрытъ огромнымъ ивовымъ кустомъ. Старый кустъ во многихъ мѣстахъ затянутъ паутиной, съ налипшими на ней мошками, сѣменами и сухими листочками.

Дина привычной рукой отстранила вѣтки и вынырнула на тѣнистый косогоръ. Тутъ было еще совсѣмъ свѣжо въ высокой влажной травѣ. По ней также пролегъ наискосокъ едва уловимый слѣдъ, незамѣтный для непривычнаго глаза.

Дина о чемъ-то раздумывала и прислушивалась.

Наверху, за темной чащей густо разросшагося ольховника, надъ полемъ заливаются жаворонки и мѣшаютъ слушать...

... Вотъ, недалеко гдѣ-то какъ будто набиваютъ косу?

Дѣвушка еще послушала, рѣшила что-то и пошла скорѣе. Но въ ту же минуту навстрѣчу ей изъ темной чащи рѣзко и протяжно свистнула птица.

Дина круто остановилась, и въ лицѣ ея пробѣжала довольная улыбка.

„Хорошо, что пошла!“ похвалила она себя, вспомнивъ недавнія колебанія; поскорѣе сдернула съ шеи бѣлый платочекъ и повязала его на сырые волосы. Отъ платка лицо стало строже.

Свистъ въ кустахъ повторился ближе и слабѣе. Теперь Дина чутко слѣдила за шагами въ чащѣ, хоть шаговъ вовсе не было слышно; едва угадываемый слѣдъ движенія въ вздрогнувшихъ вѣткахъ, въ трескѣ сухого сучка... И смотрѣла на тотъ именно кустъ, откуда показалась невысокая фигура молодого парня въ бѣлой рубахѣ.

Увидавъ дѣвушку прямо передъ собой, онъ отъ внезапности сбился съ шага, заспѣшилъ, сдернулъ съ головы картузъ и совсѣмъ по-дѣтски сбѣжалъ къ ней по косогору, врѣзавшись въ высокую, содрогнувшуюся точно отъ боли траву.

— Ахъ, озорникъ какой, зачѣмъ, зачѣмъ траву мнешь!— крикнула Дина невольно и напрасно, отступая передъ нимъ назадъ по тропинкѣ.

Онъ набѣжалъ вплотную.

— Да что-жъ тутъ... Господи! невидаль какая! — лепеталъ онъ, радостно сверкая голубыми глазами.

— Иду какъ дуракъ и не знаю, что вы тутъ. Кабы знать-то!

Онъ отступилъ, смутившись, что стоитъ къ ней такъ близко.

— Хорошо, что пришелъ, Савелій. Я собралась посылать за тобой. Ваши-то въ полѣ сегодня? — спросила Дина дѣловымъ тономъ.

— Извѣстно, какъ же не въ полѣ.

— Такъ какъ же ты ушелъ?

— Такъ и ушелъ. Думалъ, не понадоблюсь ли вамъ зачѣмъ-нибудь? Александръ-то Иванычъ пріѣхалъ?

— Да, пріѣхалъ. Всѣ теперь собрались,—сказала Дина тихо, точно на какую-то свою мысль.

Такіе красивые голубые глаза встрѣчаются иногда въ народныхъ лицахъ: влажные и сверкающіе необыкновенной чистотой красокъ, съ длинными развѣсистыми рѣсницами. Худоба скрадывается широкимъ складомъ лица и золотыми завитками живописно заростающей молодой бородки. Въ пухломъ ртѣ съ бѣлыми зубами и въ открытой игрѣ лица еще сказывается юношеская миловидность.

Дина замѣтила, что Савелій переодѣлся съ работы, но не сдѣлала никакого замѣчанія. Давно ужъ онъ не попадался ей на глаза иначе, какъ прибранный по праздничному. Ему зато проходу нѣтъ на деревнѣ, но ей казалось это естественнымъ въ немъ. Можетъ быть, ей даже было бы непріятно увидѣть его въ заношенной, пропотѣвшей рубахѣ, въ заплатаныхъ шароварахъ, какъ всякого другого мужика.

Савелій сорвалъ длинную травинку и крутилъ ее въ грубыхъ пальцахъ. Словно такъ легче дожидаться, что Надежда Ивановна скажетъ ему сегодня...

Всѣ знаютъ, что старая барышня хочетъ нынче, какъ ни какъ, порѣшить школу. Покамѣстъ еще ничего не объявлено, и Надежда Ивановна распустила учениковъ такъ же, какъ въ прежніе года, съ строгимъ приказомъ не отбиваться совсѣмъ отъ книжки за лѣто и съ разными заманчивыми обѣщаніями на осень. Однако, всѣ знали, всѣ повторяли разныя подробности, Богъ вѣсть откуда взятыя.

Собственно, Савелія это и не касается; еще передъ Пасхой объявлено, что ему больше нечего дѣлать въ такой школкѣ. Однако, онъ ходилъ самъ не свой, чуя въ этомъ какую-то свою бѣду, о которой Надежда Ивановна и говорить съ нимъ не хочетъ... И это-то и было всего страшнѣе, что говорить она не хочетъ!

Съ чуткостью простыхъ существъ, которыхъ ведетъ не умъ, а чувство, Савелій твердо зналъ въ эту минуту, что онъ услышитъ сейчасъ что-то важное... Такое, къ чему и ума не приложить...

Каждое утро онъ отправлялся къ камышамъ; но Надежда Ивановна не приходила и не присылала за нимъ. Вчера, выслѣдивъ, какъ пріѣхалъ молодой баринъ, Савелій понялъ, что сегодня навѣрняка ужъ она не придетъ—небось, съ братомъ разстаться не захочется.

Онъ и сталъ было на работу раньше всѣхъ домашнихъ, твердо рѣшивъ въ одинъ день наверстать всѣ свои прогулы. И работалъ, ни о чемъ не думалъ... Но когда подошелъ привычный часъ — словно вотъ потянула какая-то сила! Руки распадаются, какъ плети... Въ груди засосала знакомая тоска. Испуганныя мысли, точно пчелы, засновали въ головѣ...

Дина медлила, бросая на него взгляды, полные раздумья.

...Жалѣетъ его! Словно бы кто словами ему это сказалъ. И что-то тяжелое, точно слезы—много слезъ—волной поднимается въ груди и отражается боязливымъ вопросомъ въ голубыхъ глазахъ... Травинка выскользнула изъ пальцевъ. Онъ пододвинулся ближе—губы его шевелились безъ звука...

Дина поспѣшно подняла упавшую травинку и, накручивая ее, какъ шелчинку, себѣ на палецъ, заговорила сухимъ высокимъ голосомъ, какимъ она говоритъ въ школѣ, когда чѣмъ-нибудь недовольна.

— Я все равно за тобой послала бы Анюту. Сама не знаю, Савелій, что у насъ будетъ такое—можетъ статься, что и вовсе съ тобой не увидимся. Какой-нибудь конецъ да надо положить...

Рѣчь о чемъ-то, о чемъ между ними еще не было сказано ни одного слова. Но ему и въ умъ не пришло прятаться за это—не понимать.

Лицо его блѣднѣло подъ загаромъ. Отъ судорожныхъ толчковъ сердца, бѣлая рубаха съ мелкимъ розовымъ узоромъ вздрагивала на горлѣ. Глаза перехватили ея ускользающій взоръ, задержали его, заставили погрузиться въ ихъ голубую глубину.

И глаза Дины мгновенно наполнились слезами, такъ неожиданно для нея самой, что вмѣсто словъ она только втянула въ себя протяжно воздухъ и вся подалась назадъ.

...Пристыжающее впечатлѣніе безправія и беззащитности другого человѣческаго существа... Острая, какъ боль, жалость передъ этой разбуженной тревогой безформенныхъ надеждъ... и загнанное глубоко отчаянными усиліями, но все-таки упорно растущее чувство собственной великой отвѣтственности—вотъ, вотъ, что она чувствуетъ теперь—давно!..

...Отъ этихъ частыхъ глазъ, полныхъ страстной вѣры и обожанія (такъ на образъ глядятъ) она уклониться не можетъ... А въ сущности вѣдь какъ это легко! Стоитъ только не приходить къ камышамъ... Стоитъ сказать слово, что она больше не

*

хочетъ видѣть Савелія... И для него простая дверь безъ запора упадетъ несокрушимой преградой...

Дина съ досадой вытерла глаза уголкомъ платка, какъ настоящая крестьянская дѣвушка, и заговорила, какъ всегда, безсознательно прилаживаясь къ простой рѣчи.

— Боюсь я, Савелій, какъ бы и вправду не пришлось закрыть школу... Да, кажется, и у васъ идетъ ужъ разговоръ про это?..

Савелій попрежнему не сводилъ съ нея глазъ и молчалъ. Онъ ждалъ дальше—удара, передъ которымъ трепещетъ вѣщее сердце...

— Ну, хоть это-то должно быть вамъ понятно, что двухъ хозяекъ въ одномъ домѣ не можетъ быть! — говорила она какъ будто уже съ раздраженіемъ.—Не ребенокъ я, въ городъ жить меня насильно не перевезутъ, какъ малолѣтнюю... Да только и здѣсь наперекоръ хозяйкѣ недалеко уйдешь. А ухожу, Савелій, съ пустыми руками, новую школу заводить пока не на что. Для хлѣба работать придется.

Дина взглянула, удивленная молчаніемъ. Въ его лицѣ было неожиданное выраженіе какъ будто недовѣрія... Она поняла и покраснѣла отъ неудовольствія.

— Ну, да, разумѣется, я такая же наслѣдница, какъ и сестра... Но, во первыхъ, пока мать жива, Лариса хозяйка, потому что она всегда вела дѣла... Не начну же я тягаться съ нею — „дѣлиться“, что ли, по вашему! Для себя мнѣ и вовсе ничего отъ нихъ не надо — ничего!

Теперь онъ заметался передъ нею, настигнутый ударомъ... Оно вошло въ него, страшное слово, котораго онъ ждалъ—такъ, какъ входитъ ножъ въ живое тѣло. Ничего больше Савелій не понялъ—не разслышалъ.

— Куда вамъ уйти отъ своего дома?!. Куда вы пойдете?

Ей слышалось другое въ этомъ воплѣ: „какъ вы отъ меня уйдете — на кого вы меня бросите?“

И захватила всегдашняя потребность пристыдить — поднять бодрость. Голосъ зазвучалъ знакомой властью. Она положила на его вздрагивающія руки свою маленькую и твердую, почти такую же темную, какъ и его.

— Ты чего же испугался такъ, глупый?! Ну, да, придется, должно быть, уйти... съ тобою то всячески мы свидимся, гдѣ бы я ни была. Тебѣ же и самому въ Зажорахъ не у чего оставаться — или ты забылъ? Сдѣлаешь все, какъ было говорено. Послѣ Покрова сряду просись у отца въ Москву. А мнѣ, можетъ быть, удастся что-нибудь наладить къ тому времени.

Сердце напрягалось до боли отъ страстной энергіи какую

она вкладывала въ звенящій голосъ, въ горящій взглядъ подъ распрямившимися бровями. Всегда это преображало ея лицо. Горячая волна приливаетъ ко лбу и къ шеѣ.

— Съ тобою я не прощаюсь, Савелій, да другіе-то—остальные всѣ! Дѣвочки—Анюта — школа, школа моя милая! Охъ, какъ горько, какъ стыдно отступаться отъ нихъ... Ну, ты самъ знаешь— не дождаться же, чтобы потолки обвалились ребятамъ на головы?! Нельзя нынче никакъ безъ перестройки обойтись — потолки, полы, балки, рамы — все, все разваливается. Стѣны однѣ постояли бы еще. Посчитайте сами — во что это станетъ? Не даетъ она мнѣ такихъ денегъ, да и нѣтъ ихъ. Ужъ я на разные лады думала: въ деревнѣ избу снять? Старики побоятся противъ Ларисы Ивановны пойти — меня же осудятъ. И я тоже оскорблять сестру не могу...

Дина замолчала, и стало вдругъ тихо... мучительно тихо. Наверху, за ольховникомъ попрежнему набивали косу, точно стучало еще чье-то сердце, жестокое и безучастное... Вѣтерокъ набѣжалъ съ озера и зашепталъ съ камышами, точно принесъ загадочный отвѣтъ на то, что здѣсь разразилось надъ двумя людьми, такими различными и чужими — и все-таки близкими другъ другу.

Савелій прислонился къ старой ивѣ; грузно, всѣмъ тѣломъ налегъ на корявый стволъ. Онъ не протестовалъ, не жаловался. Не говорилъ ни просьбъ, ни опасеній... У него не было словъ для этихъ ощущеній.

...А-а!!. Пусть бы лучше Савелій спорилъ, жаловался... Пусть упрекаетъ, что Надежда Ивановна „Бога не боится“ такъ бросить ихъ... Эту горсть людей чуть-чуть отогрѣвшихся у случайно засвѣтившаго огонька. Оттого что судьба закинула барышню въ глушь и некуда дѣвать празднаго времени! Обстоятельства перемѣнились—прощайте, добрые люди, бредите дальше, какъ сумѣете, при свѣтѣ случайно брошенной искорки.

...Пожалуй, отецъ не согласится отпустить на зиму въ Москву. Что-жъ! поищи, Савелій, дорожки назадъ... брось, какъ ненужную обузу, этотъ гнетъ непримиримаго недовольства.

...Развѣ мудрено толкнуть—дать первый безцѣльный толчокъ? Для этого ненадо особенныхъ силъ, не надо почти никакого умѣнья... Просто, подъ руку подвернулся, когда непочатая энергія ищетъ выхода...

Мучительное чувство отвѣтственности все тяжелѣе и строже гнететъ Дину при каждомъ новомъ затрудненіи. И въ то же время поражало глубокое несходство привычнаго намъ душевнаго строя съ психологіей иного міра. Поражало, насколько тамъ всѣ

волненія сокрушительнѣе: какъ люди беззащитны передъ собственными ощущеніями.

Самонадѣянный Савелій въ порывѣ отчаянія сваливался, точно подкошенный. „Рѣзвы ноженки подламываются — плечи не держатъ буйную голову“, вспоминаются невольно слова пѣсни.

Сквозь новую, еще не окрѣпшую броню сознательности въ такія минуты властно прорываются вѣковѣчные голоса суевѣрной растерянности и покорности...

— Савелій!—позвала Дина.

Онъ поднялъ понурую голову.

Такъ плачутъ дѣти и женщины.

— Голубушка... Надежда Ивановна... мы-то... мы безъ васъ какъ же? Я... вовсе и жить не стану...

Онъ рванулся куда-то, застыдившись своего мокраго вида, и сталъ обтирать лицо рукавомъ рубахи. Все его тѣло содрогалось отъ подавляемыхъ рыданій.

Дина вдругъ съ ужасомъ ощутила какую-то пустоту въ своемъ умѣ: испытанная педагогія измѣняетъ ей въ рѣшительную минуту... Предвзятое и надуманное сметено однимъ животрепещущимъ впечатлѣніемъ тяжкой душевной муки... Это она причиняетъ муку своему любимцу, другу дѣтства, кого было такъ забавно и радостно увлекать на новый путь, то подталкивая, то сдерживая...

...И завела въ эти слезы!?.

И вотъ... почему-то грозитъ стушеваться привычное отношеніе воспитателя къ ученику—этотъ легкій, всегда готовый тонъ... Никогда еще съ такой ясностью она не видѣла въ Савеліи взрослаго мужчины, который каждую минуту можетъ заговорить о чемъ-нибудь, ей вовсе невѣдомомъ и недоступномъ въ его интимномъ личномъ мірѣ... Страшно, что бы это не случилось теперь—сію минуту...

Надежда Ивановна, блѣдная и хмурая, начала крѣпче перевязывать на головѣ свѣтлый платочекъ.

Савелій вспомнилъ, что она торопится, сейчасъ уйдетъ... Вспомнилъ слова: „Можетъ статься, что и вовсе съ тобой не увидимся“, и его всего охватило смятеніе послѣднихъ, сосчитанныхъ минутъ.

— Я за вами пойду. Схоронюсь на мызѣ гдѣ-нибудь, никто не увидитъ... Вы кликните меня, коли что!—объявилъ онъ, неожиданно переходя отъ растерянности къ почти спокойной рѣшимости.

Дина не соглашалась.

Зачѣмъ?! Прятаться-то ему съ какой стати—чѣмъ онъ передъ кѣмъ провинился? Но съ чего онъ вдругъ заберется на мызу—

кто его ходокомъ по школьнымъ дѣламъ выбиралъ, да и съ кѣмъ онъ тамъ разговаривать собирается!

Савелій не сдавался, хоть и не могъ ей объяснить, въ чемъ онъ почерпаетъ свою увѣренность, что ему необходимо быть около нея.

— Кликните меня, коли что!—твердилъ онъ только, коротко и упрямо, тономъ не ученика, а взрослаго мужчины, который сдѣлаетъ такъ, какъ онъ порѣшилъ.

— Савелій! Я... прошу тебя не ходить за мной.

Это сказалось само собою: просьба женщины вмѣсто приказанія учительницы. И щеки Дины слабо вспыхнули.

Савелій нескладно взмахнулъ руками.

— Что же это, Господи... за что вы такъ меня!?—лепеталъ онъ, опять совершенно растерявшись.

Въ ея просьбѣ прозвучало что-то небывалое, отчего она сдѣлалась, какъ чужая... И онъ ужъ не могъ ослушаться, хоть не было ни строгаго лица, ни повелительнаго окрика, какимъ приводится въ повиновеніе расходившійся классъ...

Дина ушла, пообѣщавъ не уѣзжать, не попрощавшись, всѣхъ непремѣнно собрать для этого и поручила ему предупредить товарищей.

И не думала вовсе раньше; да уйти нельзя стало безъ обѣщанія...

Когда гибкія вѣтки хлеснули въ воздухѣ, распрямляясь, и прикрыли собою завѣтную тропочку, надъ которой весною онъ работалъ тайкомъ отъ всѣхъ, съ такимъ счастьемъ на сердцѣ, Савелій съ минуту смотрѣлъ по сторонамъ, точно очнувшись. Полно, ужъ было ли все это? Приходила ли Надежда Ивановна на косогоръ, когда вовсе и ждать ее нельзя было сегодня... Не со страха ли ему приснилось, что не только школа закрывается, а и сама она уѣдетъ изъ Зажоръ...

...Куда? Куда?! Какъ же это онъ не допросилъ, не вывѣдалъ у нея, куда уѣзжать-то собирается? Думаетъ же она что-нибудь, разсчитываетъ!

Ничего не спросилъ... Дуракъ! Можетъ ли это быть, что бы она ему не сказала?

„Друзья дѣтства мы съ тобой, Савелій—какихъ еще друзей! Правда вѣдь?“ слышется ему ласково-шутливый голосъ, и маленькая, словно ребячья, рука дружески хлопаетъ его по широкой ладони.

Вотъ тебѣ и друзья!..

Онъ чувствовалъ, что необходимо вдуматься изо всѣхъ силъ, чтобы понять, зачѣмъ она рѣшила уѣхать... Но вдуматься-то и

нельзя: мысли кружатся въ головѣ, словно сухіе листья въ бурю, не можетъ, не можетъ онъ загнать ихъ, куда нужно.

Знаетъ онъ навѣрное, что она не можетъ хотѣть уѣхать. А почему знаетъ? Отчего словами нельзя себѣ этого сказать? Страшно, что ли, чего-то?..

Савелій не замѣтилъ, какъ опустился на землю. Обхвативъ руками согнутыя колѣни, сидѣлъ скорчившись и смотрѣлъ на ивовый кустъ.

Резоны и утѣшенія Надежды Ивановны вовсе и не вспоминались. Свидятся ли они когда-нибудь, уйдетъ ли и самъ онъ изъ деревни—все это не существовало для него въ эту минуту. Онъ видѣлъ только длинные, ясные лѣтніе дни. И нѣтъ школы, а такъ легко видѣться, хоть сколько разъ на дню. Прогулки со школьниками въ праздники всей гурьбой, съ чаепитіемъ на травѣ... Онъ всегда первый, всегда около нея, черезъ него все и слаживается...

Какъ онъ ни зажмуриваетъ глаза, чтобы представить себѣ, увидѣть на мигъ эти лѣтніе дни пустыми—безъ ожиданій, сборовъ, встрѣчъ, безъ Надежды Ивановны—ничего не можетъ! Внутри точно что-то подламывается: сердце заскачетъ неровно и больно, духъ захватываетъ...

— Нельзя это перенести... нельзя, нельзя...—шепчутъ сами собой пересохшія горячія губы...

.....

Савелій сидѣлъ лицомъ къ камышамъ и не видѣлъ, какъ съ косогора осторожно спускалась Анютка.

Она прибѣжала, какъ была съ работы—въ худенькой старой юбчонкѣ и кофтѣ, съ черными, въ землѣ, руками. Утро цѣльное съ мамкой въ грядахъ копались, пололи по росѣ—испачкаешься!

Анютка издали звонко окликнула брата, но онъ не шевельнулся на голосъ.

Спитъ, что ли? Чудно что-то... Развѣ уснешь такъ, скорчившись?

И Анютка приближалась молча, сомнительно поглядывая на его сгорбленную спину такими же, какъ у него, красивыми голубыми глазами. Только у нея глаза живые и смѣлые, а не мечтательные, какъ у брата. Лицо маленькое и круглое, въ веснушкахъ.

Вплотную подошла, а онъ хоть бы тебѣ голову повернулъ! И не спитъ вовсе.

— Да ты никакъ и вправду рехнулся у насъ, Савелій Алексѣичъ!—всплеснуа руками дѣвочка, какъ только могла выразительнѣе.

Точно какъ изъ ружья выпалила прямо въ ухо. Савелій весь затрясся и вскочилъ на ноги.

— А?! Кто?.. Анютка! Тьфу, какъ напугала... подлая!

— А ты не ругайся! Ты спасибо дай, что я, не пивши, не ѣвши, рожи не сполоснувши, бѣжала тебя розыскивать! Или ты думаешь, никто не видитъ, что ты каждый у Бога день повадился съ работы уходить? Еще обѣдъ вонъ онъ когда, а ты сколько время тутъ разсиживаешь!

Совсѣмъ какъ взрослая баба, Анютка жестикулировала короткими руками и все выше и выше забирала рѣзкой дисканто-вой нотой.

— Ну, цыть ты! Что и въ самомъ дѣлѣ завела... наставница какая выискалась! Я не просилъ тебя бѣжать меня разыскивать... Хочу и разсиживаю.

Какъ ни въ чемъ не бывало, Савелій опять повалился въ траву. Растянулся на животѣ и подперъ голову обѣими руками, сбросивъ на глаза всю спутанную шапку кудрявыхъ волосъ.

Анютка сразу какъ осѣклась. Она присѣла надъ нимъ, скорчившись на босыхъ ножонкахъ, и затянула плаксиво:

— Савушка... да ты побойся Бога! Что же это будетъ опять дома... Срамоты да ругани давно не было? Другіе-то чѣмъ виноваты... изъ-за тебя терпѣть... Ишь разлегся, будто какъ въ праздникъ, въ рабочій день...

Савелій смотрѣлъ въ траву и нетерпѣливо дрыгалъ одной ногой.

— Ахъ, ты Господи! Въ новыхъ сапогахъ, въ штанахъ по росѣ валяется!... Никакъ ужъ ты и вовсе за барина себя нынче почитаешь... Ты и не знаешься ни съ кѣмъ, все одинъ да одинъ, на отличку... Дождаться хочется, чтобы тебѣ мать съ отцомъ пропѣли...

Дѣвочка поднялась на ноги обмахнула глаза рукавомъ кофты.

— Хошь бы Надежды Ивановны постыдился... до такихъ разговоровъ доводить,—проговорила она негодующимъ тономъ взрослой женщины и пошла къ косогору.

— Анютка!..

Она шла прямо и гордо, не поворачивая головы.

— Анютка! Стой, когда говорятъ!

Ему пришлось догнать ее и остановить за руку.

— Ишь... дрянь! Ты что за глупости тутъ намолола?—прошипѣлъ надъ нею Савелій, стискивая зубы отъ злости.

Анютка теперь только увидала его измученное, наплаканное лицо.

— Савелій... Голубчикъ... Савушка!—вдругъ всхлипнула она, жалобно гримасничая. — Такъ рази я-то не понимаю... легко ли это тебѣ!.. А рази кто-нибудь разсудитъ? У насъ только одно слово и знаютъ: лодырничать!... Что на гармоникѣ пѣсни играть,

что книжку читать — имъ все одно! Вотъ и дождались... будутъ теперь радоваться, когда нашей школы не будетъ...

Анютка горько заплакала, сунувшись лицомъ въ согнутый локоть.

— Да, реви, реви... много ты знаешь! — пробормоталъ Савелій сквозь зубы.—Коли при мнѣ... кто-нибудь зубы скалить попробуетъ—н-ну! Увидятъ! Я имъ покажу тогда...

Онъ потрясъ въ воздухѣ стиснутымъ кулакомъ. Приступъ бѣшенства передергивалъ его лицо.

Анютка покосилась на него и отъ страха перестала плакать. На кого Савелій сердится? Никто вѣдь не виноватъ, коли школу закроютъ...

— Да-а!.. тебѣ-то что—ты небось ужъ выучился! Сама барышня сказала.

— Молчи!

— Я правду говорю. Вотъ намъ-то съ Лизуткой каково, ты подумай. До дѣленія какъ разъ дошли! А я, знаешь Савелій, что думаю?

Она быстро повернула къ нему весноватую рожицу, засвѣтившуюся лукавой улыбкой.

— Небось, насъ-то барышня не прогонитъ и безъ школы... Велитъ намъ все равно приходить въ большой домъ. Ты какъ думаешь?

Онъ думалъ, что задохнется, если сейчасъ же не крикнетъ ей того, чего она еще не знаетъ.

— Да! какъ же! Для тебя съ Лизуткой барышня въ Зажорахъ осталась... еще бы ей отъ такихъ разумницъ да уѣхать!!

— Уѣхать!?—повторила, какъ эхо, дѣвочка, и не мигая, вытаращила на него огромные глаза.

Такъ вотъ отчего Савелій въ новыхъ сапогахъ по мокрой травѣ валяется... Вотъ отчего ей каждую минуту кажется, что сейчасъ онъ побьетъ ее ни за что, ни про что...

И вдругъ Анютка, неожиданно для себя самой, тоже повалилась плашмя въ траву,—отъ безсознательнаго подражанія, оттого, что не съумѣла найти ничего сильнѣе этого, чтобы выразить охватившую ее жалость.

— Барышня!.. Голубушка на-аша!.. Надежда Ивановна...

Савелій остановился надъ нею.

Рвавшая грудь злоба стихала... Стало еще тошнѣе.

Анютка выла, катаясь головой по травѣ.

IV.

Дина не явилась къ завтраку, и это послужило сигналомъ для объясненія, котораго до сихъ поръ никто не рѣшался начать, хоть каждый по своему къ нему готовился.

Мама съ утра плакала, какъ всегда плачетъ мама: никто не видитъ слезъ; только лицо становится все болѣзненнѣе и несчастнѣе, а глаза краснѣютъ и пухнутъ. Точно вмѣсто того, чтобы изливать, глаза въ себя впитываютъ всѣ слезы...

Вернувшись съ купанья, сестра зашла поздороваться съ нею въ ея комнату; и съ тѣхъ поръ тетя Женя, не переставая, все вздыхаетъ и охаетъ.

Получивъ отъ Ани письмо съ мольбами „спасти ихъ", Евгенія Петровна объявила наотрѣзъ, что на этотъ разъ она ни за что не поѣдетъ въ Зажоры. Довольно ужъ съ нея отбывать эту повинность! Года не тѣ, пора и себя поберечь...

Ужъ, стало быть, она серьезно рѣшила, если даже про года обмолвилась... Въ Москвѣ такъ это и поняли, и всѣ порадовались. Понятно, что каждый предпочитаетъ видѣть милую женщину беззаботной и исполненной ея привлекательной душевной ясности; вѣдь это то, что уцѣлѣетъ до конца только въ рѣдкихъ, избранныхъ натурахъ. Жизнь ихъ не ломаетъ, а бережно баюкаетъ; пресловутый житейскій опытъ, лишенный столь свойственнаго ему полыннаго осадка, придаетъ обращенію этихъ людей пріятный оттѣнокъ незлобиваго юмора и ласковаго благоволѣнія...

Удивительно пріятная женщина Евгенія Петровна! Друзья, что называется, носятъ ее на рукахъ, а это (за рѣдкостными исключеніями) выпадаетъ на долю людей вполнѣ благообразной жизни: безъ скучнѣйшихъ денежныхъ затрудненій, безъ вульгарныхъ семейныхъ драмъ, безъ надоѣдливыхъ болѣзней...

Однако, друзья поторопились радоваться. И теперь, какъ это бывало уже не одинъ разъ, категорическіе отказы и запальчивые зароки оказались безсильными передъ... передъ покорностью Ани. Стоитъ только Евгеніи Петровнѣ отослать въ Зажоры свой безповоротный отказъ, и съ той же минуты сама она лишается покоя. Ее преслѣдуетъ покорное, пропитанное слезами лицо—лицо, въ которомъ она никогда, никогда еще не прочла упрека...

„Разумѣется, ангелъ мой Женичка, ты всегда, всегда права!— спѣшила написать въ отвѣтъ Аня.—Прости, прости ради Христа, что такая я неисправимая эгоистка! Правда, милая, нашей бѣдѣ ты не поможешь, а только напрасно сама разстроишься. Стыдно мнѣ—до старости дожила, а все ума не нажила. Сгоряча сдѣлаешь, а ужъ послѣ въ догонку разсуждать пустишься. Охъ, Женичка,

красавица моя, разумница, въ томъ вѣдь все и горе, что я-то никуда не годна! Кто хочетъ такую противную хныксу слушать, коли ничего, ничего въ своей жизни не умѣла! Охъ, живутъ же другіе, ничего не помнятъ... Отчего я не могу?!."

„Не могу я понять, за что не любитъ она ее, не любитъ... А мнѣ нельзя идти противъ, вѣдь Лисинька все бремя взяла съ моихъ плечъ на свои! Сколько лѣтъ? Никакъ сосчитать мы съ Домной не можемъ, все споримъ. Господи! зачѣмъ ты оставляешь мучиться такое безполезное, жалкое созданіе"...

„Женичка, у нея одинъ разговоръ: еслибъ не мама, дня одного меня здѣсь не было бы. Женя, ангелъ мой, что же это будетъ? Что будетъ—что я могу?"

Въ отвѣтъ, Евгенія Петровна послала депешу, чтобы выслали экипажъ на станцію.

...Сейчасъ Аня всю душу ей перевернула своимъ видомъ...

А Лариса Ивановна сегодня утромъ вовсе не выходила изъ своихъ комнатъ. Въ молочной Матрена приняла и переписала утренній удой. Дѣлать нечего,—подождали, подождали, а въ горницы идти, чтобы позвать барышню, никто не отважился. Не хитрое, кажется, дѣло—середи ночи разбудите Матрену, такъ она, какъ Отче нашъ, отрапортуетъ, что надо съ каждой крынкой молока сдѣлать; а какъ подошло ей распоряжаться—и струсила! Не рѣшается, съ каждой бабой совѣтуется.

— Да, полно тебѣ дурой-то прикидываться!—прикрикнула даже на нее бойкая горшечница Дуняшка.—Ну, коли что и не такъ сдѣлаемъ—погрызутъ, погрызутъ, да авось не до самой смерти. Небось, мы привышныя!

Матрена заперла на замокъ молочную и понесла въ горницы свою записку. Лариса Ивановна ей слова не сказала; только указала глазами, куда бумажку положить. Матрена вышла, еще больше испуганная этой тишиной.

И не больная... Сидитъ прямая, какъ палка, въ кожанномъ отцовскомъ креслѣ. На столѣ книги большущія разложены.

Комнаты старой барышни съ отдѣльнымъ крыльцомъ, гдѣ прежде былъ бариновъ кабинетъ и контора, но отцовская половина давно успѣла утратить свой мужской характеръ. Лѣтомъ въ одномъ только окнѣ выставляется зимняя рама, да и то когда лѣто давно въ полномъ разгарѣ. Съ ранней осени до поздней весны тутъ идетъ такая топка, что старая нянька Домна то и дѣло, крадучись, посылаетъ за печникомъ—пожара боится. Въ комнатахъ всегда жарко и душно отъ застоявшагося воздуха, пропитаннаго разными запахами: неугасимой лампады передъ большимъ кіотомъ, камфарной мази, табачнаго настоя, старыхъ, неизносимыхъ платьевъ.

Добровольно сюда никто не заглядываетъ. Если Динѣ понадобится спросить что-нибудь, такъ она всегда норовитъ послать Домну или же переговаривается изъ корридора.

Кажется, что никто не могъ бы жить въ этихъ комнатахъ, кромѣ Ларисы; всякому будетъ тѣсно и неудобно отъ безъ толку нагроможденной мебели въ этомъ нелѣпомъ смѣшеніи мужского кабинета со старыми бабьими укладками, вѣшалками, сундуками, неуклюжими комодами и шкафами. Тутъ нужна именно такая скользящая «змѣиная» походка сухой фигуры въ своеобразныхъ одеждахъ, гдѣ ничто не волочится, не разлетается, а виситъ узкимъ футляромъ на костлявыхъ плечахъ. И кажется, что лицо Ларисы высохло и потемнѣло именно отъ этого душащаго воздуха.

Послѣ вечерняго чая, въ восемь часовъ маленькій подъѣздъ запирается на ключъ. Но никто не знаетъ, когда хозяйка Зажоръ поднимается; многіе даже сомнѣваются, укладывается ли она каждый день въ постель, какъ всѣ добрые христіане? Старая барышня присутствуетъ и на скотномъ при утреннемъ подоѣ, и по осени въ ригѣ на молотьбѣ, и на всякой работѣ, когда бы она ни начиналась. Въ Зажорахъ никто не имѣетъ физической возможности проспать лишняго часа. Болѣла Лариса единственный разъ за всю свою жизнь—шесть недѣль вылежала въ тяжелой оспѣ.

Всякое нарушеніе привычнаго порядка получаетъ, поэтому, зловѣщее значеніе. Ужъ коли Лариса Ивановна не показывается изъ своихъ комнатъ, стало быть не жди добра...

Однако, ровно въ одиннадцать часовъ, какъ и всегда, Лариса была на своемъ посту въ столовой и приступила къ сложной процедурѣ приготовленія кофе.

Тетѣ Женѣ такъ и не удавалось проникнуть, изъ какихъ именно снадобій изготовляется густой красноватый напитокъ, именуемый Ларисой „кофеемъ“. Московская гостья оградилась отъ него разъ навсегда таинственнымъ порокомъ сердца, про который впрочемъ ничего не знаютъ ея врачи.

Въ Зажорахъ соблюдается старинный обычай звонить въ большой колоколъ къ завтраку, обѣду и ужину. Колоколъ прибитъ надъ парадnымъ подъѣздомъ добрую сотню лѣтъ назадъ, и много могъ бы онъ повѣдать различныхъ исторій своимъ безсмертнымъ мѣднымъ языкомъ. Но исторій дикихъ и безотрадныхъ, которыхъ намъ и слушать не стоитъ; въ нихъ такъ же мало простора и свѣта, такъ же много добровольной грязи и духоты, какъ и въ жилищѣ Ларисы. . . . . .

Евгенія Петровна переодѣлась къ завтраку въ изящный туалетъ изъ модной матеріи, о которой съ самаго ея пріѣзда идетъ

споръ среди прислуги: шерстяная ли матерія, или и вправду бумажная, какъ божится Маша.

Студентъ уже прохаживался по проходной комнатѣ, выжидая появленія тетушки.

Во-первыхъ, Саня сильно проголодался; во-вторыхъ, онъ желалъ на первыхъ порахъ блеснуть аккуратностью. Шаги его слышны въ столовой, однако, на tête-a-tête съ Ларисой онъ все-таки не отваживался.

Саня еще разъ приложился къ ручкѣ, что всякому можетъ только доставить наслажденіе, такая это мягкая и душистая маленькая ручка.

— Ну, что тамъ? всѣ собрались?—кивнула тетя Женя на дверь и въ то же время оглядывала племянника небрежными и зоркими взглядами свѣтской женщины.

Ей понравилось, что студентъ съ утра въ свѣжемъ бѣльѣ, а не обрадовался возможности сразу распуститься по деревенски.

— Дины нѣтъ еще, я только что стучался къ ней... Не понимаю, куда она пропала?

Саня, въ свою очередь, разглядывалъ элегантную тетушку радостно недоумѣвающими глазами. Да неужели и всегда она была такая,—ихъ старая баловница и всеобщая заступница!?

— Какъ? и къ завтраку не вернулась?—переспросила она, сдвигая озабочено брови.—Н-ну! это уже вовсе плохая политика. Вотъ, такъ-то вы, молодежь, и выводите изъ терпѣнья по-пусту.

— Однако—какъ видите!

Саня, кокетничая, низко склонился передъ нею.

— C'est ce que j'approuve beaucoup, mon cheri... И вообще!—кивнула она благосклонно напудренной прической.—Вотъ, только... на меня такъ глядѣть вовсе не для чего!

Она невольно разсмѣялась и шаловливо прикрылась растопыренными пухлыми пальчиками. Саня пальчики перехватилъ и началъ цѣловать, въ восторгѣ оттого, что собственная солидная тетушка можетъ быть такъ забавна.

Въ эту минуту дверь скрипнула, въ нее просунулась маленькая головка, мама вошла своей неровной колеблящейся походкой, какъ будто ея тѣло не имѣетъ вѣса. Слабые опухшіе глаза мигали и щурились за синими стеклами, отчего лицо стало еще болѣе жалобнымъ. Въ такіе дни мама всегда прячется за свои безобразныя стекла.

— Чего же вы тутъ ждете, мои милые? Пельмени простынутъ!

— Ахъ, это вы, мамусинька наша дорогая!

Саня обнялъ узкія плечи, почти дѣтскія отъ страшной худобы, и однимъ поворотомъ выдвинулъ ее на середину комнаты.

Она обхватила его голову обѣими руками и неловко притис-

нула, куда пришлось; безкровныя губы ея дрожали отъ мучительнаго усилія сдержать рыданіе.

— Eh bien... опять?! Видишь, красавца какого дождалась, тутъ уже, кажется, плакать не о чемъ!

Ее журятъ ласково и не серьезно, какъ маленькаго ребенка. Потомъ тетя Женя сдѣлала важное лицо и первая прошла въ дверь.

... „Ну, чѣмъ не Екатерина Великая!“ думалъ весело Саня, какъ онъ еще мальчуганомъ прозвалъ московскую тетушку.

Лариса положила на столъ полотенце и пошла на встрѣчу. Онѣ сошлись на серединѣ комнаты, поцѣловались и поглядѣли въ глаза другъ другу тѣмъ взглядомъ, въ которомъ рѣшительно ничего нельзя прочесть.

— Хорошо ли вы спали, тетушка? спросила тихимъ голосомъ Лариса.

Этимъ неизбѣжнымъ вопросомъ, и именно такимъ тихимъ голосомъ, начинается каждый завтракъ, какъ бы долго тетя Женя ни загостилась у сестры. Она давно уже не можетъ этого слышать безъ раздраженія; такъ бы вотъ и крикнула впередъ свой отвѣтъ, не дожидаясь смертельно надоѣвшихъ словъ; — да взглянетъ въ непроницаемое, точно изъ темнаго дерева, лицо Ларисы и пропадетъ охота шутить.

— Ты не смѣешься? Боюсь, какъ бы острое малокровіе не сдѣлалось, если долго у васъ заживусь! Dites donc, Саня — тебя не съѣли комары ночью? — оглянулась она на студента, заботливо придвигавшаго для нея стулъ.

— Я? ей-Богу, не замѣтилъ, ma tante! — сознался онъ, смѣясь.

И вдругъ на это Анна Петровна вся подалась впередъ и, улыбаясь поощрительно, закивала сыну головой черезъ столъ.

— Такъ, такъ, родной мой! Что за комары въ твои года!.. Отецъ на голой землѣ спалъ, выстрѣломъ не разбудишь!

Это было такъ необыкновенно, чтобы мама такимъ образомъ, безъ надобности, вмѣшивалась въ разговоръ, что всѣ начали на нее смотрѣть и молчали, выжидая, не скажетъ ли она еще что нибудь.

Лариса стояла, вытянувшись у своего подноса, упираясь въ него обѣими руками, и смотрѣла на пустой приборъ.

У старшей сестры тѣ же характерно надломленныя брови, только гораздо грубѣе, чѣмъ у Дины; они то дѣлаютъ особенно суровымъ сухое лицо, съ красновато-темной кожей послѣ оспы. И никому даже въ умъ не приходитъ, что „старая барышня“ вовсе не стара.

Лариса сейчасъ же сообразила, насколько эта новая провинность Дины упрощаетъ ея собственную роль: предлога искать не надо! Такой минуты нельзя пропускать... Тетка недѣлю жи-

ветъ въ Зажорахъ, а къ ней ни съ какой стороны и не подступишься. Переливаетъ изъ пустого въ порожнее медовымъ голосомъ пустяки свои, точно ни у кого заботы нѣтъ на душѣ! Съ матерью по вечерамъ запершись шушукаются; и хоть Ларисѣ Ивановнѣ извѣстно все, что дѣлается въ домѣ, но ужъ тутъ она ничему помѣшать не можетъ.

И вдругъ нежданная выходка матери, что называется,—сама въ руки просится.

— Ну, мамаша... отцовскія времена поминать сейчасъ какъ будто и не совсѣмъ оно кстати! Тогда и ничего не могло быть, что у насъ теперь дѣлается. Кто же это тогда подумать посмѣлъ бы къ столу не явиться, заставить старшихъ дожидаться себя? Да ужъ и намъ полно ждать-то, я думаю?—обвела она медленнымъ взглядомъ всѣ лица.—Можно хоть простывшими пельменями гостью нашу угостить. Аннушка! прими крышку.

Она потянулась надъ столомъ, сама сняла фарфоровую крышку съ круглаго блюда, передала ее подскочившей дѣвушкѣ и только тогда опустилась на свой стулъ; не сгибая стана, плавно, точно предсѣдатель, открывающій важное собраніе.

Несчастная Анна Петровна мучительно завозилась надъ своимъ приборомъ, когда Аннушка поднесла къ ней первой круглое блюдо.

„Ахъ ты тиранка, тиранка безсовѣстная!“ выругался мысленно Саня, поспѣшно сдергивая съ тарелки салфетку, на которую мать въ волненіи собиралась накладывать пельмени.

— Но почему бы не установить разъ навсегда правила не ждать опаздывающихъ?..— заговорилъ студентъ безпечнымъ голосомъ, взглядомъ взывая къ поддержкѣ тети Жени, которая сидѣла какъ разъ напротивъ, около пустого пробора Дины.—Вѣдь человѣку, можетъ быть, вовсе и ѣсть то не хочется или онъ долженъ бросить дѣло, оттого что другіе ждутъ. Совершенно ненужное стѣсненіе.

Лариса уже смотрѣла ему въ ротъ, выжидая послѣдняго слова.

— Ну, да, само собой разумѣется! У васъ вѣдь нынче и все только лишнее стѣсненіе! Какія это дѣла важныя у Надежды Ивановны, позволь тебя спросить? Кажется, только одно и есть у насъ дѣло, да и то стоитъ. Досада такая, нельзя въ рабочую пору молодыхъ парней отъ дѣла отрывать, чтобы балясы съ ними точить.

Тетя Женя недовольно повела бровью и сказала ровнымъ голосомъ, въ которомъ однако, явственно зазвучала твердая нота.

— Удивляюсь, Лариса, какъ это ты выражаешься подобнымъ образомъ о школѣ... Конечно, мы тутъ все свои—но про дѣвушку всегда слѣдуетъ выражаться осторожно.

Лицо Ларисы еще сильнѣе побурѣло.

— Очень вамъ благодарна за урокъ, тетушка! только не стара ли ужъ я стала для уроковъ? Я не свѣтская дама, вывертовъ вашихъ съ меня нечего спрашивать... А говорю про родную сестру — и о чемъ говорю, то сама хорошо знаю.

Послѣднія слова прозвучали явной угрозой. Мама вся затряслась на своемъ стулѣ, раскашлялась; Саня сталъ наливать ей воду, что-то бормоча сквозь зубы; а Евгенія Петровна брезгливо оттолкнула отъ себя тарелку.

— Хоть бы ты позавтракать дала намъ спокойно!— выговорила она съ уничтожающей иронiей, принимаясь складывать свою салфетку.

Анна Петровна пришла въ отчаяніе:

— Ахъ, Боже мой,—теперь она ничего кушать не будетъ... Женичка!.. Лисинька! зачѣмъ же ты и въ самомъ дѣлѣ?! Лисинька...

Лариса желчно засмѣялась.

— Опять Лисинька виновата?! и тутъ, должно быть, моя вина, что ваша принцесса ни къ кому уваженія не знаетъ, на всякое приличіе плюетъ? Цѣлый домъ ее дожидается, а она побѣжала съ дружкомъ своимъ повидаться—настрочить его получше, про всякій случай... И правда, времени нельзя терять—она-то, небось, знаетъ, что меня ей одурачить не удастся... Я вѣдь не мать!

Точно бомба упала посреди стола.

Евгенія Петровна съ упрекомъ смотрѣла на сестру: стало быть, отъ нея скрывали главное?! Быть въ дурахъ тетя Женя не охотница.

Саня мгновенно прочиталъ въ своей памяти всѣ намеки Ларисиныхъ писемъ... Около него мать глухо зарыдала, откинувшись на спинку стула, и онъ окончательно убѣдился, что понялъ вѣрно. Вотъ онъ—камень за пазухой Ларисы! Вотъ зачѣмъ понадобился вселенскій соборъ, вотъ отчего Дина какъ-то особенно волнуется и злится...

...Вотъ, чего самъ онъ словами не думалъ, но боялся смутно... Боялся, что Лариса можетъ дойти и до такой гнусности.

— Лариса! ты отвѣтишь за эти слова—отвѣтишь!—крикнулъ онъ, задыхаясь отъ бѣшенства: Дина теперь не беззащитна, какъ глазъ на глазъ... Мы всѣ требуемъ—тетя, неправда ли, мы требуемъ?! — требуемъ, чтобы она объяснила свои низкія слова... да, низкія, низкія!!.

— Тише, тише! уймитесь, Бога ради, уймитесь! — силилась перекричать всѣхъ Евгенія Петровна.—Саня! Voulez vous vous taire, s'il vous plait!? Сцѣпились прежде чѣмъ что-нибудь ска-

зано... Я отказываюсь! Сію минуту иду укладываться — разбирайтесь, какъ сами знаете... Une honte... vraie honte!!.

Лариса, блѣдная, улыбалась въ поднимающемся опьяненіи отчаянной схватки.

— Простите ужъ, ваше превосходительство Евгенія Петровна, что не могу изложить вамъ все это на французскомъ языкѣ, чтобы вы выслушали, не оскорбляясь! Только припомните, вѣдь еслибъ я тоже захотѣла читать французскіе романы, вмѣсто того, чтобы доить коровъ да считать возы съ навозомъ.

...Ха, ха!.. тогда вотъ этотъ молодой человѣкъ, въ модныхъ воротничкахъ ни свѣтъ ни заря, вѣдь чего добраго, щеголялъ бы онъ теперь совсѣмъ въ другомъ видѣ! а?

Она грубо ткнула пальцемъ на Саню. Студентъ побагровѣлъ и невольно покрутилъ шеей въ тугомъ воротничкѣ.

— Лариса Ивановна, по обыкновенію, открываетъ кампанію попреками!.. Альфа и омега всѣхъ объясненій! Ну, этимъ путемъ мы врядъ ли скоро доберемся до сути...

Глаза старшей сестры мрачно блеснули подъ рѣзкими углами бровей.

— И то! какая вамъ неволя вспоминать, кто на всю жизнь похоронилъ себя въ медвѣжьемъ углу, не доѣдая, не досыпая на работѣ! кто клянчилъ и унижался, изворачивался, Богъ одинъ вѣдаетъ какъ, чтобы пересрочивать изъ года на годъ отцовскіе долги! чья подушка только знала, когда все висѣло на волоскѣ! кто одна и въ отвѣтѣ была бы, кабы пошло съ молотка.. Богъ не допустилъ, выцарапалась!

Мать слушала, склонивъ низко голову, какъ слушаетъ преступникъ обвинительный актъ.

Студентъ вертѣлся на стулѣ, точно на горячихъ угольяхъ. Тетя Женя нервно катала на столѣ хлѣбные шарики. Воспользовавшись мгновеніемъ, она подняла глаза,—но не на Ларису, а на племянника, предупреждая его не вмѣшиваться.

— Саня сказалъ вздоръ (извини, милый, c'est pas ma faute!), но и ты все-таки не права, Лариса: они вовсе не неблагодарные, твои воспитанники, нѣтъ, нѣтъ, ручаюсь тебѣ! Еще сегодня Дина говорила мнѣ...

— Ха! Могу представить себѣ, что говорила Дина!

Лариса гордо выпрямилась.

— Я не нуждаюсь ни въ чьей благодарности,—такъ, къ слову пришлось... Мнѣ отецъ, умирая, поручилъ поставить на ноги маленькихъ, да, кромѣ меня, и некому было пожертвовать собой для семьи. Ему я за нихъ отвѣтъ дамъ!... А это мнѣ не страшно, г-нъ студентъ, что вы себѣ губы грызете... Я не стыжусь въ Бога вѣрить!.. Кабы на Него одного всю мою жизнь не уповала, такъ

неизвѣстно, сладко ли отъ того пришлось бы вамъ съ сестрицей...

Саня пожималъ плечами.

— Кажется, твоихъ чувствъ, Лариса Ивановна, никто не позволяетъ себѣ касаться. Только вотъ... насчетъ отвѣтственности за нашу судьбу! Не пора ли, наконецъ, признать наше совершеннолѣтіе? Сложить добровольную обузу...

Еще разъ въ глазахъ Ларисы сверкнуло торжество, что такъ наивно ей даютъ поймать себя на словѣ. Она прикрыла глаза и протянула неожиданно притихшимъ голосомъ:

— Правда? такъ отчего же ты не порадуешь насъ, не разскажешь, какъ тебѣ удалось устроиться? Откуда же намъ знать!— вѣдь ни о чемъ такомъ и рѣчи не было, когда въ послѣдній разъ тебѣ деньги высылали. Сообщи, сообщи скорѣе...

„Hélas! pas plus fort que ça"! подумала тетя Женя съ сожалѣніемъ. По лицу Сани слишкомъ очевидно было, что ему совершенно нечего сообщить имъ.

— Ахъ, вотъ... тебѣ угодно такъ это понимать! Хорошо, хорошо... Да, разумѣется, такъ оно будетъ гораздо проще!—выкрикивалъ онъ, весь красный и взбѣшенный, стараясь не видѣть соболѣзнующихъ глазокъ тети Жени.

— Н-ну!.. Это мы когда-нибудь увидимъ, просто ли оно тебѣ покажется.

Лариса пренебрежительно отвернулась къ теткѣ.

— Мнѣ, Евгенія Петровна, не сто лѣтъ, изъ ума покамѣсть еще не выжила—все вижу. Было время, не одинъ разъ предупреждала... Что-жъ подѣлаешь, сестра вѣдь не то, что мать! Старше меня тогда поперекъ стали...

Всегдашняя манера Ларисы—не говорить прямо, ходить вокругъ, да около, наэлектризовывая атмосферу угрожающими намеками.

Дина называла это „зловѣщимъ вѣщаніемъ" Ларисы и совсѣмъ не могла этого переносить; мать Лариса этимъ держала въ постоянномъ трепетѣ; на деликатные нервы тети Жени это дѣйствовало удручающе. Она посмотрѣла съ сожалѣніемъ на сестру, вздохнула и сказала:

— Ну, что-жъ, если это неизбѣжно... il faudera le subir!.. Скажи, наконецъ, что ты подъ всѣмъ этимъ подразумѣваешь?.. Но позволь, позволь... Мы, надѣюсь, не будемъ же вести подобныхъ разговоровъ здѣсь, въ столовой?..

И она поднялась первая, въ страхѣ, чтобы что-нибудь лишнее не было сказано передъ прислугою.

Лариса предложила было перейти всѣмъ на ея половину, но ей и договорить не дали.

— Къ мамѣ, къ мамочкѣ въ комнату! Это всего проще, неправда ли, тетя?—крикнулъ первый Саня.

— Это то, что подобаетъ, мой другъ, — постановила торжественно тетя Женя.

V.

Комната матери большая, не очень свѣтлая, съ альковомъ. Тяжелая мебель всегда стоитъ въ чахлахъ, потому что обивка подъ ними давно развалилась отъ ветхости.

И эта комната тоже загромождена множествомъ безполезныхъ вещей; однако, приглядѣвшись внимательнѣе, не трудно понять, что весь этотъ старый хламъ скопился здѣсь не случайно. Каждая вещь что-нибудь олицетворяетъ собою: людей, которыхъ давно нѣтъ — радости, миновавшія навсегда—страданіе, не изгладившееся въ смѣнѣ годовъ...

Стѣны завѣшаны портретами и маленькими картинками, совсѣмъ плохой ученической акварели, но оправленными въ нарядныя рамочки. За стеклами старинной „горки“, вмѣсто фамильнаго серебра, пестрѣютъ самые неожиданные предметы: дѣтская помятая шляпка, игрушки, тетрадки, высохшіе букеты, сломанные вѣера, вылинявшія ленты, ящички и коробочки всѣхъ величинъ и фасоновъ. На нижней полкѣ сложены разобранныя части дѣтской „ходульки“ краснаго дерева, съ вытертымъ бархатнымъ бортикомъ. Въ одномъ углу комнаты красуется вычурной работы стойка съ цѣлой коллекціей трубокъ, и тутъ же подвѣшаны шитые бисеромъ кисеты. Охотничій ягташъ, дорожный погребецъ, шашечница, мольбертъ, костяныя марки для бостона въ плоскомъ ящикѣ искусной работы, пустая клѣтка.

И все это размѣщено тутъ же, между обиходными вещами, на столахъ, на комодахъ, этажеркахъ и окнахъ. Видно, что кто-то съ этими вещами живетъ, какъ живутъ съ живыми существами.

На кушеткѣ всегда лежатъ двѣ подушки и ножное одѣяло, подбитое красной фланелью — здѣсь мама проводитъ большую часть своей жизни. Только страхъ и огорченія способны поднимать ее на ноги и принуждаютъ выходить изъ этой комнаты, разговаривать, писать письма. Обыкновенно она лежитъ цѣлыми часами, засунувъ подъ одѣяло зябкія ножки и блуждая съ предмета на предметъ туманнымъ взоромъ, полнымъ думъ и видѣній... И становится она къ каждымъ днемъ все худѣе и блѣднѣе, все труднѣе призывать ее къ дѣйствительности...

— Ахъ, люблю я эту смѣшную мамину комнату!—воскликнулъ на порогѣ Саня.

Тетю Женю усадили на почетное мѣсто, на кушетку; мама стащила на полъ свое одѣяло и шепнула нѣжно:

— Погрѣй свои ножки, ангелъ мой...

— Погрѣй! что ты, голубушка, я и такъ задыхаюсь! Душно у васъ вездѣ...

Лариса одна еще не садилась; она повернулась къ кушеткѣ. Свистящій, упругій звукъ ея словъ точно врѣзался во что-то:

— Да-съ, Евгенія Петровна, душно у насъ! Старомодно! Затхло! Ну, за то теперь вы общими силами новые заведете порядки—свободные, веселые! Лариса мѣшаетъ—не бойтесь, не будетъ Ларисы, уйдетъ старая деспотка, скопидомка... Просторно будетъ молодой хозяйкѣ! Я звала къ себѣ въ комнаты, чтобы вы могли книги просмотрѣть. Ха! ха! воспитанникъ-то мой, такъ и закричалъ голосомъ—испугался!

Тетя Женя подняла, было, обѣ руки, чтобы взяться за виски, да не донесла, въ изнеможеніи уронила ихъ на колѣни.

...„Ca commence... la tragedie!“ сказала она себѣ уныло.

А мама въ смятеніи вся затрепетала, смотрѣть жаль.

— Лисинька!.. Лисинька моя, не надо! Не говори молю тебя! Не слушайте, не слушайте...

Лариса и не поглядѣла на нее.

— Довольно пугаломъ быть! устала и я когда-нибудь, умаялась. Не дѣти, слава Богу. Александръ Ивановичъ съ сестрицей примутъ дѣла, вотъ при тетушкѣ... Пусть теперь другіе поработаютъ, попробуютъ.

Такого оборота никто не могъ ожидать.

Саня даже внутренно развеселился, когда заслышалъ „рѣчи Бориса Годунова“ вмѣсто другого, чего онъ смутно страшился. Украдкой онъ кинулъ лукавый взглядъ на кушетку: ну-ка, какъ наша Екатерина Великая это отпарируетъ?

— Лариса... Лариса... Боже мой, для чего все это!?— уронила тетушка точно нехотя, какъ о чемъ-то несообразномъ до очевидности.

— Для того, тетушка Евгенія Петровна, что хоть я-то одна еще дорожу отцовскимъ именемъ!

...Вотъ оно—*настоящее*.

Лариса уже безъ удержу неслась впередъ. Она во время предупреждала. Не хотѣли слушать, такъ теперь надо спасать, какъ можно. Ну, глупа она—глупо придумала—они умнѣе, лучше придумаютъ.

— Вы, тетушка, увезите ее въ Москву—попытайтесь!

Та отъ неожиданности даже вспыхнула молодымъ румянцемъ.

— Позволь, позволь, душа моя... Ты ужъ теперь всѣми распоряжаться хочешь, не только Дининой судьбой! Что *я* сдѣлаю—

это я буду знать, когда ты намъ, наконецъ, скажешь, отъ какой опасности надо спасать... И я требую у тебя сейчасъ же, сейчасъ!—она кончила вдругъ нервнымъ, капризнымъ крикомъ избалованнаго существа, истощившаго мѣру своего снисхожденія.

Этотъ крикъ точно сдунулъ мать съ ея мѣста; она въ ужасѣ заметалась отъ одной къ другой:

— Оставьте, оставьте это... ради Бога, молю васъ! Ради Бога... будемте о другомъ говорить... о дѣлахъ, о дѣлахъ надо говорить!

Она хватала Евгенію Петровну за руки.

— Женичка, послушай... посуди сама, какъ это странно! Лариса хочетъ, чтобы мы... чтобы переѣхали... туда переѣхали... знаешь *куда!*

Она прошептала это слово съ страдальческимъ усиліемъ въ исказившемся лицѣ, въ дрожащихъ рукахъ, судорожно сжимая у горла ситцевую кофточку. И точно перескочивъ черезъ какую-то преграду, опять загорячилась, заспѣшила:

— Ахъ, вотъ что, вотъ что—деньги!.. Вѣдь это ужасно дорого станетъ—откуда же? Лисинька, ты не думаешь объ деньгахъ! Дина не соглашается, она свою школу такъ любитъ... вы вѣдь всегда это знали! Скажите вы оба... разсудите, голубчики! вѣдь она столько трудилась... такая молоденькая... такая скука для молоденькой...

Она въ отчаяніи всплеснула руками:

— Господи! какъ можно очернить самые благородные поступки... о, я знаю... знаю... знаю...

Точно жизнь выходила изъ нея вмѣстѣ съ непривычной долгой рѣчью. Послѣднія слова совсѣмъ безъ звука... Она качнулась и упала назадъ въ кресло. Точно застывая на пути, двѣ слезы медленно скатывались изъ-подъ закрывшихся вѣкъ.

— Успокойтесь, мамаша, я молчу,—выговорила Лариса.— Убивать васъ не буду... убиваютъ не слова... ну, какъ хотите! Только и меня вы не можете заставить остаться. Шестнадцать лѣтъ работала на всѣхъ, какъ батрачка—довольно! Пусть не я буду хозяйкой родного гнѣзда, когда моя совѣсть этого не позволяетъ!

Съ этими словами Лариса исчезла изъ комнаты, прежде чѣмъ кто-нибудь опомнился.

Студентъ и Евгенія Петровна разомъ вскочили со своихъ мѣстъ.

— Комедіантка! безбожная комедіантка! Мамочка, полно, полно вамъ—плюньте вы на нее! А? каковы ходули? Со-овѣсть не позва-аляетъ! Можно подумать, что Лариса Ивановна государственный заговоръ въ Зажорахъ открыла!

Евгенія Петровна чувствовала себя совершенно измученной.

Аня даже глазъ на глазъ не рѣшается повторить того, что утверждаетъ Лариса... Терзается, плачетъ... Но возможно, что Аня путаетъ, что-нибудь мерещится ея больной фантазіи. Минутами теткѣ кажется, что она что-то улавливаетъ въ этомъ сумбурѣ; но ничто не договаривается до конца, а передъ необходимостью самой формулировать догадки она брезгливо отступаетъ.

Но зачѣмъ себя обманывать? Если Лариса въ самомъ дѣлѣ все броситъ и уѣдетъ... вернется, само собой разумѣется!.. да пока-то, пока что дѣлать!? Кто это вступитъ въ управленіе имѣніемъ въ разгаръ лѣта, кто будетъ здѣсь знать хоть шагъ ступить, когда она одна все знала и направляла!.. Чужого человѣка искать,—да кто же, кто все это будетъ дѣлать?!

Сознаніе такъ ясно подсказывало *кто* это будетъ, что Евгенія Петровна уже чувствовала, какъ въ ея груди поднимается знакомое нервное волненіе, похожее на тошноту. Досада на себя—нужно, нужно было еще разъ сунуться въ чужія дѣла!—и негодованіе на главную виновницу всего: она гуляетъ!..

Дина давно вернулась и въ нерѣшимости стояла у окна въ столовой. Немного отлегло у нея отъ сердца, когда Лариса, точно темная тѣнь, проскользнула беззвучно черезъ комнату.

Побѣдители не отступаютъ. Лариса смотрѣла въ землю и кажется не замѣтила ея.

Послѣ этого вышелъ Саня и тоже едва не прошелъ мимо.

— Саня! тебѣ меня?—окликнула она.

— Ахъ, вотъ ты, наконецъ! Что же ты тутъ стоишь? Удивительно! Мы ждемъ, ждемъ...

Дина жадно смотрѣла ему въ лицо: что тамъ происходило въ маминой комнатѣ?

Но онъ повернулся и пошелъ обратно. Ни слова, ни взгляда, чтобы успокоить ее или хоть упрекнуть! Непріятное, дѣланное лицо ..

„Не считаетъ себя въ правѣ вступать въ сношенія съ обвиняемой... судья!“

Дина въ негодованіи пошла скорѣе, обогнала его и первая вошла въ кабинетъ.

— A la bonne heure! наконецъ, ты надъ нами сжалилась!—встрѣтила ее тетя Женя.

Дина подошла къ матери.

— Мамочка, прости пожалуйста, что опоздала... Что такое? ты больна... больна!?

Дина уже стояла на колѣняхъ и съ трудомъ оторвала отъ груди судорожно стиснутыя, холодныя, какъ ледъ, руки.

— Да, вижу... и тебя не пощадили!..

— Вотъ, наконецъ, настоящее слово,— подхватила строго тетя

Женя,—слѣдовало бы вамъ помнить, друзья мои, какъ больна мамочка бѣдная. Грѣшно такъ не щадить ее!

— Что ты! что ты! такъ не надо говорить... только не про меня!—лепетала та въ испугѣ.

— Дина... дѣвочка моя... никто не повѣритъ, не бойся... не бойся!..

— Чему не повѣрятъ!?—воскликнула Дина.

Мать закрыла глаза и слабо махнула рукой.

Дина вскочила.

... Къ чему эта комедія? Тетю Женю просили пріѣхать, чтобы помирить ихъ съ Ларисой.

— Повѣрьте, тетя, мнѣ очень, очень стыдно передъ вами!.. Слава Богу, всѣ давно взрослые, могли бы не мучить васъ больше нашими вѣчными исторіями.

Но Евгенія Петровна и тутъ пыталась все сгладить своимъ тактомъ благовоспитанной женщины;

— Ну, знаешь, ты будь все-таки полюбезнѣе... не такъ ужъ откровенно огорчайся, что я пріѣхала! Можетъ быть, я еще и пригожусь...

Саня не могъ удержать восхищеннаго восклицанія. Какая она добрая и спокойная! Вотъ бы сестрицамъ у нея поучиться не шипѣть по-змѣиному...

— Тетя, вы — мамино душевное спокойствіе! — воскликнула Дина пылко.—Я потому и надѣюсь, тетя Женя... надѣюсь, что вы мнѣ поможете убѣдить маму...

— Въ чемъ же, душа моя?

Дина обвела всѣ лица тяжелымъ, пытливымъ взглядомъ.

— Я должна уйти... Не могу больше такъ жить!

И вдругъ, къ своему изумленію и ужасу, Дина услыхала, что тетя Женя смѣется... Нервнымъ, неискреннимъ смѣхомъ, но все же смѣется!

— Часъ отъ часу не легче... И эта туда же! Но кто же отъ кого бѣжитъ, наконецъ?! Въ такомъ случаѣ, знаете что? Домъ мы заколотимъ, маму я къ себѣ увезу... Не правда ли?

„Легко живется на свѣтѣ, коли только однѣ шутки на умѣ!“ — думала гнѣвно Дина.

— А злиться никогда и ничему не помогаетъ... О! Я даже вотъ какъ вамъ скажу: еслибъ меня навсегда поселили жить съ вами — я непремѣнно превратилась бы въ настоящаго шута... Честное слово!.. Въ вашей атмосферѣ нельзя безъ громоотвода— опасно!

Разумѣется, Саню страшно тревожила Дина, но вниманіемъ невольно овладѣвала очаровательная женщина. Каждая ея фраза

приводила его въ восхищеніе, и пріятное ощущеніе парализовало волненіе.

Громоотводъ тети Жени дѣйствовалъ.

Дина взглянула въ его лицо—и рѣзкимъ движеніемъ повернулась такъ, чтобы не видѣть его больше. Горькое ощущеніе одиночества, испытанное утромъ, съ новой силой поднялось въ душѣ.

„На мызѣ схоронюсь... Кликнете, коли что“, точно прозвучалъ около нея взволнованный голосъ Савелія. Вотъ кто ея настоящій другъ—единственный!..

Холодно начала Дина выяснять, почему ей приходится уйти. Въ своемъ дѣлѣ каждый долженъ быть хозяиномъ или вовсе отказаться. Въ школѣ теперь уже не три, а двадцать человѣкъ; дольше нельзя держать ее въ развалинѣ, грозящей обвалиться, нельзя справляться на два гроша, да и за нихъ вѣчныя исторіи и попреки. На зиму рѣшено переѣхать въ городъ, единственно для того, чтобы принудить ее закрыть школу. Лариса въ городѣ—въ этомъ есть даже самоотверженіе!.. Но какъ же она, Дина, можетъ этому помѣшать?!

— Позволь, Дина!—заволновался Саня.—Скажи, куда ты можешь уйти? Ну, куда?!

Тетка его остановила:

— Нѣтъ, прежде чѣмъ обсуждать этотъ вопросъ, надо, чтобы Дина узнала, что и Лариса тоже собирается уѣхать—отказывается отъ Зажоръ.

— Ты этого не знала?

Дина не только не знала, но какъ-то неожиданно растерялась.

— Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрьте! — воскликнула она, не задумываясь. — Тутъ что-то кроется, какая-то хитрость — это невозможно!..

Пользуясь ея смущеніемъ, тетя Женя все такъ же мягко, но и рѣшительно потребовала объясненія: почему, изъ-за какого повода ихъ разногласіе съ сестрой до такой степени обострилось? Всегда Лариса преслѣдовала школу, но, однако, принуждена же была терпѣть ее. Что случилось? Вѣдь онѣ выходятъ изъ всякихъ границъ—обѣ грозятъ бросить домъ.

— Я этого не понимаю!— воскликнула дѣвушка съ возмущеннымъ жестомъ, точно отталкивая что-то, надвигавшееся на нее.

— Полно, такъ ли это, Надежда Ивановна?—спросилъ тихо голосъ, котораго никто не ждалъ.

Они не замѣтили, какъ Лариса появилась на порогѣ. Мать вскрикнула и зажала лицо руками.

Дина чувствовала, какъ блѣднѣетъ такъ быстро, что закружилась голова. Красивое молодое лицо вдругъ стало поразительно

похоже на грубое и угрюмое лицо старшей сестры. Точно посторонняя сила пододвинула ее къ двери.

— Ахъ, вы вернулись, Лариса Ивановна? Какъ разъ во время, чтобы помѣшать говорить! Такъ зачѣмъ же ты уходила, отчего не вылила всего своего яда, пока меня здѣсь не было!?

— Дина!.. Дина!..

— Нѣтъ, тетушка, вы не мѣшайте ей,— остановила Лариса.— Сейчасъ увидите, какъ мы *ничего* не понимаемъ! Я вѣдь сказать не смѣю— на мнѣ запретъ лежитъ...

Дина стремительно повернулась къ матери.

— Мама, пусть она скажетъ все, что ей угодно! Ради Бога, велите ей, велите ей говорить!

Съ большаго кресла раздался только протяжный стонъ.

— О, Боже мой, вы насъ обѣихъ уморите! Саня, не въ службу, а въ дружбу... принеси мою соль—флаконъ... Машу спроси...

Саня съ облегченіемъ выскочилъ изъ комнаты. Лариса посторонилась отъ двери, чтобы пропустить его.

— Оно и лучше бы безъ него—выговорила она многозначительно, ни къ кому не обращаясь.

Но тетя Женя не безъ основанія занимаетъ высокій дипломатическій постъ. Она поспѣшила заявить Ларисѣ, что и Дина хочетъ уѣхать; она приглашала разсудить, что должно выйти изъ всего этого?

Была минута, когда Лариса, въ свою очередь, растерялась... Неужели весь эффектъ ея угрозы пропалъ даромъ? Выходило что-то почти комическое... Пронзительный взглядъ пронизывалъ Дину.

Но точно для того, чтобы дать ей время собраться съ мыслями, тетушка не удержалась, чтобы не порисоваться собственной ироніей.

— Я предлагаю домъ запереть, а Аню ко мнѣ въ Москву увезти. А ужъ хозяйство твое останется на произволъ судьбы.. въ управляющіе имѣніемъ я не гожусь, какъ вы знаете!

Лариса медленно провела рукой по лицу, точно стирала послѣдній слѣдъ малодушнаго волненія. Въ голосѣ опять угроза зазвучала.

— Не спѣшите, такъ тетушка! Найдется, пожалуй, кому и передать съ рукъ на руки—свѣдущему человѣку. Не всякое лыко въ строку. Отъ слова не станется!

Дина ловила слова на ея губахъ. Въ умѣ ея вдругъ мелькнула догадка, и кровь свободнѣе побѣжала по жиламъ.

— Что?.. *свѣдущему человѣку*? Что это значитъ?! Не всякое лыко... ты не вѣришь? Ты думаешь... Господи, неужели ты *это* думаешь?!..

Она въ удивленіи отступила на шагъ и въ то же время по-

водила головой и оправляла воротъ платья, съ облегченіемъ какого-то освобожденія.

— Замѣчаете, тетушка, какъ она мысли-то въ моемъ умѣ читаетъ—точно какъ въ книгѣ!—усмѣхнулась злорадно Лариса.

— Саня! Дай, дай флаконъ скорѣе... у меня голова мутится... И гдѣ только твои сестры набрались столько ехидства! c'est innoui, je vous dis...

Дина густо покраснѣла и выпрямилась.

— Простите, тетя Женя, сейчасъ все кончится, сію минуту! Наконецъ-то, я поняла, въ чемъ меня подозрѣваютъ!—голосъ разомъ упалъ на спокойныя низкія ноты, взоръ смягчился.—Еслибъ ты сколько-нибудь хотѣла понять меня, твою единственную сестру, Лариса, давно ты знала бы, что у насъ все разное — понятія и желанія... Ничего такого, что тебѣ мерещится, у меня и въ помышленіяхъ никогда не было. Нѣтъ, я не собираюсь оспаривать твоихъ правъ на Зажоры и *никого себѣ въ помощники не готовила!* — договорила она, подчеркивая слова съ холодной обидой.

Лариса глаза прищурила и губы стиснула отъ напряженія, съ какимъ вглядывалась въ ея лицо.

— Больше скажу: еслибъ я вдругъ одна на свѣтѣ осталась... съ твоими Зажорами на рукахъ, такъ я и тогда отказалась бы отъ нихъ, отдала! Нѣтъ, нѣтъ... Только не убивать жизнь на проклятое хозяйство! Довольно насмотрѣлась за всю жизнь... Твои Зажоры—ты ихъ спасла, жизнь свою на это положила. Насъ съ Саней ты воспитала—ничего, ничего больше ты не обязана...

Съ каждымъ словомъ съ нея какъ будто спадала тяжесть. Она обернулась и кинула свѣтлый взглядъ брату.

— Саня, поддержи же меня! Пора намъ стать на свои ноги. Живутъ какъ-нибудь другіе, у кого нѣтъ никакихъ Зажоръ—такъ авось и мы не плоше всѣхъ! Мамочка...

Дина не поняла, зачѣмъ въ этотъ мигъ Лариса вылетѣла на середину комнаты, съ какой-то неожиданной, нелѣпой ужимкой: развела широко руки и пригнула голову, точно она кланяется кому-то.

— Ну, вотъ, вы всѣ свидѣтели! Всѣ слышали, могу ли я дольше молчать! Теперь ужъ меня въ глаза за круглую дуру считаютъ, провести надѣются, точно дѣвчонку какую-нибудь!

Саня, еще не понимая, въ чемъ дѣло, только почувствовалъ, что готовится что-то безобразное, и однимъ прыжкомъ очутился рядомъ съ Диной. Дѣвушка поспѣшно положила руку ему на плечо.

— Оставь, оставь, Саня, не надо! Лариса мнѣ не вѣритъ. Ну, что-жъ съ этимъ дѣлать! Пусть время покажетъ...

Не договоривъ, Дина попятилась передъ внезапнымъ движе-

ніемъ: ей показалось, что Лариса бросилась, чтобы схватить ее. Подскочила такъ близко, что ее обдало знакомымъ противнымъ запахомъ... Безцвѣтные, острые глаза засверкали передъ самымъ ея лицомъ.

— А-а-а!.. ты думаешь... такъ просто, просто!? Ступайте, милая Надежда Ивановна, на всѣ на четыре стороны, развратничайте безъ всякой помѣхи, позорьте отцовское имя...

— Лариса!.. Лариса..!

— Лариса!!..

Всѣ теперь стояли на ногахъ. Она размахивала руками, точно отбиваясь отъ всѣхъ.

— Ага! теперь всѣ поняли, наконецъ!? Да вы-то, Евгенія Петровна, вы — институтка невинная, что ли, что самыхъ ясныхъ намековъ разобрать не могли?! Не угодно было тихо, безъ срама, ну такъ пусть скандалъ будетъ... Мнѣ одной вѣдь не одолѣть васъ всѣхъ!

— Elle est folle!..

Саня крѣпко держалъ Дину за плечи, ему казалось, что сейчасъ она грохнется на полъ.

— Не folle, не folle, тетенька, не надѣйтесь! А вотъ эту лѣвицу увезите скорѣе въ Москву — тутъ, можетъ быть, что и folle! Пускай ваши доктора ей нервы въ порядокъ приведутъ... Другія и не съ ея вѣкъ въ медвѣжьемъ углу отсидѣли, лица человѣческаго не видя... годы вѣдь, годы! Пятнадцать лѣтъ назадъ я не старше васъ была, Евгенія Петровна, а вонъ вы и по сей часъ не знаете, во что вамъ свою красоту нарядить! Жили-съ и все, что долгъ велѣлъ, исполнили. И на шею никому не вѣшались! До такой низости не довели себя, чтобы съ мужикомъ амуры завести...

Это былъ шопотъ, но точно онъ съ колокольнымъ звономъ пролетѣлъ по комнатѣ.

Тетя Женя зажала руками уши и выкрикивала одной истерической нотой:

— Уведите ее! Уведите ее! Уведите ее!

Дину студентъ посадилъ на стулъ и схватилъ Ларису за кисти рукъ.

— Пони-ма-ешь... су-ма-сшед-шая... что ты гово-ришь?..

Она грубо локтями отбивалась отъ него.

— Но-о! ты, пащенокъ, руки прочь, руки! Что-жъ вы теперь такъ взбеленились, гдѣ раньше у васъ головы были?! Я не одинъ годъ твердила, что непристойно для молодой дѣвицы съ взрослыми балбесами возжаться... Развѣ такая школа бываетъ: розсказни, да смѣхи, да гулянки, да чаепитья, да картинки? Онъ ужъ и прошлое все лѣто, какъ собака, слѣдомъ ходилъ. Ты,

умникъ-студентъ, замѣтилъ ты что-нибудь? Да гдѣ ужъ, коли я—я и то цѣлый годъ ни другимъ, ни себѣ повѣрить не могла! Не угодно ли, ваше превосходительство, сію минуту я экипажъ велю заложить, довезу до камышей? Полюбуйтесь своими глазами, какой дорожкой нынче благородныя дворянскія барышни бѣгаютъ на свиданья съ деревенскими парнями!

Саня безсознательно хватался руками за голову.

...Отчего, отчего ни одного слова не говоритъ Дина?! Точно каменная застыла на стулѣ, какъ онъ посадилъ ее. Онъ не могъ взглянуть на нее, но и не глядя пугался этой неподвижности.

Вдругъ среди смятенія—сначала такъ тихо, что никто не обратилъ вниманія, потомъ громче—раздалось протяжное пѣніе:

— Со-освя-я-ты-ми... у-у-по-кой...

Голосъ, высокій и слабый, обрывался и снова тянулся дребезжащимъ, надтреснутымъ звукомъ.

Надъ большимъ кресломъ медленно и плавно поднималось безкровное лицо, съ остановившимися пылающими глазами. Глаза восторженно всматривались во что-то. Руки безпокойно двигались, точно искали въ воздухѣ.

— Ана!.. домучили!!..

Тетя Женя, окаменѣлая Дина, вся еще трепещущая страстью Лариса, потерявшій голову Саня—всѣ кинулись къ ней, не смѣя, не зная, что они должны дѣлать...

Ольга Шапиръ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ГОРОДЪ И ДЕРЕВНЯ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

(Краткій очеркъ экономической исторіи Россіи).

I.

Введеніе.

Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ и значеніи города и деревни въ человѣческомъ общежитіи принадлежитъ къ числу самыхъ жгучихъ, наиболѣе волнующихъ общество, по крайней мѣрѣ, мыслящую его часть, вызывающихъ рѣшенія, различныя нерѣдко до противоположности. Не со вчерашняго дня раздаются призывы интеллигенціи въ деревню, на лоно природы, къ первобытной простотѣ и рисуемой мечтателями въ яркихъ краскахъ непосредственности и даже невинности. Философы, ученые, публицисты, поэты не щадятъ словъ для обличенія гнилой городской цивилизаціи съ ея искусственностью, испорченностью и губительнымъ вліяніемъ на человѣческія жизнь и здоровье, физическое и нравственное. Нѣтъ недостатка и въ голосахъ противоположнаго направленія: панегиристы городского строя въ противовѣсъ идеологамъ деревни указываютъ на невѣжество, грубость, косность, ничѣмъ неискоренимую склонность къ застою, свойственныя сельскому населенію, и противополагаютъ этому кипучую умственную и эстетическую жизнь городовъ, ростъ комфорта и благосостоянія въ условіяхъ именно городского строя, развитіе личности, свободы и правосознанія среди горожанъ. Этотъ нескончаемый споръ заставляетъ пересматривать цѣлый рядъ наболѣвшихъ вопросовъ, когда-либо возникавшихъ передъ умственнымъ взоромъ человѣчества. Важный всегда и вездѣ, онъ пріобрѣтаетъ особенную жгучесть въ настоящее время въ нашемъ отечествѣ въ силу тѣхъ экономическихъ перемѣнъ, какія приходится переживать Россіи. Въ послѣднее время вопросъ о значеніи и взаимныхъ отношеніяхъ города и деревни постепенно теряетъ утопическую окраску и пріобрѣтаетъ положительную постановку. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь и городъ, и деревня созданы необходимыми и неустранимыми условіями человѣческаго общежитія, отвѣчаютъ наличнымъ и совершенно несомнѣннымъ потребностямъ общества. Вопросъ, слѣдовательно, заклю-

чается не въ томъ, какъ замѣнить деревенскій бытъ городскимъ строемъ или наоборотъ, а въ томъ, каково нормальное, наиболѣе соотвѣтствующее общественнымъ потребностямъ, соотношеніе между городомъ и деревней. Разрѣшенію или, по крайней мѣрѣ, правильной постановкѣ этого вопроса можетъ содѣйствовать историческое изученіе прошлыхъ судебъ города и деревни.

Необходимо прежде всего условиться въ точномъ значеніи употребляемыхъ терминовъ, безъ чего нельзя ступить ни шагу впередъ. Городомъ, если не считать городовъ-крѣпостей, т.-е. не поселеній въ собственномъ смыслѣ, а временныхъ убѣжищъ, называется поселеніе, жители котораго занимаются или торговлей, или обрабатывающей промышленностью, составляющими притомъ ихъ главное, основное занятіе, а не побочный промыселъ. Деревня—поселеніе, гдѣ главныя занятія жителей—добывающая промышленность и сельское хозяйство. Ясно такимъ образомъ, что не всякій городъ въ обыденномъ употребленіи этого слова можетъ быть признанъ городомъ въ научномъ смыслѣ, что есть города-деревни, и, съ другой стороны, многія села должны быть признаны съ научной точки зрѣнія городами. Уже изъ данныхъ сейчасъ опредѣленій слѣдуетъ, что основнымъ признакомъ, отличающимъ городскіе центры и деревенскія поселенія, является признакъ хозяйственный. Поэтому, изучая значеніе и взаимныя отношенія города и деревни въ историческомъ прошломъ русскаго народа, мы будемъ исходить въ своемъ изложеніи изъ экономическихъ явленій, какъ основныхъ, и изъ нихъ объяснять явленія соціальной и политической жизни, поскольку знакомство съ послѣдними будетъ необходимо для разрѣшенія поставленной задачи.

Исторія русскихъ города и деревни, какъ и русская исторія вообще, дѣлится на пять періодовъ: кіевскій, до конца XII вѣка; удѣльный, охватывающій XIII, XIV, XV и первую половину XVI вѣка, приблизительно до начала самостоятельнаго правленія Ивана Грознаго; московскій, длящійся со второй половины XVI до конца XVII столѣтія, новый дореформенный, XVIII и первая половина XIX вѣка, съ Петра Великаго до Николая I включительно, и новый пореформенный періодъ, который начинается великимъ освободительнымъ актомъ 19-го февраля 1861 года, и участниками, свидѣтелями и дѣятелями котораго являемся всѣ мы. Въ хронологическихъ предѣлахъ каждаго изъ этихъ періодовъ наше изложеніе коснется послѣдовательно шести основныхъ вопросовъ, изъ которыхъ четыре первыхъ—экономическіе, пятый относится къ соціальной исторіи, а шестой—къ политическому строю. Первый, основной вопросъ—объ относительномъ значеніи въ данное время каждой изъ четырехъ главныхъ отраслей народнаго производства, добывающей промышленности, сельскаго хозяйства, обрабатывающей промышленности и торговли. Въ тѣсной связи съ первымъ вопросомъ находится второй—о системѣ хозяйства, т.-е. о совокупности тѣхъ пріемовъ и

средствъ, какими ведется хозяйство. Третій вопросъ—о формахъ землевладѣнія, т.-е. о томъ, кто и на какихъ правахъ владѣлъ землей. Изученіе хозяйственныхъ условій заканчивается четвертымъ вопросомъ—о формахъ хозяйства, иными словами о томъ, былъ ли въ данный періодъ свободный или принудительный трудъ и на какихъ условіяхъ этотъ трудъ эксплуатировался. На твердой основѣ изученія экономическихъ отношеній покоится разрѣшеніе пятаго вопроса—о соціальномъ устройствѣ, о томъ, были ли въ извѣстное время общественные классы, т.-е. дѣленія общества на группы по хозяйственнымъ признакамъ, по занятіямъ, или существовали уже сословія, т.-е. дѣленія общества на группы по юридическимъ признакамъ, правамъ и обязанностямъ. Наконецъ, изученіе политическаго строя, постановки верховной власти, организаціи учрежденій и управленія,—вотъ послѣдній, шестой вопросъ, какого мы коснемся въ дальнѣйшемъ изложеніи.

II.

Городъ и деревня въ Кіевской Руси (до конца XII в.).

Основной отраслью народнаго производства въ первый, кіевскій періодъ русской исторіи, до конца XII вѣка, было, несомнѣнно, простое, почти не сопровождающееся сколько-нибудь значительнымъ трудомъ и затратой капитала, освоеніе даровыхъ силъ дѣвственной природы, столь щедрой къ человѣку, хотя нерѣдко и столь грозной для него на зарѣ исторіи. Рядъ несомнѣнныхъ и достовѣрныхъ свидѣтельствъ источниковъ убѣждаетъ въ справедливости этого положенія. На первыя страницы нашей древнѣйшей, начальной лѣтописи занесено сказаніе о томъ, что нѣкогда, въ старину на среднемъ Днѣпрѣ жили три брата—Кій, Щекъ и Хоривъ—и всѣ они занимались звѣроловствомъ, были охотниками. Древляне, одно изъ славянскихъ племенъ, покоренныхъ Олегомъ въ IX вѣкѣ, платили князю дань черными куницами, т.-е. мѣхами звѣрей, продуктами той же охоты. Игорь, отпуская отъ себя византійскихъ пословъ, заключившихъ съ нимъ договоръ, одарилъ ихъ тѣмъ, чѣмъ самъ былъ богатъ: мѣхами и воскомъ; то же самое обѣщала дать въ даръ византійскому императору княгиня Ольга при своемъ крещеніи въ Константинополѣ. Ея сынъ Святославъ, всю жизнь неустанно искавшій приключеній, подвиговъ и добычи, говорилъ матери: «не нравится мнѣ въ Кіевѣ, хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ (въ Болгаріи), потому что туда сходятся всѣ богатства» изъ Греціи, Чехіи, Венгріи и изъ Руси. Чѣмъ богаты были прочія страны, для насъ теперь не важно, но Русь, по словамъ князя, доставляла въ Болгарію мѣха, воскъ и медъ. Почти на каждой страницѣ лѣтописи встрѣчаются, на ряду съ извѣстіями о войнахъ, постройкѣ церквей, правительственной дѣятельности князей, сообщенія, что тотъ или дру-

той князь «ловы звѣриные дѣялъ», «гна звѣри въ лѣсѣ», причемъ, какъ видно, эти охотничьи поѣздки продолжались долго, почему князья отправлялись на нихъ обыкновенно со своими женами и дружиной. А что можетъ быть характернѣе того, что Владиміръ Мономахъ, этотъ живой идеалъ древнерусскаго князя, въ своемъ знаменитомъ «Поученіи» на ряду съ военными подвигами и дѣлами управленія ставитъ свою охотничью удаль и охотничьи удачи? Въ древнѣйшемъ памятникѣ нашего права «Русской Правдѣ» предметомъ особеннаго вниманія служатъ «бобровые гоны», т.-е. мѣста ловли бобровъ, и «бортные ухожаи», приспособленія для пчеловодства, для добыванія воска и меда. Эти и имъ подобные факты, которыми изобилуютъ уцѣлѣвшія до нашего времени лѣтописи и акты Кіевскаго періода, ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія, что добывающая промышленность, особенно охота и пчеловодство, играла первенствующую роль въ народномъ хозяйствѣ этого далекаго отъ насъ времени.

Меньше значенія имѣло сельское хозяйство, особенно земледѣліе. Правда, еще при Олегѣ нѣкоторыя славянскія племена платили дань князю «съ рала», т.-е. съ плуга, что̀ указываетъ на употребленіе этого земледѣльческаго орудія, а слѣдовательно, и на занятіе земледѣліемъ уже въ X вѣкѣ. О томъ же свидѣтельствуетъ встрѣчающееся въ правленіе Ольги извѣстіе, что древляне «дѣлали нивы своя». Наконецъ, въ XII вѣкѣ на одномъ изъ княжескихъ съѣздовъ прямо говорилось о земледѣліи, какъ одномъ изъ обычныхъ занятій смердовъ или крестьянъ. Но любопытно, что, какъ мы только что видѣли, въ числѣ хозяйственныхъ благъ, составлявшихъ главное богатство Руси, ни разу не называется хлѣбъ, а упоминаются только продукты добывающей промышленности. Это уполномочиваетъ насъ не ставить земледѣліе въ Кіевской Руси въ одинъ рядъ съ охотой и пчеловодствомъ. Въ чемъ можно быть въ этомъ отношеніи увѣреннымъ, это въ томъ, что и тогда уже русскіе не нуждались въ привозномъ хлѣбѣ, потому что имъ хватало своего. Серьезнѣе было значеніе другой отрасли сельскохозяйственной промышленности,—скотоводства. Въ лѣтописяхъ нерѣдко встрѣчаются указанія, что у того или другого князя во время междоусобій истреблялись громадныя стада скота, въ двѣ, три тысячи головъ, иногда и болѣе. Но едва ли не еще болѣе убѣдительнымъ свидѣтельствомъ о богатствѣ скотомъ и важности скотоводства является фактъ необыкновенной дешевизны скота по «Русской Правдѣ»: такъ, лучшую рабочую лошадь можно было купить въ то время за 14—16 рублей на наши деньги, волъ стоилъ 7—8 рублей, корова отъ 6 до 8, теленка можно было купить за 70—80 коп., а овцу въ XI вѣкѣ даже всего за 40 коп. Совершенно понятно, почему скотоводство было болѣе развито чѣмъ земледѣліе, и приближалось въ этомъ отношеніи къ охотѣ и пчеловодству: дѣло въ томъ, что первобытное скотоводство по своей экономической природѣ очень близко къ добывающей промышленности;

какъ и послѣдняя, оно не требуетъ почти никакихъ усилій и заботъ со стороны человѣка: скотъ все время пасется на волѣ и довольствуется подножнымъ кормомъ.

Совершенно ничтожна была обрабатывающая промышленность. Въ нашихъ источникахъ лишь изрѣдка мелькаютъ факты, свидѣтельствующіе о выдѣлкѣ издѣлій изъ глины, о обработкѣ кожъ, о переработкѣ дерева. Особенно яркое изображеніе древнѣйшей русской обрабатывающей промышленности—разумѣется, въ миніатюрѣ—даетъ одинъ изъ превосходныхъ памятниковъ литературы Кіевскаго періода, именно Патерикъ Печерскій, т.-е. собраніе житій святыхъ подвижниковъ Кіево-печерскаго монастыря. Весь проникнутый свѣжей, наивной, дѣтской вѣрой, Патерикъ съ любовью отмѣчаетъ различныя чисто-внѣшнія обстоятельства, относящіяся къ жизни святого или къ открытію его мощей. Эти случайныя замѣчанія имѣютъ для насъ большую цѣнность. Читая, напримѣръ, простодушный разсказъ Нестора объ открытіи мощей св. Ѳеодосія, мы видимъ, что, когда у автора этого повѣствованія, который самъ разрывалъ могилу святого, сломалась кирка,—онъ самъ ее починилъ своими руками. Очевидно, это была самодѣльная кирка, сдѣланная для себя, а не на продажу. Такъ выдѣлывалось, вѣроятно, большинство предметовъ, необходимыхъ въ домашнемъ и хозяйственномъ обиходѣ. Если что-либо и продавалось, то недалеко, на сосѣднемъ базарѣ и при томъ въ небольшомъ количествѣ. Въ томъ же Патерикѣ встрѣчаемъ и другое извѣстіе о домашнемъ производствѣ для собственнаго потребленія производителя, и извѣстіе о незначительной продажѣ издѣлій на сосѣднемъ рынкѣ: одинъ изъ печерскихъ монаховъ, Исаія, носилъ «свиту *вотоляну*», т.-е. сдѣланную изъ «вотолы», грубаго домашняго холста, сотканнаго имъ собственноручно; св. Ѳеодосій вмѣстѣ съ братіей приготовлялъ шерстяныя «копытца», т.-е. чулки, и такіе же «клобуки», или шапки, и посылалъ продавать эти издѣлія на кіевскомъ базарѣ.

Уже изъ этого одного видно, что *внутренняя* торговля была ограничена, не играла важной роли. Такой выводъ подтверждается и изученіемъ «Русской Правды»: въ ней упоминается о «торгѣ», т.-е. мѣстномъ базарѣ, но особенно любопытно постановленіе, по которому, въ случаѣ находки кѣмъ-либо пропавшей у него вещи на базарѣ въ рукахъ у другого, этотъ послѣдній, будучи обязанъ указать лицо, у котораго имъ пріобрѣтена спорная вещь, не имѣлъ, однако, права ссылаться на то, что имъ она пріобрѣтена въ другомъ городѣ: очевидно, сообщенія между отдѣльными городами и рынками были очень затруднительны и рѣдки, а это и указываетъ какъ разъ на чрезвычайную слабость внутренняго обмѣна. Зато торговля *внѣшняя* на первый взглядъ кажется очень важной. Всѣмъ болѣе или менѣе извѣстны факты, указывающіе на оживленныя торговыя сношенія Кіевской Руси съ арабами и хозарами и особенно съ Византіей. Яркими свидѣтелями торговли съ

арабами и хозарами являются извѣстія арабскихъ купцовъ, посѣщавшихъ Русь, напр., Масуди, Истархи, Хордадбе, Ибнъ-Фадлана, и открываемые до сихъ поръ въ южной Россіи клады, состоящіе изъ серебряныхъ арабскихъ монетъ, такъ называемыхъ диргемовъ. О мѣновыхъ сношеніяхъ съ Византіей говорятъ знаменитые, уцѣлѣвшіе до нашего времени, въ Начальной лѣтописи договоры Олега и Игоря съ греками, прямыя лѣтописныя извѣстія и, наконецъ, замѣчательный разсказъ византійскаго императора Константина Богрянороднаго въ его сочиненіи «Объ управленіи имперіей». Этотъ послѣдній источникъ, рисуя живую картину торговыхъ сношеній Руси съ Византіей, имѣетъ для насъ особенную цѣнность, такъ какъ предостерегаетъ отъ преувеличенныхъ представленій о значеніи внѣшней торговли въ экономической жизни Кіевской Руси. Съ наступленіемъ зимы, разсказываетъ Константинъ Богрянородный, русскій князь и его дружина отправляются изъ Кіева по подвластнымъ князю славянскимъ племенамъ за сборомъ дани, рѣдко состоявшей изъ денежныхъ платежей, а слагавшейся почти исключительно изъ натуральныхъ продуктовъ, какими изобиловала страна: мѣховъ, меду и воску. Вся зима проходила въ этомъ трудномъ, подчасъ и опасномъ объѣздѣ, такъ называемомъ «полюдьѣ». Весной князь съ дружиной возвращались въ Кіевъ съ собранною данью. Къ этому времени приготовлялись лодки, которыя оснащивались, нагружались всѣмъ тѣмъ, что было собрано въ видѣ дани, и спускались подъ охраной вооруженныхъ купцовъ Днѣпромъ и Чернымъ моремъ въ Византію. Этотъ превосходный разсказъ, составленный со словъ очевидцевъ и современниковъ, мѣстныхъ кіевскихъ жителей, какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ, что внѣшняя торговля того времени характеризовалась двумя отличительными и имѣющими первостепенную важность чертами: во-первыхъ, торговая дѣятельность была занятіемъ исключительно однихъ общественныхъ верховъ, — князя, дружины и болѣе или менѣе состоятельныхъ горожанъ, — масса же населенія не принимала въ ней никакого участія, потому что не продавала, а отдавала даромъ, въ видѣ дани, продукты охоты и пчеловодства; во-вторыхъ, внѣшняя торговля въ дѣйствительности не затрагивала и настоятельныхъ, насущныхъ, необходимо требовавшихъ удовлетворенія потребностей даже этихъ руководящихъ ею высшихъ классовъ населенія: все необходимое они получали натурой, отправляя на внѣшній рынокъ лишь избытки и вымѣнивая тамъ только предметы роскоши: шелковыя ткани, вина, дорогое оружіе. Въ сущности мы наблюдаемъ здѣсь не торгово-промышленный круговоротъ, а отчужденіе продуктовъ, доставшихся даромъ, безъ затраты капитала, безъ предпринимательскихъ заботъ и безъ торговой производительной эксплуатаціи хозяйственныхъ благъ. Слѣдовательно, глубины народнаго хозяйства остались нетронутыми внѣшней торговлей, по существу это хозяйство было чисто *натуральнымъ*, т.-е. такимъ,

*

при которомъ почти каждый работаетъ только на себя и на свою семью, а не для продажи.

Описаннымъ соотношеніемъ разныхъ отраслей народнаго производства опредѣлялась прежде всего *система хозяйства*. Она отличалась первобытнымъ, хищническимъ, или, какъ обыкновенно говорятъ, экстенсивнымъ характеромъ. Охота сводилась къ безпощадному, неразсчетливому истребленію звѣрей, водившихся въ такомъ изобиліи въ обширныхъ лѣсахъ, что не было нужды въ какихъ-либо правилахъ или ограниченіяхъ для охоты, да и некому было ихъ устанавливать и слѣдить за ихъ исполненіемъ. Звѣроловъ не ограничивалъ своей истребительной дѣятельности какимъ-либо небольшимъ райономъ, а охотился на обширныхъ пространствахъ, постоянно переходилъ съ одного мѣста на другое. Техническіе пріемы другой основной отрасли народнаго производства въ Кіевской Руси, пчеловодства, отличались такою же примитивностью: древнѣйшее пчеловодство носитъ характерное названіе бортничества во всѣхъ грамотахъ Кіевскаго періода, между прочимъ и въ «Русской Правдѣ». Бортничествомъ называется такое пчеловодство, при которомъ совершенно не заводится искусственныхъ приспособленій для пчелъ, ульевъ и пасѣкъ, а пчеловоды пользуются медомъ и воскомъ, складываемыми дикими пчелами въ дуплахъ лѣсныхъ деревьевъ, называемыхъ бортными или бортями. Для занятія такимъ пчеловодствомъ не надо никакого капитала и необходимо очень мало труда: нужно только поставить на бортномъ деревѣ «знамя», т.-е. знакъ собственности, и своевременно вынуть накопившійся воскъ и медъ. Далѣе: при обиліи лѣсовъ и болотъ и при крайней рѣдкости населенія въ земледѣліи возможна была только одна подсѣчная, огневая или лядинная система, состоящая въ томъ, что вырубался и выжигался лѣсъ, и на образовавшемся такимъ образомъ «палѣ», «огнищѣ» или «лядахъ», высушенномъ и покрытомъ пепломъ пространствѣ, сѣялся годъ или два хлѣбъ, потомъ повторялась та же операція съ другимъ участкомъ, черезъ такой же срокъ переходили къ третьему и т. д. Слѣдовательно, хищническій и кочевой характеръ составлялъ такой же отличительный признакъ земледѣлія, какъ и добывающей промышленности. Наконецъ, приведенный уже выше разсказъ Константина Багрянороднаго о внѣшней торговлѣ какъ нельзя лучше показываетъ, что и эта отрасль хозяйства отличалась крайне примитивной организаціей: торговля была караванной, не требовала капитала, не было постоянной, непрерывной связи между производителями хозяйственныхъ благъ и внѣшнимъ рынкомъ.

Преобладаніемъ добывающей промышленности и господствомъ экстенсивной системы хозяйства опредѣлились—далѣе—и основныя, типическія для изучаемаго времени *формы землевладѣнія*. Кочевать, переходить съ мѣста на мѣсто — вотъ основная хозяйственная потребность первобытнаго производителя, потребность, подсказываемая гос-

подствомъ добывающей промышленности и скотоводства, при которыхъ надо гнаться за звѣремъ, отыскивать дикихъ пчелъ, занимать все новыя пастбища для скота. Возможна ли при такихъ условіяхъ прочная и постоянная собственность на землю, полная осѣдлость? Очевидно, нѣтъ. Но какіе же порядки пользованія землей существовали въ такомъ случаѣ въ Кіевской Руси? Наши древнѣйшіе источники даютъ намъ вмѣсто опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ одни только намеки, достаточно ясные, однако, при свѣтѣ историческихъ аналогій. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ странахъ, въ которыхъ мы наблюдаемъ хозяйственныя условія, соотвѣтствующія экономическимъ особенностямъ Кіевской Руси до конца XII вѣка, существовало такъ называемое *вольное или захватное землевладѣніе*, сводящееся къ тому, что извѣстный округъ или волость занималъ извѣстную, довольно обширную территорію, а отдѣльные дворы или семьи на время, обыкновенно на годъ, опахивали, окашивали или «зачерчивали» себѣ, посредствомъ зарубокъ на деревьяхъ, опредѣленные участки для распашки, не подлежавшіе во время разработки заимкѣ со стороны другихъ семей. Лѣсомъ, пастбищемъ и другими угодьями пользовались всѣ жители волости сообща, въ мѣру потребностей. Такіе порядки наблюдаются, напр., у древнихъ германцевъ около Рождества Христова, наблюдались недавно и у насъ въ Сибири, въ мѣстностяхъ съ рѣдкимъ населеніемъ и господствомъ добывающей промышленности. То же, по всѣмъ признакамъ, было и въ Кіевской Руси. Что вервь или волость имѣла тогда опредѣленную обширную территорію,—это видно изъ «Русской Правды», разсматривающей вервь именно какъ территоріальную единицу. Что земля не была еще въ большинствѣ случаевъ постоянной, прочной собственностью семьи,—въ этомъ убѣждаетъ тотъ фактъ, что она въ то время не продавалась: о продажѣ земли нѣтъ ни слова ни въ «Русской Правдѣ», ни въ другихъ источникахъ. Та же «Русская Правда» сохранила для насъ и любопытнѣйшіе намеки на опахиваніе и зачерчиваніе временнозанимаемыхъ отдѣльными семьями земельныхъ участковъ: въ ней говорится о «межѣ ролейной», т.-е. пашенной, образованной путемъ опахиванія, и о «дубѣ знаменномъ», т.-е. имѣвшемъ «знамя», знакъ собственности, зачерченномъ. Наконецъ, при свѣтѣ приведенныхъ выше аналогій становится вполнѣ понятнымъ извѣстіе Начальной лѣтописи о поляхъ: «они жили каждый своимъ родомъ», говоритъ лѣтопись, «на своихъ мѣстахъ». Родъ здѣсь, очевидно, вервь, волость: она имѣла «свои мѣста», опредѣленную территорію. А далѣе, въ видѣ иллюстраціи, лѣтопись приводитъ извѣстный разсказъ о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбеди: они вмѣстѣ со своими семьями, очевидно, и составляли вервь или родъ и пользовались свободно землею въ предѣлахъ родовой территоріи для своихъ хозяйственныхъ цѣлей, охотились, гдѣ угодно и сколько угодно, выгоняли на пастбище скотъ, занимали на годъ или на два участки для пашни и т. д.

Но утверждая, что вольное или захватное крестьянское землевладѣніе господствовало въ Кіевской Руси, нельзя, однако, признать его *единственной* въ то время землевладѣльческой формой. Дѣло въ томъ, что со времени появленія князей къ древнимъ землевладѣльческимъ порядкамъ примѣшиваются новыя формы, постепенно и медленно проникая въ жизнь. Прежде всего появилось *княжеское* землевладѣніе. Первые слѣды его становятся замѣтны уже въ X вѣкѣ, когда Ольга устроила по всей землѣ свои «мѣста» и «села», «ловища» (мѣста лова звѣрей) и «перевѣсища» (мѣста, гдѣ устраивались силки для ловли птицъ). У той же княгини упоминается и село Ольжичи. Къ XII вѣку княжескія села сдѣлались уже вполнѣ распространеннымъ явленіемъ, встрѣчались нерѣдко; недаромъ Владиміръ Мономахъ въ своемъ «Поученіи» придаетъ такое важное значеніе домашнему хозяйству; въ разсказахъ о княжескихъ междуусобіяхъ постоянно мелькаютъ указанія на разореніе княжескихъ селъ. На ряду съ этимъ въ томъ же XII столѣтіи сплошь и рядомъ можно встрѣтить извѣстія о разграбленіи селъ *боярскихъ*, а первые признаки боярскаго землевладѣнія относятся еще къ XI вѣку: оно, очевидно, возникло вслѣдъ за княжескимъ. Наконецъ, въ томъ же XI столѣтіи возникло еще и *монастырское* землевладѣніе; въ разсказѣ о Печерскомъ монастырѣ говорится о пожалованіи монастырю княземъ Изяславомъ горы, а затѣмъ находимъ извѣстіе о дачѣ какимъ-то Ефремомъ селъ въ монастырь. Такъ сразу намѣтились и два источника, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, и впослѣдствіи пополнялись монастырскія вотчины: княжеское пожалованіе и вкладъ частныхъ лицъ. Но не только появились на ряду съ крестьянами новые владѣльцы—князья, бояре, монастыри,— перемѣна была еще глубже: она коснулась самаго понятія о собственности на землю, потому что землевладѣніе князей, бояръ, и монастырей отличалось уже несравненно бо́льшею прочностью, опредѣленностью и осѣдлостью, чѣмъ вольное землевладѣніе крестьянъ. Не трудно понять причину происхожденія этихъ землевладѣльческихъ новообразованій: они явились результатомъ вліянія второстепенной, но все-же не ничтожной, отрасли промышленности, внѣшней торговли. Благодаря торговлѣ, въ натурально-хозяйственныя отношенія, не разрушая ихъ, проникъ сильной струей капиталъ, сосредоточившійся въ немногихъ рукахъ и рѣзко отдѣлившій его обладателей отъ остальной массы общества. Капиталъ далъ возможность капиталистамъ пріобрѣтать значительное количество несвободныхъ и полусвободныхъ рабочихъ, благодаря труду которыхъ капиталисты—князья, бояре и монастыри—могли занять прочно и хорошо эксплуатировать болѣе или менѣе обширныя земельныя владѣнія.

Послѣднее замѣчаніе—о примѣненіи несвободнаго и полусвободнаго труда—вводитъ насъ въ послѣдній, четвертый вопросъ экономической исторіи Кіевской Руси,—вопросъ о *формахъ хозяйства*. И здѣсь мы

должны отличать главныя, основныя, древнія явленія отъ побочныхъ, второстепенныхъ, болѣе позднихъ. Первыя созданы господствомъ добывающей промышленности, скотоводства и натуральнаго хозяйства, вторыя—результатъ вліянія внѣшней торговли. Звѣроловъ и бортникъ искалъ простора для своихъ охотничьихъ и пчеловодныхъ занятій, не тѣснился къ своимъ товарищамъ, а селился въ разбродъ, на болѣе или менѣе возвышенныхъ мѣстахъ сырой и болотистой лѣсной страны, по близости отъ рѣкъ, самыхъ удобныхъ путей сообщенія. Поэтому, господствующей хозяйственной единицей того времени была семья, довольно тѣсный родственный союзъ, обыкновенно не дѣлившійся на болѣе мелкія хозяйства и по смерти отца. Семья, вслѣдствіе того, что большинство населенія занималось однимъ и тѣмъ же, по преимуществу охотой и пчеловодствомъ, почти ничего не продавала на сторону, все производила для собственнаго потребленія и ничего не покупала у другихъ. При такихъ условіяхъ не оставалось мѣста для широкаго развитія несвободнаго, рабскаго труда въ крестьянскомъ хозяйствѣ Кіевской Руси. И въ самомъ дѣлѣ: несвободный трудъ, при семейной организаціи добывающей промышленности, при натуральной системѣ хозяйства, не является экономической необходимостью, находитъ себѣ примѣненіе лишь въ совершенно исключительныхъ случаяхъ: каждая семья легко удовлетворяетъ своимъ потребностямъ собственными силами, не прибѣгая къ организаціи принудительнаго труда. Недаромъ всѣ писатели, сообщающіе намъ свѣдѣнія о первобытныхъ славянахъ,—таковы по преимуществу писатели византійскіе,—оставили цѣлый рядъ свидѣтельствъ о томъ, что рабовъ у славянъ было мало, обращались они съ этими рабами хорошо и скоро отпускали на волю. Знаменательно также, что «Русской Правдѣ» неизвѣстны холопы у смердовъ или крестьянъ: она знаетъ только холоповъ княжескихъ, боярскихъ и «черничьихъ», т.-е. монастырскихъ.

Это послѣднее свидѣтельство «Русской Правды» убѣждаетъ, однако, что лишь только къ натуральной системѣ примѣшивается торговля, хотя бы даже и въ той несовершенной стадіи развитія, какую мы наблюдаемъ въ Кіевской Руси,—такъ, у лицъ, имѣющихъ къ ней отношеніе, особенно у князей и бояръ, возникаетъ, сначала, конечно, слабо развитая, потребность въ эксплуатаціи чужого дарового труда: несомнѣнно, главная часть товаровъ для внѣшней торговли добывалась путемъ сбора дани, но уже въ ту пору высшіе классы населенія пополняли свои доходы тѣмъ, что, занимая свободныя земли, садили на нихъ своихъ несвободныхъ и полусвободныхъ слугъ. Можно догадываться, что главной задачей этого зарождающагося владѣльческаго хозяйства была доставка продуктовъ земледѣлія и скотоводства для непосредственнаго потребленія лицъ, составлявшихъ высшій слой населенія: это видно изъ того, что въ «Русской Правдѣ» несвободные люди фигурируютъ не въ качествѣ охотниковъ и пчеловодовъ, работа

которыхъ одна только доставляла, какъ мы видѣли, предметы для внѣшней торговли—мѣха, воскъ и медъ, а по преимуществу въ видѣ «тіуновъ конюшихъ», т.-е. приказчиковъ, завѣдующихъ конскими стадами, или «тіуновъ ратайныхъ», т.-е. земледѣльческихъ приказчиковъ. Извѣстно, какъ много вниманія удѣляетъ тотъ же драгоцѣнный памятникъ древнерусскаго права такъ называемымъ закупамъ, т.-е. лицамъ, занявшимъ у землевладѣльцевъ извѣстную сумму денегъ и обязавшимся отработать этотъ долгъ. Эти закупы—полусвободные рабочіе—носятъ въ «Русской Правдѣ» характерное названіе «ролейныхъ», т.-е. пашенныхъ, отъ «ролья»—пашня. Но нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что эксплуатація несвободнаго и полусвободнаго труда простиралась въ извѣстной мѣрѣ и на область добывающей промышленности и доставляла, слѣдовательно, нѣкоторое, хотя, вѣроятно, и не особенно значительное, дополненіе къ числу тѣхъ добываемыхъ по преимуществу путемъ дани продуктовъ, которые вывозились на византійскій рынокъ и отчуждались на азіатскій востокъ. Такъ, примѣсь торговаго оборота положила начало новой, невѣдомой раньше формѣ хозяйственныхъ предпріятій,—владѣльческому хозяйству князей, бояръ и монастырей, основанному на примѣненіи, главнымъ образомъ, несвободнаго и полусвободнаго труда.

Хозяйственная организація, изображенная выше, дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ *соціальный и политическій строй* Кіевской Руси. Общество того времени, благодаря указаннымъ экономическимъ вліяніямъ, распалось уже на нѣсколько опредѣленныхъ и обособленныхъ слоевъ. Подавляющее большинство составляли смерды—деревенское свободное населеніе, занимавшееся по преимуществу добывающей промышленностью и скотоводствомъ, въ меньшей степени земледѣліемъ. Смердъ и сельскій житель, крестьянинъ—это синонимы въ устахъ нашего древнѣйшаго лѣтописца. Городское свободное населеніе—«люди»—въ главной своей массѣ мало отличалось своими занятіями отъ смердовъ, за исключеніемъ, впрочемъ, высшаго его слоя, городского купечества, отдававшаго значительное количество времени и труда внѣшней торговлѣ. Городское купечество—это тѣ «гости», о которыхъ упоминаютъ договоры Олега и Игоря на ряду съ княжескими «слами» или послами. Наконецъ, третій, верхній слой, являющійся соціальнымъ новообразованіемъ, составляли бояре и «отроки» или «дѣтскіе», т.-е. старшая и младшая дружина, во главѣ съ княземъ, военные охранители земли, торговыхъ путей и купеческихъ каравановъ и установители внутренняго мира и порядка, «бояре думающіе» и «мужи храборствующіе», по образному и мѣткому выраженію «Слова о полку Игоревѣ». Мы видимъ такимъ образомъ, что нѣтъ ничего легче, какъ опредѣлить различіе между этими тремя соціальными группами *по ихъ занятіямъ*, но мы тщетно стали бы искать опредѣленныхъ сколько-нибудь значительныхъ *юридическихъ* различій между тѣми же группами: дружин-

ники, люди и смерды не отличались другъ отъ друга ни правами, ни обязанностями. Гражданская и политическая полноправность и полная юридическая, въ значительной степени и фактическая, возможность перейти изъ одного состоянія въ другое—отличительная особенность общественнаго строя древнѣйшей Россіи. На дѣлѣ, въ дѣйствительности вѣче—этотъ главный политическій органъ общественнаго союза въ то время—состояло преимущественно изъ горожанъ, имѣвшихъ фактическую возможность всегда его посѣщать, что было далеко не всегда мыслимо для сельскихъ обывателей, по крайней мѣрѣ для большинства ихъ. Но городъ составлялъ неразрывную часть волости, и потому всякій смердъ, явившись въ городъ, могъ участвовать въ вѣчевой сходкѣ. Онъ могъ также, если хотѣлъ, переселиться въ городъ для занятія торговлей и даже поступить въ княжескую дружину, сдѣлаться старшимъ дружинникомъ, боярином. Припомнимъ, напримѣръ, разсказъ лѣтописи о Янѣ Усмошвецѣ: однажды, когда Владиміръ вышелъ со своимъ войскомъ, состоявшимъ изъ дружины и народнаго ополченія, навстрѣчу печенѣгамъ,—передъ битвой выѣхалъ впередъ печенѣжскій богатырь громаднаго роста и сталъ вызывать кого-либо изъ русскихъ на единоборство; охотниковъ не находилось, и князь опечалился; тогда къ нему подошелъ простой воинъ-смердъ изъ ополченія и сказалъ, что у него дома остался младшій сынъ необычайной силы: однажды, когда онъ мялъ руками кожу, отецъ за что-то разбранилъ его; тотъ такъ былъ раздраженъ этимъ, что разорвалъ пополамъ кожу; князь обрадовался и тотчасъ послалъ за молодымъ силачомъ; Янъ Усмошвецъ—такъ звали силача—безъ труда справился съ печенѣжскимъ богатыремъ и сдѣлался послѣ этого подвига дружинникомъ князя Владиміра. Какъ бы низко мы ни цѣнили достовѣрность самаго преданія,—одна возможность того, что оно сложилось именно въ такомъ смыслѣ, показываетъ, что поступленіе смерда въ бояре или старшую княжескую дружину было заурядным явленіемъ: была бы только для этого надлежащая удаль и сила. Говоря коротко, общественный строй Кіевской Руси всецѣло основывался на экономическихъ признакахъ и лишенъ былъ юридическихъ основаній: существовали лишь экономическіе *классы*, но не было политическихъ *сословій*.

Переходя отъ общественнаго строя къ устройству управленія, мы прежде всего встрѣчаемся здѣсь съ учрежденіемъ, одинаково свойственнымъ всѣмъ первобытнымъ народамъ, съ собраніемъ свободныхъ людей,—собственно домовладыкъ или главъ семействъ,—съ такъ называемымъ вѣчемъ. Вѣче существовало на Руси задолго до призванія князей. Извѣстенъ лѣтописный текстъ, чрезвычайно ярко изображающій исконное значеніе вѣча и его составъ: «новгородцы, и смольняне, и полочане, и кіевляне, и всѣ волости изначала на вѣче, какъ на думу, сходятся, и на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды

станутъ». Изъ этого текста видно и древнѣйшее происхожденіе вѣча— вѣче было «изначала»,—и участіе въ немъ не только горожанъ, но и волостей, т.-е. смердовъ, крестьянъ, и подчиненіе всей области рѣшенію вѣча старшаго города. Городская область была первымъ по времени появленія политическимъ организмомъ древнѣйшей Россіи, и это отразилось позднѣе, послѣ призванія князей, въ первенствующемъ политическомъ значеніи вѣча. Особенно замѣтно такое значеніе собранія свободныхъ горожанъ и сельчанъ въ вопросѣ о замѣщеніи княжескихъ столовъ; призваніе или изгнаніе князя вѣчемъ были обычными явленіями въ кіевскій періодъ: такъ, кіевляне прогоняютъ Изяслава Ярославича за то, что онъ, потерпѣвъ пораженіе отъ половцевъ, не захотѣлъ отправиться въ походъ противъ нихъ во второй разъ; тѣ-же кіевляне, не считаясь съ княжескимъ старшинствомъ, призываютъ Владиміра Мономаха и удерживаютъ у себя его потомство, хотя черниговскіе Ольговичи, потомки Олега Святославича, принадлежали къ старшей линіи. Вѣче считало себя въ правѣ прямо и иногда довольно рѣзко и настойчиво дѣлать указанія князю въ его правительственной дѣятельности: «ты, князь, о чужой землѣ заботишься и ищешь ея, а своей пренебрегъ», говорятъ съ укоромъ кіевляне Святославу, отправившемуся въ Болгарію и тѣмъ подвергшему русскую землю опасности со стороны печенѣговъ.

Но на ряду съ вѣчемъ, хотя и не выше его, въ Кіевской Руси стояли еще князь и его дружина, составлявшая боярскій совѣтъ, безъ котораго князю было фактически немыслимо обойтись, хотя, разумѣется, юридическихъ гарантій участія боярскаго совѣта въ управленіи, какого-либо закона, опредѣлявшаго правительственную роль боярской думы, не существовало. Бояре принимали постоянное участіе въ дѣятельности князя: Владиміръ передъ принятіемъ христіанства спрашиваетъ у нихъ совѣта; онъ вообще, по словамъ лѣтописи, «любилъ дружину и думалъ (т.-е. совѣщался) съ ней объ устройствѣ земли, о войнѣ и о законахъ»: сыновья Ярослава, по совѣту со своими «мужами», т.-е. боярами, уничтожили кровную месть за убійство и замѣнили ее денежнымъ выкупомъ; Владиміръ Мономахъ опредѣлилъ максимальный законный процентъ по займамъ также послѣ совѣщанія съ дружиной; наконецъ, «Слово о полку Игоревѣ» чрезвычайно высоко ставитъ, выдвигаетъ на первый планъ «бояръ думающихъ».

Понятно, чѣмъ вызвано было политическое преобладаніе вѣча: вѣче состояло въ главной массѣ изъ смердовъ и людей, простыхъ свободныхъ, въ рукахъ которыхъ находилась господствовавшая въ то время отрасль народнаго производства, — добывающая промышленность, и которые обходились въ этой сферѣ экономической жизни безъ всякой хозяйственной поддержки соціальныхъ верховъ. Напротивъ, эти соціальные верхи, — князь, дружина и городское купечество, — фактически находились почти всецѣло въ экономической зависимости

отъ смердовъ, такъ какъ дань, собираемая съ послѣднихъ, и была именно главнымъ источникомъ тѣхъ хозяйственныхъ благъ, которыя можно было сбывать въ видѣ товаровъ въ Византіи и въ хозарской столицѣ Итили на устьѣ Волги. Экономическая зависимость приводила и къ политическому подчиненію, конечно, далеко еще не организованному и непрочному на зарѣ исторической жизни. Но, спрашивается, чему обязаны были своимъ существованіемъ новыя политическія явленія? Городъ или деревня, иначе говоря—интересы торговли или добывающей промышленности и первобытнаго сельскаго хозяйства создали княжескую власть и неразрывно съ ней связанный боярскій совѣтъ? Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что тотъ хозяйственный элементъ, который явился въ качествѣ сравнительно-второстепенной примѣси къ натурально-хозяйственной системѣ,—именно внѣшняя торговля,—вызывалъ необходимость призванія князей: торговые караваны нуждались къ защитѣ отъ кочевниковъ, поджидавшихъ ихъ обыкновенно съ цѣлью поживиться у днѣпровскихъ пороговъ; съ другой стороны, военная опора была необходима для огражденія жизни, имущества и правъ тѣхъ, кто ѣздилъ торговать на главный внѣшній рынокъ страны,—въ Византію: это достаточно доказывается текстами договоровъ Олега и Игоря съ греками. Такимъ образомъ, потребность въ княжеской власти сильно ощущалась уже и въ городѣ. Было бы, однако, большой ошибкой выводить политическій строй Кіевской Руси изъ такого второстепеннаго экономическаго фактора, какимъ была въ то время внѣшняя торговля. Еще болѣе нуждалась въ князѣ деревенская добывающая промышленность, тѣ смерды, которые отдѣльными семейными группами разселялись по обширной странѣ. Не даромъ въ XII вѣкѣ въ Новгородѣ ставили князю въ вину, что онъ «не блюдетъ смердовъ». Классическая фраза нашихъ отдаленныхъ предковъ, призывавшихъ князей,—«земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ», какъ нельзя лучше мотивируетъ основную потребность сельскаго населенія—въ установленіи внутренняго мира, въ устраненіи раздоровъ и несогласій между отдѣльными семьями и волостями. Другая потребность—во внѣшней защитѣ отъ сосѣдей—варяговъ, хозаръ, печенѣговъ, камскихъ болгаръ, впослѣдствіи половцевъ — была не менѣе, если не болѣе, настоятельна для сельскихъ жителей, чѣмъ для городскихъ: разбросанные на большомъ пространствѣ, рѣдкіе, изолированные семейные поселки, конечно, совершенно не въ состояніи были противостоять хищническимъ набѣгамъ. Вотъ почему Рюрикъ съ братьями, едва прибыли, какъ начали «города рубить и воевать всюду»; вотъ почему вѣче разсорилось съ Изяславомъ, не рѣшавшимся отразить разбойничавшихъ по селамъ половцевъ; понятны также и тѣ горькіе упреки, какими осыпали кіевляне Святослава, по возвращеніи его изъ Болгаріи: въ отсутствіе князя печенѣги непрестанно разоряли русскую землю. Итакъ политическій типъ варяжскаго княжества сло-

жился благодаря совокупному дѣйствію условій и городской и сельской жизни, причемъ вліяніе деревенскаго быта сказалось гораздо глубже и сильнѣе, чѣмъ потребности внѣшней торговли, что строго соотвѣтствовало взаимнымъ отношеніямъ двухъ основныхъ въ то время отраслей промышленности, деревенской добывающей промышленности, какъ главной, и городской торговли, какъ второстепенной вѣтви народной производительности.

На предшествующихъ страницахъ изложены, разумѣется, въ самыхъ краткихъ чертахъ, общіе признаки, характеризующіе значеніе города и деревни въ хозяйственномъ, соціальномъ и политическомъ строѣ Кіевской Руси. При этомъ выяснилось что господствующая отрасль промышленности была главнымъ занятіемъ деревенскаго населенія, смердовъ; преобладаніемъ добывающей сельской промышленности объясняются, какъ мы видѣли, и формы землевладѣнія и хозяйства, и система послѣдняго, и господство смердовъ, какъ общественнаго класса, и, наконецъ, политическій перевѣсъ вѣча и образованіе варяжскаго княжества. Такъ, изъ одного основного хозяйственнаго явленія послѣдовательно выводятся всѣ другія характеристическія черты хозяйства, общества и государства. Вліяніе второстепеннаго экономическаго фактора—внѣшней торговли—было несравненно поверхностнѣе: оно замѣтнѣе лишь въ области формъ землевладѣнія и хозяйства, такъ какъ начавшимся вслѣдствіе появленія внѣшней торговли раздѣленіемъ труда обусловливались зарожденіе княжеской и боярской вотчины и нѣкоторое развитіе несвободнаго и полусвободнаго труда; въ политической сферѣ вліяніе городской торговли не шло въ разрѣзъ съ дѣйствіемъ условій деревенской жизни, а напротивъ, обѣ силы дѣйствовали въ одномъ направленіи. Говоря вообще, можно такимъ образомъ признать, что деревня была первостепеннымъ по значенію элементомъ древнѣйшей русской жизни. Только эта деревня была не наша земледѣльческая деревня, а поселеніе, обитатели котораго существовали почти исключительно добывающей промышленностью.

Н. Рожковъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

САМОУБІЙСТВО СРЕДИ ДѢТЕЙ.

«L'étude du suicide touche aux grandes questions sociales de notre époque: liberté, éducation, paupérisme, travail, salaire, famille, proprieté, avenir de la societé» *Brièrre de Boismont.*

«Мы не можемъ уничтожить самоубійствъ, но отъ насъ зависитъ уменьшить число тѣхъ несчастныхъ, для которыхъ самоубійство является не правомъ, но печальной необходимостью и которыхъ убиваемъ мы...»

Лихачевъ.

Самоубійства среди дѣтей стали лишь очень недавно обращать на себя вниманіе общества и отдѣльныхъ изслѣдователей. Дѣти-самоубійцы встрѣчались, конечно, и раньше, но такъ рѣдко, что представляли собой изъ ряда вонъ выходящія исключенія. Но въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій они стали попадаться все чаще и чаще и теперь сдѣлались совершенно заурядным явленіемъ. Доказано это какъ изслѣдованіями такихъ выдающихся ученыхъ, какъ Бріерръ де-Буамонъ, Морзелли, Кетлэ и др., такъ въ особенности статистическими данными, добытыми др-ами Мангеймеромъ, Перье, Принцингомъ и А. Беромъ, брошюрой котораго «Der Selbstmord im kindlichen Lebensalter», недавно вышедшей въ свѣтъ, мы пользовались при составленіи настоящей статьи.

Во Франціи по изслѣдованіямъ Дюранъ-Фарделя, за 10-лѣтній періодъ времени, съ 1835 по 1844 годъ, на 25.760 самоубійствъ было среди дѣтей до 16-лѣтняго возраста всего 192 самоубійства, то-есть на каждый годъ приходилось по 19 случаевъ и на каждые 134 самоубійства среди взрослыхъ приходилось 1—среди дѣтей. Еще болѣе поразительныя цифры приводитъ Бріерръ де-Буамонъ. По его даннымъ, въ Парижѣ, въ теченіе 1834—1843 гг., на 4.595 самоубійствъ было среди дѣтей моложе 14 лѣтъ цѣлыхъ 77 случаевъ, то-есть на каждые 59 взрослыхъ самоубійцъ приходился одинъ ребенокъ. Морзелли приводитъ изъ оффиціальной французской статистики 240 случаевъ самоубійствъ среди дѣтей, имѣвшихъ мѣсто въ теченіе 1866—1875 гг.

и приходившихся на 49.950 самоубійствъ взрослыхъ. Такимъ образомъ, по его вычисленію, во Франціи одинъ ребенокъ-самоубійца приходится на 208 взрослыхъ самоубійцъ. Эттингенъ также пришелъ къ заключенію на основаніи своихъ наблюденій, что количество самоубійцъ среди дѣтей во Франціи растетъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается число взрослыхъ самоубійцъ. Такъ, послѣднихъ было во Франціи въ 1890 году 6.638, въ 1891 г.—8.884 и въ 1892—9.285, а юныхъ самоубійцъ было: въ возрастѣ до 16 лѣтъ: въ 1880 г.—55, а въ 1892—87 и въ возрастѣ старше 16 лѣтъ: въ 1880 г.—267, въ 1890—358 и въ 1892 г. цѣлыхъ—475! Д-ръ Мангеймеръ также находитъ, что самоубійства дѣтей, бывшія нѣкогда очень рѣдкимъ явленіемъ во Франціи,—хотя уже Монтэнь—говоритъ онъ—усматривалъ въ нихъ печальное знаменіе времени,—постоянно возрастаютъ. По его даннымъ, обнимающимъ 15-тилѣтній періодъ времени и касающимся 175 случаевъ, оказывается, что въ 1881 г. число малютокъ-самоубійцъ было 61, а въ 1895 г. оно достигло уже цифры 90. Два года тому назадъ д-ръ Перье опубликовалъ свой статистическій матеріалъ и на основаніи его также пришелъ къ заключенію, что самоубійства среди дѣтей и юношей во Франціи въ послѣдніе годы возросли въ ужасающей прогрессіи. «Чѣмъ объяснить,—спрашиваетъ онъ,—эту грозную прогрессію? Тѣмъ ли, что мы вырождаемся, что успѣхъ нашей цивилизаціи дѣйствуетъ разрушительно на дѣтскій мозгъ или чѣмъ-нибудь инымъ, я не знаю—но фактъ остается фактомъ».

Въ Пруссіи докторъ Касперъ первый обратилъ вниманіе на самоубійства среди дѣтей. «Нигдѣ,—писалъ онъ въ своей «Медицинской Статистикѣ»,—не выступаетъ такъ ярко оборотная сторона цивилизаціи, какъ въ вопросѣ о самоубійствахъ среди дѣтей; на нихъ я обращаю вниманіе всѣхъ тѣхъ, кому дорого благо человѣчества». По статистикѣ д-ра Каспера, въ теченіе 10 лѣтъ съ 1788 по 1797 годъ во всей Пруссіи былъ зарегистрированъ только одинъ юный самоубійца, въ 1798—1807 гг. дѣтей-самоубійцъ было уже—3, а въ десятилѣтній періодъ съ 1812 по 1821 годъ ихъ было уже цѣлыхъ—31. По подсчету, сдѣланному д-ромъ Рейфишемъ дѣтскія самоубійства составляютъ приблизительно 1% общаго числа самоубійствъ въ современной Германіи. Д-ръ Зигертъ, особенно много занимавшійся статистикой самоубійствъ, называетъ Пруссію «классической страной самоубійства», а наши дни «печальнымъ временемъ все болѣе и болѣе учащающихся случаевъ самоубійства среди дѣтей». По даннымъ прусской оффиціальной статистики, обнимающей 30-лѣтній періодъ съ 1869 по 1898 годъ, оказывается, что за все это время въ Пруссіи покончило самоубійствомъ 1.708 дѣтей разнаго возраста, что составляетъ почти 57 случаевъ въ годъ. Разсматривая цифры самоубійцъ отдѣльно по годамъ, мы можемъ убѣдиться, что онѣ колеблются въ довольно широкихъ размѣрахъ, постепенно возрастая съ 38 до 65 въ годъ, что составляетъ 1 само-

убійство на 660 тысячъ населенія, какъ это было въ 1869—1873 гг. и на 490 тысячъ, какъ это было въ 1894—1898 гг.

Къ такому же печальному выводу относительно дѣтскихъ самоубійствъ пришли и *англійскіе* изслѣдователи, изъ которыхъ мы назовемъ Гризингера и д-ра Ирленда, равно какъ и *швейцарскіе*, и *итальянскіе* ученые, занимавшіеся этимъ вопросомъ.

Что касается *Россіи*, то у насъ первый обратилъ вниманіе на самоубійства дѣтей, если я не ошибаюсь, академикъ К. С. Веселовскій, который въ своей «Нравственной статистикѣ Россіи», напечатанной въ «Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ» 1847 г. (ч. XVIII, стр. 221) сообщаетъ 12 случаевъ самоубійствъ дѣтей въ возрастѣ 10—14 лѣтъ, имѣвшихъ мѣсто въ Петербургѣ и Москвѣ въ теченіе 1837—44 годовъ. П. Ѳ. Булацель, изучившій исторію самоубійства съ древнѣйшихъ временъ, констатируетъ фактъ, что «дѣтскія самоубійства стали въ наше время замѣтно учащаться» («Самоубійство съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней», стр. 183). Другой изслѣдователь, Невзоровъ, въ своемъ сочиненіи «О самоубійствѣ», опредѣляя число ежегодныхъ самоубійствъ въ Европѣ въ 50.000 человѣкъ среди взрослыхъ и въ 2.000—среди дѣтей, замѣчаетъ при этомъ, что «цифры эти постоянно растутъ» (стр. 1, примѣч.). Точно такъ же высказывается и Дзѣдушицкій. «Въ наше время,—говоритъ онъ,—стали часты самоубійства и среди дѣтей и юношей. Ихъ не удерживаетъ ни прелесть молодости, ни надежды, ни свойственныя веснѣ жизни мечты... Тяжело видѣть въ рубрикѣ самоубійцъ дѣтей въ возрастѣ 9—16 лѣтъ» («Самоубійство», 1877 г., стр. 133). С. Д. въ статьѣ «Наши самоубійцы» («Недѣля» 1901 г., № 12) также находитъ, что «самоубійства дѣтей у насъ въ Россіи въ настоящее время далеко не рѣдкость» и что въ теченіе 1869—78 гг. только въ Петербургѣ и Москвѣ покончило съ собой 97 дѣтей въ возрастѣ 8—16 лѣтъ. Лихачевъ, самый основательный изслѣдователь вопроса о самоубійствѣ, въ своемъ обширномъ трудѣ «Самоубійство въ Западной Европѣ и въ Европейской Россіи» замѣчаетъ, что «случаи учащенія самоубійствъ среди дѣтей не подлежатъ сомнѣнію» (стр. 105). Такой же взглядъ высказываетъ въ своей брошюрѣ «Самоубійство въ Одессѣ» и д-ръ И. С. Фалькнеръ, нашедшій, что «число самоубійствъ среди дѣтей города Одессы стало въ послѣдніе годы замѣтно учащаться» (стр. 15 и слѣд.). Наконецъ, недавно, именно 3-го октября с. г. Б. Ф. Пашуканисъ сдѣлалъ въ засѣданіи отдѣленія Московскаго Педагогическаго Общества докладъ, въ которомъ также пришелъ къ заключенію, что «самоубійство среди дѣтей прогрессивно возростаетъ, превращаясь изъ исключительнаго явленія былого времени въ обычный фактъ современности» («Русск. Вѣдом.», № 286, отъ 16-го октября с. г.).

Такимъ образомъ мы видимъ, что русскіе изслѣдователи, какъ и иностранные, приходятъ всѣ къ одному и тому же выводу, что число

дѣтскихъ самоубійствъ постоянно увеличивается изъ года въ годъ. Каковы же *причины* этого поистинѣ печальнаго явленія?

Мы дѣлимъ причины самоубійствъ дѣтей на индивидуальныя и общія, а послѣднія на такія, которыя свойственны всѣмъ людямъ вообще и спеціально только дѣтскому возрасту.

Мы начинаемъ наше описаніе съ индивидуальныхъ причинъ и въ числѣ ихъ отмѣтимъ, прежде всего, *душевныя болѣзни*. Нѣкогда, съ легкой руки Эскироля, полагали, что всякій самоубійца непремѣнно психически больной человѣкъ, но теперь такой взглядъ уже всѣми оставленъ *). Доказано, что среди самоубійцъ встрѣчается душевно-больныхъ у мужчинъ приблизительно $^1/_4$ часть, а у женщинъ—$^2/_5$ всѣхъ случаевъ. С. П. Яковлевъ и П. Ф. Филатовъ въ своей статьѣ «Самоубійство въ Симбирской губерніи» приводятъ слѣдующія цифры: въ Норвегіи на 1.000 самоубійцъ приходится 347 сумасшедшихъ, въ Швеціи—517, а въ иныхъ государствахъ этотъ процентъ доходитъ почти до 40» («Вѣстн. обществ. гигіены, судебной и практич. медицины», октябрь, 1892 г., стр. 20). Что касается дѣтей, то относительно ихъ мы не располагаемъ даже такими приблизительными цифрами, такъ какъ у нихъ сплошь да рядомъ очень трудно констатировать наличность того или другого психическаго дефекта, но мы должны имѣть его въ виду всюду, гдѣ наталкиваемся на тѣ или другія странности въ характерѣ ребенка и ненормальности въ его поведеніи. Въ Пруссіи, по свидѣтельству оффиціальной статистики, на каждые 1.000 душевно-больныхъ приходится около 40 дѣтей. По словамъ д-ра Бера, изъ 979 дѣтей-самоубійцъ, покончившихъ съ собой въ теченіе 15 лѣтъ съ 1884 по 1898 годъ психически больныхъ зарегистрировано было всего 79, т.-е. 8,07%. Но въ это число—замѣчаетъ Беръ—не вошли всѣ тѣ случаи самоубійства, гдѣ мотивы его остались неизвѣстными; если включить и ихъ сюда, то вышеназванная цифра нѣсколько увеличится и будетъ болѣе соотвѣтствовать истинѣ. Къ сожалѣнію, мы совершенно лишены возможности судить о самоубійствѣ душевно-больныхъ дѣтей въ другихъ странахъ, такъ какъ не располагаемъ на этотъ счетъ никакими данными.

Затѣмъ огромное вліяніе на самоубійство дѣтей оказываетъ *порочная наслѣдственность*. Извѣстны цѣлыя семьи, въ которыхъ многіе члены кончили жизнь самоубійствомъ. Особенно рѣзко сказывается вліяніе наслѣдственности при *алкоголизмѣ* родителей. Алкоголь, какъ извѣстно, является однимъ изъ самыхъ сильныхъ ядовъ нашей нервной системы. Подъ его вліяніемъ человѣкъ вырождается: утрачиваетъ

*) Его придерживается одинъ только проф. И. Гвоздевъ, который категорически выражается на этотъ счетъ слѣдующимъ образомъ: «Самоубійство совершается умопомѣшанными, то-есть больными людьми, а потому налагать за него наказаніе—значитъ возвратиться къ воззрѣніямъ давно минувшихъ дней» («О самоубійствѣ съ соціальной и медицинской точекъ врѣнія», стр. 45).

свои лучшія умственныя и нравственныя качества, дѣлается грубымъ, циничнымъ, тупымъ. Его нервная система приходитъ, выражаясь научно, въ состояніе «раздражительной слабости», которую онъ и передаетъ своему потомству. Дѣти пьяницъ являются на свѣтъ слабыми, болѣзненными, съ зачатками всевозможныхъ психическихъ и нервныхъ разстройствъ. Большинство изъ нихъ, страдающихъ врожденнымъ идіотизмомъ и тупоуміемъ, обязано этимъ своимъ родителямъ-алкоголикамъ. Въ самое послѣднее время англійскій врачъ Бетеманъ доказалъ, что пьяница передаетъ порочную организацію своему потомству даже въ то время, когда въ немъ самомъ никакихъ отклоненій отъ нормы, повидимому, еще не замѣчается. Въ настоящее время точно установленъ фактъ, что громадное большинство самоубійствъ совершается взрослыми подъ вліяніемъ алкоголя. Значеніе послѣдняго въ этомъ отношеніи до того велико, что можно смѣло сказать, что чѣмъ распространеннѣе въ какой-либо мѣстности употребленіе спиртныхъ напитковъ, тѣмъ болѣе часты тамъ и случаи самоубійствъ. И вотъ это-то предрасположеніе къ самоубійству, эту «monomanie homicide-suicide», какъ выражаются французы, дѣти пьяницъ роковымъ образомъ наслѣдуютъ отъ своихъ родителей!

Далѣе огромный % самоубійствъ дѣтей зависитъ отъ особенности ихъ натуры легко приходить въ возбужденное состояніе, впадать въ *аффектъ*. Дѣти съ такой нервной организаціей обнаруживаютъ много странностей въ своемъ характерѣ и отличаются особымъ непостоянствомъ въ настроеніи духа: они кажутся то чересчуръ веселыми, то слишкомъ печальными, производятъ впечатлѣніе то способныхъ, то тупицъ. У нихъ-то особенно развита эта болѣзненная чувствительность, благодаря которой они такъ часто находятъ въ окружающей жизни мотивы для самоубійства. То, на что здоровыя дѣти едва обращаютъ вниманіе, для такихъ дѣтей является дѣломъ первостепенной важности. «Чувствительныя души подобныхъ дѣтей,—говоритъ д-ръ Старкъ,—реагируютъ вдвое сильнѣе на каждую обиду, на каждое страданіе». У нихъ состояніе аффекта можетъ быть вызвано самыми разнообразными причинами, напр., физическими страданіями, обусловленными какой-либо болѣзнью, муками голода, ожиданіемъ наказанія за совершенный проступокъ, раскаяніемъ, стыдомъ и т. д. По словамъ д-ра Бера, изъ 979 дѣтей-самоубійцъ, зарегистрированныхъ прусской оффиціальной статистикой въ теченіе 1884—1898 гг., 410 кончили жизнь въ состояніи именно подобнаго аффекта, въ который ребенокъ тѣмъ легче впадаетъ, чѣмъ онъ моложе. По его наблюденіямъ, дѣти до 10-лѣтняго возраста почти всѣ налагаютъ на себя руки подъ вліяніемъ аффекта.

Но въ силу всѣхъ до сихъ поръ разсмотрѣнныхъ нами причинъ погибаетъ въ общемъ только меньше половины дѣтей-самоубійцъ; дру-

гая-же бо́льшая половина ихъ кончаетъ съ собою подъ вліяніемъ общихъ причинъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и перейдемъ.

Въ ряду ихъ первое мѣсто занимаютъ тяжелыя *матеріальныя условія*, среди которыхъ живетъ большинство дѣтей средняго и особенно низшаго городского населенія. Жизнь въ большихъ городахъ настолько дорога, требуетъ отъ каждаго такой огромной затраты его силъ и способностей, что это не можетъ не отразиться на ребенкѣ. Теперь дѣти, особенно въ бѣдныхъ семьяхъ, созрѣваютъ такъ преждевременно, такъ рано становятся участниками въ борьбѣ за существованіе, что съ полнымъ правомъ можно сказать, что дѣтей теперь нѣтъ. Посмотрите на эту армію маленькихъ работниковъ 15, 12, даже 10-ти лѣтъ, работающихъ на фабрикахъ, заводахъ и въ различныхъ мастерскихъ тяжелымъ, подчасъ изнурящимъ трудомъ, въ потѣ лица своего зарабатывающихъ свой кусокъ хлѣба—развѣ это дѣти? Какихъ невзгодъ, лишеній, а подчасъ и страданій полна ихъ жизнь! Какой тяжелый путь приходится имъ пройти, прежде чѣмъ они выростутъ и завоюютъ себѣ болѣе или менѣе самостоятельное, обезпеченное положеніе! Особенно тяжело положеніе сиротъ или дѣтей, брошенныхъ на произволъ судьбы ихъ родителями, ожесточенными нищетой и горемъ. Въ возрастѣ, когда счастливые товарищи ихъ думаютъ только объ удовольствіяхъ и играхъ, они должны уже задумываться о завтрашнемъ днѣ, ибо, если они этого не сдѣлаютъ, то могутъ очутиться на голой мостовой безъ куска хлѣба и безъ крова. Но не лучше и многимъ дѣтямъ, живущимъ въ своихъ семьяхъ. Нужда заставляетъ ихъ уже въ самомъ нѣжномъ возрастѣ заботиться о серьезной помощи своимъ родителямъ, которые въ большинствѣ случаевъ сами требуютъ ея, обращаясь съ ними жестоко и заставляя ихъ работать сверхъ силъ. Такая жизнь уже рано накладываетъ на этихъ дѣтей свою печать: они выглядятъ не по лѣтамъ серьезными и апатичными, вяло, почти безучастно относятся къ окружающему, не обнаруживая и слѣда той живости, которая такъ свойственна дѣтскому возрасту. И вотъ, подъ вліяніемъ всего этого, у такихъ маленькихъ страдальцевъ часто появляется неотразимое желаніе избавиться какъ-нибудь отъ мученій, которыми полна ихъ жизнь; въ ихъ головкахъ естественно рождается мысль о самоубійствѣ, какъ о возможности прекратить эту невыносимую жизнь, которая не имѣетъ для нихъ ничего отраднаго въ настоящемъ и ничего привлекательнаго въ будущемъ. Соотвѣтственно этому, дѣтскія самоубійства особенно часты въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ съ болѣе или менѣе значительнымъ фабричнымъ населеніемъ, какъ, наприм., въ Лондонѣ, Нью-Іоркѣ, Берлинѣ и другихъ подобныхъ городахъ. Въ послѣднемъ изъ нихъ, какъ вычислилъ д-ръ Беръ, теперь процентъ юныхъ самоубійцъ удесятерился противъ того, что было 60 лѣтъ тому назадъ. Еще болѣе подавляющая цифра получается относительно Лондона. Можно съ положительностью сказать, что чѣмъ промышленнѣе городъ, чѣмъ интенсивнѣе въ немъ фабричное и

мѣсленное населеніе, тѣмъ болѣе часты въ немъ и дѣтскія самоубійства. Тяжела доля фабричнаго рабочаго въ такомъ городѣ: заработокъ его въ большинствѣ случаевъ такъ малъ, что его рѣшительно не хватаетъ на прокормленіе семьи, даже если она и не особенно велика. Если же рабочій при этомъ еще пьетъ, то легко представить себѣ тѣ лишенія, ту крайнюю нужду, которую приходится испытывать его семьѣ. Здѣсь разыгрываются иной разъ драмы, которыя трудно представить себѣ. Для примѣра сообщу случай, который приводитъ Вуазенъ. Не могу удержаться, чтобы не передать его цѣликомъ. «Въ Парижѣ,—разсказываетъ Вуазенъ,—проживалъ съ семьей фабричный рабочій Б., впавшій въ крайнюю нищету. 12 лѣтняя дочь его очень страдала при видѣ тѣхъ лишеній, которыя приходилось переносить ея родителямъ. Она часто отказывалась отъ ѣды подъ видомъ будто бы отсутствія аппетита, на самомъ же дѣлѣ для того, чтобы оставить имъ лишній кусокъ. Мало-по-малу у нея созрѣла и укрѣпилась мысль, что родителямъ ея стало бы хоть немного легче жить, еслибъ ея не было на свѣтѣ. Однажды вечеромъ ее послали за чѣмъ-то изъ дому. Она очень нѣжно попрощалась съ отцомъ и матерью, ушла и бросилась въ Сену. Ее спасли...» Ребенокъ, который голодаетъ для того, чтобы оставить лишній кусокъ хлѣба своимъ родителямъ и лишаетъ себя жизни въ надеждѣ, что смерть его хоть немного облегчитъ ихъ положеніе—что можетъ быть трогательнѣе и ужаснѣе подобнаго факта!

Теперь займемся разсмотрѣніемъ *спеціальныхъ причинъ* самоубійства среди дѣтей и прежде всего остановимся на *воспитаніи* ихъ. Воспитаніе ребенка—это одна изъ самыхъ великихъ и трудныхъ задачъ семьи, и кто не знаетъ, какъ дурно ведется оно у насъ въ общемъ. На этотъ счетъ написаны цѣлые томы, и тотъ, кто интересуется даннымъ вопросомъ, найдетъ обильный матеріалъ о немъ не только въ спеціальныхъ педагогическихъ журналахъ, но и въ общей періодической прессѣ, равно какъ и въ ежедневной печати. Здѣсь не мѣсто распространяться о тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ недостаткахъ современнаго воспитанія дѣтей; поэтому мы ограничимся лишь тѣмъ, что отмѣтимъ только самый крупный изъ нихъ, именно недостаточное воспитаніе *воли* и *характера* въ нашемъ подростающемъ поколѣніи. Мы снабжаемъ нашихъ дѣтей массой всякихъ, порой совершенно безполезныхъ имъ знаній, обучаемъ ихъ манерамъ, умѣнью держаться въ обществѣ, преподаемъ имъ уроки необходимаго savoir vivre, не забывая при этомъ ни одной мелочи, но совершенно упускаемъ изъ виду волю, которой нисколько не развиваемъ и не воспитываемъ въ нихъ. Оттого наши дѣти растутъ безхарактерными, неустойчивыми, и самыхъ небольшихъ препятствій, встрѣчаемыхъ ими въ жизни, оказывается обыкновенно достаточно для того, чтобы заставить ихъ искать въ самоубійствѣ единственнаго выхода изъ того или другого положенія. Это отмѣчаетъ и А. Н. Острогорскій, изслѣдовавшій вопросъ о самоубійствѣ дѣтей и юношей пре-

имущественно съ психологической точки зрѣнія. «Писатели, говорившіе о самоубійствѣ, особенно среди молодежи,—пишетъ онъ,—чаще всего и главнѣе всего обращаютъ вниманіе именно на тѣ недостатки нашего воспитанія, которые приводятъ юношество къ неспособности и неумѣнію бороться съ жизнью». («Самоубійство, какъ психологическая проблема». Педагогическій Сборникъ 1893 г., февраль, стр. 150). Аналогичныя мысли высказываетъ по этому поводу П. Каптеревъ въ своей статьѣ «О дѣтской лжи» («Русская Школа» 1900 г., № 12, стр. 89), въ которой онъ говоритъ о недостаткахъ современнаго нравственнаго воспитанія дѣтей. «Что касается насажденія въ дѣтяхъ нравственнаго мужества—говоритъ онъ,—то нужно сознаться, что заботы объ этомъ весьма слабы въ современныхъ семьяхъ. О знаніяхъ дѣтей заботятся много, особенно о знаніяхъ языковъ, о дѣтскомъ здоровьѣ хлопочутъ меньше—оно само собой придетъ; о развитіи же нравственнаго мужества почти совсѣмъ не заботятся, даже плохо сознаютъ потребность въ немъ, его важность для нравственнаго всесторонняго развитія дѣтской личности». Вопроса о неудовлетворительности современнаго воспитанія дѣтей, какъ причины многочисленныхъ самоубійствъ среди нихъ, подробно касались многіе изслѣдователи. Такъ Левзоровъ въ своей книгѣ «О самоубійствѣ» говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Многимъ нѣкоторыя самоубійства дѣтей кажутся загадочными и непонятными. Но кто правильно смотритъ на дѣло воспитанія молодого поколѣнія и вникаетъ въ характеръ его, тотъ едва ли усмотритъ для себя что-либо непонятное въ такого рода самоубійствахъ. Современная система воспитанія въ большинствѣ случаевъ направлена къ образованію ложнаго взгляда на жизнь. Наше молодое поколѣніе воспитывается такъ, будто жизнь есть храмъ счастія, удовольствія и наслажденій. Дѣтей балуютъ, нѣжатъ, обставляютъ всевозможными удобствами, исполняютъ всѣ ихъ капризы и прихоти, какъ бы безразсудны они ни были. Когда ребенокъ начинаетъ подростать, его начинаютъ обучать разнымъ, нерѣдко глупымъ и смѣшнымъ приличіямъ. Родители радуются успѣхамъ своего дитяти, родные и знакомые предсказываютъ ему успѣхъ въ обществѣ. Но внушаются ли дѣтямъ высшіе принципы жизни, внушаются ли имъ понятія о нравственномъ долгѣ, о высшемъ назначеніи человѣка, о трудѣ его на пользу ближнихъ, о терпѣніи, уступчивости и проч.? Но что же бываетъ результатомъ такого воспитанія? То, что дѣти ростутъ неподготовленными къ борьбѣ съ житейскими невзгодами, гдѣ всего нужнѣе дѣятельная сила воли—сила души, а ужъ никакъ не красивая одежда, модныя слова, изученныя манеры и другіе плоды модnаго свѣтскаго воспитанія. При первой же встрѣчѣ съ суровой дѣйствительностью они впадаютъ въ малодушіе, обнаруживаютъ безхарактерность, слабость воли, легкомысліе и къ полной неожиданности своихъ заблуждавшихся родителей гибнутъ добровольно, оставляя иногда жалкую записку... Самоубійство дѣтей въ наше время

«есть справедливый обличитель современнаго воспитанія и противъ этого обличенія не могутъ возвысить своего голоса ни родители, ни воспитатели, ибо дѣйствительная жизнь и ея печальныя явленія говорятъ сильнѣе и поучительнѣе всякаго слова» (стр. 83 и слѣд.). Бріерръ де-Буамонъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Du suicide etc.» также объясняетъ многія самоубійства среди дѣтей дурнымъ воспитаніемъ, которое даютъ имъ. «Приводя ихъ смотрѣть новѣйшія драмы—говоритъ онъ,—дозволяя имъ читать газеты, разсказывая при нихъ исторіи самоубійствъ, полагаютъ въ ихъ сердца зародыши зла и при встрѣчѣ съ незначительными препятствіями они не задумываются умирать добровольно». (Невзоровъ. Op. cit., стр. 85). Другой французскій изслѣдователь Форлэ, изучившій вопросъ о самоубійствѣ въ связи съ развитіемъ гипохондріи, также нападаетъ въ своей книгѣ «Du suicide et de l'hypochondrie etc.» на дурное воспитаніе дѣтей, какъ на причину ихъ изнѣженности, неуравновѣшенности и неудовлетворенности въ своихъ желаніяхъ. Онъ находитъ, что наши дѣти уже въ 15 лѣтъ притупляютъ вкусъ ко всему, и подобное слишкомъ раннее знакомство съ жизнью есть, по его мнѣнію, причина тѣхъ нравственныхъ и аффектныхъ пертурбацій, которыя такъ часто заканчиваются самоубійствомъ. «Эти маленькія существа—говоритъ онъ,—не будучи подготовлены къ превратностямъ жизни, при малѣйшемъ несчастіи, при малѣйшей неудачѣ, дѣлаются сумасшедшими или самоубійцами». (Цитир. по Невзорову, стр. 86). Извѣстный нѣмецкій психіатръ Краффтъ-Эбингъ, въ свою очередь, давно уже осудилъ современную систему воспитанія дѣтей и юношества. «Дурно воспитываемыхъ дѣтей,—говоритъ онъ («Нервность и неврастенія», 1900, стр. 14),—приходится особенно часто видѣть въ богатыхъ семьяхъ, гдѣ имъ слишкомъ рано даютъ возможность ознакомиться съ роскошью, театрами, цирками и прочими развлеченіями и удовольствіями. Нужно жить въ большомъ городѣ, чтобы видѣть роскошные дворцы богачей, присмотрѣться къ жизни ихъ обитателей, чтобы понять, какъ сильно нарушаются здѣсь элементарныя правила воспитанія. Посмотрите на этихъ сонныхъ дѣвочекъ и мальчиковъ въ театрахъ во время представленій, на балахъ и вечерахъ, и у васъ невольно явится вопросъ: «да развѣ это дѣти?» Вышеприведенныхъ мнѣній различныхъ авторовъ достаточно, намъ кажется для того, чтобы всякаго убѣдить, что въ самоубійствѣ многихъ дѣтей виновно то воспитаніе, которое даютъ имъ, — воспитаніе, благодаря которому они растутъ изнѣженными растеніями, не могущими устоять даже противъ малѣйшаго вѣтерка.

Къ воспитанію ребенка въ семьѣ тѣсно примыкаетъ и *воспитаніе его въ школѣ*. Когда-то было распространено мнѣніе, что школа не должна воспитывать, а только обучать. Но тѣ, которые говорили это, забывали поразительную воспріимчивость юношеской и особенно дѣтской натуры даже къ самымъ ничтожнымъ вліяніямъ со стороны това-

рищей и учителей. Живая рѣчь послѣднихъ, въ которой не могутъ не отражаться хоть до извѣстной степени ихъ взгляды и убѣжденія, несмотря на то, какъ бы индифферентно они ни относились къ дѣлу воспитанія ввѣренныхъ имъ школьниковъ, примѣры со стороны товарищей, наконецъ, требованіе школы отъ своихъ воспитанниковъ соблюденія извѣстнаго, такъ сказать, нравственнаго кодекса — все это не можетъ не вліять на умъ и душу учащихся. Спрашивается, можно ли говорить послѣ этого объ отсутствіи воспитывающаго вліянія школы, въ стѣнахъ которой школьникъ проводитъ почти половину своей жизни въ извѣстномъ періодѣ ея? Школьный вопросъ, о которомъ у насъ теперь такъ много говорятъ и пишутъ, въ послѣднее время очень выросъ и сталъ вопросомъ, повидимому, первостепенной важности, хотя значеніе его было всѣмъ такъ же хорошо извѣстно прежде, какъ и теперь. Въ настоящее время всѣ уже согласны съ тѣмъ, что школа наша—я говорю исключительно о средней—предъявляетъ къ своимъ воспитанникамъ слишкомъ большія требованія и въ то же время относится къ нимъ сурово, а въ лучшемъ случаѣ индифферентно. Слѣдствіемъ такихъ чрезмѣрныхъ требованій ея является сплошь да рядомъ наблюдаемое переутомленіе и даже истощеніе учащихся, на почвѣ котораго у нихъ развиваются многочисленныя нервныя и психическія разстройства. Это засвидѣтельствовано наблюденіями и изслѣдованіями цѣлаго ряда врачей, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ. Неудивительно, что съ такой расшатанной нервной системой школьникъ способенъ на все и совсѣмъ немного нужно для того, чтобъ вывести его изъ состоянія равновѣсія и довести до самоубійства.

Въ газетахъ отъ времени до времени появляются коротенькія, но въ высшей степени грустныя сообщенія о такихъ безвременно погибшихъ юношахъ и дѣтяхъ, отравившихся, застрѣлившихся, бросившихся въ воду или подъ поѣздъ. Какое тяжелое чувство овладѣваетъ каждымъ при чтеніи этихъ газетныхъ сообщеній! Поражаешься, приходишь въ ужасъ, изъ-за чего только не гибнетъ иной разъ молодая жизнь школьника; изъ-за какой-нибудь неправильно рѣшенной задачи, плохо написаннаго сочиненія или двойки по греческому или латинскому языку. Особенно изъ-за древнихъ языковъ. Правда, теперь классицизму нанесенъ, повидимому, смертельный ударъ—и слава Богу, давно пора!—но измѣнится ли вслѣдствіе этого одного постановка дѣла въ нашей школѣ? Вѣдь переутомленіе учащагося можно вызвать не одними только древними языками.

Но не въ одномъ переутомленіи кроется все зло современной школы. Гораздо важнѣе отношеніе ея къ своимъ воспитанникамъ. Каково это отношеніе? Существуетъ ли между учащими и учащимися та тѣсная, духовная связь, которая должна быть между членами одной и той же семьи? Видятъ ли младшіе члены ея, ученики, въ старшихъ, въ своихъ учителяхъ, истинныхъ наставниковъ-друзей, къ которымъ можно обра-

титься за совѣтомъ и поддержкой въ трудную минуту жизни? Увы! Какъ далека отъ этого наша школа! Кто же не знаетъ, что въ ней между учителемъ и ученикомъ нѣтъ ничего общаго, что первому нѣтъ никакого дѣла до той внутренней жизни, какою живетъ второй. Требованіе извѣстныхъ знаній отъ учениковъ, взысканіе и наказаніе ихъ въ случаѣ нарушенія ими установленныхъ правилъ—вотъ къ чему сводится современная школа. И пока это будетъ длиться такъ, пока учащій не будетъ интересоваться хоть отчасти внутреннимъ міромъ учащагося—до тѣхъ поръ онъ будетъ относиться къ нему холодно, бездушно, до тѣхъ поръ будутъ обыденнымъ явленіемъ такіе печальные факты, какъ, напримѣръ, самоубійство гимназиста, которое приводитъ въ своей книгѣ Лихачевъ. Гимназистъ этотъ сидѣлъ уже 2 года въ одномъ и томъ же классѣ и снова не выдержалъ экзамена. Придя домой, онъ застрѣлился, оставивъ слѣдующую записку: «У С. и К. попался 13-й билетъ; начали спрашивать то, чего не проходили, я сказалъ, что этого не проходили. С. выразилъ удивленіе и объявилъ, что преподавателемъ онъ 7 лѣтъ и что всегда спрашивалъ. Обратились къ А. А. объявилъ, что не проходили. Положеніе С.: лгунъ. Тогда С. задалъ вопросъ, который я зналъ: о плотности пара. Видя по началу, что я знаю, не далъ окончить и поставилъ 2, что я видѣлъ. Пораженъ такъ, что, отвѣчая у А., былъ почти безъ ума и ничего не отвѣтилъ, въ году 4—это сущая правда, ни капли лжи. Прощайте папа, мама, прощайте, если былъ... я васъ очень люблю и буду молиться за васъ, если можно...» (Лихачевъ, Op. cit., стр. 237). Всякія комментаріи къ этой запискѣ, конечно, излишни. Но обратите вниманіе на педагога, который не вѣритъ ученику, что «этого не проходили», и называетъ его при всѣхъ публично лгуномъ, представьте себѣ жестокость этого человѣка, когда онъ не даетъ ему говорить о парѣ, «видя по началу, что онъ объ этомъ знаетъ». Что сказать о такомъ педагогѣ?.. Можетъ явиться мысль, не преувеличилъ ли несчастный юноша? возможенъ ли вообще подобный фактъ? Вы, читающіе эти строки, встрѣчали ли вы въ своей жизни такихъ педагоговъ? И если не встрѣчали, то слыхали ли о нихъ? Отвѣчайте, положа руку на сердце... Но намъ скажутъ, что это было давно, что теперь подобные факты не могутъ имѣть мѣста въ школѣ... Такъ ли это? Я позволю себѣ въ такомъ случаѣ сообщить то, что было недавно, всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Черниговѣ. «Городъ Черниговъ—читаемъ мы въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» въ № 286 отъ 18-го октября прошлаго года,—взволнованъ печальнымъ событіемъ: застрѣлился воспитанникъ мѣстной классической гимназіи Маркельсъ, сынъ богача-еврея. Трупъ самоубійцы найденъ въ окрестностяхъ города. Разговорамъ по этому поводу нѣтъ конца. По отзывамъ товарищей, покойный отличался крайне болѣзненно-развитымъ самолюбіемъ, и поводомъ къ его смерти могло послужить оскорбленіе бранью, будто бы нанесенное покойному однимъ изъ

педагоговъ. Насколько такое объясненіе вѣрно — сказать трудно, но что нѣкоторые изъ черниговскихъ педагоговъ выражаютъ нерѣдко свое сердечное отношеніе къ учащимся бранью —это, къ сожалѣнію, печальный фактъ». Вотъ вамъ образчикъ «сердечнаго» отношенія къ учащемуся въ наши дни! Конечно, и здѣсь можетъ явиться предположеніе, что въ дѣйствительности дѣло происходило нѣсколько иначе, что печальный фактъ этотъ, быть можетъ, не болѣе, какъ «недоразумѣніе» и т. д. Но вѣдь это только предположеніе, а черниговскій педагогъ, отозвался ли онъ, разъяснилъ ли въ печати это «недоразумѣніе» и опровергъ ли возведенное на него обвиненіе?..

Итакъ, пока не начнется дѣйствительное обновленіе и перерожденіе нашей школы, пока она не перестанетъ быть по отношенію къ своимъ воспитанникамъ злой мачихой, какою была до сихъ поръ, до тѣхъ поръ она—увы—не перестанетъ служить одной изъ причинъ самоубійствъ среди дѣтей и юношей!

Относительно самоубійствъ учащихся у насъ въ Россіи мы находимъ нѣкоторыя весьма скудныя данныя у того же Лихачева (Op. cit.) По его вычисленіямъ (стр. 118), тенденція къ самоубійству учащихся равна за періодъ времени съ 1870 по 1879 г. 327 на 1 милліонъ населенія въ С.-Петербургѣ, и 133 въ Москвѣ. Такимъ образомъ, годовая средняя самоубійства среди учащихся, въ обѣихъ столицахъ вычисленная за 10 лѣтъ, равна 23,0 и значительно превосходитъ годовыя среднія цифры самоубійства среди дворянъ (16,9) и купцовъ (10,6), вычисленныя за то же число лѣтъ. Сравнивая въ этомъ отношеніи Россію съ Австріей, Лихачевъ приходитъ къ заключенію, что «тенденція къ самоубійству русской учащейся молодежи, а по ней надо судить именно по центрамъ просвѣщенія, очень высока и, вѣроятно, не уступитъ тенденціи учащейся молодежи вѣнской» (Стр. 118). Къ приведеннымъ имъ ужаснымъ цифрамъ нельзя, конечно, относиться безразлично, хотя ихъ и слишкомъ мало для того, чтобы сдѣланный изъ нихъ выводъ былъ вполнѣ доказателенъ. У нѣмцевъ статистику самоубійствъ учащихся разработалъ особенно Гутштадтъ. По его даннымъ, въ теченіе 6 лѣтъ съ 1883 по 1888 годъ включительно въ Пруссіи было всего 289 подобныхъ самоубійствъ, изъ числа которыхъ 207 приходится на среднюю и низшую школу, а 82—на высшую. Такимъ образомъ оказывается, что по числу самоубійствъ учащихся мы далеко опередили даже Пруссію, эту «классическую страну самоубійствъ».

Въ 1884 г. знаменитый нѣмецкій ученый Р. Вирховъ, 80-лѣтнюю годовщину со дня рожденія котораго недавно отпраздновалъ весь образованный міръ (кромѣ, впрочемъ, Петербурга), вмѣстѣ съ другимъ ученымъ, проф. Вестфалемъ, пришелъ въ своемъ докладѣ, представленномъ прусскому министерству внутреннихъ дѣлъ, къ заключенію, что число самоубійствъ среди дѣтей школьнаго возраста (10—15 лѣтъ) постоянно возрастаетъ и что оно болѣе чѣмъ удвоилось въ періодъ

времени съ 1869 по 1881 г. Сообщеніе это въ свое время надѣлало много шума, и защитники новой школьной реформы, обсуждавшейся въ рейхстагѣ (въ 1889—90 г.), много разъ основывались на данныхъ и выводахъ этихъ почтенныхъ ученыхъ.

Всѣ только что названные изслѣдователи одинаково согласны въ томъ, что самой частой причиной самоубійства дѣтей въ низшей школѣ является страхъ предъ наказаніемъ, а въ средней — невыдержанные экзамены. Значеніе экзаменовъ вообще теперь достаточно выяснено, особенно благодаря трудамъ д-ровъ Козинцева и Игнатьева, основательно изучившихъ вліяніе экзаменовъ на организмъ экзаменующихся. Послѣдній изъ этихъ врачей въ своей обстоятельной работѣ «Вліяніе экзаменовъ на вѣсъ тѣла», появившейся въ 1898 г. говоритъ (стр. 244), что уменьшеніе вѣса тѣла онъ нашелъ въ 79% всѣхъ экзаменующихся, причемъ каждый изъ нихъ терялъ въ среднемъ около 4 ф. По его словамъ, вліяніе экзаменовъ можно сравнить съ тяжелой болѣзнью, влекущей за собой значительное разстройство въ питаніи организма и въ дѣятельности центральной нервной системы. Обычнымъ послѣдствіемъ экзаменовъ д-ра Игнатьевъ и Козинцевъ отмѣчаютъ чрезмѣрное возбужденіе, безсонницу, потерю аппетита и общее безпокойство. При такомъ ненормальномъ состояніи своей нервной системы учащійся долженъ экзаменоваться, то-есть совершать трудъ, требующій максимальнаго напряженія его умственныхъ способностей. Ненормальность подобнаго порядка вещей была сознана только недавно и теперь мало-по-малу начинаютъ отмѣнять экзамены, какъ нѣчто неудовлетворительное въ педагогическомъ отношеніи и вредное съ медицинской точки зрѣнія. Пройдутъ года и можно будетъ доказать наглядно съ цифрами въ рукахъ, что число самоубійствъ среди учащихся уменьшится. Это будетъ служить самымъ краснорѣчивымъ и блестящимъ доказательствомъ въ пользу полнаго упраздненія экзаменовъ, какъ одной изъ причинъ самоубійствъ въ дѣтскомъ возрастѣ.

Я перехожу къ *самой частой причинѣ* самоубійства дѣтей, именно, къ *дурному обращенію* съ ними. Эта причина является значительно преобладающей исключительно только у насъ въ Россіи, на Западѣ же она далеко не такъ часта, а по мнѣнію Пономарева, даже и совершенно неизвѣстна. Жертвами дурного, а подчасъ и жестокаго обращенія становятся преимущественно дѣти, находящіяся въ ученьи у разныхъ ремесленниковъ и торговцевъ, но нерѣдко и такія, которыя живутъ въ родныхъ семьяхъ. Большинство изъ этихъ дѣтей—сироты, очень рано лишившіяся своихъ родителей или же брошенныя ими на произволъ судьбы. Родственники, а за отсутствіемъ ихъ, и совершенно чужіе люди, напр., сосѣди, становятся въ такихъ случаяхъ распорядителями судебъ подобныхъ дѣтей. Они берутъ ихъ къ себѣ въ качествѣ даровой прислуги, но чаще пристраиваютъ въ какомъ-ни-

будь торговомъ заведеніи или отдаютъ въ науку какому-нибудь мастеру, совершенно не думая о судьбѣ ихъ, а стараясь какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ нихъ и сбыть ихъ съ рукъ. Такъ же поступаютъ и тѣ родители, у которыхъ дѣтей много и которые не имѣютъ возможности сами содержать ихъ. Они размѣщаютъ своихъ мальчиковъ и дѣвочекъ по разнымъ мастерскимъ и заведеніямъ, заботясь только объ одномъ, какъ бы избавиться скорѣе отъ лишнихъ ртовъ. Само собою разумѣется, что при этомъ имъ и въ голову не приходитъ думать объ условіяхъ содержанія и обученія своихъ дѣтей, которыя попадаютъ на много лѣтъ въ полное распоряженіе, въ кабалу къ своимъ хозяевамъ и отнынѣ вполнѣ зависитъ не только отъ нихъ, но и отъ произвола его грубыхъ, невѣжественныхъ, вѣчно пьяныхъ мастеровъ и подмастерьевъ. Кто не знакомъ съ тяжелымъ положеніемъ такихъ «учениковъ»? Кто не слыхалъ, какія драмы разыгрываются сплошь да рядомъ въ глухихъ подвалахъ, на чердакахъ и въ другихъ конурахъ, гдѣ ютится мелкій мастеровой людъ? Драмы эти иногда, довольно рѣдко, впрочемъ, становятся достояніемъ суда, и тогда предъ пораженной публикой проходятъ тяжелыя, мрачныя картины существованія такихъ учениковъ и ученицъ, которыхъ справедливѣе всего назвать «страстотерпцами». Загляните въ судебныя хроники, и вы придете въ ужасъ, чего, чего не продѣлываютъ надъ ними ихъ жестокіе хозяева-мучители: они ихъ бьютъ ужаснымъ боемъ, послѣ котораго дѣти по цѣлымъ мѣсяцамъ отлеживаются въ больницахъ, морятъ голодомъ, изнуряютъ самой тяжелой работой, не давая достаточно времени для отдыха и сна—словомъ, всячески истязаютъ ихъ, доводятъ до отчаянія, до бѣгства, до самоубійства! Случаи жестокаго обращенія и истязанія дѣтей, къ сожалѣнію, очень рѣдко доходитъ до суда и до свѣдѣнія Отдѣла Защиты ихъ. Мы говоримъ такъ потому, что объ этомъ Отдѣлѣ знаютъ даже далеко не всѣ изъ интеллигентнаго класса населенія, а что касается простыхъ людей, разныхъ мастеровыхъ и рабочихъ, то о нихъ и говорить нечего. Изъ членовъ этого Отдѣла была составлена въ 1898 году особая комиссія для надзора за положеніемъ малолѣтнихъ работниковъ и учениковъ въ торгово-промышленныхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ. Комиссія эта представила Отдѣлу, какъ результатъ своихъ наблюденій, особый докладъ, въ которомъ пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ. «Большинство содержателей ремесленныхъ и торговыхъ заведеній,—читаемъ мы въ этомъ докладѣ (см. Отчетъ Отдѣл. Защит. дѣт.» за 1898 г.,стр. 22, 23 и 24),—руководясь исключительно грубыми личными интересами, большею частью относятся къ своимъ ученикамъ едва ли не какъ къ рабочему скоту, отданному въ ихъ безконтрольное распоряженіе... Къ малолѣтнимъ работникамъ предъявляются требованія, исполненіе которыхъ подъ силу развѣ здоровому взрослому человѣку. Сама статья 431 уст. о промышл., устанавливающая 10-часовой срокъ ежедневной работы, не дѣлаетъ различія между взрос-

лыми и дѣтьми; что же касается содержателей мастерскихъ, то почти никто изъ нихъ не соблюдаетъ, по отношенію къ малолѣтнимъ, даже этого, достаточно-таки большого для ребенка срока. Большинство хозяевъ признаетъ 10-часовой трудъ недостаточно для нихъ выгоднымъ и произвольно увеличиваетъ продолжительность дѣтской работы, лишая учениковъ указаннаго послѣобѣденнаго отдыха, какъ о томъ было заявлено членамъ коммиссіи содержателями разныхъ мастерскихъ. Кромѣ обремененія дѣтей работою сверхъ законнаго срока, въ большинствѣ ремесленныхъ заведеній пища малолѣтнихъ частью недостаточна, частью неудовлетворительна по качеству. Для ночлега рѣдко гдѣ можно встрѣтить надлежащія приспособленія; есть цѣлый рядъ ремесленныхъ заведеній, гдѣ дѣти спятъ на верстакахъ или на полу въ томъ же помѣщеніи, въ которомъ втеченіе дня производится работа. Заведенія, гдѣ ученики находятся въ полномъ распоряженіи нетрезвыхъ подмастерьевъ, не сдерживаемыхъ вмѣшательствомъ хозяевъ, не составляютъ рѣдкости, какъ не рѣдкость и то, что усталыхъ и плохо одѣтыхъ дѣтей посылаютъ на дальнія разстоянія съ непосильной ношей... Не лучше, если не хуже положеніе дѣвочекъ, работающихъ въ бѣлошвейныхъ, модныхъ и иныхъ женскихъ мастерскихъ. Тутъ, какъ и въ мужскихъ мастерскихъ, преобладаетъ взглядъ на дѣтей, какъ на дешевую рабочую силу, которую не стоитъ беречь, потому что взамѣнъ одного замореннаго и выбывшаго изъ строя ребенка всегда можно получить другого, свѣжаго... Дѣвочки обременяются работой даже въ бо́льшей степени, нежели мальчики». Вотъ въ какихъ условіяхъ живутъ эти несчастные «ремесленные» ученики и ученицы, которыхъ у насъ въ Петербургѣ насчитывается около 20—25 тысячъ! И это здѣсь, въ столицѣ, гдѣ существуетъ строгій полицейскій и санитарный надзоръ, гдѣ есть Отдѣлъ Защиты дѣтей! Что же дѣлается въ другихъ городахъ, въ глухихъ провинціальныхъ углахъ нашего обширнаго отечества? Кто сосчитаетъ хоть приблизительно эти сотни и тысячи замореннныхъ, забитыхъ дѣтей, которыя ежегодно вѣшаются, топятся, бросаются изъ оконъ на мостовую, чтобы избавиться отъ гнета и мученій, создаваемыхъ для нихъ людской дикостью и жестокостью! Пономаревъ вычислилъ, что въ Петербургѣ 40%, а къ Москвѣ 33% всѣхъ дѣтскихъ самоубійствъ, имѣвшихъ мѣсто въ обѣихъ столицахъ въ теченіе 1869—78 гг., произошли подъ вліяніемъ дурного обращенія.

Въ заключеніе я позволю себѣ привести описаніе слѣдующихъ четырехъ случаевъ, ярко рисующее безотрадное положеніе подобныхъ дѣтей. Первый изъ нихъ относится къ 7 лѣтнему мальчику, сыну Лужской мѣщанки Т. «Въ февралѣ мѣсяцѣ 1898 г.—читаемъ мы въ отчетѣ Отдѣла Защиты дѣтей за 1898 г. на 24 стр.—онъ былъ доставленъ въ Николаевскую дѣтскую больницу со слѣдами жестокихъ побоевъ на всемъ тѣлѣ: его шея, спина и бедра были покрыты широкими кровавыми полосами, а поясница—представляла одинъ сплош-

ной кровоподтекъ. Докторъ К., врачъ названной больницы, лечившій мальчика, говорилъ, что онъ не запомнитъ, чтобы видѣлъ когда-либо столь сильно избитаго ребенка. Несмотря на немедленно оказанную ему медицинскую помощь, мальчикъ былъ такъ слабъ и нервно потрясенъ, что отъ него долгое время не могли добиться никакихъ разъясненій. Разслѣдованіемъ, произведеннымъ участковымъ попечителемъ Отдѣла, раскрыта безотрадная картина существованія ребенка. Мать, уходя на цѣлые дни изъ дому на работу, оставляла сына всецѣло на попеченіе квартирной хозяйки и ея 20 л. сына, лицъ неинтеллигентныхъ, грубыхъ и крайне непріязненно относившихся къ ребенку. Трудно описать, какимъ истязаніямъ и мученіямъ подвергался въ эти часы отсутствія матери мальчикъ за малѣйшій проступокъ, за самую незначительную шалость».

А вотъ другая картинка въ томъ же родѣ. «Въ іюлѣ мѣсяцѣ — сказано въ отчетѣ за тотъ же годъ, стр. 29 — въ селѣ Мурзинкѣ по Шлиссельбургскому тракту, на глазахъ у нѣсколькихъ случайно находившихся лицъ, бросилась въ воду дѣвочка, съ цѣлью утопиться. Вытащенная изъ воды въ безсознательномъ состояніи и съ трудомъ возвращенная къ жизни, дѣвочка была доставлена въ полицію, дознаніемъ которой обнаружилось слѣдующее: 12-лѣтняя Наталія Ш... (такъ звали дѣвочку), круглая сирота, была привезена въ прошломъ году изъ деревни Олонецкой губ. односельчаниномъ для помѣщенія ее въ обученіе». Послѣ долгихъ мытарствъ она попала, наконецъ, къ портному С. Жизнь Наташи, какъ это видно изъ показаній свидѣтелей, оказалась здѣсь на столько тяжелой и безотрадной, что она бросилась въ воду съ цѣлью лишить себя жизни.

Третій случай заимствованъ мною у А. Н. Острогорскаго (Op. cit. Педагог. Сборн. 1893 г. янв. стр. 45 и слѣд.) и относится къ 11-лѣтнему мальчику, выбросившемуся на улицу изъ окна 4 этажа, причемъ онъ расшибъ себѣ голову и по дорогѣ въ больницу умеръ. «Нѣкоторыя обстоятельства—пишетъ Острогорскій—обнаружившіяся при этомъ несчастіи, вызвали слѣдствіе, и отецъ мальчика привлеченъ былъ къ отвѣтственности. На судѣ обнаружилась такая картина семейной жизни. Отецъ, имѣя двухъ дѣтей, женился на второй. Мачиха не взлюбила ихъ, особенно мальчика. Нерѣдко она морила ихъ голодомъ, часто доставались имъ побои и отъ нея, и отъ отца, которому она постоянно наговаривала на пасынка. По словамъ сосѣдей родители обращались съ дѣтьми очень жестоко, «по-звѣрски», «хуже, чѣмъ съ собакой». Былъ случай, когда мачиха такъ сильно била пасынка на улицѣ, что дежурный городовой возмутился и хотѣлъ арестовать ее. Видѣли, какъ отецъ, ведя сына домой по лѣстницѣ, толкалъ его ногой и тотъ падалъ лицомъ на каменныя ступени, а когда подымался, родитель повторялъ удары. Разъ, на крики ребенка, сосѣди ворвались въ квартиру и застали тамъ такую возмутительную картину тѣлеснаго истязанія, что послали за

полиціей. Въ день несчастья мачиха была недовольна обоими и мальчикомъ, и восьмилѣтней дѣвочкой. Когда она вела ихъ домой, слышали, что она угрожала пожаловаться на нихъ отцу. Обыкновенно передъ экзекуціей мальчика запирали всѣ окна, чтобы не слышно было крйковъ пасынка—такъ сдѣлала она и въ этотъ разъ. Услыхавъ звонокъ у дверей, мальчикъ, какъ полагаетъ прокуратура, естественно подумалъ, что явился отецъ и сейчасъ начнетъ его сѣчь и истязать. Не долго думая, ребенокъ подбѣжалъ къ окну, открылъ его и выбросился на улицу. Сбѣжался народъ. Мачиха, выглядывая въ окно, сказала только: «убился, такъ убился». Отецъ же, возвращаясь съ дежурства, (звонилъ не онъ), прошелъ мимо лежащаго на троттуарѣ мальчика, какъ бы не замѣчая его, а по словамъ кого-то изъ стоявшихъ тутъ, сказалъ: «собакѣ—собачья и смерть». Судъ приговорилъ отца къ заключенію въ тюрьмѣ на 6 мѣсяцевъ.

Наконецъ четвертый случай, описаніе котораго я беру изъ «Петербургской Газеты», имѣлъ мѣсто совсѣмъ недавно». 12 ноября прошлаго года — читаемъ мы въ № 312 этой газеты отъ 13 ноября 1901 г.,—скамью подсудимыхъ С.-Петербургскаго окружнаго суда занимала крестьянка Овечкина, обвинявшаяся въ жестокомъ обращеніи съ сироткой, 9-лѣтней дѣвочкой Анисьей Ѳедоровой. Въ ноябрѣ прошлаго года, овдовѣвшій братъ Овечкиной Трофимъ Ѳедоровъ привезъ къ ней двухъ своихъ дѣтей: мальчика лѣтъ 11 и дѣвочку моложе его, прося сестру замѣнить имъ умершую ихъ мать. Дѣти и самъ Ѳедоровъ, бывшій безъ мѣста, поселились у Овечкиной, державшей угловыхъ жильцовъ. Жизнь бѣдныхъ сироткъ у тетки была не сладка. Особенно она не взлюбила маленькую Аню, которую постоянно била: кулаками, ногами, розгами, веревкой, не кормила ее, укладывала спать въ углу комнаты, на холодномъ полу, на тряпкахъ, никогда дѣвочку не мыла. Овечкина настолько безчеловѣчно обращалась съ сироткой, своей племянницей, что нѣкоторые жильцы не могли видѣть такого истязанія беззащитнаго ребенка и выѣхали отъ Овечкиной, но никто не рѣшался заявить объ этомъ, и только случайно открылось это преступленіе. Жившая въ одномъ домѣ съ Овечкиной крест. Гусева сжалилась надъ ребенкомъ и, сама не зная, что съ нею дѣлать, отвела Аню къ жившему въ томъ же домѣ своему знакомому артельщику Ягодину, который, оставивъ ее у себя, заявилъ полиціи. Дѣвочка была освидѣтельствована врачомъ, который констатировалъ цѣлый рядъ кровоподтековъ на тѣлѣ ребенка, ссадины на лицѣ; большая часть волосъ на головѣ была вырвана, а на затылкѣ гноящійся струпъ. На рубашкѣ же оказалось нѣсколько капель свѣжей засохшей крови. Врачъ пришелъ къ заключенію, что дѣвочка, вслѣдствіе плохого питанія, хила и худосочна, и что знаки побоевъ на тѣлѣ ея указываютъ на жестокое обращеніе съ ребенкомъ, которое повліяло и на ея психическое состояніе. Дѣвочка представляется запуганной, забитой и угнетен-

ной. Свидѣтели охарактеризовали на судѣ Овечкину женщиной злой, мстительной и къ тому же любившей выпить. Фактъ безчеловѣчнаго обращенія ея съ Аней установленъ ими безспорно. Подсудимая же Овечкина, не признавая себя виновной, говоритъ, что любила дѣвочку, иногда наказывала ее за непослушаніе. но ничуть не жестоко, и все, что говорятъ свидѣтели—ложь. Присяжные засѣдатели признали Овечкину виновной, и судъ приговорилъ ее къ лишенію правъ и къ заключенію въ тюрьму на 1 годъ и 6 мѣсяцевъ».

Я привелъ только четыре подобныхъ случая, а могъ бы привести ихъ цѣлые десятки. Но къ чему? Представьте себѣ этого крошечнаго 7-лѣтняго мальчика, до того избитаго, что д-ръ К., пользовавшій его въ больницѣ и видавшій уже на своемъ вѣку, должно быть, не мало подобныхъ случаевъ, заявилъ, что «онъ не запомнитъ, чтобы видѣлъ столь сильно избитаго ребенка»,—вообразите себѣ истязанія, которымъ подвергала жестокая мачиха своего 11-лѣтняго пасынка, задумайтесь, наконецъ, надъ жизнью обѣихъ несчастныхъ сиротокъ Наташи и Ани, которыхъ и били, и голодомъ морили, и всячески издѣвались надъ ними—и вамъ станетъ понятно, какъ часто подобные маленькіе страстотерпцы должны кончать самоубійствомъ, которое разомъ избавляетъ ихъ и отъ тяжелой доли, и отъ грубыхъ жестокихъ мучителей!

Наша статья была бы недостаточно полна, еслибъ мы не упомянули хоть вкратцѣ о томъ, что въ числѣ причинъ самоубійства дѣтей фигурируетъ также *подражаніе* и *внушеніе*. Извѣстно, что ребенокъ очень склоненъ къ подражанію: все, совершающееся вокругъ него, находитъ тотчасъ же живой откликъ въ его впечатлительной, воспріимчивой душѣ. Самоубійство кого-нибудь изъ родныхъ и знакомыхъ, особенно товарища по играмъ или школьной семьѣ, невольно направляетъ мысли ребенка въ извѣстную сторону, пріучаетъ его думать о самоубійствѣ, какъ о возможномъ исходѣ изъ всякаго затруднительнаго положенія въ жизни... Мы уже видѣли, какъ мало нужно иной разъ, чтобы ребенокъ перешелъ отъ мысли къ дѣлу. Такимъ образомъ, дѣти заражаются отъ окружающихъ самоубійствомъ такъ же, какъ они заражаются въ школѣ другъ отъ друга истеріей, пляской св. Витта и другими нервными болѣзнями. Интересный случай въ этомъ отношеніи сообщаетъ Вуазенъ, котораго мы цитировали уже раньше. Одинъ 11-лѣтній мальчикъ повѣсился, повидимому, безъ всякой причины, нарисовавъ передъ смертью на стѣнѣ 3 креста. Оказалось, что мѣсяцъ тому назадъ точно съ такими же подробностями повѣсился его дядя. Подобный же случай приводитъ и Дюранъ-Фардель. Онъ касается одного 12-лѣтняго мальчика, присутствовавшаго на похоронахъ другого мальчика, неизвѣстно по какой причинѣ повѣсившагося. Идя за гробомъ своего товарища, онъ нѣсколько разъ повторялъ одному изъ шедшихъ рядомъ съ нимъ мальчиковъ, что ему также при-

шла въ голову мысль повѣситься. И дѣйствительно, спустя 4 дня, онъ привелъ свое намѣреніе въ исполненіе.

Что касается самоубійствъ дѣтей подъ вліяніемъ внушенія, то они довольно рѣдки и въ происхожденіи ихъ большую роль играютъ, по мнѣнію проф. Шпейера, газеты, которыя безконечно повторяютъ исторіи самоубійцъ со всѣми мельчайшими подробностями ихъ, наталкивая такимъ образомъ ребенка, который слышитъ все это, на мысль о самоубійствѣ. Кромѣ этого, извѣстны случаи, когда дѣти лишали себя жизни подъ вліяніемъ непосредственнаго внушенія со стороны взрослыхъ. Такой случай сообщаетъ въ своей книгѣ «О самоубійствѣ» Невзоровъ. Въ Марсели одна бонна уморила себя голодомъ, уговоривъ къ той же насильственной смерти и свою 14-лѣтнюю воспитанницу (стр. 1) Ломброзо по поводу подобныхъ самоубійствъ говоритъ слѣдующее: «Особый видъ самоубійства женщинъ—это смерть матери одновременно съ ея дѣтьми подъ вліяніемъ нищеты или какого-нибудь крупнаго несчастья... Если ребенокъ слишкомъ юнъ, чтобы быть независимымъ отъ матери, но въ то же время настолько зрѣлъ, что можетъ подчиниться вліянію внушенія, то мать старается подговорить его умереть добровольно вмѣстѣ съ нею. Гарнье сообщилъ два случая, въ которыхъ матери двухъ мальчиковъ, 10 и 13-лѣтняго возраста, убѣдили ихъ покончить съ собою вмѣстѣ съ ними» («Женщина-преступница», стр. 391).

Наконецъ, мотивомъ самоубійствъ у дѣтей является въ очень рѣдкихъ случаяхъ желаніе *отомстить*, причинить огорченіе, непріятность своимъ окружающимъ за какое-нибудь несправедливое, по ихъ мнѣнію, наказаніе или обиду. Коллино сообщаетъ объ одномъ 12-лѣтнемъ воспитанникѣ школы, который повѣсился въ отместку своимъ родителямъ за то, что они наказали его, заставляя вернуться назадъ въ школу, чего онъ совсѣмъ не желалъ. Передъ смертью этотъ юный самоубійца оставилъ записку, въ которой подробно изложилъ причину, доведшую его до самоубійства. Другой мальчикъ, по словамъ того же автора, покончилъ съ собой потому, что родители черезчуръ сильно наказали его, желая непремѣнно заставить его попросить прощенія, чего юный упрямецъ ни за что не хотѣлъ сдѣлать. Поэтому, Коллино совѣтуетъ быть осторожнымъ въ выборѣ наказаній и никогда не доводить дѣтей до изступленія.

Таковы въ общихъ чертахъ причины, чаще всего доводящія дѣтей до самоубійства. Нѣкоторыя изъ этихъ причинъ лежатъ въ основѣ дѣтской натуры, другія являются продуктомъ цивилизаціи и тѣхъ тяжелыхъ условій, въ которыхъ живетъ большинство человѣчества. Но самая главная изъ нихъ кроется въ грубости и жестокости человѣческаго сердца!

Заканчивая настоящую статью, мы должны остановиться еще на слѣдующихъ вопросахъ: въ какомъ *возрастѣ* чаще всего совершаются

дѣтьми самоубійства? Для этого сопоставимъ данныя, добытыя Дюранъ-Фарделемъ и Морзелли *) во Франціи относительно 260 юныхъ самоубійцъ съ результатами изслѣдованій д-ра Мангеймера **) въ Германіи, касающимися 395 дѣтей и мы получимъ слѣдующую таблицу:

Возрастъ.	ЧИСЛО САМОУБІЙЦЪ: По Д.-Фарделю и Морзелли.	По Мангеймеру.
5 лѣтъ	1	—
7 »	8	2
8 »	3	6
9 »	6	5
10 »	8	13
11 »	16	20
12 »	17	41
13 »	44	61
14 »	63	106
15 »	94	141

По даннымъ англійской статистики, оказывается, что среди дѣтей было самоубійствъ на 1 милліонъ населенія:

Въ теченіе.	Въ возрастѣ до 10 лѣтъ.	Въ возрастѣ до 15 лѣтъ.
1861—70 гг.. . .	4	20
1871—80 » . . .	3	35
1881—90 » . . .	3	31

Изъ приведенной выше таблички (д-ръ Беръ, стр. 8), равно какъ изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что число самоубійцъ растетъ съ ихъ возрастомъ и что наибольшія цифры даютъ дѣти 13—15 лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ они начинаютъ жить болѣе самостоятельной, а стало быть, и болѣе тяжелой и отвѣтственной жизнью, которая даетъ имъ и больше мотивовъ для самоубійства. Нѣкоторые изслѣдователи отмѣчаютъ случаи самоубійства дѣтей 5—4-лѣтняго возраста, но такіе случаи врядъ ли можно назвать дѣйствительными самоубійствами въ смыслѣ намѣреннаго желанія прекратить свое существованіе. Д-ръ Беръ сообщаетъ даже случай покушенія на самоубійство со стороны ребенка $3^1/_2$ лѣтъ, который въ отсутствіе своихъ родителей снялъ съ занавѣсъ шнурокъ и повѣсился на окнѣ. Ребенокъ былъ во время усмотрѣнъ и спасенъ. «Дитя это,—говоритъ онъ,—какъ-то выразилось, что повѣситься, должно быть, очень интересно и едва не совершило самоубійства конечно не сознавая того, что оно дѣлаетъ» (Op. cit, стр. 19).

Что касается того, какой *пола*, мальчики или дѣвочки, чаще лишаетъ себя жизни, то по даннымъ прусской офиціальной статистики

*) «Обозрѣн. Психіатр.», янв. 1899 г. Статья д-ра Лебедева, «Случай самоубійства».

**) Д-ръ Беръ. Op. cit, стр. 8.

оказывается, что изъ 1.708 дѣтей, покончившихъ съ собою теченіе 1869—1878 гг., было: мальчиковъ—1.346, или 79% всѣхъ самоубійцъ, а дѣвочекъ—362, или 21%, т.-е. первыхъ было почти въ 4 раза болѣе, нежели вторыхъ. По наблюденіямъ д-ра Принцинга, въ Италіи на 50 юныхъ самоубійцъ приходилось въ 1870—1879 гг. мальчиковъ 41 и дѣвочекъ 9, а въ теченіе 1880—1888 гг. первыхъ 33 и вторыхъ 12, т.-е. мальчиковъ было также въ 4 раза больше, нежели дѣвочекъ. Нѣсколько иныя цифры добылъ для обоихъ половъ англійскій изслѣдователь Винъ - Вискоттъ, который нашелъ, что мальчики по частотѣ самоубійствъ только немногимъ превосходятъ дѣвочекъ и что отношеніе между тѣми и другими выражается отношеніемъ 5 : 4. Наконецъ, д-ръ Рейфишъ пришелъ даже къ противоположному заключенію, именно, что самоубійства среди дѣвочекъ встрѣчаются чаще, чѣмъ среди мальчиковъ и что отношеніе ихъ другъ къ другу выражается цифрами 110 : 100. Больше всего данныхъ по этому вопросу собралъ, повидимому, д-ръ Эммингаузъ, составившій слѣдующую таблицу, которая обнимаетъ различные періоды времени и гдѣ самоубійства дѣтей распредѣлены по отдѣльнымъ государствамъ. По этой таблицѣ оказывается, что на 1 милліонъ населенія приходилось дѣтей-самоубійцъ до 16-лѣтняго возраста:

		Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.
Въ Швеціи	1847—55 гг.	3,5	0,9
» Даніи	1867—71 »	28,0	3,0
» Пруссіи	1869—72 »	10,8	2,0
» Пруссіи	1873—75 »	10,5	3,2
» Саксоніи	1847—58 »	9,6	2,4
» Бельгіи	1840—49 »	1,5	0,0
» Франціи	1835—44 »	2,2	1,2
» Франціи	1851—60 »	3,6	1,6
» Австріи	1852—54 »	3,7	0,3
» Италіи	1872—76 »	3,2	1,0
» Англіи	1861—70 »	4,0	3,0

(«Обозрѣн. Психіатріи», январь 1899 г.).

Мы видимъ отсюда, что наибольшія цифры дѣтскихъ самоубійствъ дали Данія, Пруссія и Саксонія и что отношенія между обоими полами колеблется въ различныхъ странахъ въ предѣлахъ отъ 1,3 : 1 до 9,3 : 1.

Въ заключеніе два слова о томъ, какой *родъ смерти* предпочтительно избираютъ юные самоубійцы. Оказывается, что въ этомъ отношеніи между мальчиками и дѣвочками существуетъ рѣзкая разница: въ то время, какъ у мальчиковъ, по даннымъ д-ра Бера, изъ 100 самоубійцъ:

вѣшаются около..... 60%
топятся около..... 16 »
бросаются съ высоты около.... 13 »
и стрѣляются около..... 11 »

у дѣвочекъ, напротивъ, утопленіе преобладаетъ надъ другими родами смерти, а за нимъ по частотѣ идутъ прыганье изъ оконъ на мостовую и самоповѣшеніе. Въ этомъ отчасти сказывается разница между характерами обоихъ половъ.

Мы кончили и спрашиваемъ себя, каковы тѣ выводы, къ которымъ мы можемъ придти на основаніи собранныхъ нами данныхъ? Что слѣдуетъ сдѣлать, чтобы остановить все болѣе и болѣе возрастающую прогрессію дѣтскихъ самоубійствъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ таковъ: самоубійства дѣтей уменьшатся: 1) когда уменьшится пьянство, благодаря которому потомство алкоголиковъ является на свѣтъ съ зачатками всевозможныхъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней; 2) когда измѣнится система современнаго воспитанія дѣтей въ семьѣ и когда переродится наша школа, и 3) когда правительство и общество соединятся вмѣстѣ, чтобы оградить дѣтей отъ непосильнаго труда на фабрикахъ и заводахъ и особенно улучшить положеніе тѣхъ изъ нихъ, которыя находятся въ обученіи у различныхъ ремесленниковъ. Будемъ желать, чтобы скорѣе настали эти счастливыя времена, а пока пусть каждый изъ насъ проникнется состраданіемъ къ этимъ маленькимъ невиннымъ жертвамъ и пусть дѣлаетъ все, что онъ можетъ словомъ и дѣломъ для облегченія ихъ участи. Это нашъ священный долгъ передъ дѣтьми: подъ вліяніемъ какой бы причины они ни умирали, вѣдь въ сущности мы, взрослые, виновны въ ихъ смерти! Вы помните Гётевское письмо самоубійцы. Я перефразирую его и влагаю въ уста ребенка-самоубійцы слѣдующія слова: «Я иду къ моему Отцу и буду Ему жаловаться на то, что злые люди заставили меня наложить на себя руки. Мнѣ было такъ нехорошо, такъ тяжело жить съ ними! Но я буду молиться передъ престоломъ Всевышняго объ этихъ злыхъ людяхъ. Я буду просить Его, чтобъ Онъ смягчилъ ихъ сердца, чтобъ Онъ сдѣлалъ ихъ добрѣе и ласковѣе къ маленькимъ беззащитнымъ дѣтямъ...»

Д-ръ Григорій Гордонъ.

С.-Петербургъ.

ИЗЪ ДНЕЙ МИНУВШИХЪ.

Съ польскаго.

Повѣсть Г. **Даниловскаго**.

Перев. А. И Я-ъ.

(*Продолженіе* *).

Вѣсть о возвращеніи молодой барыни и смерти «панича», какъ всегда называли Виктора, быстро разлетѣлась по Кленову и произвела не малое впечатлѣніе, въ особенности среди старшихъ изъ прислуги.

Янъ и панъ Боровскій были окончательно растроганы и припоминали все, что имъ въ свое время натворилъ ихъ любимецъ.

Ключница доказывала, что она уже давно предчувствовала такой конецъ, а въ особенности послѣ того, какъ въ шкафу доска треснула, она была убѣждена, что случится что-нибудь дурное, только не хотѣла говорить.

До дѣтей тоже дошло это извѣстіе черезъ Игнася, которому панна Флорентина, хотя и не знавшая Виктора, съ плачемъ, доходящимъ до спазмъ, торжественно сообщила о кончинѣ отца.

Игнась имѣлъ о сущности смерти немногимъ худшее понятіе, чѣмъ взрослые; зналъ, что это вещь необыкновенная, на которую не такъ легко собраться съ духомъ, и забытый за послѣднее время отецъ, благодаря этому необыкновенному шагу, выросъ въ его глазахъ до небывалыхъ размѣровъ.

Съ нѣкоторою гордостью подѣлился онъ этимъ необычайнымъ приключеніемъ отца съ Аврелей, которая приняла это извѣстіе съ надлежащимъ удивленіемъ.

И весь мракъ, невѣдомая печаль, которые запали въ душу Игнася при ближайшемъ столкновеніи со смертью, быстро были затканы мишурою честолюбиваго удовлетворенія, вызваннаго разницею въ положеніи его маленькой личности передъ остальными.

Причинъ этой разницы онъ не сознавалъ, также какъ и не могъ вполнѣ ясно понять, отчего это всѣ его лелѣютъ и называютъ полусироткой, но онъ догадывался, что все это находится въ тѣсной связи

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ 1902 г.

съ послѣднимъ поступкомъ отца. И вмѣстѣ съ удивленіемъ передъ отцомъ родилось въ немъ несмѣлое чувство трогательной благодарности къ нему, нѣкоторое наивное благоговѣніе передъ его памятью.

Такимъ образомъ ребенокъ принялъ извѣстіе о смерти Виктора совершенно иначе, чѣмъ взрослые, съ благодарнымъ умиленіемъ и спокойно, въ то время какъ въ ихъ сожалѣніяхъ мелькала тѣнь какой-то особой обиды, точно онъ былъ виноватъ передъ ними, и если это не проявлялось открыто въ словахъ, или даже въ мысляхъ, то тѣмъ не менѣе существовало въ огорченномъ сердцѣ и давало соотвѣтствующій оттѣнокъ словамъ и мыслямъ.

— Ну, что-жъ дѣлать, такова воля Божья! Кто знаетъ, можетъ быть это и лучше...

— Конечно! — печально вздыхалъ панъ Игнатій, причемъ ему по временамъ было какъ-то не по себѣ, точно онъ стыдился и понималъ, что, говоря такъ, причиняетъ брату какое-то оскорбленіе.

И въ самомъ дѣлѣ, чтобы облегчить свое самочувствіе, оба уменьшали значеніе понесенной утраты, умаляя тѣмъ самымъ значеніе угасшаго существованія.

Чувства ихъ по отношенію къ смерти Виктора радикально отличались отъ чувствъ Игнася, въ глазахъ котораго смерть подняла личность отца на таинственную высоту, упрочила и, какъ благоухающій бальзамъ охраняетъ бренное тѣло, предохранила отъ разсѣянія въ прахъ всѣ обрывки воспоминаній, которые до сихъ поръ таились въ глубинѣ его души.

Вообще вѣсть, привезенная Марыней, была для обоихъ супруговъ ударомъ, не столько чувствительнымъ, сколько внезапнымъ и благодаря этому оглушительнымъ.

Послужили этому различныя обстоятельства. Прежде всего они въ теченіе двухъ лѣтъ не видѣли Виктора, и не смотря на это, пока существовали заботы и хлопоты о немъ, братняя привязанность не только не слабѣла, а даже укрѣплялась отъ волненій безпокойства.

Позднѣе, когда въ концѣ концовъ все рѣшилось, переболѣвъ испытанныя огорченія, они начали примиряться съ судьбою, жизненность чувствъ къ брату начала блѣднѣть въ ихъ сердцахъ, какъ въ глазахъ блекнутъ цвѣта удаляющагося предмета. Ихъ потрясалъ не ужасъ смерти, а только эхо его.

Они не видѣли ступеней страданія, по которымъ эта жизнь нисходила въ ничто, содрагаясь предъ нимъ, не видѣли синевы трупа, могильной ямы, быстраго мелканія лопатъ, торопливо засыпающихъ могилу; они не знали даже, какъ это произошло и когда именно.

Все это, безъ сомнѣнія, притупило остроту нежданнаго удара, хотя, съ другой стороны, отсутствіе всякихъ подробностей о смерти Виктора производило впечатлѣніе нѣкоторой неудовлетворенности, пробуждало въ чувствахъ жажду острой приправы къ омрачающей ихъ печали.

Они оба испытывали это, въ особенности Бэля, которая положительно теряла голову.

Деликатность не позволяла допрашивать Марыню, нужно было ждать пока она сама не разскажетъ; а она упорно молчала. Къ тому же во всемъ поведеніи Марыни было что-то не поддающееся опредѣленію, какая-то неприступность, которая разрушала всякую надежду на выясненіе подробностей.

На этомъ кончился ихъ первый разговоръ.

Къ обѣду снова всѣ собрались. Марыня заняла свое прежнее мѣсто у стола.

Въ ней незамѣтно было ничего особеннаго: она исхудала, какъ люди, потерявшіе почву подъ ногами, была немного небрежно причесана и черезчуръ спокойна. Ѣла, можетъ быть, даже больше, чѣмъ когда-либо, но какъ-то иначе: то медленно, машинально, точно въ разсѣянности, съ остановками, уставившись передъ собой, то снова при звукѣ тарелокъ, съ нервной торопливостью, оглядываясь въ ту сторону откуда раздавался звукъ.

Молчала, какъ, впрочемъ, и всѣ остальные, не исключая и дѣтей, живость которыхъ была парализована и тяжелымъ настроеніемъ старшихъ, и взглядами Бэли—суровыми, наказывающими каждую попытку къ шалости, и панны Флорентины—безнадежно-грустными.

И вотъ они сидѣли тихо, покачивая подъ столомъ нетерпѣливыми ножками и подражая старшимъ, удерживали одинъ другого жестами, строя серьезныя мины, или упорно всматриваясь нѣсколько боязливыми глазами прямо въ лицо Марыни, которая относилась совершенно безразлично къ этимъ взглядамъ и всей сдержанности, господствовавшей главнымъ образомъ, изъ-за нея.

Бэля понимала, что хотя бы изъ-за одного присутствія прислуги, бонны и дѣтей за обѣдомъ ничего изъ разговора не выйдетъ, но зато она разсчитывала на послѣобѣденную бесѣду, которая обыкновенно происходила въ маленькой гостинной.

И когда они втроемъ очутились тамъ, ею овладѣло сильное волненіе; дрожащими руками разлила она чай и, минорно настроенная, со вздохомъ искренней печали усѣлась и ожидала.

Игнатій тоже безпокоился, была даже такая минута, когда ему хотѣлось убѣжать, но какая то посторонняя сила удержала его въ глубинѣ кресла.

Марыня между тѣмъ машинально мѣшала серебряной ложечкой въ стаканѣ, точно ей было страшно нужно, чтобы сахаръ скорѣе растаялъ, и, казалось была, погружена исключительно въ это занятіе.

Вскорѣ Бэля инстинктивно угадала, что и эта минута, такъ располагающая ко всевозможнымъ изліяніямъ, пройдетъ безрезультатно, что эта «непроницаемая мумія» ничего не видитъ кромѣ стакана чаю, который надо выпить, ибо онъ стоитъ уже давно передъ ней, и все

ея расположеніе, сочувствіе къ Марынѣ, которымъ она была преисполнена, рушилось подъ вліяніемъ остраго чувства враждебнаго раздраженія.

Въ то же время желаніе добиться своего достигло невѣроятныхъ размѣровъ. Бэля была готова насильно проникнуть въ душу Марыни, хотя еще ясно отдавала себѣ отчетъ, что это грубо и безчеловѣчно.

Съ горечью въ сердцѣ, пристыженная своимъ поведеніемъ, Бэля посидѣла для виду еще минуту, затѣмъ поспѣшно ушла...

Въ тотъ же день къ вечеру явился Постанскій.

Смерть Виктора, какъ оказалось, не была для него неожиданностью, а потому онъ принялъ это извѣстіе съ отталкивающимъ спокойствіемъ.

— Этого надо было ожидать,—говорилъ онъ,—онъ уѣхалъ отсюда уже достаточно подорванный. Должно быть, ему немного было нужно, если ужъ доктора взялись за него.

— Что онъ скоропостижно умеръ?—спросилъ Постанскій, подавляя жесткость тона, которая постепенно стала слышаться въ его голосѣ.

На лицѣ Бэли отразилось сильное смущеніе.

— Что, видишь!—точно съ упрекомъ обратилась она къ мужу.

— Вы спрашиваете, а мы и сами, какъ въ потьмахъ!

— Да, да, докторъ, даже непріятно сознаваться. что мы ничего не знаемъ, ничего, ни какъ, ни когда? ну ровно ничего, умеръ и баста! Хоть бы словечко промолвила, а то либо спитъ, либо шатается по угламъ, какъ тѣнь ходячая, или сидитъ и молчитъ, какъ пень!

— Бэля!—старался удержать жену Игнатій тономъ выговора.

Но она уже не могла удержатся.

— Отстань!—перебила она возбужденно.—Если она этого не понимаетъ, такъ это еще можно какъ-нибудь объяснить, но ты, кажется, долженъ былъ бы понять, что кто-кто другой, а мы то ужъ имѣемъ право, и даже обязаны требовать, чтобы насъ соблаговолили посвятить въ таинственную обстановку этого несчастья...—

Тутъ Бэля размашистымъ движеніемъ руки указала на дѣтвору, выбѣжавшую изъ-за кустовъ подстриженной акаціи: первымъ, изображая зайца, выскочилъ что было силъ коренастый Зыгмусь, за нимъ съ пискомъ, изображая преслѣдующихъ собакъ, выбѣжалъ потный, толстый Мечиславъ и Аврелія съ растрепанными локонами, волоча сзади за руку трехлѣтняго Апуся, а позади спѣшила большими шагами панна Флорентина въ сдвинутой на затылокъ шляпѣ, крича съ испуганнымъ лицомъ:

— Pas si vite, enfants! pas si vite!

— Où est Игнась?—спросила Бэля, подумавъ о немъ въ данную минуту.

— Madame lui change l'habit!—отвѣтила бонна, исчезая на поворотѣ аллеи.

— Такъ, значитъ, ребенкомъ все-таки занимается!—угрюмо пробормоталъ Постанскій, сердито нахмуривъ лобъ.

— Очевидно!—отвѣтила Бэля.—Хотя послѣ мѣсяца разлуки съ единственнымъ сыномъ...

— Двадцати двухъ дней только...—поправилъ Игнатій.

— А, ты всегда...—разбѣжалась было Бэля и умолкла, такъ какъ передъ верандой показался Игнась; на немъ были темные панталоны до колѣнъ и цвѣтная блузка съ матросскимъ воротникомъ; слегка покраснѣвшія вѣки и засморканный носъ свидѣтельствовали, что онъ недавно плакалъ.

— Тетя, гдѣ всѣ?—оживленно спросилъ Игнась, нетерпѣливо потирая выступающею косточкою одной ноги худую исцарапанную икру другой, и не дожидаясь отвѣта, услышавъ отдаленный шумъ, крикнулъ тоненькимъ дискантомъ:

— Гопъ, гопъ!—подскочилъ вверхъ и помчался во всю прыть въ ту сторону, высоко задирая маленькія грязныя пятки.

По близости раздался тихій, жалобно зовущій стонъ, точно упрекъ:

— Игнась!—и угасъ такъ же быстро, какъ и появился. Докторъ, Игнатій и Бэля, какъ по командѣ, обернулись въ ту сторону.

Это былъ голосъ Марыни.

Въ черномъ платьѣ, неровнымъ, заплетающимся шагомъ, точно задѣвая за невѣдомыя преграды, съ слабымъ румянцемъ на блѣдныхъ щекахъ, приблизилась она къ верандѣ и остановилась, окруженная свѣтло-зеленой рамой нѣжныхъ листьевъ вьющагося винограда.

Она положила тонкія руки на деревянную балюстраду, судорожно сжимая маленькіе вытянутые пальцы, которые казалось дрожали и костенѣли попеременно.

Медленно поворачивая голову, она переносила поочередно съ лица на лицо свои огромные неподвижные глаза, измученные, какъ будто упедшіе въ глубь ея самой, и подернутые мглою продолжительнаго жара, старательно приглядывалась къ каждому изъ присутствующихъ, точно видѣла ихъ всѣхъ въ первый разъ.

Наступила для всѣхъ невыносимо тяжелая минута: Игнатій не могъ вынести этого блуждающаго взгляда; Постанскій выдержалъ его до конца, но какъ только отвернулись эти глаза, его зрачки помутились и бѣлки налились кровью, точно отъ чрезмѣрнаго усилія; Бэля отступила сразу, опуская вѣки...—

Она вдругъ повернулась и пошла шатаясь въ садъ. Подъ облегающимъ ее лифомъ были видны вздрагивающія по временамъ лопотки, а среди гробовой тишины долетали не то рыданія, не то кашель, что-то вродѣ жалобнаго всхлипыванія раскричавшагося ребенка.

Она исчезла въ кустахъ, а на верандѣ все еще царило молчаніе.

Бэля блѣдная и чудно-прекрасная лежала въ садовомъ креслѣ съ полуоткрытымъ ртомъ и откинутой назадъ головой. Игнатій, опершись обѣими руками о скамейку, точно силясь встать съ мѣста, тяжело дышалъ.

Въ углу у столба, обвитаго толстой виноградной лозой, стоялъ безъ движенія, какъ статуя, громадный Постанскій...—

Въ этотъ страшный часъ въ сердцѣ Марыни дрогнули впервые роковые завитки навертывавшейся съ минуты смерти Виктора пружины страданія, и, хватаясь зубцами за зубцы, задвигались зубчатыя колеса безжалостной пытки.

Ея существо, насквозь проникнутое холодомъ, пахнувшимъ изъ этой могилы, вдругъ точно застыло, и все теченіе ея внутренней жизни остановилось на мѣстѣ.

Она доѣхала до Кленова точно въ летаргическомъ снѣ, а въ напряженномъ мракѣ ея души все время оставалось что-то непонятное, какъ будто неподвижное чудовище ночи, окоченѣвшее отъ ужаса, гипнотизировало всѣ силы ея разсудка монотоннымъ шопотомъ: «Викторъ умеръ»!

И вотъ вдругъ, подъ вліяніемъ мелкихъ на взглядъ побужденій, въ теплѣ знакомой среды, растаяла и лопнула кора окоченѣнія; душа Марыни содрогнулась до основанія, и все въ ней задвигалось, какъ ледъ во время оттепели.

Погруженныя во мракъ, застывшія впечатлѣнія растаяли и всплыли наружу въ формѣ картинъ еще болѣе пронизывающихъ, чѣмъ сама дѣйствительность, ибо каждую черту контура выдѣляла теперь до мельчайшихъ подробностей трепетная кисть обостреннаго сознанія, а яркость окраски насыщалась живой кровью наболѣвшаго чувства.

Викторъ умеръ,—эта мысль была какъ крестъ во главѣ вереницы страшныхъ видѣній,—крепа, гроба, печальныхъ жалобъ колокольнаго звона, миганія дымящихся свѣчей, мрачнаго стона requiescat. Медленно охвативъ всѣ ея мысли, погребальное шествіе начинало осторожно опускаться, шагъ за шагомъ—какъ въ катакомбы — въ подземелья ея души, глубже и глубже, наполняя угрюмымъ шумомъ и свѣтомъ эти самые таинственные закоулки человѣческаго существа, такіе чувствительные и робкіе, что эхо шопота вселяетъ уже тамъ тревогу, слабый отблескъ ранитъ, а блескъ разжигаетъ эти раны.

Наконецъ, гдѣ-то, передъ недоступной разсѣлиной все останавливалось, поворачивало назадъ и снова возвращалось.

И снова, и снова, въ сотый разъ потухали передъ глазами и покрывались остекленившимся блескомъ эти единственные зрачки; надъ выхваченнымъ изъ объятій дорогимъ тѣломъ на вѣки захлопывалась съ трескомъ гробовая доска, у подножія пропасти разверзалась земля и словно въ омутъ мученій, она сама бросалась внизъ, разбивая сердце объ этотъ гробъ.

Умеръ! — точно разбушевавшіяся струны арфы, разомъ тронутыя однимъ ударомъ, вздрагивали при этой мысли мельчайшія волокна ея мозга и разрѣшались такимъ потрясающимъ аккордомъ, что голова готова была каждую минуту разлегѣться на части.

И когда отчаяніе достигало наивысшихъ предѣловъ, приступъ ужасныхъ страданій понемногу терялъ свои силы.

Надъ всѣмъ ея моральнымъ существомъ распростерлась тяжелая, давящая какъ свинецъ печаль; душа ея наполнялась мертвящей тишиною, какая господствуетъ подъ мрачною сѣнью костела передъ Пасхой, когда угасаетъ вѣчная память жертвенной муки, алтарь любви низверженъ, а подъ нимъ лежитъ въ гробу снятый со креста, убитый Богъ, обнаженный и израненый.

Однако, среди этой таинственной тишины въ душѣ Марыни все время раздавался отдаленный гулъ глухой скорби, какой долго еще звучитъ въ большихъ трубахъ органа, хотя уже давно на немъ перестали играть, и бродило безпокойное предчувствіе, что въ этомъ глухомъ шумѣ таится какой-то ужасный звукъ, который только того и ждетъ, чтобы разразиться, какъ громъ, скрытый во мракѣ тучи.

И въ самомъ дѣлѣ, едва успѣвало появляться нѣжное волненіе, успокаивающее воспоминаніе, робкая мечта — въ отвѣтъ раздавалось: *нѣтъ* или *никогда* и все это разрушалось въ прахъ.

Тогда напрягались до крайнихъ предѣловъ всѣ инстинкты ея существа, чтобы оттолкнуть эти ужасныя слова, и всѣ силы разсудка, чтобы охватить и понять ихъ непостижимый смыслъ.

Но тщетны были эти попытки.

Не будучи въ силахъ ни поглотить, ни выбросить за предѣлы мыслей и чувствъ того, противъ чего возставало все ея существо, Марыня до тѣхъ поръ боролась сама съ собою, пока, послѣ тернистой дороги болѣзненно-горькихъ уступокъ, не заключила чего-то въ родѣ перемирія.

Сознавъ безплодность абсолютнаго сопротивленія, она допустила вторгнуться въ свою душу черезъ какую-то брешь разрушительнымъ началамъ, основаннымъ на убѣжденіи, что образъ, любимый всѣмъ пыломъ пламенной страсти, ужъ не живетъ, и съ болѣзненнымъ смиреніемъ чувствовала, какъ эти «нѣтъ» и «никогда», точно истребительный мечъ или огонь, пожирающій до тла, разрушаютъ обильный вертоградъ ея любви, который часто, въ ночи полныя ожиданій, вздымался къ этому единственному избраннику ея чувствъ.

И по мѣрѣ того, какъ исчезали физическіе элементы ея любви къ Виктору, тѣлесная оболочка его какъ-то затуманивалась въ ея воображеніи, теряла главное значеніе, отодвигаясь на задній планъ, зато все явственнѣе выдѣлялся его нравственный обликъ, становился все величественнѣе, и, въ концѣ концовъ, сталъ главнымъ предметомъ привязанностей и желаній утонченнѣйшихъ свойствъ ея души.

Марыня могла уже безъ отчаянія думать, что онъ не существуетъ, скорѣе даже перестать думать о томъ, существуетъ ли и гдѣ этотъ стройный образъ, эти глубокіе глаза, соболиныя брови, энергичное, полное доброты и трудового утомленія...—

И вотъ, почти на краю гибели, Марыня обрѣла, наконецъ, спасеніе въ вѣрѣ.

Однако, это отнюдь не была возвратная волна религіозныхъ вѣрованій, или хотя бы отдѣльныхъ ея догматовъ: безсмертія и воскресенія. Упованіе, возникшее въ ней, былъ чѣмъ-то совершенно новымъ. Она увѣровала въ возможность непосредственнаго общенія съ Викторомъ, какъ съ духомъ, съ нимъ однимъ только, и не сомнѣвалась, что въ силахъ при соотвѣтствующихъ условіяхъ получить отъ этого духа, съ которымъ она впредь будетъ въ неразрывной связи, извѣстный знакъ, даже видѣніе. И съ тѣхъ поръ для нея началась иная странная жизнь.

Все, что въ обыденной жизни считается за существенное и важное, вся реальная дѣйствительность сдѣлалась для нея чѣмъ то ничтожнымъ, совершенно постороннимъ, а временами даже прямо мучительнымъ своею грубой ощутимостью, которую она если и переносила, то только, какъ преходящее временное явленіе, точно длительный непріятный привалъ на отвратительномъ земномъ пути, передъ границами мистической страны, страны столь близкой, что хотя глазъ еще и ничего не видитъ, зато душа уже давно предчувствуетъ ея таинственныя вѣянія и вздрагиваетъ отъ священнаго трепета.

Часы дня сдѣлались для нея пустой формой времени, которое она старалась чѣмъ-нибудь заполнить, а такъ какъ все было ей равно противно, то она вернулась къ своимъ прежнимъ занятіямъ и такимъ образомъ снова вошла въ обычную колею жизни въ Кленовѣ.

Игнатій съ женой заключили по этому поводу, что Марыня, наконецъ, переболѣла ударъ, нанесенный внезапной смертью мужа, а нѣкоторыя не вполнѣ нормальныя проявленія съ ея стороны, какъ напримѣръ, приподнятое настроеніе съ приближеніемъ ночи, самоотверженіе, съ которымъ она исполняла безъ различія каждую порученную ей работу, не вникая въ ея важность и конечный результатъ, нѣкоторое чисто механическое упорство въ самомъ процессѣ работы и происходящая отсюда небрежность исполненія ея,—все это приписывали сильному разстройству нервовъ и были увѣрены, что со временемъ это пройдетъ само собой, какъ прошли и тѣ страшные припадки перваго отчаянія. Они радовались, видя перемѣну къ лучшему, немного безпокоилъ ихъ только наружный видъ Марыни, который, дѣйствительно, могъ внушать опасенія.

Всегда точеное личико ея, благодаря исхуданію, расширеннымъ глазамъ, окруженнымъ бархатной тѣнью, и еще большей мягкости чертъ, сдѣлалось теперь буквально чѣмъ-то сверхчувственнымъ, какимъ

то восхитительнымъ неземнымъ видѣніемъ, которое можетъ возникнуть въ головѣ артиста, но и въ ней остается, какъ идеальный образъ, не поддающійся воспроизведенію ни всемъ совершенствѣ ни однимъ изъ средствъ искусства, такъ какъ и самыя тонкія, художественныя изъ нихъ будутъ чересчуръ грубыми.

Окружающіе не могли дать себѣ отчета въ выраженіи и красотѣ этого лица, такъ какъ рѣзецъ страданія накладывалъ свои черты постепенно и на глазахъ у нихъ, благодаря чему они имѣли достаточно времени, чтобы освоиться съ ними. Но на посторонникъ это лицо производило потрясающее впечатлѣніе, мужики даже боялись Марыни и говорили, что «младшая барыня глядитъ точно *мертвая* и *не отъ міра сего*».

И дѣйствительно, Марыня днемъ не жила, только присутствовала на аренѣ жизни, а съ заходомъ солнца переселялась въ иной міръ.

Такое распредѣленіе времени было слѣдствіемъ глубочайшаго убѣжденія, что духъ Виктора не можетъ появиться при острожъ дневномъ свѣтѣ, среди безсмысленнаго его шума, а только во мракѣ ночной тишины, хотя бы только ради того, чтобы дать знакъ, что онъ дѣлаетъ это исключительно для нея одной.

Поэтому, когда погасшіе огни и окружающая тишина свидѣтельствовали, что всѣ уже спятъ, Марыня срывалась съ постели, одѣвалась кое-какъ дрожащими отъ торопливости руками, въ темнотѣ, чтобы не разбудить спящаго въ сосѣдней комнатѣ Игнася, ощупью, осторожно спускалась она по лѣстницѣ, оглядываясь, не слѣдитъ ли кто за ней, тихонько отодвигала задвижки боковой двери и исчезала въ паркѣ.

Тамъ то и разыгрывался финалъ трагедіи.

Въ старомъ кленовскомъ паркѣ было много странныхъ и таинственныхъ закоулковъ, и каждый впечатлительный человѣкъ, очутившись тамъ ночью, чувствовалъ необъяснимое безпокойство.

Группировка деревьевъ и кустовъ въ этихъ закоулкахъ, въ особенности при свѣтѣ луны, создавала до такой степени фантастическую обстановку, что появленіе среди нея чего-нибудь необыкновеннаго не только казалось возможнымъ, а даже чуть ли не вполнѣ естественнымъ.

Марыня знала эти мѣста и раньше, но изъ боязни не ходила туда никогда, въ особенности подъ вечеръ. Теперь же, наоборотъ, она спѣшила къ этимъ уединеннымъ мѣстамъ съ стѣсненнымъ дыханіемъ, съ тревожно бьющимися сердцемъ, съ нѣжностью въ волнующейся груди, точно чистая, невѣдающая грѣха дѣвушка, идущая въ первый разъ на свиданіе съ воображаемымъ милымъ.

На одномъ изъ поворотовъ темной аллеи, гдѣ прерывался частый рядъ деревьевъ, она обыкновенно останавливалась.

Тутъ склонившіеся другъ къ другу грабы образовывали что-то вродѣ свода, откуда открывался видъ на полукруглую поляну, окружен-

ную кустами сирени, черемухи, калины и орѣшника, и покрытую густою травой и папоротникомъ.

Мѣсто это, не вполнѣ покрытое тѣнями отъ верхушекъ деревьевъ, блѣдно освѣщенное проникающими тамъ и сямъ лучами мѣсяца, производило впечатлѣніе какого то заколдованнаго грота, или мистическаго святилища. Таинственныя нѣдра его были наполнены одурящимъ запахомъ сирени и ландышей, которыхъ много было вокругъ. Колеблющаяся листва издавала безпрестанный тревожный шорохъ, точно шопотъ невидимыхъ устъ. Качающіяся при дуновеніи ночи верхушки кустовъ то заслоняли, то открывали мелькающіе серебряные просвѣты между деревьями, вызывая такимъ образомъ фантастическую игру свѣтотѣни. И въ этихъ переливахъ луннаго освѣщенія вѣтви, листья, сучья, цѣлые кусты, пучки цвѣтовъ, все приходило въ движеніе, принимая развѣвающіяся, неуловимыя формы невѣдомыхъ чудовищъ.

Съ каждымъ дуновеніемъ вѣтерка картина мѣнялась, раздвигались кулисы, открывались новыя перспективы; какія то бездонныя пещеры, заколдованные корридоры, запутанные лабиринты; измѣнялась напряженность свѣта, аромата и шороха, слышались иныя нашептыванія, выплывали формы никогда невиданныхъ фигуръ; казалось, начинался новый актъ непонятной мистеріи. А иногда еще издали, какъ струна, звучащая для этого зрѣлища, доносилось рыдающее пѣніе соловья.

Марыня, объятая невѣдомымъ трепетомъ, упивалась этимъ очаровывающимъ настроеніемъ сверхъестественнаго, усматривала во всемъ глубокій, непостижимый смыслъ, котораго она не сознавала разумомъ, а охватывала истонченнымъ чувствомъ.

Все, что происходило передъ ней, производило на нее впечатлѣніе пролога къ тому, что еще будетъ, что *должно* быть, и сначала она терпѣливо ожидала. Но вскорѣ наростающее въ огромной степени безпокойство и нервная торопливость побуждали ее къ дѣйствіямъ.

И тутъ начиналось настоящее вызываніе духовъ. Сначала это было только молчаливое внушеніе, потомъ присоединились робкія нашептыванія и просьбы, а въ концѣ концовъ, вытянувъ передъ собой умоляющія руки, она стонала изо всѣхъ силъ тоскующей души: «Викторъ! Викторъ!»—все болѣе страстно, съ такимъ страшнымъ напряженіемъ всѣхъ силъ духовныхъ, точно вмѣстѣ съ этими мольбами она покидала земную оболочку и переливалась за предѣлы чувствъ самой коренной частью своего естества.

Въ такія-то минуты въ ней появлялось ясное, какъ сама дѣйствительность, ощущеніе, ничѣмъ непоколебимое убѣжденіе, что онъ тутъ, передъ нею, что еще одно самое маленькое усиліе съ ея стороны, и она удостоится видѣнія.

Но тутъ-то и наступалъ роковой предѣлъ.

На мгновеніе путемъ невѣроятныхъ усилій она удерживала себя въ этомъ настроеніи, но чувствуя, что слабѣетъ, бросалась прямо передъ собою на то мѣсто, гдѣ надѣялась увидѣть дорогое видѣніе.

И сразу разрушалось все очарованіе, все исчезало. Руки, протянутыя для объятія, калѣчась о вѣтви, скрещивались на переполненной рыданіями груди, расширившіеся зрачки узнавали въ обаятельныхъ видѣніяхъ обыкновенные листья и деревья. Выбившись окончательно изъ силъ, она падала, гдѣ придется, и горько рыдала, а въ слезахъ ея расплывалась та же безграничная печаль, что звучитъ въ дивныхъ словахъ библейской пѣсни:

«Отворила я моему милому; но милый мой уже ушелъ и миновалъ меня. Обмерла я при звукѣ голоса его; искала его и не нашла; звала его, но онъ не отозвался».

И вмѣстѣ съ тѣмъ страшная жалоба, какъ въ другой пѣснѣ:

«Встрѣтили меня сторожа, что ходятъ по городу; избили меня, изранили, взяли плащъ мой съ меня стражи стѣнъ городскихъ».

И дѣйствительно, какъ прежде, въ стремленіяхъ къ нему она разбивалась о реальныя, такъ теперь о невидимыя стѣны, не менѣе тщательно охраняемыя, чѣмъ первыя, столь же недоступныя и безжалостныя. Въ крови этихъ новыхъ ранъ разгорались давнишніе, затянувшіеся рубцы, потому что въ основѣ было то же самое отчаяніе, только болѣе тонкое, обработанное, точно толстый напильникъ, выкованный страданіемъ въ тонкій скальпель, проникалъ отточеннымъ лезвіемъ въ самые нѣжные тайники души.

Пронизанная наскозь страданіемъ, лежала Марыня въ травѣ, покрытой росою, точно неживая, подолгу, а потомъ, разбитая, полная сухой, обидной горечи, какая остается послѣ отвергнутой чаши счастья, возвращалась домой, валилась на постель и впадала въ тотъ мертвый сонъ, котораго нельзя ни проспать, ни прервать.

Однако, на самомъ дѣлѣ Марыня только и жила этими минутами порывовъ, такъ какъ, несмотря на весь трагизмъ наступавшаго потомъ упадка силъ, онѣ однѣ поддерживали въ ней вѣру въ возможность переступить роковыя границы, вызвать желанное видѣніе,—что и стало ея единственною цѣлью.

Поэтому, особенно удрученной она чувствовала себя въ черныя пасмурныя ночи безъ луны и звѣздъ, когда непроницаемый мракъ, окутывая весь паркъ и лишая окружающіе предметы ихъ мистическаго очарованія, разрушалъ и въ ней настроеніе, склонное къ видѣніямъ.

Тогда, по мѣрѣ приближенія желаннаго момента, вмѣсто обычнаго возбужденія, въ ней пробуждалось такое чувство, точно въ ней существуетъ какая-то брешь, черезъ которую, какъ черезъ трещину въ разбитой посудѣ, уходитъ изъ нея капля по каплѣ жизненная сила.

Это было невыносимое состояніе, похожее на тѣ болѣзни, для которыхъ медицина не находитъ ни средствъ, ни подходящаго названія, когда не знаешь, гдѣ источникъ страданія, потому что въ одно и то же время и все болитъ, и ничего, и голодъ мучитъ, и аппетита нѣтъ; каждую минуту теряешь силы при полномъ сознаніи, чувствуешь тяжесть собственныхъ членовъ, точно бремя тѣлеснаго существованія, и плакать не можешь, и разсмѣяться трудно; ни жизнь, ни смерть, а только мысли и мысли безъ конца о томъ, что больнѣе всего.

И вотъ въ ней бродила какая-то тайная печаль, безконечная невѣдомая скорбь; текли гдѣ-то глубоко, глубоко, какъ подземныя рѣчки, невидимыя слезы, и гдѣ-то на днѣ мышленія, точно призракъ бури въ отдаленныхъ дремлющихъ безднахъ, мелькали слабыя зарницы неуловимыхъ понятій.

Потомъ, съ ощущеніемъ такимъ же рѣзкимъ, какъ царапанье щеткой по стеклу, медленно приподымалось зеркало сознанія, мысли вырисовывались яснѣе и одновременно съ этимъ съуживалась брешь, затягиваясь съ такой жгучею болью, какую производитъ засыхающая изнутри глубокая рана.

Марыня съ нѣкоторой дозой злобнаго раздраженія начинала трезво размышлять надъ своимъ несчастьемъ.

Почему именно до сихъ поръ не разорвалась эта завѣса между нимъ и ею, хотя она бывала уже такой тонкой, вотъ-вотъ готовой разорваться, такъ что ей казалось, что она слышитъ даже трескъ рвущихся нитей?

Почему его тѣнь, когда она уже такъ близка, что почти можно къ ней прикоснуться, именно въ эту минуту исчезаетъ?

Почему она не въ состояніи сдѣлать этого послѣдняго маленькаго усилія, чтобы преодолѣть препятствія и удостоиться видѣнія?

Этотъ послѣдній вопросъ мучилъ ее сильнѣе всего, такъ какъ съ нимъ вмѣстѣ прокрадывалось сомнѣніе, достойна ли она этого, не слишкомъ ли мало она его любила.

И тутъ же приходили ей въ голову мельчайшія непріятности, причиненныя ею Виктору при жизни, и возрастали до размѣровъ оскорбленій, страшныхъ по своей непоправимости, и одновременно съ этимъ всѣ муки, перенесенныя ею по смерти Виктора, падали въ ея глазахъ до степени ничтожной, пустой, пошлой, просто недостойной комедіи.

И тогда она предавалась горькой иронія.

Съ злобнымъ удовольствіемъ выискивала она всевозможные доводы и упреки и становилась къ позорному столбу съ дикимъ чувствомъ безстыдной гордости.

Она припоминала съ изумительной ясностью, какъ когда-то задыхалась отъ плача на улицѣ въ присутствіи толпы незнакомыхъ людей изъ-за трехъ рублей, недоданныхъ за работу платья.

Какъ она возмущалась и топала ногами, когда ее въ дѣтствѣ несправедливо наказывали.

— А теперь,—иронизировала она,—я выступила съ тѣми же ничтожными слезами, съ тѣмъ же возмущеніемъ, съ трехрублевымъ отчаяніемъ, чтобы достойно почтить потерю. Вотъ какъ я его любила!

И, пропитанная наскозь горечью и отвращеніемъ, она до тѣхъ поръ истязала свое очерствѣвшее сердце, пока оно, смягченное, не обливалось горячими слезами кровавой скорби.

Тогда только она начинала робко оправдывать себя искренностью сознанія своей вины и кровью этой скорби и чувствовала, что несмотря на все, она все-таки достойна прощенія и состраданія.

Понемногу раскаяніе проходило, и послѣдніе его отблески обращались къ Виктору въ формѣ легкаго упрека.

Почему онъ не приметъ во вниманіе ея слабости, не сжалится надъ нею настолько, чтобы поддержать ее въ рѣшительную минуту, когда она, выбившись изъ силъ, бросается всѣмъ страдающимъ сердцемъ къ его призраку?

И тотчасъ же ее охватывала волна нѣжнаго умиленія.

— А можетъ быть, есть препятствія, которыя и онъ старается преодолѣть?—думала она, съ грустью всматриваясь въ темноту ночи. Ибо она уже была увѣрена, что въ этомъ безконечномъ угрюмомъ морѣ бродитъ возлюбленная страждущая тѣнь, грустная, такъ какъ ея нѣтъ вмѣстѣ съ нею, тоскующая, какъ и она, и такъ же, какъ она, одинокая.

Она отворяла окно и тихимъ, умильнымъ плачемъ призывала его изъ темноты, хотя въ то же время ясно сознавала, что все это ни къ чему, что она даромъ тратитъ слезы среди этого глухого безконечнаго пространства, ибо ни онъ ихъ, ни онѣ его въ такую ночь не найдутъ.

Въ концѣ концовъ, совсѣмъ обезсиленная этимъ вихремъ противорѣчивыхъ волненій и мыслей, она возвращалась въ постель и засыпала обыкновенно до поздняго утра.

Иногда, однако, въ ней еще разъ подымался этотъ странный плачъ, точно чуждый ей, и она прислушивалась къ нему въ полуснѣ, какъ къ чужимъ голосамъ, рыдающимъ надъ неизвѣстной печалью.

Какъ-то, послѣ двухдневнаго ненастья, она проснулась утромъ отъ такого же плача; на этотъ разъ впечатлѣніе чего-то чуждаго было такъ сильно, что она даже приподнялась на кровати и оглядѣлась вокругъ.

— Ахъ, это я!—подумала она, придя въ себя.

— И зачѣмъ?—прибавила она, чувствуя, какъ быстро высыхаютъ слезы и нѣтъ даже и слѣдовъ какого бы то ни было волненія.

Она невольно взглянула въ открытое окно. Дождя уже не было; съ холодной струею воздуха проникали въ комнату косыя полосы пах-

вущаго сыростью свѣта, полныя кружащихся въ нихъ точекъ и золотыхъ пылинокъ.

Сквозь нихъ Марыня увидѣла вогнутый куполъ лазореваго неба, а на немъ жемчужное легкое облачко, которое понравилось ей своими летучими фантастическими очертаніями, и казалось знаменіемъ конца непогоды и надеждой на ясныя ночи.

Въ первый разъ за долгій промежутокъ времени, вмѣсто глухой печали по поводу пробужденія, она испытала подкрѣпляющее ощущеніе общей бодрости.

Она проворно встала и начала одѣваться менѣе лѣниво, чѣмъ обыкновенно.

— И зачѣмъ такъ рано? — пронеслось у нея въ головѣ, но такъ какъ она уже была готова къ выходу, то ей не хотѣлось измѣнять своего рѣшенія.

Во всемъ домѣ царствовала еще тишина; единственнымъ признакомъ приближающагося времени вставанія были стоящія въ сѣняхъ на каминѣ закопченные глиняные кофейники, въ которыхъ Янъ подогрѣвалъ кофе, отпертыя двери на крыльцо, кучка мусору на ступеняхъ и доносившійся изъ сада шумъ выколачиваемыхъ ковровъ.

Эти явленія, указывающія на присутствіе людей, какъ всегда, такъ и теперь, немного непріятно подѣйствовали на Марыню, она слегка отшатнулась и, быстро пройдя лѣстницу, поспѣшно направилась въ глубь парка. По мѣрѣ удаленія отъ дома въ ней возстановлялось равновѣсіе и вскорѣ она вполнѣ успокоилась, замедлила шаги и, машинально обходя оставшіяся еще въ ямахъ лужи, съ нѣкоторымъ удовольствіемъ ощущала подъ ногами упругость отсырѣвшей глины. Каждый разъ, какъ она задѣвала за какую-нибудь вѣтку, на нее брызгала холодная пыль росы; временами сыпались сверху лепестки отцвѣтающихъ, пахнущихъ увяданіемъ цвѣтовъ; она вздрагивала тогда всѣмъ тѣломъ, но это не было ей непріятно. Такимъ образомъ она совершенно машинально забрела въ самую отдаленную часть парка, которую уже давно не посѣщала. Въ одной изъ запущенныхъ и нерасчищенныхъ дорожекъ, желая обойти упавшую поперекъ сгнившую скамейку, она вдругъ повернула въ сторону и очутилась на такъ называемой «аллеѣ Марыни», ведущей къ «оврагу Виктора».

Это была широкая тропинка, та самая, которую Викторъ за время своего послѣдняго пребыванія въ Кленовѣ, самъ собственноручно и усердно мостилъ для нея.

Рыжеватые куски кирпича уже пораздвинулись, потрескались во многихъ мѣстахъ и разсыпались въ красноватую пыль. Въ каждой изъ этихъ трещинъ зеленѣла мелкая травка, и кое-гдѣ въ задержанныхъ потокахъ дождя играло солнце. При видѣ этого, бѣлая матовая кожа на лицѣ Марыни еще болѣе поблѣднѣла; съ затаеннымъ дыха-

нѣмъ смотрѣла она на эту «свою» дорожку, сердце задрожало въ ней, а за нимъ и все ея существо отъ наплыва прибывающихъ отовсюду горькихъ слезъ.

Нагнувшись немного впередъ, растроганная до глубины души, она начала осторожно ступать по кирпичамъ; старалась не обойти ни одной изъ этихъ святынь, касаясь ихъ легко и нѣжно или ногой, или взглядомъ.

Изъ широко открытыхъ глазъ тихо катились слеза за слезою, большія и обильныя, и часто капали со щекъ прямо на землю, какъ роса, стряхиваемая при этомъ благоговѣйномъ шествіи съ листьевъ деревьевъ и кустовъ.

Такъ она дошла до конца дорожки и остановилась на краю глубокаго оврага, за которымъ внезапнымъ обрывомъ кончался паркъ и начинался огромный лугъ, идущій параллельно берегу Сниводы, точно развернутая длинная лента зелени, опушенная мелкой сверкающей алмазной пылью разбивающихся въ дребезги брызгъ. Вдали, въ концѣ луга виднѣлась растянутая линія бѣлыхъ фигуръ, которыя, казалось, покачивались на одномъ и томъ же мѣстѣ. Отъ времени до времени на уровнѣ головы какой-нибудь изъ нихъ блестѣла на солнцѣ кривая полоса и раздавался громкій рѣзкій звукъ. Этотъ внезапный блескъ и звукъ казался Марынѣ чѣмъ-то болѣзненнымъ. Она заслоняла отъ него густыми рѣсницами свои заплаканные глаза, взоръ ея блуждалъ по сплетшимся свѣшивающимся вѣтвямъ орѣшника, и такъ съ листка на листочекъ невольно опускались ея взгляды все ниже и ниже по бурымъ склонамъ обрыва, пока не упали на дно.

Тутъ вдругъ они застыли на мгновеніе...

Тамъ, во всей гнусности, лежала передъ нею отталкивающая, грубая смерть. На самомъ днѣ «оврага Виктора», въ грудѣ мокрыхъ истлѣвшихъ листьевъ валялся Ральфъ или скорѣе его разлагающійся трупъ.

Вздутое голое брюхо и полинявшіе бока, точно вытертые и вымокшіе до того, что порыжѣла шерсть, теряли уже свои контуры, превращаясь въ расползающуюся во всѣ стороны безформенную массу. Въ ввалившейся ранѣ въ паху задней ноги кишѣлъ живой клубокъ бѣлыхъ червей, надъ провалившимся, потускнѣвшимъ, какъ пятно плѣсени, глазомъ, носились огромныя мухи зеленовато-стального, мѣняющагося цвѣта; изъ-подъ обвисшей безсильно губы, какъ черная зубчатая бахрома, торчалъ синій языкъ. Казалось, одна пасть жила еще, въ ней точно длились смертельныя, отчаянныя судороги бѣшеной ярости, зловѣще сверкалъ бѣлый клыкъ и пронизывалъ каждый нервъ Марыни.

Все ея существо болѣзненно сжалось отъ трепетнаго ужаса, она старалась углубиться въ самое себя, точно хотѣла съежиться и укрыться въ какой-то тьмѣ отъ этого зрѣлища.

Но оно преслѣдовало ее, бросалось за ней повсюду, неотразимое, страшное, отвратительное, истекающее гноемъ.

Все это длилось одну секунду, а Марынѣ казалось, что проходятъ цѣлые вѣка нечеловѣческой пытки.

Въ головѣ ея, точно тяжелый звонъ въ шатающемся куполѣ колокольни, объятой пламенемъ пожара, дрогнули огромныя глыбы металла, бѣшено задвигались и забили тревогу, неистовствовали, ворочали пудовыми сердцами въ красномъ заревѣ, среди тучъ, пепла и дыму.

И потомъ вдругъ оборвались, закружились съ продолжительнымъ воемъ и полетѣли въ бездонную пропасть, разрушая по пути всѣ препятствія.

Съ ихъ стономъ Марыня свалилась въ густую траву, побѣднѣвшимъ лицомъ кверху.

Прошло около часу, тяжелаго, мертваго; вѣки открылись и обнажили два большихъ сѣрыхъ глаза, мутныхъ, точно закопченныя зеркала. Смутно отражались въ нихъ шепчущіеся листочки молодой березки, подшитые матовымъ серебромъ, бѣлое облачко, пробѣжавшее въ эту минуту по небу, потомъ заглянула въ нихъ ясная синева неба, тускнѣя въ отраженіи, и снова вѣки сомкнулись отъ назойливаго солнечнаго луча.

Ужъ близко звонили острыя косы, когда вторично задвигались эти вѣки съ густыми рѣсницами, а за ними и все тѣло. Марыня встала и тѣмъ же путемъ, спотыкаясь о красноватый щебень и кирпичи, какъ о застарѣлые сгустки крови, лежащіе въ лужѣ слезъ, машинально побрела домой.

Отсутствіе Марыни за утреннимъ завтракомъ никого не удивило, такъ какъ она часто просыпалась около полудня, а по приказанію Бэли, считавшей сонъ лучшимъ средствомъ отъ всевозможныхъ физическихъ и нравственныхъ недуговъ, никто ея раньше не будилъ.

И только къ обѣду, посланный на развѣдки Игнась сообщилъ, что мамочка спитъ, въ платьѣ и загрязненныхъ туфляхъ.

— Что спитъ, это хорошо! Но зачѣмъ же въ платьѣ и еще въ туфляхъ?—недоумѣвала Бэля, пожимая плечами.

— Однако, ее слѣдовало бы разбудить,—произнесъ, отпивая кофе, Игнатій,—продолжительный сонъ истощаетъ; ручаюсь тебѣ, что это одна изъ причинъ ея слабости, она худѣетъ съ каждымъ днемъ!

— Это тебѣ только такъ кажется,—запротестовала Бэля,—она всегда была худа, да съ такимъ канареечнымъ аппетитомъ и нельзя быть не худой! Во всякомъ случаѣ, я это разузнаю, отчего она все-таки въ платьѣ? Вотъ это, дѣйствительно, гибельно для здоровья! Оттого-то я и говорю тебѣ, не спи послѣ обѣда, а если ужъ хочется, такъ раздѣвшись... Охъ, будетъ опять работа «Карлсбаду»!—произнесла она вслѣдъ

уходящему мужу, спрятала сахарницу въ буфетъ, приказала смести со стола крошки для воробьевъ и отправилась наверхъ.

Игнатій видѣлъ уже второй сонъ, когда вдругъ влетѣла въ кабинетъ Бэля и сразу заговорила сердито тономъ упрека:

— Такъ, такъ, ты себѣ тутъ валяешься, а я голову теряю!

— Что такое опять?

— Что? Марыня еле жива...

— А, вздоръ!—нехотя подымаясь, пробормоталъ себѣ подъ носъ Игнатій; онъ привыкъ къ тому, что Бэля, подъ впечатлѣніемъ минуты, всегда преувеличиваетъ.

— Бормочи, бормочи! Тебѣ хоть свѣтъ вверхъ дномъ перевернись, только бы поспать дали,—продолжала Бэля тѣмъ же самымъ, только нѣсколько болѣе громкимъ тономъ.—Говорятъ тебѣ, прихожу я, а тамъ постель кверхъ ногами, и лежитъ она на ней головой въ подушку, туфли въ грязи, платье обтрепанное, мокрое до плечъ, въ волосахъ соръ, трава; должно быть, она гдѣ-нибудь бродила и упала, а можетъ быть, и еще что-нибудь? Руки—какъ ледъ, голова—какъ огонь.

— Ну, а все-таки цѣла и невредима? — нетерпѣливо перебилъ Игнатій.

— А тебѣ чего еще хотѣлось? Этого еще не доставало.

— Ну, такъ что-жъ тутъ особеннаго? Встала, вышла, скользко, упала, поднялась и вернулась въ кровать.

— Отлично, прекрасно! — протяжно произнесла Бэля, и ноздри ея раздулись. Она выхватила неожиданно ключи изъ-за пояса и кладя ихъ столь же демонстративно, сколь громко, на столъ, передразнивая мужа, начала:

— Пожалуйста, прошу покорно взять и пойти, помучиться, поухаживать за больными, а я тутъ буду спать, валяться въ кровати, пить «Карлсбадъ»!..

— Бэля!—съ упрекомъ и въ то же время умоляюще воскликнулъ Игнатій.

— Что, Игнась!..

— Я вѣдь ничего... я только хотѣлъ узнать, что съ ней?

— А тогда и спроси, если хочешь узнать!—строго отрѣзала Бэля, и сейчасъ же забывая о своей роли обиженной, начала обстоятельно разсказывать:

— Ни слова не могла отъ нея добиться; раздѣвали мы ее вдвоемъ съ Флорентиной, лежитъ, какъ автоматъ; даже глазъ не открыла; я ее тепло укрыла и лечу за липовымъ цвѣтомъ, а по дорогѣ къ тебѣ, чтобъ ты послалъ за Постанскимъ, а ты...

— Сейчасъ сажусь и пишу...—хватая перо и бумагу, поспѣшилъ предотвратить бурю Игнатій.

— Ну, такъ помни! — произнесла смягченная готовностью мужа Бэля, собрала ключи и ушла.

*

«Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ что-нибудь скверное?» думалъ Игнатій, дописывая письмо къ доктору.

— Надо, однако, раньше убѣдиться,—добавилъ онъ, заклеивая конвертъ,—а то старикъ за ложную тревогу готовъ обидѣться!—Игнатій всунулъ письмо въ карманъ и пошелъ наверхъ.

Въ корридорѣ ему загородили дорогу шкафчикъ и кровать, а потомъ Бэля, которая достаточно громко предостерегала прислугу, чтобы она вела себя тихо и осторожно переносила вещи.

— А это что еще?—спросилъ Игнатій.

— Игнася надо перевести внизъ, а то еще, можетъ быть, это какая-нибудь заразная болѣзнь!

— Ну, что же, какъ она?

— Спитъ! Написалъ?

— Написалъ, что очень прошу пріѣхать по важному дѣлу; о болѣзни ни слова, потому что можетъ еще отказать, въ особенности теперь,—онъ какъ-то настойчиво избѣгаетъ Марыни, я думаю, оттого онъ къ намъ теперь и не заглядываетъ.

— Да, это правда! А вѣдь какъ, кажется, онъ ее любитъ! Чудакъ!

— Можно къ ней?

— Только потише, не разбуди ее!

Игнатій, пройдя на цыпочкахъ опустѣвшую комнатку Игнася, остановился на порогѣ и, выгибаясь, заглянулъ въ сторону кровати Марыни, стоящей въ глубинѣ и наполовину закрытой отворенной половинкой двери.

Марыня лежала бокомъ, неподвижно, покрытая до шеи одѣяломъ и пледомъ; на фонѣ подушекъ виднѣлись разбросанныя тѣни густыхъ волосъ, откинутыхъ немного назадъ; изъ-подъ нихъ выглядывалъ кусокъ лба, точно пластинка мрамора съ голубыми жилками; ниже—закрытый глазъ, окруженный сверху рѣзкой линіей бровей, а снизу синеватой тѣнью, походилъ на продолговатую жемчужную раковину, уходящую въ глубину; подъ нимъ, на бѣлой, какъ бумага, щекѣ горѣло маленькое красное пятнышко.

Общее впечатлѣніе было таково, что Игнатій повернулъ назадъ и на вопросъ жены: спитъ?—невольно отвѣтилъ:—кажется! и выбѣжалъ отдать поскорѣе письмо, торопливо погоняя посланнаго.

Несмотря на это, Постанскій явился только къ концу полевыхъ работъ и началъ сразу съ выговора:

— Что вы дѣлаете! Наконецъ-то погода установилась, тутъ бы сѣять, косить—у меня работы по горло, а тутъ у нихъ важныя дѣла!.. Что-жъ это за важное дѣло такое?

— Марыня больна,—съ удареніемъ произнесла Бэля.

— Ну такъ что-жъ, я объ этомъ давно знаю...

Но Бэля не дала ему докончить, живо и ярко описывая состояніе

Марыни, дѣлая различныя предположенія относительно причинъ болѣзни и т. д.

Постанскій, нахмурившись, терпѣливо выслушалъ все, а когда Бэля умолкла, сухо сказалъ:

— Ну, что-жъ я могу на все это сказать?

— Какъ, вѣдь вы докторъ!?

— А, въ этомъ смыслѣ,—сурово отвѣтилъ Постанскій,—ну, тогда отнять банки отъ мозга, съ сердца піявки, а если это все не поможетъ, тогда кровь пустить—и баста!—закончилъ онъ раздражительно.

— Что?—спросила, не понимая хорошенько въ чемъ дѣло, Бэля.

Докторъ еще разъ слово въ слово повторилъ съ нѣкоторою жестокостью свой рецептъ.

Наступила продолжительная пауза.

— Нѣтъ, докторъ,—началъ Игнатій,—я не спорю, что нравственныя перемѣны и потрясенія подорвали силы Марыни, но въ данномъ случаѣ обыкновенная простуда тоже весьма вѣроятна: этимъ нельзя пренебречь, правда! но и терять надежду...

— Я не теряю того, чего не имѣю,—пробурчалъ Постанскій,—а ужъ если хотите... Гдѣ она?

— У себя.

— Ну, такъ пойдемъ, Игнатій!—сухо произнесъ докторъ, и уже наверху добавилъ:—а впрочемъ, останься, я и одинъ!..

Игнатій остановился у дверей, а докторъ вошелъ въ комнату Марыни.

Окна этой комнаты выходили на востокъ, а потому въ ней господствовалъ уже такой мракъ, что надо было зажечь свѣчу. Рѣсницы Марыни, лежавшей навзничь, дрогнули отъ внезапнаго свѣта; красныя пятна на щекахъ нѣсколько увеличились. Постанскій дотронулся до ея руки, она была горяча, но не слишкомъ.

«Жару нѣтъ», подумалъ Постанскій и началъ всматриваться въ ея лицо. Мелкая морщинка посреди лба, острая линія носа, бороздка на блѣдныхъ анемичныхъ губахъ и слегка раздвоенный подбородокъ, казалось, дѣлили это мраморное лицо на двѣ симметричныя половины, страдающія каждая порознь; такое, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе вынесъ Постанскій, слѣдя за болѣзненно опущенными углами губъ, которыя все время попеременно нервно вздрагивали.

— Марыня!—прошепталъ докторъ, прикоснувшись рукою къ бѣлому разгоряченному лбу.

— Марыня, что съ тобой? Скажи, голубка!—повторилъ онъ еще разъ, наклоняясь надъ ней все ниже и ниже, точно собираясь поцѣловать ее.

Какъ вдругъ передъ нимъ приподнялись на минуту ея вѣки и показались огромные глаза, блестящіе фосфорическимъ свѣтомъ. Марыня быстро отвернулась къ стѣнѣ страдальческимъ и недовольнымъ движеніемъ, которое какъ бы говорило: «Ахъ, не трогайте!»

Постанскій отскочилъ, точно обожженный этимъ взглядомъ, вздрогнулъ, потушилъ свѣчу и вышелъ какъ можно тише изъ комнаты.

— Спитъ?—вполголоса спросилъ Игнатій.

Докторъ молча схватилъ его какъ клещами за локоть, потянулъ его отъ дверей, потомъ глубоко вздохнулъ и заговорилъ прерывающимся шопотомъ:

— Нѣтъ, не спитъ! Это какой-то рѣшительный кризисъ... почему? не знаю... что будетъ? также не знаю... Случится, что должно случиться... и никакое вмѣшательство тутъ не поможетъ...

Игнатій встревожился при словѣ кризисъ, и думая, что Постанскій по своему обыкновенію хочетъ отдѣлаться отъ лѣченія, началъ его просить и умолять... остаться на ночь.

— Я вамъ, докторъ, прикажу кровать поставить... все сейчасъ же!—напиралъ онъ все смѣлѣе, видя, что старикъ не только не возражаетъ, а даже какъ будто нѣсколько взволнованъ.

— Зачѣмъ кровать, довольно и кресла!..

— Нѣтъ, развѣ я смѣю... утруждать... нѣтъ, ни за что?

— Кресло, говорю!—раздраженно прошипѣлъ Постанскій.—Въ кровати я такъ кашляю, что мертвый проснется. Хотя, въ общемъ, къ чему весь вздоръ, когда все это ни къ чему и не имѣетъ никакого смысла.

Но Игнатій не слушалъ конца, и боясь, чтобы докторъ не измѣнилъ рѣшенія, выбѣжалъ отдать соотвѣтствующія распоряженія.

Вскорѣ принесли кресло, обитое клеенкой, древность на огромныхъ колесикахъ, такое большое, что человѣкъ средняго роста могъ въ немъ смѣло жить.

Докторъ снялъ сапоги, поставилъ кресло противъ окна и усаживаясь пробормоталъ:

— Удобное!

«Что-жъ она дѣлаетъ, если не спитъ, а что не спитъ, такъ это навѣрное!» подумалъ онъ и не ошибался.

Марыня не спала ни минуты, хотя на самомъ дѣлѣ, въ особенности вначалѣ, ея состояніе, благодаря полному отсутствію мыслей, впечатлѣній и притупленію чувствъ, напоминало сонъ.

Послѣ продолжительнаго обморока съ ней сдѣлалось что-то похожее на то, что временами случается съ тонкимъ механизмомъ, подвергшимся сотрясенію. Онъ не разбился, на видъ ничего въ немъ не раздробилось, но зато все расшаталось: звенятъ гайки на истертыхъ винтахъ, вертятся колеса, но зубцы не попадаютъ въ зубцы; задѣваютъ другъ за друга обороты ослабѣвшей пружины, кружатся оси, каждая отдѣльно, потерявъ связь съ цѣлымъ; мѣрно качается разъединившійся маятникъ; стрѣлка стоитъ все время на одной и той же черной минутѣ, а сосредоточивающее все зеркальце, въ которомъ прежде отражалось стройное цѣлое механизма, робко мелькаетъ отъ этого безцѣльнаго

вращенія отдѣльныхъ частей, изъ которыхъ ни одна уже не занимаетъ своего мѣста.

Въ Марынѣ также все время бродило ложное ощущеніе сдвинувшихся съ своего мѣста всѣхъ силъ ея души, замѣшательства во всемъ ея существѣ, распавшемся на какіе-то кусочки, не подходящіе одинъ къ другому. А потомъ ея личность точно раздвоилась на противоположные лагери, начавшіе борьбу между собою.

Съ одной стороны слѣпые природные инстинкты, жаждущіе во что бы то ни стало жизни, бросились на спасеніе существованія, которому угрожала опасность, силясь возстановить прежній порядокъ, теперь нарушенный; съ другой—пораженныя этой катастрофой, хотя и менѣе могущественныя, чѣмъ первыя, но все-таки болѣе сознательныя начала сопротивлялись этому изо всѣхъ силъ, уничтожая работу, начатую первыми, такъ какъ предчувствовали, что съ минуты, когда все войдетъ въ прежнюю колею, долженъ неизбѣжно пробить тотъ самый часъ, и тѣмъ же роковымъ голосомъ невысказанной скорби, и предпочитали погибнуть навсегда, нежели испытать вторично это потрясающее страданіе. И это былъ дѣйствительно какой то рѣшительный кризисъ, теченіе котораго зависѣло исключительно отъ склада внутреннихъ силъ Марыни; а этого отношенія Постанскій не зналъ, ни въ качествѣ человѣка, ни въ качествѣ доктора, и тѣмъ менѣе—могъ предупредить.

Докторъ чувствовалъ это интуитивно, и если остался, то сдѣлалъ это помимо воли, прямо изъ-за того, что упрашиванія Игнатія застигли его въ минуту упадка энергіи. Теперь онъ былъ даже золъ на себя за это и, навѣрное, ушелъ бы, если бы кресло не было такъ удобно, и не такъ болѣли руки и ноги отъ работы въ усадьбѣ; къ тому же было уже довольно поздно. Блѣдная, короткая іюньская ночь смѣняла уже день на небѣ; каждый разъ, какъ Постанскій направлялся въ комнату Марыни, черезъ открытыя двери виднѣлась звѣздочка за окномъ, тогда какъ его еще окружали сумерки: на горизонтѣ расползалась все еще розоватая заря заката, какъ будто солнце никогда не должно было скрыться.

Въ сладкой тишинѣ быстрымъ темпомъ квакали лягушки, а когда хоръ смолкалъ, раздавались отдѣльныя монотонныя кваканья. Постанскаго начало клонить ко сну, и ему припомнилась давнишняя ночь въ Венгріи. Онъ стоялъ одинъ на пикетѣ, далеко отъ лагеря; за нимъ на темной синевѣ небесъ разгорались золотистыя звѣзды, а передъ нимъ краснѣли отдаленныя зарева пылающихъ селеній. Было такъ же, какъ сегодня—тихо, только гдѣ-то въ болотѣ отзывались печальнымъ голосомъ лягушки.

И тотъ пейзажъ, въ особенности нѣкоторыя его подробности припомнили ему такъ живо Смутнинце и Цментарки, что ему казалось, что онъ находится среди родныхъ полей.

Страшная тоска охватила его; карабинъ потяжелѣлъ въ рукахъ,

а тоска желѣзнымъ обручемъ сдавила ему лобъ; сердце, какъ молотъ, застучало подъ мундиромъ, а грудь давили рыданія. Была минута, когда ему хотѣлось бросить оружіе и вернуться; но онъ не зналъ куда, за нимъ становилось все темнѣе и мрачнѣе, а впереди все кровавѣй и ближе разгорался полукругъ пожаровъ.

Въ глазахъ доктора все стало мѣшаться; казалось ему, что онъ въ сраженіи, но все совершается не такъ, какъ на самомъ дѣлѣ. Трещатъ барабаны, но такъ глухо, точно они обтянуты не кожей, а сукномъ, гранаты лопаются съ едва слышнымъ трескомъ; наконецъ, онъ бросается въ атаку безъ команды вмѣстѣ съ цѣлымъ отрядомъ; у него все время запутались ноги, онъ нажималъ курокъ, но выстрѣлъ не раздавался. Вдругъ все разсѣялось и начали мелькать передъ нимъ, охваченныя паникой, блѣдныя лица, которыя превращались въ его глазахъ въ дорогія черты давно умершихъ людей. Его охватило отчаяніе, и выставивъ штыкъ, онъ одинъ ожидалъ тучу несущейся кавалеріи, летѣвшей на него по дрожавшей отъ конскаго топота землѣ.

Эта туча заслонила передъ нимъ все; у него потемнѣло въ глазахъ, какъ тогда, когда онъ получилъ тяжелую рану. Сѣдая голова склонилась на грудь, и докторъ захрапѣлъ. Когда онъ открылъ глаза, была уже ночь, но въ окнѣ Марыни бѣлѣлъ разсвѣтъ. Онъ насторожился, услышавъ какой-то шелестъ; ему казалось, что она повернулась на кровати. Но опять все затихло, а потому онъ только поправился въ креслѣ, поднялъ воротникъ пиджака отъ холода и задремалъ. Вскорѣ болѣе стремительное движеніе снова разбудило его. Теперь уже по рамѣ скользилъ блѣдно-желтый оттѣнокъ; темнота въ комнатѣ доктора также начала разсѣиваться, становясь сѣрой; выдѣлялись контуры ближайшихъ деревьевъ, качающихся отъ легкаго вѣтерка и раздалось чириканье просыпающихся птичекъ.

Постанскій, потянувшись, зѣвнулъ; шорохъ, раздавшійся изъ сосѣдней комнаты, отрезвилъ его окончательно. Онъ осторожно отодвинулъ кресло и задумался: что ему дѣлать?

Вдругъ сильнѣе скрипнули пружины кровати, треснула половая доска и, какъ призракъ, продвинулась въ одномъ бѣльѣ тонкая фигура Марыни, скрываясь за дверною нишей.

Постанскій застылъ на мѣстѣ и уставился огромными налитыми кровью глазами въ открытую дверь.

Щелкнулъ два раза замокъ, послышалось отодвиганіе тяжелаго ящика, и Постанскій увидѣлъ быстро мелькающія обнаженныя руки Марыни, которыя, какъ видно, что-то поспѣшно искали, выбрасывая изъ комода различныя вещи такъ стремительно, что онѣ даже разлетались во всѣ стороны. Вдругъ что-то блеснуло, описывая полукругъ въ воздухѣ и съ бряцаньемъ упало на полъ около самыхъ дверей.

Постанскій вздрогнулъ; онъ узналъ этотъ предметъ по формѣ и блеску. Это былъ кавказскій кинжалъ въ серебряной оправѣ, приве-

зенный однимъ изъ товарищей Виктора, прекрасное издѣліе, достоинства котораго докторъ не разъ хвалилъ и, какъ знатокъ оружія, успѣлъ оцѣнить.

Глядя на него старикъ невольно содрогнулся, а потомъ оробѣлъ: рукоятку судорожно сжимала маленькая ручка Марыни; клинокъ исчезъ у него изъ глазъ, и черезъ мгновеніе поперекъ полуотворенной двери промелькнула обратно бѣлая фигура. Короткій блескъ ея разгорѣвшихся глазъ поразилъ его на лету, какъ остріемъ. Докторъ почувствовалъ точно уколъ тысячи иголокъ на плечахъ и груди, онъ поднялся, какъ-бы схваченный за волосы посторонней силой, и хотѣлъ броситься въ ея комнату, но сейчасъ же, страшнымъ, быстрымъ, какъ молнія, усиліемъ воли удержалъ первое движеніе; зажимая ротъ, не дыша, точно стараясь скрыть свое присутствіе не только передъ нею, а даже и передъ самимъ собой, съ полузакрытыми глазами, пряча голову въ приподнятыя плечи, онъ началъ, осторожно ступая, удаляться къ выходу.

Какъ только онъ переступилъ черезъ порогъ, самообладаніе его покинуло; быстро, точно спасаясь, пробѣжалъ онъ корридорчикъ; трясущіяся руки, нащупавъ какую-то дверь, съ силой отворили ее, и Постанскій, очутившись въ маленькой комнаткѣ, бросился на выцвѣтшій диванчикъ, такъ что зазвенѣли его поломанныя пружины; тутъ онъ закрылъ встревоженное лицо, покрытое морщинами и шрамомъ, твердыми, огрубѣвшими отъ труда руками и началъ повторять: «Только бы сразу! только бы сразу!..» такимъ напряженнымъ шопотомъ, точно всѣми силами своей души старался внушить кому-то это свое желаніе.

Потомъ голосъ его оборвался, и онъ долго сидѣлъ молча. Опустились безсильно руки, сгорбились плечи, отвисли щеки, около глазъ и носа появились сѣтки безконечныхъ морщинокъ, и изъ почтеннаго великана старца выглянулъ сгорбленный дѣдъ.

Онъ немощно поднялся, приблизился къ продолговатому окну, онѣмѣвшими пальцами долго не могъ схватить задвижки, пока не открылъ ихъ, и толкнулъ, наконецъ, раму наружу.

Зазвенѣли стекла тѣмъ же звономъ, какъ и въ старое доброе время, закачались обветшалыя рамы, и, заскрипѣвъ на заржавѣвшихъ петляхъ, искривляясь немного, заняли предназначенное для нихъ мѣсто въ пространствѣ.

Докторъ оперся о косякъ и смотрѣлъ.

Невдалекѣ, немного выше окна, слегка покачивались густыя верхушки двухъ раскидистыхъ липъ, наполненныя радостнымъ щебетаньемъ птичекъ. Было уже свѣтло, хотя солнце еще не взошло. Надъ горизонтомъ сновали разбросанныя легкія облачки, точно маленькія лодки съ снѣжными парусами и яркими флажками, уносимыя вверхъ вздымающейся волною яркаго блѣдно-зеленаго цвѣта. Подъ ними на желтоватомъ фонѣ колеблющагося воздуха рдѣли розоватыя полосы.

которыя, казалось, подгоняли эту волну кверху, удѣляя ей часть своего цвѣта.

Въ свою очередь онѣ сами насыщались кровью невѣдомаго источника, который, должно быть, все приближался, ибо окраска ихъ сгущалась съ каждою минутою.

Постанскій машинально приглядывался къ этой игрѣ свѣта, и черты его лица хмурились, пріобрѣтая выраженіе угрюмой сосредоточенности. Въ концѣ концовъ, онъ вытянулся во весь ростъ и, устремивъ нахмуренный взглядъ въ восходящій край краснаго круга, проговорилъ съ угрозой въ голосѣ:

— А, ты всегда сверкаешь мнѣ... при кровопролитіи!

Въ это время огромный шаръ поднялся уже надъ горизонтомъ, и плывя все выше и выше, быстро уменьшался и блѣднѣлъ; потомъ превратился въ ярко блистающій брилліантъ, окруженный ореоломъ такого ослѣпительнаго блеска, что у доктора глаза наполнились слезами. Онъ отвернулся съ потухшимъ взоромъ и лицомъ, потемнѣвшимъ отъ дыма внутренней скорби.

— И не такіе виды видывали!—угрюмо проворчалъ онъ и направился къ выходу.

Передъ комнатой Марыни онъ пріостановился и, затаивъ дыханіе, долго и усердно прислушивался; тамъ царствовала страшная, мертвая тишина.

Докторъ намѣревался войти, но не чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ, а потому подошелъ къ дверямъ и снова вернулся въ корридорчикъ.

Внизу раздались чьи-то шаги.

— Кто тамъ?—спросилъ сдавленнымъ голосомъ Постанскій, перегибаясь черезъ узкія перила лѣстницы.

— Это я—Янъ!

— Господа встали?

— Пани встала.

— А панъ?

— Несу какъ разъ платье!

— Ну, неси, неси, да скажи, чтобы сейчасъ же сюда пришелъ.

Когда появился сильно еще заспанный Игнатій, докторъ выходилъ изъ комнаты Марыни.

— Ну что, какъ тамъ, лучше?—спросилъ Игнатій, обезпокоенный внезапнымъ призывомъ.

— Лучше!—прогремѣлъ отвѣтъ, но такой сухой и холодный, что Игнатій, вмѣсто того, чтобы обрадоваться, обезпокоился еще больше, посмотрѣлъ испытующе изъ-подъ очковъ на неподвижное лицо доктора, но ничего не могъ прочесть въ его загадочныхъ чертахъ и спросилъ:

— Кризисъ миновалъ благополучно?

— Миновалъ!—отвѣтилъ Постанскій прежнимъ тономъ.

— Ну вотъ, спасибо... большое спасибо!—съ непонятнымъ для

себя волненіемъ и замѣшательствомъ началъ бормотать Игнатій, протягивая доктору руку.

Но Постанскій, вмѣсто того, чтобъ протянуть свою, вытеръ ее о полу пиджака, и только тогда Игнатій замѣтилъ, что концы трехъ пальцевъ доктора смочены кровью.

— Что съ вами?—воскликнулъ онъ измѣнившимся голосомъ, нервно схватывая доктора за плечо.

— Ничего! Пусти... болванъ!—раздраженно обрѣзалъ докторъ.

Игнатій остолбенѣлъ на минуту, потомъ, пораженный страшнымъ предчувствіемъ, бросился къ дверямъ въ комнату Марыни.

Постанскій сдѣлалъ быстрое движеніе, какъ бы желая остановить его, махнулъ небрежно рукою и въ изнеможеніи опустился на кресло.

Черезъ мгновеніе раздался сдавленный крикъ «ахъ»! показался Игнатій блѣдный, какъ мертвецъ, безъ очковъ, съ испуганными мутными глазами, и закричавъ: «Воды! воды»!—выбѣжалъ изъ комнаты.

Постанскій бросился за нимъ, какъ угорѣлый:

— Что ты всю деревню хочешь сюда созвать?

Но Игнатій былъ уже внизу и хриплымъ голосомъ звалъ:

— Бэля! Янъ! воды! съ такимъ отчаяніемъ, что даже дѣти проснулись.

Первая сорвалась Аврэля и въ испугѣ начала сдергивать одѣяло съ спящей рядомъ панны Флорентины.

— Que veux-tu? laissemoi!... insupportable...—проговорила бонна и отвернулась къ стѣнѣ.

Тогда Аврэля, какъ была, въ одной рубашенкѣ, начала стучать въ сосѣднія двери!

— Игнась!

— Что такое?—раздался тоненькій голосокъ.

— Вставай, что-то случилось!

Выглянуло маленькое раскраснѣвшееся отъ сна личико.

— Что случилось?

— Не знаю, папа кричалъ—воды!

— Должно быть, пожаръ.

— Должно быть!

— Подожди, сейчасъ,—и Игнась началъ тормошить Зыгмуся повторяя:

— Динь, динь, динь—вставайте!—настоящій пожаръ!

— Гдѣ, что?—разспрашивали дѣти, наэлектризованные этимъ извѣстіемъ, потому что какъ разъ наканунѣ они играли въ «пожарную команду», разрушали и гасили бумажный пожаръ.

— Надо сейчасъ же, въ одну минуту одѣться—заявилъ Зыгмусь, который почерпнулъ идею подобной забавы изъ описаній быта пожарной команды.

— Dormez, enfants,—простонала изъ кровати панна Флорентина, разсерженная тѣмъ, что ее разбудили.

Но дѣти одѣвались съ быстротою молніи. Апусь началъ плакать,

такъ какъ у него запутались панталоны, а какъ младшій онъ и безъ того игралъ роль «копули» въ этой новой забавѣ.

Игнась выручилъ его изъ бѣды. Вскорѣ весь отрядъ былъ готовъ: Зыгмусь во главѣ съ трубою, Игнась съ деревяннымъ топорикомъ, Аврэля съ чашкой, Мечиславъ съ рюмкой, и въ хвостѣ Апусь съ черепкомъ—и очутился у дверей, ведущихъ въ корридоръ.

Тутъ только наступила минута, когда дѣти пришли въ себя и задумались.

— Гдѣ же пожаръ?—спросилъ предводитель.

— Да вотъ, Аврэля знаетъ,—поспѣшно заявилъ Игнась.

— Я не знаю... только папа кричалъ: воды!—смущенно отвѣтила Аврэля.

— Ну, такъ, какъ же быть? — разводя ручками и съ разочарованнымъ личикомъ, печально протянулъ Мечиславъ.

Но въ ту же минуту послышалось сверху отрывистое приказаніе Постанскаго:

— Не надо никого!.. Я одинъ съ Яномъ! Маршъ внизъ и не впускать ни одной собаки, въ особенности дѣтей!...

— Должно быть, наверху...—начала Аврэля.

Но никто уже не вѣрилъ, что въ домѣ пожаръ; въ то же время слова Постанскаго увѣрили дѣтей, что случилось дѣйствительно что-то необыкновенное, и, кромѣ того, дали понять, что надо дѣйствовать скрыто, какъ «индѣйцы», чтобы добиться истины.

Мгновенно топорикъ въ рукѣ Игнася превратился въ томагавкъ, всѣ остальные тоже соотвѣтственно преобразились, и дѣти, пріоткрывъ дверь, начали слѣдить въ щелку изъ засады за движеніями и намѣреніями «бѣлыхъ».

По корридору прошелъ Игнатій, за нимъ Бэля, оба дѣйствительно «бѣлые», въ особенности Бэля, блѣдная, какъ бумага.

Потомъ съ ведромъ воды и тряпкой прошелъ въ противоположную сторону Янъ. Скрипъ ступеней сообщилъ имъ, что старикъ отправился наверхъ.

Это показалось имъ страннымъ, потому что мытье половъ лежало на обязанности кухонныхъ дѣвокъ, но не настолько знаменательнымъ, чтобы заполнить промежутокъ абсолютной тишины, становившійся уже скучнымъ.

Для развлеченія попробовали татуировать Апуся, но мальчикъ своимъ пискомъ принудилъ встать панну Флорентину, которая помѣшала этой операціи.

Бонну дѣти вообще ни во что не ставили, а въ данномъ случаѣ прикрашенные фантазіей разсказы ихъ разожгли и ея любопытство до такой степени, что эта «блѣднолицая», «французскій жирафъ», какъ ее прозвалъ «черный мужъ» Игнась, приняла участіе въ засадѣ.

Вскорѣ заскрипѣли ступени и снова прошелъ старикъ Янъ со свертком̀ъ бѣлья, запятнаннаго кровью.

— Oh! le linge sanglant—простанала, подаваясь назадъ, панна Флорентина.

Дѣти оглянулись на нее и другъ на друга съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

Показался Янъ съ лоханкой воды.

— Что случилось, Янъ?—спросила его панна Флорентина, но старикъ даже не остановился. Бонна слегка пріотворила дверь и продвинулась впередъ, заслонивъ собою отъ дѣтей все происходящее.

Это обстоятельство и разсердило дѣтей, и возбудило склонность къ новымъ предположеніямъ.

Слѣдовало, безъ всякаго сомнѣнія, изгнать это «чужое и неблагодарное племя» изъ силой занятой позиціи.

Уговорили Апуся, чтобы онъ представился больнымъ. Его выбрали жертвой, во-первыхъ, потому, что онъ дѣйствительно часто страдалъ глистами, во-вторыхъ былъ самый младшій и къ тому же болѣе другихъ склоненъ къ самопожертвованію, благодаря чему исключительно и достигалъ немного болѣе почетнаго положенія.

И вотъ, надлежащимъ образомъ гримасничая, мальчикъ началъ пищать и вертѣться на постели, а остальныя дѣти довели до свѣдѣнія панны Флорентины, что Апуся страшно тошнитъ.

— У него такія длинныя глисты, какъ вашъ носъ!—добавилъ вполголоса Игнась вслѣдъ удаляющемуся хищнику, котораго выжили какъ разъ во время, такъ какъ въ корридорѣ началась оживленная суетня.

Пробѣжалъ два раза Янъ, потомъ Бэля и Игнатій, который сейчасъ же вернулся и вмѣстѣ съ Яномъ направился, но уже не наверхъ, а куда-то дальше.

Послѣ короткаго промежутка времени они снова показались, перенося обитую клеенкой старую кушетку, стоявшую въ концѣ корридора безъ употребленія, такъ какъ она была такая твердая, что развѣ только изъ особаго удальства можно было заняться на ней кувыркань̀емъ. Кушетка исчезла въ гостиной, откуда вскорѣ донеслись звуки передвигаемой мебели; дѣти высыпали въ пустой корридоръ, но сейчасъ же предусмотрительно скрылись, заслышавъ новые шаги.

— Папа пошелъ наверхъ,—объявилъ Зыгмусь.

Наступила продолжительная пауза. Затрещали сильнѣе ступени. Неожиданно появился вдругъ Игнатій и, замѣтивъ прячущіяся головки, подбѣжалъ къ дверямъ, быстро захлопнулъ ихъ и заперъ на задвижку.

Всѣ дѣти отскочили отъ дверей, кромѣ Игнася, который, не теряя присутствія духа, приложилъ глазъ къ замочной скважинѣ.

Лѣстница необыкновенно жалобно заскрипѣла; тетя Бэля прошла

впередъ, шурша юбкой; раздались тяжелые шаги, и Игнась увидѣлъ сначала ногу, а потомъ и весь правый бокъ Постанскаго, несшаго что-то большое.

Съ плеча доктора безсильно свѣшивалась какая-то рука. Мальчикъ узналъ ее по точенымъ, бѣлымъ, какъ алебастръ, тонкимъ пальцамъ, промелькнувшимъ у него передъ глазами и дрогнувшимъ такъ же странно, какъ его дѣтское сердечко.

Что тамъ такое?—разспрашивали маленькіе товарищи.

Но Игнась молчалъ; тихо отстранился онъ отъ нихъ и забился въ уголокъ, съ поникнувшей черной головкой и жалобно опущенными углами рта.

Дѣти переглянулись между собой и также опечалились.

Прошло около часа, отодвинулась задвижка и въ дверяхъ показалась Бэля; на блѣдныхъ щекахъ ея пылали два красныхъ пятнышка, глаза были сухи, она приблизилась къ Игнасю и дотронулась до него рукой; изъ глазъ ея брызнули слезы.

— Нѣтъ у тебя больше мамочки!—прошептала она, съ плачемъ цѣлуя мальчика.

А потомъ, обратившись къ остальнымъ дѣтямъ, произнесла:

— Тетя Марыня умерла... она ужъ у Боженьки... пойдемте помолиться!..

И провела ихъ въ гостиную.

Дѣти невольно сбились въ кучку на порогѣ и смотрѣли удивленно и вмѣстѣ съ тѣмъ робко; одинъ Апусь не испытывалъ тревоги, а только разочарованіе, такъ какъ надѣялся увидѣть тетю у Боженьки, а не на кушеткѣ.

Тамъ въ черномъ платьѣ, окруженная цвѣтами лежала сильно вытянутая Марыня, съ головой, опирающейся на атласную подушку; темныя кудри волосъ, умышленно распущенныхъ около шеи, прикрывали рану, изъ которой вмѣстѣ съ кровью истекла ея страдальческая жизнь.

Въ худыхъ мраморныхъ пальцахъ, сложенныхъ ниже груди, лежалъ золоченый образокъ.

Бѣлое и прозрачное лицо съ удивительно тонкими чертами, поразительно прекрасное, имѣло выраженіе экзальтированнаго восхищенія. Однако, оно не производило впечатлѣнія ни жизни, ни смерти, ни даже сна, а скорѣе всего чуда искусства, которое не живетъ и не умираетъ, а только существуетъ и ввѣряетъ справедливости грядущихъ поколѣній всю свою скорбь, всю боль своего страданія.

— Станьте на колѣни!—прошептала Бэля и начала читать молитву.

И едва она успѣла произнести первыя слова, раздалось тихое рыданіе, выходящее изъ маленькой груди Игнася, который, дрожа, какъ

листъ, не могъ ни опуститься на колѣни, ни оторвать блуждающаго взгляда отъ лица матери.

Замѣтивъ это, панъ Игнатій схватилъ мальчика на руки и вынесъ изъ комнаты; Бэля съ помощью панны Флорентины увела остальныхъ плачущихъ дѣтей.

Въ комнатѣ остался одинъ Постанскій. Опершись о стѣну, онъ стоялъ все время съ неподвижнымъ лицомъ, точно высѣченнымъ изъ сѣраго песчаника; онъ вздрогнулъ слегка при звукахъ плача Игнася и снова застылъ, уставившись огромными блуждающими глазами, покрытыми цѣлой сѣтью кровавыхъ жилокъ, въ лицо умершей.

Когда всѣ вышли, онъ приблизился, нагнулся надъ Марыней, прикоснулся губами къ холодному лбу и прошепталъ:

— Можетъ быть, теперь тебѣ лучше!

Выходя, онъ еще разъ окинулъ этотъ чудный образъ такимъ взглядомъ, какимъ прощаются навсегда съ художественной урной, гдѣ заключенъ пепелъ сгорѣвшаго сердца.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИЗЪ ПѢСЕНЪ ТРУДА.

У КОТЛА.

Съ легкой, острой косой,
Надъ зеленой травой
Мнѣ ужъ больше, должно, не гулять...
И родной полосой,
Съ клячей-сивкой, сохой
Борозды по веснѣ не взрывать...
Подъ степнымъ вѣтеркомъ
На току за гумномъ
Рожь въ снопахъ мнѣ цѣпами не бить...
На крестьянскомъ міру,
На мужичьемъ пиру,
Ни рѣчей, ни пѣснѣй не водить...
На заводѣ большомъ,
Надъ котломъ съ молоткомъ,
Среди чаду и шума паровъ
День-деньской я стою;
Потъ надъ клепкою лью
Подъ удары стальныхъ молотковъ...

Лѣто, осень... весь годъ,
Жизнь въ работѣ идетъ
Среди шума и лязга машинъ...
Зевъ громовый гудка,
Что реветъ въ облака,
Надо мною теперь господинъ...
Онъ—большой-тановой,
Онъ и староста мой,—
Только рявкнетъ, а ты ужъ идешь...
И съ большимъ молоткомъ
Надъ огромнымъ котломъ
Потъ горячій надъ клепкою льешь...
И подъ грохотъ станковъ,
Подъ шипѣнье паровъ
Забываешь про родину-мать;
Про покосы луговъ,
Про уборку стоговъ,
И не думаешь: „время-ль пахать?"
Ни мольбы о дождѣ
На сухой бороздѣ,
Ни восторговъ надъ зрѣлымъ зерномъ
Не почуешь въ груди...
День за днемъ впереди
Потекутъ надъ желѣзнымъ котломъ...
Да, не пахарь ужъ я:
Молотъ—пашня моя,
А зубило стальное—коса...
Міръ—питейный трактиръ,
Сороковка—мой пиръ,
А огромный заводъ—полоса!..

Ѳ. Поступаевъ.

РОДБЕРТУСЪ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

(*Продолженіе*) *).

Если мы обратимся къ хозяйственному строю, предшествовавшему капиталистическому, напр., къ хозяйственному строю античнаго міра или среднихъ вѣковъ, то мы не найдемъ этого распаденія ренты. Возьмемъ, напр., хозяйство римскаго патриція. Онъ былъ собственникомъ земли, средствъ производства и рабочихъ. Рабы не только добывали сырье, но и превращали его въ окончательный продуктъ. Весь этотъ продуктъ, за вычетомъ содержанія рабовъ и расходовъ по возмѣщенію уничтожившихся въ процессѣ работы средствъ производства, составлялъ доходъ патриція, очевидно не имѣвшаго ни повода, ни возможности различать въ своемъ доходѣ долю прибыли на капиталъ и долю земельной ренты. Къ тому же этотъ доходъ имѣлъ натуральную форму, благодаря чему строгая расцѣнка его была вообще неосуществима. Съ точки зрѣнія патриція, источникомъ дохода было имущество, въ дѣйствительности же создателями этого дохода были рабы.

При такомъ положеніи вещей, даже самое понятіе капитала и прибыли на капиталъ не можетъ достигнуть ясности. Только одна категорія капитала консолидируется и пріобрѣтаетъ опредѣленность уже въ античномъ мірѣ—это денежный капиталъ. Такъ какъ и при господствѣ натуральнаго хозяйства обмѣнъ не совершенно исключенъ, и потребность въ деньгахъ существуетъ—иногда даже очень интенсивная, благодаря тому, что денегъ мало,—то и на самыхъ раннихъ стадіяхъ хозяйства мы замѣчаемъ существованіе ростовщическаго денежнаго капитала. Ростовщическій денежный процентъ есть почти единственно извѣстная въ античномъ мірѣ форма прибыли на капиталъ. Но размѣръ этой прибыли—ростовщическаго процента—не находится ни въ какой зависимости отъ дохода промышленнаго предпріятія, такъ какъ высота процента устанавливается при этихъ условіяхъ, исключительно нуждой заемщика, почему и процентъ можетъ достигать чудовищныхъ размѣровъ. Благодаря этому, общественное мнѣніе древ-

*) См. «Міръ Божій», мартъ 1902 г., № 2.

няго міра не признавало процентъ правомѣрнымъ, нормальнымъ видомъ народнаго дохода и видѣло въ немъ нѣчто противоестественное и заслуживающее порицанія.

Современное хозяйство имѣетъ совершенно иной характеръ. Вмѣсто натуральнаго производства для собственнаго потребленія въ немъ господствуетъ и даетъ типъ экономической жизни производство для сбыта на продажу. Отсюду вытекаетъ необходимость строгой расцѣнки всѣхъ предметовъ хозяйства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, первоначальное недѣлимое производство продукта съ начала до конца въ одномъ и томъ же хозяйствѣ распадается на двѣ основныхъ ступени. На одной ступени изготовляется сырье, на другой—сырье превращается въ фабрикатъ. Изготовленіе и обработка сырья принадлежатъ различнымъ предпріятіямъ.

Первоначальная единая рента должна теперь распасться на двѣ части, такъ какъ и производители сырья, и фабриканты должны получить свою долю. Какой же принципъ управляетъ раздѣленіемъ ренты? Принципъ трудовой цѣнности, создаваемой на каждой ступени производства—отвѣчаетъ Родбертусъ: «Я исхожу изъ предположенія,— говоритъ нашъ авторъ, — что мѣновая цѣнность каждаго готоваго продукта, какъ и на каждой ступени изготовленія продукта, равна соотвѣтствующей трудовой затратѣ, такъ что не только готовые продукты, но и сырье, и фабрикатъ по отношенію другъ къ другу обмѣниваются пропорціонально своимъ трудовымъ стоимостямъ; если, напр., изготовленіе сырья потребовало столько же труда, какъ и превращеніе его въ фабрикатъ, то готовый фабрикатъ будетъ расцѣниваться вдвое выше сырья». При этомъ условіи очевидно, что рента должна распредѣлиться между собственниками сырья и фабрикатовъ пропорціонально трудовой затратѣ, на каждой ступени производства, ибо рента есть доля цѣнности продукта, и если цѣнность пропорціональна труду, то и рента должно быть пропорціональна труду.

Итакъ, если производство сырья стоило такого же труда, какъ и превращеніе сырья въ фабрикатъ, то сумма ренты на первой ступени производства должна быть равна суммѣ ренты на второй ступени. Но *капиталъ*, на который начисляется рента на второй ступени, неизбѣжно долженъ быть больше, чѣмъ на первой ступени, такъ какъ на первой ступени *въ расходы производства не входитъ сырье, а на второй ступени сырье есть необходимая составная часть этихъ расходовъ*.

Отсюда слѣдуетъ, что *процентъ прибыли въ производствѣ сырья долженъ бы быть выше (ибо капиталъ, на который начисляется процентъ, меньше), чѣмъ въ производствѣ фабрикатовъ*.

Совмѣстимо ли, однако, съ законами капиталистической конкуренціи существованіе въ двухъ основныхъ отдѣлахъ національнаго производства, двухъ различныхъ процентовъ прибыли? Конечно, нѣтъ.

Избыточная прибыль, извлекаемая изъ производства сырья и въ частности изъ сельскаго хозяйства, не можетъ достаться капиталисту. Согласно закону равенства прибыли, на сельскохозяйственный капиталъ долженъ начисляться лишь такой же процентъ прибыли, какъ и на промышленный капиталъ. Кому же достанется избыточная прибыль въ земледѣльческомъ производствѣ? Очевидно, *землевладѣльцу*, собственнику естественныхъ силъ, безъ помощи которыхъ невозможно производство сырья. Эта избыточная прибыль и образуетъ земельную ренту, доходъ землевладѣльца. И земельная рента, и прибыль суть составная доли ренты вообще присвоенной собственниками части трудового продукта, которая въ предшествовавшія историческія эпохи поступала собственнику въ нераздѣленномъ видѣ, а затѣмъ, вслѣдствіе дифференціаціи земельной и капитальной собственности, стала распредѣляться, согласно закону трудовой стоимости, между землевладѣльцами и капиталистами и получила названіе земельной ренты и прибыли на капиталъ.

Легко понять различіе этой теоріи земельной ренты отъ теоріи Рикардо. По Рикардо рента зависитъ лишь отъ различія естественнаго плодородія земельныхъ участковъ или отъ различія производительности послѣдовательныхъ затратъ земледѣльческаго капитала. Родбертусъ нисколько не отрицаетъ очевиднаго факта, что земельная рента должна быть тѣмъ выше, чѣмъ участокъ плодороднѣе, точно также какъ и того, что рента повышается при большей интенсивности сельскаго хозяйства. Такую земельную ренту, возникающую благодаря *различію* условій земледѣльческаго производства на разныхъ пунктахъ, Родбертусъ называетъ *дифференціальной* рентой. Законы дифференціальной ренты выяснены Рикардо. Но, въ противность послѣднему, Родбертусъ утверждаетъ, что, кромѣ дифференціальной ренты, существуетъ и абсолютная земельная рента, совершенно не зависящая отъ указанныхъ различій и неизбѣжно возникающая въ сельскомъ хозяйствѣ непосредственно въ силу того, что сельское хозяйство, производя сырье, требуетъ меньшей затраты капитала, чѣмъ обрабатывающая промышленность, въ составъ капитала которой входитъ это самое сырье. Поэтому, не только болѣе плодородные участки земли даютъ ренту, но и наименѣе плодородная земля, если только она обрабатывается, не можетъ не приносить ренты.

Кто же изъ двоихъ правъ—Рикардо или Родбертусъ? Замѣтимъ прежде всего, что если бы даже теорія Рикардо была недостаточна для объясненія явленія земельной ренты во всемъ его объемѣ, отсюда еще не слѣдовала бы справедливость теоріи Родбертуса. Теорія Рикардо, дѣйствительно, недостаточна. Такъ, Рикардо вскользь упоминаетъ, что земельная рента зависитъ также и отъ удаленности земельныхъ участковъ отъ мѣста сбыта: чѣмъ ближе участокъ къ мѣсту сбыта, тѣмъ ниже расходы перевозки земледѣльческихъ продук-

товъ и, слѣдовательно, тѣмъ выше доходность участка, а слѣдовательно и его рента. Но мѣстоположеніе участка играетъ, на самомъ дѣлѣ, несравненно болѣе важную роль, чѣмъ различіе естественнаго плодородія земли. Огромныя различія въ высотѣ земельной ренты, которыя наблюдаются въ разныхъ странахъ, почти всецѣло опредѣляются этимъ моментомъ. Въ приамурскомъ краѣ земля, быть можетъ, не менѣе плодородна, чѣмъ въ Англіи или Бельгіи. Тѣмъ не менѣе, приамурскій край почти не знаетъ капиталистическаго землевладѣнія— земля нерѣдко не даетъ въ томъ краѣ никакой ренты, благодаря огромнымъ расходамъ доставки хлѣба на рынки сбыта. Колоссальная рента и огромная цѣна земли въ густонаселенныхъ странахъ Западной Европы всецѣло зависитъ отъ непосредственной близости въ этихъ странахъ земледѣльческаго производителя къ потребительнымъ центрамъ. Все это теорія Рикардо оставляетъ совершенно въ тѣни.

Далѣе, трудно допустить, вопреки мнѣнію Рикардо, чтобы на земельную ренту не вліялъ и самый фактъ земельной собственности. Кромѣ дифференціальной ренты (пользуясь удачнымъ терминомъ Родбертуса), должна существовать и абсолютная рента, какъ слѣдствіе земельной монополіи. Собственникъ земли имѣетъ возможность не допустить никакое постороннее лицо до пользованія его земельнымъ участкомъ; это монопольное право, само по себѣ, можетъ служить для него средствомъ извлеченія дохода. Такъ, напр., въ Соединенныхъ Штатахъ еще не такъ давно имѣлась огромная площадь вполнѣ плодородной и пригодной для обработки свободной государственной земли; эта государственная земля отдавалась желающимъ не даромъ, но за извѣстную небольшую плату. Земельная рента вытекала въ этомъ случаѣ всецѣло изъ самаго факта земельной собственности, а отнюдь не изъ недостатка хорошей земли, такъ какъ свободная хорошая земля имѣлась въ изобиліи.

Всѣ эти дополненія и ограниченія теоріи Рикардо отнюдь не уничтожаютъ ея научнаго значенія. Законы дифференціальной ренты поняты Рикардо вполнѣ правильно и должны быть положены въ основу всякой научной теоріи земельной ренты.

Совсѣмъ иное слѣдуетъ сказать о теоріи Родбертуса. Несмотря на многія вѣрныя частности и замѣчательно глубокое соціологическое освѣщеніе вопроса о происхожденіи землевладѣльческаго дохода, вся теорія въ цѣломъ, безусловно, несостоятельна. Ея основная посылка ложна и опровергнута самимъ Родбертусомъ. Теорія построена на предположеніи, что цѣна продукта зависитъ *не отъ издержекъ производства*, а отъ трудовой стоимости. Но самъ Родбертусъ призналъ въ четвертомъ «Соціальномъ письмѣ» ошибочность этой точки зрѣнія. Центромъ тяготѣнія среднихъ цѣнъ является въ современномъ хозяйствѣ не трудовая стоимость, а издержки производства.

Если же такъ, то все ученіе о земельной рентѣ Родбертуса падаетъ въ прахъ. Можно согласиться, что въ земледѣльческомъ производствѣ отсутствуютъ затраты на сырье, между тѣмъ какъ эти затраты входятъ въ составъ издержекъ производства въ обрабатывающей промышленности. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Большая прибыльность земледѣльческаго производства, какъ думаетъ Родбертусъ? Отнюдь нѣтъ. Большая прибыльность получилась бы въ томъ случаѣ, если бы цѣны сырья и фабриката устанавливались на основѣ трудовыхъ затратъ. А такъ какъ этого нѣтъ и быть не можетъ, такъ какъ цѣны въ капиталистическомъ хозяйствѣ управляются не затратами труда, а затратами капитала, издержками производства, то сравнительно болѣе высокія затраты капитала на производство фабрикатовъ приведутъ лишь къ болѣе высокимъ цѣнамъ послѣднихъ. Если фабрикатъ имѣетъ вдвое высшую трудовую стоимость, чѣмъ сырье, то цѣна его будетъ болѣе чѣмъ вдвое превышать цѣну сырья, благодаря тому, что издержки производства фабриката, какъ показалъ Родбертусъ, должны въ этомъ случаѣ болѣе чѣмъ вдвое превышать издержки производства сырья. Указанное Родбертусомъ обстоятельство (относительно меньшей затраты капитала въ производствѣ сырья сравнительно съ производствомъ фабрикатовъ) ведетъ не къ образованію земельной ренты, а къ отклоненію среднихъ товарныхъ цѣнъ отъ трудовыхъ стоимостей.

Такимъ образомъ, желая опровергнуть теорію ренты Рикардо, Родбертусъ опровергъ трудовую теорію цѣнности въ ея абсолютной формѣ. Нашъ остроумный авторъ совершенно правъ, утверждая, что его теорія земельной ренты есть безусловно необходимый логическій выводъ изъ признанія труда единственнымъ факторомъ цѣнности. «Слѣдовательно, моя теорія ренты вѣрна», сказалъ бы Родбертусъ; слѣдовательно, абсолютная трудовая теорія цѣнности невѣрна—скажемъ мы, ибо легко показать, что теорія земельной ренты Родбертуса есть экономическая нелѣпость. Въ самомъ дѣлѣ, согласно этой теоріи, первыя ступени производства должны давать большій процентъ прибыли сравнительно съ послѣдующими. Родбертусъ дѣлитъ въ данномъ случаѣ, весь процессъ производства продукта на двѣ ступени—производство сырья и производство фабриката. Но, конечно (какъ указываетъ въ другомъ мѣстѣ и самъ авторъ), ступеней производства въ дѣйствительности гораздо больше. Такъ, хлопокъ, раньше чѣмъ превратиться въ предметъ одежды, долженъ подвергнуться цѣлому ряду промежуточныхъ производствъ, каждое изъ которыхъ можетъ быть предметомъ независимаго промышленнаго предпріятія (производство хлопка, прядевье, ткачество, окраска и набивка, фабрикація предметовъ одежды). Изъ теоріи Родбертуса вытекаетъ, что каждая предшествующая ступень производства должна давать избыточную прибыль сравнительно съ послѣдующей, ибо по мѣрѣ того, какъ продуктъ поднимается по ступенямъ производства

цѣнность его растетъ, а слѣдовательно, и растутъ затраты капитала на пріобрѣтеніе матеріала для обработки. Если бы разсматриваемая теорія была справедлива, то красильщикъ получалъ бы избыточный доходъ сравнительно съ портнымъ, ткачъ сравнительно съ красильщикомъ, прядильщикъ сравнительно съ ткачемъ и т. д. На каждой ступени производства процентъ прибыли былъ бы различенъ, и чѣмъ выше, чѣмъ ближе эта ступень къ началу производства—изготовленію сырья. Нечего и говорить, что ничего этого не бываетъ въ дѣйствительности и быть не можетъ, ибо признаваемый Родбертусомъ законъ равенства прибылей приводитъ цѣны продукта на всѣхъ ступеняхъ производства къ соотвѣтствію съ издержками производства.

Поэтому, теорія земельной ренты Родбертуса безусловно и безъ всякихъ ограниченій невѣрна. Что касается до его общаго ученія о рентѣ, какъ о нетрудовомъ доходѣ, то критическую оцѣнку этого ученія мы отлагаемъ до слѣдующаго «очерка», посвященнаго Марксу, ибо по данному пункту взгляды обоихъ великихъ экономистовъ вполнѣ совпадаютъ. Замѣтимъ только, что теорія ренты Родбертуса возникла, повидимому, подъ непосредственнымъ вліяніемъ сенъ-симонистовъ и Прудона. Самый терминъ «рента», для общаго обозначенія всякаго нетрудового дохода, заимствованъ Родбертусомъ, какъ убѣдительно доказываетъ Антонъ Менгеръ, авторъ превосходной книги «Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag», у сенъ-симонистовъ.

Весьма своеобразную позицію занимаетъ Родбертусъ по отношенію къ центральному вопросу въ соціально-политическомъ отношеніи правомѣрности дохода, вытекающаго изъ права собственности. Мы видѣли, что авторъ «соціальныхъ писемъ» отнюдь не склоненъ прикрывать вуалью разнаго рода грустныя или позорныя для современной цивилизаціи истины, отъ которыхъ стыдливо отворачиваются буржуазные писатели. Его критическій ножъ рѣжетъ смѣло и глубоко, вскрывая самыя основы современнаго соціальнаго строя. Родбертусъ менѣе всего склоненъ замалчивать или отрицать, что доходъ, вытекающій изъ права собственности на средства производства, покоится всецѣло на правѣ силы, и что всѣ попытки подыскать для этого дохода какое-нибудь иное основаніе, болѣе согласное съ этическими возрѣніями нашего времени, должны остаться по необходимости безуспѣшны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Родбертусъ отнюдь не считаетъ права собственности на землю и капиталъ неустранимымъ условіемъ великой хозяйственной дѣятельности. Даже больше—нашъ авторъ выработалъ чрезвычайно интересный планъ организаціи общественнаго хозяйства при отсутствіи частной собственности на средства производства. И въ то же время, Родбертусъ, какъ мы видѣли выше, выступалъ убѣжденнымъ защитникомъ классовыхъ интересовъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Какимъ образомъ согласовать это кажущееся противорѣчіе?

Для Родбертуса тутъ никакого противорѣчія нѣтъ. Капиталистиче-

скій хозяйственный строй, въ глазахъ Родбертуса, есть историческая форма хозяйства, подлежащая дальнѣйшему развитію, долженствующему привести къ замѣнѣ существующей стихійной свободы частнохозяйственнаго предпринимательства планомѣрной организаціей всего національнаго производства подъ руководствомъ общественной власти; но для даннаго историческаго момента частнохозяйственное предпринимательство необходимо. «Хотя я думаю—писалъ Родбертусъ въ «Капиталѣ»,—что современное общество уже цѣликомъ попало въ коллективистическій потокъ, все же я отнюдь не разсчитываю на уничтоженіе земельной и капитальной собственности въ ближайшемъ будущемъ. Противоположныя экономическія и правовыя убѣжденія, могущество интересовъ, связанныхъ съ земельной и капитальной собственностью, интеллектуальное и моральное состояніе какъ господствующихъ классовъ собственниковъ, такъ и подчиненныхъ рабочихъ классовъ, дѣлаетъ невозможнымъ еще на много десятковъ лѣтъ крушенія столь глубоко коренящихся соціальныхъ институтовъ. Я не думаю также, чтобы «свободный трудъ» достаточно обезпечивалъ сохраненіе науки и искусства, и большинства другихъ высшихъ благъ цивилизаціи. Ибо, чтобы ни утверждали индивидуалисты, теперь и на все время, пока будетъ существовать наличная собственность на средства производства, трудъ не можетъ быть названъ свободнымъ. Общество *принуждается* въ настоящее время къ тому, чтобы исполнять прибавочную работу, благодаря которой процвѣтаютъ искусства и науки. Оно принуждается къ этому, благодаря тому, что матеріальныя средства для удовлетворенія высшихъ потребностей отвлекаются, путемъ ренты, отъ содержанія рабочихъ, принужденныхъ въ силу этого работать избыточное время. Общество принуждается къ тому, какъ и всегда принуждалось, и частная собственность на землю и капиталы есть только послѣдняя историческая форма этого принужденія. Прекрасно было бы, если бы общество уже перерасло это принужденіе! Прекрасно было бы, если бы воспитаніе человѣческаго рода... уже закончилось, такъ что индивидъ могъ бы добровольно и по собственной иниціативѣ исполнять прибавочную работу... Но съ того времени, какъ лучшіе умы признали неправомѣрность рабства, потребовалось тысячелѣтіе, чтобы даже въ цивилизованныхъ странахъ Европы изгладились послѣдніе слѣды рабства. И хотя теперь исторія движется быстрѣе, за то и собственность на землю и капиталъ гораздо прочнѣе срослась съ обществомъ».

Современный хозяйственный строй можетъ поэтому, по мнѣнію Родбертуса, съ увѣренностью разсчитывать на нѣсколько столѣтій существованія. Собственность *пока* необходима въ высшихъ интересахъ человѣчества. Собственники земли и капитала, въ качествѣ руководителей національнаго производства, исполняютъ, въ глазахъ автора «соціальныхъ писемъ», чрезвычайно важную хозяйственную функцію. Безъ

упорной работы ума частнаго предпринимателя не могъ бы функціонировать хозяйственный механизмъ нашего времени.

«Для того, чтобы съ успѣхомъ руководить производствомъ при господствѣ раздѣленія труда, требуются не только познанія, но и моральная сила и энергія. Тѣ же свойства необходимы и для того, чтобы слѣдить за потребностями рынка, соотвѣтственно направлять производство и быстро удовлетворять общественную потребность. Рѣдко бываетъ, чтобы капиталистъ или землевладѣлецъ, такъ или иначе, не дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ. Дѣятельности этого рода рабочій не исполняетъ и не можетъ исполнять по самому характеру своего занятія. Однако, она абсолютно необходима въ національномъ производствѣ. Поэтому, поскольку всякая общеполезная дѣятельность въ правѣ ожидать оплаты, нельзя сомнѣваться, что капиталисты и землевладѣльцы, предприниматели и руководители предпріятій, имѣютъ полное право требовать отъ общества оплаты своей вышеуказанной дѣятельности. Они имѣютъ на это такое же право, какъ и министръ торговли и путей сообщенія, если только онъ исполняетъ свои обязанности хорошо. Вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, что указанная дѣятельность, какъ и дѣятельность судьи, школьнаго учителя, врача и т. д., можетъ быть оплачена только путемъ вычета изъ трудового продукта рабочихъ—ибо нѣтъ другого источника матеріальнаго богатства» (Третье «соціальное письми»).

Принадлежащее Родбертусу сравненіе собственниковъ съ наслѣдственными должностными лицами общество еще ярче поясняетъ его мысль. Капиталисты и землевладѣльцы, въ совокупности, какъ классъ (но отнюдь не всѣ отдѣльные члены этого класса), исполняютъ весьма важныя общественныя и хозяйственныя функціи. Не нужно только забывать, что вознагражденіе, получаемое собственниками средствъ производства, совершенно не зависятъ отъ полезности этихъ функцій, а всецѣло вытекаютъ изъ самаго факта собственности. «Землевладѣльцы и капиталисты непосредственно владѣютъ рабочимъ продуктомъ и лишаютъ части его рабочихъ въ силу права собственности на землю и капиталъ—благодаря экономическимъ законамъ, дѣйствующимъ въ полномъ противорѣчіи съ принципами справедливаго распредѣленія».

Такова картина существующаго экономическаго строя, съ чрезвычайнымъ логическимъ изяществомъ обрисовываемая Родбертусомъ. Но для полноты ея не хватаетъ нѣкоторыхъ чертъ, весьма характерныхъ для общей соціальной концепціи великаго мыслителя.

Вмѣстѣ со всѣми экономистами, соціальное міровоззрѣніе которыхъ сложилось во вторую четверть закончившагося вѣка—въ періодъ паденія заработной платы и повсемѣстнаго роста пауперизма—Родбертусъ раздѣляетъ пессимистическое ученіе о тяготѣніи заработной платы къ минимуму средствъ существованія.

«Распредѣленіе національнаго продукта,—говоритъ онъ,—подчиняю-

щееся «естественнымъ» законамъ обращенія, приводитъ къ тому, что при растущей производительности труда заработная плата составляетъ все меньшую долю продукта; ибо сколько бы ни произвелъ рабочій, жестокіе законы обмѣна принуждаютъ его довольствоваться одной и той же скромной суммой средствъ существованія, безусловно необходимыхъ для жизни. А такъ какъ при большей производительности труда то же абсолютное количество продуктовъ должно имѣть меньшую трудовую стоимость, то слѣдовательно рабочій, получая, несмотря на всѣ успѣхи промышленности, одно и то же количество предметовъ истребленія, отдаетъ въ пользу владѣющихъ классовъ все большую долю своего трудового продукта»... «Чѣмъ населеннѣе страна, чѣмъ производительнѣе, поэтому, трудъ, чѣмъ больше личная свобода, тѣмъ болѣе принуждены рабочіе, при господствѣ законовъ обращенія, предоставленнаго самому себѣ, работать за минимальную плату, ибо трудъ тѣмъ ближе приравнивается къ товару, подчиненному законамъ конкуренціи, и притомъ конкуренціи, убыточной для продавца, тѣмъ большую возможность получаютъ предприниматели давать работу лишь наименѣе требовательнымъ рабочимъ». Въ этомъ тяготѣніи заработной платы къ минимуму средствъ существованія Родбертусъ находитъ объясненіе роста пауперизма, замѣчаемому именно въ наиболѣе прогрессирующихъ странахъ.

Но этотъ же законъ объясняетъ, по мнѣнію нашего автора, и другую, не менѣе характерную черту господствующаго хозяйственнаго строя—постоянное возвращеніе промышленныхъ кризисовъ, отъ которыхъ такъ жестоко страдаютъ передовыя страны. «Пауперизмъ и промышленные кризисы,—читаемъ во второмъ «соціальномъ» письмѣ,—вызываются одной и той же причиной; одно и то же свойство современнаго товарнаго обращенія создаетъ оба эти величайшія препятствія равномѣрному и непрерывному общественному прогрессу».

Представимъ себѣ, что производительвость труда возрасла. Это значитъ, что одинаковое количество труда создаетъ теперь бо́льшее количество товаровъ, поступающихъ на рынокъ. Если бы рабочіе классы имѣли возможность закупить это возросшее количество товаровъ, то, очевидно, спросъ на товары соотвѣтствовалъ бы предложенію. Но, согласно ученію, принимаемому Родбетурсомъ, *реальная* заработная плата остается неизмѣнной. Если количество производимыхъ рабочими продуктовъ возрастаетъ и цѣна продуктовъ соотвѣтственно падаетъ, то законы обращенія приводятъ къ соотвѣтствующему пониженію *денежной* заработной платы. При этомъ условіи очевидно, что при каждомъ успѣхѣ промышленной техники рабочіе классы должны представлять спросъ все на меньшую *долю* національнаго продукта. Слѣдствіемъ этого должна явиться невозможность сбыть рабочимъ возросшее количество товаровъ—иначе говоря: должно получиться перепроизводство всѣхъ товаровъ, предназначенныхъ для потребленія низшихъ классовъ

населенія; а такъ какъ главная масса товаровъ, обращающихся на рынокъ, относится именно къ этой категоріи, то переполненіе рынка товарами приметъ форму общаго промышленнаго кризиса. «Покупательная сила большей части общества уменьшается по мѣрѣ возрастанія производительности труда, и слѣдствіемъ этого является производство потребительныхъ цѣнностей, не имѣющихъ рыночной цѣны и покупательной силы, несмотря на то, что потребности въ нихъ большинства населенія не удовлетворены.

Такимъ образомъ, кризисы вызываются, по мнѣнію Родбертуса, сокращеніемъ, по мѣрѣ возрастанія производительности труда, доли рабочихъ въ національномъ продуктѣ. При этомъ важно имѣть въ виду, что Родбертусъ рѣшительно отрицаетъ, чтобы, кризисы были въ какой бы то ни было связи съ абсолютнымъ размѣромъ заработной платы. «Я утверждаю,—говоритъ онъ,—что причина промышленныхъ кризисовъ заключается не въ недостаточности доли рабочихъ въ общемъ продуктѣ, но въ паденіи этой доли по мѣрѣ успѣховъ техники, и также утверждаю, что кризисы не могли бы наступить, если бы эта доля была столь же мала, какъ и нынѣ, но не измѣнялась бы при повышеніи производительности труда, и далѣе, что кризисы будутъ происходить, какъ бы ни была велика эта доля, если только она будетъ падать при ростѣ производительности труда».

Мы уже говорили выше (въ «очеркѣ», посвященномъ Сисмонди), что теорія кризисовъ Родбертуса есть лишь одинъ изъ варіантовъ теоріи Сисмонди. Различіе этихъ теорій въ томъ, что для Сисмонди причина кризисовъ заключается въ абсолютно-низкомъ уровнѣ заработной платы, въ *недостаточности* покупательной силы у массы населенія для пріобрѣтенія товаровъ, имѣющихся на рынкѣ, а для Родбертуса причина кризиса лежитъ въ относительномъ *паденіи* этой покупательной силы по мѣрѣ успѣховъ промышленности (впрочемъ, и это послѣднее объясненіе кризисовъ имѣется въ неразвитомъ видѣ, у Сисмонди). Мы указали, что теорія Сисмонди покоится на неправильномъ пониманіи законовъ реализаціи продукта въ капиталистическомъ хозяйствѣ. Эти выраженія непримѣнимы къ теоріи Родбертуса. Нашъ авторъ прекрасно понимаетъ, что товары обмѣниваются на товары и что при пропорціональномъ распредѣленіи производства предложеніе товаровъ не можетъ превзойти спроса. Промышленный кризисъ возникаетъ, по мнѣнію нашего автора, не вслѣдствіе абсолютнаго превышенія національнаго спроса національнымъ предложеніемъ товаровъ (какъ ошибочно утверждалъ Сисмонди), а вслѣдствіе непропорціональнаго распредѣленія національнаго производства, благодаря тому, что національное производство не успѣваетъ приспособляться къ автоматически слѣдующему за успѣхами производительности труда паденію спроса со стороны рабочихъ классовъ.

Теорія Родбертуса была бы правильна, если бы его большая по-

сылка соотвѣтствовала дѣйствительно. Если бы доля рабочихъ классовъ въ національномъ продуктѣ падала при каждомъ успѣхѣ промышленности, то перепроизводство предметовъ потребленія рабочихъ массъ, а, слѣдовательно, и общій промышленный кризисъ были бы неизбѣжны. Но въ томъ-то и дѣло, что эта посылка совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Можно признавать или отрицать фактъ повышенія реальной заработной платы за продолжительные историческіе періоды, но одно несомнѣнно: для небольшихъ періодовъ времени денежная заработная плата гораздо устойчивѣе реальной. Вся теорія кризисовъ Родбертуса построена на предположеніи, что сокращеніе доли рабочихъ въ національномъ продуктѣ происходитъ настолько быстро и внезапно, что національное производство не успѣваетъ приспособиться къ измѣнившемуся спросу и капиталы, не успѣваютъ перейти отъ производства предметовъ потребленія рабочихъ къ производству предметовъ потребленія господствующихъ общественныхъ классовъ (доля которыхъ въ національномъ продуктѣ возросла). Всего этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ: прогрессъ техники идетъ не скачками, одновременно во многихъ отрасляхъ производства, а постепенно и понемногу, и въ разное время въ различныхъ отрасляхъ труда. Промышленные кризисы, отнюдь не вызываются промышленными изобрѣтеніями; наоборотъ, крупные изобрѣтенія дѣлаются и входятъ въ общее употребленіе обыкновенно *послѣ* промышленныхъ кризисовъ, въ періоды застоя, когда низкая прибыль побуждаетъ фабрикантовъ принимать мѣры для пониженія издержекъ производства. Періоды торговаго и промышленнаго оживленія, предшествующіе кризисамъ и непосредственно вызывающіе ихъ, характеризуются не ускореніемъ техническаго прогресса и удешевленіемъ фабрикатовъ, а, наоборотъ, *замедленіемъ техническаго прогресса и повышеніемъ цѣнъ фабрикатовъ*. Денежная заработная плата *не понижается въ періоды, предшествующіе кризисамъ, а, наоборотъ, повышается.*

Такимъ образомъ, вся теорія кризисовъ великаго экономиста, при своей логической стройности построена въ полномъ противорѣчіи съ дѣйствительными фактами. Любопытно, что самъ Родбертусъ при описаніи въ первомъ «соціальномъ письмѣ» исторіи англійскихъ кризисовъ какъ бы совершенно забываетъ свою теорію и даже не пытается доказать, что въ періоды промышленнаго оживленія, предшествующіе кризисамъ, доля рабочихъ классовъ въ общемъ національномъ продуктѣ уменьшается вслѣдствіе повышенія производительности труда. Онъ указываетъ на то, что расширеніе производства и оживленіе торговли неизмѣнно предшествуютъ каждому кризису; этого никто, разумѣется, не думаетъ отрицать, но расширеніе производства еще не значитъ повышеніе производительности труда; а по теоріи Ротбертуса кризисы вызываются не только этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, но и сопровождающимъ его паденіемъ доли рабочихъ въ

національномъ продуктѣ. Ничего этого Родбертусъ въ своей исторіи англійскихъ кризисовъ не показалъ, да и не могъ показать, ибо его теорія, какъ сказано, не находитъ себѣ ни малѣйшей опоры въ дѣйствительности.

Несмотря на это, самъ авторъ придавалъ ей такое значеніе, что положилъ ее въ основаніе своихъ практическихъ, соціально-политическихъ предложеній. Исходя изъ мысли, что главное зло существующаго хозяйственнаго строя заключается не столько въ недостаточности доли рабочихъ въ національномъ продуктѣ, сколько въ ея непрерывномъ паденіи по мѣрѣ прогресса техники, Родбертусъ предлагаетъ рядъ мѣръ, долженствующихъ предотвратить это зло. Въ «Письмѣ къ конгрессу рабочихъ при всемірной выставкѣ въ Лондонѣ (1862)» Родбертусъ совѣтуетъ рабочимъ выработать нормальный рабочій день, долженствующій выражать нормальное и среднее количество рабочихъ часовъ въ сутки, соотвѣтствующее силамъ рабочаго и его интересамъ, какъ человѣка и члена общества. Когда этотъ нормальный рабочій день будетъ установленъ, слѣдуетъ опредѣлить, смотря по тягостности и утомительности труда въ разныхъ занятіяхъ, сколько часовъ труда въ каждомъ изъ этихъ занятій соотвѣтствуетъ нормальному рабочему дню; это дастъ норму для рабочаго дня въ различныхъ родахъ труда. Затѣмъ, нужно выяснить средній трудовой продуктъ нормальнаго рабочаго дня для каждаго производства въ отдѣльности. Такимъ образомъ опредѣлится нормальная производительность труда. Исходя изъ этихъ данныхъ, можно выработать, примѣнительно къ господствующимъ условіямъ жизни рабочихъ въ разныхъ странахъ, нормальную заработную плату (т.-е. плату, пропорціональную производительности труда, но отнюдь не равняющуюся всему трудовому продукту). Дѣло рабочихъ настоять на принятіи предпринимателями этихъ нормальныхъ расцѣнокъ труда, которыя должны каждыя десять лѣтъ пересматриваться и измѣняться соотвѣтственно происшедшимъ перемѣнамъ производительности труда. Такимъ образомъ удастся достигнуть устойчивости доли рабочихъ классовъ въ національномъ продуктѣ и предотвратить пониженіе этой доли.

Въ этомъ направленіи, по мнѣнію Родбертуса, должно работать наше время, чтобы путемъ компромисса уменьшить бѣдствія, создаваемыя свободой товарнаго хозяйства, превращающей самого человѣка въ такой же товаръ, какъ и предметы человѣческаго потребленія.

Родбертусъ рѣшительно отрицалъ, чтобы выдвинутыя Лассалемъ, въ пылу агитаціи, производительныя ассоціаціи рабочихъ съ государственною помощью были пригоднымъ средствомъ для улучшенія положенія рабочихъ. Но его собственный проектъ соціальной реформы—установленіе нормальной заработной платы—былъ еще ниже лассалевскаго плана, который, по крайней мѣрѣ, обѣщалъ нѣчто реальное, между тѣмъ какъ проектъ Родбертуса оставляетъ невыясненнымъ самое

главное, какимъ образомъ рабочіе могутъ принудить предпринимателей улучшить условія рабочаго договора. Сверхъ того, непонятно, изъ какихъ основаній слѣдуетъ исходить при установленіи «нормальной» заработной платы, какую долю трудового продукта сдѣдуетъ считать «нормальной» долей рабочаго класса, а въ высотѣ этой доли и заключается, вопреки мнѣнію Родбертуса, самое важное.

Большею выработанностью отличается другой планъ соціальной реформы, изложенный Родбертусомъ въ 1871 г. въ статьѣ «Ueber den Normalarbeitstag» Какъ выше указано, Родбертусъ признавалъ неизбѣжнымъ и желательнымъ еще въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій сохраненіе частной собственности на землю и капиталъ. Реформа-компромиссъ, которую онъ предлагалъ, имѣла своею цѣлью улучшить положеніе рабочихъ классовъ въ ближайшемъ будущемъ безъ всякаго ущерба для капиталистовъ и землевладѣльцевъ. Чтобы достигнуть этого, достаточно, путемъ соотвѣтствующихъ мѣропріятій, побѣдить роковую тенденцію современнаго хозяйственнаго развитія—низводить заработную плату все къ меньшей и меньшей долѣ національнаго продукта. Если рабочимъ классамъ будетъ прочно обезпечена хотя бы получаемая ими въ настоящее время доля общественнаго дохода, то, благодаря непрерывно совершающимся успѣхамъ промышленной техники, доля эта будетъ гарантировать рабочему все возрастающее благосостояніе.

Мѣропріятія, намѣчаемыя Ротбертусомъ, заключаются въ слѣдующемъ. Государство должно взять въ свои руки установленіе цѣнъ товаровъ и заработной платы. Цѣны эти должны быть обозначаемы не въ металлическихъ деньгахъ, какъ наши, а въ рабочихъ деньгахъ, выражающихъ среднее количество общественнаго труда, заключеннаго въ данномъ продуктѣ. Такъ какъ Родбертусъ отнюдь не имѣетъ въ виду упраздненіе не трудового дохода, ренты, то рабочіе, очевидно, не могутъ получать всей создаваемой ими трудовой цѣнности. Чтобы не обидѣть капиталистовъ и землевладѣльцевъ, нашъ мыслитель предлагаетъ слѣдующимъ образомъ дѣлить трудовой продуктъ: государству рабочій долженъ удѣлять $^1/_{10}$ своего продукта, землевладѣльцамъ и капиталистамъ $^6/_{10}$, а самому удовольствоваться скромной долей въ $^3/_{10}$. Эти $^3/_{10}$ трудовой цѣнности рабочій долженъ получать рабочими деньгами, какъ свою заработную плату.

Государство должно сохранять за собой монополію выпуска рабочихъ денегъ, открывать предпринимателямъ кредитъ этими рабочими деньгами, содержать государственные магазины, въ которыхъ должны продаваться товары, поступающіе отъ предпринимателей въ уплату ихъ долговъ государству и вообще регулировать хозяйственный процессъ.

Преимущества такой хозяйственной организаціи, сравнительно съ существующей теперь, заключались бы, по мнѣнію Родбертуса, въ томъ, что она прекратила бы тенденцію къ паденію заработной платы, какъ доли общественнаго продукта. Естественные жестокіе законы свобод-

наго обращенія были бы побѣждены разумомъ человѣка въ интересахъ рабочаго класса и всего общества, такъ какъ новая организація народнаго хозяйства прекратила бы не только пауперизма, но и промышленные кризисы.

Таковъ планъ соціальной реформы, рекомендуемый Родбертусомъ для ближайшаго будущаго. Но нечего и говорить, что эта реформа всего менѣе можетъ считаться реформой-компромиссомъ, переходной мѣрой къ осуществленію новаго общественнаго строя. Она требуетъ такихъ глубокихъ перемѣнъ существующаго, что равносильна совершенному упраздненію капиталистической организаціи хозяйства. Непонятно, что будутъ дѣлать частные предприниматели, когда всѣ цѣны будутъ установляемы государствомъ. Съ другой стороны, Родбертусъ обнаруживаетъ большую наивность, разсчитывая, что рабочіе удовлетворятся скромной долей трудового продукта, которую онъ имъ великодушно предоставляетъ. Въ итогѣ, планъ Родбертуса не удовлетворяетъ какъ требованіямъ практичности ясной осуществимости—для этого реформа слишкомъ глубока—такъ и требованіямъ, предъявляемымъ къ соціальной утопіи—для послѣдняго реформа слишкомъ близка, по отношенію къ условіямъ распредѣленія народнаго дохода, къ существующему порядку вещей.

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ сочиненій Родбертуса, изданномъ послѣ его смерти, во второй части «Zur Beleuchtung der sozialen Frage», содержится интересная попытка статистическаго освѣщенія законовъ распредѣленія народнаго дохода въ капиталистическомъ обществѣ по даннымъ англійской статистики подоходнаго налога. Родбертусъ пользуется работой англійскаго статистика Бакстера, графически изобразившаго соціальное сложеніе англійскаго общества въ началѣ 60 хъ годовъ. Пьедесталъ «общественной пирамиды» образуетъ многочисленный классъ рабочихъ, охватывающій около 77% населенія, но владѣющій только 40% національнаго дохода; на этомъ пьедесталѣ возвышается пирамида достаточныхъ классовъ, вершину которой образуетъ небольшая кучка очень богатыхъ лицъ, не достигающая и $^1/_{1000}$ части населенія, но сосредоточивающая въ своихъ рукахъ около 14% національнаго дохода; средній ежегодный доходъ лицъ этого класса достигаетъ 15.000 ф. с. (около 150.000 р.). Средніе классы общества по своей численности играютъ совершенно ничтожную роль сравнительно съ рабочими, а по общей суммѣ дохода далеко уступаютъ общественной вершинѣ—классу милліонеровъ.

Но эти данныя, достаточно ярко характеризующія распредѣленіе англійскаго національнаго дохода въ опредѣленный историческій моментъ, ничего не говорятъ о тенденціяхъ историческаго *развитія*, объ измѣненіяхъ, претерпѣваемыхъ общественной пирамидой подъ вліяніемъ роста капиталистическаго хозяйства. Для этой послѣдней цѣли необходимо сравнить распредѣленіе національнаго дохода въ одной и той же

странѣ въ различные моменты времени. Родбертусъ пользуется для сравненія данными Колькуна, относящимися къ британскому королевству въ 1812 г. Результаты сравненія данныхъ Бакстера съ данными Колькуна Родбертусъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ:

«Національный доходъ (Великобританіи и Ирландіи) возросъ съ 383 до 814 милліоновъ ф. с., т.-е., приблизительно, на 112%.

«Населеніе возросло съ 17 мил. до 30 мил., т.-е. на 86%.

«Численность рабочаго класса *возросла* съ 50% населенія до 77% населенія.

«Численность класса собственниковъ *упала* съ 40% до 20% населенія.

«Въ предѣлахъ класса собственниковъ болѣе богатыя группы, охватывавшія въ 1812 г. $^1/_{1000}$ населенія и сосредоточивавшія въ своихъ рукахъ около 10% національнаго дохода, возросли въ 1867 г. до $^1/_2$% населенія и сосредоточили въ своихъ рукахъ до 25% національнаго дохода.

«Что касается до среднихъ классовъ, то они упали отъ 25% до 10% населенія.

«Въ рукахъ этихъ классовъ сосредоточивалось во время Колькуна 60% національнаго дохода; во время Бакстера только 30% дохода.

«Реальный доходъ рабочихъ—количество хлѣба, мяса и пр. предметовъ потребленія, получаемыхъ рабочими,—не измѣнился со времени 1812 г. Слѣдовательно, доходъ рабочаго сталъ образовывать меньшую долю производимаго имъ продукта и по отношенію ко всему національному доходу у насъ.

«Очевидно,—заключаетъ Родбертусъ,—что общество все болѣе и болѣе развивается въ противоположныхъ направленіяхъ. Все возрастающая неимущая масса снизу! Все болѣе накопляющая огромныя богатства относительно сокращающаяся небольшая группа наверху! Соединяющіе эти противоположности, промежуточные, примиряющіе классы въ быстромъ паденіи и по своей численности, и по своему доходу!»

И Родбертусъ даетъ свой рисунокъ соціальнаго сложенія капиталистическаго общества. Внизу, на самыхъ низахъ, залегаетъ какъ бы придавленный тяжестью соціальнаго зданія толстый пластъ пауперовъ, нищихъ, безполезныхъ для общества и содержимыхъ на его счетъ въ состояніи крайней скудости и нужды. Затѣмъ, возвышается мощный фундаментъ, въ которомъ сосредоточена истинная сила націи—классъ рабочихъ, которыхъ Родбертусъ изображаетъ трудолюбивыми муравьями, питающими всѣ остальные классы общества и воздвигающими своимъ трудомъ національное зданіе. На рабочемъ фундаментѣ покоится узкая подставка—средніе классы общества — поддерживающая богатые классы — огромный денежный мѣшокъ, вѣнчающій всю постройку...

Рисунокъ Родбертуса очень остроуменъ и изобразителенъ. Жаль

только, что статистическія данныя, изъ которыхъ исходитъ нашъ авторъ, частью мало надежны, а частью и несомнѣнно невѣрны—какъ, напр., данныя Колькуна. Эти данныя несомнѣнно несравнимы съ данными Бакстера; изъ нихъ слѣдуетъ, напр., что національное богатство Англіи возросло за полстолѣтія только немногимъ больше населеніе, т.-е. очевидная несообразность...

Поэтому, приведенныя статистическія разсужденія Родбертуса собственно статистическаго значенія не имѣютъ; весьма возможно, что движеніе національнаго дохода въ Англіи за разсматриваемое время шло въ направленіи, указанномъ Родбертусомъ, т.-е. общество—все рѣзче раскалывалось на богатыхъ и бѣдняковъ, а средніе классы теряли почву. Но доказать этого статистическимъ путемъ Родбертусу не удалось. И потому его статистическія сопоставленія слѣдуетъ считать лишь произвольной цифровой иллюстраціей вѣроятнаго направленія общественнаго развитія.

Родбертусъ былъ нетолько экономистомъ, но и замѣчательнымъ историкомъ. Его изслѣдованія хозяйственной исторіи Рима составили эпоху въ изученіи исторіи классическаго міра. Но изслѣдованія эти важны не только для пониманія *прошлаго*; одновременно съ этимъ, они подкрѣпляютъ и глубже обосновываютъ геніальныя обобщенія Родбертуса относительно *настоящаго* и *будущаго* нашего хозяйственнаго развитія. Въ противоположность экономистамъ такъ называемой исторической школы, совершенно не сумѣвшимъ связать въ одно цѣлое экономическую *исторію* и экономическую *теорію*, воспользоваться историческими обобщеніями для установленія новыхъ теоретическихъ посылокъ, Родбертусъ даетъ грандіозную картину историческаго развитія народнаго хозяйства, которая проливаетъ новый и яркій свѣтъ на экономическую теорію вообще. Мы уже указывали на своеобразный методъ великаго экономиста — для пониманія *настоящаго* сравнивать его не только съ *прошедшимъ*, но и съ вѣроятнымъ *будущимъ*. Это и есть истинный историческій методъ, о которомъ такъ многословно и такъ безплодно разсуждали экономисты исторической школы. Одно знаніе прошлаго, безъ предвидѣнія будущаго, не можетъ дать что-либо существенно цѣнное для пониманія настоящаго; лучшимъ доказательствомъ этого является полная теоретическая безрезультатность работъ всей многочисленной, «славной» плеяды экономистовъ - историковъ, признающихъ своимъ духовнымъ отцомъ Вильгельма Рошера. Оцѣнивая теоретическіе плоды многолѣтнихъ усилій этой сѣрой толпы научныхъ труженниковъ, лишенныхъ творческой фантазіи и потому рабски прикованныхъ къ землѣ, невольно вспоминаешь арабскую пословицу: «Сто зайцевъ не составятъ одного льва!» Историкъ легко подпадалъ искушенію искать въ настоящемъ прошедшее; поэтому, историческое направленіе нерѣдко соединяется съ реакціонными симпатіями, съ стремленіемъ воскресить навсегда сошедшую со сцены старину. Исто-

рическій потокъ течетъ отъ начала вѣковъ непрерывно въ безконечную даль; каждое мгновеніе единственно реальное настоящее гаснетъ, исчезаетъ и навсегда уходитъ въ прошедшее, а изъ темной пропасти несуществующаго будущаго выплываютъ новые моменты живой дѣйствительности. Кто будетъ обращать свой взоръ только на это, тотъ никогда не разгадаетъ настоящаго—таинственнаго моста, соединяющаго двѣ пропасти—прошлаго и будущаго—того, чего *уже* нѣтъ, съ тѣмъ, что *еще* не наступило. Исторія не повторяется — и потому не можетъ быть ничего ненаучнѣе грубыхъ историческихъ аналогій, къ которымъ любятъ прибѣгать посредственные историки.

Историческій методъ Родбертуса совершенно иного рода. Въ настоящемъ онъ ищетъ зачаточныхъ элементовъ будущаго; въ прошломъ онъ видитъ зародышъ, изъ котораго развилось настоящее. Но такъ какъ исторія заключается въ непрерывномъ творчествѣ новыхъ соціальныхъ формъ, то Родбертусъ чуждъ нерѣдкой ошибки историковъ—конструировать соціальныя формы одной исторической эпохи по формамъ другой. Напротивъ, великая заслуга Родбертуса въ томъ и заключается, что онъ съ чрезвычайною рѣзкостью и отчетливостью противопоставилъ другъ другу три основныхъ формы хозяйственнаго устройства—«ойкоснаго» хозяйства древности, современнаго капиталистическаго мѣнового хозяйства и коллективнаго хозяйства будущаго.

Соціальный строй древняго міра покоился на натуральномъ хозяйствѣ, картину котораго Родбертусъ возсоздаетъ съ неподражаемымъ искусствомъ. Хозяйственной единицей былъ *ойкосъ*,—античная семья, владѣвшая болѣе или менѣе обширнымъ участкомъ земли, орудіями труда и рабами, исполнявшими хозяйственныя операціи. И земледѣліе, и обработка сырья сосредоточивались въ ойкосѣ. «Благоустроенный ойкосъ самъ удовлетворялъ всѣмъ потребностямъ своей обширной домохозяйственной сферы, и потому настолько обезпечивалъ ей автократію, самообезпеченность, что владыка ойкоса, глава семьи, первоначально бывшій единственнымъ полноправнымъ гражданиномъ, могъ всецѣло и безкорыстно посвящать себя служенію государству». «Не было никакой нужды въ деньгахъ для того, чтобы подымать національный продуктъ со ступени на ступень во время процесса производства, потому что въ теченіе всего этого процесса продуктъ не мѣнялъ владѣльца. Достаточно было воли господина ойкоса, приказывавшаго своимъ рабамъ-ремесленникамъ продолжать работу надъ произведеніями рабовъ-земледѣльцевъ. Въ распредѣленіи національнаго дохода деньги принимали ничтожное участіе. Рабочаго класса не было на рынкѣ, такъ какъ въ ойкосномъ хозяйствѣ рабочій получалъ содержаніе натурой. Не имѣло мѣста и дѣленіе ренты между землевладѣльцемъ и капиталистомъ» (такъ какъ одно и то же лицо совмѣщало въ себѣ владѣніе капиталомъ и землей). Деньги существовали, но играли совершенно второстепенную роль въ хозяйствѣ ойкоса: онѣ служили лишь для обмѣна избыточныхъ

продуктовъ, остававшихся за покрытіемъ потребностей ойкоса, и обращались въ международной торговлѣ, значеніе которой также было весьма ограниченно. Рабочаго вопроса общество не знало, такъ какъ не было класса свободныхъ рабочихъ. Общество распадалось только на богатыхъ и бѣдныхъ, причемъ богатство зависѣло, главнымъ образомъ, отъ размѣра землевладѣнія. Не имѣвшій земли былъ бѣднякомъ и пролетаріемъ. Ему противостоялъ богатый землевладѣлецъ, владѣвшій множествомъ рабовъ, благодаря чему античная культура достигла высокой степени матеріальнаго совершенства. Рабы, среди которыхъ были искусно и даже художественно обученные рабочіе, создавали ту обстановку неслыханной роскоши, удовлетворявшую самому утонченному, изысканному вкусу, среди которой, напр., жилъ богатый римскій патрицій.

Ойкосъ былъ ячейкой античнаго государства. Разложеніе ойкоса повлекло за собой гибель и античнаго государства. Въ эпоху Римской имперіи разложеніе античнаго соціальнаго строя идетъ быстрыми шагами и на развалинахъ ойкоса выростаетъ новая хозяйственная организація. Рабство превращается сначала въ колонатъ—въ систему прикрѣпленія земледѣльческаго рабочаго къ землѣ—крѣпостное состояніе. Изъ колоновъ образовался мало-по-малу классъ свободныхъ крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ классъ прежнихъ собственниковъ-рабовладѣльцевъ дифференцируется и раскалывается на два класса—землевладѣльцевъ и капиталистовъ; возникаетъ классъ свободныхъ рабочихъ. Денежное хозяйство пріобрѣтаетъ все больше значенія и такимъ образомъ создаются начатки соціальнаго строя нашего времени.

Все это изложено Родбертусомъ съ удивительнымъ мастерствомъ и на основаніи самаго детальнаго изученія первоисточниковъ; его схема эволюціи античнаго хозяйства не апріорное построеніе дилетанта-историка, а строгая фактическая, документальная исторія спеціалиста. Но въ то же время—что такъ рѣдко бываетъ въ подобныхъ работахъ—она вся освѣщена и проникнута теоретическою мыслью. Въ центрѣ ея лежитъ теорія ойкоса, какъ основной ячейки античнаго соціальнаго строя. Теорія эта является въ настоящее время почти общепринятой не только среди экономистовъ, но, въ значительной мѣрѣ, и историковъ древности.

Родбертусъ принадлежитъ къ числу тѣхъ истинно великихъ мыслителей, вліяніе которыхъ на потомство гораздо сильнѣе вліянія ихъ на современниковъ. При жизни онъ стоялъ въ сторонѣ отъ широкой дороги общественной жизни. Въ политической борьбѣ онъ не могъ принимать участіе, благодаря своей противорѣчивой соціально-политической программѣ. Крупный землевладѣлецъ, защитникъ аграрныхъ интересовъ, онъ не могъ стать во главѣ рабочаго движенія; радикально-консервативная партія—радикальная въ соціальныхъ вопросахъ и консервативная въ политическихъ—образованія которой желалъ Родбертусъ,

есть несомнѣнная политическая нелѣпость. Если бы Родбертусъ былъ сколько-нибудь политикомъ, онъ быстро разочаровался бы въ своихъ соціально-политическихъ планахъ. Но въ томъ-то и дѣло, что уединенный мыслитель Ягецова былъ всего менѣе политикомъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ и глубокихъ соціальныхъ философовъ новаго времени; уже по одному тому, онъ не могъ имѣть быстраго успѣха, слабость его соціально-политической программы должна была еще болѣе препятствовать вліянію его идей на умы современниковъ.

Однимъ изъ первыхъ, оцѣнившихъ великое значеніе «соціальныхъ писемъ», былъ Фердинандъ Лассаль. Въ концѣ жизни Родбертусъ уже пользовался большимъ признаніемъ; но настоящая его извѣстность начинается лишь послѣ его смерти. Правда, и донынѣ Родбертусъ болѣе популяренъ среди представителей такъ называемой буржуазной науки, чѣмъ въ противоположномъ лагерѣ. Объясняется это не только соціально-политической программой великаго экономиста, но также и другимъ обстоятельствомъ болѣе случайнаго свойства. Дѣло въ томъ, что духовный глава современнаго соціализма, Карлъ Марксъ, удивительно сошелся въ существенныхъ частяхъ своей экономической теоріи съ Родбертусомъ. А такъ какъ Родбертусъ высказалъ соотвѣтствующіе взгляды значительно раньше Маркса — уже въ своей первой работѣ «Zur Erkenntniss unserer staatswirtschaftlichen Zustände», вышедшей въ 1842 г.,—то Родбертусъ счелъ себя въ правѣ обвинить Маркса въ плагіатѣ. Конечно, марксисты не остались въ долгу, и уже послѣ смерти обоихъ великихъ мыслителей между ихъ приверженцами загорѣлся жаркій споръ о степени оригинальности Маркса. Вѣрный другъ Маркса Энгельсъ сдѣлалъ все возможное, чтобы скомпрометировать научное значеніе Родбертуса и уронить его авторитетъ. Ядовитая, но крайне слабая и не убѣдительная критика Энгельса не могла оказать вліянія на людей съ самостоятельною мыслью; но такъ какъ таковыхъ крайне мало, а огромное большинство, чувствуя свою духовную скудость, всегда ищетъ вождя и руководителя, на котораго можно было бы опереться и затѣмъ можно было бы слѣпо идти, и такъ какъ далѣе такимъ вождемъ въ настоящее время для большинства рабочей интеллигенціи Запада является Марксъ, то не удивительно, что Энгельсъ вполнѣ достигъ въ средѣ рабочаго класса своей цѣли—умаленія Родбертуса, какъ теоретическаго мыслителя. Для правовѣрнаго марксиста нашего времени Родбертусъ не болѣе, какъ наивный буржуазный утопистъ.

Напротивъ, безпристрастный изслѣдователь не можетъ не признать безусловно справедливымъ утвержденіе Родбертуса, что онъ далъ въ 3-мъ соціальномъ письмѣ такое же объясненіе происхожденія прибавочной цѣнности капиталиста, какъ и Марксъ, «только гораздо болѣе короткое и ясное». Изъ этого, однако, еще не слѣдуетъ, что Марксъ совершилъ плагіатъ у Родбертуса. Нѣтъ основанія не довѣрять Энгельсу, категорически отрицающему возможность заимствованій Маркса у Родбертуса,

благодаря незнакомству Маркса съ работами Родбертуса. Сходство воззрѣній того и другого объясняется, повидимому, тѣмъ, что оба они строили свою теорію распредѣленія на базисѣ одной и той же трудовой теоріи цѣнности, и потому неудивительно, что оба пришли къ сходнымъ результатамъ. Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что теорія присвоенія собственникомъ трудоваго продукта нашла себѣ литературное выраженіе задолго до Родбертуса и Маркса въ работахъ англійскихъ и французскихъ соціалистовъ.

Заслуга обоихъ великихъ экономистовъ заключалась не въ построеніи новой теоріи нетрудового дохода, а лишь въ усовершенствованіи старой теоріи, которой они придали болѣе ясную и логически законченную форму. И это дѣло Родбертусъ исполнилъ не только *раньше* Маркса (что большого значенія не имѣетъ), но и *лучше* Марса (что уже очень важна). Родбертусу требуется нѣсколько страницъ для выраженія того, что Марксъ излагаетъ на десяткахъ и сотняхъ страницъ. Несмотря на свою сжатость и краткость, на свой лапидарный стиль, теорія ренты автора «соціальныхъ писемъ» глубже и богаче содержаніемъ всего того, что написалъ по тому же вопросу Марксъ. Вообще, въ области абстрактной экономической теоріи Родбертусъ оригинальнѣе и выше Маркса, далеко уступая послѣднему въ болѣе широкой сферѣ соціологическихъ обобщеній. Что касается до значенія обоихъ мыслителей, какъ политиковъ, то въ этомъ отношеніи ихъ нельзя, конечно, и сравнивать. Померанскій помѣщикъ Родбертусъ совсѣмъ не понималъ политическій жизни и не пошелъ дальше совершенно несбыточной и не имѣющей никакого практическаго значенія утопіи «соціальной монархіи»; а Марксъ былъ и остается вдохновителемъ и духовнымъ главой величайшаго соціальнаго движенія новаго времени.

М. Туганъ-Барановскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 гг.

(*Продолженіе* *).

VI.

Народная старина и народный бытъ въ памятникахъ словесности. — Повѣсти Погодина.—«Вечера на Хуторѣ»; смѣшеніе въ нихъ романтизма съ реализмомъ.—Отступленія отъ бытовой правды; фантастическое; идеализація.—Отзывы критики о «Вечерахъ».—Автобіографическое значеніе этихъ повѣстей.

Среди различныхъ путей, какими писатель того времени шелъ на розыски настоящей «народности», былъ, какъ мы знаемъ, одинъ путь, повидимому, самый прямой и удобный. Народная жизнь въ ея далекомъ прошломъ, съ ея миѳами, преданіями и обрядами, съ ея историческими воспоминаніями, давала художнику сразу обильнѣйшій матеріалъ для литературнаго сюжета и готовые образы для внѣшней его отдѣлки. Писатель могъ воспользоваться также и тѣмъ матеріаломъ, который онъ находилъ въ современной ему жизни простонародья, въ міросозерцаніи котораго были еще такъ живы традиціи и воспоминанія старины. Въ обоихъ случаяхъ онъ стоялъ у самаго источника «народности», понятой, правда въ нѣсколько узкомъ смыслѣ, но, во всякомъ случаѣ, неподдѣльной. Эти богатства, таящіяся въ жизни народной массы, были къ тридцатымъ годамъ уже достаточно разработаны, и мы знаемъ, что критика такую разработку очень поощряла. Но и помимо критики на эту же сторону народной жизни обратила тогда свое вниманіе и наука, еще очень не совершенная, но, тѣмъ не менѣе, авторитетная въ глазахъ общества.

Изслѣдованіе народной старины, начавшееся еще въ XVIII вѣкѣ, подвигалось успѣшно и быстро. Если пріемы этого изслѣдованія были мало научны, то результаты его оказались все-таки плодотворны. Старина воскресала подъ перомъ историковъ, юристовъ, издателей старинныхъ памятниковъ, въ особенности собирателей народныхъ пѣсенъ, повѣрій и обрядовъ. Къ тридцатымъ годамъ запасъ такихъ археологическихъ, историческихъ и этнографическихъ мате-

*) См. «Міръ Божій», мартъ 1902 г.

ріаловъ былъ достаточно обширенъ и богатъ, и писатель-художникъ могъ имъ легко воспользоваться. Пользовались имъ, какъ извѣстно, и Жуковскій, и Пушкинъ, и Гоголь — Гоголь въ особенности — и такая разработка старины иной разъ обогащала нашу изящную словесность; но, какъ уже было замѣчено, литература могла и пострадать отъ неумѣлаго стремленія писателя поддѣлаться подъ эту старину и отъ неизбѣжной въ такихъ случаяхъ фальсификаціи «народности». И, дѣйствительно, въ нашей словесности тѣхъ годовъ существовали всѣ эти три вида разработки народныхъ древностей—и простое, весьма цѣнное, собираніе самихъ памятниковъ старины, и художественная переработка ихъ и, наконецъ, поддѣлка подъ старое—въ большинствѣ случаевъ неудачная его фальсификація. Рѣдко, очень рѣдко удавалось художнику реставрировать старину настолько правдоподобно, чтобы она казалась истинно народной и старинной. Пушкинъ въ своихъ «Сказкахъ» и въ своемъ «Борисѣ» подходилъ къ этому идеалу довольно близко, подходилъ и Жуковскій также въ своихъ «Сказкахъ»—но это были исключенія. Обыкновенно въ произведеніяхъ съ такимъ народнымъ и археологическимъ колоритомъ царило полное смѣшеніе стараго съ новымъ, русскаго съ иноземнымъ, и въ лучшемъ смыслѣ получалась та амальгама, та мозаичная работа съ подборомъ старинныхъ образовъ и романтически-сентиментальныхъ положеній, какая намъ дана, напр., въ сочиненіяхъ Катенина—тогда достаточно популярнаго писателя.

Не лучше, если не хуже, обстояло дѣло съ попытками нашихъ писателей изображать не историческую, а современную имъ жизнь простонародья. Изъ краткаго обзора нашихъ повѣстей и романовъ того времени мы могли видѣть, что писатель не избѣгалъ этой темы и всегда охотно приплеталъ ее къ своему разсказу. Но онъ дѣлалъ это почти всегда съ цѣлью обличительной и потому въ картинахъ народнаго современнаго быта его вниманіе было сосредоточено, главнымъ образомъ, на одной сторонѣ этой жизни, именно на столкновеніи крестьянина съ помѣщикомъ. Пересказывая эту эпопею всевозможныхъ насилій, писатель иной разъ улавливалъ ту или другую бытовую черту въ жизни простонародья, но сама психологія народа, его мірозерцаніе и размахъ его фантазіи оставались не разъясненными. Если же писатель хотѣлъ, никого не обличая, расположить читателя въ пользу униженнаго и обездоленнаго, то онъ идеализировалъ крестьянина и писалъ съ него портретъ по старому сентиментальному шаблону; изъ сатирика онъ превращался въ идиллика. Лицевая сторона крестьянской жизни выступала тогда подмалеванная наружу, а все мрачное или даже сѣрое—пряталось. Никакой «народности» въ этихъ идилліяхъ и буколикахъ, конечно, не было, была лишь невинная благомыслящая ложь. Для истиннаго пониманія народной жизни мрачныя страницы обличительныхъ и сатирическихъ романовъ давали, во всякомъ случаѣ, больше. Но если изъ этихъ романовъ читатель узнавалъ, какъ велико было горе народа,

то онъ все-таки не зналъ, какъ этотъ народъ чувствуетъ и что онъ думаетъ. Для того, чтобы узнать это необходимо было либо изучать народную жизнь на мѣстѣ, — что и стали дѣлать наши писатели, но только значительно позже, уже послѣ освобожденія крестьянъ,—либо попытаться проникнуть въ народную душу не путемъ прямого наблюденія надъ ней, а путемъ изученія тѣхъ старыхъ памятниковъ народнаго быта, которые, какъ мы сказали, къ тому времени были уже въ достаточномъ количествѣ собраны. При отсутствіи непосредственнаго знакомства съ народной жизнью, такой окольный путь къ его разумѣнію былъ, конечно, наиболѣе удобный. Народный миѳъ все-таки элементарная форма народной философіи, равно какъ и народный обрядъ— хорошее отраженіе того круга чувствъ и понятій, которымъ живетъ народъ или жилъ долгое время.

До появленія повѣстей Гоголя, въ которыхъ эта трудная задача возсозданія народнаго быта по остаткамъ старины и по наблюденіямъ надъ жизнью дѣйствительной была рѣшена относительно удачно— въ русской литературѣ, за исключеніемъ развѣ комедіи-фарса, было очень мало памятниковъ, которые, удовлетворяя хоть нѣсколько художественной правдѣ, сближали жизнь простонародья съ искусствомъ.

Ей—этой простонародной жизни—пришлось долго ждать настоящаго бытописателя, который освѣтилъ бы ее въ неподдѣльныхъ краскахъ одинаково съ ея печальной и радостной стороны. Въ тѣ юные годы нашей словесности, о которыхъ говоримъ мы, нельзя было и разсчитывать на такое широкое пониманіе и знаніе народнаго быта у нашего еще малоопытнаго художника. Но всетаки въ этомъ направленіи были и тогда уже сдѣланы первыя попытки и среди нихъ самой удачной или, вѣрнѣе, самой поэтичной, были «Вечера на Хуторѣ». Въ русской литературѣ эти повѣсти прямыхъ предшественниковъ неимѣли, хотя, конечно, ихъ фантастическій, историческій и внѣшній бытовой элементъ, порознь взятый, не былъ новинкой. Новизна заключалась лишь во внутреннемъ бытовомъ содержаніи этихъ разсказовъ т.-е. въ попыткѣ изобразить народъ дѣйствующимъ, чувствующимъ и мыслящимъ. Какія бы натяжки въ этомъ изображеніи ни допустилъ Гоголь—онъ всетаки эту трудную задачу рѣшилъ удачнѣе своихъ современниковъ.

Изъ этихъ современниковъ работали тогда надъ той же задачей— Даль и Погодинъ. Но казакъ Луганскій [Даль] въ началѣ тридцатыхъ годовъ только выступалъ съ первыми своими разсказами, растянутыми, блѣдными и вялыми, въ которыхъ къ тому же о простомъ народѣ пока говорилось мало *). Но и позднѣе, когда Даль сталъ перелицовывать старыя сказки и набрасывать народныя сценки, онъ не пошелъ дальше внѣшняго описанія народнаго быта или инкрустаціи народныхъ оборотовъ рѣчи, пословицъ и поговорокъ въ довольно незначительные

*) «Были и небылицы казака Владиміра Луганскаго» Книжка первая. Спб. 1833.

разсказы. Погодинъ въ данномъ случаѣ—литературная сила болѣе замѣтная.

Въ 1832 году Погодинъ издалъ полное собраніе своихъ повѣстей *), къ которымъ онъ—тогда уже извѣстный ученый и профессоръ—былъ очень неравнодушенъ. Содержаніе сборника довольно пестрое. Сюда вошли повѣсти, имѣющія чисто автобіографическое значеніе, писанныя Погодинымъ на зарѣ его юности, въ моменты сердечныхъ увлеченій, а потому—восторженно сентиментальныя, съ примѣсью нѣмецкой мечтательности, столь обычной въ московскомъ университетскомъ кружкѣ двадцатыхъ годовъ. Но уже въ этихъ сентиментальныхъ повѣстяхъ Погодинъ обнаружилъ талантъ наблюдателя и хорошаго психолога. Въ другихъ разсказахъ—гдѣ лиризма было меньше—этотъ даръ давалъ себя еще больше чувствовать, несмотря на романтическую канву повѣсти. Изъ числа нашихъ раннихъ реалистовъ—а Погодина должно зачислить въ ихъ группу—нашъ ученый повѣствователь былъ одинъ изъ первыхъ, который попытался въ «картину нравовъ» включить описаніе быта низшихъ слоевъ нашего общества. Онъ сдѣлалъ больше: онъ не только описывалъ, но изображалъ этихъ намъ тогда малознакомыхъ людей, изображалъ ихъ чувствующими и думающими, а также разговаривающими и притомъ довольно естественной рѣчью. Содержаніе повѣстей оставалось въ большинствѣ случаевъ романтическимъ, но въ выполненіи проступалъ наружу довольно откровенный реализмъ.

Галлерея типовъ, набросанныхъ Погодинымъ, довольно характерна: избитыхъ типовъ нѣтъ и нашъ авторъ беретъ свои образы изъ малообслѣдованныхъ общественныхъ круговъ—изъ круга купеческаго, мѣщанскаго и, наконецъ, крестьянскаго; иногда онъ знакомитъ насъ и съ той сѣрой массой, которая вербуется изъ самыхъ различныхъ слоевъ и составляетъ въ обществѣ такъ называемые «поддонки».

Нельзя было, конечно, ожидать, что Погодинъ вполнѣ удачно справится съ такой новой и трудной задачей. Но всѣ недостатки литературной условности въ его повѣстяхъ искупаются обиліемъ вѣрно подмѣченныхъ и схваченныхъ бытовыхъ чертъ, а въ иныхъ случаяхъ и серьезностью основной идеи. Авторъ иллюстрируетъ иногда свою тему народными повѣріями, пѣснями и обрядами, какъ, напр., въ трогательномъ разсказѣ о любви бѣднаго приказчика, забитаго и скромнаго Ивана Гостинцева къ дочери богатаго купца Чужого—этой сентиментальной повѣсти, очень напоминающей излюбленныя драматическія положенія Островскаго («Суженый»). Авторъ вводитъ насъ также въ кругъ мелкопомѣстной провинціальной жизни, подробно описываетъ ее и съ большимъ юморомъ разсказываетъ намъ о столь обычномъ, трагикомическомъ положеніи подросшей дѣвицы, сидящей въ ожиданіи жени-

*) «Повѣсти Михаила Погодина». 3 части. Москва. 1832.

ха, который и является во образѣ настоящаго Хлестакова («Невѣста на ярмаркѣ»). Особенно много красокъ и драматизма въ повѣсти «Черная немочь»—одной изъ самыхъ идейныхъ въ сборникѣ Погодина. Это печальная исторія о томъ, какъ одинъ купеческій сынъ восчувствовалъ тяготѣніе къ знанію и наукѣ и какъ онъ тщетно рвался изъ своей среды на волю. Типъ купца-старика, который думаетъ, что женитьба исцѣлитъ его сына отъ «дури», отъ этой «немочи», отъ жажды знанія и стремленія къ какой-то философіи; старушка мать—безгласная передъ отцомъ, безумно любящая сына и ищущая опоры и утѣшенія у священника и матушки; сваха, достаточно циничная, работящая и хитрая, которая устраиваетъ смотрины; чучело-невѣста и рядомъ съ нею этотъ задумчивый, неизвѣстно какъ въ этотъ кругъ попавшій, молодой человѣкъ, «изъ котораго могъ бы выйдти Гердеръ или Ломоносовъ»; наконецъ, смерть этого несчастнаго, его самоубійство—всѣ эти типы и положенія—первый лучъ, который заронилъ въ наше темное царство наблюдательный писатель. Погодинъ попытался освѣтить и другой темный уголокъ нашей жизни. Въ повѣсти «Счастье въ несчастьи» онъ описалъ вертепъ нищихъ, воровъ и мошенниковъ, описалъ не ради обличенія или дешевой проповѣди, какъ дѣлало большинство его современниковъ, а ради возбужденія въ насъ чувства состраданія къ несчастнымъ, которые все-таки люди съ неугасшей Божьей искрой въ ихъ темномъ сердцѣ. Коснулся Погодинъ также и жизни крестьянской. И въ этой попыткѣ изобразить народный бытъ, уловить міросозерцаніе народа и раскрыть его психику, нашъ авторъ, конечно, не избѣгъ сентиментальныхъ и романтическихъ условностей, но этотъ романтизмъ въ сюжетахъ искупался реализмомъ въ обрисовкѣ психическихъ движеній. Нѣкоторыя положенія очень трогательны. Такова, напр., идиллія изъ малороссійской жизни—разсказъ о томъ, какъ Петрусь любилъ несчастную Наталку, которую отецъ не хотѣлъ выдать за бѣдняка и выдалъ за богатаго; какъ бѣдный Петрусь ушелъ копить деньгу; какъ возвратился и засталъ свою невѣсту замужемъ за другимъ, засталъ больную и разоренную; какъ онъ отдалъ имъ всѣ свои накопленныя деньги. (Петрусь).

Полна драматическаго движенія и разбойничья сказка, въ которой мимоходомъ оттѣнены благородные порывы крестьянскаго сердца. Есть въ сборникѣ также жизнеописаніе одного нищаго—повѣсть съ опредѣленнымъ соціальнымъ смысломъ. Авторъ разсказываетъ, какъ помѣщикъ укралъ у своего крѣпостного его невѣсту, какъ его—мирнаго крестьянина—онъ этимъ насильемъ чуть-чуть не подбилъ на убійство, какъ за покушеніе на жизнь помѣщика его отдали въ солдаты, какъ онъ страдалъ и терпѣлъ и какъ, наконецъ, на старости пошелъ просить милостыню. (Нищій).

Изложеніе содержанія всѣхъ этихъ повѣстей не даетъ, конечно, понятія объ ихъ литературной стоимости и, если, ознакомившись съ ними,

читатель поставить автору въ вину смѣшеніе романтизма и сентиментализма въ замыслѣ съ реальной обрисовкой быта и психическихъ движеній, то этотъ недостатокъ не умаляетъ значенія повѣстей Погодина въ исторіи развитія нашей реальной повѣсти. Этотъ обычный для того времени недостатокъ дѣлитъ съ Погодинымъ и Гоголь.

Въ «Вечерахъ на Хуторѣ близъ Диканьки» смѣшеніе реальнаго элемента съ романтическимъ составляетъ, дѣйствительно, отличительную черту всего замысла художника. Впрочемъ, былъ ли у Гоголя замыселъ, когда онъ сочинялъ эти повѣсти? Мы знаемъ, какъ случайно онѣ возникли: авторъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ ихъ художественномъ значеніи, онъ писалъ ихъ отчасти скуки ради, отчасти имѣя въ виду матеріальную выгоду, а главное писалъ ихъ потому, что часто вспоминалъ о своей Малороссіи и находилъ отраду въ этихъ воспоминаніяхъ. Быть можетъ, эти разсказы и вышли такъ непринужденно естественны и такъ разнообразны потому, что авторъ при ихъ созданіи не преслѣдовалъ никакой опредѣленной цѣли, ни назидательной, ни литературной. Смѣшеніе же романтическихъ образовъ съ чисто бытовыми картинами произошло также невольно и неумышленно. Въ Гоголѣ романтическій лиризмъ всегда боролся съ зоркостью наблюдателя-жанриста и по этому первому, самостоятельному и относительно зрѣлому произведенію никакъ нельзя было рѣшить куда клонятся симпатіи автора—къ реальному ли изображенію жизни или къ символизаціи ея въ романтическихъ образахъ. И то, и другое въ «Вечерахъ» смѣшано и слито.

Передъ нами рядъ фантастическихъ легендъ самаго опредѣленнаго романтическаго характера, съ совсѣмъ воздушными образами вмѣсто живыхъ людей и съ большой примѣсью суевѣрія. Рядомъ съ этими легендами—много жанровыхъ картинъ, съ реальными аксессуарами, съ относительно естественной композиціей и даже одинъ разсказъ о Шпонькѣ и его тетушкѣ, выдержанный весь, безъ малѣйшаго отклоненія, въ стилѣ строжайшаго реализма. Такое совмѣщеніе въ душѣ художника двухъ противуположныхъ пріемовъ и направленій творчества тѣмъ болѣе оригинально, что почти всегда эти направленія смѣшиваются или идутъ параллельно въ одномъ и томъ же разсказѣ. Такъ уже въ «Сорочинской ярмаркѣ» въ реальную жизнь начинаетъ вторгаться легенда. Въ разсказъ объ «Ивановой ночи», полный ужаса и романтическихъ страстей, вставлены живые, съ натуры списанные, портреты. Въ «Майской ночи» сельская идиллія, веселая и живая, сплетена даже неестественно съ печальной легендой. Въ фантастическое сказаніе о «Страшной мести» введенъ цѣлый рядъ эпизодовъ изъ казацкой жизни, нарисованныхъ необычайно правдиво и реально; Въ «Ночи передъ Рождествомъ» фантастика совсѣмъ переплелась съ дѣйствительностью, какъ и въ «Пропавшей грамотѣ» и въ «Заколдованномъ мѣстѣ». Въ одной только «повѣсти о Шпонькѣ»—какъ мы

замѣтили—реализмъ въ искусствѣ проявился безъ всякой примѣси романтической грезы или мечты, и авторъ далъ намъ первый примѣръ истинно художественной юмористической повѣсти. Во всѣхъ остальныхъ разсказахъ онъ одновременно и юмористъ-бытописатель, и сентиментальный романтикъ.

«Вечера на Хуторѣ» стояли, такимъ образомъ, на распутьи двухъ литературныхъ теченій, стараго—романтическаго и новаго—реальнаго и скорѣе принадлежали прошлому, чѣмъ открывали дорогу новому.

Романтика въ нихъ преобладала. Она проявлялась прежде всего въ обиліи фантастическаго элемента, которымъ большинство этихъ повѣстей было насквозь пропитано. Эта фантастика была тогда очень распространена въ нашей словесности. Богатѣйшій родникъ ея имѣли мы въ нашихъ собственныхъ народныхъ преданіяхъ и сказкахъ; кромѣ того, многое перенесено было къ намъ съ Запада. Изъ дебрей преимущественно нѣмецкаго романтизма перелетали на русскую землю вѣдьмы, лѣшіе, оборотни и всякая нечисть. Повѣсти Тика, напр., читались охотно, и самъ Гоголь заимствовалъ у него завязку своего «Вечера наканунѣ Ивана Купалы». Чудесное приходило къ намъ и съ Востока, съ горъ Кавказа. Правда, повѣсти Гоголя вносили нѣчто свое въ эту чертовщину, а именно, тотъ же малороссійскій юморъ, который по репликамъ вѣдьмъ и чертей заставлялъ всѣхъ догадываться, что они проживаютъ не въ ущельяхъ финскихъ горъ, не въ дремучихъ лѣсахъ Муромскихъ, а на Лысой горѣ подъ Кіевомъ. Но это этнографическое отличіе ничуть не мѣняло ихъ роли и ихъ участія въ людской жизни.

Читатель, еще задолго до этихъ «Вечеровъ», любилъ, какъ мы въ нашемъ дѣтствѣ, чтобы съ героемъ повѣсти случалось непремѣнно что-нибудь необыкновенное, чтобы въ жизнь его вмѣшивались свѣтлые и темные духи—именно потому, что русскій читатель тогда былъ еще ребенокъ.

Повѣсти Гоголя въ этомъ смыслѣ вполнѣ отвѣчали господствующему вкусу. Но это чудесное, подсказанное народными легендами, интересовало Гоголя не только какъ извѣстный рычагъ дѣйствія: оно совпадало съ одной очень важной стороной его собственнаго міросозерцанія. Зародыши суевѣрія и наивной вѣры съ дѣтства таились въ Гоголѣ; съ годами они окрѣпли. Эти малороссійскіе черти и вѣдьмы превратились со временемъ въ настоящаго чорта, въ существованіе котораго Гоголь вѣрилъ и отъ котораго предостерегалъ Аксакова; старые народные мрачные духи, подъ вліяніемъ религіи, отожествились тогда въ его пониманіи съ принципомъ зла и, конечно, о комическомъ ихъ вторженіи въ жизнь человѣка не могло быть и рѣчи.

Но помимо этой существенной роли, какую чудесное играло въ міросозерцаніи нашего автора, міръ призраковъ удовлетворялъ во дни его юности и другой потребности его духа, именно—жаждѣ свободы. Вы-

воротить человѣческую жизнь на изнанку, поставивъ въ ней все вверхъ дномъ, сдѣлать ее рядомъ неожиданностей, пока въ большинствѣ случаевъ очень пріятныхъ для человѣка, значило тогда для скромнаго и нуждающагося мелкаго чиновника—испытать хоть въ мечтахъ свободный размахъ своей энергіи и воли, которая такъ была стѣснена въ жизни. Очень часто, когда обстоятельства слагаются не весело, охотно мечтаешь о томъ, какъ бы хорошо было, если бы они вдругъ, по щучьему велѣнію, какъ говорятъ, перемѣнились. Такъ могло быть и съ Гоголемъ.

Таившееся въ немъ суевѣріе и страхъ передъ злымъ въ мірѣ нашло себѣ выраженіе въ такихъ повѣстяхъ, какъ «Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы» и «Страшная месть», а невинная мечта о благосклонномъ вмѣшательствѣ этихъ силъ въ жизнь человѣка отразилась въ «Майской ночи» и въ особенности въ «Ночи передъ Рождествомъ».

Но помимо чудеснаго, которое придаетъ этимъ повѣстямъ такой романтическій характеръ, само изображеніе малороссійскаго быта грѣшитъ нерѣдко излишней романтической красотой. Конечно, сравнительно со всѣми прежними опытами въ этомъ родѣ, «Вечера на Хуторѣ» могутъ быть названы первой правдивой картиной южно-русскаго быта, написанной безъ всякой тенденціи дидактической или сентиментальной. Но это отсутствіе тенденціи и даже обиліе вѣрно схваченныхъ и правдиво изображенныхъ типовъ не спасаютъ «Вечера на Хуторѣ» отъ упрека въ идеализаціи и въ не совсѣмъ правдоподобной компановкѣ разсказа. Одно время критика очень придирчиво высчитывала разныя ошибки, которыя Гоголь допустилъ въ обрисовкѣ малорусскаго народнаго характера и въ описаніи различныхъ народныхъ обрядовъ *); она оказалась, однако, неправой: почти все, что Гоголь говорилъ о малорусской жизни, были фактически вѣрно; онъ ничего не измыслилъ и не исказилъ; но вопросъ не въ этомъ—вѣрно ли онъ срисовалъ детали. Онѣ могли быть всѣ списаны съ натуры или взяты изъ народныхъ пѣсенъ. Если Гоголь въ чемъ погрѣшилъ противъ правды, такъ это въ компановкѣ этихъ деталей и въ привычкѣ слишкомъ оттѣнять красивую и яркую сторону изображаемой имъ жизни.

Въ компановкѣ повѣстей допущены, дѣйствительно, нѣкоторыя странности, съ реализмомъ не вполнѣ согласныя. Могла ли свадьба устроиться такъ быстро, какъ она устроилась на ярмаркѣ въ Сорочинцахъ, и могъ ли цыганъ такъ хитро спрятать всѣ нити своей интриги и своего «чудеснаго» вмѣшательства въ ходъ сватовства парубка—

*) См. объ этомъ статьи *Кулиша* («Основа», 1861, кн. 4, 5 и 9); отвѣтъ *Максимовича* («День», 1861 № 3, 5, 7 и 9); *Пыпинъ*. «Исторія русской этнографіи» III, 209. «Малороссійскій писатель Гоголь по гг. Кулишу и Максимовичу», «Время», 1852, I. *Н. И. Коробка*, «Кулишъ объ украинскихъ повѣстяхъ Гоголя». «Литературный Вѣстникъ», 1902, I.

это остается на совѣсти автора; могла ли майская ночь пройти такъ безумно весело съ такимъ импровизированнымъ крестьянскимъ маскарадомъ, съ такой правильно организованной остроумной уличной демонстраціей хлопцовъ противъ начальства—это также сомнительно; какимъ образомъ вся ночь передъ Рождествомъ обратилась въ сплошную буффонаду, невѣроятно запутанную и невѣроятно смѣшную, какимъ образомъ всѣ дѣйствующія лица этого фарса могли позволить случайностямъ такъ играть съ собой—тоже мало понятно. Впрочемъ, можетъ быть, въ этой малопонятливости и заключался умыселъ художника; но, во всякомъ случаѣ, въ его планы отнюдь не входило заставлять своихъ крестьянъ иной разъ говорить совсѣмъ городской выхоленной рѣчью, а въ «Вечерахъ» такая рѣчь въ устахъ парубковъ и дѣвчатъ совсѣмъ не рѣдкость. Послушать ихъ любовныя разговоры—и въ нихъ даже не замѣтно поддѣлки подъ народную рѣчь, до того ихъ слова отборны и литературны...

Помимо этихъ довольно явныхъ отступленій отъ реализма и житейской правды, нельзя не указать и на описанія природы, какъ на образецъ художественной, но никакъ не реальной пейзажной живописи. Мы съ дѣтства привыкли благоговѣть передъ этими описаніями и учимъ ихъ наизусть; но едва ли, созерцая настоящую природу Малороссіи, мы о нихъ когда-либо вспомнимъ. Конечно, тѣ страницы «Вечеровъ», гдѣ насъ спрашиваютъ—«знаемъ ли мы украинскую ночь» и гдѣ намъ говорятъ, какъ «чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ»—эти страницы ослѣпительны по блеску метафоръ, красотѣ образовъ и торжественному настроенію созерцателя, но это не описанія того, что видишь и что желалъ бы другого заставить видѣть, это—восторгъ по поводу видѣннаго и, какъ таковой, онъ субъективенъ въ крайней степени.

Нельзя назвать реальной живописью и тѣ портреты, преимущественно женскіе, которые нерѣдко авторъ вставляетъ въ свои разсказы. Въ нихъ очень много красоты, но жизни мало. Когда видишь, какъ на возу сидитъ хорошенькая дочка Солопія Черевика—«съ круглымъ личикомъ, съ черными бровями, ровными дугами поднявшимися надъ свѣтлыми карими глазами, съ безпечно улыбающимися розовыми губками, съ повязанными на головѣ красными и синими лентами, которыя вмѣстѣ съ длинными косами и пучкомъ полевыхъ цвѣтовъ богатою короною покоятся на ея очаровательной головкѣ», то такому портрету вѣришь, хотя и не узнаешь въ немъ крестьянки. Но когда затѣмъ читаешь про дочку Коржа, какъ «ея щеки были свѣжи и ярки, какъ макъ самаго тонкаго розоваго цвѣта, когда, умывшись Божьей росою,—горитъ онъ, распрямляетъ листики и охорашивается передъ только что поднявшимся солнышкомъ; какъ брови ея, словно черные шнурочки, ровно вагнувшись, какъ будто глядятся въ ясныя очи; какъ ротикъ ея кажись на то и созданъ, чтобы выводить соловьиныя пѣсни, какъ во-

лосы ея черны какъ крылья ворона, и мягки, какъ молодой ленъ»— то такому портрету уже не вѣришь, хотя и любуешься имъ, какъ любуешься и на первый выходъ Ганны, когда она «на порѣ семнадцатой весны, обвитая сумерками, робко оглядываясь и не выпуская ручки двери переступаетъ черезъ порогъ; когда въ полуясномъ мракѣ горятъ привѣтно, будто звѣздочки, ея ясныя очи»...

Всѣ эти женскіе портреты—типичные образцы ходячей красоты, символы женскаго внѣшняго совершенства и убранства. Эти деревенскія красавицы не хрупки, не блѣдны, не воздушны какъ дѣвы тогдашней романтики; онѣ не разсѣиваются въ туманѣ, напротивъ того, онѣ всѣ очень здоровы, румяны, какъ былинныя красавицы, но онѣ все-таки сродни своимъ блѣднымъ сестрамъ, онѣ также съ реальной жизнью имѣютъ мало общаго, хотя и носятъ на себѣ отпечатокъ здоровья.

Такъ же точно и любовныя рѣчи этихъ красавицъ и ихъ обожателей едва ли подслушаны Гоголемъ; вѣрнѣе, что они отзвукъ народныхъ малороссійскихъ пѣсенъ *).

Такая идеализація типовъ—явленіе, однако, не постоянное. Подкрашены въ большинствѣ случаевъ только молодые типы—тѣ, вокругъ которыхъ сплетается любовная романтическая завязка. Чѣмъ дѣйствующее лицо старше—тѣмъ оно реальнѣе обрисовано. Старики и старухи иногда даже смахиваютъ на карикатуры — такъ усердно авторъ при изображеніи ихъ не соблюдая мѣры, гнался за реализмомъ.

Такимъ образомъ, «Вечера на Хуторѣ», при многихъ вѣрныхъ бытовыхъ деталяхъ, при относительно естественномъ языкѣ, какимъ говорятъ дѣйствующія лица, наконецъ, при безспорно «народныхъ» сюжетахъ историческихъ, легендарныхъ и бытовыхъ, были все-таки произведеніемъ, созданнымъ скорѣе въ старомъ стилѣ, сентиментально-романтическомъ, чѣмъ въ стилѣ новомъ, который требовалъ тѣсной связи искусства и жизни. Одна только повѣсть «объ Иванѣ Ѳедоровичѣ Шпонькѣ и его тетушкѣ» давала понять, что авторъ способенъ создать въ этомъ новомъ реальномъ стилѣ. Но эта повѣсть осталась неоконченной и застѣнчивый Иванъ Ѳедоровичъ—родственникъ Подколесина, его тетушка-амазонка и ея дворня, Григорій Григорьевичъ, хитрый плутъ, и его благонравныя сестрицы промелькнули передъ нами и исчезли, чтобы появиться, однако, вновь въ «Женитьбѣ», «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ Душахъ».

Смѣшеніе въ «Вечерахъ» двухъ пріемовъ творчества было въ тѣ еще годы отмѣчено критикой.

Успѣхъ книги въ общемъ былъ большой: и не только интересъ публики, но и симпатіи большинства судей были на ея сторонѣ. Разногласіе критиковъ произошло отъ того, что они не хотѣли разсмотрѣть книгу въ ея цѣломъ: одинъ заинтересовался больше бытовыми чер-

*) *В. И. Шенрокъ* «Матерьялы для біографіи Гоголя», I, 270.

тами, которыя находилъ въ ней, другой обратилъ вниманіе на ея романтическій колоритъ, третьяго поразилъ больше всего ея веселый и смѣшливый тонъ. Каждый изъ критиковъ далъ, поэтому, оцѣнку нѣсколько одностороннюю и въ этомъ отчасти былъ виноватъ самъ авторъ.

Кто дорожилъ житейской правдой, тотъ остался недоволенъ отступленіями отъ нея. «Нарѣжный и Погорѣльскій — разсуждалъ одинъ критикъ—стояли къ жизни ближе, чѣмъ таинственный Рудый Панько. Онъ допустилъ слишкомъ много высокопаренія въ своемъ стилѣ, въ своихъ описаніяхъ лицъ и природы. Съ другой стороны, онъ изобразилъ малороссійскую жизнь слишкомъ грубо: грубы, напр., многія выраженія въ «Сорочинской ярмаркѣ», гдѣ парни ведутъ себя совсѣмъ какъ невѣжи и олухи. Въ разсказахъ допущены также ошибки историческія, какъ, напр., въ «Пропавшей грамотѣ», и въ особенности непріятно поражаютъ въ разговорахъ—совсѣмъ ненародные обороты рѣчи» *).

Такъ же неодобрительно, какъ этотъ неизвѣстный критикъ, отнесся къ «Вечерамъ» и Полевой — знакомый намъ строгій гонитель всякой поддѣлки подъ народность. Полевой заподозрилъ нашего разсказчика въ настоящей мистификаціи. Повѣсти эти — говорилъ онъ—написаны самозванцемъ пасичникомъ; этотъ пасичникъ—москаль и притомъ горожанинъ; онъ неискусно воспользовался кладомъ преданій; сказки его несвязны; желаніе поддѣлаться подъ малоруссизмъ спутало его языкъ; взялъ бы онъ примѣръ съ Вальтеръ-Скотта, какъ тотъ умѣетъ просто разсказывать... У Гоголя и въ шуткахъ нѣтъ ловкости, а главное — нѣтъ настоящаго мѣстнаго колорита; куда напр., выше его Марлинскій, который въ своей повѣсти «Лейтенантъ Бѣлозоръ» съумѣлъ дать столь яркіе типы изъ голландской жизни. Въ заключеніе Полевой совѣтывалъ Гоголю исправить непріятное впечатлѣніе, какое получилось отъ плохого употребленія хорошихъ матеріаловъ **). Давая отчетъ о второй части «Вечеровъ», Полевой впрочемъ нѣсколько смягчилъ свой отзывъ. Онъ въ авторѣ уже призналъ малороссіянина и хвалилъ его юморъ и веселость, но отмѣтилъ въ повѣстяхъ отсутствіе глубины замысла. Это—плясовая музыка, говорилъ онъ, которая ласкаетъ нашъ слухъ, но быстро исчезаетъ. Отмѣчалъ онъ также и скудость изобрѣтенія и воображенія и опять подчеркивалъ неопытности въ языкѣ и высокопарность слога ***).

---

*) *Андрій Царинный.* «Мысли малороссіянина по прочтеніи повѣстей пасичьника Рудаго Панька, изданныхъ имъ въ книжкѣ подъ заглавіемъ «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» и рецензій на оныя», «Сынъ Отечества», 1832, т. 147, 41—49, 101—115, 159—164, 223—242, 288—312.

**) «Московскій Телеграфъ». Часть XLI, 1831, 94—95.

***) «Московскій Телеграфъ». Часть XLIV, 1832, 262—267.

Сенковскій—редакторъ вновь возникшаго журнала «Библіотека для Чтенія», обозвавъ Гоголя при случаѣ русскимъ Поль-де-Кокомъ, и сказавъ, что предметы его грязны и лица взяты изъ дурного общества [1]), отнесся, однако, достаточно милостиво къ «Вечерамъ», когда они вышли вторымъ изданіемъ; онъ заявилъ только, что украинское забавничанье и насмѣшку не должно смѣшивать съ настоящимъ остроуміемъ и серьезнымъ юморомъ [2]).

Вѣрнѣе всѣхъ понялъ Гоголя журналъ Надеждина. Критикъ очень хвалилъ автора за печать «мѣстности», которая лежитъ на всѣхъ разсказахъ. Прежніе писатели, какъ, напр., Нарѣжный, либо сглаживали совершенно всѣ мѣстные идіотизмы украинскаго нарѣчія, либо сохраняли ихъ совершенно неприкосновенными. Гоголь съумѣлъ избѣгнуть этихъ крайностей, и повѣсти его и литературны, и естественны [3]). Эти же достоинства, т.-е. отсутствіе вычурности и хитрости, естественность дѣйствующихъ лицъ и положеній, неподдѣльную веселость и не выкраденное остроуміе—оттѣнялъ въ этихъ повѣстяхъ и критикъ «Литературныхъ прибавленій къ «Русскому Инвалиду» (Л. Якубовичъ) [4]).

Хвалилъ ихъ также очень Булгаринъ, называя ихъ «лучшими народными повѣстями» и предлагая эти «хорошіе» повѣсти поставить выше чужеземнаго «превосходнаго». Въ лицѣ Гоголя — такъ говорилъ Булгаринъ—малороссійская литература оставила мѣстную цѣль и обратилась къ болѣе глубокой мысли—удерживать только характерное отличіе своего нарѣчія, чтобы раскрыть народность. Русскую народность пока еще не уловили и у насъ еще нѣтъ ничего равнаго «Вечерамъ»; мы еще пока учено стремимся къ народности, а не самосознательно. У Гоголя національность проявляется естественно, не такъ, какъ, напр., у Погодина, который думаетъ, что рѣшительное уклоненіе къ провинціализму и любовь къ старымъ формамъ языка есть приближеніе къ національному, или, какъ, напр., у Загоскина, которому патріотизмъ мѣшаетъ быть правдивымъ. Гоголю не достаетъ только иногда творческой фантазіи, хотя нѣкоторыя мѣста въ его повѣстяхъ и дышатъ піэтическимъ вдохновеніемъ. Онъ въ описаніяхъ менѣе смѣлъ, чѣмъ Марлинскій, но и онъ достигаетъ иногда большого совершенства. Булгарину въ особенности нравится «пергаментная» простота въ повѣсти «Ночь наканунѣ Ивана Купала», которую можно сравнить развѣ только съ «Борисомъ Годуновымъ» [5]).

Такъ разсуждала критика, смутно улавливая достоинства этихъ разсказовъ и не сходясь во мнѣніи о томъ, насколько инстинная «народность» въ нихъ схвачена и вѣрно изображена. Разногласіе въ оцѣнкѣ

---

[1]) «Библіотека для Чтенія», томъ III, 1834. «Критика», 31—32.

[2]) «Библіотека для Чтенія», томъ XV, 1836. «Литературная Лѣтопись».

[3]) «Телескопъ», 1831, часть V, 558—563.

[4]) «Литературныя прибавленія къ «Русскому Инвалиду», 1831, № 79.

[5]) «Сѣверная Пчела», 1831, №№ 219, 220; 1832, № 59; 1836, № 26.

было неизбѣжно. Бытописатель-реалистъ и романтикъ спорили въ душѣ самого автора, и критика свои симпатіи между ними подѣлила. Романтикъ Полевой боялся, какъ бы Гоголь не началъ поддѣлываться подъ народность и не сталъ фальшивить, а врагъ романтизма Надеждинъ привѣтствовалъ Гоголя именно за обиліе мѣстныхъ красокъ въ его разсказахъ. На одномъ, впрочемъ, сошлись, кажется, симпатіи всѣхъ читателей. Всѣхъ увлекла неподдѣльная веселость разсказчика.

«Книга понравилась здѣсь всѣмъ, начиная съ государыни»—писалъ Гоголь своей матери, посылая ей первый томъ «Вечеровъ»; и слово «всѣмъ» не было преувеличеніемъ. Самъ Гоголь разсказывалъ, напр., Пушкину о впечатлѣніи, какое эта книга произвела на наборщиковъ. «Любопытнѣе всего было мое свиданіе съ типографіей — писалъ онъ *). Только что я просунулся въ двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фыркать и прыскать себѣ въ руку, отворотившись къ стѣнкѣ. Это меня нѣсколько удивило; я къ фактору, и онъ, послѣ нѣкоторыхъ ловкихъ уклоненій, наконецъ сказалъ, что *штучки, которыя изволили прислать изъ Павловска для печатанія, оченно до чрезвычайности забавны и наборщикамъ принесли большую забаву.* Изъ этого я заключилъ, что я писатель совершенно во вкусѣ черни». Но и самъ Пушкинъ раздѣлялъ смѣхъ этой черни. «Сейчасъ прочелъ «Вечера близъ Диканьки»,—писалъ онъ А. Ѳ. Воейкову **). Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я досель не образумился. Поздравляю публику съ истинно веселою книгою...»

Но были ли эти повѣсти на самомъ дѣлѣ такъ непринужденно веселы? Мѣстами, конечно, да. Въ нихъ было много смѣшного, больше, чѣмъ грустнаго, но иной разъ грусть все-таки врывалась въ этотъ веселый разсказъ—и не потому, что тема разсказа была печальна, а потому, что печаленъ былъ самъ авторъ.

Сорочинская ярмарка, игривая буффонада, кончалась, напр., такими совсѣмъ неожиданными и какъ будто лишними строками:

«Смычокъ умиралъ. Неясные звуки терялись въ пустотѣ воздуха. Не такъ ли и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ. И напрасно одинокій звукъ думаетъ выразить веселье! Въ собственномъ эхѣ слышитъ онъ уже грусть и пустыню и дико внемлетъ ему. Не такъ ли рѣзвые други бурной и вольной юности по одиночкѣ одинъ за другимъ теряются по свѣту и оставляютъ, наконецъ, одного старшаго брата ихъ? Скучно оставленному! И тяжело, и грустно становится сердцу, и нечѣмъ помочь ему».

Гоголь признавался въ своей «Авторской Исповѣди», что на него

*) «Письма Н. В. Гоголя». I, 185.

**) «Сочиненія А. С. Пушкина». Изданіе литературнаго фонда, VII, 287.

находили припадки тоски, ему самому необъяснимой, которые происходили, можетъ быть, отъ его болѣзненнаго состоянія. «Чтобы развлекать самого себя—говорилъ онъ—я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставлялъ ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего и кому отъ этого выйдетъ какая польза. Эти повѣсти однихъ заставляли смѣяться также беззаботно и безотчетно, какъ и меня самого, а другихъ приводили въ недоумѣніе рѣшить, какъ могли человѣку умному приходить въ голову такія глупости».

Пришли же всѣ эти «глупости» ему въ голову путемъ очень естественнымъ. Они были плодомъ его примиряющей фантазіи.

Мы знаемъ, что въ первый періодъ петербургской жизни ему жилось далеко не весело, мы помнимъ, какъ тревожно было настроеніе его духа, какая борьба надеждъ и сомнѣній происходила въ его сердцѣ. Все это нашло себѣ отраженіе и въ «Вечерахъ на хуторѣ», но только отраженіе въ обратную сторону. Мечта восполняла дѣйствительность, и Гоголь бредилъ тѣмъ, чего не доставало въ жизни.

Во-первыхъ, — Малороссіей; онъ по ней тосковалъ и потому разукрашалъ и подогрѣвалъ о ней свои воспоминанія. Изъ нихъ вышли эти дивные пейзажи, совсѣмъ не реальные, выкованные въ метафоры и вырисованные съ такимъ лирическимъ подъемомъ духа.

Бредилъ нашъ писатель и, покоемъ, весельемъ и счастьемъ прежней привольной жизни, о которой такъ часто приходилось думать въ дѣловомъ, скучномъ и непривѣтливомъ Петербургѣ; ему хотѣлось быть веселымъ и потому въ его разсказахъ такъ много свѣта—наперекоръ тому мраку, который въ дѣйствительности, конечно, тяготѣлъ надъ крѣпостной малороссійской деревней; поэту хотѣлось, наконецъ, за поэтической сказкой и преданіемъ совсѣмъ забыть о гнетущей прозѣ минуты—но именно это и не удалось ему.

Онъ былъ не въ состояніи забыться; и разладъ между сѣрой дѣйствительностью и приподнятымъ восторженнымъ лиризмомъ автора сказывался на тѣхъ «лирическихъ мѣстахъ», въ родѣ вышеприведеннаго которыя нарушали веселый тонъ его повѣстей. Странное неопредѣленно-грустное настроеніе, подъ властью котораго находился Гоголь въ первые годы своей петербургской жизни, прорывалось наружу даже тогда, когда онъ хотѣлъ шутить и смѣяться. Съ этимъ единоборствомъ смѣха и грусти мы будемъ встрѣчаться и во всѣ послѣдующіе годы его жизни.

Итакъ, въ исторіи жизни и творчества Гоголя «Вечерамъ на Хуторѣ близъ Диканьки» должно быть отведено, несмотря на незатѣйливость ихъ содержанія, мѣсто очень видное. Эти повѣсти были первымъ оригинальнымъ произведеніемъ нашего автора, въ которомъ «народность», понимаемая не въ широкомъ, а въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, нашла себѣ художественное воплощеніе. Гоголь являлся передъ

нами, и какъ бытописатель современной ему простонародной малороссійской жизни и какъ романтикъ, творчески пересоздающій старыя преданія и легенды. Онъ смѣшивалъ въ своемъ произведеніи оба стиля, отдавая пока предпочтеніе романтическому, въ которомъ онъ выдерживалъ даже описанія природы и характеристику многихъ дѣйствующихъ лицъ,—что не мѣшало ему изображать другія лица и иныя положенія съ неподдѣльной простотой и трезвостью истиннаго реалиста. Въ этомъ смѣшеніи двухъ стилей, равно какъ и въ чередованіи веселья и грусти, смѣха и слезъ, сказывалось не только неустановившееся пока направленіе его творчества, но также та внутренняя борьба, которая происходила въ самомъ авторѣ: идеализмъ романтика никакъ не могъ ужиться со способностью реалиста видѣть насквозь всю пошлость и грязь той дѣйствительности, которую хотѣлось бы понять и истолковать въ иномъ, возвышенномъ и идеальномъ смыслѣ.

Послѣ юношескаго мечтательнаго сентиментализма, какъ онъ выразился съ «Ганцѣ» и отчасти въ «Вечерахъ на Хуторѣ», художникъ вступалъ теперь въ новый фазисъ своего духовнаго развитія; въ немъ, послѣ упорной борьбы, крѣпъ все болѣе и болѣе трезвый, юмористическій взглядъ на окружающую его дѣйствительность, который и достигъ своего полнаго выраженія въ комедіяхъ и въ «Мертвыхъ Душахъ».

На этой ступени художественнаго созерцанія жизни Гоголь однако не устоялъ. Неудовлетворенный однимъ созерцаніемъ, онъ сталъ упорно доискиваться ея религіозно нравственнаго смысла, и вновь романтикъ восторжествовалъ надъ реалистомъ. Художникъ произнесъ тогда осужденіе всему тому, что онъ успѣлъ надумать и высказать, и онъ захотѣлъ все это передумать и пересказать по новому.

Попытаемся же теперь освѣтить эту важную эпоху въ жизни нашего писателя, когда въ творчествѣ его, послѣ упорной борьбы между враждебными настроеніями и послѣ частыхъ ихъ колебаній—зоркость наблюдателя и бытописателя одержала временно верхъ надъ сентиментальной и романтической идеализаціей жизни. Эта знаменательная эпоха въ жизни Гоголя падаетъ въ промежутокъ времени отъ 1832 до 1842 года.

VII.

Семь лѣтъ жизни въ Петербургѣ (1829—1836).—Религіозное настроеніе Гоголя и мысли о своемъ призваніи.—Отношеніе къ людямъ.—Гоголь на поискахъ службы: учительство и профессура.—Колебанія въ пріемахъ творчества.—Романтикъ энтузіастъ въ борьбѣ съ бытописателемъ-юмористомъ.—Гоголь въ кружкѣ Пушкина.

Гоголь провелъ въ Петербургѣ около семи лѣтъ (1829—1836)—лучшую пору своей молодости. Въ эти семь лѣтъ онъ создалъ почти всѣ свои произведенія; онъ написалъ «Вечера на Хуторѣ», «Арабески» и «Миргородъ», «Носъ» и «Коляску», «Женитьбу», всѣ драматическіе отрывки, поставилъ на сцену «Ревизора» и задумалъ

«Мертвыя Души»—однимъ словомъ въ 27 лѣтъ нашъ писатель высказалъ почти все, что онъ имѣлъ сказать, и затѣмъ только передѣлывалъ, передумывалъ и дополнялъ сказанное или задуманное раньше.

Годы, проведенные Гоголемъ въ Петербургѣ,—одинъ изъ самыхъ важныхъ періодовъ въ исторіи его творчества и его жизни.

Съ внѣшней стороны эта будничная жизнь испытала нѣсколько значительныхъ перемѣнъ. Гоголь скоро бросилъ свою скучную департаментскую службу, изъ чиновника превратился въ педагога, получилъ мѣсто преподавателя исторіи въ Патріотическомъ Институтѣ, затѣмъ, былъ назначенъ профессоромъ петербургскаго университета и дважды (въ 1832 и 1835 году) съѣздилъ къ себѣ на югъ, на родину. Всѣ эти перемѣны внесли извѣстное движеніе въ его жизнь и она текла въ общемъ совсѣмъ не скучно, даже весело, если принять во вниманіе, что кругъ знакомыхъ Гоголя значительно расширился и онъ — уже признанный писатель—сталъ членомъ самаго избраннаго литературнаго круга.

Странное, однако, впечатлѣніе производятъ письма Гоголя за этотъ періодъ его литературной дѣятельности (1831 — 1836). Нельзя сказать, чтобы эти письма были грустны; въ нихъ очень много подъема духа, много пафоса, много вспышекъ самыхъ розовыхъ неумѣренныхъ надеждъ на будущее; но во всѣхъ этихъ порывахъ души замѣтна все-таки какая-то скрытая, очень серьезная, порой даже грустная дума. Замѣтка въ нихъ также сильная тревога духа, но о тайной причинѣ этой тревоги приходится догадываться лишь по намекамъ, которые разсѣяны въ интимныхъ письмахъ поэта и въ общемъ смыслѣ его произведеній. Жизнь складывалась однако такъ, что должна была возбуждать въ нашемъ писателѣ одно лишь довольство настоящимъ и полную увѣренность въ будущемъ: совсѣмъ еще молодой человѣкъ, безъ особаго труда и быстро съумѣлъ пройти въ первые ряды нашего тогдашняго интеллигентнаго общества; его первый литературный опытъ принятъ былъ не на правахъ опыта, а былъ сразу признанъ крупной литературной побѣдой и создалъ автору имя; этого автора приласкали самые выдающіеся по уму и таланту люди; какъ близкій другъ вошелъ онъ въ общество Жуковскаго и Пушкина и сознавалъ въ себѣ силу отплатить достойнымъ образомъ за эту дружбу. Порывъ къ творчеству также не покидалъ его за все это время: былъ, правда, какъ-то годъ, когда ему не писалось, но въ общемъ, кто же въ такой короткій промежутокъ времени успѣлъ создать столько, сколько онъ создалъ? Одинъ литературный планъ смѣнялся въ его головѣ быстро другимъ, и всѣ эти планы, хоть съ перерывами, но близились къ осуществленію. Поѣздка въ Москву въ 1832 году расширила кругъ его знакомствъ и Гоголь встрѣтилъ въ московскихъ литературныхъ кружкахъ не меньшее радушіе, чѣмъ въ петербургскихъ. Странная, не сразу понятная прихоть писателя стать ученымъ историкомъ и профессоромъ также нашла себѣ удовлетворе-

ніе, и Гоголь получилъ, вопреки всѣмъ правамъ, возможность поучать съ университетской каѳедры. Наконецъ въ послѣдній годъ его петербургской жизни, несмотря на всѣ препятствія, «Ревизоръ» былъ сыгранъ, и впечатлѣніе произведенное этой комедіей, показало автору наглядно, какая въ немъ таилась сила; если онъ смутно ощущалъ ее въ себѣ прежде, теперь онъ могъ воочію въ ней убѣдиться. Однимъ словомъ жизнь была полна движенія полна борьбы, и борьба приводила къ побѣдѣ. Не было ни одной мысли, ни одного плана, передъ которымъ бы Гоголь въ растерянности остановился; если нѣкоторые изъ этихъ плановъ не осуществлялись такъ, какъ ему этого хотѣлось, то такая неудача вознаграждалась общимъ сознаніемъ своего все болѣе и болѣе зрѣющаго таланта.

А между тѣмъ послѣ семи лѣтъ такой побѣдоносной литературной дѣятельности, Гоголь въ 1836 г. покидалъ Россію въ самомъ тревожномъ состояніи духа, неудовлетворенный собой до крайней степени, недовольный всѣмъ, что онъ создалъ, и съ твердымъ намѣреніемъ начать передѣлывать все сызнова.

Мы знаемъ, съ какими неясными планами Гоголь въ Петербургъ пріѣхалъ. Сентименталистъ и мечтатель, онъ все носился съ мыслью такъ или иначе облагодѣтельствовать ближнихъ, мнилъ себя призваннымъ свершить нѣчто великое, пріучалъ себя смотрѣть на людей покровительственно-любовно и все думалъ, что «служба» вѣрнѣйшій путь къ движенію всѣхъ этихъ возвышенныхъ цѣлей; мы знаемъ также какъ скоро во всемъ пришлось разочароваться и какъ, послѣ неудачной попытки сказать свое первое слово, пришлось даже бѣжать съ поля битвы, съ тѣмъ однако чтобы сейчасъ же возвратиться. Это смутное состояніе духа не покидало Гоголя и въ тѣ годы, о которыхъ теперь идетъ рѣчь.

Мысль о призваніи свершить нѣчто для ближнихъ очень важное, спасительное для ихъ духа и жизни, попрежнему прорывается въ интимныхъ рѣчахъ Гоголя. «Какъ благодарю я Вышнюю десницу за тѣ непріятности и неудачи, которыя довелось испытать мнѣ!—пишетъ онъ матери въ началѣ 1831 года. Ни на какія драгоцѣнности въ мірѣ не промѣнялъ бы я ихъ. Время это было для меня наилучшимъ воспитаніемъ, какого я думаю, рѣдкій царь могъ имѣть! Зато какая теперь тишина въ моемъ сердцѣ! какая неуклонная твердость и мужество въ душѣ моей! Неугасимо горитъ во мнѣ стремленіе, но это стремленіе — польза. Мнѣ любо, когда не я ищу, но моего ищутъ знакомства» *). Въ 1833 году онъ опять пишетъ матери: «Я вижу яснѣе и лучше многое, нежели другіе... Я изслѣдовалъ человѣка отъ его колыбели до конца, и отъ этого ничуть не счастливѣе. У меня болитъ сердце, когда я вижу, какъ заблуждаются люди. Толкуютъ о добродѣтели, о Богѣ, и между тѣмъ, не дѣлаютъ ничего. Хотѣлъ бы, кажется, помочь имъ, но рѣдкіе,

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 171—172.

рѣдкіе изъ нихъ имѣютъ свѣтлый природный умъ, чтобы увидѣть истину моихъ словъ» [1]).

Быть можетъ Гоголь нѣсколько умышленно повышалъ свой пророческій тонъ, когда говорилъ съ Маріей Ивановной, которая намеки понимала туго, но именно съ ней онъ и говорилъ всего откровеннѣе. Не менѣе откровенно писалъ онъ, впрочемъ, и своему другу Погодину въ 1836 году, когда, раздосадованный Петербургомъ за пріемъ «Ревизора», покидалъ Россію: «Прощай—писалъ онъ—ѣду разгулять свою тоску, глубоко обдумать свои обязанности авторскія, свои будущія творенія, и возвращусь къ тебѣ, вѣрно, освѣженный и обновленный. Все, что ни дѣлалось со мною, все было спасительно для меня. Всѣ оскорбленія, всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ на мое воспитаніе, и нынѣ я чувствую, что не земная воля направляетъ путь мой. Онъ, вѣрно, необходимъ для меня» [2]).

Эта мысль объ опекѣ Провидѣнія, избравшаго его предметомъ особыхъ своихъ попеченій,—для насъ также не новость; мы знаемъ, что она была тѣсно связана съ представленіемъ, какое Гоголь съ дѣтскихъ лѣтъ имѣлъ о своей чрезвычайной миссіи. Въ періодъ его петербургской жизни эта связь религіозной идеи съ мыслью о собственномъ призваніи не нарушается. Гоголь остается попрежнему религіозенъ. Всякое испытаніе—думаетъ онъ—посылается по чудной волѣ высшей. Все дѣлается единственно для того, чтобы мы болѣе поняли послѣ свое счастье [3]). Самыя простыя житейскія случайности онъ готовъ истолковать Божьимъ вмѣшательствомъ [4]). «Я испыталъ многое на себѣ—пишетъ онъ матери въ 1834 году. Во всемъ, чѣмъ я только займусь съ большею осмотрительностью, хорошенько обсужу дѣло, поведу съ величайшею аккуратностью и порядкомъ, не занимаясь мечтами о будущемъ, во всемъ этомъ я вижу ясно Божью помощь» [5]).

Одно признаніе Гоголя въ данномъ случаѣ въ особенности характерно: Гоголь благодаритъ свою мать за то, что она первая разбудила въ немъ религіозную мысль картиной страшнаго суда—того суда, мысль о которомъ въ послѣдніе годы жизни была для нашего писателя источникомъ такихъ страшныхъ душевныхъ мученій. «Одинъ разъ—напоминаетъ онъ матери—я просилъ васъ разсказать мнѣ о страшномъ судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно разсказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшныхъ, что это потрясло и разбудило во мнѣ всю чувствитель-

---

[1]) «Письма Н. В. Гоголя», I, 261.
[2]) «Письма Н. В. Гоголя», I, 378.
[3]) «Письма Н. В. Гоголя», I, 172.
[4]) «Письма Н. В. Гоголя» I, 193.
[5]) «Письма Н. В. Гоголя», I, 311.

ность, это заронило и произвело впослѣдствіи во мнѣ самыя высокія мысли» *). Такъ продолжала жить въ его сердцѣ религіозная мысль или, вѣрнѣе, религіозная «чувствительность»—въ эти годы пока затаенная, немногимъ извѣстная, но затѣмъ, къ концу его жизни, покорившая всѣ его чувства и думы.

Не измѣнилось, кажется, за это время и прежнее горделивое отношеніе Гоголя къ людямъ—не къ отвлеченной идеѣ человѣчества, ради которой, если вѣрить его словамъ, онъ готовъ былъ претерпѣть всякія униженія и страданія, а къ людямъ вообще, которые его окружали. Гоголь въ своихъ отношеніяхъ продолжалъ сохранять ту степень осторожности и независимости, которая вообще отличала всѣ его связи. Къ чувству дружбы или вообще къ чувству расположенія онъ примѣшивалъ и теперь не мало хитрости и разсчета, а также иногда и сознанія своего превосходства. Быть можетъ, передъ Пушкинымъ и Жуковскимъ склонялся онъ съ искреннимъ признаніемъ ихъ силы и власти надъ собой,—съ другими онъ былъ болѣе чѣмъ независимъ. За эти годы онъ завязалъ нѣсколько новыхъ знакомствъ—съ Погодинымъ, Плетневымъ, Одоевскимъ, Россетъ, Максимовичемъ, Аксаковымъ, Щепкинымъ—съ цвѣтомъ тогдашней интеллигенціи; и въ письмахъ, которыя онъ писалъ этимъ лицамъ, онъ всегда умѣлъ сохранить независимый тонъ, который въ перепискѣ съ людьми болѣе близкими готовъ былъ перейти даже въ наставническій (напр. въ письмахъ къ матери). Этотъ тонъ, кромѣ того былъ попрежнему самоувѣренъ и мѣстами вызывающе-гордъ, въ особенности когда рѣчь заходила о себѣ самомъ, о своей работѣ, своихъ планахъ или видахъ на будущее. Передъ нами и теперь все тотъ же самовлюбленный человѣкъ, какимъ онъ былъ въ его школьныхъ письмахъ—въ настоящую минуту даже еще болѣе гордый въ виду своихъ успѣховъ и своихъ связей съ первыми литературными знаменитостями. Какого иногда онъ былъ о себѣ мнѣнія—можно видѣть по одному очень характерному признанію. Въ одномъ письмѣ къ матери онъ, выговаривая ей за то, что она посылаетъ его на поклонъ къ человѣку, съ нимъ незнакомому, говоритъ: «Признаюсь, не знаю такого добра, которое бы могъ мнѣ сдѣлать человѣкъ... Добра я желаю отъ Бога...» **).

Не покидалъ Гоголь и своей мечты о «службѣ», которая такъ манила его издали въ годы ранней юности. При его стѣсненномъ матеріальномъ положеніи—тяготу котораго онъ испытывалъ впродолженіи всей своей петербургской жизни—имѣть постоянное служебное мѣсто было необходимо, и потому не будемъ удивляться, если въ его перепискѣ мы встрѣтимся съ частыми размышленіями на эту прозаическую тему. Но при всемъ своемъ прозаическомъ и практическомъ взглядѣ на

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 260.

**) «Письма Н. В. Гоголя» I, 205.

этотъ вопросъ, Гоголь всетаки не переставалъ придавать понятію о «службѣ» прежнее идейное и даже романтическое содержаніе.

Отъ службы въ департаментѣ онъ очень скоро отказался и былъ, конечно, радъ, что могъ бросить эти «ничтожныя» занятія. «Путь у меня другой, дорога прямѣе и въ душѣ болѣе силы идти твердымъ шагомъ», писалъ онъ матери, извѣщая ее о томъ, что поступилъ учителемъ въ Патріотическій Институтъ (въ мартѣ 1831 г.). Здѣсь, на учительской каѳедрѣ, на этомъ новомъ мѣстѣ служенія онъ чувствовалъ себя хорошо и признавался, что его занятія «составляютъ для его души неизъяснимыя удовольствія». Этому показанію легко можно повѣрить; Гоголь, дѣйствительно, на первыхъ порахъ очень увлекся своими занятіями и, конечно, не потому, что былъ прирожденнымъ педагогомъ. Онъ обладалъ, правда, извѣстнымъ педагогическимъ опытомъ, который онъ пріобрѣлъ, зарабатывая деньги на частныхъ урокахъ, но если онъ такъ увлекся уроками въ институтѣ, то потому, что и на этотъ родъ прозаической «службы» взглянулъ со свойственнымъ ему преувеличеніемъ. А такое преувеличеніе было— на что указываетъ, между прочимъ, его желаніе написать въ двухъ или даже въ трехъ томахъ цѣлый курсъ всеобщей исторіи и географіи, для котораго онъ подобралъ уже заглавіе «Земля и люди». Этотъ курсъ долженъ былъ составиться изъ его чтеній, которыя записывались институтками. Гоголь принялся за выполненіе этого плана очень ретиво; если вѣрить одному его письму къ Погодину, то даже приступилъ къ его напечатанію, но вслѣдствіе налетѣвшей на него тоски, корректурный листъ выпалъ изъ его рукъ, и работа была брошена. Гоголь продолжалъ, однако, служить, и еще въ 1835 г. увѣрялъ Жуковскаго, что считаетъ преподаваніе для себя дѣломъ роднымъ и близкимъ.

Съ 1838 года Гоголь сталъ помышлять о новой службѣ; и только— думается намъ—его взглядами на святость службы и можно объяснить то упорство, съ какимъ онъ сталъ добиваться профессуры сначала въ Кіевѣ, а затѣмъ въ Петербургѣ. Что въ Гоголѣ могъ проявиться большой интересъ къ научнымъ занятіямъ, и онъ одно время могъ думать, что онъ призванъ быть именно ученымъ—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; но что онъ пожелалъ непремѣнно стать профессоромъ, не имѣя на то никакихъ правъ—то это нескромное желаніе, помимо матеріальнаго разсчета, который несомнѣнно былъ у Гоголя, можетъ быть объяснено только необычайно высокимъ понятіемъ о профессорской дѣятельности, о профессорской «службѣ», какое себѣ составилъ нашъ искатель великаго дѣла. Гоголь шелъ на большой рискъ, становясь въ ряды университетскихъ «дѣятелей», но онъ одно время, дѣйствительно, искренно думалъ, что профессура и есть его настоящее призваніе, что на каѳедрѣ онъ можетъ сдѣлать всего больше добра и блага.

Этотъ трагикомическій эпизодъ съ профессурой, на которомъ стоитъ остановиться, очень характеренъ для поясненія того лирическаго и приподнятаго настроенія, въ какомъ находился нашъ художникъ все еще не увѣренный въ томъ, что роль писателя и служеніе искусству — его призваніе и все еще помышляющій о какой-нибудь обществомъ признанной опредѣленной службѣ.

Интересъ къ старинѣ проснулся въ Гоголѣ очень рано—еще тогда, когда онъ приступилъ къ собиранію матеріаловъ для своихъ украинскихъ повѣстей. Въ 1832 году исторія стала уже его «любимой» наукой — какъ видно изъ одного его письма къ Погодину. Быть можетъ, что и дружба съ Погодинымъ, закрѣпленная въ этомъ году, оказала свое вліяніе на направленіе научныхъ симпатій Гоголя. «Главное дѣло—всеобщая исторія писалъ онъ своему другу *), а прочее стороннее» и, кажется, что въ эти годы (1832—1833) для Гоголя, дѣйствительно, все кромѣ исторіи, стало дѣломъ стороннимъ.

Какъ видно изъ его тетрадокъ и записокъ, онъ принялся на чтеніе, и въ самомъ дѣлѣ, читалъ много. Въ концѣ 1833 года онъ сообщаетъ своему другу Максимовичу, «что онъ принялся за исторію бѣдной Украйны». «Ничто такъ не успокаиваетъ—пишетъ онъ **)— какъ исторія. Мои мысли начинаютъ литься тише и стройнѣе. Мнѣ кажется, что я напишу ее (т. е. исторію Малороссіи), что я скажу много того, чего до меня не говорили».

Въ это же время, т. е. въ концѣ 1833 года у Гоголя зарождается и мысль о томъ, какъ хорошо было бы занять каѳедру исторіи въ Кіевѣ. Ему надоѣлъ Петербургъ; ему хочется въ древній прекрасный Кіевъ. Тамъ можно обновиться всѣми силами и много тамъ можно надѣлать добра. О своихъ правахъ на эту каѳедру Гоголь также уже подумалъ: эти права въ его работѣ и стараніяхъ, но главное въ томъ, что онъ истинно-просвѣщенный человѣкъ, человѣкъ чистый и добрый— такъ, по крайней мѣрѣ, онъ аттестуетъ себя въ письмѣ къ Максимовичу, который, кажется, и подалъ ему первую мысль о кіевской профессурѣ ***).

Гоголь спѣшитъ набросать свои мысли и планъ преподаванія на бумагу, чтобы представить его министру просвѣщенія Уварову, и онъ надѣется, что Уваровъ отличитъ его отъ толпы «вялыхъ» профессоровъ, которыми набиты университеты. Онъ вполнѣ можетъ разсчитывать на кіевскую каѳедру, такъ какъ три года тому назадъ (1831?) ему уже предлагали каѳедру въ Москвѣ (??)—такъ по крайней мѣрѣ говоритъ онъ Пушкину и слова его остаются, конечно, на его совѣсти. Въ надеждѣ на поддержку Пушкина, онъ довѣряетъ ему и всѣ свои надежды: «Какъ закипятъ труды мои въ

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 234.
**) «Письма Н. В. Гоголя», I, 263.
***) «Письма Н. В. Гоголя». I, 268.

Кіевѣ — пишетъ онъ *). Тамъ кончу я исторію Украйны и юга Россіи и напишу всеобщую исторію, которой, въ настоящемъ видѣ ея, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не только на Руси, но даже и въ Европѣ нѣтъ». «Какъ только въ Кіевъ — лѣнь къ чорту! чтобъ и духъ ея не пахъ. Да превратится онъ въ русскіе Аѳины, богоспасаемый нашъ городъ». И Гоголь, если вѣрить ему, дѣйствительно, отрекается отъ лѣни. Онъ спокоенъ духомъ, и малороссійская и всемірная исторія начинаютъ у него «двигаться»; ему приходятъ въ голову крупныя, полныя, свѣжія мысли; ему кажется, что онъ сдѣлаетъ во всеобщей исторіи что-то не-общее. Малороссійская его исторія бѣшена, слогъ въ ней горитъ, онъ исторически жгучъ и живъ... Гоголь пишетъ эту исторію отъ начала до конца и уже разсчиталъ, что она займетъ шесть малыхъ или четыре большихъ тома... Но, кажется, что все это были мечты потому, что когда Надеждинъ попросилъ у него отрывокъ изъ этой исторіи для напечатанія, Гоголь признался Погодину, что онъ не можетъ его прислать, такъ какъ эта исторія у него въ такомъ забытьи и такой облечена пылью, что онъ боится подступить къ ней **). Тѣмъ не менѣе, онъ продолжаетъ энергично хлопотать о кіевской каѳедрѣ.

Въ 1834 году Гоголя очень обезпокоило извѣстіе, что у него есть конкурентъ; онъ не понимаетъ, какъ это могло случиться, когда министръ ему обѣщалъ это мѣсто и даже требовалъ, чтобы онъ подавалъ прошеніе, которое онъ только потому не подалъ, что хотѣлъ быть сразу ординарнымъ, а ему предлагали только адъюнкта. Онъ проситъ Максимовича похлопотать у кіевскаго попечителя за него, проситъ его намекнуть попечителю, что онъ, Максимовичъ, не знаетъ человѣка, который имѣлъ бы такія глубокія историческія свѣдѣнія и такъ бы владѣлъ языкомъ преподаванія, какъ Гоголь. Съ той же просьбой обращается Гоголь и къ Пушкину, прося его налечь на министра. Министръ—какъ онъ утверждаетъ — готовъ ему дать экстраординарнаго профессора, но всетолько кормитъ его словами и обѣщаніями; между тѣмъ, кіевскій попечитель предлагаетъ ему занять вмѣсто каѳедры всеобщей исторіи, каѳедру русской, чего Гоголь совсѣмъ не желаетъ... онъ готовъ скорѣе все бросить и откланяться, чѣмъ читать исторію русскую.

Вся эта волокита не привела, однако, ни къ чему: кіевскую каѳедру получилъ его конкурентъ, но зато въ іюлѣ 1834 г. Гоголь былъ назначенъ профессоромъ с.-петербургскаго университета по каѳедрѣ всеобщей исторіи. Съ мечтой преобразовать Кіевъ въ Аѳины пришлось проститься. Гоголь, не желая показать своего раздраженія, сталъ теперь утверждать, что онъ только ради здоровья добивался профессуры на

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 270—271.

**) «Письма Н. В. Гоголя», I, 285.

югѣ, профессуры, «которая, если бы не у насъ на Руси, то была бы самое благородное званіе» *).

Пришлось остаться въ Петербургѣ, но Гоголь продолжалъ думать о Кіевѣ. По крайней мѣрѣ, уже послѣ назначенія своего профессоромъ, онъ писалъ Максимовичу, что онъ рѣшился принять предложеніе остаться на годъ въ петербургскомъ университетѣ, лишь затѣмъ, чтобы имѣть больше правъ занять каѳедру въ Кіевѣ. Онъ даже просилъ своего друга присмотрѣть въ Кіевѣ для него домикъ, если можно, съ садикомъ, гдѣ-нибудь на горѣ, чтобы хоть кусочекъ Днѣпра былъ видѣнъ.

Какъ бы то ни было, но Гоголь своего добился: на каѳедру онъ взошелъ. При разборѣ его историческихъ статей мы увидимъ, какъ онъ понималъ свою задачу. Отмѣтимъ пока лишь, что онъ работалъ, и работалъ много—самостоятельно или не самостоятельно, это иной вопросъ, но доброе желаніе у него, безспорно, было. Онъ приступилъ теперь къ писанію исторіи среднихъ вѣковъ, которую онъ разсчиталъ томовъ на восемь или на девять. Даже на лѣтнихъ каникулахъ онъ не прерывалъ своей ученой работы. Онъ продолжалъ въ себя вѣрить, и въ оцѣнкѣ роли профессора, все подчеркивалъ необходимость «благородныхъ» качествъ души **).

Но ихъ оказалось недостаточно для того, чтобы устоять на такомъ отвѣтственномъ посту. Профессура готовила Гоголю жестокое разочарованіе.

Сопоставимъ нѣсколько показаній современниковъ о томъ, какъ нашъ художникъ велъ себя на этомъ мѣстѣ «служенія».

О первой его лекціи мы имѣемъ свидѣтельство одного изъ его слушателей—Иваницкаго ***). «Гоголь вошелъ въ аудиторію—разсказываетъ онъ—и въ ожиданіи ректора началъ о чемъ-то говорить съ инспекторомъ, стоя у окна. Замѣтно было, что онъ находился въ тревожномъ состояніи духа: вертѣлъ въ рукахъ шляпу, мялъ перчатку и какъ-то недовѣрчиво посматривалъ на насъ. Наконецъ, подошелъ къ каѳедрѣ и, обратясь къ намъ, началъ объяснять, о чемъ намѣренъ онъ читать сегодня лекцію. Впродолженіи этой коротенькой рѣчи, онъ постепенно всходилъ по ступенямъ каѳедры: сперва всталъ на первую ступеньку, потомъ на вторую, потомъ на третью. Ясно, что онъ не довѣрялъ самъ себѣ и хотѣлъ сначала попробовать, какъ-то онъ будетъ читать? Мнѣ кажется, однако жъ, что волненіе его происходило не отъ недостатка присутствія духа, а просто отъ слабости нервовъ, потому что въ то время, какъ лицо его непріятно блѣднѣло и принимало болѣзненное выраженіе, мысль, высказываемая имъ, раз-

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 305.

**) «Письма Н. В. Гоголя», I, 340.

***) Перепечатано у *В. И. Шенрока*. «Матеріалы для біографіи Гоголя», II, 228—230.

вивалась совершенно логически и въ самыхъ блестящихъ формахъ. Къ концу рѣчи Гоголь стоялъ уже на самой верхней ступенькѣ каѳедры и замѣтно одушевился... Не знаю, прошло ли и пять минутъ, какъ ужъ Гоголь овладѣлъ совершенно вниманіемъ слушателей. Невозможно было спокойно слѣдить за его мыслью, которая летѣла и преломлялась, какъ молнія, освѣщая безпрестанно картину за картиной въ этомъ мракѣ средневѣковой исторіи. Впрочемъ, вся эта лекція изъ слова въ слово напечатана въ «Арабескахъ». Ясно, что и въ этомъ случаѣ, не довѣряя самъ себѣ, Гоголь выучилъ наизусть предварительно написанную лекцію, и хотя во время чтенія одушевился и говорилъ совершенно свободно, но ужъ не могъ оторваться отъ затверженныхъ фразъ и потому не прибавилъ къ нимъ ни одного слова».

Съ этимъ свидѣтельствомъ очевидца несовсѣмъ согласно показаніе другого. «На первую лекцію—разсказываетъ профессоръ Васильевъ*)—навалили къ Гоголю въ аудиторію всѣ факультеты. Изъ посторонникъ посѣтителей явились и Пушкинъ, и, кажется, Жуковскій. Сконфузился нашъ пасѣчникъ, читалъ плохо и произвелъ весьма невыгодный для себя эффектъ. Этого впечатлѣнія не поправилъ онъ и на слѣдующихъ лекціяхъ. Иначе, впрочемъ, и быть не могло. Образованіемъ своимъ въ нѣжинскомъ лицеѣ и дальнѣйшими потомъ занятіями Гоголь нисколько не былъ приготовленъ читать университетскія лекціи исторіи; у него не было для этого ни истиннаго призванія, ни достаточной начитанности, ни даже средствъ пріобрѣсти ее, не говоря уже о совершенномъ отсутствіи ученыхъ пріемовъ и соотвѣтственнаго времени взгляда на науку».

«Какъ ни плохи были вообще слушатели Гоголя—продолжаетъ Васильевъ—однако же сразу поняли его несостоятельность. Въ такомъ положеніи оставался ему одинъ исходъ—удивить фразами, заговорить; но это было не въ натурѣ Гоголя, который нисколько не владѣлъ даромъ слова и выражался весьма вяло. Вышло то, что послѣ трехъ-четырехъ лекцій студенты ходили въ аудиторію къ нему только для того ужъ, чтобы позабавиться надъ «маленько-сказочнымъ» языкомъ преподавателя. Гоголь не могъ того не видѣть, самъ тотчасъ же созналъ свою неспособность, охладѣлъ къ дѣлу и еле-еле дотянулъ до окончанія учебнаго года, то являясь на лекцію съ повязанной щекою въ свидѣтельство зубной боли, то пропуская ихъ за тою же болью. На годичный экзаменъ Гоголь также пришелъ съ окутанной косынками головою, предоставилъ экзаменовать слушателей декану и ассистентамъ, а самъ молчалъ все время. Студенты, зная, какъ не твердъ онъ въ своемъ предметѣ, объяснили это молчаніе страхомъ его обнаружить въ чемъ-нибудь свое незнаніе».

Съ этимъ суровымъ отзывомъ согласны отзывы и другихъ лицъ.

---

*) *В. И. Шенрокъ.* «Матеріалы для біографіи Гоголя» II, 231—233.

«Гоголь—разсказываетъ И. С. Тургеневъ—изъ трехъ лекцій непремѣнно пропускалъ двѣ; когда онъ появлялся на каѳедрѣ, онъ не говорилъ, а шепталъ что-то весьма несвязное, показывая намъ маленькія гравюры на стали, изображавшія виды Палестины и другихъ восточныхъ странъ, и все время ужасно конфузился. Мы всѣ были убѣждены, что онъ ничего не смыслитъ въ исторіи. На выпускномъ экзаменѣ изъ своего предмета онъ сидѣлъ подвязанный платкомъ якобы отъ зубной боли съ совершенно убитой физіономіей—и не разѣвалъ рта. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ самъ хорошо понималъ весь комизмъ и всю неловкость своего положенія».

Еще строже высказывался одинъ изъ его товарищей—А. В. Никитенко. «Гоголь такъ дурно читаетъ лекціи въ университетѣ—записываетъ онъ въ своемъ дневникѣ—что сдѣлался посмѣшищемъ для студентовъ. Начальство боится, чтобы они не выкинули надъ нимъ какой-нибудь шалости, обыкновенной въ такихъ случаяхъ, но непріятной по послѣдствіямъ».

Самъ ли Гоголь догадался, что онъ взялся не за свое дѣло, или ему дали понять это, но только въ концѣ 1835 года онъ университетъ покинулъ. Съ нѣкоторымъ ухарствомъ и съ большимъ самомнѣніемъ писалъ онъ по этому поводу Погодину: «Я расплевался съ университетомъ, и черезъ мѣсяцъ опять беззаботный казакъ. Неузнанный я взошелъ на каѳедру и неузнанный схожу съ нея. Но въ эти полтора года—годы моего безславія, потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся,—въ эти полтора года я много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали меня... Миръ вамъ, мои небесныя гостьи, наводившія на меня божественныя минуты въ моей тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку: васъ никто не знаетъ, васъ вновь опускаю на дно души до новаго пробужденія; когда вы исторгнетесь съ бо́льшею силою, не посмѣетъ устоять безстыдная дерзость ученаго невѣжи, ученая и неученая чернь, всегда соглашающаяся публика»... *)

Такой печальной думой закончились всѣ недавніе восторги. А Гоголь, кажется, не допускалъ сомнѣнія въ томъ, что его устами глаголетъ истина, хотя, послѣ первыхъ же лекцій, онъ могъ увидать, что его перестали слушать.

«Знаешь ли ты — писалъ онъ Погодину въ концѣ 1834 года—что значитъ не встрѣтить сочувствія, что значитъ не встрѣтить отзыва? Я читаю одинъ, рѣшительно одинъ, въ здѣшнемъ университетѣ. Никто меня не слушаетъ и ни на одномъ лицѣ ни разу не встрѣтилъ я, чтобы поразила его яркая истина. Хотя бы одно студенческое суще-

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 357.

ство понимало меня! Это народъ безцвѣтный, какъ Петербургъ». А между тѣмъ, если бы онъ могъ заглянуть въ будущее, онъ сталъ бы вглядываться внимательно въ лица двухъ слушателей:—передъ нимъ на студенческой скамьѣ сидѣли Тургеневъ и Грановскій.

Вся эта печальная исторія съ прогрессурой, отозвавшаяся очень больно на Гоголѣ, не была слѣдствіемъ лишь минутнаго налетѣвшаго на него вдругъ каприза. Если матеріальныя соображенія могли входить въ его разсчеты, то все таки они не были главнымъ мотивомъ его упорства. Это была снова мечта, мечта о служеніи ближнимъ, обманувшая нашего легковѣрнаго романтика. Ему вдругъ показалось, что онъ можетъ обозрѣть все прошлое духовнымъ окомъ, — и сказать свое слово о судьбахъ человѣчества.

Съ выходомъ изъ университета Гоголь прощался съ послѣдней надеждой на «службу». Онъ становился, дѣйствительно, вольнымъ казакомъ. Можно удивляться, что онъ не захотѣлъ стать имъ раньше и такъ долго носился съ мыслью пристроить себя къ какому-нибудь оффиціальному «дѣлу». Очевидно, что вѣра въ себя, какъ въ писателя только, какъ въ художника по преимуществу, все еще недостаточно была крѣпка въ немъ. Онъ все еще не рѣшался сказать самому себѣ, что служеніе искусству его истинное, единственное призваніе.

Это тѣмъ болѣе странно, что какъ разъ въ тѣ годы, когда онъ такъ упорно стремился выработать изъ себя ученаго и профессора, онъ, какъ художникъ, обнаружилъ рѣдкую по силѣ и быстротѣ производительность. Замѣтимъ кстати, что онъ совсѣмъ не хладнокровно относился въ это время къ своей литературной работѣ. Когда въ концѣ 1832 года и въ 1833 году эта дѣятельность временно какъ будто начала ослабѣвать, Гоголь очень былъ обезпокоенъ такимъ застоемъ въ работѣ. Онъ досадовалъ, что творческая сила его не посѣщаетъ; онъ презрительно отзывался о своихъ «Вечерахъ на Хуторѣ»: «Да обрекутся они неизвѣстности—писалъ онъ—покамѣсть что-нибудь увѣсистое, великое, художническое не изыдетъ изъ меня!». Бездѣйствіе и неподвижность въ творчествѣ его бѣсили. «Мелкаго не хочется, великое не выдумывается». Онъ испытывалъ за это время настоящія муки творчества. «Еслибы вы знали—писалъ онъ Максимовичу—какіе со мной происходили странные перевороты, какъ сильно растерзано все внутри меня! Боже сколько я *пережегъ*, сколько перестрадалъ!» *).

Тревоги Гоголя были, конечно, напрасны. Творческая способность его не покидала, но, наоборотъ, развертывалась съ полной силой. Въ 1835 году были напечатаны «Арабески» и «Миргородъ», съ 1832 года началась работа надъ комедіями и всѣ «отрывки», «Женитьба» и «Ревизоръ» были къ 1836 году закончены въ первоначальныхъ редак

*) «Письма Н. В. Гоголя». I, 227, 237, 263.

ціяхъ. Въ концѣ 1835 года Гоголь началъ писать «Мертвыя Души»—однимъ словомъ, работа кипѣла, и странно, какъ мы сказали, что при этой кипучей литературной работѣ, онъ все никакъ не хотѣлъ разстаться съ работой ученой. Но послѣ университетскаго фіаско—сомнѣній уже не могло быть.

«Мимо, мимо все это!—писалъ Гоголь Погодину. Теперь вышелъ я на свѣжій воздухъ. Это освѣженіе нужно въ жизни, какъ цвѣтамъ дождь, какъ засидѣвшемуся въ кабинетѣ—прогулка. Смѣяться, смѣяться давай теперь побольше. Да здравствуетъ комедія!» *)

Настоящая дорога была, наконецъ, найдена.

Итакъ, если сравнить того Гоголя, съ которымъ мы познакомились въ первый годъ его жизни въ Петербургѣ съ тѣмъ уже видным писателемъ, который теперь передъ нами, то никакой почти перемѣны не замѣтимъ мы ни въ его характерѣ, ни въ образѣ его мыслей. Та же замкнутость и самомнѣніе; тѣ же мечты о великомъ своемъ призваніи, та же религіозность. Тѣ же мысли о томъ, какъ бы найти поскорѣе истинное дѣло, свершая которое онъ могъ бы служить людямъ, творить имъ добро, вѣщать имъ истину—людямъ, которыхъ онъ любитъ какъ идею или мечту и съ которыми туго сближается въ жизни. Наконецъ, и прежняя грусть, и тревога духа не покинули Гоголя въ эти болѣе зрѣлые годы: старый разладъ между мечтой и жизнью, между идеаломъ, къ которому тяготѣла душа поэта и житейской грязью, къ которой онъ теперь сталъ присматриваться, давалъ себя чувствовать попрежнему тяжело и настойчиво. Иначе и быть не могло, такъ какъ за этотъ періодъ времени, отъ 1832 до 1836 года, обѣ основныхъ и главныхъ силы его духа: и романтическій лиризмъ его сердца, и трезвый взглядъ реалиста-художника, вступили въ первую рѣшительную борьбу между собой—борьбу, которая на этотъ разъ должна была кончиться побѣдой художника реалиста надъ романтикомъ и моралистомъ.

Обѣ эти основныхъ силы крѣпли въ немъ и росли быстро.

Способность присматриваться къ мелочамъ жизни, способность анализировать ее безпощадно, срывая съ нея иногда всѣ романтическіе покровы, талантъ трезваго бытописателя, для котораго изображеніе жизни важнѣе затаеннаго въ ней смысла, — этотъ даръ продолжалъ развиваться и достигъ своего наибольшаго разцвѣта какъ разъ къ началу сороковыхъ годовъ. Уже въ «Вечерахъ на Хуторѣ» онъ былъ достаточно замѣтенъ и затѣмъ съ каждымъ годомъ это дарованіе реалиста стало сказываться все опредѣленнѣе и рѣзче. Въ 1831 году была написана «повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». Въ 1832 году начата была комедія «Владиміръ 3-ей степени», набросано «Утро дѣлового чело-

---

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 357.

вѣка» и написаны «Старосвѣтскіе помѣщики». Въ 1833 г. начата «Женитьба»; въ 1834 году написаны «Невскій проспектъ», «Записки сумасшедшаго» и начатъ «Ревизоръ»; въ 1835 году начаты «Мертвыя Души», написана «Коляска»; въ 1836 г. законченъ «Ревизоръ» и написанъ «Носъ». Затѣмъ отъ 1836 до 1842 года тянулась работа надъ первой и второй частью «Мертвыхъ Душъ».

Но и тяготѣніе къ романтическому міропониманію и къ лирическимъ изліяніямъ по поводу того, что приходилось наблюдать и видѣть, отнюдь не замерло въ душѣ художника за этотъ періодъ времени. Наоборотъ, оно отстаивало свою власть надъ его сердцемъ очень упорно. Проявлялось оно въ повышенномъ патетическомъ настроеніи духа, въ восторгахъ передъ таинственнымъ смысломъ жизни вообще и передъ красотой въ мірѣ въ частности; сказывалось оно также въ любви къ фантастическому, чудесному и религіозному, наконецъ, въ увлеченіи старинной легендарной и исторической.

Съ только что поименованнымъ рядомъ памятниковъ, въ которыхъ Гоголь являлся трезвымъ реалистомъ, можно сопоставить такой же рядъ произведеній, обличающихъ въ писателѣ сентименталиста и романтика. Мы знаемъ, какъ много такого сентиментализма и романтизма было въ «Вечерахъ на Хуторѣ». Съ 1830 года эти вкусы сказываются во всѣхъ отрывкахъ изъ историческихъ романовъ, во всѣхъ статьяхъ съ историческимъ содержаніемъ, во всѣхъ стихотвореніяхъ въ прозѣ, которыя озаглавлены «Женщина» (1830) «Борисъ Годуновъ» (1830), «Живопись, скульптура и музыка» 1831), «1834 годъ» (1833), «Жизнь» (1834). Этимъ же романтизмомъ окрашены и повѣсти «Вій» (1834), «Тарасъ Бульба» (1834) и «Портретъ» (1835).

При такой постоянной перемѣнѣ настроенія и смѣнѣ въ пріемахъ творчества работалъ Гоголь въ эти знаменательные годы своей жизни. Состояніе его духа было неспокойное и смутное. Все настойчивѣе начиналъ его тревожить вопросъ — съ какой же стороны художнику подходить къ жизни? Призванъ ли художникъ вычитывать изъ этой жизни ея таинственный смыслъ, напоминать этой жизни объ ея идеалѣ и быть для людей маякомъ, который, возвышаясь надъ взволнованнымъ житейскимъ моремъ, ведетъ ихъ къ вѣрной пристани; или онъ долженъ быть для нихъ простымъ зоркимъ спутникомъ, призваннымъ открыть имъ глаза на опасность? Этотъ не совсѣмъ правильно поставленный вопросъ возникъ во всей его строгости передъ Гоголемъ и сталъ для него источникомъ великихъ мученій. Поэтъ никакъ не могъ рѣшить, въ чемъ его обязанность передъ людьми: въ томъ ли, чтобы только выворачивать передъ ними всю ихъ грѣшную и грязную душу, или въ томъ, чтобы, вывороти въ ее, указать имъ путь спасенія. Этотъ вопросъ долженъ былъ измучить Гоголя, уже по одному тому что въ умѣ нашего поэта съ дѣтскихъ лѣтъ крѣпко засѣла мысль объ особенной миссіи, которая именно на него возложена.

На эти же мысли о призваніи поэта и на его отношеніе къ міраmъ идеальному и реальному наводило Гоголя, кромѣ того, одно весьма важное обстоятельство его петербургской жизни. Это были его близкія связи съ кружкомъ Пушкина.

Съ Жуковскимъ Гоголь познакомился въ концѣ 1830 г., съ Пушкинымъ въ 1831 г. Отношенія установились сразу очень хорошія, несмотря на неравенство лѣтъ и положенія. Въ кабинетѣ Пушкина, у Жуковскаго, Одоевскаго, Вьельгорскаго, въ салонѣ фрейлины Россетъ протекали эти счастливыя для Гоголя минуты, когда онъ чувствовалъ себя въ сосѣдствѣ съ геніемъ, добромъ и красотой—съ этими тремя дарами, которые онъ цѣнилъ выше всего въ жизни человѣка.

Совершенно особаго рода вліяніе оказалъ этотъ кружокъ Пушкина на Гоголя. Онъ не нанесъ никакого ущерба его самостоятельности, но усилилъ въ немъ одну склонность, которая и безъ того была сильна въ немъ, а именно, его любовь къ отрѣшенному отъ дѣйствительности и просвѣтленному представленію о жизни и человѣкѣ.

Атмосфера пушкинскаго кружка заставила сердце Гоголя романтичнѣе и возвышеннѣе чувствовать, и про́пасть между дѣйствительностью и идеальнымъ представленіемъ о ней стала нашему художнику казаться еще шире. Люди, которые теперь его окружали, противопоставляли житейской грязи и пошлости, которая всегда такъ бросалась въ глаза нашему поэту—тотъ горній міръ красоты, въ которомъ жила ихъ богато одаренная фантазія. Отъ будничныхъ волненій они стремились стать подальше. Въ своей борьбѣ за доброе начало въ жизни, они могли сравнить себя съ тѣмъ ветхозавѣтнымъ вождемъ, который въ разгарѣ битвы Израиля со врагомъ стоялъ на горѣ съ поднятыми къ небу руками: пока они были подняты, Израиль побѣждалъ, и потому надо было только высоко держать ихъ, не оглядываясь и не заботясь объ остальномъ. На такой горѣ стояли Пушкинъ и его друзья.

Пушкинъ былъ главный чародѣй этого заколдованнаго царства; и Гоголь восторженно поклонялся въ немъ удивительному полету его вдохновенія, которое умѣло надъ міромъ прозы поставить свой чудесный міръ мечты и торжествовать свою полную побѣду надъ дѣйствительностью. Это вдохновеніе было необычайно спокойно и ясно, носило въ себѣ сознаніе своей облагораживающей и возвышающей силы.

Этой силы не было въ поэзіи Жуковскаго, но зато она намекала человѣку на таинственную загробную даль, ласкала наши упованія и нашу вѣру въ Промыселъ, который допускаетъ зло на землѣ, лишь какъ временное испытаніе, и въ этой поэтичной вѣрѣ для Гоголя дано было великое утѣшеніе.

Все въ кружкѣ Пушкина говорило объ особомъ свѣтломъ мірѣ, куда доступъ былъ открытъ только избраннымъ, и Гоголь чувствовалъ, что онъ въ числѣ ихъ. Въ этомъ кружкѣ, который такъ высоко поднимался надъ жизнью, который не вступалъ съ ней въ споръ, а только ука-

зывалъ ей на ея просвѣтленный образъ,—въ этомъ кружкѣ нѣкоторыя мысли и чувства Гоголя получили особое подтвержденіе. Въ немъ укрѣпилось убѣжденіе, что поэтъ есть истинный избранникъ Божій, которому не только дана сила возсоздать жизнь въ образѣ, но сила руководить ею во всѣхъ даже детальныхъ ея вопросахъ единственно по праву вдохновенія. Понятіе о художникѣ въ его представленіи слилось съ понятіемъ о прорицателѣ, о непосредственномъ слугѣ Божіемъ, одаренномъ свыше чуть ли не чудесной силою прозрѣнія для блага и счастья ближнихъ.

Самъ Пушкинъ и его друзья понимали призваніе поэта, быть можетъ, и не въ столь мистическомъ смыслѣ, но обаяніе ихъ личности и творчества придали въ глазахъ Гоголя именно такой мистическій смыслъ вдохновенію.

Тяжело было жить Гоголю съ такимъ непомѣрно-высокимъ мнѣніемъ о своемъ назначеніи въ мірѣ; ему, въ которомъ талантъ бытописателя и реалиста крѣпъ съ каждымъ годомъ, въ которомъ тоска по гармоніи идеала и жизни должна была усиливаться по мѣрѣ того, какъ этотъ талантъ развивался и все болѣе и болѣе сводилъ поэта съ высотъ лиризма, приближая его къ прозаической злобѣ дня.

Эта борьба лиризма и романтическихъ чувствъ съ трезвой наблюдательностью реалиста оставила свой ясный слѣдъ на произведеніяхъ Гоголя за этотъ періодъ его дѣятельности. Въ томъ, что онъ говорилъ въ «Арабескахъ», въ «Миргородѣ» и въ другихъ своихъ повѣстяхъ, статьяхъ и замѣткахъ мы находимъ своеобразное рѣшеніе волновавшихъ его вопросовъ, а также и прямое отраженіе чередующихся въ немъ настроеній романтика-энтузіаста и бытописателя-юмориста.

Гоголя прежде всего тревожитъ вопросъ о назначеніи искусства въ жизни. Поэтъ художникъ — кто онъ? Для чего онъ посланъ въ міръ? Какое соотношеніе существуетъ между міромъ реальнымъ, къ которому мы прикованы, и міромъ идеала, о которомъ тоскуемъ? Какое положеніе среди этихъ двухъ спорящихъ міровъ долженъ занять художникъ? Эти вѣчные вопросы явятся сейчасъ передъ нами, символически преображенные въ образахъ.

И нашъ писатель одновременно начнетъ развертывать передъ нами обѣ стороны своего таланта: онъ, какъ романтикъ, эстетикъ и историкъ, будетъ доискиваться въ жизни ея символическаго смысла, будетъ любоваться на ея красоту и будетъ пытаться возсоздать ея прошлое; какъ реалистъ и бытописатель, онъ станетъ приглядываться къ ея прозаическимъ деталямъ, начнетъ выискивать въ ней и пошлое, и смѣшное. Зачѣмъ? Пока лишь затѣмъ, чтобы отъ души посмѣяться.

Н. Котляревскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЛЕБЕДИНОЕ ГНѢЗДО.

(Елизаветы Броунингъ).

Элли сѣла на траву;
Тамъ подъ буковою сѣнью
Вьется рѣчка въ тростникѣ.
Лучъ пробился сквозь листву,
Онъ играетъ свѣтотѣнью
У малютки на щекѣ.

—

Шляпку сбросила свою
Элли между тростниками,
Ноги въ воду опустивъ
Въ серебристую струю.
И качается—руками
Ихъ съ улыбкой обхвативъ.

—

У рѣки—она одна;
Вмѣсто словъ—улыбкой ясной,
Частой гостьей на устахъ—
Тишина оживлена.
Міръ таинственно прекрасный
Ей рисуется въ мечтахъ.

—

Элли грезитъ:—Конь коней
У того, кого здѣсь жду я...
Съ нимъ кто станетъ на ряду?
Мой избранникъ—всѣхъ славнѣй,
И за то его сведу я
Къ лебединому гнѣзду.

—

Золотистъ—его скакунъ,
Мой избранникъ—родомъ знатенъ,
Взоръ его горитъ огнемъ;
Поражаетъ звономъ струнъ
Онъ красавецъ, юнъ и статенъ,
А мужей—разитъ мечемъ.

—

Въ серебро разубранъ конь,
Грива по вѣтру развита...
На скаку изъ подъ копытъ
Словно сыплется огонь.
Отбиваютъ тактъ копыта
И, дивясь, пастухъ глядитъ.

—

Но едва лишь встрѣчусь я—
Мой избранникъ всѣ отрады
Позабудетъ для меня.
Молвитъ онъ:—Краса моя,
Жизнь даруютъ эти взгляды,
Жду, колѣна преклоня!

—

Онъ падетъ къ моимъ ногамъ,
(Конь его, привязанъ рядомъ,
Словно слушая, глядитъ).
„Тотъ, кому любовь отдамъ“,—
Я отвѣчу съ гордымъ взглядомъ:
„Долженъ славой быть покрытъ!“

—

Онъ поднимется тогда,
Поблѣднѣвшій отъ волненья.
Съ губъ дрожащихъ у меня
Такъ и рвется слово:—„Да“!
Но скажу черезъ мгновенье:
„Завтра въ путь съ зарею дня!“

—

И вскочивъ съ зарей въ сѣдло,
Вдаль поѣдетъ онъ за славой,
Черезъ рѣку, въ Божій міръ—

Побѣждать порокъ и зло,
Помогая въ битвѣ правой,
Водворяя всюду миръ.

—

Трижды пажъ переплыветъ
Предо мной рѣки стремнину
И падетъ у этихъ ногъ.
— Даръ любви мнѣ рыцарь шлетъ;
Лэди, что же господину
Я свезу? Какой залогъ?

—

Въ первый разъ вручу пажу
Я цвѣтокъ, затѣмъ въ награду
Дамъ перчатку, въ третій разъ—
Гнѣвъ на милость положу.
„Пусть, надѣясь на пощаду,
Онъ вернется въ добрый часъ!“

—

Передастъ отвѣтъ гонецъ.
На конѣ въ пути усталомъ
Онъ примчится къ намъ въ страну.
— Гордый герцогъ—мнѣ отецъ,
Счета нѣтъ моимъ вассаламъ,
Но люблю тебя одну!

—

Тутъ обниметъ онъ меня,
И меня народъ, ликуя,
Съ нимъ прославитъ на ряду,
И тогда съ зарею дня
Въ камыши его сведу я
Къ лебединому гнѣзду!

—

Элли шляпку подняла
И обулась. По привычкѣ
Посмотрѣть хотѣлось ей
(И въ обходъ она пошла)—
Есть ли новыя яички
Тамъ въ гнѣздѣ у лебедей?

—

Вотъ гнѣздо въ рѣчной глуши,
Межъ кустовъ въ концѣ тропинки.
Трепетъ Элли овладѣлъ,
Отстранившей камыши:
Крысой сглоданы тростинки,
Дикій лебедь улетѣлъ!

—

Элли шла въ нѣмой тоскѣ.
Рыцарь, конь съ чудесной мастью
Будутъ, нѣтъ ли — никогда,
О, навѣрно, въ тростникѣ
Не увидѣть имъ, къ несчастью,
Лебединаго гнѣзда!

О. Чюмина.

НА РАСТИТЕЛЬНОЙ ПИЩѢ.

Разсказъ*).

Полдневная зимняя заря разгоралась на южной сторонѣ неба, медленно передвигаясь направо. Пропадинскъ, казалось, оцѣпенѣлъ отъ жестокаго мороза, заставлявшаго дыханіе выходить изъ груди съ шероховатымъ свистомъ и окутывавшаго сѣрымъ паромъ каждое живое существо, осмѣлившееся появиться подъ открытымъ небомъ.

Впрочемъ, на единственной улицѣ города было пустынно и тихо. Изрѣдка человѣческая фигура, смутно мелькнувъ въ сумеречномъ свѣтѣ полярнаго полудня, выскакивала изъ дверей и, подхвативъ ношу мелко нарубленныхъ дровъ, сложенныхъ у порога, торопливо скрывалась обратно. Даже выносливыя полярныя собаки забились въ конуры и другія укромныя мѣста и неподвижно лежали, свернувшись калачикомъ и покрывъ голову пушистымъ хвостомъ, какъ одѣяломъ. Зато изо всѣхъ трубъ поднимались высокіе столбы густого дыма, гдѣ проскакивали багровыя искры, таявшія въ полумракѣ, какъ падучія звѣзды. Жители отсиживались въ избахъ, какъ въ крѣпостяхъ, и защищались отъ мороза самымъ лучшимъ и надежнымъ орудіемъ—огнемъ, тѣмъ болѣе, что дрова были тутъ же подъ бокомъ.

Лѣсъ начинался среди города прямо отъ церкви. Тамъ было тихо, какъ на кладбищѣ. Широкія вѣтви лиственницъ, отягощенныя бѣлыми хлопьями, простирались въ стороны, какъ неподвижныя руки мертвецовъ, окутанныя складками бѣлаго савана. Ни одна талинка не смѣла шевельнуться, чтобъ стряхнуть густой бѣлый пухъ, обильно осѣвшій на ея тонкіе побѣги. Снѣгъ, покрывавшій землю до половины человѣческаго роста, пышный и пушистый, защищенный деревьями отъ безпокойнаго вѣтра, тоже какъ будто спалъ, изнемогая подъ бременемъ холода, плотнаго и тяжелаго, какъ свинецъ.

Бѣлая куропатка, сидѣвшая на нижней вѣтви тальничнаго

*) См. разсказъ того же автора «На каникулахъ», «М. В.», 1900 г., іюнь.

куста и тоже похожая на комъ снѣга, вздрогнула и перепорхнула на сажень подальше. Съ противоположной стороны послышались шаги, медленно и неровно смѣнявшіе другъ друга. Шедшій человѣкъ, очевидно, проваливался въ снѣгъ и каждый разъ съ усиліемъ выдергивалъ то лѣвую, то правую ногу, хватаясь руками за вѣтви для лучшей опоры. Онъ былъ совсѣмъ близко, если даже куропатка, эта почти домашняя птица сѣвернаго лѣса, рѣшила побезпокоиться ради его прихода. Дѣйствительно, черезъ минуту кусты раздвинулись, и человѣкъ показался на небольшой полянкѣ, гдѣ нѣсколько крупныхъ лиственницъ были довольно давно срублены на постройку. Куропатка, сидя на новой вѣткѣ, принялась лѣниво разсматривать его своими красными глазками. Это былъ, конечно, чужестранецъ, ибо вмѣсто оленьяго мѣха, плотно облегающаго тѣло туземцевъ, его высокая фигура была закутана совсѣмъ въ другую одежду. Сермяжный халатъ, надѣтый сверхъ короткаго полушубка и подпоясанный кушакомъ, безпомощно оттопыривался на груди, открывая холоду совершенно свободный проходъ; на рукахъ были желтыя кожаныя рукавицы съ варегами, столь же мало пригодныя для этого холода и этого лѣса. Неуклюжіе валеные сапоги, подшитые кожей и широкіе, какъ лыжи, на каждомъ шагу проваливались въ снѣгъ и оставляли странныя дыры, круглыя и глубокія, какъ устье лисьей норы. За поясомъ у человѣка былъ заткнутъ плотничій топоръ съ короткой ручкой, а на спинѣ былъ привязанъ *сукоспръ*, т.-е. носилки особой формы, похожія на скамейку каменьщиковъ и употребляемыя на сѣверѣ преимущественно для переноски дровъ.

Сѣрый суконный шлыкъ страннаго, очевидно, самодѣльнаго покроя все сползалъ на затылокъ, открывая густые бѣлокурые волосы, соединявшіеся внизу съ такой же бѣлокурой бородой. Свѣтлые волосы бороды были перевиты бѣлыми нитями, гдѣ иней соперничалъ съ сѣдиной, но лицо человѣка горѣло отъ мороза и ходьбы. Онъ уже давно ковылялъ въ снѣгу, какъ большая нерпа, вышедшая на тинистый берегъ, и, несмотря на 50 градусовъ ниже нуля, ему было скорѣе жарко, чѣмъ холодно.

Сдѣлавъ еще нѣсколько дыръ въ снѣгу, человѣкъ приблизился къ первому сухому пню и, вытащивъ изъ-за пояса топоръ, принялся отщепливать одно за другимъ мелкія полѣнья. Нельзя сказать, что бы дѣло подвигалось у него особенно успѣшно. Ручка топора была коротка, а лезвее слишкомъ широко и тонко для этой работы. Топоръ поперемѣнно то выскакивалъ изъ рукъ, то вонзался такъ глубоко въ узловатое дерево, что вытащить его можно было только съ большими усиліями и съ рискомъ переломить желѣзо пополамъ. Но человѣкъ не унывалъ и продолжалъ тюкать, какъ дятелъ, складывая на свои носилки каждый

даже самый маленькій деревянный осколокъ. Отъ одного пня онъ перешелъ къ другому, потомъ къ третьему, и черезъ два часа этого каторжнаго труда ноша была готова. Взваливъ ее съ усиліемъ на плечи и подтянувъ поперекъ пояса нижніе ремни, человѣкъ пустился въ обратный путь.

Теперь идти ему было труднѣе, и онъ спотыкался еще чаще прежняго, напрасно стараясь попадать ногами въ старые слѣды. Ноша, опутанная со всѣхъ сторонъ веревками, застрѣвала въ тальникѣ и угрожала развалиться; суконный шлыкъ съѣзжалъ на глаза въ самыя неудобныя минуты, рукавицы спадали съ рукъ, и онъ доставалъ ихъ, присѣдая въ снѣгу, какъ заяцъ, и изо всѣхъ силъ балансируя спиной, чтобы ноша не свалилась черезъ голову. Несмотря на морозъ, потъ катился съ него градомъ и залѣплялъ ему глаза, борода и волосы окончательно побѣлѣли, и даже на бровяхъ и рѣсницахъ повисли ледяныя сосульки. Дыханіе съ шумомъ и усиліемъ вырывалось изъ его груди и немедленно замерзало, обращаясь въ мелкій иней. Усталость, быстро приходящая при движеніи на сильномъ морозѣ, наклоняла его спину и дрожала мелкой дрожью въ бокахъ, подымавшихся и опускавшихся, какъ у загнанной лошади, но онъ не унывалъ и упорно подвигался впередъ, стараясь выбраться на твердую дорогу, натоптанную ногами пропадинскихъ вдовъ и нищихъ старухъ, которыя, не имѣя собакъ, тоже должны были отправляться въ лѣсъ пѣшкомъ съ носилками за спиной.

Наконецъ, на опушкѣ лѣса забѣлѣлась поляна, гдѣ пріютилась одинокая юрта, отбившаяся отъ другихъ домовъ на самый край узкой и обрывистой рѣчки Сосновки, которая теперь промерзла до дна и была завалена снѣгомъ до верхней межи своихъ крутыхъ береговъ.

Небольшая квадратная дверь, обитая рваной оленьей шкурой и лежавшая, какъ опускной люкъ на сильно скошенной стѣнѣ, не была ничѣмъ приперта. Человѣкъ въ валенкахъ открылъ дверь и сбросилъ дрова въ избу прямо черезъ голову, потомъ съ усиліемъ протиснулъ въ узкое отверстіе свое длинное тѣло. Въ юртѣ было грязно и темно, какъ въ логовищѣ звѣря. Косыя стѣны изъ тонкихъ бревенъ, прислоненныхъ стоймя къ бревенчатой рамѣ вверху и ничѣмъ не скрѣпленныхъ между собой, были хуже стѣнъ любого ярмарочнаго балагана, сколоченнаго на скорую руку. Для тепла хозяинъ обилъ ихъ травяными матами собственной работы, но эти грубые травяные ковры примерзли къ дереву и почти совершенно исчезли подъ толстымъ слоемъ льда, налипшаго снаружи. Всѣ углы были наполнены толстыми ледяными сталактитами, подпиравшими крышу, какъ колонны. Каждая щель на потолкѣ была опушена изморозью, вплоть до неуклюжаго на-

мелька, наклонившаго впередъ свое разверстое чело. Изъ трехъ оконъ юрты два были заглушены для тепла и наполнены связками травы, тоже оледянѣвшими и сросшимися вмѣстѣ. Въ третьемъ окнѣ тускло поблескивала льдина, замѣнявшая стекло и запорошенная снаружи снѣгомъ. Въ общемъ это былъ настоящій ледяной домъ, и казалось, что деревянная оболочка его совершенно не нужна и могла бы отвалиться долой безъ всякаго ущерба для крѣпости и тепла, если бы доски и жерди не вросли такъ крѣпко въ ледъ.

Впрочемъ хозяинъ юрты слишкомъ привыкъ къ ея внутреннему виду и убранству, чтобы обращать на него вниманіе. Онъ поспѣшно поставилъ дровъ въ каминъ и принялся растапливать огонь. Потомъ онъ отряхнулъ снѣгъ съ одежды, сложилъ остальныя дрова въ темномъ углу за каминомъ и по пути вымелъ полъ. Когда онъ въ послѣдній разъ заглянулъ въ уголъ, по лицу его пробѣжало выраженіе удовлетворенія. Трудное это было дѣло, таскать каждый день дрова изъ лѣсу, но онъ исполнялъ его неукоснительно, не обращая вниманія на холодъ и непогоду. Пришельцы въ Пропадинскѣ, не имѣя собственныхъ собакъ, покупали дрова у туземцевъ, но онъ не считалъ возможнымъ покупать за деньги чужой трудъ при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ и проводилъ свое убѣжденіе въ жизнь съ непоколебимымъ упорствомъ, не взирая на морозы и грубые мозоли, набѣгавшіе на его тонкихъ ладоняхъ.

Растопивъ огонь, онъ принялся за приготовленіе обѣда. Если бы какой-нибудь туземецъ могъ видѣть продукты, которыми онъ обходился, то удивленіе, которое они питали къ этому странному человѣку, усилилось бы вдвое. Среди безхлѣбной страны, питающейся исключительно мясомъ убитыхъ тварей, на этомъ одномъ столѣ не было ни мяса, ни рыбы. Хозяинъ юрты издавна былъ вегетаріанцемъ и былъ такъ же неспособенъ измѣнить свои взгляды и вкусы и начать питаться мясомъ, какъ неспособны на это лебедь или лань. Въ первый мѣсяцъ послѣ своего пріѣзда, подъ вліяніемъ унынія, возбужденнаго разсказами старожиловъ, онъ сдѣлалъ одну или двѣ попытки надъ животной пищей, но мысль о томъ, что для его существованія уничтожена жизнь, привела его въ ужасъ, и послѣ перваго обѣда онъ слегъ въ постель, поплатившись лихорадкой и разстройствомъ пищеваренія.

Самый воздухъ на Пропадѣ былъ пропитанъ убійствомъ. Куропатокъ стрѣляли у порога, оленей закалывали на льду рѣки, коровъ глушили обухомъ прямо на улицѣ. Но Веревцовъ съ дѣтства не могъ выносить вида и запаха крови и теперь, окруженный этой охотничьей атмосферой, чувствовалъ, что его отвращеніе къ ней возросло въ сто разъ больше прежняго.

Тѣмъ не менѣе, послѣ своей неудачной попытки ассимилироваться, онъ сталъ утверждать, что дѣло не въ вегетаріанскихъ убѣжденіяхъ, а просто его организмъ не выноситъ животной пищи. Другіе пришельцы всецѣло приняли туземную пищу и обходились безъ дорогого хлѣба, и ему казалось, что онъ оскорбитъ ихъ, настаивая на своемъ вегетаріанствѣ. Но про себя онъ не могъ безъ дрожи вспомнить день своей несчастной попытки и даже до сихъ поръ чувствовалъ на себѣ пятно отъ этого неудачнаго желанія имѣть свою долю въ общей цѣпи истребленія.

За отсутствіемъ мясныхъ продуктовъ, пища его отличалась спартанской простотой; онъ насыпалъ въ горшокъ гречневой крупы и долилъ его водой. Потомъ принесъ изъ амбара кусокъ замороженнаго тѣста, которое онъ умудрялся печь надъ горячими угольями въ жестяной коробкѣ, передѣланной изъ керосиновой банки. Хлѣбъ и каша почти исключительно составляли его пищу, ибо въ этомъ заброшенномъ краѣ нельзя было найти даже самыхъ жалкихъ овощей для пополненія этого скуднаго стола. Даже такая пища была втрое дороже животной, и бѣдному вегетаріанцу удавалось сводить концы съ концами только благодаря тому, что всѣ другія траты онъ замѣнялъ своимъ трудомъ.

Нельзя сказать, что бы при такой пищѣ у Веревцова было много силъ и здоровья. Руки его оставались слишкомъ тонкими, плечи поднимались вверхъ острыми и узкими углами, но онъ скрипѣлъ да скрипѣлъ, какъ ива, сгибаемая вѣтромъ, и до сихъ поръ удачно справлялся съ мелкими недугами, время отъ времени выпадавшими ему на долю.

Поставивъ на уголья горшокъ съ кашей и чайникъ для кипятка, Веревцовъ усѣлся передъ каминомъ и сталъ смотрѣть въ огонь. Съ ранняго утра до поздней ночи весь день его былъ наполненъ трудомъ. Онъ медленно справлялся съ своими дѣлами и подводилъ свой дневной балансъ только послѣ двѣнадцатичасового рабочаго дня, но время, когда въ каминѣ топился огонь, составляло для него отдыхъ. Среди этой мертвой страны огонь былъ источникомъ жизни и движенія, туземцы обоготворяли его, и даже далекимъ русскимъ пришельцамъ казалось, что въ яркомъ шипящемъ и прыгающемъ пламени колышется и мелькаетъ какое-то неукротимое, вѣчно безпокойное, то разрушительное, то творческое начало. И Веревцову, когда онъ растапливалъ каминъ, казалось, что онъ не одинъ въ юртѣ, что яркій огонь заглядываетъ ему въ глаза и разговариваетъ съ нимъ своимъ трескучимъ голосомъ и киваетъ ему своей косматой багровой гривой. И эти разговоры огня настраивали его всегда въ особомъ мечтательномъ, почти разнѣженномъ тонѣ. Онъ садился на скамью противъ яркаго друга своихъ зимнихъ ночей и принимался вспоминать свою

прошлую жизнь, и эти воспоминанія, трагическія и однообразныя, были окружены ореоломъ, какъ деревья чернаго лѣса, выступившія внезапно на яркомъ фонѣ багроваго заката. Еще чаще онъ мечталъ, и мечты его были ясны и наивны, какъ мечты первыхъ христіанъ, духовнымъ потомкомъ которыхъ онъ являлся въ своемъ закаленномъ и мужественномъ беззлобіи. Будущій золотой вѣкъ представлялся ему такъ реально, какъ будто онъ самъ собирался въ немъ жить.

Мечи перекуютъ въ орала и пушки въ земледѣльческія машины, всѣ люди будутъ любить другъ друга, угнетенные прозрѣютъ, и угнетатели станутъ ихъ братьями, и рабы и господа будутъ трудиться на одной нивѣ. И наука покоритъ болѣзнь и старость, рожденіе и самую смерть. Тогда царство небесное настанетъ на землѣ...

Длинная черная головешка, перегорѣвъ посрединѣ, упала прямо въ горшокъ. Вода забурлила и перелилась черезъ край. Василій Андреичъ очнулся отъ своихъ мечтаній и, доставъ изъ-за камелька короткій полуобгорѣвшій *ожигъ* принялся перемѣшивать дрова. Онъ тщательно околотилъ всѣ крупныя головни и, дѣйствуя ожигомъ, какъ рычагомъ, установилъ ихъ рядомъ въ глубинѣ очага; цѣлую груду крупныхъ углей, пылавшихъ струйчатымъ ярко-малиновымъ жаромъ, онъ выгребъ впередъ на край шестка, чтобы они отдали свое тепло плохо нагрѣвавшейся юртѣ. Отдѣльные угли падали на полъ, онъ подбиралъ ихъ руками и торопливо бросалъ назадъ, обдувая себѣ пальцы, если горячій уголь успѣлъ прихватить кожу. Онъ умудрился также задѣть себя по лицу обгорѣлымъ концомъ ожига, и на его правой щекѣ легла черная полоса, протянувшаяся и черезъ носъ. Наконецъ, головешки перегорѣли. Василій Андреичъ сгребъ угли въ кучу, присыпалъ ихъ золою изъ корыта, стоявшаго въ углу, и, поставивъ латку съ тѣстомъ на обычное мѣсто въ углубленіи шестка, поспѣшилъ закрыть трубу, хотя въ угляхъ еще перебѣгали послѣдніе синіе огоньки угара. Но юрта была такъ холодна, что никакой угаръ не могъ держаться въ ея промерзлыхъ стѣнкахъ. Однако, жаръ, струившійся изъ широкаго жерла камина, отогрѣлъ, наконецъ, эту мерзлую берлогу. Иней, густо насѣвшій на льдинѣ единственнаго окна, растаялъ и скатился внизъ легкими и мелкими слезами, и она яснѣла теперь, какъ толстое зеркальное стекло. Въ переднемъ углу капля за каплей сталъ сочиться одинъ изъ ледяныхъ сталактитовъ, и въ воздухѣ пріятно запахло печонымъ хлѣбомъ. Это былъ промежутокъ въ ледниковомъ періодѣ, который царилъ здѣсь всю зиму, каждую ночь достигая апогея.

Василій Андреичъ испытующимъ взоромъ посмотрѣлъ на горшокъ и, закрывъ его листкомъ покоробленной жести, подвинулъ

поближе къ огню. Ему не на шутку хотѣлось ѣсть, но голодъ страннымъ образомъ всегда повышалъ его работоспособность, и никогда ему такъ не работалось, какъ въ послѣдніе полчаса, когда поспѣвала его ѣда.

Онъ постоялъ немного въ раздумьи, потомъ, оттащивъ отъ кровати длинное и толстое бревно, выкатилъ его на середину избы. Бревно во всю длину было полое, выдолбленное въ видѣ трубы, какъ колода, изъ которой поятъ лошадей. Василій Андреичъ усѣлся на бревно верхомъ и при помощи тяпки и крѣпкаго ножа принялся углублять и выравнивать круглую вырѣзку. Онъ точилъ дерево, какъ червякъ, отрывая его щепками и маленькими кусочками, и занятіе это было похоже даже не на работу, а на какую-то тихую непонятную игру, но стѣнки колоды становились тоньше и тоньше, а вся колода легче и помѣстительнѣе.

Наконецъ, когда деревянныя стѣнки колоды стали звенѣть подъ ударами, и долбить дальше было уже опасно, Василій Андреичъ схватилъ колоду за тонкій конецъ и потащилъ къ выходу. Въ юртѣ было тѣсно, и на смѣну готовому бревну должно было поступить другое, новое, для того, чтобы тоже быть вырубленнымъ и выстроганнымъ изнутри. Василій Андреичъ складывалъ готовыя колоды на плоскую крышу сѣней юрты, такъ какъ амбара у него не было, и онъ держалъ свои припасы въ деревянномъ ларѣ, въ глубинѣ холоднаго угла за каминомъ. Но когда, приподнявъ широкій конецъ выдолбленнаго бревна, онъ готовился продвинуть его на крышу, сзади неожиданно раздался выстрѣлъ. Онъ вздрогнулъ, уронилъ колоду на землю и быстро обернулся.

Большая бѣлая куропатка, безпечно сидѣвшая на одномъ изъ кустовъ опушки, наклонилась головой впередъ, нѣсколько секундъ какъ будто подумала, потомъ мягко упала на снѣгъ. Ноги ея судорожно дергались, крупная капля крови выступила изъ клюва.

Съ лѣвой стороны, изъ-за грубой изгороди, защищавшей владѣнія одного изъ мѣстныхъ купцовъ, показалась плотная фигура съ широкой сѣдой бородой и ружьемъ въ рукахъ. Новый пришлецъ былъ одѣтъ совсѣмъ не по сезону, въ короткій открытый пиджакъ и круглую касторовую шапочку, сильно поношенную и пробитую спереди. Онъ прошелъ мимо юрты, поднявъ убитую птицу, все еще трепетавшую въ конвульсіяхъ, и, скрутивъ ей головку, съ улыбкой потрясъ ею въ воздухѣ.

— Зачѣмъ вы ее убили, Ястребовъ? — съ упрекомъ сказалъ Василій Андреичъ.

— Какъ зачѣмъ?—переспросилъ Ястребовъ.—Ѣсть буду! Посмотрите, какая жирная!..

И онъ опять потрясъ птицей предъ лицомъ собесѣдника.

Веревцовъ содрогнулся и отвернулъ голову, но не сказалъ ни

слова. Длиннобородый Ястребовъ жилъ продуктами собственной охоты, главнымъ образомъ куропатками и зайцами, которые не переводились около Пропадинска всю зиму. Въ противоположность Веревцову, онъ питался исключительно мясомъ, презирая растительную пищу, и даже хлѣбъ цѣлыми мѣсяцами не являлся на его столѣ.

— Заходите, Ястребовъ!—привѣтливо пригласилъ Веревцовъ, оставивъ колоду въ покоѣ и приготовляясь открыть свою опускную дверь.—Погрѣетесь.

— Мнѣ не холодно!—возразилъ Ястребовъ басомъ.

Василій Андреичъ отличался гостепріимствомъ, и, кажется, ничто не доставляло ему такого удовольствія, какъ посѣщеніе его жилища пріятелями. Онъ даже завелъ у себя пріемы по четнымъ воскресеньямъ, и къ нему правильно сходилось все небольшое общество, случайно собранное въ Пропадинскѣ. Наканунѣ такого дня онъ весь съ головой уходилъ въ приготовленія, дѣятельно мылъ и скребъ столъ и горшки и приготовлялъ въ каминѣ разныя экстренныя, иногда совсѣмъ неожиданныя блюда. Общее мнѣніе считало эти пріемы очень пріятными, благодаря радушію хозяина, и гости, наѣвшись и напившись вволю, приходили въ хорошее настроеніе духа, занимались легкимъ разговоромъ и даже пѣли.

Но въ обычные будничные дни, по общему молчаливому соглашенію, къ Веревцову заходили только за дѣломъ. Онъ былъ вѣчно занятъ, и жаль было отнимать у него время. Но и при каждомъ случайномъ посѣщеніи онъ немедленно поднималъ гостепріимную суету, принимался топить каминъ и стряпать, вдобавокъ серьезно обижаясь, если гость брался за топоръ, чтобы наколоть дровъ. Гостю приходилось сидѣть на мѣстѣ и съ вытаращенными глазами ожидать „пріема“.

— Заходите!—продолжалъ приглашать Василій Андреичъ.—Пообѣдаемъ!..

— Каша, небось!—буркнулъ Ястребовъ.—Слуга покорный!..

— Хотите, куропатокъ изжаримъ? — насмѣшливо прибавилъ онъ.—Жирныя!..

И онъ положилъ руку на связку бѣлыхъ птицъ, привязанныхъ къ его поясу.

Василій Андреичъ смущенно заморгалъ глазами. Ему было трудно сказать: нѣтъ! кому бы то ни было, тѣмъ болѣе товарищу.

— Или хотите,—безжалостно продолжалъ Ястребовъ,—я ихъ оставлю вамъ для пирога воскреснаго?..

Для Ястребова не было ничего святого. Когда у Марьи Николаевны Головинской, составлявшей украшеніе пропадинскаго

общества, родился первый сынъ, Ястребовъ, замѣнявшій акушера, заявилъ, что ребенокъ очень похожъ на обезьяну. Положимъ, Витька уже третій годъ мстилъ за оскорбленіе, вырывая при каждой встрѣчѣ своими цѣпкими ручонками цѣлыя горсти волосъ изъ мохнатой бороды стараго охотника, но репутація злого языка такъ прочно установилась за Ястребовымъ, что даже Ратиновичъ, человѣкъ, для котораго тоже не было ничего святого, и который вообще рекомендовалъ старшимъ наслоеніямъ пропадинской колоніи проситься въ богадѣльню, побаивался этого угрюмаго старика и оставлялъ его въ покоѣ. Связаться съ Ястребовымъ было тѣмъ болѣе не безопасно, что онъ былъ охотникъ переводить шутки на дѣло и только съ мѣсяцъ тому назадъ наглухо заледенилъ единственный выходъ изъ квартиры доктора колоніи Кранца, т.-е. притащилъ ночью ушатъ воды и забросалъ дверь толстымъ слоемъ мокраго снѣга, который тотчасъ же отвердѣлъ, какъ мраморъ. Кранцъ принужденъ былъ просидѣть въ плѣну почти до обѣда, пока сосѣди замѣтили его бѣду и разрушили укрѣпленіе.

— А это что?—продолжалъ Ястребовъ.—Опять дудка?..

Онъ подхватилъ колоду и однимъ широкимъ взмахомъ забросилъ ее высоко на крышу.

— Которая это?—спросилъ онъ болѣе дружелюбнымъ тономъ.

— Пятая!—сказалъ Веревцовъ съ невольнымъ вздохомъ.

— Нужно еще десять!..

Долбить колоды было такъ трудно, что онъ опасался, что не успѣетъ приготовить достаточнаго количества къ наступленію лѣта. Вдобавокъ лѣсъ для колодъ попался ему дурной; онъ собралъ его въ половодье на рѣчкѣ, протекавшей мимо его владѣній, но на верховьяхъ ея росли деревья съ витыми стволами, твердыми, какъ желѣзо, и склонными отъ высыханія раскалываться по спирали.

— Слушайте!—сказалъ вдругъ Ястребовъ.—Вонъ въ той ложинкѣ—и онъ указалъ рукой на неровный спускъ дороги отъ юрты къ рѣчкѣ,—лежатъ колоды!..

— Какія колоды? — съ удивленіемъ спросилъ Веревцовъ.— Я вечеромъ ходилъ за льдомъ, тамъ ничего не было!..

— А теперь есть!—спокойно возразилъ Ястребовъ.—Я думаю, онѣ вамъ пригодятся.

— Кто же ихъ принесъ?—недоумѣвалъ Веревцовъ.

— Я почемъ знаю!—проворчалъ Ястребовъ. — Вы ихъ посмотрите, онѣ долбленыя!..

Лицо Веревцова внезапно вспыхнуло отъ смущенія. Даже бѣлый лобъ и маленькія уши покраснѣли. Онъ, наконецъ, догадался, кто принесъ загадочныя колоды.

— Спа-па-сибо!—сказалъ онъ, заикаясь отъ волненія. Но я мо-могу принять вашу по-помощь только съ дѣлежомъ... изъ пополовины!..

Несмотря на почтенный возрастъ и экстраординарный cirriculum vitae Веревцовъ сохранилъ способность смущаться, какъ молодая дѣвушка. Вдобавокъ долголѣтнее молчаніе такъ отразилось на его привычкахъ, что въ экстренныхъ случаяхъ онъ нерѣдко совсѣмъ лишался употребленія языка.

— Хорошо!—спокойно согласился Ястребовъ.—Мы съ вами подѣлимся, какъ мужикъ съ медвѣдемъ: вамъ корешки, мнѣ вершки.

Оба они были изобрѣтатели и пытались измѣнить условія жизни въ полярной пустынѣ и приспособить ихъ къ своимъ желаніямъ, но затѣи Ястребова носили фантастическій характеръ. Онъ захотѣлъ, напр., построить судно, не имѣя ни малѣйшаго понятія о судостроеніи, и возился надъ нимъ цѣлый годъ съ нечеловѣческимъ упорствомъ. Въ концѣ концовъ, вышла круглая барка, по формѣ похожая на поповку, которая при первой же поѣздкѣ безнадежно сѣла на мель въ одномъ изъ протоковъ Пропады. Онъ изобрѣлъ усовершенствованную уду, на которую не хотѣла клевать рыба, пробовалъ варить мыло изъ сала и древесной золы, дубилъ кожи тальничной корой, измѣнилъ собачью упряжь къ великому ущербу для упряжныхъ животныхъ.

Новая затѣя Веревцова была, быть можетъ, столь же мало исполнима, какъ постройка фантастическаго корабля, но вытекала изъ насущной потребности.

Нуждаясь въ растительной пищѣ, онъ затѣялъ развести вокругъ юрты огородъ и устроить большой парникъ для болѣе нѣжныхъ овощей. Онъ научился огородничеству въ довольно необычныхъ условіяхъ, но все-таки у него были и познанія, и опытъ, хотя и не для такого суроваго климата. Сѣмена онъ привезъ съ собою, даже держалъ всю дорогу картофель и лукъ за пазухою, чтобы сохранить ихъ отъ мороза. Конечно, и того, и другого было мало, всего по нѣскольку штукъ, но Робинзонъ Крузо, какъ извѣстно, развелъ изъ единственнаго зерна цѣлое хлѣбное поле, и Веревцовъ тоже не терялъ бодрости со своими четырьмя картофелинами и шестью луковицами. Гораздо важнѣе было то, что онъ привезъ съ собою два большихъ ящика стеколъ, хотя одному Богу было извѣстно, почему они не разбились по дорогѣ. Кстати сказать, на эти стекла было много охотниковъ, и самые видные изъ обитателей города предлагали за каждое стекло хорошую плату пищей или мѣхами, ибо въ Пропадинскѣ стеколъ было мало, и они замѣнялись лѣтомъ промасленной бумагой или тряпкой, а зимою попросту четыреугольнымъ кускомъ свѣтлой и

толстой льдины. Но Веревцовъ крѣпился, и только Марьѣ Николаевнѣ подарилъ два стекла для окна ея спальни. Марья Николаевна, впрочемъ, въ тотъ же день отослала стекла обратно.

— Мои окна обращены на югъ и даютъ много свѣта и безъ стеколъ,—писала она,—было бы грѣшно уменьшать *наши* парники!..

Но Веревцовъ остался твердъ и отправилъ ей стекла во второй разъ. Такъ они пересылались цѣлый день безъ всякаго опредѣленнаго результата, пока Ястребовъ, завернувшій посмотрѣть на Витьку, не погрозилъ Марьѣ Николаевнѣ, что возметъ стекла себѣ, и только послѣ этого они водворились на предназначенномъ имъ мѣстѣ.

Тѣмъ не менѣе устроить огородъ и парники въ Пропадинскѣ оказалось мудренѣе, чѣмъ можно было ожидать. Исправникъ и попъ каждое лѣто пробовали разводить овощи, но картофель у нихъ родился меньше лѣсного орѣха, а капустные вилки даже не начинали завиваться. Поэтому на пропадинскихъ званыхъ обѣдахъ подавали вареный картофель, протертый вмѣстѣ съ шелухой, а щи варили вродѣ коровьяго пойла изъ зеленыхъ капустныхъ листьевъ, заквашенныхъ пополамъ съ мукой.

Изъ мерзлой подпочвы даже лѣтомъ струился вѣчный холодъ, и подъ гряды парника нужно было подстилать толстый слой удобренія даже въ іюнѣ и іюлѣ, чтобы перегораніе навоза спасало ихъ отъ стужи. Скота было мало и приходилось изо дня въ день тщательно наблюдать за поведеніемъ лошадей и коровъ на подножномъ кормѣ, чтобъ собрать сколько-нибудь значительное количество навоза. Вдобавокъ удобныя мѣста для огородовъ были только на откосахъ холмовъ, ибо пониже лежало сплошное болото.

На холмѣ былъ недостатокъ въ водѣ, которую приходилось таскать съ рѣки ведрами на собственныхъ плечахъ по крутымъ и неудобнымъ для ходьбы косогорамъ. Веревцовъ задумалъ устроить очепъ вродѣ колодезнаго, который, поднимая воду бадьей, разливалъ бы ее по деревяннымъ трубамъ на его владѣнія. Именно для этой цѣли онъ такъ усердно долбилъ свои колоды, которыя должны были соединиться въ видѣ импровизированнаго водопровода.

Еще въ прошлое лѣто Веревцовъ засадилъ нѣсколько грядъ и устроилъ небольшой парникъ. Жатва его была не велика, но разнообразна, ибо онъ высѣялъ на гряды и въ горшки всѣ свои сѣмена, не исключая табака и горчицы. Другіе члены колоніи, заинтересованные опытомъ, помогали, чѣмъ могли, и послѣ уборки Веревцовъ, отобравъ сѣмена на будущій годъ взялъ да и устроилъ изъ всѣхъ овощей безпроигрышную лотерею для всѣхъ членовъ общества. Никакія отговорки не помогали, и Веревцовъ,

послѣ всѣхъ лѣтнихъ хлопотъ остался на гречневой кашѣ на всю зиму. Положимъ, что это былъ первый опытъ, и Веревцовъ надѣялся его расширить, но теперь добровольные помощники уже не были такъ настойчивы. Сѣмянъ все еще было мало, и, несмотря на всю заманчивость свѣжихъ овощей, никто не желалъ еще разъ отнять у Веревцова его „корешки или вершки". Только упрямый Ястребовъ былъ совершенно чуждъ этой деликатности и продолжалъ вмѣшиваться въ работы по устройству будущаго огорода. Овощи, впрочемъ, онъ презиралъ отъ всего сердца и во время вышеупомянутой лотереи, послѣ короткой, но настойчивой попытки вернуть свою долю Веревцову, онъ вынесъ ее на дворъ и раскрошилъ на куропаточьей тропѣ птицамъ.

— Чтобы онѣ были пожирнѣе!—пояснилъ онъ.

Онъ былъ убѣжденъ, что послѣ этого даже Веревцовъ не будетъ такъ настоятельно навязывать ему этотъ „свиной кормъ", какъ онъ презрительно называлъ про себя огородные продукты. Въ эту зиму онъ рѣшилъ приготовить колоды для водопровода и въ одну недѣлю выдолбилъ десятокъ длинныхъ бревенъ, ибо работа топоромъ давалась ему гораздо лучше, чѣмъ Василію Андреичу. Ему помогали, впрочемъ, многіе изъ досужихъ молодыхъ людей, которые были рады укрыться подъ эгидой широкой бороды Ястребова отъ уравнительнаго распредѣленія, которое пытался осуществить Василій Андреичъ. Однако идея, перенести готовыя колоды въ ложбину около юрты и потомъ сообщить о нихъ Веревцову, принадлежала собственно Ястребову, и онъ стоялъ теперь передъ дверью юрты, по своему наслаждаясь смущеніемъ ея хозяина.

На другой день было воскресенье, и Веревцовъ рано проснулся, чтобы поскорѣе освободиться отъ обычныхъ домашнихъ работъ и имѣть хоть полдня свободныхъ. Онъ былъ ревностнымъ поклонникомъ воскреснаго отдыха и никогда не позволялъ себѣ въ этотъ день заниматься какимъ-нибудь постороннимъ дѣломъ, кромѣ хозяйства. Даже дрова и воду онъ приготовлялъ съ вечера, чтобы поменьше возиться поутру. Воскресное время онъ старался проводить по праздничному, ложился спать послѣ обѣда или бра лся за книгу, методически отыскивая мѣсто, заложенное еще съ прошлаго воскресенья. Чаще всего, особенно, если погода была благопріятная, онъ отправлялся визитировать и, обойдя одну за другою всѣ квартиры колоніи, возвращался домой уже поздно вечеромъ съ сознаніемъ весело и счастливо проведеннаго дня. Угощенья онъ не признавалъ, ибо не потреблялъ обычной пищи пропадинскаго стола; въ спорахъ различныхъ пропадинскихъ партій онъ тоже не участвовалъ, но спокойно сидѣлъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ и съ видомъ большой любознательности выслушивалъ всѣ *pro* и

contra, но когда его просили высказать свое мнѣніе, онъ конфузился по своей неизмѣнной привычкѣ и заявлялъ, что у него слишкомъ мало матеріаловъ для сужденія, такъ что онъ все еще не можетъ составить себѣ опредѣленнаго мнѣнія объ этомъ предметѣ.

Наконецъ каминъ натопился, и такой же немудренный обѣдъ или, если угодно, завтракъ, что и вчера, поспѣлъ и былъ съѣденъ. Но, когда Василій Андреичъ готовъ былъ взяться за шапку, въ сѣняхъ послышался шорохъ.

— П-шолъ!—крикнулъ Веревцовъ, думая, что это собаки.

Вороватыя пропадинскія собаки осаждали юрту лѣтомъ и зимою, ибо раньше въ ней жилъ Ястребовъ, постоянно выбрасывавшій на дворъ заячьи и птичьи кости. У Веревцова, разумѣется, во всемъ жилищѣ не было ни единой косточки, но собаки не отставали и неутомимо подрывались подъ стѣну, очевидно не желая вѣрить вегетаріанству новаго хозяина. Кромѣ того по ночамъ онѣ устраивали собранія на плоской крышѣ юрты и нерѣдко даже давали тамъ свои оглушительные зимніе концерты.

На этотъ разъ, однако, шорохъ происходилъ не отъ собакъ.

— Это я! — послышалось изъ двери, и нетерпѣливая рука стала возиться съ ремнемъ, замѣнявшимъ ручку двери.

Для того, чтобы поднять люкъ, нужна была нѣкоторая сноровка. Наконецъ, струя бѣлыхъ клубовъ холода хлынула съ порога и застлала весь полъ въ знакъ того, что усилія новаго гостя увѣнчались успѣхомъ.

Бѣлая фигура торопливо перетащилась черезъ несоразмѣрно высокій порогъ. Слишкомъ рано отпущенная дверь тотчасъ же тяжело упала на мѣсто, давъ пришельцу такого крѣпкаго и неожиданнаго туза сзади, что онъ немедленно вылетѣлъ на средину комнаты.

— Чортъ! — крикнулъ гость, оборачиваясь назадъ и грозя кулакомъ двери. Губы его перекосились и даже слегка приподнялись вверхъ, глаза сверкнули свирѣпымъ огнемъ.

— Здравствуйте, Алексѣевъ!—спокойно сказалъ Веревцовъ, откладывая шапку въ сторону.—Откуда Богъ несетъ!

— Здравствуйте и вы!—успокоился Алексѣевъ такъ же быстро, какъ и разсердился.

Онъ былъ одѣтъ въ длинную рубаху изъ грубаго бѣлаго сукна, такіе же штаны и бѣлые мѣховые сапоги, и весь видъ его напоминалъ бѣглеца изъ больницы или изъ сумасшедшаго дома. Шапки на немъ не было, но огромная грива каштановыхъ, мелко-курчавыхъ волосъ, свалявшихся въ войлокъ, стояла дыбомъ, какъ негритянская прическа. Глаза его были маленькіе, живые, чрезвычайно

быстрые. Они все время бѣгали по сторонамъ, но когда Алексѣевъ сердился, останавливались и загорались злостью.

— Я сейчасъ заварю чай!—засуетился Веревцовъ. И, окончательно отложивъ шапку въ сторону, онъ принялся хлопотать у камина.

— Не надо мнѣ чаю!—сказалъ Алексѣевъ угрюмо.—Слушайте, Василій Андреичъ, я сяду, я усталъ!..

— Конечно, садитесь!—поспѣшно воскликнулъ Веревцовъ.—Садитесь, пожалуйста!—И онъ подвинулъ ему гладкій обрубокъ дерева, игравшій роль табурета.—Извините, ради Бога! Я не замѣтилъ, что вы устали!..

— *Они* меня со свѣту сживаютъ!..—съ дрожью въ голосѣ вдругъ объявилъ Алексѣевъ.—Мочи моей нѣтъ!..

Глаза опять остановились и сверкнули.

— Полноте!..—возразилъ Веревцовъ очень просто и спокойно.—Вотъ лучше я вамъ чаю налью!..

— Темно!.. солнца нѣтъ!..—продолжалъ Алексѣевъ съ отчаяньемъ въ голосѣ.—Когда будетъ весна?.. Я не могу жить безъ солнца!

— Черезъ двѣ недѣли появится солнце!—терпѣливо утѣшалъ его Веревцовъ.—Потерпите немного.

— А они зачѣмъ по ночамъ ходятъ?—настаивалъ Алексѣевъ.—Развѣ я не знаю?.. Любо имъ, что теперь солнца нѣтъ!.. Поговори-ка съ ними днемъ,—продолжалъ онъ сердито.—Сладкіе такіе, медовые! Только свѣчку погашу, они ужъ опять тутъ!..

— Господи, что я имъ сдѣлалъ?—прибавилъ онъ почти со стономъ.

Алексѣевъ страдалъ маніей преслѣдованія, которая состояла въ томъ, что люди, которыхъ онъ видѣлъ днемъ, представлялись ему по ночамъ въ видѣ призраковъ агрессивнаго характера. Это было нѣчто вродѣ сновъ на яву. Жизнь была такъ усыпительно однообразна, что притупленное воображеніе не въ силахъ было создать никакихъ фантастическихъ картинъ и только отражало окружающую дѣйствительность въ уродливо искаженномъ видѣ, какъ кривое зеркало. Ему представлялось обыкновенно, что товарищи, съ которыми онъ днемъ разговаривалъ или работалъ вмѣстѣ, подкрадываются къ нему въ темнотѣ сзади и внезапно начинаютъ его душить или кусать.

Болѣзнь началась кошмарами и тяжелыми снами и развивалась довольно постепенно, но теперь Алексѣевъ почти совсѣмъ утратилъ различіе между призраками и дѣйствительностью и доставлялъ много огорченій и заботъ другимъ членамъ колоніи. Хуже всего было то, что онъ постоянно жилъ одинъ и упрямо отвергалъ всякія предложенія сожительства, подозрѣвая за ними

коварныя покушенія на его свободу. Только къ Веревцову, съ самаго его пріѣзда, онъ относился довѣрчивѣе, чѣмъ къ другимъ, и иногда въ самомъ остромъ пароксизмѣ раздражительности внезапно приносилъ ему цѣлый ворохъ жалобъ, какъ будто инстинктивно стремясь добыть себѣ хоть немного спокойствія подъ сѣнью этой широкой и непоколебимой доброты.

Василій Андреичъ держалъ себя съ нимъ очень просто, нерѣдко даже сердился и принимался стыдить его за подозрительность, но даже выговоры изъ его устъ дѣйствовали успокаивающе на больного.

— Когда придетъ солнце? — болѣзненно повторилъ Алексѣевъ,—Темно, холодно!..

— Василій Андреичъ, я затоплю каминъ! — прибавилъ онъ болѣе спокойнымъ тономъ.

— Я самъ затоплю!—суетливо возразилъ Веревцовъ, принимаясь разгребать загнету.

— Нѣтъ я! Сидите, сидите!.. настойчиво повторилъ Алексѣевъ. Не обращая вниманія на протесты хозяина, онъ проворно открылъ каминъ, поставилъ въ него охапку полѣньевъ и раздулъ горящіе угли. Онъ былъ ловокъ на всякую ручную работу, и домашнія хлопоты отнимали у него только минимумъ необходимаго времени.

— Какъ хорошо! — сказалъ онъ, когда дрова разгорѣлись яснымъ пламенемъ.—У васъ и дрова добрыя! — прибавилъ онъ, съ благодарностью взглянувъ на Василія Андреича.—А мои злыя, тонкія такія, длинныя!.. Трещатъ, брызжутся углями прямо въ лицо. А я у васъ останусь!— прибавилъ онъ, помѣшивая палкой въ каминѣ. — Можно?

— Милости просимъ!—сказалъ Веревцовъ, радостно оживляясь.

Собственно говоря, онъ такъ привыкъ къ одиночеству, что всякое сожительство тяготило его, но теперь ему казалось, что Алексѣевъ для него самый подходящій товарищъ.

— Я сейчасъ отъ Горскаго,—началъ разсказывать Алексѣевъ, подвигая свой чурбанъ поближе къ пламени.—Знаете, онъ меня ночью задушить хотѣлъ:—пояснилъ онъ мимоходомъ.—Ужъ я же ему и напѣлъ. „Днемъ, говорю, ты товарищъ, а ночью ты вампиръ... Тебя, говорю, на кострѣ бы сжечь слѣдовало...“

— Какой вампиръ, какой костеръ?—съ неудовольствіемъ сказалъ Василій Андреичъ. — Ерунда это все... Вотъ, скажите, пожалуйста, вы запираете двери на ночь?..

— Конечно, запираю!—съ живостью подтвердилъ Алексѣевъ.— Засовы изнутри сдѣлалъ желѣзные...

— Ну, какъ же живой человѣкъ можетъ пройти сквозь запертыя двери?..

— А Рентгеновскіе лучи проходятъ!—возразилъ Алексѣевъ, дико и лукаво усмѣхаясь.—Ну, и эти такъ-же!..

— Какъ же мы съ вами будемъ жить?—спросилъ Алексѣевъ черезъ минуту.

— А я вамъ тутъ кровать поставлю! А верстакъ вытащимъ вонъ!—сказалъ Веревцовъ, указывая на переднее мѣсто.

— А это окно можно открыть?—спросилъ Алексѣевъ, указывая на одинъ изъ травяныхъ матовъ, покрытый бѣлой ледяной инкрустаціей.—Здѣсь слишкомъ темно!.. Я люблю свѣтъ!..

— Не знаю!—сомнительнымъ тономъ сказалъ Веревцовъ.—Холодно будетъ!..

— Мы будемъ топить!—увѣрялъ Алексѣевъ.—Вотъ увидите.

— Я открою!—просительно сказалъ онъ.

— Ну, какъ хотите!—нерѣшительно согласился Веревцовъ. Онъ посмотрѣлъ кругомъ себя, и ему дѣйствительно показалось, что въ юртѣ очень темно.

Алексѣевъ вооружился топоромъ и принялся очень искусно отбивать ледяныя наслоенія на окнѣ, стараясь не потревожить льдины, наложенной снаружи. Раздражительное состояніе его замѣтно утихало.

— Скажите, голубчикъ,—сказалъ онъ, останавливаясь на минуту и поворачиваясь къ Веревцову.—Они вѣдь не ходятъ къ вамъ ночью?..

— Ночью всѣ спятъ! — возразилъ Веревцовъ. — Никто не ходитъ!..

— А если придутъ, такъ вы ихъ не пустите? — настаивалъ Алексѣевъ.— Не пустите, да?..

— Никто не придетъ ночью!—повторилъ Василій Андреичъ.—Ночью всѣ спятъ...

— Ну, такъ мы съ вами заживемъ!—заговорилъ Алексѣевъ уже весело, опять принимаясь за топоръ.—Вотъ увидите!.. Я буду вамъ помогать. Я умѣю работать!.. Вы что теперь работаете, Василій Андреичъ?

— Хорошо!—одобрительно сказалъ Веревцовъ.—Вотъ, теплѣе станетъ, будемъ водопроводъ устраивать...

— Водопроводъ!.. Чудесно!—воскликнулъ Алексѣевъ.—Проведемъ домой воду и не нужно будетъ ходить на рѣку...

Въ борьбѣ съ призраками онъ пересталъ обращать вниманіе на дѣйствительность, и предпріятіе Веревцова, давно извѣстное всему городу, представлялось ему, какъ совершенно новое.

— Не для этого,—возразилъ Веревцовъ,—а для того, чтобы огородъ поливать.

— А, это еще лучше!—съ искреннимъ восхищеніемъ воскликнулъ Алексѣевъ.—Огородъ разведемъ, садъ, цвѣтники... водопро-

воды собственные устроимъ. Пусть они увидятъ, какъ мы умѣемъ жить!..

— Знаете что, голубчикъ?—прибавилъ онъ, управившись съ окномъ и критическимъ взглядомъ окидывая убранство юрты.—Надо бы здѣсь убрать немножко!..

— Что убрать?—удивился, въ свою очередь, Веревцовъ. Ему казалось, что чистота и порядокъ въ юртѣ совершенно удовлетворительны.

— Мало ли что?—отвѣтилъ Алексѣевъ осторожно.—Полъ вымыть, стѣны выскоблить... Вотъ, этимъ вещамъ свое мѣсто найти!..

Онъ указалъ на кучку разрозненныхъ столярныхъ и слесарныхъ инструментовъ, сложенныхъ въ полуизломанномъ деревянномъ ящикѣ у изголовья кровати.

— Вотъ, вы увидите!—продолжалъ онъ.

— Мы здѣсь зеркало повѣсимъ,—указалъ онъ мѣсто на стѣнѣ.—У меня есть зеркало. А здѣсь календарь. У васъ есть календарь, Василій Андреичъ?..

— Вотъ календарь!—указалъ Веревцовъ на маленькій пакетъ грязныхъ бумажекъ, прибитый надъ изголовьемъ постели—Только очень маленькій.

— Ничего!—успокоительно сказалъ Алексѣевъ.—А какой сегодня день? Воскресенье?..—спросилъ онъ, приглядываясь къ календарю.

— Да, воскресенье!—подтвердилъ Веревцовъ.—День воскресный!..

— А къ вамъ не придутъ гости?—спросилъ Алексѣевъ, внезапно припоминая.—Они къ вамъ ходятъ, кажется, по воскресеньямъ... Сегодня тоже придутъ, да?..

— Не знаю!—правдиво возразилъ Веревцовъ.—Можетъ быть, и придутъ.

— Зачѣмъ?—заговорилъ Алексѣевъ, снова приходя въ возбужденное состояніе.—Не нужно!..

— Голубчикъ!—прибавилъ онъ просительно, немного успокоившись.—Пойдите къ нимъ и скажите, пусть они не ходятъ. Намъ ихъ не нужно!.. Пожалуйста, пойдите!..

— Какъ же я оставлю васъ одного?—нерѣшительно спросилъ Веревцовъ. Съ самаго утра онъ думалъ о томъ, что не успѣлъ поблагодарить Ястребова за его колоды.

— Одного?..—повторилъ съ удивленіемъ Алексѣевъ.—Одному мнѣ хорошо. Лишь бы *тѣ* не приходили. Пойдите, голубчикъ, удержите ихъ, пожалуйста!..

— А я, пока вы ходите, приберу немного!—прибавилъ онъ вкрадчиво.—Увидите, какъ хорошо будетъ!.. Только вы пойдите...

Онъ самъ подалъ шапку Веревцову и тихонько толкнулъ его къ двери.

Дневная заря стала уже склоняться къ западу,—знакъ, что послѣ полудня прошло два или три часа. Морозъ былъ гораздо слабѣе вчерашняго, ибо по небу съ западной стороны стлались легкія перистыя облака, располагаясь вѣнцомъ, какъ лучи сіянія. На рѣкѣ помаленьку начинался вѣтеръ. Оттуда налетали первые слабые порывы, принося съ собой струйки сухого снѣга, сорванныя съ отвердѣлыхъ сугробовъ и рѣчныхъ застругъ.

Ястребовъ жилъ по другую сторону изгороди на такъ называемомъ «Голодномъ концѣ». Это была небольшая слободка паріевъ, обособившаяся отъ города. Въ центрѣ ея стояла больница въ видѣ безобразной юрты, на половину вросшей въ землю. Порядки этой больницы были еще уродливѣе ея наружности. Въ нее принимались только самые тяжкіе больные, насквозь изъѣденные *дурной болѣзнью* или проказой и брошенные родными на произволъ судьбы. Избушки, окружавшія больницу, относились къ ней, какъ подготовительная ступень, но пока человѣкъ имѣлъ силу ходить на ногахъ и вылавливать немного рыбы на пропитаніе, онъ считался здоровымъ.

Веревцову пришлось проходить мимо больницы по дорогѣ къ Ястребову. Больничный служитель Ермолай—съ перекошеннымъ лицомъ и глазами безъ рѣсницъ—разговаривалъ съ человѣческой головой, слегка высунувшейся изъ-за полуоткрытой двери. Голова была вся обмотана тряпками; только огромные глаза сверкали, какъ изъ подъ маски, лихорадочно воспаленнымъ блескомъ.

— Скажи вахтеру,—шипѣла голова чуть слышнымъ, слегка клокочущимъ шопотомъ,—третій день не ѣвши... Съ голоду помираемъ...

— Вахтеръ ѣду себѣ забралъ!—объяснялъ Ермолай съ эпическимъ спокойствіемъ.—«Больнымъ, говоритъ, подаяніе носятъ... Будетъ съ нихъ!..»

Голосъ Ермолая былъ тонкій, дребезжащій и напоминалъ жужжаніе мухи въ стекляномъ стаканѣ. Онъ составлялъ предметъ постояннаго любопытства для пропадинскихъ ребятишекъ, и даже въ эту самую минуту хороводъ маленькихъ дѣвочекъ, черныхъ, какъ галчата, и одѣтыхъ въ рваныя лохмотья, весело приплясывалъ за спиной Ермолая, подъ предводительствомъ его собственной дочери Стрѣлы, припѣвая извѣстную на Пропадѣ пѣсенку:

У Ермошки, у Ермошки
Гудятъ въ носу мошки.

— Кишъ, проклятыя!—огрызнулся Ермолай.

— Подаяніемъ, молъ, живете!—прожужжалъ онъ еще разъ.

— Мало!—шипѣла голова.—Двѣнадцать человѣкъ больныхъ-

то. Скажи вахтеру, пускай по рыбѣ пришлетъ!.. Пополземъ, мотри, по городу, опять худо будетъ!..

Въ прошломъ году больные, побуждаемые голодомъ, въ видѣ экстренной мѣры отправились изъ дома въ домъ просить милостыню. Необыкновенный кортежъ подѣйствовалъ даже на закаленные пропадинскіе нервы, но мѣра эта была обоюдуострая, ибо жители боялись проказы, какъ огня, и готовы были перестрѣлять всѣхъ больныхъ чтобъ избѣжать соприкосновенія съ ними.

Ястребовъ жилъ на самомъ краю слободки въ избушкѣ, передѣланной изъ стараго амбара и съ виду совершенно непригодной для человѣческаго жилья. Онъ завалилъ ее землей и снѣгомъ до самой кровли, и только одно маленькое оконце чернѣло, какъ амбразура, изъ подъ бѣлаго снѣжнаго окопа. Вмѣсто льдины окно было затянуто тряпкой. Маленькая дверь, толсто обшитая обрывками шкуръ, походила скорѣе на тюфякъ. Иногда она такъ плотно примерзала къ косякамъ, что открыть ее можно было только при помощи топора.

Подойдя къ этому своеобразному жилищу, Веревцовъ нерѣшительно остановился. Дверь была плотно закрыта и раздулась, какъ отъ водянки, но изъ каминной трубы поднималась тонкая струя дрожащаго воздуха въ знакъ того, что топка давно окончена, и послѣднее тепло улетаетъ наружу.

— Дома, должно быть!—подумалъ Василій Андреичъ и постучался сперва деликатно, потомъ довольно громко, но также безрезультатно. Онъ постоялъ еще нѣсколько секундъ, поглядѣлъ на струйку тепла, трепетавшую надъ трубой, и, внезапно схватившись за ручку двери, изо всѣхъ силъ потянулъ ее къ себѣ. Члены пропадинской колоніи сторожили другъ друга и недовѣрчиво относились къ запертымъ дверямъ, не подававшимъ голоса.

Дверь щелкнула, какъ изъ пистолета, и распахнулась настежь. Въ глубинѣ избушки обрисовалась крупная фигура Ястребова, сидѣвшая поперекъ кровати. Опасаясь окончательно остудить избу, Веревцовъ протиснулся внутрь и закрылъ за собою дверь.

Внутри было темно, какъ въ погребѣ. Свѣтъ проходилъ только сверху, сквозь отверстіе трубы, ибо тряпичное окно совершенно заросло инеемъ. Ястребовъ сидѣлъ, опустивъ ноги на полъ и опираясь руками въ колѣни, такъ какъ кровать была слишкомъ низка; глаза его были устремлены на противоположную стѣну. При входѣ Веревцова, онъ даже не пошевельнулся.

— Что вы дѣлаете?—сказалъ Веревцовъ не совсѣмъ увѣреннымъ тономъ. Никогда нельзя было знать, чего можно ожидать отъ Ястребова даже въ его лучшія минуты.

Отвѣта, однако, не было. Только широкая сѣрая борода Ястребова внезапно дрогнула и какъ-то еще больше расширилась.

— Пойдемте въ гости! — настаивалъ Веревцовъ, не желая отступить.

Ястребовъ опять не отвѣтилъ. Время отъ времени на него находило странное состояніе, похожее на столбнякъ, и онъ просиживалъ цѣлые дни на одномъ и томъ же мѣстѣ, не дѣлая движеній и не говоря ни слова. Сознаніе, однако, его не покидало, и въ сущности это былъ не столбнякъ, а скорѣе преддверіе нирваны, въ видѣ непобѣдимаго равнодушія ко всѣмъ внѣшнимъ и внутреннимъ проявленіямъ жизни.

— Ну же, вставайте!—не унимался Веревцовъ. Онъ даже взялъ Ястребова за руку и сдѣлалъ попытку стащить его съ мѣста.

Сѣдобородый охотникъ вдругъ поднялся на ноги и, отодвинувъ Веревцова въ сторону, вышелъ изъ избы. Василій Андреичъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что на поясѣ его еще болтаются вчерашнія куропатки. Нѣсколько штукъ было разбросано по постели, и одна оказалась совершенно сплющенной. Столбнякъ, очевидно, нашелъ на Ястребова еще вчера, тотчасъ же по возвращеніи изъ лѣсу, и онъ просидѣлъ на кровати цѣлыя сутки.

— Поѣшьте что-нибудь!—воскликнулъ Веревцовъ, выскакивая вслѣдъ за пріятелемъ.

Онъ соображалъ, что Ястребовъ не принималъ пищи со вчерашняго дня, и въ то же время опасался, что онъ опять уйдетъ въ лѣсъ.

Ястребовъ даже не обернулся. Онъ уходилъ крупными шагами по дорогѣ, которая вела на другую сторону рѣчки въ лучшую часть города. Веревцову ничего не оставалось, какъ послѣдовать сзади.

Охотникъ перешелъ черезъ мостъ и, пройдя нѣсколько десятковъ шаговъ, свернулъ къ большой избѣ, въ окнахъ которой, несмотря на ранній часъ, уже свѣтился огонь.

Къ новому удивленію Веревцова, это былъ именно тотъ домъ, который и онъ собирался посѣтить. Однако, вмѣсто того, чтобы тотчасъ же зайти, онъ медленно прошелъ до самаго конца улицы и также медленно вернулся, какъ будто дѣлая прогулку. Ему почему-то хотѣлось, чтобы Ястребовъ прежде обсидѣлся и пришелъ въ болѣе нормальное состояніе.

Обширная изба выглядѣла сравнительно съ жалкими логовищами Веревцова или Ястребова, какъ настоящій дворецъ. Гладко оструганныя стѣны были даже украшены олеографіями „Нивы“ въ простыхъ деревянныхъ рамкахъ. Въ лѣвомъ углу стоялъ верстакъ, и весь уголъ былъ обвѣшанъ столярными инструментами. Посрединѣ стоялъ большой деревянный столъ, на которомъ кипѣлъ самоваръ, и горѣли двѣ сальныя свѣчи.

Огромныя льдины оконъ весело играли, отражая лучи этого свѣта. Широкая кровать скрывалась за ситцевой занавѣсью, а въ глубинѣ комнаты, въ красномъ углу стоялъ еще столъ. У этого стола сидѣлъ Ястребовъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, пилъ чай. За столомъ хозяйничала молодая и очень миловидная женщина, съ быстрыми черными глазами и нѣжнымъ румянцемъ на смуглыхъ щекахъ цвѣта дозрѣвающей сливы. Тонкія брови ея были слегка приподняты наружнымъ угломъ. Руки были малы и красивы, просторная ситцевая блуза не скрывала крѣпкихъ и стройныхъ формъ. Когда она разливала чай и разносила его гостямъ, каждое движеніе ея было исполнено свободы и граціи.

Рядомъ съ ней сидѣлъ еще молодой человѣкъ съ меланхолически-задумчивымъ лицомъ и каштановыми кудрями, ниспадавшими до плечъ. Онъ сидѣлъ, нѣсколько пригнувшись къ столу, и съ сосредоточеннымъ вниманіемъ пилилъ большимъ подпилкомъ какую-то желѣзную штучку, закрѣпленную въ столовой доскѣ. Подпилокъ оглушительно визжалъ, но никто не обращалъ на это вниманія, и гости такъ непринужденно разговаривали, какъ будто въ комнатѣ царила полная тишина.

Молодой человѣкъ съ подпилкомъ нѣкогда изучалъ филологическія науки въ спеціальномъ заведеніи и даже избралъ было своей спеціальностью латинскій языкъ. Быть можетъ, поэтому въ настоящее время въ силу закона противоположностей онъ былъ лучшимъ и, можно сказать, универсальнымъ ремесленникомъ въ Пропадинскѣ. Разнообразіе его занятій совершенно не поддавалось описанію; онъ обжигалъ кирпичи и чистилъ стѣнные часы, запаивалъ старые чайники и дѣлалъ выкройки для дамскихъ платьевъ. Спросъ на его работу былъ неслыханный, мѣстные обыватели считали его всезнающимъ и не давали ему покоя, да онъ и самъ не хотѣлъ имѣть покоя и даже за обѣдомъ не выпускалъ изъ рукъ подпилка или стамески. Плату онъ получалъ по преимуществу продуктами, и въ его квартирѣ было нѣчто въ родѣ постояннаго безплатнаго табльдота для всѣхъ желающихъ.

Онъ женился почти тотчасъ же по пріѣздѣ на Пропаду, во время случайной поѣздки по округу, и необыкновенно счастливо, хотя его будущая жена знала только тайгу и тундру и до замужества даже никогда не была въ Пропадинскѣ. Но молодая якутка такъ быстро научилась говорить по-русски и освоилась со своимъ новымъ положеніемъ, что уже черезъ шесть мѣсяцевъ могла сдѣлать свой домъ притягательнымъ пунктомъ для всѣхъ членовъ колоніи. Изъ нея, между прочимъ, вышла хорошая хозяйка, и она научилась даже удачно приготовлять невиданныя русскія блюда, насколько хватало припасовъ на Пропадѣ.

Рядомъ съ нею съ обѣихъ сторонъ стола сидѣли двѣ пары

гостей, такъ что два человѣка, сидѣвшіе другъ противъ друга, составляли пару. Эти пары, видимо, обособились и даже раздвинулись, насколько позволяло мѣсто. Первая пара играла въ дураки, перебрасывая черезъ столъ ужасныя карты, закругленныя, какъ эллипсъ. Справа сидѣлъ Полозовъ, огромный человѣкъ, съ волосатыми руками и большой круглой головой, крѣпкой, какъ голова тарана. Верхняя часть его фигуры, возвышавшаяся надъ столомъ, имѣла въ себѣ что-то слоновье. Когда, увлекаясь игрой, онъ перемѣщался на стулѣ и, чтобы сдѣлать свою позу удобнѣе, поднималъ и ставилъ ногу на новое мѣсто, изъ-подъ стола раздавался стукъ каблука, подбитаго желѣзной подковой, широкаго и крѣпкаго, какъ копыто.

Партнеръ, сидѣвшій слѣва, былъ, напротивъ, такъ малъ, что голова его насилу поднималась надъ столомъ. Это была тоже большая голова съ растрепанными черными волосами, маленькими черными глазами, подозрительно глядѣвшими изъ-подъ косматыхъ бровей, и длинной бородой, конецъ которой уходилъ подъ столъ. Она заслужила своему обладателю имя Черномора, которое пристало такъ крѣпко, что многіе пріятели совсѣмъ забыли его настоящее имя. Туземцы сдѣлали изъ этого имени фамилію и называли маленькаго человѣка съ большой бородой Черноморовъ. Ему пока везло, и онъ горячился и съ азартомъ бросалъ карты на столъ, каждый разъ высоко приподнимая руки, чтобы не стукнуться локтемъ о столъ.

— Ходи, ходи, Семенъ! — нетерпѣливо покрикивалъ онъ на своего огромнаго противника, который, дѣйствительно, какъ-то мѣшковато справлялся съ картами. Повидимому, для того чтобы приводить въ дѣйствіе такую тяжелую машину, каждый разъ требовалось нѣсколько лишнихъ секундъ противъ обыкновеннаго.

Вторая пара гостей вела теоретическій споръ и такъ погрузилась въ него, что не обращала никакого вниманія не только на присутствующихъ, но даже и на совершенно остывшій чай, стоявшій передъ ними на столѣ. Они судили умирающій девятнадцатый вѣкъ и тщательно разбирали его подвиги и преступленія, чтобы произнести окончательное рѣшеніе. Банерманъ, маленькій бойкій, съ задорными сѣрыми глазками и клочковатой мочальной бородкой, былъ обвинителелемъ и перечислялъ завоевательныя войны и междуусобныя распри. При каждомъ новомъ фактѣ онъ весь подскакивалъ на скамьѣ и размахивалъ рукой, какъ-будто бросая въ противника метательное оружіе.

Колнышевскій, съ красивымъ, но усталымъ лицомъ, большими блѣдноголубыми глазами и окладистой русой бородой, защищалъ обвиняемый вѣкъ на статистической почвѣ. Статистика была его страстью. Онъ запоминалъ цѣлыя груды цифръ, даже самыхъ не-

нужныхъ, по преимуществу изъ календарей, такъ какъ другія статистическія изданія не доходили до Пропадинска. Спорить съ нимъ было трудно, такъ какъ онъ быстро переводилъ вопросъ на почву подсчетовъ и забрасывалъ противника числовыми данными. Онъ могъ сообщить точные размѣры земледѣлія и промышленныхъ производствъ даже въ вассальныхъ княжествахъ Индіи и въ мелкихъ султанствахъ Борнео. Онъ заставилъ Банермана перебрать государство за государствомъ и уже успѣлъ оттѣснить его въ Испанію на крайній югозападъ Европы, но Банерманъ ни за что не хотѣлъ сдаваться.

— Что такое Испанія?.. —настаивалъ онъ.—У ней даже колоній почти не осталось,—только Куба и Филиппинскіе *калачи*!..

— Какіе калачи?—съ любопытствомъ спросилъ Черноморъ, сдававшій карты.—Филипповскіе?

Онъ не слушалъ спора, но долетѣвшія слова невольно привлекли его вниманіе.

— Филиппинскіе острова!—поправился Банерманъ со сконфуженнымъ лицомъ. Онъ страдалъ припадками афазіи, въ особенности неожиданныя ассоціаціи идей заставляли его произносить совсѣмъ не тѣ слова.

— Го-го-го!—пустилъ Полозовъ густо и громко.—Опять банерманизмъ!.. Это еще лучше сегодняшней бороны!..

Полозовъ жилъ въ одной избѣ съ Банерманомъ и не дальше какъ сегодня утромъ Банерманъ, желая попросить гребенку, чтобы расчесать бороду, попросилъ у него кратко „борону".

— Молчи, дурило!—огрызнулся Банерманъ.—Сапожникъ, знай свои колодки!—прибавилъ онъ не безъ язвительности, указывая на карты, разбросанныя по столу.

— Ахъ ты, образина!—возразилъ Полозовъ, протягивая мохнатую десницу и дѣлая видъ, что хочетъ схватить сожителя за шиворотъ.—Нахалище ты этакій!

Даже отъ словъ онъ любилъ употреблять увеличительныя формы.

Банерманъ схватилъ вилку и безъ дальнихъ церемоній ткнулъ ею въ протянутую руку.

— Не лѣзь!—угрожающе предупредилъ онъ.—Ты, Мишанька!

— Дурилище ты этакій!—прибавилъ онъ въ тонъ Полозову.—Отвяжись безъ грѣха.

Черноморъ сразу пошелъ пятью картами.

— Ты—дуракъ!—воскликнулъ онъ торжествующимъ голосомъ.—Я выигралъ!..

Эта была первая игра, выигранная имъ за этотъ вечеръ.

Полозовъ нахмурился и зѣвнулъ.

— Ну довольно!—сказалъ онъ, отодвигая скамью и вытягивая

свои длинныя ноги изъ-подъ стола.—Сколько за тобой коновъ, Черноморище?

— 1720!—полумашинально вставилъ Колнышевскій въ самую средину испанскихъ статистическихъ цифръ.

— 1720 игръ!—повторилъ онъ, видя, что собесѣдники не понимаютъ и принимаютъ эту новую цифру тоже за испанскую.

Игроки, по его предложенію, вели точный счетъ выигранныхъ и проигранныхъ партіямъ, но и здѣсь онъ помнилъ итоги лучше всѣхъ.

Маленькій человѣкъ сдѣлалъ кислое лицо.

— Одну отыгралъ!—сказалъ онъ не безъ задора.—Потомъ еще отыграю...

— Никогда ты не отыграешь!—смѣялся Полозовъ.—Помни: хотя по пятаку за штуку—это сто рублей.

— Меньше ста рублей,—поправилъ Колнышевскій.

— 85 рублей 95 копѣекъ—прибавилъ онъ, подумавъ съ минуту.

Игра была безденежная, но, чтобы уязвить Черномора, требовалось такъ или иначе перевести проигрышъ на деньги.

Хозяйка усадила Веревцова на лучшее мѣсто у самовара и тщетно старалась заставить его что-нибудь съѣсть. Но Василій Андреичъ былъ непоколебимъ.

— Я пообѣдалъ дома!—повторялъ онъ на всѣ соблазны.—Дайте лучше Полозову!..

Огромный Мишанька на скудной пропадинской пищѣ вѣчно чувствовалъ себя впроголодь, но онъ скрывалъ свою прожорливость, какъ порокъ, и никогда не позволялъ себѣ переходить общую норму.

Онъ посмотрѣлъ на Веревцова съ упрекомъ и, отрицательно мотнувъ головою, отошелъ къ камину и принялся грѣть руки у огня.

— Отчего такъ поздно?—сказалъ Колнышевскій.

Посѣщенія Веревцова цѣнились, и, если его долго не было въ урочное воскресенье, всей кампаніи какъ будто не хватало чего-то...

— У меня Алексѣевъ!—кратко объяснилъ Василій Андреичъ.—Въ юртѣ остался, не хочетъ въ гости идти...

Наступило непродолжительное молчаніе.

— Онъ мнѣ сегодня чуть голову не разбилъ!—объяснилъ хозяинъ такъ спокойно, какъ будто цѣнилъ свою голову не дороже яичной скорлупы.—Миской швырнулъ...

— Хорошо, что я отскочилъ,—прибавилъ онъ, принимаясь опять за подпилокъ.—Миска-то мѣдная, край такой острый, на косякъ налетѣла, дерево, какъ ножомъ, взрѣзала.

— Я его покормить хотѣла!—пояснила хозяйка.—А онъ всеё

миску, да и съ супомъ, Николаю Ивановичу въ голову бросилъ... Такъ ничего и не поѣлъ!—прибавила она со вздохомъ.

Повидимому, она больше всего жалѣла о томъ, что Алексѣевъ остался безъ супу.

— Все отъ бездѣлья!—сказалъ Банерманъ сентенціозно.—Живетъ одинъ, занятій нѣту... Вотъ и отыскиваетъ себѣ что-нибудь, чтобы вниманіе занять.

— Пускай онъ у меня поживетъ!—кротко сказалъ Веревцовъ.—Можетъ, научится и въ обществѣ жить!..

— Бѣдняжка!—сказала хозяйка.—Пускай хоть отдохнетъ! Совсѣмъ измаялся.

— Только знаете,—сказалъ Веревцовъ, застѣнчиво улыбаясь.—Онъ проситъ, чтобы гости не ходили. Въ воскресенье, значитъ, у меня нельзя!..

— Это жаль!—сказалъ Банерманъ.—Мы привыкли уже у васъ!..

— Ну что-жъ дѣлать!—задумчиво возразилъ Колышевскій.—Нельзя такъ и нельзя!..

— Мнѣ дьяконица говорила,—сказала вдругъ хозяйка:—„найдите шамана, пусть отколдуетъ его,—напущено на него по злобѣ!“ Пустое это!—поспѣшно прибавила она, видя неудовольствіе на лицѣ мужа.

— При чемъ тутъ дьяконица?—неохотно проворчалъ Николай Ивановичъ.

— Онъ вѣдь у нихъ сегодня ночевалъ,—сказала хозяйка.—Ночью стукъ поднялъ.—„У меня, говоритъ, дома нехорошо...“

— Женить бы его слѣдовало!—замѣтилъ Банерманъ.—Все бы рукой сняло.

— Ну, я пойду!—сказалъ Веревцовъ, поднимаясь.

— Такъ скоро?—возразила хозяйка.

— Къ Головинскимъ зайти надо—сказалъ Веревцовъ.—Младенца посмотрѣть.

Двухлѣтній Витька, истинный хозяинъ второго семейнаго дома, былъ въ настоящее время единственнымъ отпрыскомъ молодого поколѣнія колоніи. Онъ былъ извѣстенъ въ просторѣчіи подъ именемъ „младенца“ или распространеннѣе „государственнаго младенца“.

На дворѣ давно было темно. Небо затянулось тучами. Внезапная мятель разыгрывалась все сильнѣе. Струйки снѣжной пыли уже неслись вдоль улицы, затемняя воздухъ и мѣшая находить тропу, протоптанную пѣшеходами. Съ рѣки, которая разстилалась вдоль всего города, какъ широкая ледяная пустыня, уже доносился пронзительный свистъ вихря.

Дорога къ Головинскимъ шла по единственной улицѣ городка,

потомъ спускалась по крутому и скользкому откосу къ утлому мосту, перекинутому черезъ устье Сосновки. Веревцовъ шелъ среди улицы, то и дѣло спотыкаясь на горкахъ снѣжной пыли, наметенныхъ поперекъ дороги, какъ неожиданныя ступеньки. Вѣтеръ дулъ ему въ лицо, и онъ невольно отворачивался и двигался впередъ бокомъ, осторожно выбирая шаги. На спускѣ стало еще хуже. Вѣтеръ намелъ сугробы во всѣхъ ложбинахъ и извилинахъ покатой тропы, особенно съ лѣвой подгорной стороны. Сдѣлавъ неосторожный шагъ, Веревцовъ провалился до колѣнъ и набралъ полныя валенки снѣга.

Кое-какъ выбравшись на болѣе твердое мѣсто, онъ полуинстинктивно сталъ забирать вправо, гдѣ на выпукломъ ребрѣ откоса снѣгъ проносило мимо. Благополучно спустившись на нѣсколько десятковъ саженей, онъ опять попытался свернуть влѣво къ мосту и опять попалъ въ сугробъ. Поневолѣ пришлось держаться правой стороны, гдѣ все время была твердая дорога. Было совершенно темно. Вѣтеръ продолжалъ дуть Веревцову въ лицо, и онъ былъ, поэтому, увѣренъ, что идетъ, куда нужно.

Но дорога вдругъ перестала спускаться, стала ниже и неожиданно свернула влѣво. Вѣтеръ сталъ дуть Веревцову съ правой стороны. Сбитый съ толку, Василій Андреичъ попробовалъ по инерціи отклониться вправо и попалъ въ сугробъ, еще болѣе глубокій, чѣмъ нѣсколько минутъ назадъ. Приходилось не мудрствовать и слѣпо покоряться колеѣ, благо она еще ощупывалась подъ ногами. Саженей тридцать прошли безъ приключеній, потомъ дорога еще свернула влѣво и стала круто подниматься въ гору. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Василій Андреичъ почувствовалъ, что это былъ тотъ же выпуклый откосъ, по которому онъ только что спустился внизъ, и внезапно сообразилъ, въ чемъ дѣло. Онъ сбился на одну изъ встрѣчныхъ дорожекъ и поднимался назадъ въ городъ. Вѣтеръ кстати дулъ ему въ спину; онъ поднимался вверхъ довольно бодро и рѣшалъ въ умѣ, попытаться ли снова отыскать мостъ, или лучше вернуться къ Горскимъ и переждать метель.

Однако, дорога, вмѣсто того, чтобы вернуться на улицу, превратилась въ узкую тропинку. Пройдя еще нѣсколько шаговъ, Василій Андреичъ съ размаху наткнулся на дерево. Это его очень смутило, ибо на этой сторонѣ Сосновки не было никакого лѣса, и онъ напрасно старался понять, откуда взялось дерево. Тропинка углубилась въ лѣсъ. Здѣсь вѣтеръ былъ легче, но на каждомъ шагу онъ натыкался на деревья. Чрезъ нѣсколько минутъ всѣ слѣды тропинки исчезли, и ему пришлось пробираться впередъ уже въ глубокомъ снѣгу сквозь густыя тальничныя заросли. Теперь онъ былъ въ полномъ недоумѣніи, ибо такого гу-

этого тальника вообще не было въ окрестностяхъ Пропадинска. Онъ какъ будто попалъ въ незнакомую лѣсную глушь и уже исцарапалъ себѣ руки и лицо въ борьбѣ съ упрямыми вѣтвями, хлеставшими ему въ глаза.

Однако, черезъ десять или пятнадцать минутъ эта фантастическая тайга исчезла такъ же быстро, какъ и появилась, и Веревцовъ опять вышелъ на тропинку. Она была узко протоптана и уходила и вправо, и влѣво. Теперь онъ положительно не понималъ, гдѣ находится, но, подумавъ съ минуту, свернулъ на удалую влѣво.

Онъ шелъ чрезвычайно осторожно, постоянно ощупывая землю ногами, чтобы не сбиться съ колеи. Но чрезъ нѣсколько минутъ тропинка опять исчезла, онъ очутился въ ложбинѣ, наполненной до верху снѣгомъ, и опять сталъ на каждомъ шагу проваливаться по поясъ; наконецъ, неловко ступивъ, попалъ въ какую-то яму и провалился уже по шею. Мокрый снѣгъ набился ему комьями въ рукава и за воротникъ. Ему стало очень холодно, несмотря на усиленное движеніе. Онъ сталъ карабкаться изъ ямы, но вездѣ кругомъ былъ такой же мягкій и глубокій снѣгъ. Онъ обмялъ вокругъ себя возможно болѣе широкое пространство и сталъ очищать одежду отъ снѣга. Сюда въ ложбину, подъ защитой лѣса, вѣтеръ совсѣмъ не долеталъ, и совершенно сбитый съ толку Веревцовъ сталъ подумывать, чтобы дождаться здѣсь утра. Снѣгъ, однако, валилъ такими густыми и мокрыми хлопьями, что ежеминутно нужно было отряхиваться, чтобы сохранить сухость одежды. Вдругъ прямо передъ собой онъ увидѣлъ какой-то странный свѣтъ, смутный и мелькающій, похожій на лучъ, падающій изъ освѣщеннаго окна на дорогу. Свѣтъ былъ, однако, совсѣмъ вверху, такъ высоко, что, если бы не тучи, покрывавшія небо, его можно было бы принять за звѣзду.

— Го-го!—вдругъ закричалъ Веревцовъ во всю силу голоса, вытягивая голову по направленію къ свѣту.

— Го! — донеслось черезъ минуту совершенно явственно. Тамъ былъ, очевидно, не только свѣтъ, но и живой человѣкъ. Веревцовъ съ неожиданной легкостью вскарабкался вверхъ по направленію къ призыву и очутился на пригоркѣ. Подъ ногами его въ третій разъ оказалась тропинка. Черезъ минуту онъ наткнулся грудью на изгородь, за которой бѣлѣла неясная четвероугольная масса человѣческаго жилища. Вся эта мѣстность показалась Веревцову до чрезвычайности знакомой. Сдѣлавъ еще два шага, онъ окончательно узналъ свою собственную юрту. Недоумѣніе его, конечно, не уменьшилось, ибо онъ не могъ понять даже, какимъ образомъ онъ попалъ на эту сторону рѣки. Во

всякомъ случаѣ теплое жилье было передъ нимъ, и это было лучше всего.

Алексѣевъ стоялъ на крышѣ въ косматой кабардинской буркѣ, которую привезъ съ собою пять лѣтъ тому назадъ. Свѣтъ оказался большимъ фонаремъ, укрѣпленнымъ на длинной палкѣ, которую онъ прислонилъ къ высокой трубѣ, выведенной надъ каминомъ. Импровизированный маякъ и его сторожъ были совсѣмъ подъ стать сумасшедшему ненастью, бушевавшему на дворѣ.

— Славная ночь!—со смѣхомъ сказалъ Алексѣевъ, соскакивая съ крыши и торопливо открывая дверь предъ Веревцовымъ.— Отличная ночь!..

Лицо его сіяло дикой радостью. Косматая голова, торчавшая изъ такой же косматой бурки и полузанесенная снѣгомъ, давала ему видъ какого-то фантастическаго лѣшаго, которому мѣсто въ глубинѣ тайги, а не въ человѣческомъ домѣ.

— Они не пришли сюда!—продолжалъ онъ съ торжествомъ въ голосѣ, помогая озябшему Веревцову перебраться черезъ порогъ.—У васъ славный домъ... Далеко, глухо!.. Кругомъ лѣсъ... Я думаю, они совсѣмъ не будутъ сюда ходить... Какъ вы думаете?..

Веревцовъ съ изумленіемъ смотрѣлъ вокругъ себя; онъ не узнавалъ своего жилища. Его новый товарищъ успѣлъ за нѣсколько часовъ передѣлать невѣроятное множество дѣла. Полъ былъ чисто выскобленъ и вымытъ. Всѣ окна освобождены изъ подъ травяной покрышки, и оконныя льдины оскоблены отъ инея. Даже кровать Веревцова была тщательно выскоблена и вытерта тряпкой.

Вмѣсто верстака стояло другое ложе, сбитое изъ деревянныхъ плахъ, но живописно задрапированное одѣяломъ. Столъ былъ застланъ скатертью, и на немъ горѣли двѣ стеариновыя свѣчи. Даже каминъ былъ выбѣленъ мѣломъ. Въ глубинѣ его передъ огромной загнетой горячихъ углей стоялъ готовый чайникъ съ чаемъ и три горшка съ различными снѣдями.

— Каково?—спросилъ Алексѣевъ съ наивнымъ торжествомъ. Видите, какой я проворный!.. Уже домой сбѣгалъ и вещи привезъ, да и салазки вмѣстѣ, пускай тутъ стоятъ!..

Онъ проворно разгребъ загнету и затопилъ каминъ.

— И фонарь я тоже склеилъ,—продолжалъ онъ,—изъ рыбьей кожи. Думаю, нужно маякъ устроить, а то Василій Андреичъ дорогу не найдетъ.

А дровъ у меня много,—прибавилъ онъ, помѣшивая въ каминѣ,—мы ихъ перевеземъ на салазкахъ. Во всю зиму не истопимъ.

— Теперь садитесь, угощайтесь!..

Онъ стащилъ съ Веревцова куртку и усадилъ его на мѣсто

съ такой осторожностью, какъ будто Василій Андреичъ былъ разслабленный.

— Видите, я ужинъ сварилъ! — указалъ онъ на горшки.— Супъ съ грибами, каша. На обоихъ хватитъ... Я тоже не буду ѣсть мяса, какъ вы. Я хочу жить, какъ вы живете.

Василій Андреичъ слушалъ съ удивленіемъ, не совсѣмъ довѣряя превращенію своего гостя, но Алексѣевъ тотчасъ же угадалъ его мысли.

— Мы съ вами все такъ жить будемъ,—сказалъ онъ,—вы не думайте. Лишь бы они не ходили... Будемъ жить, какъ въ бракѣ. Я буду мужъ, а вы будете жена, или, если хотите, вы будете мужъ, а я буду жена. Или будемъ два мужа, или двѣ жены, какъ вамъ угодно.

Настроеніе его было нѣсколько шумно, но онъ весь сіялъ отъ радости.

— Лишь бы они не ходили сюда!—повторялъ онъ. — Вотъ увидите, что мы надѣлаемъ. Лишь бы въ покоѣ насъ оставили!..

Онъ былъ такъ возбужденъ своими новыми надеждами, что послѣ того, какъ свѣчи были погашены, и они улеглись спать, еще неоднократно окликалъ Веревцова.

— Видите, видите!—повторялъ онъ.—Ихъ нѣтъ. Вы запретили имъ ходить... Пускай же они не ходятъ! Увидите, какъ мы будемъ жить!..

Утомленный Веревцовъ не слушалъ и заснулъ; но и во снѣ ему мерещилась оригинальная фигура, полузанесенная снѣгомъ и похожая на лѣшаго, стоявшая на крышѣ съ фонаремъ на длинной палкѣ и бормотавшая, какъ заклинаніе:

— Пускай они не ходятъ! Не надо ихъ! Пускай они не ходятъ!

Снѣгъ въ этомъ году сошелъ довольно рано, но рѣка все не могла вскрыться. Днемъ солнце пригрѣвало, мерзлая земля оттаивала и раскисала на припекѣ, но къ полудню опять становилась твердою, какъ камень. Трехаршинный ледъ такъ крѣпко примерзъ закраинами къ тинистому берегу, что даже неустанная сила бѣгущей воды все еще не могла оторвать его долой и унести съ собою. Веревцовъ и Алексѣевъ возились съ утра до вечера, обстраивая будущіе огороды. Длинныя рамы парника уже стояли на южной сторонѣ юрты, поблескивая на солнцѣ новыми стеклами. Многія стекла разбились, но Алексѣевъ искусно склеилъ ихъ замазкой собственнаго изобрѣтенія изъ творогу, смѣшаннаго съ пескомъ и рыбьимъ жиромъ, и они дѣйствовали какъ ни въ чемъ не бывало. За парникомъ тянулись гряды, окруженныя заборомъ; нѣкоторыя были даже вскопаны, несмотря на ночные заморозки. Сѣмена были высажены въ горшки и деревянныя латки.

*

Къ полудню ихъ выносили на дворъ и разставляли на крышѣ длинными рядами, а къ вечеру убирали въ юрту. Теперь юрта имѣла болѣе веселый видъ. Сталактиты давно оттаяли, и нѣсколько времени тому назадъ Алексѣевъ дошелъ до такой предпріимчивости, что заново оклеилъ всѣ стѣны газетной бумагой къ великому ущербу куля съ мукой, стоявшаго за печкой, изъ котораго онъ бралъ муку для клейстера. Съ самаго своего переселенія къ Веревцеву, онъ тоже сталъ вегетаріанцемъ, и перемѣна пищи, повидимому, благотворно повліяла на его здоровье. Кошмары почти совершенно исчезли, особенно съ наступленіемъ весны, и въ настоящее время онъ равнодушно относился къ тому, ходятъ или не ходятъ гости въ юрту. Заинтересоваться опять общеніемъ съ другими онъ не могъ, ибо его общественные интересы были убиты зимними невзгодами.

Однако онъ ревностно участвовалъ въ приготовленіяхъ къ праздникамъ и особенно тщательно очищалъ косяки и полы, желая, чтобы старое жилище выглядѣло попривлекательнѣе. Но въ послѣднія недѣли ему пришлось забросить чистоту. Горшки и фляги съ разсадой къ вечеру до такой степени наполняли юрту, что негдѣ было пройти. Пріятели убрали столы и кровати и спали въ темномъ углу, гдѣ раньше стоялъ ушатъ съ водой и хранилась грязная посуда. Колоды и стойки для водопровода тоже были готовы, но все еще лежали на крышѣ, такъ какъ можно было опасаться, что половодье затопитъ все мѣсто, кромѣ холма, на которомъ стояла юрта. Наконецъ, въ одно утро товарищи, выйдя на дворъ, неожиданно увидали воду рѣчки у самой своей двери. Ночью начался ледоходъ, и всѣ протоки Пропады мгновенно переполнились и вышли изъ береговъ. Ледъ шелъ по рѣкѣ густой массой, спираясь и громоздясь вверхъ огромными глыбами и надвигаясь на берегъ, прорывалъ глубокія борозды въ прибрежной галькѣ и срывалъ цѣлые куски яровъ съ растущими на нихъ деревьями. Къ полудню пониже города ледоходъ совсѣмъ остановился; вода стала подниматься и затопила городъ. Наступила обычная весенняя картина. Всѣ низкія мѣста обратились въ озера. Амбары и лодки, стоявшія пониже, были унесены, или изломаны въ щепье. Въ половинѣ домовъ было наводненіе; жители переселились на крыши или перебрались въ лодки, привязанныя къ столбамъ полузатопленныхъ оградъ. Многіе спаслись въ церковь, стоявшую на высокомъ холмѣ среди города.

Юрта, построенная въ сторонѣ, составляла уединенный островъ, и обитатели ея были совершенно отрѣзаны.

Къ счастью вода не добралась до парника, устроеннаго на склонѣ холма; гряды были затоплены, но это не могло пронести имъ вреда. Къ вечеру заторъ разорвался, и вода спала. Въ те-

ченіе слѣдующихъ дней было еще два или три затора, хотя и не такихъ большихъ. Наконецъ главную массу льда пронесло внизъ; рѣка очистилась, и настало лѣто. На другой день земля какъ по волшебству покрылась зеленымъ ковромъ, на всѣхъ деревьяхъ развернулись почки.

Еще черезъ два дня въ травѣ появились головки ландышей, и на вѣтвяхъ тальника стали завиваться барашки. Всевозможныя птицы съ непрерывнымъ гамомъ и стрекотаньемъ летѣли вдоль рѣки на сѣверъ. Воздухъ наполнился пріятнымъ смолистымъ запахомъ лиственницы и ползучаго кедра. Природа торопилась, ибо ей нужно было начать и окончить цѣлую вереницу мелкихъ и крупныхъ дѣлъ за два короткихъ мѣсяца праздничнаго лѣтняго приволья.

Цвѣтоводство и огородничество Веревцова и Алексѣева было въ полномъ разгарѣ работъ, какъ свидѣтельствовала даже вывѣска, тайно нарисованная Банерманомъ и повѣшенная ночью на деревѣ, чтобы сдѣлать Василію Андреичу сюрпризъ. На вывѣскѣ была изображена чудовищная телѣга, нагруженная до верху различными произведеніями сельской природы, а Веревцовъ въ позѣ Цинцинната стоялъ возлѣ, опираясь ногою на заступъ и безмолвно предлагалъ прохожимъ свои дары.

Картофель, капуста и брюква были пересажены въ грядки, а огурцы и цвѣты въ парникъ. Обыватели каждый день приходили къ юртѣ полюбоваться на невиданное зрѣлище, такъ какъ парника и водопровода никогда еще не было въ Пропадинскѣ. Лужайка передъ юртой сдѣлалась любимымъ мѣстомъ собранія для городскихъ мальчишекъ, которые въ особенности любили наблюдать, какъ длинный очепъ спускается и подымается надъ рѣкой, точно долговязая шея огромной птицы, пьющей воду. Мальчишки впрочемъ держались на почтительномъ разстояніи. Длинныя ноги Веревцова и косматая голова Алексѣева внушали имъ робость. Въ городѣ къ тому же ходили смутные слухи, что въ невиданной затѣѣ пришлыхъ людей не обошлось безъ лѣшаго, который именно и перетаскалъ изъ лѣсу всѣ эти огромныя колоды.

Лѣто быстро подвигалось впередъ. Посѣвы поднялись на славу. Огородъ покрылся широкой и плотной зеленью. Первые тонкіе листочки будущихъ капустныхъ вилковъ стали курчавиться и свиваться вмѣстѣ. Желтые цвѣточки огурцовъ отцвѣтали въ парникѣ и мѣстами зеленое донышко цвѣточной чашки уже стало удлиняться, принимая характерную овальную форму. Большая часть колоніи разъѣхалась по рыболовнымъ заимкахъ, городъ опустѣлъ, остались только нѣсколько нищихъ старухъ на Голодномъ Концѣ, больные въ больницѣ, два попа пропадинской церкви, да цѣлое стадо бродячихъ собакъ, отпущенныхъ до осени на волю.

Собаки, однако, приносили Веревцову больше испытаній, чѣмъ люди. Онѣ разсматривали межи между огородными грядами, какъ мѣсто, спеціально назначенное для бѣга взапуски и всевозможныхъ ристалищъ. Изгородь, устроенная Веревцовымъ вокругъ посѣвовъ, еще ухудшила дѣло. Собаки каждую ночь продѣлывали новую лазейку, но въ рѣшительную минуту забывали все и, преслѣдуемыя хозяевами, метались изъ стороны въ сторону, каждымъ прыжкомъ уничтожая юную редиску или полную свѣжаго сока рѣпу. Впрочемъ, онѣ слишкомъ привыкли къ ударамъ, чтобы обращать на нихъ вниманіе. Лѣто было для нихъ праздникомъ, такъ какъ лѣтомъ не было запряжки, и онѣ старались насладиться по своему свободой и теплomъ.

Веревцовъ и Алексѣевъ не отлучались отъ огорода и сторожили свои работы. Веревцовъ сплелъ травяные маты во всю ширину огорода, чтобы закрывать гряды при ночныхъ морозахъ, которые должны были начаться со дня на день. Съ парникомъ онъ возился, какъ съ больнымъ ребенкомъ, то открывая его, чтобы огурцы погрѣлись на солнцѣ, то поспѣшно закрывая опять при первомъ намекѣ на охлажденіе воздуха. Цвѣты расцвѣли и отцвѣли, но ему некому было дарить букеты, ибо ни одной дамы не было въ городѣ, и, въ концѣ концовъ, онъ сосредоточилъ всѣ свои упованія на прозаическихъ, но болѣе полезныхъ дарахъ огородной Помоны.

Вечерняя заря снова оторвалась отъ утренней, и темный промежутокъ становился все длиннѣе. Комаръ, мошка, всяческій гнусъ первой половины лѣта ослабѣли и стали безвредны, настало самое лучшее время полярнаго года. Днемъ было тихо и тепло, но въ полночь если небо было ясно, холодъ давалъ себя знать. Работы около огорода было совсѣмъ мало. Алексѣевъ сталъ ставить сѣти по рѣчкѣ въ трехъ верстахъ отъ ихъ усадьбы. У нихъ теперь была своя небольшая лодка, и они ѣздили вдвоемъ на высмотръ рыбы. По берегамъ рѣчки они начали заодно собирать въ груды сухой лѣсъ, намѣреваясь вывозить его зимою по санной дорогѣ. Веревцовъ снова затѣялъ сплавить плотъ, и вчерашній день до поздняго вечера компаньоны сгруживали бревна на вольной водѣ и связывали ихъ вмѣстѣ гибкими тальничными вѣтвями.

Солнце только что взошло, и густая роса, осѣвшая за ночь на траву, поднималась ему навстрѣчу бѣлыми клубами тумана. На дворѣ было сыро и довольно прохладно, но въ юртѣ, гдѣ каминъ топился ежедневно, было сухо и тепло. Компаньоны устали вчера отъ мокрой работы и разоспались на славу. Алексѣевъ вообще теперь спалъ очень крѣпко, какъ будто хотѣлъ вознаградить себя за зимніе страхи и безсонницы. Вдругъ со двора

долетѣлъ жалобный звонъ разбитаго стекла. Веревцовъ поднялъ голову, посмотрѣлъ вокругъ себя и сѣлъ на постели; онъ, очевидно, не могъ понять, въ чемъ дѣло. Звонъ повторился, сопровождаемый собачьимъ визгомъ. Веревцовъ сорвался съ постели и, какъ былъ, безъ сапогъ и въ одномъ бѣльѣ, выбѣжавъ на дворъ. Зрѣлище, представившееся ему, чуть не заставило подняться его волосы дыбомъ.

Какой-то предпріимчивый щенокъ, перебравшись черезъ ограду вздумалъ выбрать себѣ бѣговой ареной стеклянную крышу парника и до тѣхъ поръ бѣгалъ взадъ и впередъ, пока одно стекло, не крѣпко державшееся, раскололось пополамъ и, половина упала внизъ. Щенокъ былъ настолько неловокъ, что провалился въ отверстіе, но уцѣпился передними лапами за деревянную раму и, стараясь выкарабкаться, сломалъ остатокъ стекла. Онъ очевидно обрѣзалъ себѣ лапу, ибо подошва была въ крови, которая испачкала также косякъ рамы и упала нѣсколькими розовыми капельками на гладкую поверхность стекла. Онъ бился и царапалъ когтями раму и все балансировалъ, отказываясь свалиться внизъ и не имѣя достаточно опоры, чтобы вылѣзть наружу.

— Что ты дѣлаешь?—воскликнулъ Веревцовъ, обращаясь къ щенку, какъ къ человѣку.

При видѣ набѣгающаго врага щенокъ взвизгнулъ и усиленно рванулся изъ стекляной западни.

— Пошелъ, пошелъ!—отчаяннымъ голосомъ кричалъ Веревцовъ.—Огурцы потопчешь!..

Щенокъ сдѣлалъ послѣднее усиліе и, выскочивъ изъ парника, пустился прыгать по капустнымъ грядамъ. Веревцовъ вдругъ схватилъ обломокъ жерди, валявшійся на землѣ.

— Я буду защищаться!—крикнулъ онъ еще громче прежняго и, размахивая оружіемъ, пустился въ погоню за четвероногимъ непріятелемъ.

Двѣ другія собаки появились неизвѣстно откуда, какъ будто выросли изъ-подъ земли и принялись метаться взадъ и впередъ, увеличивая суматоху. Алексѣевъ выскочилъ изъ юрты тоже съ палкой и сдѣлалъ на собакъ такое стремительное и удачное нападеніе, что онѣ сразу перескочили черезъ изгородь въ томъ мѣстѣ, гдѣ она была пониже. Въ лѣвомъ углу огорода онъ отыскалъ подкопъ и сталъ тщательно разгребать землю, увеличивая лазейку.

— Что вы дѣлаете?—удивленно спросилъ Веревцовъ.—Онъ совсѣмъ запыхался не столько отъ бѣготни, сколько отъ волненія; это было его первое сраженіе съ живыми существами.

— Петлю, наставляю! — свирѣпо объяснилъ Алексѣевъ. — Пусть хоть одна попадетъ. Надо ихъ проучить.

Онъ приладилъ въ отверстіи подкопа крѣпкую веревочную петлю съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы она соскользнула на шею перваго дерзкаго животнаго, которое попытается пробраться въ ограду.

— Вяжите покрѣпче!—поддерживалъ его Веревцовъ.—Пусть попадутъ!.. Онѣ нападаютъ, мы будемъ защищаться.

Воинственныя страсти, которыя дремлютъ въ каждой, даже самой мирной груди, проснулись и у Веревцова, и онъ готовъ былъ защищать свои посадки отъ всего свѣта.

Однако, драгоцѣнные огурцы были совершенно невредимы.

Только двухъ стеколъ не хватало въ парникѣ, но Алексѣевъ придумалъ замѣнить ихъ налимьей кожей, изъ которой туземцы сшиваютъ волоковыя окна.

Небо хмурилось, какъ бы сочувствуя огорченію двухъ товарищей. Подулъ холодный сѣверный вѣтеръ. Несмотря на приближеніе полудня, воздухъ становился холоднѣе. Тучи были какого-то страннаго свѣтло-кофейнаго, почти желтоватаго цвѣта.

— Будетъ снѣгъ! — сказалъ Алексѣевъ, внимательно посмотрѣвъ на западъ.

— Какой снѣгъ! — протестовалъ Веревкинъ. — Теперь вѣдь лѣто!..

— Въ позапрошломъ году выпалъ снѣгъ по колѣно, — сказалъ Алексѣевъ,—въ іюлѣ, въ концѣ. Мы думали, рѣка станетъ.

— Да, вотъ, онъ идетъ!—прибавилъ Алексѣевъ, указывая на нѣсколько бѣлыхъ пушинокъ, промелькнувшихъ въ воздухѣ. — Легокъ на поминѣ...

Компаньоны бросились закрывать гряды циновками. Снѣгъ тотчасъ же пересталъ, но температура упорно понижалась. Вѣтеръ становился крѣпче и пригонялъ съ сѣвера все новыя тучи свѣтло-кофейныхъ облаковъ. Первый августовскій утренникъ готовился на славу.

Къ ночи облака порѣдѣли и разорвались клочьями, солнце зашло въ ярко-багровомъ заревѣ. Стало такъ холодно, что земля сразу окостенѣла и звенѣла подъ ногами, какъ осенью. Лужи покрылись тонкимъ ледянымъ саломъ, даже въ колодѣ водопровода вода подернулась льдомъ.

Компаньоны покрыли парникъ всѣми циновками и тряпками, какія нашлись въ юртѣ. Даже одѣяла съ постелей пошли въ ходъ, хотя и въ юртѣ съ непривычки стало холодно. Но Алексѣевъ топилъ каминъ, какъ зимою.

Къ полночи насталъ настоящій морозъ. Компаньоны двадцать разъ выходили провѣдывать огородъ, но на дворѣ было темно, только холодный вѣтеръ щипалъ уши и щеки. Противъ этого холода нельзя было ничего сдѣлать, развѣ только втащить парникъ и всѣ гряды въ домъ.

Наконецъ вернувшись со двора въ десятый разъ, Веревцовъ улегся на кровать и повернулся къ стѣнѣ, демонстративно дѣлая видъ, что хочетъ заснуть. Алексѣевъ опять поставилъ дровъ въ каминъ и сталъ варить себѣ чай, но и онъ больше не выходилъ на дворъ.

Съ утра стало теплѣе; вѣтеръ сошелъ на западъ, тучи опять сгустились, и пошелъ дождь. Теперь можно было открыть и осмотрѣть гряды. Оказалось, что капуста, лукъ и картофель, выращенныя на вольномъ воздухѣ, сумѣли выдержать холодъ и мало пострадали. Но бѣдные огурцы окостенѣли въ своей деревянной коробкѣ. Самые крупные листья свернулись, точно отъ огня, и большая половина стеблей наклонила голову внизъ, какъ бы признавая себя побѣжденными.

Веревцовъ смотрѣлъ, смотрѣлъ на маленькіе зеленые огурчики, которымъ уже не суждено было вырости, и вдругъ погрозилъ тучамъ кулакомъ. Въ защиту своего огорода онъ былъ готовъ на борьбу даже съ небесами, но этотъ врагъ былъ слишкомъ могущественъ, и противъ него не помогали ни палки, ни петли.

Послѣ перваго утренника опять настала ясная и теплая погода. Первый приступъ осенней ярости истощился сразу и снова далъ передышку испуганной природѣ. Парникъ наполовину увялъ, но огородныя гряды процвѣтали какъ нельзя лучше. Картофель и рѣпа были въ землѣ, но капустные вилки побѣлѣли, завивались все крѣпче и крѣпче и лежали на землѣ, какъ большія свѣтло-зеленыя ядра. Жители туземные и пришлые стали съѣзжаться. Около юрты каждый день опять являлись любопытные посѣтители. Капуста завилась въ Пропадинскѣ въ первый разъ. Попъ и исправникъ прислали просьбу продать имъ часть капусты. Они тоже питались рыбой, какъ и всѣ остальные жители, и свѣжіе овощи были для нихъ новинкой.

Наконецъ, наступилъ апофеозъ. Всѣ наличные члены колоніи собрались въ огородъ. Мальчишки со всего города тоже сбѣжались любоваться, какъ русскіе люди дѣлятъ земляную ѣду.

Овощи были выдерганы, срѣзаны и сложены въ кучу. Луку и картофелю было мало, но рѣдька, рѣпа и морковь лежали грудою; главное же украшеніе составляли двѣсти большихъ вилковъ капусты, сложенныхъ вмѣстѣ въ большой бѣлый холмъ. На этотъ разъ Веревцовъ не сталъ устраивать лотереи. Онъ взялъ себѣ съ Алексѣевымъ пятую часть сбора, а остальное подѣлилъ поровну между всѣми.

Никакія отговорки не помогали.

— Я даже исправнику послалъ, — сурово возражалъ Веревцовъ,—и попамъ. И они взяли. Тѣмъ болѣе вы!.. А намъ вдвоемъ сорокъ кочней довольно за глаза...

Въ концѣ концовъ, на свѣжемъ воздухѣ около юрты устроился импровизированный праздникъ. Дамы сварили обѣдъ со свѣжими овощами. Горскій сходилъ въ городъ и досталъ у одного изъ своихъ многочисленныхъ кліентовъ двѣ бутылки наливки, а Полозовъ принесъ спирту изъ кабака.

Послѣ обѣда на гладкой площадкѣ передъ водопроводомъ устроились даже танцы.

Банерманъ такъ разошелся, что сказалъ Веревцову рѣчь.

— Ты!— сказалъ онъ — Ты!.. Великій ты!.. Ты открылъ въ Пропадинскѣ новую земледѣльческую эру. Остается только измѣнить климатъ и уничтожить мерзлоту почвы, и вокругъ Голоднаго Конца будетъ процвѣтать даже пшеница.

Гдѣ прежде въ Капитоліи судилися цари,—

затянулъ Черноморъ тонкой фистулой. Маленькій человѣкъ очень любилъ пѣніе и всегда бралъ на себя роль запѣвалы.

Тамъ въ наши времена сидятъ пономари,—

отвѣчалъ Полозовъ грубымъ, какъ бы даже одутловатымъ басомъ.

Гдѣ прежде процвѣтала троянская столица,
Тамъ въ наши времена посѣяна пшеница!

Банерманъ досталъ гребенку и папиросной бумаги и подигривалъ съ большимъ искусствомъ, Ястребовъ трубилъ въ трубу, свернутую изъ двухъ газетныхъ листовъ.

Ковзаріумъ, ковзаріумъ,
Три бомъ-бомъ-бомъ, три бомъ-бомъ-бомъ!..

Далеко разносился припѣвъ, знаменуя наступленіе новой земледѣльческой эры на рѣкѣ Пропадѣ.

Танъ.

КАКЪ Я СДѢЛАЛСЯ СКУЛЬПТОРОМЪ.

(Изъ моихъ воспоминаній *).

Мнѣ было десять лѣтъ, когда я сталъ вырѣзывать изъ камня разныя вещицы. Камень, изъ котораго я работалъ, довольно твердый, его дома употребляли для точенія ножей. Орудіемъ для вырѣзыванія служилъ мнѣ перочинный ножикъ и заостренные гвозди отъ подковъ: гвозди эти я находилъ на улицѣ и на порогѣ ихъ оттачивалъ. Помню, первая моя вещь была—старинный шкафъ, открытый; въ немъ книги и другія вещи лежали въ безпорядкѣ на разныхъ полкахъ. Затѣмъ я сдѣлалъ многоэтажный домъ съ черепичной крышей, трубами, окнами, балконами, воротами и всѣми прочими деталями; ничего не было пропущено. Наконецъ, я вырѣзалъ человѣческую фигуру: стараго еврея, собирающаго милостыню.

Не помню, что дало мнѣ толчокъ къ этому занятію. Въ городѣ Вильнѣ я никогда не видалъ никакого художественнаго произведенія: у евреевъ скульптурныя изображенія запрещены религіей. Не только въ синагогѣ, но и въ домѣ набожнаго еврея, не должно существовать изображенія человѣка или животнаго. Рожки нашей люстры были всегда залѣплены воскомъ, потому что на нихъ были изображены человѣческія лица. И въ городѣ тогда не было никакого памятника, никакой

*) Авторъ этихъ записокъ—Илья Яковлевичъ Гинцбургъ—скульпторъ-жанристъ; лѣпитъ преимущественно сцены изъ дѣтской жизни (больше 20 дѣтскихъ группъ и статуй). *Группы*: «Интересная сказка» (музей Императорской академіи художествъ), «Послѣ купанья», «Масло жмутъ», «Подсказываетъ» и др. *Статуи*: «Мальчикъ спускающійся въ воду», «Маленькій музыкантъ» (музей Императора Александра III), «Со звѣздою», «Дѣвочка съ хлѣбомъ и молокомъ», «Послѣ урока», Наказанный», «Эквилибристъ» и др. *Портретныя статуэтки* съ натуры замѣчательныхъ русскихъ людей (около 20 статуэтокъ): Графъ Л. Н. Толстой, Чайковскій, Рубинштейнъ, Стасовъ, Менделѣевъ, Рѣпинъ, Верещагинъ, Антокольскій, Айвазовскій, Кони и др. *Историческая жанровая группа*: «Донъ-Кихотъ и Санхо-Пансо». *Бюсты*: Графа Л. Н. Толстого, Менделѣева, Бутлерова, Зинина, Спасовича, Гаршина, Боткина и др. Работы эти были на выставкахъ въ Петербургѣ и за границей. (Золотая медаль на послѣдней всемірной выставкѣ въ Парижѣ).

Біографическія свѣдѣнія до 1889 года смотри у Булгакова «Наши художники».

Ред.

статуи. Единственная скульптура, это были извѣстные «Болваны Тышкевича»—такъ назывались каріатиды на домѣ графа Тышкевича. Изъ камня многіе молодые евреи дѣлали печатки, которымъ иногда придавался видъ греческой колонки или тумбочки, украшенной орнаментами, плетушками. Но фигуры человѣческой я не видалъ, орнаментовъ я не любилъ; также не заботился я о томъ, чтобы работа моя имѣла практическое примѣненіе.

Моя мать (отца не было въ живыхъ; онъ умеръ, когда мнѣ было три года) очень непріязненно относилась къ моей работѣ, въ которой видѣла отвлеченіе отъ ученія Талмуда. Я тогда еще учился въ хедерѣ (еврейская школа) и оказывалъ такіе успѣхи, что несмотря на мою молодость, мнѣ хотѣли предоставить самостоятельно заниматься наравнѣ со взрослыми въ синагогѣ. Какъ и другихъ братьевъ, меня прочили въ раввины, и находили, что у меня недюжинныя способности къ Талмуду.

Мое «баловство», такъ называла мать занятія мои скульптурой, часто преслѣдовалось, и нерѣдко работы мои вмѣстѣ съ инструментами мать выбрасывала въ окно на улицу. Это заставило меня скрывать отъ нея работу, и я выбиралъ безопасное мѣсто и время для занятія любимымъ дѣломъ. Готовую работу я показывалъ охотно сестрамъ, которыя сочувственно ко мнѣ относились и даже ободряли меня. Онѣ втихомолку почитывали нѣмецкихъ классиковъ и романы, и знали, что мое занятіе не баловство, а искусство, которое почитается. Также часто похваливалъ мою работу старикъ-рѣзчикъ печатей Гриллихесъ. Его сынъ учился медальерному искусству въ Академіи, и потому его замѣчанія и разсказы объ искусствѣ имѣли для меня особенный вѣсъ. Отъ него же впервые услыхалъ я имя Антокольскаго.

Случилось такъ, что моя мать по дѣламъ уѣхала въ Петербургъ. Въ это время пріѣхалъ въ Вильно Антокольскій. Это было въ іюнѣ 1870 г. Старикъ Гриллихесъ прибѣжалъ сказать, что знаменитый Антокольскій хочетъ видѣть мои работы, и чтобы я принесъ ихъ показать. И вотъ, на слѣдующій же день, причесанный и умытый, я отправился съ сильнѣйшимъ біеніемъ сердца, неся въ самодѣльной коробкѣ свои грѣхи, а можетъ быть и свои трофеи.

Помню какъ теперь свѣтлый, красивый магазинъ рѣзчика Гриллихеса. На обширномъ столѣ разбросано безчисленное множество инструментовъ, не то что мои гвозди, а удобные, красивые, о которыхъ я всегда мечталъ. На самомъ окнѣ красовались разныхъ цвѣтовъ блестящія печатки, предметы моего постояннаго любопытства. Самъ Гриллихесъ, бѣлый, какъ праотецъ, съ безконечной, длинной бородой, о которой говорили, что она была спрятана подъ его платьемъ, ибо ея конецъ достигалъ до пола, сидѣлъ, углубившись въ свою работу, а рядомъ съ нимъ, на креслѣ сидѣлъ онъ, мой знаменитый судья.

Всегда въ моемъ воображеніи великій скульпторъ представлялся мнѣ большого роста, просто одѣтымъ и добродушнымъ. Но увидѣлъ я

щегольски одѣтую небольшую фигуру, на плечахъ небрежно наброшенъ коричневый плэдъ и на одной рукѣ перчатка. Бросился мнѣ въ глаза красивый, выпуклый, бѣлый лобъ, надъ которымъ подымалась шапка курчавыхъ черныхъ волосъ. Глубоко сидящіе черные глаза пронзительно на меня посмотрѣли.

Я оробѣлъ. Лицо показалось мнѣ суровымъ, строгимъ. Особенную суровость придавали крѣпкіе, прямые волосы на бородѣ и на усахъ. Все лицо дышало энергіей, и въ то же время какое-то недовольство выражали нѣкоторыя черты лица.

Внимательно осмотрѣвъ работы, Антокольскій взялъ меня между колѣнъ, и, стараясь поднять упорно опущенную голову мою, спросилъ:

— А хочешь со мной поѣхать въ Петербургъ? Тамъ будешь у меня заниматься. Хочешь?—Но вѣроятно по выраженію моего лица трудно было ожидать отвѣта, и потому онъ прибавилъ. Приходи завтра съ твоимъ старшимъ братомъ; съ нимъ поговорю. Кстати, принеси инструменты, которыми работаешь.

Въ страшномъ волненіи, не помня себя отъ радости, я выбѣжалъ на улицу и влетѣлъ въ домъ весь сіяющій и торжествующій. Долго не могли сестры добиться отъ меня толковаго разсказа о случившемся. Разсказывая, я все всхлипывалъ, путалъ слова, а когда я дошелъ до предложенія Антокольскаго поѣхать съ нимъ въ Петербургъ, то разразился долгимъ рыданіемъ. Сталъ я всѣхъ упрекать, что мною, какъ младшимъ въ семьѣ, только распоряжаются для домашнихъ услугъ, но судьбой моей никто не интересуется.

Сестры не ожидали такого успѣха; не думали онѣ, что знаменитый Антокольскій одобритъ мою работу. Представилось имъ, что я уже въ Петербургѣ и дѣлаюсь знаменитымъ художникомъ; вспомнились имъ разсказы о художникахъ, которые происходили изъ бѣдныхъ семей, какъ потомъ о нихъ говорили. Вспомнилась имъ и собственная жизнь: какъ онѣ еще съ дѣтства мечтали объ образованіи, но по бѣдности приходилось имъ самоучкой научиться читать и писать по-русски и по-нѣмецки, какъ онѣ потомъ набросились на чтеніе, и какъ мать была недовольна тѣмъ, что онѣ читаютъ свѣтскія книги, а не религіозныя. Теперь, думали онѣ, хоть бы ему удалось достичь того, къ чему онъ стремится.

Съ нетерпѣніемъ дождались мы брата, и тутъ повторилась та же сцена, только вмѣсто одного моего безтолковаго разсказа получилось три: мы всѣ перебивали другъ друга, больше нападали на брата за его постоянное непониманіе искусства, за его равнодушіе къ судьбѣ будущаго художника. И на брата произвело глубокое впечатлѣніе то, что чужой человѣкъ хочетъ меня взять къ себѣ и учить. Воспитанный въ духѣ глубоко-религіозномъ, братъ мой, какъ почти всѣ другіе братья (насъ было пять братьевъ и три сестры), готовился въ раввины, окончилъ раввинское училище и слылъ за хорошаго талмудиста. Въ

послѣднее время онъ увлекался математикой и мечталъ получить высшее образованіе. Стали совѣщаться и порѣшили немедленно написать обо всемъ матери, и просить отпустить меня въ Петербургъ.

На слѣдующій день я пошелъ съ братомъ въ магазинъ Гриллихеса. Антокольскій тамъ насъ ждалъ. Онъ тщательно осмотрѣлъ мои инструменты, разспрашивалъ, какъ ихъ сдѣлалъ, и еще настойчивѣе сталъ упрашивать брата отпустить меня съ нимъ въ Петербургъ.

Братъ отвѣтилъ, что все зависитъ отъ матери, которой уже послано письмо. Отвѣтъ отъ матери получился неблагопріятный: она въ самыхъ строгихъ выраженіяхъ запретила мнѣ пріѣхать подъ страхомъ немедленной отправки домой. Мотивировала она свой отказъ тѣмъ, что не могла дозволить сыну своего благочестивѣйшаго мужа (отецъ мой былъ раввинъ и писатель) жить въ Петербургѣ, гдѣ порядочный еврей не въ состояніи вести жизнь въ духѣ благочестія и набожности.

Я былъ въ отчаяніи, сестры также; братъ долженъ былъ этотъ отвѣтъ передать Антокольскому. Слухъ о предложеніи Антокольскаго взять меня въ Петербургъ и отказъ матери распространился среди всѣхъ нашихъ родственниковъ и знакомыхъ. Всѣ обсуждали этотъ вопросъ; мнѣ сочувствовали и меня жалѣли. Наконецъ, когда Антокольскій объявилъ брату, что черезъ три дня онъ уѣзжаетъ и и потому просилъ рѣшительнаго отвѣта, мы всѣ переполошились: боялись упустить моментъ. Антокольскій сказалъ:

— Совѣтую хорошенько подумать, ибо если теперь не отпустите его, то потомъ мнѣ не представится другого случая и возможности взять его съ собой.

Стали всѣ думать, какъ рѣшить, и подъ давленіемъ знакомыхъ, а главное—сестеръ, братъ придумалъ слѣдующее: онъ передастъ рѣшеніе этого дѣла дѣдушкѣ, въ совѣщаніи съ другими набожными евреями. Это совѣщаніе или судъ долженъ былъ имѣть рѣшающее значеніе для матери, ибо она обожала дѣдушку, который былъ извѣстенъ во всемъ городѣ какъ набожный и честнѣйшій человѣкъ. Къ нему часто обращались за совѣтами по разнымъ дѣламъ, и нерѣдко онъ бывалъ третейскимъ судьей. Его почитали какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ набожные, такъ и ненабожные евреи. Съ другой стороны, этимъ способомъ братъ слагалъ съ себя отвѣтственность въ случаѣ, если бы рѣшеніе дѣдушки противорѣчило рѣшенію матери.

И вотъ, вторично предсталъ я передъ судомъ, но болѣе страшнымъ и неумолимымъ. Сердце мое еще сильнѣе бьется, ибо теперь я былъ убѣжденъ, что работа моя одобрена великимъ авторитетомъ, а все зависѣло отъ приговора старыхъ людей, никогда не видавшихъ ничего художественнаго и по религіознымъ взглядамъ своимъ осуждавшихъ скульптуру. Предварительно братъ разсказалъ дѣдушкѣ объ Антокольскомъ, о моихъ работахъ. Дѣдушка удивился, что раньше мать ему ничего не говорила о моихъ бездѣлушкахъ (мать боялась этимъ огорчить его); и

вотъ я съ трепетомъ показываю свои камешки. Бабушка, вѣчно живая, суетливая, первая полюбопытствовала, и увидавъ ихъ, всплеснула руками и воскликнула:

— Да вѣдь это идолы! Даже грѣшно смотрѣть. Это погано для еврейскаго глаза.

Дѣло мое пропало, подумалъ я, провалился, я, несчастный. Но смотрю: дѣдушка держитъ крѣпко въ рукахъ мои идолы. Онъ тщательно ихъ разсматриваетъ, улыбается, качаетъ головою, гладитъ меня по головѣ, приговаривая:

— Какой ты искусникъ, какъ все у тебя точно, вѣрно! Ничего ты не пропустилъ!

И это говоритъ семидесятипятилѣтній святой старецъ, никогда въ жизни не видавшій ни одного скульптурнаго изображенія. Не даромъ я всегда обожалъ его больше всѣхъ на свѣтѣ, и неоднократно мечталъ бросить все, всѣ шалости и работы, и сдѣлаться такимъ, какъ онъ, бѣднымъ и святымъ.

Рѣшеніе дѣдушки было таково: слишкомъ важно то обстоятельство, что человѣкъ чужой хочетъ принять близкое участіе въ судьбѣ мальчика; вѣроятно, очень важно значеніе, которое придается этой работѣ. Съ другой стороны слишкомъ велико имя отца мальчика, велики заслуги его въ еврействѣ, чтобы на томъ свѣтѣ онъ не отстаивалъ сына передъ всякими соблазнами, чтобы вездѣ, гдѣ бы сынъ ни былъ, не сохранилъ бы его отъ всякаго супостата. Съ этимъ всѣ согласились и рѣшили отпустить меня въ Петербургъ.

Заручившись этимъ рѣшеніемъ, братъ передалъ меня Антокольскому, а матери написалъ о всемъ происходившемъ, прося поскорѣе вторичнаго отвѣта. Для того же, чтобы отрицательный отвѣтъ матери не могъ помѣшать моему отъѣзду, онъ послалъ письмо въ самый день отъѣзда, такъ, чтобъ я прибылъ въ Петербургъ одновременно съ письмомъ.

Идея учиться скульптурѣ была для меня такъ привлекательна, что я отъ восторга сгоралъ нетерпѣніемъ скорѣе уѣхать, и послѣдніе дни плохо ѣлъ и мало спалъ. Никого и ничего не было мнѣ жаль, и, никогда не отлучавшись изъ родного дома, я съ легкимъ сердцемъ разставался съ родными, со знакомыми, стремясь къ новой жизни, точно уѣзжаю на кратковременную прогулку. Только когда бабушка одѣвала меня въ дорогу, я расплакался, но то были скорѣе слезы радости, что сбудутся мои мечты, чѣмъ страхъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ. На вокзалъ всѣ меня провожали и я весело простился съ братьями и сестрами. Я чувствовалъ, что они мнѣ завидуютъ: и имъ бы хотѣлось вырваться изъ дому, гдѣ послѣ смерти отца насъ осталось восемь человѣкъ, и мы все терпѣли нужду и бѣдность. Мнѣ посчастливилось, хоть я и не первый ушелъ изъ дому. Еще за много лѣтъ до меня братъ мой уѣхалъ безъ вѣдома матери за границу и тамъ устроился:

онъ сдѣлался лѣпщикомъ-позолотчикомъ. Но это былъ простой работникъ, а отъ меня ждали чего-то большаго.

По желѣзной дорогѣ я ѣхалъ въ первый разъ. Я, конечно, тотчасъ устремился къ окну и отъ него не отходилъ: все смотрѣлъ на убѣгающіе виды. Казалось мнѣ, что для того, чтобы достигнуть счастья, хорошаго будущаго, надо летѣть за много, много верстъ; какъ въ сказкѣ «Волшебная лампочка» старикъ понесъ Аладдина черезъ моря и лѣса къ мѣсту счастья, такъ и меня мой чудный незнакомецъ увозилъ куда-то далеко. И день, и ночь простоялъ я у окна, спать не хотѣлось, боялся забыться во снѣ. Пріятно мнѣ было чувствовать, что отъ чего то убѣгаю.

Не помню, почему, въ эту ночь Антокольскій былъ въ другомъ вагонѣ. Утромъ, зайдя комнѣ, онъ меня спросилъ: «Помолился-ты?» Я поспѣшилъ отвѣтить: «да». Къ этой неправдѣ я привыкъ: и дома я не любилъ молиться; даже тогда, когда долженъ былъ стоять вмѣстѣ съ братьями въ синагогѣ, на молитвѣ, я, бывало, вмѣсто молитвы бормочу несвязныя слова, а самъ думаю о другомъ.

Вообще, въ дѣтствѣ у меня не было никакого желанія соблюдать религіозные обряды. Ни страхъ передъ Богомъ, ни розги на томъ свѣтѣ не пугали меня. И въ субботу, и въ праздники, я часто нарушалъ предписанія религіи, но не чувствуя никакого влеченія къ соблюденію обрядностей, я, однако же, глубоко благоговѣлъ передъ набожностью дѣдушки. Казалось мнѣ, одно изъ двухъ: или быть такимъ цѣльнымъ какъ дѣдушка, или совсѣмъ ничего не соблюдать. Но за нѣсколько лѣтъ до того у меня чуть не случился поворотъ къ религіозному мистицизму. Подъ вліяніемъ разсказовъ въ долгіе зимніе вечера въ хедерѣ, а иногда въ синагогѣ, о мертвецахъ, о чудесахъ, о молодыхъ праведникахъ, ушедшихъ ради религіи изъ дому, я вдругъ задумалъ перемѣнить свой образъ жизни, сдѣлаться праведникомъ въ духѣ обожаемаго дѣдушки. Я долго носился съ этою мыслью, и наконецъ назначилъ день, въ который должно совершиться мое превращеніе. Но случилось такъ, что какъ разъ въ этотъ день утромъ пріѣхалъ дядюшка и подарилъ мнѣ пятачекъ на гостинцы. Желаніе полакомиться взяло верхъ, и я порѣшилъ отложить свой обѣтъ на два дня. Дѣйствительно, черезъ два дня я сдержалъ свое обѣщаніе: съ утра я преобразился, помолился отъ всего сердца, громко, ничего не пропустивъ; сталъ вдругъ послушнымъ, добрымъ, бросилъ шалости и сдѣлался такимъ сосредоточеннымъ, грустнымъ, что всѣ домашніе скоро замѣтили перемѣну во мнѣ.

— Что съ нимъ сталось?—говорили братья.—Какую-то новую шалость задумалъ онъ, или напроказничалъ уже очень.

— Лучше сознайся,—говорили сестры,—вѣроятно, на улицѣ кого-нибудь поколотилъ, или, можетъ быть, въ шкафу чѣмъ-нибудь полакомился?

Но я боялся разспросовъ, разговоровъ, сталъ прятаться отъ всѣхъ. Мнѣ больно было, что меня не хотятъ понять; а если поймутъ, то еще, пожалуй, больше смѣяться станутъ. Видя, что я не отвѣчаю, братья стали издѣваться надо мною.

— Онъ просто задумалъ въ Америку бѣжать,—говорили они, намекая на то, что я любилъ слушать разсказы о путешественникахъ.

Скоро это дѣло дошло до матери.

— Я выгоню эту дурь изъ головы,—сказала она.

Нѣсколько дней продолжалось это преслѣдованіе. Съ другой стороны я такъ утомился отъ соблюденія строгаго режима, что не выдержалъ, и отложилъ свое намѣреніе сдѣлаться благочестивымъ, еще на нѣсколько недѣль, а тамъ скоро и совсѣмъ забылъ о немъ.

Теперь, въ вагонѣ, усталый отъ безсонной ночи, я отчего-то припомнилъ все это со всѣми подробностями. Именно теперь, въ этотъ рѣшительный моментъ моей жизни я чувствовалъ, что тогдашнее мое настроеніе было самое важное и возвышенное. Все же остальное въ моемъ прошломъ казалось мнѣ ничтожнымъ и жалкимъ, и потому я не жалѣлъ, что отъ него убѣгаю.

Антокольскій высадилъ меня въ Петербургѣ на Вознесенскомъ проспектѣ, у подъѣзда временной синагоги, гдѣ остановилась моя мать, а самъ уѣхалъ къ себѣ, давъ мнѣ свой адресъ и сказавъ, чтобъ я пришелъ къ нему въ воскресенье, вмѣстѣ съ матерью. Матери не было дома, но меня любезно приняли хозяева квартиры. Это были кастелянъ синагоги и его жена, очень хорошіе друзья моей матери. Они меня, запуганнаго и усталаго, обласкали и успокоили. Но вотъ звонокъ—приходитъ мать. Увидавъ меня, она расплакалась, разсердилась, что ея не послушались и прислали меня; но потомъ, успокоившись, она сказала:

— Сегодня канунъ субботы; побудешь со мною, отдохнешь, а тамъ въ воскресенье я отправлю тебя обратно домой.

За обѣдомъ хозяева и гости стали уговаривать мать, оставить меня въ Петербургѣ, а на слѣдующій день, когда самъ раввинъ, хорошо знавшій моего покойнаго отца, и потому пользовавшійся особеннымъ уваженіемъ матери, подтвердилъ мнѣніе всѣхъ, что слѣдуетъ полагаться на Антокольскаго и у него учиться скульптурѣ, мать стала колебаться, и въ воскресенье, въ назначенный часъ, повезла меня къ Антокольскому.

Антокольскій жилъ тогда противъ Академіи, въ домѣ Воронина, въ четвертомъ этажѣ. Это было въ большой, но не высокой комнатѣ, обставленной по-студенчески. Бросились мнѣ въ глаза его работы: прекрасный этюдъ опрокинутаго стола, съ котораго падаетъ скатерть. Это—для задуманной имъ композиціи «Инквизиціи». Пальцемъ дотронулся я до скатерти, чтобъ убѣдиться, не настоящая ли она. Также понравилась мнѣ пишущая рука, небольшая скульптура изъ дерева.

Антокольскій, показавшійся мнѣ тутъ добрѣе и мягче, чѣмъ въ

Вилькѣ, сказалъ матери, что беретъ меня пока на испытаніе, и въ теченіе недѣли скажетъ, оставляетъ ли онъ меня навсегда у себя. Пока я долженъ былъ приходить къ нему каждый день работать.

И вотъ, начинается для меня каждый день путешествіе на Васильевскій Островъ. Это путешествіе сильно врѣзалось мнѣ въ память. Въ особенности памятно мнѣ мое первое знакомство со столицей. Все было для меня ново и необыкновенно; вездѣ я останавливался и на все долго смотрѣлъ. На Вознесенскомъ проспектѣ мое вниманіе привлекали вывѣски мелочныхъ лавочекъ; эти огромные фрукты, виноградъ, румяныя яблоки казались мнѣ верхомъ совершенства въ живописи, и думалъ я: буду ли когда-нибудь въ состояніи такъ рисовать? Казались мнѣ живыми коровы и овцы на вывѣскахъ мясныхъ лавокъ. Долго я любовался у каждой лавки вывѣсками, и не замѣчалъ, какъ лавочники и мальчишки меня окружали, хохотали, что то говорили, показывая мнѣ часть полы. Русскаго языка я тогда не зналъ и потому въ недоумѣніи смотрѣлъ на нихъ, не зная, чего отъ меня хотятъ. Въ голову мнѣ не приходило, что меня дразнятъ, что надо мною издѣваются. Тогда у меня были очень длинные волосы и весь костюмъ мой изобличалъ во мнѣ провинціальнаго еврея. Часто мое равнодушіе выводило мальчишекъ изъ терпѣнія. Меня стали бить и гнать. Я убѣгалъ, запутываясь въ своемъ длинномъ капотѣ, падалъ, и тогда вся улица хохотала. Мои преслѣдованія прекращались, когда я достигалъ Синяго моста. Памятникъ Императора Николая I меня поразилъ, но я не понималъ, почему фигура и лошадь поставлены на такую высокую тумбу. За то очень ужъ курьезной показалась мнѣ неподвижная фигура часового гренадера: думалъ, что это статуя, и подошелъ, чтобы разсмотрѣть ее поближе, но фигура вдругъ зашевелилась, и я отскочилъ испуганный, и долго не могъ придти въ себя, и ужъ все наблюдалъ издали за движеніями этого гиганта. На Николаевскомъ мосту я не мало времени потратилъ, слѣдя за движеніями судовъ и пароходовъ, о которыхъ раньше понятія не имѣлъ.

Прошло нѣсколько часовъ, пока добрался я до Васильевскаго Острова. Антокольскій свелъ меня въ мастерскую. Онъ тогда временно занималъ скульптурный классъ (теперь педагогическіе классы), перегороженный на двѣ части: въ первой работалъ живописецъ Савицкій, а во второй онъ. По сторонамъ класса стояли огромныя гипсовыя статуи. Онѣ мнѣ напоминали «Болвановъ Тышкевича», и я мало обратилъ на нихъ вниманія, до того показались онѣ мнѣ мало выразительными и похожими другъ на друга. Зато я въ восхищеніи былъ отъ картины Савицкаго: это была первая картина, которую я видѣлъ и понялъ. Тутъ мнѣ нравилось все: и больной, разсказывающій о госпиталѣ, и сердобольная мать, и солдатъ отецъ.

Антокольскій тогда только что началъ «Іоанна Грознаго». Онъ помѣстилъ меня за перегородкой, позади себя, далъ мнѣ кусокъ глины, гип-

совый кулакъ и сказалъ: «Копируй». Никогда я не держалъ глины въ рукахъ; еще менѣе зналъ я, какъ надо обращаться со стеками. И вотъ, тихонько раздвинувъ занавѣсъ, я сталъ смотрѣть, какъ работаетъ мой великій учитель, и его смѣлость въ обращеніи съ глиною и стеками меня воодушевила, и я бросился къ своей глинѣ. До того я еще сознавалъ важность испытанія, отъ котораго зависитъ, можетъ быть, моя судьба. Но теперь, начавъ работать, я все забылъ. Нѣсколько часовъ пробѣжало въ работѣ для меня незамѣтно. Я бы продолжалъ такъ работать до вечера, но отходя отъ работы, я наткнулся на самого Антокольскаго: оказалось, онъ сзади стоялъ и смотрѣлъ. Ноги у меня подкосились. «Онъ все видѣлъ, а я, можетъ быть, не такъ лѣпилъ», подумалъ я, и кровь бросилась мнѣ въ голову. Но, точно угадавъ мое состояніе, Антокольскій поторопился сказать:

— Молодецъ! Не ожидалъ я, что такъ скоро вылѣпишь. Ты почти кончилъ. Завтра я тебѣ дамъ другое, болѣе трудное.

«Все рѣшено», подумалъ я, и глубоко вздохнулъ. Я сталъ еще смѣлѣе работать, и черезъ нѣсколько дней, когда у меня была готова «Геркулесова нога», Антокольскій сказалъ:

— Возьми свои работы и пойдемъ къ барону Гинцбургу. Надѣюсь, мнѣ удастся для тебя что-нибудь сдѣлать.

Въ богатомъ домѣ барона я былъ ослѣпленъ роскошью и блескомъ, о которыхъ раньше никогда не имѣлъ понятія. Я оробѣлъ, но добрый баронъ меня приласкалъ, потрепалъ меня по щекѣ и сказалъ:

— Ужъ очень онъ маленькій и худенькій.

По выходѣ отъ барона, Антокольскій сказалъ:

— Поздравляю тебя: теперь ты обезпеченъ, баронъ даетъ тебѣ стипендію.

Признаться, я не понялъ, что это значитъ «стипендія», и для чего она. Мать, между тѣмъ, собиралась уѣхать изъ Петербурга и пришла прощаться съ Антокольскимъ. Онъ ей сказалъ, что оставляетъ меня у себя, и въ видѣ радости сообщилъ о стипендіи, назначенной барономъ. Но мать, вмѣсто благодарности, заплакала:

— Бѣдный мой сынъ!—сказала она.—Онъ долженъ прибѣгать къ милостынѣ.

На прощанье мать просила Антокольскаго слѣдить за тѣмъ, чтобы я соблюдалъ религіозные обряды, молился бы ежедневно и чтобы по нѣскольку главъ читалъ изъ Талмуда. Я совсѣмъ переселился къ Антокольскому, а столовался у портного-еврея Сагалова, жившаго въ Пажескомъ корпусѣ.

Началась у меня жизнь новая, необыкновенная. Утромъ я уходилъ въ мастерскую, гдѣ копировалъ уже болѣе сложныя вещи, затѣмъ обѣдалъ у Сагалова, а днемъ проводилъ нѣсколько часовъ у товарищей Антокольскаго, художниковъ Рѣпина и Савицкаго. Жена Савицкаго давала мнѣ уроки русскаго языка, учила чтенію и письму. Она была очень

красивая, умная и любезная женщина, и чрезвычайно мнѣ нравилась. Я старался изо всѣхъ силъ хорошо учиться, но много мѣшало мнѣ то обстоятельство, что во время уроковъ всегда кто-нибудь изъ знакомыхъ художниковъ сидѣлъ и разговаривалъ съ учительницей.

Я сталъ понимать по-русски и ко всему прислушивался. Это принесло мнѣ пользу при изученіи языка, но на урокахъ я сталъ мало внимателенъ. Воображали, что я ничего не понимаю, потому что не говорю, при томъ мой ростъ и моя наружность внушали убѣжденіе, что я еще ребенокъ. При мнѣ не стѣснялись говорить обо всемъ; на самомъ же дѣлѣ я тогда былъ настолько уже развитъ, что все меня интересовало, и умъ у меня постоянно работалъ.

Разъ былъ такой случай. На урокѣ чтенія присутствовалъ Антокольскій. Онъ разсказывалъ о томъ, какъ ему понравилась какая-то красавица. Я навострилъ уши и сталъ медленнѣе читать.

— Я просто влюбленъ,—говоритъ съ жаромъ мой великій благодѣтель и учитель.

— Хотѣли бы на ней жениться?—спрашиваетъ его моя наставница.

Молчаніе. Я пріостанавливаю чтеніе и жду.

— Что-жъ не отвѣчаете? — вопрошаетъ учительница, въ то же время стучитъ карандашомъ по моей книгѣ, приговаривая: «дальше».

— Что-жъ не отвѣчаете?—въ нетерпѣніи вторю ей я.

Эффектъ былъ необычайный. Всѣ переглянулись, засмѣялись и съ тѣхъ поръ разговоры велись урывками и не такъ понятно для меня.

Вообще моя природная любознательность находила огромный матеріалъ: все было для меня ново. Казалось, я попалъ на другую планету: и люди такіе, какихъ раньше у себя дома не видалъ, и интересы у этихъ людей другіе, и образъ жизни совсѣмъ другой. Ко всему я присматривался и старался во все вникнуть. У Антокольскаго тогда работа кипѣла; статуя близилась къ концу. Многіе стали посѣщать его мастерскую и съ каждымъ днемъ кругъ его знакомыхъ все увеличивался. Онъ поручилъ мнѣ вылѣпить барельефы по рисункамъ Солнцева на кресло Іоанна Грознаго. Работа эта была для меня лестная и пріятная; я ревностно работалъ; всѣ видѣли, какъ я лѣплю, и меня хвалили. «Помогаетъ Антокольскому», говорилъ служитель, когда его спрашивали, что я дѣлаю. «Это будущій Антокольскій», говорили нѣкоторые посѣтители. «Позвольте, Маркъ Матвѣевичъ, вашего милаго ученика поцѣловать», говорили другія посѣтительницы.

Антокольскій сталъ брать меня съ собой къ своимъ знакомымъ. Такъ я сталъ бывать у Сѣрова. Валентина Семеновна Сѣрова любила меня, какъ своего сына Валентина, съ которымъ я проводилъ цѣлые вечера въ его дѣтской. Бывало, я присутствовалъ на музыкѣ въ залѣ. Тогда у Сѣрова собирался весь театральный міръ. Тамъ впервые увидѣлъ я Ивана Сергѣевича Тургенева, гиганта въ бархатной визиткѣ. Онъ производилъ на меня впечатлѣніе красиваго богатаго купца. Самъ

Сѣровъ коротенькой своей фигурой казался мнѣ смѣшнымъ; онъ всегда носилъ очень широкія сѣрые брюки, широкій пиджакъ, сѣдые густые мягкіе волосы падали на плечи и окаймляли бритое бѣлое лицо; черты лица были мягкія, женственныя; думалось мнѣ, что именно такъ долженъ выглядѣть композиторъ. Онъ нерѣдко игралъ еще не поставленную оперу свою «Вражья Сила». Всѣ съ затаеннымъ дыханіемъ слушали новое произведеніе композитора. Атмосфера была полна благоговѣнія къ творцу и искусству, и я, не понимая музыки, прислушивался къ тому настроенію, которымъ было проникнуто общество.

Иногда я хаживалъ къ Николаю Николаевичу Ге. У него я любилъ смотрѣть безчисленные итальянскіе этюды, развѣшанные по всѣмъ стѣнамъ квартиры. Жгучимъ солнцемъ, какимъ-то огнемъ вѣяло отъ этихъ прекрасныхъ этюдовъ, а при видѣ ихъ меня невольно тянуло на югъ. Самъ Н. Н., высокій, красивый старикъ, чрезвычайно нравился мнѣ своей откровенностью, веселостью и остроуміемъ. Частенько сиживалъ я у его сыновей, Петра и Николая. Они уже учились въ гимназіи, но помимо того занимались дома ремеслами: Николай столярнымъ, а Петръ переплетнымъ. Съ особеннымъ любопытствомъ я слѣдилъ за ихъ работой и завидовалъ имъ.

По воскресеньямъ я сталъ бывать у Стасовыхъ. Тамъ я встрѣчалъ совсѣмъ другой кругъ людей. Тутъ были не одни художники: бывали литераторы, музыканты и люди разныхъ профессій. Сами братья Стасовы, внѣ дома, жили и работали въ разныхъ сферахъ: одинъ, служащій въ Публичной Библіотекѣ, больше всего зналъся съ художниками, литераторами и музыкантами; другой былъ военный, а третій, очень начитанный, имѣлъ большой кругъ знакомыхъ въ мірѣ общественныхъ дѣятелей; четвертый—адвокатъ. Все, что происходило въ городѣ, тутъ обсуждалось, всякій приносилъ свои свѣдѣнія и все обсуждалось сообща. Жизнь тутъ кипѣла во всѣхъ широкихъ и хорошихъ проявленіяхъ своихъ. Послѣ замкнутаго міра художниковъ тутъ казалось мнѣ все шире. Кругозоръ мой сталъ расширяться, и я болѣе сталъ интересоваться всѣмъ окружающимъ. За столомъ я сидѣлъ обыкновенно рядомъ съ Владиміромъ Васильевичемъ, который былъ центромъ всего, съ его гигантскимъ ростомъ, громкимъ голосомъ, широкою непоколебимою стойкостью своихъ взглядовъ. Онъ больше всѣхъ говорилъ и больше всѣхъ горячился. Тогда я былъ очень робокъ, и меня вначалѣ поражалъ этотъ необычайный шумъ за столомъ, этотъ горячій споръ. Особенной горячностью отличался Владиміръ Васильевичъ. Онъ, бывало, споритъ съ десятью заразъ, и иногда, бывало, онъ такъ нападаетъ на сосѣда, что мнѣ жалко бывало его противника. Бѣдный, думалъ я, вѣроятно ему неловко, что его такъ отдѣлываютъ, да при всѣхъ еще. Я на его мѣстѣ обидѣлся бы. Съ участіемъ смотрю на него; но противникъ точно угадалъ мои мысли. Онъ ко мнѣ нагибается и на ухо говоритъ:

— Вы не думайте, что онъ сердится; не пугайтесь его. Это добрѣй-

шій человѣкъ; онъ мухи не обидитъ. Я съ нимъ не согласенъ, но его очень люблю.

И дѣйствительно, только кончился споръ, какъ Владиміръ Васильевичъ уже добродушно смѣется, шутитъ и остритъ. Онъ вилкой пихаетъ мнѣ въ ротъ кусокъ мяса съ своей тарелки, приговаривая: «Ѣшьте, вы маленькій, худенькій; вамъ надо побольше мяса ѣсть». Я противлюсь, но онъ настаиваетъ: «Ну, да ну», и я ѣмъ, а всѣ смѣются.

— Бѣдный мальчикъ,—говоритъ съ другого конца стола добрѣйшая, сердечнѣйшая невѣстка Стасовыхъ, Маргарита Матвѣевна,—зачѣмъ его туда посадили; вѣдь Вольдемаръ его замучитъ.

Но я счастливъ, что сижу у самаго центра и слышу все, о чемъ говорятъ. На другомъ концѣ стола все группируется кругомъ другого центра, Надежды Васильевны Стасовой. Она на видъ совершенная противоположность брату своему: ростомъ маленькая, сгорбленная, близорукая; она говорила тихимъ голосомъ и только изрѣдка спорила; но по характеру своему она больше всѣхъ походила на брата: тотъ же огонь таился подъ этой тихой, скромной оболочкой, то же человѣколюбіе въ самомъ широкомъ, свѣтломъ смыслѣ, та же безпредѣльная любовь къ свободѣ, къ свѣту, то же состраданіе къ угнетеннымъ и то же страстное негодованіе противъ несправедливости и фальши. Мое знакомство съ этимъ семействомъ настолько связано съ моимъ развитіемъ, съ моимъ воспитаніемъ (слишкомъ 30 лѣтъ я не переставалъ бывать у нихъ), что я, описывая свое прошлое, еще не разъ вернусь къ нему. Но, помимо моихъ личныхъ отношеній, долженъ сказать, что за 30 лѣтъ люди эти и ихъ друзья не отступали отъ своихъ взглядовъ, и какъ теперь, такъ и тогда, были неизмѣнными выразителями идей и стремленій лучшей части русскаго общества.

А тогда было время общаго подъема духа интеллигентнаго общества. Всѣ были дружны между собою, все свѣтлое, хорошее подхватывалось, превозносилось. Еврей, малороссъ, полякъ—всѣ были равны, у всѣхъ была одна задача, одна цѣль: общее просвѣщеніе и любовь къ наукѣ и къ искусству. Часто у Антокольскаго собирались товарищи-художники, спорили объ искусствѣ, о задачахъ художника. Ихъ споры бывали искренни, увлекательны. Самъ хозяинъ—еврей, полякъ Семирадскій, малороссъ Рѣпинъ и великороссъ Максимовъ,—всѣ были искренніе товарищи и никакой національный вопросъ не растравлялъ ихъ отношеній. Цѣлые вечера они просиживали вмѣстѣ за скромнымъ чайнымъ столикомъ и говорили до поздняго вечера объ искусствѣ. Иногда между ними сидѣлъ вѣчно юный В. В. Стасовъ, этотъ истинный поклонникъ молодыхъ, оригинальныхъ талантовъ. Я, сидя за отдѣльнымъ столомъ и приготовляя уроки, прислушивался къ разговорамъ, и хотя многаго не понималъ, но чувствовалъ, что люди эти воодушевлены общимъ любимымъ дѣломъ, вѣрятъ въ свое дѣло, и потому любятъ другъ друга. И частенько я думалъ о томъ, какъ я счастливъ,

что живу среди этихъ счастливцевъ и что когда-нибудь сдѣлаюсь такимъ же полезнымъ (тогда, казалось мнѣ, всѣ вѣрили въ полезность просвѣщенія и искусствъ) и хорошимъ дѣятелемъ.

Въ январѣ Антокольскій совершенно закончилъ статую Іоанна Грознаго. Императоръ Александръ II поднялся на четвертый этажъ, чтобы посмотрѣть статую, и пріобрѣлъ ее. Академія удостоила Антокольскаго званіемъ академика. Всѣ заговорили о статуѣ; мастерская весь день была полна народу. Имя Антокольскаго еще болѣе загремѣло, когда Стасовъ и Тургеневъ написали о немъ хвалебныя статьи. Со всѣхъ сторонъ стали Антокольскаго приглашать. Онъ рѣдко бывалъ дома, и мнѣ часто случалось оставаться одному въ комнатѣ. Изъ многихъ привычекъ, оставшихся у меня отъ прежней жизни, была боязнь оставаться одному вечеромъ въ комнатѣ. Бывало, до двухъ часовъ утра сижу и жду прихода Антокольскаго, но когда услышу звонокъ, тотчасъ гашу лампу и ложусь, притворяясь, что сплю. Антокольскій, бывало, подходитъ къ моей кровати, смотритъ, сплю ли я, и иногда меня цѣлуетъ. Это ужасно меня трогало. Я чувствовалъ, что онъ меня любитъ, я все болѣе, и болѣе привязывался къ нему, старался во всемъ слушаться его, угождать и быть ему полезнымъ. И дѣйствительно, наши отношенія были наилучшія, и только разъ вышла большая непріятность. Онъ вернулся ранѣе обыкновеннаго домой и спросилъ меня, отлучался ли я куда-нибудь изъ дому. Дѣйствительно, въ этотъ вечеръ я уходилъ къ Сагалову и тамъ провелъ нѣсколько часовъ. «Нѣтъ», отвѣчаю я беззастѣнчиво, желая порисоваться своимъ одиночествомъ и показать, что безъ него я ничего не предпринимаю.—«А почему ты врешь!» вскрикнулъ онъ, весь вспыливъ. На слѣдующій день, когда m-me Савицкая похвалила меня за успѣхи по русскому языку, Антокольскій сказалъ: «Да хорошъ-то хорошъ, но у него страшный недостатокъ—онъ лжетъ». Всѣ изумились, закачали головой, и мнѣ такъ стало стыдно, что я порѣшилъ—больше ему не врать.

Работа моя по лѣпкѣ пріостановилась. Антокольскому некогда было смотрѣть за мной, да, кромѣ того, я не могъ больше работать въ мастерской, которая была и тѣсна, и всегда полна народу. Я сталъ рисовать то у Рѣпина, то у Семирадскаго. Рисованіе давалось мнѣ съ трудомъ. Я очень не любилъ огромныхъ гипсовыхъ головъ: онѣ казались мнѣ скучными и безхарактерными, и я часто, бывало, засыпалъ надъ рисункомъ. Огромное значеніе для меня имѣло то, что я видѣлъ, какъ работали талантливые, тогда опытные уже художники: Рѣпинъ, Семирадскій и Савицкій. Постоянно присматривался я къ ихъ безчисленнымъ этюдамъ и талантливымъ наброскамъ. Помимо программы, нѣкоторые писали картины на собственную тему. Рѣпинъ тогда писалъ «Бурлаковъ». Часами я смотрѣлъ, бывало, на эту безподобную, правдивую картину. Искренностью и самобытностью вѣяло отъ волжскихъ этюдовъ, писанныхъ для этой картины. Нравились мнѣ и картины

Семирадскаго и Ковалевскаго, но, не будучи знакомъ съ исторіей, я только восхищался красками и умѣньемъ рисовать. Семирадскому и Урлаубу я позировалъ для ихъ программы. Почти безотлучно я находился въ верхнихъ корридорахъ Академіи (мастерскія конкурентовъ), гдѣ, какъ монахи въ кельяхъ, молодые труженики работали съ утра до вечера. Слѣдилъ я за ходомъ работъ у всякаго художника и мнѣ доставляло удовольствіе сравнивать ихъ работы. Хотя я числился ученикомъ Антокольскаго, но какъ будто былъ ученикомъ всѣхъ. Какъ дочь полка, я былъ ученикомъ конкурентовъ и былъ всѣмъ извѣстенъ подъ названіемъ «маленькій Эліасъ». Бывалъ я у всѣхъ, но чаще всего у Рѣпина, тогда лучшаго друга Антокольскаго. Въ то время Антокольскій лѣпилъ бюстъ Стасова въ мастерской Рѣпина. Я присутствовалъ при сеансахъ. Много говорили объ искусствѣ. Стасовъ поднялъ вопросъ о раскраскѣ скульптуры и Рѣпинъ сталъ раскрашивать бюстъ Стасова. Все новое въ искусствѣ обсуждалось и обо всемъ свободно высказывалось свое мнѣніе. Не только въ Академіи, но и дома у себя, въ свободныя минуты вечеромъ всѣ рисовали. Иногда собиралось нѣсколько художниковъ вмѣстѣ: одинъ читалъ, а другіе рисовали. И по праздникамъ свободное время посвящалось искусству. Бывало, Рѣпинъ, Савицкій, Максимовъ и др. отправлялись на Петровскій или Крестовскій островъ, тамъ усаживались на берегу, на травкѣ и рисовали, кто лодочку на солнцѣ, кто кустъ, а кто Неву съ барками. Все дѣлалось не кое-какъ, а серьезно и старательно. Зависти ни у кого не было, и всякій дѣлалъ замѣчанія товарищу о рисункѣ.

До чего любовь къ работѣ была тогда велика, я могу привести слѣдующій курьезъ: разъ захожу въ мастерскую къ Рѣпину. Это было въ одиннадцать часовъ утра. Рѣпинъ стоитъ во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ и пишетъ картину.

— Что съ вами, Илья Ефимовичъ?—говорю я,—въ какомъ вы необыкновенномъ видѣ. Я васъ такимъ никогда не видалъ.

— Да,—многозначительно кивнулъ головой Илья Ефимовичъ,—черезъ часъ я долженъ идти въ церковь, вѣнчаюсь. А жалко, въ часъ не успѣю нарисовать драпировку.

Да, тогда вся эта плеяда молодыхъ художниковъ, кто съ большимъ, кто съ меньшимъ талантомъ, всѣ вѣрили въ идеалъ искусства, всѣ любили работу свою, и потому всѣ свои силы, всѣ помышленія посвящали искусству. Иногда я рисовалъ у И. Н. Крамскаго; подъ его руководствомъ я рисовалъ акварелью, но не столько самъ работалъ, сколько смотрѣлъ, какъ работаетъ этотъ магъ и волшебникъ, какъ изумительно рисовалъ онъ портреты. Бывало, при мнѣ начнетъ и такъ, шутя, въ веселомъ разговорѣ, почти безъ всякихъ помарокъ, вѣрно схватываетъ сходство и рисунокъ. Никто съ такой легкостью, казалось мнѣ, не работалъ. Художники относились къ нему съ особеннымъ

уваженіемъ; его почитали за его выдающійся умъ и за его товарищескія отношенія ко всѣмъ даровитымъ художникамъ.

Небольшого роста, но довольно крѣпкаго сложенія, онъ казался особенно интереснымъ при бесѣдахъ и спорахъ. Его умные выразительные глаза, выпуклый лобъ говорили о его проницательномъ живомъ умѣ, не замѣчались некрасивыя другія черты лица. Говорилъ онъ очень убѣжденно, но выражался обдуманно, какъ будто боялся, что не то скажетъ.

Но ближе всего и выше всего казалась мнѣ тогда работа учителя моего, Антокольскаго. Въ особенности не могъ я оторваться отъ «Инквизиціи». Бывало, цѣлыми днями смотрю на эту удивительно-талантливую вещь. И вотъ, прошло ужъ слишкомъ 30 лѣтъ съ тѣхъ поръ, а я все еще не могу забыть того глубокаго впечатлѣнія, какое производила эта изъ ряду выходящая работа на всѣхъ видѣвшихъ ее. И какая иногда бываетъ судьба художественнаго творенія! Эта геніальная работа заброшена самимъ художникомъ; почти всѣ ее забыли, и неизвѣстно, выплыветъ ли она когда-нибудь на свѣтъ.

Въ этой работѣ, казалось мнѣ, заключались и глубокая мысль, и оригинальность исполненія. Представленъ въ видѣ горельфа подвалъ, со старинными каменными сводами. Общее впечатлѣніе при первомъ взглядѣ такое, что чувствуется въ этомъ подземельѣ нѣчто ужасное, опрокинутъ столъ — скатерть, тарелки, подсвѣчники, все на полу. Въ паническомъ страхѣ всѣ бѣгутъ, прячутся въ огромную печь, нѣкоторые захватили съ собою молитвенники. Тутъ толпятся старики, женщины съ дѣтьми и молодые. Остались только двое: одинъ типичный, убѣжденный, закаленный въ вѣрѣ старикъ; на него точно столбнякъ нашелъ; другой, помоложе, испуганный, смотритъ, откуда шаги. По круглой каменной лѣстницѣ спускается жирный инквизиторъ, рядомъ съ нимъ идетъ привратникъ, который освѣщаетъ ступеньки, сзади видны воины съ алебардами и цѣпями. Ужасъ охватываетъ, когда смотришь на эту интересную драму, которая до сихъ поръ, кажется, не вполнѣ отошла въ вѣчность. Но въ то же время испытываешь особенное наслажденіе отъ талантливаго исполненія этой работы.

Въ концѣ января Антокольскій заболѣлъ: у него заболѣло горло. Знаменитый докторъ С. П. Боткинъ нашелъ болѣзнь серьезной и опасной. Меня очень огорчала болѣзнь любимаго человѣка. Я ухаживалъ за нимъ, какъ только могъ, помогалъ ставить компрессы, и ночью, бывало, плохо спалъ, все прислушиваясь къ его дыханію. Болѣзнь обострилась, и докторъ велѣлъ скорѣе уѣхать въ Италію. Сталъ онъ торопиться къ отъѣзду, пришлось подумать и обо мнѣ: куда меня дѣвать? Но, видно, ему трудно было разстаться со мной. Онъ привыкъ ко мнѣ, да и я ужъ очень былъ привязанъ къ нему. И вотъ, разъ вечеромъ, незадолго до отъѣзда, когда собрались у него товарищи-художники, онъ сталъ говорить о своемъ отъѣздѣ и о томъ, что жалко

меня оставить здѣсь. Между прочимъ, онъ показывалъ имъ мою новую работу, маленькій набросокъ изъ воску. Это была сценка изъ еврейской жизни: еврейка совершаетъ, наканунѣ субботы, обрядъ освященія свѣчей, а мужъ ея и дѣти собираются въ синагогу. «Что скажете на это?» спрашиваетъ Антокольскій товарищей. «А вотъ что мы скажемъ: ты за эту работу, Маркъ, возьми его съ собой въ Италію», отвѣтили всѣ въ одинъ голосъ. Точно такого отвѣта хотѣлъ и самъ Антокольскій, и черезъ нѣсколько дней мы вмѣстѣ уѣхали въ Италію.

Какъ 8 мѣсяцевъ тому назадъ я перенесенъ былъ въ столицу, увидѣлъ новую жизнь, новыхъ людей, такъ теперь, послѣ трехдневнаго путешествія, попалъ я въ новую страну, отъ зимы къ лѣту, отъ снѣга въ роскошную природу, увидѣлъ новые, чудные города. Венеція показалась мнѣ волшебнымъ городомъ. Я припоминалъ разсказы сестры о Венеціи, и все, что напоминало эти разсказы, производило на меня впечатлѣніе. Старые дома, стоящіе въ водѣ, показались мнѣ таинственными. Въ каждомъ домѣ, казалось мнѣ, совершается убійство или драма. Сидя въ гондолѣ, я прижался къ Антокольскому отъ страху, что гондольеръ нарочно опрокинетъ насъ. Очень таинственными казались мнѣ мостики; на площади, думалось мнѣ, стоятъ наемные убійцы. Объ исторіи, о времени, я тогда понятія не имѣлъ. Единственнымъ мѣриломъ для этого новаго міра были книги сестры; въ нихъ я вѣрилъ. Бывало, послѣ разсказовъ сестры, я цѣлыми днями мечталъ и фантазировалъ, представляя себѣ дѣйствительность, такъ что, увидавъ потомъ дѣйствительность, я только припоминалъ образы, созданные воображеніемъ. Но больше всего меня волновало посѣщеніе палаццо дожей и склеповъ инквизиціи. Темные подземные ходы, освѣщенные факеломъ, внушали мнѣ страхъ; казалось мнѣ, тутъ недавно совершались мученія. Ничего, что я не понималъ, что говоритъ провожатый,—я ясно себѣ все представлялъ: вотъ углубленіе—значитъ тутъ замуравили человѣка; тамъ отверстіе—оттуда бросали его въ воду; а вотъ кусокъ дерева—остатокъ орудія пытки. Весь день потомъ я былъ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ кошмара и ночью плохо спалъ.

Зато Флоренція произвела на меня впечатлѣніе противоположнаго свойства: тутъ все живутъ люди добрые, точно ангелы. По разсказамъ сестры, это городъ процессій, городъ Рафаэлей и добрыхъ покровителей Медичисовъ. Мнѣ нравилось здѣсь все: и зданія, и сады, и церкви. Здѣсь мы нашли нѣсколько русскихъ художниковъ. Часто бывали у Каменскаго. Нѣкоторыя его работы мнѣ чрезвычайно нравились; я мечталъ о такомъ жанрѣ скульптуры. Его «Мальчикъ-скульпторъ» показался мнѣ прекраснымъ, но «Первый шагъ» меня не совсѣмъ удовлетворялъ. Бывали мы въ мастерской Забелло; онъ тогда лѣпилъ превосходную статую Герцена.

Нѣсколько дней прожили мы во Флоренціи очень пріятно. Ко многому, слышанному мною о Римѣ, прибавилось еще то, что городъ этотъ

взятъ королемъ у папы, и это случилось за мѣсяцъ до нашего пріѣзда. По дорогѣ я слышалъ разговоры, какъ войска Виктора-Эммануила вошли въ Римъ и тамъ стрѣляли. Представилъ я себѣ городъ въ развалинахъ; но когда мы пріѣхали въ Римъ, я напрасно искалъ слѣдовъ завоеванія, и скоро совсѣмъ забылъ, кому онъ принадлежитъ. Въ общемъ, Римъ отчего-то мало мнѣ понравился. Больше всего меня поразилъ Колизей и нѣкоторыя другія развалины. Соборъ «Святого Петра» и «Ватиканъ» я не понялъ; Эрмитажъ казался мнѣ красивѣе.

Но зато тутъ было большое общество русскихъ. Съ русскими мы проводили всѣ вечера, вмѣстѣ обѣдали и затѣмъ долго сиживали въ Café Greco. Разъ мы сидѣли цѣлой компаніей художниковъ. Какой-то торговецъ-итальянецъ предлагаетъ купить бумагу и конверты. «Смотри, Эліасъ», говоритъ Антокольскій, «это непремѣнно еврей. Даже похожъ на нашего польскаго еврея». Боткинъ спрашиваетъ торговца, кто онъ, но тотъ по-итальянски отвѣчаетъ, что онъ правовѣрный католикъ. «Это неправда», прибавляетъ Боткинъ, «онъ изъ боязни, чтобъ его не дразнили, скрываетъ свое еврейство». Тогда Антокольскій обращается къ торговцу и говоритъ по древне-еврейски: «Іегудо онойхи» (я еврей). Торговецъ весь просіялъ и сказалъ: «Махаръ шво атъ» (завтра Пятидесятница). Меня очень обрадовало это, и Антокольскій предложилъ мнѣ провести завтрашній день у этихъ евреевъ. Я охотно согласился, и еврей за извѣстную плату свезъ меня въ гетто.

Тамъ меня водили къ раввину, какому-то именитому еврею; вездѣ меня угощали, но не могли со мной объясняться, и только къ вечеру достали переводчика нѣмца. Меня поразила страшная бѣдность въ гетто: такая же точно, какъ въ Вильнѣ. Что касается до религіозныхъ обрядовъ и до молитвъ въ синагогѣ, то они ничѣмъ не отличались отъ нашихъ.

Наступила жара невыносимая; я утомился и часто сталъ отказываться отъ прогулокъ, отъ посѣщенія музеевъ. Антокольскій уходилъ на весь день, оставляя меня одного въ квартирѣ, и тогда я углублялся въ чтеніе повѣстей и разсказовъ. Я сталъ скучать по петербургскимъ знакомымъ, а главное—слѣдовало подумать и о своемъ образованіи. Въ Италіи мнѣ трудно было оставаться, и рѣшено было отправить меня учиться въ Петербургъ. Но какъ? Языковъ я не зналъ, и ѣхать одному было немыслимо. И вотъ кстати получается извѣстіе изъ Флоренціи, что тамъ проѣздомъ изъ Швейцаріи остановилась дама, которая ѣдетъ въ Петербургъ. Я немедленно отправился во Флоренцію, и художникъ Каменскій познакомилъ меня съ этой дамой. Это была еще очень молодая, на видъ 18 лѣтъ, вдова Мордвинова, урожденная кн. Оболенская (впослѣдствіи она вышла замужъ за С. П. Боткина). Ее сопровождала другая дама, постарше, компаньонка ея. Онѣ чрезвычайно мнѣ понравились своей простотой и любезностью, и я, не стѣсняясь тѣмъ, что плохо говорилъ по-русски, всю дорогу разсказывалъ имъ, какъ жилъ въ про-

винціи, какъ учился въ еврейской школѣ и какъ началъ работать. Но больше всего распространялся я о петербургскихъ знакомыхъ, какіе они добрые и какъ всѣ меня любили. «Чудесные люди въ Петербургѣ — говорилъ я,—всѣ такіе добрые и любезные».—«Ну нѣтъ, не всѣ», возразила мнѣ молодая, но ужъ нѣсколько разочарованная вдова. «Поживете тамъ, увидите, сколько злыхъ; да и злыхъ-то неизмѣримо больше, чѣмъ добрыхъ».

Подъѣзжая къ Вильнѣ, Е. А. сказала: «Здѣсь будутъ ждать меня родственники, у которыхъ я останусь нѣсколько дней. Вотъ мой петербургскій адресъ (у графа Сумарокова); приходите ко мнѣ туда: буду вамъ давать уроки».

Когда поѣздъ остановился, къ намъ въ купэ вошло много военныхъ; всѣ засуетились, послышалось: Посторонитесь! Генералъ-губернаторъ идетъ! Меня оттиснули въ уголъ; я испугался, и въ общей суматохѣ, не простившись съ моими любезными спутницами, схватилъ свой чемоданчикъ, выскочилъ на улицу и поѣхалъ къ бабушкѣ. Потомъ я узналъ, что Е. А. долго меня искала, что губернаторъ—ея дядюшка и что посылали деньщика искать мою бабушку, которую, конечно, не нашли, ибо она жила на еврейской улицѣ, чуть-ли не на чердакѣ и, какъ водится у бѣдныхъ евреевъ, по фамиліи не называлась. Кромѣ бабушки, у меня въ Вильнѣ тогда никого изъ родныхъ не оказалось. Мать съ братьями и сестрами послѣ смерти дѣдушки переѣхали въ другой городъ. Но я охотно жилъ у бабушки, вспоминая прежнюю жизнь.

Передъ отъѣздомъ бабушка свела меня на могилу дѣдушки и отца. Войдя въ часовню дѣдушки, бабушка нагнулась близко къ могилѣ и громко сказала: «Здравствуй, Гиршъ, пришла твоя жена Ривка, привела твоего внука Эліе». Взявъ меня за руку, она наклонила мою голову къ могилѣ, затѣмъ стала разсказывать о своихъ дѣлахъ, о всемъ, что дѣлаетъ и о чемъ думаетъ. Передъ уходомъ она обратилась въ сторону къ другимъ могиламъ и сказала: «Сосѣди, можетъ быть, мой мужъ ушелъ, или занятъ. Скажите ему, что была жена Ривка привела внука» и т. д. Эта же сцена повторилась на могилѣ моего отца; только тутъ она обратилась ко мнѣ съ упрекомъ: «Что же не плачешь? Поплачь!» Но я стоялъ какъ вкопанный, моргалъ глазами, хотѣлъ хоть искусственно вызвать слезы, ущипнувъ пребольно свой палецъ, — но слезы все не шли. Мнѣ досадно стало. Сталъ я припоминать любимаго дѣдушку (отца я совсѣмъ не зналъ), и вспомнилъ я разсказы сестеръ, какъ онъ умеръ. Это было такъ необыкновенно: съ утра онъ объявилъ, что умираетъ, самъ переодѣлся въ чистое бѣлье, велѣлъ зажечь свѣчи и легъ, позвалъ дѣтей и внуковъ и сталъ всѣхъ благословлять. Бабушка хлопотала, суетилась, убирала комнату, точно собиралась къ празднику Іомъ-кипуръ. Похороны были многолюдны, и въ этотъ день бабушка обѣдала у насъ.

Собравъ остатки кушанья, она сказала: «Это я снесу Гиршу». И дома она долго не могла привыкнуть къ одиночеству, все готовила обѣдъ для двухъ. Для нея онъ не могъ умереть: слишкомъ 60 лѣтъ они жили вмѣстѣ. Разговоры бабушки на кладбищѣ показались мнѣ смѣшными, но на на меня тогда уже произвела глубокое впечатлѣніе эта искренняя вѣра въ безсмертіе.

Въ Петербургъ я пріѣхалъ лѣтомъ, когда всѣ еще были на дачахъ. Я пожалѣлъ, что такъ скоро уѣхалъ изъ Италіи; и принялся за ученіе. Меня учила грамотѣ Софья Владиміровна Сербина. Русскій языкъ я все еще плохо зналъ, и потому о гимназіи нечего было и думать. Кромѣ того, по лѣтамъ я ужъ не могъ поступить въ низшій классъ.

Мнѣ былъ тринадцатый годъ и я еще грамоты не зналъ. Въ хедерѣ я только обучался Библіи и Талмуду: ничему другому тамъ не учили, да и некому было учить: меламедъ (учитель)—это набожный, честнѣйшій еврей, занимающійся преподаваніемъ только по бѣдности; ни на что другое онъ неспособенъ. Въ общежитіи евреевъ, меламедъ—синонимъ непрактичности и забитости. Никакой системы, никакой программы въ ученіи нѣтъ, и каждый реббе (также учитель) учитъ какъ знаетъ и умѣетъ. Мой послѣдній реббе былъ старикъ, сгорбленный, подслѣповатый, очень добрый и мягкосердечный. Его единственною страстью былъ нюхательный табакъ, которымъ всегда набитъ былъ его распухшій носъ. Онъ занималъ полкомнаты у портного; рядомъ жилъ сапожникъ, а въ маленькой передней—бондарь. У всѣхъ было многочисленное семейство, но шумъ ребятишекъ, стукъ бондаря намъ не мѣшали: мы читали Талмудъ громко, нараспѣвъ, такъ что наши голоса слышны были на другой улицѣ. Насъ, учениковъ, было шесть мальчиковъ, все дѣти бѣдныхъ евреевъ, которые съ трудомъ платили реббе за ученіе. Моя мать въ послѣдніе два года по бѣдности совсѣмъ не платила за меня, но реббе мною дорожилъ: я такъ хорошо учился, что служилъ примѣромъ для другихъ, и иногда реббе поручалъ мнѣ объяснять трудныя мѣста Талмуда своимъ товарищамъ. Шалуны мы были отчаянные. Иногда, пользуясь близорукостью реббе, мы разбѣгаемся и прячемся въ одной изъ бричекъ, стоявшихъ на дворѣ. Бывало, реббе бѣжитъ по двору, насъ ищетъ, заглядываетъ то въ одну, то въ другую бричку; мы его видимъ, но, затаивъ дыханіе, ждемъ, и наконецъ, когда онъ насъ накрываетъ, то врассыпную бѣжимъ отъ него въ разныя стороны. Перваго попавшагося ему подъ руку онъ тащитъ за ухо къ себѣ. Я рѣдко попадался ему, ибо быстро бѣгалъ и всегда во-время его замѣчалъ. Въ зимніе холодные вечера, въ то время, когда реббе [послѣ обѣда спалъ, мы всѣ садились на печь и разсказывали другъ другу страшныя сказки. Иногда, бывало, мы присаживаемся къ слѣпой старухѣ, матери портного, и она намъ разсказываетъ о еврейскихъ праведникахъ и о чудесахъ. Хотя я хорошо учился, но Талмудъ меня не занималъ; кромѣ анекдотовъ, въ немъ иногда встрѣ-

чающихся, все было совершенно чуждо моей дѣтской натурѣ. Но зато дома я ужасно увлекался разсказами сестры. Этими разсказами я жилъ и о нихъ постоянно думалъ. Въ особенности мастерица разсказывать была вторая сестра моя, Двойра. Еврейскія дѣвочки набожныхъ, и въ особенности бѣдныхъ, родителей находятся въ особенныхъ условіяхъ: ихъ не обучаютъ ничему тому, чему учатся мальчики. Имъ не обязательны молитвы въ синагогѣ и многія другія обрядности. Вообще, еврейки по отношенію религіозныхъ обрядностей считаются также неправоспособными, какъ и мальчики, не достигшіе 13-лѣтняго возраста. Оттого еврейскія дѣвочки болѣе чѣмъ мальчики имѣютъ возможности учиться свѣтскимъ наукамъ, т.-е. читать и писать на другихъ языкахъ. Страсть ихъ къ ученію такъ велика, что нѣкоторыя дѣти не останавливаются ни передъ чѣмъ, лишь бы научиться грамотѣ. Моя сестра Берта зимою, въ морозъ, въ одномъ платьицѣ бѣгала тайкомъ отъ матери къ подругѣ-гимназисткѣ, и тамъ училась грамотѣ. Она брала также уроки русскаго языка у стараго спившагося отставного полковника, сжалившагося надъ жаждущей знанія дѣвочкой. Такимъ образомъ научились мои сестры рано читать и писать по-нѣмецки и по-русски. Онѣ проглатывали неимовѣрное количество книгъ, иногда читая книгу всю ночь на пролетъ, чтобы избѣжать неудовольствія матери. Читалось все безъ разбору, что имѣлось въ убогой библіотекѣ, гдѣ книги пріобрѣтались на пудъ: старые нѣмецкіе романы конца XVIII вѣка, «Три мушкатера», «Тайны Мадридскаго двора», и тутъ же Шиллеръ, Гете, Вальтеръ-Скоттъ; все это читалось безъ всякаго порядка. Въ свободное время, вечеромъ, сестра, бывало, разсказываетъ содержаніе прочитаннаго и съ особеннымъ увлеченіемъ. Я всегда умолялъ, просилъ, чтобы меня допускали къ слушанію этихъ разсказовъ, охотно исполнялъ всѣ порученія сестры, во всемъ слушался, лишь бы не быть лишеннымъ этого удовольствія. Всѣмъ существомъ я проникался этими вымыслами, и цѣлыми днями о нихъ думалъ и ими бредилъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны чуждые моему пониманію, моей дѣтской жизни трактаты Талмуда развивали мою память и изощряли мой умъ, съ другой стороны увлекательные разсказы о чуждыхъ мнѣ людяхъ, о невѣдомыхъ странахъ дѣйствовали на мою фантазію и развивали во мнѣ мечтательность. Знаній же я никакихъ тогда не получалъ, и потому поздно пришлось приступить къ настоящей грамотѣ.

Въ Петербургѣ я поступилъ въ частный пансіонъ англичанина Гирса. Плата за ученіе была тамъ высокая и учились тамъ дѣти богатыхъ родителей, но дѣти избалованныя, ничему не выучившіяся дома. Изъ-за русскаго языка меня приняли въ приготовительный классъ, но черезъ два мѣсяца перевели въ первый. Учителя были порядочные, и я охотно учился, но много терпѣлъ отъ товарищей: меня преслѣдовали за мое еврейство, бросали въ мои густые волосы перья, смѣялись надъ моимъ произно-

шеніемъ, хотя товарищи англичане не лучше меня произносили русскія слова. Во время рекреацій, бывало, меня окружатъ, притиснутъ въ уголъ; одни держатъ меня за руки, другіе за голову, третьи суютъ мнѣ въ ротъ крестъ, приговаривая: «Цѣлуй!» Я себя спрашивалъ: за что это меня такъ мучаютъ? Куда дѣлись тѣ добрые люди, которые меня зимой такъ ласкали? Знали бы всѣ тутъ, какіе у меня были знакомые, о чемъ говорили! Знали бы, что я художникъ,—счастливѣе ихъ всѣхъ. Но сказать этого я не могъ: не повѣрятъ, да и не поймутъ. Въ особенности мнѣ ужасно доставалось отъ учениковъ старшаго класса. То были взрослые мальчики, отчаянные шалуны, которымъ не повезло въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и здѣсь, какъ послѣднее средство, ихъ приготовляли къ кадетскому корпусу. Бывало, меня поймаютъ и начнутъ дразнить: «Это ты распялъ Христа». И такъ пристанутъ, что я кричу: «Да, я распялъ!»—«Бей его», кричатъ товарищи. Я вскакиваю на столъ, со стола на скамейку, обѣгаю весь классъ, и ловко выворачиваюсь отъ преслѣдователей. Но меня за ногу ловятъ и немилосердно бьютъ. Случалось, домой возвращаюсь съ синяками на лицѣ. Разъ директоръ случайно зашелъ въ классъ въ то время, какъ я, стоя на столѣ, отмахивался отъ преслѣдователей линейкой. Начался строжайшій допросъ. Товарищей я не выдалъ, сказалъ, что мы только такъ, играли. Съ тѣхъ поръ многіе оставили меня въ покоѣ.

Въ пансіонѣ я учился годъ, дальше тамъ оставаться не имѣло для меня смысла. Во-первыхъ, слишкомъ дорого стоило ученіе, при томъ это заведеніе, по окончаніи, не давало правъ. Мнѣ всѣ совѣтовали поступить въ казенное заведеніе и тамъ кончить курсъ. «Надо сперва быть образованнымъ человѣкомъ», говорили мнѣ всѣ хорошіе знакомые. Антокольскій тогда писалъ мнѣ изъ Италіи: «Я постоянно виню себя въ томъ, что не учился, постоянно чувствую неудобство отъ того, что не получилъ систематическаго образованія. Ты не долженъ повторить мою ошибку, и хотя въ Академіи для поступленія требуются 4 класса, но ты кончай весь гимназическій курсъ. Кто образованъ, тотъ сознательнѣе работаетъ. Если у тебя способности есть, ты ихъ и черезъ нѣсколько лѣтъ не потеряешь».

Какъ мнѣ было не слушаться такихъ совѣтовъ, и, позанявшись серьезно цѣлое лѣто (меня учила Екатерина Алексѣевна Мордвинова), я приготовился къ 3-му классу и осенью поступилъ во 2-е реальное училище. Оно было только что основано; туда трудно было попасть, но у меня было рекомендательное письмо къ директору. Тогда директоромъ былъ Р., человѣкъ въ высшей степени педантичный, педагогъ въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова. Послѣ распущенности пансіона, здѣсь поражалъ порядокъ и дисциплина. Цѣлые дни тратились на объясненіе порядка и формы послушанія. Большая часть урока уходила на разсматриваніе дневниковъ, какъ записывать уроки и какія обязанности у ученика. Съ одной стороны я былъ радъ, что товарищи здѣсь

меня не дразнили, а о преслѣдованіи не было и рѣчи. Всякое движеніе, всякое слово, сказанное товарищу, было подмѣчаемо и все находилось подъ бдительнымъ окомъ надзирателя. Но зато чувствовалось и полное одиночество и тоскливость. Всѣ были заняты собою, всякій жилъ подъ страхомъ, не забылъ ли онъ какой нибудь обязанности, исполнилъ ли онъ всѣ предписанія. Учителя были въ томъ же положеніи. Они боялись директора, и ихъ не столько занималъ урокъ, сколько порядки и рамки уроковъ.

Началось настоящее ученіе, и не успѣлъ я познакомиться съ интересующими меня предметами, какъ явилось томленіе и тоска. Все преподавалось въ такихъ дозахъ, такъ сухо, безъ всякой связи, что скоро, вмѣсто того, чтобы учиться для удовлетворенія своей любознательности, я сталъ автоматически «приготовлять уроки» и зубрить, и такъ продолжалъ заниматься до конца курса. Соблюденіе ненужныхъ мелочей (подъ кличкою порядка) внушалось не только во время уроковъ, но и внѣ ихъ; во время отдыха, во время гимнастики и гулянья преслѣдовалась одна цѣль: вытравить личность мальчика и взамѣнъ того вселить въ него какой-то мертвый шаблонъ. Въ особенности несносны мнѣ были требованія точныхъ отвѣтовъ. Я бѣгу по лѣстницѣ; внизу наталкиваюсь на самого директора. «Что ты сейчасъ, голубчикъ, дѣлалъ?» вопрошаетъ страшный судья.—«Шелъ по лѣстницѣ».—«Надо сказать: спускаться». — «Спускался». — «Нѣтъ, не спускался, а бѣжалъ».—«Бѣжалъ».—«А что надо дѣлать?»—«Ходить».—«Нѣтъ, спускаться».—«Спускался». И вотъ подобные вопросы и отвѣты постоянно слышались во всѣхъ корридорахъ, классахъ, а иногда, при экстренныхъ случаяхъ, въ кабинетѣ самого директора.

Тотъ же методъ употреблялся учителемъ и на урокахъ: не позволялось передавать свободно своими словами то, что заучивалось по книжкѣ, и часто бывало, что ясный отвѣтъ ученика бракуется, и на его мѣсто рекомендуются ходульныя слова. Но все-таки многіе учителя сглаживали и уменьшали ту нелѣпость и вздорность, которыми наполнены были учебники, обязательные для всѣхъ учащихся. Въ учебникѣ географіи Смирнова мы охотно заучивали наизусть всякій вздоръ и преподносили его учителю—это насъ забавляло. Городъ Прага: «Знаменитъ мостомъ святого Непомука. Этотъ священникъ на одной исповѣди не хотѣлъ выдать важной тайны». Неаполь: «Взгляни на Неаполь и умри» и больше ничего. Брёкъ (Голландія): «Знаменитъ тѣмъ, что тамъ хвосты коровъ привязываютъ къ стойлу, чтобы не пачкать полъ».—Больше ничего. Венеція: «Городъ; вмѣсто улицъ—каналы, вмѣсто каретъ—гондолы» и т. д. Это только при названіяхъ; но тамъ, гдѣ надо было охарактеризовать мѣстность, народность или сдѣлать обобщеніе, тутъ мы заучивали цѣлыя фразы, не понимая ихъ смысла. Исторія (учебникъ Бѣляминова) была и того хуже. У насъ составилось убѣжденіе, что все, что написано крупнымъ шрифтомъ, обязательно для уче-

нія, но неинтересно; гораздо болѣе интересовало насъ то, что написано мелкимъ шрифтомъ; но по лѣности, чтобы меньше учиться, мы ограничивались однимъ крупнымъ шрифтомъ. Нѣкоторые анекдоты по ничтожеству своему не уступаютъ «привязыванію хвостовъ къ стойлу». Въ исторіи намъ представились порядки нашего же училища: точно мы попарно отправляемся на гимнастику,—такъ отправляются люди на войну, и какъ наши дневники сохранялись въ порядкѣ, такъ и хронологія была нарочно пріурочена къ ученію: никакой связи, никакой живненной правды не было. Заучивалось многое такое, что должно было повліять на самолюбіе и нѣкоторые инстинкты мальчика. Не лучше казалось мнѣ преподаваніе русскаго языка и словесности, этого самаго важнаго предмета, и въ особенности рутинное преподаваніе синтаксиса и логики. Не зная и не чувствуя русскаго языка, я бы долженъ былъ хуже всѣхъ учиться, но на самомъ дѣлѣ, благодаря тому, что предметъ этотъ имѣлъ сходство съ знакомымъ мнѣ схоластическимъ Талмудомъ, я получалъ лучше отмѣтки, чѣмъ другіе. Еще когда дѣло шло о правописаніи и этимологіи, кое-какая польза получалась. Но при преподаваніи логики всякій смыслъ терялся, и чѣмъ больше усваивали этотъ катехизисъ слова именуемый синтаксисомъ, тѣмъ хуже начинали понимать истинный духъ языка.

Впрочемъ, случалось, что личная инціатива учителя вносила живую струю, но это совершалось келейно, секретно отъ директора. Учитель русскаго языка, С., иногда спрашивалъ, какія книги читаются дома, и нѣкоторыхъ просилъ изложить вкратцѣ прочитанное. Учитель естественной исторіи также оживлялъ свой предметъ устными разсказами. Обхожденіе учителей съ учениками было всегда безучастное, холодное, но не злое. Но было одно исключеніе въ этомъ мірѣ порядка и законности, кажется, единственный примѣръ въ Петербургѣ: это учитель географіи Владимірскій. Рыжій, высокій, плечистый; при разговорѣ мигалъ и закатывалъ глаза наверхъ, ноздри у него раздувались и онъ втягивалъ въ нихъ воздухъ, точно обнюхивалъ ученика, чтобы все отъ него развѣдать. Онъ иногда на урокѣ таскалъ ученика за уши и пребольно трепалъ по щекѣ. Меня онъ вызывалъ къ доскѣ не иначе, какъ, «Жидъ, поди сюда!» и показывая на карту, спрашивалъ: «Гдѣ жиды живутъ? Что, теплый народецъ?» Товарищъ мой, другой еврей, возмутился этимъ, пожаловался отцу, а тотъ директору. Но черезъ два мѣсяца несчастный ученикъ долженъ былъ выйти изъ училища, ибо онъ получалъ круглые нули. Курьезно то, что этотъ учитель, наводившій страхъ на весь классъ своею грубостью, былъ въ большомъ почетѣ у директора. Онъ былъ библіотекаремъ и класснымъ наставникомъ. Узнавъ, что я лѣплю, онъ заставилъ меня лѣпить карты. Я всѣ уроки забросилъ и работалъ только для него. Карты оставлялись въ училищѣ; я, правда, получалъ за нихъ

награды, но «предметы» и географію въ особенности меньше всего зналъ.

Но нѣтъ худа безъ добра: безучастно относясь къ занятіямъ въ классѣ, я дома удовлетворялъ свою любознательность чтеніемъ, прочелъ многихъ русскихъ писателей и нѣкоторыхъ классиковъ. Въ книгахъ я искалъ не только свѣдѣній научныхъ, но хотѣлось мнѣ примирить нѣкоторыя противорѣчія, которыя меня мучили. Въ особенности хотѣлось мнѣ разобрать, почему существуетъ такой разладъ въ обращеніи со мной, какъ съ евреемъ. Съ одной стороны, Владимірскій съ его грубыми выходками, съ другой стороны—русскіе хорошіе знакомые, очень образованные и толерантные люди. Сталъ я знакомиться съ другими существующими религіями, прочелъ Евангеліе, прочелъ весь Коранъ и исторію евреевъ. Эти религіозные вопросы бродили у меня въ головѣ нѣсколько лѣтъ, и въ концѣ концовъ создали такой хаосъ понятій, что я долженъ былъ ихъ оставить, не узнавъ ничего существеннаго касательно мучившаго меня вопроса. Въ одномъ только я убѣдился тогда же: что Владимірскіе и ихъ дѣти совершенно невѣжественны въ вопросахъ о національности и о религіи, но по инстинктамъ своимъ они сходны съ тѣми лавочниками, которые на Вознесенскомъ проспектѣ показывали мнѣ свиное ухо, или съ тѣми шалунами въ пансіонѣ, которые совали мнѣ крестъ въ ротъ.

Кончилъ я реальное училище, сдалъ 22 экзамена, устныхъ и письменныхъ, на-чисто и въ брульонахъ. Я зналъ наизусть какіе-то параграфы, правила, формулы и числа; все это бродили у меня въ головѣ безъ связи, безъ всякой нужды. Зато получилъ аттестатъ, дающій мнѣ права. Теперь могу поступить въ Академію, куда такъ стремился и для чего потратилъ столько лѣтъ и пріобрѣлъ столько знаній.

Во все время нахожденіи въ училищѣ, я скульптуру забросилъ, да и некогда было искусствомъ заниматься. Рисованіе, которое преподавалось въ училищѣ, мало подвинуло меня впередъ. Правда, мнѣ давали рисовать вещи внѣ программы, но учитель всегда требовалъ чистаго исполненія и штриховки, и за это я получалъ награды и былъ даже освобожденъ отъ платы. И отъ міра художниковъ я отсталъ за это время: многіе разъѣхались, а къ другимъ некогда было ходить.

Воскресныя мои посѣщенія Стасовыхъ были единственнымъ моимъ отдыхомъ и развлеченіемъ. Тамъ я слышалъ разговоры о томъ, что происходитъ въ столь интересующемъ меня мірѣ художниковъ, слушалъ часто музыку и чтеніе новыхъ литературныхъ произведеній. Бывало, иногда послѣ обѣда, Надежда Васильевна Стасова садится возлѣ меня и начинаетъ меня разспрашивать, какъ живу, что подѣлываю, не нуждаюсь ли въ чемъ-нибудь, не притѣсняютъ ли меня, какъ еврея? При этомъ она сама разсказывала, какъ ей приходится видѣть много горя, какъ еврейки, пріѣзжающія учиться, терпятъ нужду и съ ка-

кимъ трудомъ онѣ поступаютъ въ учебныя заведенія. Въ то время моя сестра Берта была уже въ Петербургѣ. Послѣ моего отъѣзда изъ Вильны, двое изъ семьи послѣдовали моему примѣру и уѣхали учиться: старшій братъ, который раньше хлопоталъ о моемъ отъѣздѣ, самоучкой въ 2 года приготовился въ послѣдній классъ гимназіи черезъ годъ, сдалъ всѣ экзамены и поступилъ въ Петербургѣ въ институтъ путей сообщенія; другая сестра поступила въ женскую гимназію. Ей нечѣмъ было жить, и добрая Надежда Васильевна поселила ее въ домѣ «Дешевыхъ квартиръ». Здѣсь она и жила на очень скудныя средства. Разговоры съ Надеждой Васильевной всегда были для меня очень пріятны. Она затрагивала тѣ стороны моей жизни, о которыхъ съ другими я стѣснялся говорить. Владиміръ Васильевичъ разспрашивалъ всегда, какъ учусь, что читаю, и давалъ мнѣ книги для чтенія на всю недѣлю. Я оставался у Стасовыхъ всегда очень поздно.

Иногда я также захаживалъ къ А. В. Прахову. Онъ тогда стоялъ во главѣ изданія журнала «Пчела». У него бывало всегда шумное общество, все люди разныхъ профессій и разнаго характера: бывали профессора, художники, студенты и люди совсѣмъ мнѣ неизвѣстные. Скульпторъ Микѣшинъ, со своей представительной фигурой, импонировалъ красивыми рѣчами. Всѣ его слушали съ подобострастіемъ. «Это геніальный художникъ, будущность Россіи», говорили нѣкоторые студенты. Часто Праховъ читалъ свои статьи и объ искусствѣ. Много спорили и говорили о полемикѣ, игравшей тогда большую роль въ журналистикѣ. Иногда умнѣйшій, талантливый Кони увлекательно разсказывалъ, и всѣ слушали его съ восторгомъ. Самъ Адріанъ Викторовичъ обладая способностями къ рисованію, часто затѣвалъ приготовленіе рисунковъ для своихъ лекцій или для изданія, и тогда многіе принимали участіе въ этой общей работѣ. Молодые и старые—всѣ чувствовали себя тутъ хорошо; всѣ веселились.

Итакъ, окончивъ реальное училище и получивъ аттестатъ, я о своей радости написалъ Антокольскому, находившемуся тогда въ Парижѣ. Это было въ 1878 году. Въ это время въ Парижѣ была всемірная выставка. Антокольскій получилъ médaille d'honneur, орденъ и большіе заказы. Онъ былъ счастливъ; вспомнилъ обо мнѣ и послалъ мнѣ деньги, чтобы я пріѣхалъ въ Парижъ, съ нимъ повидаться и выставку посмотрѣть. Я въ восторгѣ, собираюсь къ отъѣзду, но задержка съ паспортомъ: не хватаетъ документа о припискѣ къ воинской повинности. Мнѣ совѣтуютъ поѣхать въ Гродно, откуда мои бумаги: тамъ приписаться и тамъ же взять заграничный паспортъ.

Въ Гроднѣ заѣзжаю къ моему дядюшкѣ, и отъ него узнаю, что всѣ мои документы были сфабрикованы имъ же, что онъ, состоя чѣмъ-то при еврейской общинѣ, изъ любви къ намъ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ устраивалъ наши дѣла. Мое метрическое свидѣ-

тельство затерялось еще въ дѣтствѣ, и когда мнѣ надо было поступить въ училище, то онъ мнѣ прислалъ нѣчто замѣняющее метрическое. Когда же я достигъ возраста, и надо было приписаться къ призывному участку, то онъ сталъ сбавлять мнѣ года, и чѣмъ старше я становился, тѣмъ моложе значился въ книгахъ. Эти свѣдѣнія меня ужасно опечалили. Я пробовалъ безъ дядюшки хлопотать въ Думѣ и въ участкѣ, но со мной такъ грубо обращались, что я опять прибѣгнулъ къ этому же дядюшкѣ. Тутъ я впервые столкнулся съ жизнью провинціальныхъ учрежденій. Мнѣ больно было видѣть, какъ дядюшка низкопоклонничаетъ передъ мелкими чиновниками. Не стѣсняясь, въ присутствіи всѣхъ, онъ давалъ взятки мѣдными пятаками. По правиламъ, возрастъ еврея, у котораго нѣтъ вѣрнаго документа о рожденіи, опредѣляется по наружному виду приставомъ.

Усталый отъ всѣхъ хлопотъ, убитый, прихожу въ участокъ. Приставъ останавливаетъ меня на порогѣ.

— Стой тутъ. Это тебѣ, жидъ, надо возрастъ опредѣлить? Сколько тебѣ лѣтъ?—уставивъ на меня красные глаза, вопрошаетъ начальникъ.

— Девятнадцать,—говорю я робко.

— Неправда! Ишь глазища какія! Тебѣ 21 годъ.

Пробую я протестовать, говорю, что мать сказала.

— Что знаетъ твоя мать! Можешь уходить,—говоритъ сердито приставъ, и велитъ помощнику писать: 21 годъ.

Оскорбленный, грустный, вышелъ я на улицу. «Почему это такъ унижаютъ меня? Какое обращеніе! Вѣдь я кончилъ реальное училище, находился между хорошими людьми. Неужели меня, какъ еврея, всегда будутъ ругать и на порогъ не пускать?»

Послѣдствія постановленія пристава были печальны: во-первыхъ, ввиду того, что я оказался 21 года, меня привлекли къ суду за то, что до 21 года не приписался къ участку. Судили меня, впрочемъ, не строго: я заплатилъ штрафу всего 1 рубль. Затѣмъ, выдавъ мнѣ свидѣтельство о припискѣ, приставъ мнѣ сообщилъ, что ввиду того, что мнѣ 21 годъ (по его-же опредѣленію), онъ не выдастъ мнѣ свидѣтельства для паспорта. Это какъ ударъ грома поразило меня. Изъ-за этого паспорта я пріѣхалъ, изъ-за него терпѣлъ столько униженій и непріятностей! Я былъ въ отчаяніи, просилъ, но приставъ былъ неумолимъ. Видно, мое горе было очень велико, если письмоводитель канцеляріи обратился ко мнѣ съ совѣтомъ.

— Охота вамъ хлопотать! Достаньте себѣ маленькій паспортъ и поѣзжайте съ Богомъ

— Какой маленькій паспортъ? — спрашиваю я, обрадовавшись, что есть надежда.

— Чудакъ вы, — отвѣчаетъ чиновникъ при общемъ смѣхѣ всей канцеляріи, — точно вы не знаете, что можно достать у мѣстныхъ

евреевъ паспортъ за 5 рублей. Оно дешевле, да и охота вамъ къ намъ шляться.

Посовѣтовали мнѣ также пойти къ губернатору, но и тамъ въ канцеляріи сказали, что паспортъ мой затянется на мѣсяца, пока получится разрѣшеніе отъ министра; но можно и раньше—тогда это будетъ стоить 10 р. лишнихъ.

Мнѣ это все такъ надоѣло, я былъ такъ измученъ физически и морально, что бросилъ все, написалъ Антокольскому, что не могу пріѣхать, а самъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ все-таки чувствовалъ себя подъ защитой нѣкоторыхъ добрыхъ людей. Исторія съ паспортомъ была только началомъ цѣлаго ряда непріятностей, и зимой этого же года началась настоящая моя одиссея по отбыванію воинской повинности. Исторію эту разскажу я потомъ со всѣми подробностями.

Илья Гинцбургъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

БЕЗСОННИЦА.

Сердца стукъ гонитъ сонъ... Мутно-черныя крылья раскрывъ,
Ночь нависла надъ міромъ, какъ злая, летучая мышь...
Дрогнулъ колоколъ, золотомъ звона зарю возвѣстивъ,
Мысли зыблятся тихо, какъ тронутый вѣтромъ камышъ.

Сердца стукъ, бой часовъ... Я безвластно, глубоко одинъ,
Сны пугливо снуютъ, разбѣгаясь по темнымъ угламъ,
На просвѣтѣ окна выступаютъ узоры гардинъ,
Это ночь поблѣднѣла на встрѣчу разсвѣтнымъ лучамъ.

Я усталъ, но въ душѣ, какъ на небѣ, свѣтлѣй и свѣтлѣй,
Тьма уходитъ, дрожитъ... Не безрадостенъ путь впереди...
Тихій свѣтъ Свой, Господь, въ мое сердце больное пролей,
Я спасенія жду... Приходи, юный день, приходи!

П. Соловьева (Allegro).

НАУКА И ЖИЗНЬ.

Естественныя науки въ средней школѣ.

Задачи реформы: «коренной пересмотръ и исправленіе нашего учебнаго строя, обновленіе и устроительство русской школы и внесеніе въ дѣло воспитанія русскаго юношества разума и сердечнаго о немъ попеченія».
(Прик. мин. нар. просв. 2-го Апр. 1901 г.).

«Наука учитъ человѣчество, что самый высшій апелляціонный судъ есть наблюденіе и опытъ, а не авторитетъ; она учитъ насъ уважать значеніе очевидныхъ доказательствъ...

Физическія науки, ихъ методы, проблемы и трудности встрѣтятся на каждомъ шагу самому бѣдному ребенку; и однако мы воспитываемъ его такъ, что онъ вступаетъ въ жизнь съ такимъ же невѣжествомъ относительно существованія методовъ и фактовъ науки, какое онъ обнаруживалъ и въ день своего рожденія».
(Гёксли. «О методѣ изученія зоологіи». 1866).

Средняя школа въ Россіи—созданіе правительства. Прямое вліяніе жизни на школу у насъ еще доселѣ крайне незначительно и выразилось сильнѣе въ низшей школѣ, которая, была предоставлена правительствомъ, за другими болѣе неотложными дѣлами, земству и городамъ. Впрочемъ, въ послѣдніе годы поддержка церковно-приходскихъ школъ и все усиливающійся правительственный контроль надъ всѣми низшими школами показываетъ, что русская государственная власть признаетъ нынѣ и народную школу достойной своего попеченія. Средняя же школа представляла уже съ давнихъ поръ предметъ особыхъ заботъ нашего правительства, и потому тѣ реформы, которыя пришлось претерпѣть этой школѣ въ Россіи, непосредственно зависѣли отъ измѣненія взглядовъ правительства на образованіе и воспитаніе россійскаго юношества.

Конечно, эти измѣненія имѣли нѣкоторую связь съ общественной жизнью; иногда даже перемѣна лицъ, завѣдующихъ просвѣщеніемъ происходила не безъ вліянія того неопредѣленнаго нѣчто, что у насъ называютъ общественнымъ мнѣніемъ. Но никогда нельзя было предвидѣть, какой результатъ получится при этомъ. Трудно угадать, какъ отразятся запросы жизни въ мозгу, часто совершенно чуждомъ этимъ запросамъ.

Поэтому въ исторіи русской средней школы нельзя подмѣтить и намека на какую-либо закономѣрность.

Такъ, по уставу 1804 г. цѣли учрежденія гимназій опредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 1) Приготовить къ слушанію университетскихъ наукъ; 2) преподать свѣдѣнія, необходимыя для благовоспитаннаго человѣка, и 3) приготовить желающихъ къ учительскому званію въ уѣздныхъ, приходскихъ и другихъ низшихъ училищахъ. Для этихъ цѣлей считали необходимымъ преподавать математику, опытную физику, исторію, географію, статистику, философію, изящныя науки, политическую экономію, естественную исторію, технологію, коммерческія науки, языки—латинскій, нѣмецкій и французскій и рисованіе. Курсъ былъ четырехгодичный.

Право, для начала XIX-го столѣтія понятіе о «благовоспитанности» у тѣхъ, кому ее вѣдать надлежитъ, было совсѣмъ недурное. Въ 1828 г. произошла первая реформа. Цѣли гимназій остались тѣ же: приготовить къ университету и «доставить способы приличнаго воспитанія», но «приличное воспитаніе» понимали уже иначе. Курсъ сталъ семилѣтнимъ, введены тѣлесныя наказанія (впослѣдствіи замѣнены розгами, какъ болѣе «пристойными»), инспекторъ и комнатные надзиратели, главными предметами дѣланы древніе языки и математика; первые—«какъ надежнѣйшее основаніе учености и какъ лучшій способъ къ возвышенію и укрѣпленію душевныхъ силъ юношей», математика-же, «какъ служащая въ особенности къ изощренію ясности въ мысляхъ, ихъ образованію, проницательности и силѣ размышленія». Естествознаніе изгнано. Черезъ нѣсколько лѣтъ введены аттестаты и отмѣтки, гимназіи изъяты изъ вѣдѣнія университетовъ и переданы попечителямъ учебныхъ округовъ (1835). Этотъ уставъ просуществовалъ до 1849 года.

Послѣ 1848 г. древніе языки уже перестаютъ считаться «лучшимъ способомъ къ возвышенію и укрѣпленію душевныхъ силъ юношей»; стали утверждать, что изученіе писателей республиканскаго античнаго міра дурно вліяетъ на благонадежность учениковъ.

Начинаются колебанія между классицизмомъ и реализмомъ (гимназіи съ древними языками, гимназіи съ естественной исторіей и законовѣдѣніемъ, гимназіи съ однимъ законовѣдѣніемъ). Только съ появленіемъ графа Д. А. Толстого классицизмъ восторжествовалъ окончательно. Естествознаніе изгнано и предоставлено плебсу—особымъ «реальнымъ училищамъ».

Мы всѣ, увы, слишкомъ хорошо знакомы съ «системой» графа Толстого. Мы сами ее выстрадали и она проклятіемъ лежала еще на нашихъ дѣтяхъ. Что она воспитывала? Злобу, лицемѣріе, трусость, лѣнь и рабство мысли. Какія знанія давала? Жалкія обрывки латинскихъ и греческихъ исключеній, географическихъ именъ, хронологическихъ таблицъ и славянской грамматики. Все, что можно было

испортить, было испорчено. Одинъ изъ моихъ товарищей, считавшійся въ числѣ лучшихъ учениковъ, на выпускномъ экзаменѣ путалъ Чацкаго съ Хлестаковымъ, преподаватель словесности проповѣдывалъ намъ въ серьезъ мораль Фамусова и откровенно сознавался, что не читалъ Достоевскаго. Математику совершенно испортить трудно, но и ту преподавали удивительно сухо и механически...

Съ IV—V го класса пьянствовала и развратничала половина учениковъ, съ VI-го—почти всѣ. Извѣстный порокъ былъ распространенъ почти поголовно.

Въ итогѣ—поколѣніе дряблое, озлобленное, ноющее и безталанное. Какъ мало теперь среди людей 30—40-лѣтняго возраста людей здоровыхъ и талантливыхъ. Придаютъ еще нѣкоторую красочность русской современной жизни, съ одной стороны, молодежь, съ другой—50—60 лѣтніе «мужи». Причинъ этому много, но одной изъ самыхъ важныхъ и ближайшихъ—умирающая нынѣ «классическая система».

Передо мной лежитъ настоящій человѣческій документъ. Передовая статья гимназическаго журнала, писанная ученикомъ VI-го класса гимназіи.

Читая ее, невольно улыбнешься надъ дѣтской наивностью и пламенемъ автора—мальчика, но улыбнешься сквозь слезы: вспомнятся загубленные годы и страданія маленькихъ человѣчковъ—твоихъ пріятелей, и твои собственные.

Считаю далеко не безъинтереснымъ привести здѣсь одно мѣсто изъ этой статьи.

«Всѣ мы, гимназисты, хорошо знаемъ,—пишетъ шестнадцатилѣтній авторъ,—какія отношенія существуютъ между нами и нашими наставниками. Стараніе облегчить другъ другу трудъ, обмѣнъ мыслей?

«Ничуть не бывало! Какая-то непріязнь, какое-то недовѣріе другъ къ другу царитъ между ними; за искусство съ обѣихъ сторонъ считается, какъ бы больше другъ другу напакостить. Кто жъ виноватъ? Иные скажутъ: «ученики озлобили учителя». Но вѣдь это же глупо: учитель всегда можетъ, да и долженъ, перемѣнить методу или обращеніе, видя, что прежнія не прививаются къ классу, не подходятъ подъ уровень развитія учениковъ, а онъ озлобляется. Я же, съ своей стороны, отвѣчу—отнюдь не ученикъ виновенъ. Насъ вѣдь 9-ти-лѣтними отдаютъ въ гимназіи, гдѣ-жъ намъ озлобленности набраться, гдѣ къ намъ могла привиться враждебность, какъ не въ гимназіи?

«Посмотримъ, какъ зарождаются такія отношенія между учениками и воспитателемъ. Съ самаго начала начинается эта проклятая система запугиванія: сидите смирно, а то я вамъ единицу поставлю. И дрожитъ мальчушка, боясь, какъ призрака, этого наказанія; но подъ конецъ онъ обживается—дышать въ этой атмосферѣ привыкаетъ, видитъ что не всѣ дрожатъ, иные смѣло смотрятъ на страшныя единицы и записи, какъ грибы, выростающія въ журналѣ. Большинство боится

еще, но прибѣгаетъ къ другому оружію—къ хитрости; постепенно изучаетъ характеры учителей, ихъ слабыя стороны, поддѣлывается къ нимъ и, наконецъ, вполнѣ постигаетъ эту пошлую науку. Вы знаете, что появляются даже герои этого искусства, какъ надуть учителя или родителей, отвертѣться отъ наказанія или выкинуть какую-нибудь штуку—все это они понимаютъ въ совершенствѣ, все это они вѣдь сами испытали, всѣ послѣдствія этого они выстрадали и выплакали! Нигдѣ не нашли они отклика на свои страданія и понятно, что подъ конецъ ожесточились. А говорятъ, что-де ученики озлобили учителя. Но это озлобленіе отяжелѣвшихъ мозговъ, что выводятъ ихъ изъ спокойнаго флегматическаго состоянія, наше же ожесточеніе болѣзненное, инстинктивное, оно вызвано цѣлою системой угнетеній и приневоливанія мысли.

«Возьмемъ даже лучшее отношеніе учителя къ ученику, что встрѣчается еще въ старшихъ классахъ, и то, развѣ учитель учитъ—нѣтъ, онъ оцѣниваетъ, пробу ставитъ, да и не знанія оцѣниваетъ, а опять-таки способность ученика подладиться подъ его систему, часто даже подъ его характеръ. Ученикъ, въ свою очередь, старается залучить лучшій баллъ. Въ этой борьбѣ проходитъ вся жизнь большинства гимназистовъ съ различными только видоизмѣненіями. Въ младшихъ классахъ одни вдаются въ повальную лѣнь, другіе—въ тысячу мелкихъ обмановъ и надувательствъ, третьи,—такъ называемые первые ученики, безъ разсужденія слѣдуютъ системѣ учителя и, не интересуясь ничѣмъ постороннимъ, идутъ по проторенной дорожкѣ. Они самые счастливые. И это образованіе ума! Въ этой сферѣ складываются характеры!

«Въ старшихъ же классахъ большинство учениковъ такъ уже сживается съ этой душной обстановкой, что они и жизни другой не могутъ себѣ представить, какъ ходить въ гимназію, слушать съ подобострастнымъ вниманіемъ учителя, готовить уроки, да, только уроки; пристраститься къ какому-нибудь предмету, заняться имъ самостоятельно они не въ силахъ. Это лучшіе, смирные, какъ ихъ называетъ начальство, ученики. Другіе же, понявъ всю приниженность такого положенія и махнувъ рукой, перестаютъ работать не только по предметамъ, гнетущимъ своимъ безцѣльнымъ зазубриваніемъ, но даже и по тѣмъ наукамъ, которыя могли бы расширить нашъ умственный кругозоръ и дали бы возможность самому себѣ выяснить свое призваніе. Эти гимназисты положили себѣ въ основу науку получать баллы... Фраза: «меня сегодня не спросятъ, вчера спрашивали»—вполнѣ типичная фраза. Большинство изъ насъ понимаютъ ненормальность такой жизни, но какъ всегда, борятся противъ отдѣльныхъ личностей.. «Вы мнѣ единицу неправильно поставили», «вы его ни за что записали», кричатъ смѣльчаки...

«Вотъ наступаютъ экзамены и съ ними то страдное время, когда

всѣ нервы ученика напряжены, когда всѣ его способности направлены опять-таки къ этой пошлой цѣли: получить лучшій баллъ... Но никакія хитрости и уловки не помогли—учитель побѣждаетъ, ученикъ остается въ классѣ. Старые товарищи смотрятъ на него не то съ презрѣніемъ, не то съ сожалѣніемъ — онъ отъ нихъ отворачивается, новые, навязанные ему, дичатся, онъ ихъ презираетъ! И вотъ *дружба*—самое чистое чувство, рушится еще въ основаніи; у второгодника нѣтъ уже товарищей, у него—*одноклассники*.

«По какому же праву разбили сильные люди всю нашу жизнь, подавили въ насъ чувство дружбы, довели до такого рабскаго подчиненія мысли ихъ мудрствованіямъ, что мы не признаемъ и возможности мыслить иначе. Намъ говорятъ: «вѣрно, вѣрно, но только вѣдь я вамъ не такъ объяснялъ». Намъ приказываютъ—не вводить въ сочиненія «своихъ мыслей». И послѣ этого у нихъ хватаетъ наглости и тупоумія съ пафосомъ, сострадательно восклицать: «вѣдь вы способный, а такъ учитесь, каково родителямъ-то». И не понимаютъ они, что этой фразой кидаютъ самое грозное обвиненіе самимъ себѣ!

«Какъ же вы, воспитатели душъ человѣческихъ, сознавъ, что ученикъ способный, не могли привлечь его къ занятіямъ?! Значитъ, эти занятія не удовлетворяютъ способныхъ, а только годятся для тупицъ, что вы съ грубой откровенностью сейчасъ же и высказываете, говоря другому: «ну, да, вы занимаетесь; я знаю—вамъ трудно, но успокойтесь, я скорѣе идіотовъ переведу, чѣмъ лѣнтяевъ!» Это въ глаза-то ученику... и тотъ ничего, ухмыляется, до того оболванили его разсудокъ и убили самолюбіе, что за похвалу считаетъ онъ эту грубую выходку...»

Далѣе въ этой статьѣ слѣдуетъ программа ученическаго журнала и проектъ организаціи гимназическаго союза для борьбы съ учителями. Журналъ былъ осуществленъ и редакторы были заперты на масляницу въ карцеръ; проектъ же даже самимъ гимназистамъ показался слишкомъ фантастичнымъ. Но дѣло, конечно, не въ незрѣлости мысли и фантазіяхъ. Чего же и ждать отъ шестнадцатилѣтняго мальчика. Поражаетъ здѣсь то ѣдкое озлобленіе, которымъ проникнута вся статья, то глубокое чувство ненависти, которое питаетъ гимназистъ къ своимъ воспитателямъ. Какая ужъ тутъ наука и воспитаніе при такихъ отношеніяхъ!

Эта гимназическая статья писана много лѣтъ тому назадъ; можетъ быть, теперь отношенія между учащими и учащимися стали нѣсколько нормальнѣе, но въ наше время (конецъ 70-хъ и начало 80-хъ годовъ) гимназія, дѣйствительно, представляла собою два враждебныхъ лагеря—учениковъ и начальство, которые вели между собой непрестанную войну и глубоко ненавидѣли другъ друга. Я убѣжденъ, что для большинства моихъ сверстниковъ, учившихся въ классическихъ гимназіяхъ, гимназическіе годы—самое ужасное время ихъ жизни.

Теперь мы снова въ реформѣ. Идетъ коренная ломка системы графа Д. А. Толстого. За родителями признано не только право, но имъ даже вмѣняется въ обязанность «пещись о своихъ дѣтяхъ», рекомендуется «внести въ дѣло воспитанія русскаго юношества разумъ и сердечное попеченіе»; ослабляется, если не уничтожается окончательно, преподаваніе древнихъ языковъ, вводится естествознаніе. Цѣлый потокъ докладовъ, статей, очерковъ и даже повѣстей, посвященныхъ предстоящей реформѣ или гимназической жизни. Общество, отцы, матери начинаютъ питать надежды, что ихъ дѣти будутъ ходить въ школу безъ ужаса и отчаянія и школа вернетъ имъ юношей здоровыхъ, бодрыхъ и развитыхъ... Но не нужно забывать того, съ чего мы начали нашу статью: учебныя реформы въ Россіи носятъ случайный характеръ и даже древніе языки послѣ фавора обвинялись въ неблагонадежности. Впрочемъ, мнѣ кажется, на этотъ разъ есть нѣкоторыя основанія думать, что наша средняя школа станетъ все же лучше и нормальнѣе. Вѣдь дальше, чѣмъ классическая система графа Толстого, идти нельзя. Предѣлъ достигнутъ. Нельзя еще болѣе обезличить ребенка и юношу, нельзя заставить тратить ихъ время еще болѣе непроизводительно, нельзя создать еще болѣе враждебныхъ отношеній между учителями и учениками. А между тѣмъ стало ясно, что надо куда-то повернуть. Назадъ некуда, значитъ впередъ.

Однимъ изъ симптомовъ этого «впередъ» будетъ побѣда естествознанія надъ классицизмомъ.

Въ обществѣ эта побѣда уже одержана. Развѣ часто встрѣтите у насъ защитниковъ классицизма, кромѣ учителей древнихъ языковъ?

Такого рода защита, какъ статья А. А. Кирѣева «О предстоящей реформѣ нашего образованія» *) пахнетъ тридцатыми и сороковыми годами. Особенный интересъ представляетъ слѣдующая цитата **).

«Неоспоримое преимущество изученія классическихъ языковъ предъ изученіемъ наукъ реальныхъ,—говоритъ г. Кирѣевъ,—состоитъ въ томъ, что оно требуетъ сосредоточеннаго и притомъ постоянно усиливающагося вниманія ученика, постояннаго углубленія его мысли, причемъ собственно память, то-есть та способность, которою могутъ, и даже въ значительной степени, обладать люди, въ другихъ отношеніяхъ очень ограниченные, играетъ лишь второстепенную роль... Притомъ при изученіи классическихъ языковъ и литературъ мысль ученика вынуждена постоянно болѣе и болѣе углубляться въ мысль все труднѣйшихъ и труднѣйшихъ авторовъ, должна дѣлать все бо́льшія и бо́льшія усилія, что, конечно, служитъ къ укрѣпленію и развитію способностей. Въ этомъ состоитъ главнѣйшее педагогическое значеніе древнихъ языковъ... Такой концентрированной постепенности въ напряженіи умственныхъ способностей мы не находимъ въ изученіи естественныхъ наукъ... Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что умъ, подготовленный классическимъ образованіемъ, способенъ работать въ какой угодно сферѣ и въ какомъ угодно направленіи, подобно тому какъ человѣкъ, основательно занимавшійся гимнастикой,

*) «Русск. Вѣстн.», январь, 1902.

**) Цитируемъ по статьѣ проф. Н. Умова. «Р. Вѣд.», 18-ое янв. 1902 г.

развившій правильно и систематично всѣ свои мускулы, способенъ на всякую физическую работу».

Здѣсь все хорошо, и увѣренный тонъ, и языкъ плохого подстрочника (концентрированная постепенность въ напряженіи умственной способности), и мысли «временъ очаковскихъ и покоренія Крыма». Просто жалко проф. Умова, когда онъ стремится выяснить г. Кирѣеву, что память менѣе нужна при изученіи физики, чѣмъ древнихъ языковъ, и что при этомъ «умственная работа ученика никоимъ образомъ не будетъ слабѣе, чѣмъ при изученіи древнихъ авторовъ». Проф. Умовъ, наоборотъ, утверждаетъ, что

«Классическое образованіе, какъ исключительно гуманитарное, держитъ мысль ученика въ сферѣ человѣческаго міра, и въ этомъ отношеніи духовный кругозоръ юноши значительно суживается. Ему остаются чуждыми пріемы исканія истины и критеріи для оцѣнки правильности сужденій, потому что въ этой области истинное познается или непосредственнымъ чувствомъ, или же какъ фактъ исторіи. Ускользаетъ также различіе между тѣмъ, что относится только къ ходу процесса и что можетъ быть измѣняемо, и тѣмъ, что связано съ природою вещей и остается неизмѣннымъ. Вотъ эти пробѣлы могутъ быть пополнены только естествознаніемъ. Изученіе природы можетъ послужить и къ расширенію здороваго, а не мечтательнаго идеализма. Исключая естествознаніе изъ курса общеобразовательныхъ предметовъ или обезцѣнивая его, школа будетъ выпускать людей съ доминирующими человѣческими интересами. Идеальная черта естествознанія въ томъ, что оно выводитъ мысль за предѣлы человѣческаго, въ тотъ міръ, который есть первоисточникъ всякой истины».

По правдѣ сказать, не очень намъ нравится такая контръ-защита. Неужели для своего оправданія естественныя науки нуждаются въ ссылкахъ на «природу вещей», на «міръ—первоисточникъ истинъ», на «здоровый идеализмъ» (какой?) и пр. Мы къ этому еще вернемся, теперь же намъ хочется остановиться на слѣдующемъ.

Велика прогрессивная сила науки вообще и естествознанія въ частности, во многомъ на нихъ можно положиться, многое они обѣщаютъ,—но нельзя думать, что сила эта безгранична, и нельзя наукѣ предъявлять задачъ, которыя рѣшаются самою жизнью. Такъ можно успокоить свои порывы и придти къ квіэтизму. Въ цитированной выше статьѣ у г. Кирѣева встрѣчаются слѣдующія строки:

«Есть такія минуты въ жизни государственной, когда молчаніе преступно, и вотъ такую минуту мы переживаемъ, да, кажется, и не только въ отношеніи нашего образованія».

«Строки глубоко правдивыя—отвѣчаетъ проф. Умовъ,—онѣ могутъ быть продолжены такъ: въ такія минуты особенно тягостно, когда молчаніе вмѣняется въ обязанность, когда человѣкъ вынуждается глушить въ себѣ чувства гражданина. Изобрѣтатель телеграфа безъ проводовъ А. С. Поповъ, конечно, не подозрѣвалъ, какая громадная услуга оказана имъ человѣчеству тѣмъ, что не такъ далеко уже время, когда подобныя тягостныя чувства станутъ анахронизмомъ. Когда аппараты изобрѣтеннаго телеграфа станутъ принадлежностью домашняго обихода, гражданинъ изъ своего кабинета скажетъ свои мысли всей Москвѣ! Хотя это время и не близко, но это—не фантазія!.. Такимъ образомъ знаніе даетъ людямъ духовныя цѣнности тѣмъ, что убираетъ почву изъ-подъ ногъ разныхъ запретовъ. Каждый духовный

актъ—личный, общественный, государственный—имѣетъ свою матеріальную, техническую сторону: и здѣсь то всегда лежитъ его ахиллесова пята. Отсюда вытекаетъ то нравоученіе, что для рѣшенія вопроса о томъ, какими духовными цѣнностями должны обладать люди, нѣтъ надобности восходить или апеллировать къ естественному праву. Мы съ достовѣрностью можемъ сказать, что тѣ обязанности и тѣ государственныя мѣропріятія, которыя приведутся къ нелѣпости развитіемъ естествознанія и техники,—неестественны, и наоборотъ. *Reductio ad absurdum* и есть могущественное политическое орудіе техники».

Плохое утѣшеніе, котораго нужно ждать чуть не сто лѣтъ. Къ счастью, «естественное право» еще долго, если не навсегда, останется могучимъ двигателемъ, побуждающимъ человѣка къ борьбѣ за лучшее будущее, безпроволочные же телеграфы прежде всего примѣнены въ англо-бурской войнѣ. Для того, чтобы сказать свои мысли всей Москвѣ, не безпроволочный телеграфъ нуженъ, нужны, прежде всего, мысли, Москвѣ интересныя и важныя, а затѣмъ то, что карась-идеалистъ называлъ «добродѣтелью» и что гораздо больше имѣетъ связи съ естественнымъ правомъ, нежели съ опытами Попова и Маркони. Роль естествознанія и техники въ «reductio ad absurdum» надо отнести въ будущее, когда, вѣроятно, и нужды уже въ этомъ не будетъ, а пока остается одно: мужественно мыслить, мужественно работать и мужественно жить.

Читатель извинитъ это маленькое отступленіе, въ которое насъ вовлекала излишняя переоцѣнка силъ и задачъ естествознанія, сдѣланная проф. Умовымъ. Перейдемъ снова къ естествознанію въ средней школѣ.

Мы видѣли, какъ защищаетъ, какое педагогическое значеніе придаетъ естествознанію физикъ, обратимся теперь къ «біологу».

Это тѣмъ болѣе интересно, что мнѣніе этого біолога-профессора Кайгородова имѣетъ теперь большое практическое значеніе. Какъ, вѣроятно, извѣстно нашимъ читателямъ, почтенный профессоръ состоитъ предсѣдателемъ коммиссіи, завѣдующей выработкой программъ по естествовѣдѣнію для гимназій. Собственная программа профессора Кайгородова основана на слѣдующей мысли. *) Въ средней школѣ нужно преподавать не ботанику, зоологію и минералогію, а единое природовѣдѣніе, учить дѣтей «вѣдать природу»,

«Вѣдать природу,—продолжаетъ говорить проф. Кайгородовъ,—значитъ умѣть ее наблюдать, понимать, у нея учиться, а ученье это даетъ пищу не только для ума, но и для души. Именно очень много даетъ для души—это надо помнить... Кажется, нѣтъ двухъ разныхъ мнѣній въ вопросѣ о томъ, нужно ли ввести природу въ будущую реформированную русскую школу. Всѣ сходятся въ томъ, что нужно. Да и какъ не сойтись: вѣдь это было какое-то громаднѣйшее недоразумѣніе—изгнаніе природы изъ школы,—недоразумѣніе, передъ которымъ наши потомки будутъ только руками разводить... Такъ вотъ, въ виду приближенія давно желаннаго времени, когда двери русской школы раскроются передъ природой, пишущаго эти строки—стараго друга

*) См. Д. Кайгородовъ. «На разныя темы, преимущественно педагогическія».

и поклонника природы—въ послѣднее время все чаще и чаще сталъ безпокоить вопросъ: какъ-то встрѣтитъ и приметъ ее реформированная школа? Приметъ ли она ее, какъ богатую, умную, красивую, дорогую и долго отсутствовавшую гостью, которую посадитъ въ красный уголъ и окружитъ подобающимъ почетомъ и вниманіемъ, или же встрѣтитъ съ ножами, бритвами и скальпелями, безжалостно разрѣжетъ на куски, расчленитъ, заспиртуетъ, засушитъ и распихаетъ по шкафамъ, полкамъ и ящикамъ, откуда по временамъ будетъ вынимать и показывать скучающимъ ученикамъ».

Хорошо пишутъ нынче профессора лѣсной технологіи. Просто стихотвореніе въ прозѣ. Бѣдная природа!

Вообще же почтенный лѣсовѣдъ главною цѣлью изученія естественныхъ наукъ *) считаетъ развитіе «чувства природы» и вооружается противъ всякой системы. Погоня за системой и «научностью» преподаванія естествознанія въ средней школѣ привела, по мнѣнію проф. Кайгородова, къ тому, что этотъ предметъ превратился въ какую-то невозможно-сухую матерію, пригодную, можетъ быть, только для гимнастики ума. «Уродуя безъ разбора бритвой и иглой красоту природы, заслоняя системой отъ глазъ учащихся дивную гармонію природы, современное преподаваніе естествознанія въ средней школѣ не только не привлекаетъ къ природѣ, но напротивъ, нерѣдко даже отвращаетъ отъ нея или, въ лучшемъ случаѣ, оставляетъ совершенно равнодушнымъ».

Проф. Кайгородовъ предлагаетъ вести ознакомленіе учениковъ съ природой «во всей ея цѣлокупности по ея естественнымъ составнымъ частямъ—общежитіямъ тѣхъ или другихъ растеній и животныхъ съ ихъ разнообразнымъ взаимодѣйствіемъ другъ на друга, въ связи съ неорганической природой и въ связи съ временами года». Онъ предлагаетъ для изученія во время экскурсій слѣдующія общежитія: лѣсъ, краснолѣсье садъ, поле, лугъ, прудъ, рѣка. Такого рода преподаваніе, по его мнѣнію, во-первыхъ, покажетъ дѣтямъ и юношамъ, что въ природѣ «чуть не на каждомъ шагу встрѣчаются сообщества и сожительства, на подкладкѣ взаимопомощи, содружества, любовь и альтруизмъ», во-вторыхъ, вызоветъ у учениковъ вопросы «для чего, почему и зачѣмъ» и такимъ путемъ выяснитъ законъ «изумительной цѣлесообразности въ природѣ и того Великаго Разума, которымъ все созидается и управляется въ природѣ и во всей вселенной» **). Такіе вопросы, напр., зачѣмъ нужны

*) Проф. Кайгородовъ считаетъ названія «естественныя науки» крайне неудачнымъ, какъ будто существуютъ какія-то неестественныя науки, замѣчаетъ онъ, и предлагаетъ замѣнить это названіе словомъ «природовѣдѣніе».

**) Въ 1865 г. Писаревъ въ статьѣ «Школа и жизнь» писалъ слѣдующее: «Преподавая малолѣтнимъ ребятамъ жалкія лохмотья великой науки, учитель въ большей части случаевъ будетъ еще располагать и подкрашивать эти лохмотья такъ, чтобы они дѣйствовали на чувство и на воображеніе учениковъ именно съ той стороны, съ которой желательно на нихъ подѣйствовать. То, что должно было по буквѣ устава быть изученіемъ природы, превратится такимъ образомъ въ шатобріановскія

растенію колючки?» «Для чего румянитъ дерево осенью свои листья?» «Для чего бродятъ синицы по нашимъ садамъ?» вводятъ по мнѣнію профессора Кайгородова, въ область наблюденій и образуютъ наблюдателя. Считая одной изъ цѣлей преподаванія естествознанія развитіе въ ученикахъ наблюдательности, профессоръ не признаетъ все же служебной роли «природовѣдѣнія» для цѣлей умственнаго развитія. «Развѣ мало имѣется въ распоряженіи школы разныхъ другихъ учебныхъ предметовъ, служащихъ цѣлямъ умственнаго развитія, чтобы для этихъ же цѣлей нужно было еще приносить въ жертву и живую природу—съ пафосомъ восклицаетъ проф. Кайгородовъ.—Нѣтъ! Не для гимнастики ума, а также и не для практическихъ только цѣлей должна занимать природа мѣсто въ школѣ, но для цѣлей болѣе высокихъ—для духовно нравственнаго и физическаго оздоровленія наростающихъ поколѣній, путемъ пріобщенія ихъ къ природѣ. Успѣхъ разныхъ растлѣвающихъ душу новѣйшихъ философій могъ развиться только на почвѣ всеобщей оторванности отъ природы».

Мы не сомнѣваемся теперь, что послѣ такой рекомендаціи «стараго друга и поклонника», «богатую, умную, красивую, дорогую и долго отсутствовавшую гостью» посадятъ наконецъ въ «красный уголъ» и будетъ она оттуда читать нашимъ дѣтямъ прописи и пѣть съ ними кантаты...

Программа проф. Кайгородова обсуждалась и въ печати и въ многочисленныхъ собраніяхъ педагоговъ; между прочимъ, какъ мы упоминали уже въ первой нашей статьѣ *), и на собраніяхъ во время XI съѣзда естество испытателей въ Петербургѣ.

Изъ цѣлаго ряда докладовъ и дебатовъ по поводу этой программы, выяснилось, что подавляющее большинство преподавателей естествознанія относится отрицательно къ программѣ проф. Кайгородова. Одни указывали на практическую ея неосуществимость: при обычной для нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній многочисленности учениковъ, при часовой, много $1^1/_2$ часовой экскурсіи, при относительно небольшомъ числѣ ихъ, невозможно ознакомить учениковъ съ такой громадой сложныхъ явленій, которыя представляетъ собою какое-либо «общежитіе». Другіе смотрѣли глубже и утверждали, что даже при самыхъ идеальныхъ условіяхъ нельзя *въ основу* преподаванія класть экскурсіи и общежитія, такъ какъ всякое преподаваніе требуетъ плана и систематизаціи; третьи обвиняли г. Кайгородова въ томъ, что онъ все возлагаетъ на наблюденіе и совершенно забываетъ объ опытѣ.

и ламартиновскія сахарно-слезливыя медитаціи. Образовательнаго вліянія нечего ожидать отъ этихъ медитацій, потому что, какъ бы они ни были умилительны, однако можно поручиться за то, что ученики отнесутся къ нимъ недовѣрчиво и насмѣшливо,—такъ, какъ обыкновенно относятся дѣти ко всякой хитрой и замысловатой мистификаціи, направляемой противъ нихъ тенденціонной педагогикой».

*) «М. Б.» февраль. «Наука и Жизнь».

Въ противовѣсъ программѣ проф. Кайгородова было представлено нѣсколько другихъ, изъ которыхъ укажемъ, напр., на разработанную программу г. Севрука; онъ стоитъ за опытно-демонстративное преподаваніе естественныхъ наукъ, за то, чтобы ученикъ учился не только созерцать и наблюдать, но и мыслить при посредствѣ опыта. Севрукъ въ своей программѣ придерживается обычной системы начинать съ неорганизованнаго міра и идти все къ болѣе и болѣе сложному—къ растеніямъ, животному и человѣку.

Проф. *Фаусекъ*, давшій въ общей печати *) наиболѣе полный разборъ программы проф. Кайгородова, не оспариваетъ нападокъ послѣдняго на сухость и схоластичность преподаванія естественныхъ наукъ въ нашей средней школѣ и «согласенъ, что погоня за излишней научностью и систематичностью вредитъ дѣлу». «Система, по его мнѣнію, должна явиться въ концѣ изученія, какъ его результатъ, а не въ началѣ», но въ тоже время почтенный зоологъ отвергаетъ всю положительную часть этой программы.

«Въ основѣ изученія естественныхъ наукъ въ школѣ,—говоритъ проф. Фаусекъ,—всегда будетъ лежать точное сравненіе. Умѣнье точно описать, возможно точно сравнить во всѣхъ признакахъ два камня, два животныхъ, два растенія—вотъ исходная точка, изъ которой развилось все огромное дерево естествознанія, и изъ котораго развивается естественноисторическое образованіе каждаго отдѣльнаго человѣка. Въ этомъ отношеніи предлагаемый проф. Кайгородовымъ «экскурсіонный» методъ изученія природы не выдерживаетъ никакого сравненія съ старымъ, комнатнымъ или лабораторнымъ. Во время экскурсій нельзя дѣлать точныхъ сравненій,—можно только глядѣть; то, что проф. Кайгородовъ называетъ наблюденіями въ природѣ, есть только ея осмотръ. Для правильнаго наблюденія нужны сравнимые ряды наблюденій. А если, изучая по Кайгородову «прудъ, какъ общежитіе», мы будемъ одновременно знакомиться съ плавунцами, водолюбами и т. д., съ испареніемъ и замерзаніемъ воды, и изслѣдовать *составъ* дна «ломомъ и лопатой»—и все это именно въ природѣ, а не въ лабораторіи,—то какія же это будутъ наблюденія? Въ самомъ лучшемъ случаѣ это могъ бы быть только разсказъ учителя о разныхъ предметахъ, сопровождаемый демонстраціями.

Ограниченіе программы природовѣдѣнія исключительно родной природой, полное исключеніе изъ элементарнаго школьнаго курса всякаго знакомства съ животными или растеніями другихъ странъ—было бы тоже не только не научно, но и въ высшей степени не психологично, такъ какъ шло бы въ разрѣзъ съ умственной дѣятельностью ребенка, съ требованіями дѣтской любознательности».

Такимъ образомъ, отношеніе профессора зоологіи къ программѣ профессора лѣсной технологіи совершенно отрицательное.

Были, впрочемъ, и защитники у проф. Кайгородова. Такъ, г. Акинфіевъ на одномъ изъ соединенныхъ засѣданій членовъ XI-го съѣзда и преподавателей естественныхъ наукъ сдѣлалъ докладъ подъ заглавіемъ «Полугодовой опытъ выполненія программы проф. Кайгородова». Возставая противъ книжнаго схоластическаго преподаванія естественныхъ наукъ, докладчикъ предлагалъ вносить въ преподаваніе воз-

*) «Россія» 14-го Декабря 1901 г.

можно больше біологическаго элемента, чему, по его мнѣнію, вполнѣ соотвѣтствуетъ программа г. Кайгородова. Возражавшіе на докладъ г. Акинфіева доказывали, что выполняемая имъ программа, о которой онъ говорилъ еще пять лѣтъ тому назадъ, имѣетъ очень мало общаго съ программой г. Кайгородова и что никто не отрицаетъ пользы экскурсій, но спорятъ только противъ того, чтобы класть ихъ въ основу всего преподаванія естественныхъ наукъ.

«Возражая своимъ оппонентамъ,—читаемъ въ «Русск. Вѣд.»,—проф. Кайгородовъ приводилъ весьма слабые аргументы. Онъ говорилъ о любви къ природѣ, о томъ, что надо понимать ее, о томъ, что его программа отвѣчаетъ желаніямъ всей Россіи (!?), такъ какъ имъ ежегодно получается отъ 1.500 до 2.000 писемъ отовсюду, гдѣ выражается то направленіе, въ какомъ желательно изученіе природы, и т. п. Ничего же существеннаго въ защиту своего метода отъ вполнѣ основательныхъ нападокъ проф. Кайгородовъ не сказалъ».

Des chocs des opinions jallit la vérité *). Къ сожалѣнію, эта французская пословица обыкновенно переводится на русскій языкъ совсѣмъ вольно: «Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало».

Но невольно, часто задаешь себѣ горькій вопросъ: стóитъ ли и сталкиваться различнымъ мнѣніямъ, когда изъ этого рождается не «истина», а чувство безсильной злобы? Зачѣмъ намъ истина, если она отцвѣтаетъ, не успѣвши расцвѣсть?!

«Ничего существеннаго въ защиту своего метода проф. Кайгородовъ не сказалъ», но сдѣлалъ очень много: онъ сталъ предсѣдателемъ коммиссіи по выработкѣ программы естествознанія для средней школы.

«Вотъ они, наши россійскіе споры».

Мы вмѣстѣ съ Щедринскимъ ершомъ признаемъ, конечно, всю трагикомичность этихъ споровъ... и все-таки споримъ. Иначе, вѣдь, и дышать нельзя было бы. Нуженъ же хоть призракъ жизни.

Кромѣ того, выступаетъ и слѣдующее соображеніе. Разъ случай царитъ въ нашей жизни, то надежда, что онъ повернетъ въ твою сторону, логикой не возбраняется. «Авось» — вотъ оно единственное оправданіе нашихъ упованій.

Кто бы, напримѣръ, два года тому назадъ могъ предполагать, что система графа Толстого обречена, что въ нашемъ учебномъ строѣ будутъ найдены «существенные недостатки», что будетъ «признано благовременнымъ безотлагательно приступить къ коренному его пересмотру и исправленію». А между тѣмъ, теперь это свершившійся фактъ. Такъ же и по отношенію къ программѣ профессора Кайгородова. Вѣроятно, она уже прошла по всѣмъ канцеляріямъ, какія требовалось, и вскорѣ наши дѣти будутъ «изслѣдовать характеръ и составъ дна пруда коломъ и лопатой», а также заниматься рѣшеніемъ такихъ глубокомысленныхъ

*) При столкновеніи различныхъ мнѣній рождается истина.

вопросовъ, какъ «для чего бродятъ синицы по нашимъ садамъ», но кто знаетъ, можетъ и подвернется какое-нибудь «авось», и программа естествознанія въ средней школѣ будетъ иная. Послѣднее предположеніе, конечно, гораздо менѣе вѣроятно, чѣмъ первое,—но все же это даетъ намъ нѣкоторое основаніе толковать и спорить о преподаваніи естественныхъ наукъ въ гимназіяхъ.

Мы видѣли, какіе различные взгляды по этому поводу высказывали различные профессора.

Господина Кирѣева мы оставимъ въ сторонѣ, такъ какъ кто же ему повѣритъ, что «концентрированная постепенность въ напряженіи умственныхъ способностей» составляетъ преимущество преподаванія древнихъ языковъ надъ преподаваніемъ естественныхъ наукъ. А если бы и повѣрили, то языки эти можно было бы съ успѣхомъ замѣнить рѣшеніемъ шахматныхъ задачъ, постепенно все болѣе сложныхъ. И въ школѣ было бы тихо, и учителямъ спокойно, и ученикамъ интересно. Впрочемъ, до подобной замѣны гимназисты часто своимъ умомъ доходили и во время интереснаго урока греческой или латинской грамматики, требовавшаго «напряженія умственныхъ способностей», «рѣзались» въ шашки и даже въ карты.

Нельзя же въ самомъ дѣлѣ серьезно говоритъ о какой-то гимнастикѣ ума, производимой, къ тому же, при помощи грамматики Кюнера и географіи Смирнова. Аналогія между развитіемъ личности и развитіемъ мускула—жалкая аналогія. Если и мускулъ заставлять только работать и не питать его, то и мускулъ не только перестанетъ развиваться, но откажется и работать. Какъ же можетъ развиваться личность, если ребенка лишать единственно доступной ему пищи—его собственныхъ ощущеній и мыслей и въ то же время заставлять его несложившійся «мозгъ» работать надъ безцѣльнымъ комбинированіемъ словъ. Ясно, что при такой «гимнастикѣ» ростъ личности остановится и мозгъ начнетъ сохнуть.

Наше общество пережило уже эпоху подобныхъ споровъ въ 60-ые годы, а теперь даже проф. Кайгородовъ, столь склонный къ поэзіи, эстетикѣ и «идеализму», утверждаетъ, что «изгнаніе природы изъ школы—недоразумѣніе, передъ которымъ наши потомки только руками будутъ разводить».

Можетъ быть, мнѣ возразятъ, что уничтоженіе въ средней школѣ древнихъ языковъ не ведетъ еще неизбѣжно за собой введеніе естественныхъ наукъ и напомнятъ статью Писарева, котораго, конечно, никто не заподозритъ въ нелюбви къ естественнымъ наукамъ.

Дѣйствительно, Писаревъ въ своей программѣ средней школы исключаетъ и естествознаніе, и географію, и исторію, оставлены у него только — Законъ Божій, математика, русскій яз., новые языки, чистописаніе, физика и космографія. Основанія такого сокращенія числа предметовъ средней школы у нашего знаменитаго «реалиста» были,

главнымъ образомъ, гигіеническія: нельзя дѣтей и юношей заставлять работать по 24—27 часовъ въ недѣлю *), помимо приготовленія уроковъ.

«Съ одной стороны,—писалъ Писаревъ **),—гигіена запрещаетъ школѣ обременять дѣтей непосильными учебными занятіями; съ другой стороны, общество совершенно справедливо требуетъ отъ школы, чтобы она выпускала въ жизнь не олуховъ, а образованныхъ и развитыхъ людей, способныхъ и желающихъ сдѣлаться полезными работниками. Школа, разумѣется, обязана мирить требованія общества съ предписаніями гигіены; это—задача очень трудная; но нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать эту задачу неисполнимой».

Школа угождала обществу и забывала о гигіенѣ. Писаревъ выдвигаетъ на первый планъ гигіену и въ этомъ, конечно, глубоко правъ. Естественныя науки онъ исключаетъ изъ своей программы, такъ какъ считаетъ, что «образовательное вліяніе ихъ и состоитъ исключительно въ томъ, что онѣ укореняютъ въ человѣкѣ понятіе о вѣчныхъ и незыблемыхъ законахъ, управляющихъ всѣмъ міроздаміемъ и господствующихъ съ одинаковой силой надъ всѣми явленіями, доступными нашему изученію, начиная отъ самыхъ простыхъ и кончая самыми сложными», а это, по мнѣнію Писарева, можетъ имѣть интересъ только для зрѣлаго или созрѣвающаго человѣка.

Но такъ ли это?

Еще Гексли, который, безспорно, оказалъ вліяніе на Писарева даже и въ вышеприведенномъ взглядѣ на естественныя науки, цѣлью первоначальнаго умственнаго воспитанія, прежде всего, ставилъ—«научить употребленію тѣхъ орудій, которыми человѣкъ извлекаетъ знаніе изъ непрестанной смѣны явленій», и затѣмъ только уже слѣдовало знаніе основныхъ законовъ.

Нынѣ мы уже не смотримъ на «законы природы» съ такой вѣрой въ ихъ вѣчную непоколебимость, какъ во времена Гексли и Писарева. Мы знаемъ, что законы не есть что-то внѣ насъ существующее, мы знаемъ, что это символы, въ которые человѣчество заключаетъ міровой опытъ и которые могутъ измѣняться и измѣняются по мѣрѣ накопленія новаго опыта. Наука—совокупность мірового опыта, выраженная въ символахъ, начиная съ наиболѣе общихъ—«законовъ» и кончая простымъ описаніемъ; послѣднее отличается отъ закона только качественно: оно охватываетъ неизмѣримо меньшую совокупность ощущеній, и потому «законно» только для этой совокупности. Цѣль науки, съ одной стороны, охватить все нарастающій міровой опытъ, съ другой—придать ему все болѣе и болѣе общіе символы. Въ концѣ кон-

*) Писаревъ бралъ росписаніе современныхъ ему реальныхъ гимназій. Въ классическихъ же гимназіяхъ по плану 1890 г. уроковъ больше: отъ 28—29 часовъ въ недѣлю.

**) «Школа и Жизнь» Собран. соч. т. III, стр. 535.

цовъ, та и другая цѣли сливаются, такъ какъ чѣмъ больше такихъ общихъ символовъ, тѣмъ легче улавливается и опытъ даннаго момента.

Основа всего нашего знанія—ощущенія, и наука начинается съ момента сознательной систематизаціи ихъ, возможной только при помощи сравненія. Наиболѣе часто встрѣчающіяся ощущенія отпечатлѣваются сильнѣе и рѣзче и потому науку можно назвать типовой фотографіей—человѣчества.

Естествознаніе (включая сюда и математику, и физику) и является той частью науки, которая запечатлѣла наиболѣе частыя ощущенія, легче поддающіяся систематизаціи, и потому оно выражено въ болѣе общихъ символахъ—«вѣчныхъ и незыблемыхъ законахъ» добраго стараго времени.

Вводить ли ребенка и юношу въ эту область науки?

Да дѣло въ томъ, что ихъ нельзя оттуда вывести, они непрерывно находятся въ мірѣ этихъ могучихъ ощущеній, которыя складываютъ у нихъ представленія о времени и пространствѣ, о «я» и окружающемъ мірѣ, о живомъ и мертвомъ, растеніи и животномъ и камнѣ. Дѣти подавлены именно *этими* ощущеніями и сами страстно ищутъ какъ-нибудь въ нихъ разобраться, какъ нибудь систематизировать. Отсюда и потокъ вопросовъ, которыми засыпаютъ васъ дѣти и ихъ любопытство, и ихъ любовь къ животнымъ. Около 40 лѣтъ тому назадъ Гексли говорилъ иными словами и съ иной точки зрѣнія, но почти то же: «физическія науки, ихъ методы, проблемы и трудности встрѣтятся на каждомъ шагу самому бѣдному ребенку, и все же мы воспитываемъ его такъ, что онъ вступаетъ въ жизнь съ такимъ же невѣжествомъ относительно существованія методовъ и фактовъ науки, какое онъ обнаруживаетъ и въ день своего рожденія».

Неужели и мы насильно будемъ оттаскивать нашихъ дѣтей отъ богатой сокровищницы мірового опыта и предоставимъ имъ складывать свои представленія изъ ничтожнаго количества только личныхъ ощущеній и опыта нянекъ и сверстниковъ?

Нѣтъ! пусть съ дѣтства человѣкъ привыкаетъ мыслить и жить все въ болѣе и болѣе широкой міровой атмосферѣ, пусть для него не будутъ потеряны прожитыя людьми тысячелѣтія и онъ используетъ ихъ какъ можно полнѣе. Только тогда и онъ самъ не будетъ потерянъ почти безслѣдно, какъ пропадаютъ милліарды споръ и сѣмянъ, а внесетъ свою лепту въ общую жизнь. Естествознаніе должно быть введено въ среднюю школу, конечно, не для гимнастики ума, но и не для развитія чувства природы и эстетическихъ наслажденій, оно должно быть введено, чтобы оттуда выходили люди, способные самостоятельно мыслить и работать. Для этого же нужно, чтобы уже въ юношескомъ возрастѣ: 1) было закончено предварительное знакомство съ пріобрѣтеніями человѣческой мысли, выраженными въ основныхъ положеніяхъ естествознанія, и 2) получилась привычка и свои ощущенія не ле-

лѣять и смаковать, а связывать съ символами человѣчества, т.-е. привычка наблюдать, ставить опытъ и сравнивать.

Такой юноша можетъ входить въ жизнь самостоятельнымъ работникомъ, такъ какъ ему не нужно будетъ тратить время на открытіе Америкъ, онъ скорѣе классика и эстета найдетъ наиболѣе выгодную позицію для своихъ способностей. И эта позиція будетъ въ то же время и наиболѣе «идеальной».

Я думаю, что теперь не можетъ уже являться вопроса, какъ преподавать естествознаніе, расчленять на части природу или «сажать богатую гостью въ красный уголъ». Не въ XVIII-мъ же столѣтіи мы живемъ въ самомъ дѣлѣ, чтобы серьезно говорить о какой-то нерасчленимой природѣ, о «дивной гармоніи» природы, какъ о чемъ-то внѣ насъ находящемся.

Въ частности изученіе естествознанія по общежитіямъ относится къ той области, которую Писаревъ такъ неделикатно называлъ «сахарно-слезливыми медитаціями».

Гораздо серьезнѣе вопросъ о системѣ *).

Вся наука есть, собственно говоря, систематизація опыта и потому, конечно, безразсудны и прямо-таки неосуществимы и безцѣльны были бы попытки отказаться отъ системы при преподаваніи.

Мы не намѣрены здѣсь давать подробной программы, мы хотимъ только намѣтить общіе принципы системы преподаванія естествознанія, по нашему мнѣнію, наиболѣе экономные и наиболѣе справедливые.

Почему, несмотря на далеко не идеальные программы и порядки школъ въ Англіи, особенно еще лѣтъ 30—40 тому назадъ, эта страна давала и даетъ столько талантливыхъ, нужныхъ, смѣлыхъ и гордыхъ людей на всѣхъ поприщахъ жизни. Наши «программы» не хуже, а, между тѣмъ, нужныхъ людей мы выписываемъ изъ-за границы и пріучаемся обходиться безъ талантливости и гордости. Развѣ вдругъ изъ нѣдръ выскочитъ талантливый и оригинальный человѣкъ, и какъ искренно начинаемъ мы тогда удивляться, что можетъ «собственныхъ Ньютоновъ и быстрыхъ разумомъ Платоновъ россійская земля рождать». Почему? Причинъ, конечно, много. Но главная та, что въ Англіи и ребенокъ, и юноша гораздо больше, чѣмъ у насъ, живетъ самостоятельною жизнью; тамъ все же признаютъ и за дѣтьми и юношами право жить, а не только готовиться къ жизни. Въ самомъ дѣлѣ, по какому праву завалили мы всю жизнь «малыхъ сихъ» непосильной работой изъ-за нашихъ эгоистическихъ и близорукихъ разсчетовъ?! Вѣдь въ нашемъ, такъ называемомъ, образованномъ обществѣ ребенокъ и юноша работаютъ, въ общемъ, гораздо больше взрослаго и работаютъ, къ тому же, не заинтересованные этой работой непосредственно. По какому праву цѣли нашего возраста мы приняли за ко-

*) Систему, конечно, не нужно, сравнивать съ систематикой.

нечныя, безспорныя и обязательныя для ребенка?! Единственный отвѣтъ—по праву сильнаго и вслѣдствіе блазорукаго разсчета...

У русскихъ, какъ у неофитовъ, это сказывается сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было: почти всегда наши программы самыя обширныя, наши учителя самые безталанные и педантичные изъ всѣхъ чиновниковъ всего міра. Отсюда та глубокая ненависть, которую питали, а можетъ быть, и питаютъ у насъ гимназисты къ своему начальству. Но къ тому же въ Англіи, въ Америкѣ, въ Швейцаріи, да, вѣроятно, и въ другихъ странахъ ребенокъ гораздо самостоятельнѣе въ школѣ и гораздо свободнѣе дома; онъ развивается подъ могучимъ вліяніемъ общественной жизни и *вопреки* всякимъ программамъ. У насъ же и жизнь не выше школы, и дома «ужасъ папенька сердитъ, въ страхѣ маменька сидитъ, ничего не говоритъ».

Понятно, что въ Россіи талантливый человѣкъ больше изъ нѣдръ идетъ, гдѣ нѣтъ школы, но зато есть жизнь, полная горя и отчаянія, но въ то же время и своихъ собственныхъ ощущеній, своихъ собственныхъ мыслей.

И ребенокъ долженъ жить собственною жизнью, его ощущенія не только такъ же «законны», какъ и наши, но это единственный фундаментъ, на которомъ можетъ создаваться дѣйствительное, а не формальное знаніе.

Для этого прежде всего нужно, чтобы было физическое здоровье, чтобы воспринимающій аппаратъ былъ исправенъ; это нужно гораздо больше, чѣмъ для взрослаго, такъ какъ «психическая» дѣятельность ребенка и даже юноши преимущественно собирающая, накапливающая запасы ощущеній, какъ бы стягивающая свою индивидуальность.

Поэтому, ребенку такъ хочется двигаться, юношѣ поборать препятствія: въ этомъ столкновеніи съ окружающимъ міромъ они создаютъ самихъ себя. И это надо предоставить имъ вполнѣ, а не привязывать къ стулу или къ книгѣ и не пріучать играть въ взрослаго.

Когда наступаетъ періодъ вопросовъ—какъ и почему,—значитъ у ребенка уже накопился достаточный личный опытъ и онъ безсознательно ищетъ уже символовъ для того, чтобы облегчить себѣ дальнѣйшую работу.

Здѣсь на помощь долженъ придти міровой опытъ въ лицѣ взрослаго—отца, матери, учителя, здѣсь начинается уже преподаваніе естественныхъ наукъ.

Къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ отцы и матери, питомцы классическихъ гимназій и институтовъ, сами невѣжественны въ этомъ еще больше своихъ дѣтей, больше, такъ какъ они не чувствуютъ уже и потребности въ этихъ вопросахъ. Непосредственная жажда знанія ребенка и юноши исчезла, утоленная различными суррогатами въ видѣ винта, сплетни и чичиковскихъ исканій поживы.

Поэтому у насъ въ Россіи средняя школа должна играть особенно

важную роль, должна быть выше жизни, должна вводить нашихъ дѣтей въ сферу мірового опыта, пока они сами еще инстинктивно тянутся къ нему,—поэтому въ наши гимназіи должно быть введено естествознаніе. Система преподаванія естественныхъ наукъ въ средней школѣ, по нашему мнѣнію, должна быть психологической.

Надо опираться на ощущенія ребенка и, отвѣчая на его вопросы, удовлетворять его стремленію символизировать эти ощущенія. Въ связи съ этимъ пойдетъ и пріобщеніе его къ міровому опыту. Противъ такой системы не будетъ протестовать ни ребенокъ, ни юноша, такъ какъ она идетъ навстрѣчу его потребностямъ и не выходитъ изъ сферы ихъ собственной жизни. Они будутъ учиться для себя, а не для тѣхъ соображеній о будущей карьерѣ, которыми руководствуются взрослые, обучая ребенка, и «полезности» которыхъ никакъ не могутъ понять живыя и талантливыя дѣти.

«Странное дѣло,—говорилъ одинъ старый директоръ классической гимназіи, часто лучшіе гимназисты оказываются посредственными въ университетѣ, и наоборотъ, совершеннѣйшіе шелопаи, даже гимназіи не кончатъ, а попадутъ въ университетъ—учеными дѣлаются, профессорами!» И посѣдѣвшій въ сорокалѣтней борьбѣ съ учениками педагогъ въ недоумѣніи качалъ головою. Ему это было странно, навѣрное, онъ былъ убѣжденъ, что въ университетѣ чего-нибудь не досмотрѣли въ этихъ шелопаяхъ: онъ-то, вѣдь, ихъ такъ ужъ знаетъ...

Систему, которая была бы основана на развиваемомъ мною принципѣ, выработать, конечно, гораздо труднѣе, чѣмъ предложить гимназистамъ сокращенную программу естественнаго факультета университета: физика и химія, минералогія, систематика растеній и животныхъ, затѣмъ сравнительная анатомія и физіологія; все въ строгой послѣдовательности, идя отъ простого къ сложному, отъ низшаго къ высшему. Но дѣло въ томъ, что «простое» и «сложное», «высшее» и «низшее»—продукты долгой обобщающей работы нашего ума и вовсе не являются таковыми съ психологической точки зрѣнія. И я напр., вполнѣ согласенъ съ проф. Фаусекомъ, что нельзя въ средней школѣ начинать преподаваніе зоологіи съ низшихъ организмовъ. Дѣйствительно, ребенокъ, только что собравшій основу своего «я» поетъ ему побѣдную пѣснь, онъ все центрируетъ вокругъ этого я; въ это время дѣти—истинные, наиболѣе полные эгоисты; ихъ способности устремлены на ближайшее, наиболѣе похожее на нихъ самихъ, здѣсь они наблюдаютъ и сравниваютъ болѣе детально и болѣе внимательно, все остальное, хотя бы и «простое», для нихъ еще слишкомъ чуждо и не интересно, чтобъ искать въ немъ черты различія и сходства,—это просто «не я». Поэтому, мы начинали бы ознакомленіе съ организованнымъ міромъ съ человѣка—здѣсь наблюдательность ребенка пристальнѣе и мы не выводимъ его изъ сферы его собственныхъ интересовъ. Пусть здѣсь онъ научится научно наблюдать, взвѣшивать, измѣрять, сравнивать и описывать; личныя вне-

чатлѣнія нужно дополнить міровыми—описаніями другихъ племенъ. Затѣмъ можно перейти къ высшимъ животнымъ и растеніямъ. Тутъ тоже начинаютъ обыкновенно съ морфологіи и систематики. Мнѣ кажется, надо начинать съ біологіи, съ процессовъ жизни, и къ нимъ уже приспособлять морфологію; систематику же предоставить личной любознательности дѣтей. Вообще, на этомъ принципѣ пришлось бы перестроить все преподаваніе въ средней школѣ. Что представляютъ собою современныя программы среднихъ школъ? Какой-то винигретъ различныхъ ненужностей, которыя не имѣютъ другъ съ другомъ никакой связи и, къ счастью еще, забываются начисто. Преподаваніе и воспитаніе не отдѣлимы другъ отъ друга; дѣленіе это — схоластическій пережитокъ, наслѣдье тѣхъ временъ, когда серьезно вѣрили, что «мораль» можно внѣдрять сентенціями и розгами, а науку зубреніемъ. И преподаваніе, и воспитаніе въ идеалѣ должны стремиться къ одному: къ наиболѣе полному развитію личности, къ наиболѣе полному сліянію ея съ человѣчествомъ. «Человѣкъ есмь и ничто человѣческое мнѣ не чуждо».

Разработать такую систему *развитія*, конечно, дѣло нелегкое, но мы убѣждены, что въ культурныхъ странахъ оно неизбѣжно будетъ сдѣлано въ теченіе первыхъ десятилѣтій текущаго столѣтія, потому что только система, основанная на удовлетвореніи потребностей развивающейся индивидуальности, будетъ наиболѣе экономной и наиболѣе справедливой.

Передать ученику всю совокупность знанія немыслимо не только въ школѣ, но и въ университетѣ, и не къ недостижимой полнотѣ должно стремиться преподаваніе естественныхъ наукъ въ гимназіяхъ. Нужно ознакомить юношу только съ главными чертами работы человѣчества, нужно научить его искать при помощи наблюденія, опыта и сравненія отвѣтовъ на возникающіе въ немъ запросы мысли въ *наукѣ*, нужно поддержать въ немъ жажду знанія и развить потребность въ самообразованіи. Бо̀льшаго нельзя и требовать отъ естествознанія въ средней школѣ.

В. Агафоновъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Исповѣдники», повѣсть г. Боборыкина.—Новыя теченія, наблюдаемыя авторомъ.—Разные ихъ представители.—Исповѣдники изъ интеллигенціи и народной среды.—Цѣльность послѣднихъ типовъ.—Здоровое религіозное чувство и болѣзненный мистицизмъ, отмѣчаемые авторомъ.—Памяти Александры Аркадіевны Давыдовой.—Ея общественная дѣятельность, какъ издательницы и руководительницы большого литературнаго предпріятія.—Ея организаторскій талантъ и значеніе, какъ редактора.

«Пускай каждый ищетъ своего Бога, создаетъ себѣ свою вѣру и защищаетъ свободу своей совѣсти», говоритъ Булашовъ, главное центральное лицо новой повѣсти г. Боборыкина «Исповѣдники», напечатанной въ первыхъ четырехъ книжкахъ «Вѣстника Европы». Въ этихъ словахъ Булашова заключается сущность всего произведенія почтеннаго автора, который со свойственной ему чуткостью уловилъ то новое, что отмѣчается пока въ общественномъ настроеніи. Возрожденіе религіознаго чувства въ извѣстной части нашей интеллигенціи, оживленіе интереса къ вопросамъ вѣры и даже чисто богословскимъ, стремленіе разобраться въ смутныхъ вопросахъ, возникшихъ въ концѣ прошлаго вѣка,—подмѣчено авторомъ и выражено въ различныхъ представителяхъ этихъ перекрещивающихся теченій. Какъ всегда, маститый художникъ набрасываетъ рядъ легкихъ силуэтовъ изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ, начиная съ представителей стараго родовитаго барства и до народныхъ типовъ изъ молоканъ и вновь объявившихся «евангеликовъ», давая въ общемъ сложную и очень интересную картину различныхъ оттѣнковъ религіознаго настроенія въ обществѣ и народной средѣ. Можетъ быть, благодаря такому разнообразію и широтѣ картины, страдаетъ глубина художественнаго изображенія, нѣтъ яркихъ, вполнѣ опредѣленныхъ живыхъ типовъ, а скорѣе рядъ бѣглыхъ фотографическихъ снимковъ, напоминающихъ быстро смѣняющіяся фигуры кинематографа. Зато повѣсть выигрываетъ въ несомнѣнной живости, и читатель все время заинтересовывается новымъ и новымъ матеріаломъ, который щедро расточаетъ предъ нимъ почтенный авторъ.

Центральнымъ лицомъ повѣсти, какъ мы уже сказали, выступаетъ представитель и проповѣдникъ свободы совѣсти Булашовъ, сынъ извѣстнаго піетиста, который положилъ всю свою душу на дѣло проповѣди своей вѣры, лишился свободы и умеръ въ изгнаніи. Булашовъ не раздѣляетъ его піетизма, но унаслѣдовалъ отъ отца основной принципъ его вѣры—не насиловать ничьей

духовной свободы. По происхожденію родовитый баринъ, болѣе чѣмъ обезпеченный въ средствахъ, онъ живетъ свободнымъ человѣкомъ, преданнымъ всецѣло своей идеѣ—служить, чѣмъ можетъ, духовнымъ интересамъ народа. Онъ меньше всего сектантъ, и его идея объемлетъ всѣ толки, всѣ секты, такъ какъ для всѣхъ, по его мнѣнію, главное—это свобода совѣсти, которой онъ всѣмъ желаетъ, какъ самаго неоцѣненнаго и существеннѣйшаго блага. Въ то же время онъ отнюдь не стоитъ за индифферентизмъ въ дѣлѣ вѣры. Напротивъ, его еще въ молодости, на студенческой скамьѣ, по словамъ его друга Костровина, возмущало, «что у насъ въ интеллигенціи—постыдное равнодушіе къ самымъ кореннымъ устоямъ духовной жизни, къ вопросу совѣсти, къ ея свободѣ, а главное къ тому, что безъ какого бы то ни было исповѣданія нельзя жить, другими словами: безъ Бога». Теперь онъ съ неменьшей страстностью относится къ этимъ же вопросамъ, но во главу угла полагаетъ свободу для всякаго вѣрованія. Самъ онъ только «взыскующій града» и не знаетъ, къ чему еще придетъ, но,—твердо заявляетъ онъ, «если намъ интеллигентамъ, нельзя жить безъ высшаго уклада, то народу и подавно. И вотъ для этого народа я всѣми силами души моей желаю полнѣйшей свободы его совѣсти». На дѣло онъ смотритъ съ тѣмъ трезвымъ спокойствіемъ, которое не даетъ ему увлечься несбыточными мечтами, зато помогаетъ ему всѣми средствами проводить эту идею, гдѣ можно, и помогать всѣмъ, кто страдаетъ. Онъ никого не совращаетъ, новыхъ вѣрованій не распространяетъ и потому считаетъ себя вполнѣ въ своемъ правѣ служить другимъ. «Я—простой обыватель, занимаюсь своимъ частнымъ дѣломъ. Сегодня здѣсь, завтра на Волгѣ или на Кавказѣ, или въ Сибири». Большія средства, обширныя знакомства вездѣ, полная свобода въ дѣйствіяхъ дѣлаютъ его въ глазахъ всѣхъ отстаивающихъ свободу своихъ вѣрованій цѣннымъ и нужнымъ человѣкомъ.

Рядомъ съ этимъ энергичнымъ и интереснымъ представителемъ лучшаго стараго дворянства стоитъ его ближайшій другъ и однокашникъ по школьнымъ годамъ, московскій богачъ Костровинъ, типъ совсѣмъ отъ него отличный, одинъ изъ многочисленной рати развинченныхъ интеллигентовъ, не приставшихъ ни къ какому берегу и уныло влачащихъ безполезные и безотрадные дни. Слишкомъ богатый, чтобы работать, слишкомъ избалованный, чтобы легко удовлетворяться, слишкомъ безхарактерный и неопредѣленный, чтобы считать свою особу центромъ міра,—Костровинъ одинъ изъ перезрѣлыхъ продуктовъ нашей душной общественной атмосферы. Ему не достаетъ опредѣленныхъ желаній, живетъ онъ больше смутными настроеніями, влекущими его къ какимъ-то мистическимъ мечтаніямъ, въ которыхъ онъ меньше всего отдаетъ себѣ отчетъ. Себя онъ опредѣляетъ, «какъ вырожденца» одной изъ родовитыхъ кунеческихъ династій. «Поразительно быстрое вырожденіе!—жалуется онъ Булашову.—Казалось бы, они-то и должны были влить свѣжую кровь, живительные соки. Анъ выходитъ наоборотъ. У дворянъ—оскудѣніе, но больше матеріальное. Ну, разумѣется, и физіологическое, отчасти и душевное. Но не такое быстрое. Не отцу я бы долженъ быть богатырь. Онъ былъ настоящій отставной кавалеристъ, покучивалъ, ѣздилъ въ клубъ, ходилъ на охоту, умеръ ударомъ, также

какъ и его отецъ. А вѣдь родъ-то служилыхъ людей Костровиныхъ извѣстенъ даже документально съ четырнадцатаго вѣка, вотъ когда еще Москва была дрянным поселкомъ, и гдѣ теперь Боровицкія ворота—былъ *боръ*, лѣсная чаща, и въ ней срубили первую церквушку—Спаса-на-бору. Сообрази: пятьсотъ слишкомъ лѣтъ они несли службу, ломали походы, пьянствовали, обжирались, и все—ничего! А тутъ въ два какихъ-нибудь поколѣнія—и распадъ! Матушка моя по себѣ Воротилина. Начальникъ ихъ рода пришелъ на Москву мужичкомъ, былъ сначала простымъ прядильщикомъ, кончилъ милліонами, основалъ династію... И что же! Въ главной, прямой линіи сынъ его выказывалъ уже признаки вырожденія. Дожилъ до старости, но съ особымъ норовомъ. Запирался у себя, и такъ, что никто въ домѣ не зналъ, что съ нимъ. А съ нимъ были припадки мрачной меланхоліи. Никого не допускалъ къ себѣ, даже жену... А въ послѣдней генераціи—уже полное вырожденіе... Это цѣлая трагедія», печально заканчиваетъ Костровинъ, объясняя свое равнодушіе ко всему болѣзненной апатіей, какъ признакомъ тоже вырожденія. Его жена, представительница столь распространеннаго теперь типа «модернистокъ», прикрывающихъ пустоту души и чисто животный эгоизмъ натуры яко бы самыми современными стремленіями къ красотѣ,—считаетъ его способнымъ къ фанатической преданности какому-либо догмату, строго опредѣленному и ясному. Ему надо стать чѣмъ-нибудь: «піетистомъ или ревностнымъ сыномъ господствующей церкви, или сектантомъ, но ему нуженъ исходъ для того, что въ немъ бродитъ и проситъ выхода». Сама она уже достигла своего «исповѣданія вѣры». «Я уразумѣла только недавно,—торжественно заявляетъ она,—что такое истинная мистика, не связанная ни съ какимъ клерикализмомъ. Прежней вѣры во мнѣ нѣтъ, да я и не хочу вставлять себя въ рамки какихъ бы то ни было неподвижныхъ догматовъ, уставовъ, благословеній, проклятій. Но что такое мое «я»? Что оно предъ чѣмъ-то безконечнымъ, что окружаетъ насъ предвѣчной тайной? И въ ней—вся поэзія и весь высшій смыслъ нашей жизни. Безъ нея нѣтъ творчества, нѣтъ поэзіи! И кто этого лишенъ—не будетъ ни писателемъ-художникомъ, ни живописцемъ, ни музыкантомъ». Сама она, конечно, ни то, ни другое, ни третье, и «высшая тайна» нужна ей, какъ пикантная приправа къ довольно обыденнымъ адюльтернымъ похожденіямъ, о чемъ придется говорить дальше.

Таковы три центральныхъ лица, около которыхъ почтенный авторъ искусно группируетъ массу интереснѣйшаго бытового матеріала, поражающаго разнообразіемъ наблюденій и типовъ, выхваченныхъ неутомимымъ художникомъ изъ жизни. Предъ нами проходятъ безконечной вереницей различные представители религіозныхъ исканій въ различной обстановкѣ и въ самыхъ разнообразныхъ мѣстахъ. Балашовъ сначала знакомитъ своего пріятеля Костровина, которымъ онъ взялся руководить въ дѣлѣ исканія вѣры, съ московскими «толкамя», и авторъ вводитъ насъ въ невзрачную лавчонку одного изъ чтителей «древляго благочестія», знатока древней иконописи и рукописнаго матеріала, столь цѣнимаго старообрядцами и раскольниками. Хозяинъ лавчонки не представляетъ чего-либо новаго, оригинальнаго, и нуженъ автору для кон-

траста: онъ и его толкъ, несмотря на замкнутость и отсталость, все же съумѣли отстоять дорогой для нихъ принципъ свободы совѣсти, чего не знаетъ равнодушная къ этому вопросу интеллигенція. Онъ, простой начетчикъ и антикваристъ, крѣпко держится за него, что и даетъ ему огромное преимущество предъ дряблымъ, расшатаннымъ Костровинымъ. Но антикваристъ-старообрядецъ это старый, вѣками выработанный типъ, хорошо намъ знакомый, и потому обрисованный авторомъ рѣзкими стереотипными чертами. Совсѣмъ иными выступаютъ новые борцы за ту же свободу совѣсти. Таковъ петербургскій ремесленникъ Суздальцевъ, по мастерству столяръ, получившій толчокъ къ развитію еще на религіозныхъ собраніяхъ у отца Булашова. Это—уже раціоналистъ, требующій полной свободы для своихъ религіозныхъ влеченій, не желающій подчиняться старинному «тако вѣруемъ, какъ отцы наши и дѣды». Какъ только онъ почувствовалъ сомнѣніе въ основномъ догматѣ, проповѣдуемомъ послѣдователями отца Булашова относительно «благодати», онъ страстно сталъ разрабатывать его самъ, на свой страхъ, и пришелъ къ своему, личному выводу, на которомъ и утвердился. «Моя совѣсть оставалась чистой и передъ Господомъ, и передъ людьми. Но во мнѣ-то самомъ начало подниматься сомнѣніе. Я не обращался вспять. И теперь я знаю одну благую вѣсть, которую Господь возвѣстилъ ученикамъ своимъ и всему роду человѣческому. Никакой личины я ни въ ту, ни въ другую сторону не ношу. А только самая то суть ученія стала мнѣ представляться по другому». И этого было для него достаточно, чтобы идти своимъ путемъ, не прибѣгая къ чужому толкованію, разъ оно не встрѣчало отклика въ его душѣ. Онъ беретъ у другихъ то, что отвѣчаетъ его личному взгляду, и отметаетъ все, что не выдерживаетъ критики его разума и сердца.

Еще глубже и искреннѣе преданы такому же «исканію» новые «евангелики», съ которыми авторъ знакомитъ насъ въ деревнѣ, куда Булашовъ увозитъ Костровина для работы въ дѣлѣ организаціи помощи голодающимъ. Зоветъ ихъ обоихъ туда нѣкто Топорковъ, тоже любопытный типъ интеллигентнаго труженика, стремящагося устроить свою жизнь по новому. Онъ писатель, но устроился въ деревнѣ, живетъ вегетаріанцемъ, работаетъ самъ въ деревнѣ, не покидая писательства, и какъ подспорья, и какъ отдыха для души. Съ сосѣдями-сектантами онъ поддерживаетъ самыя тѣсныя сношенія, но ни онъ на нихъ, ни они на него не оказываютъ духовнаго давленія. Въ нихъ онъ цѣнитъ необыкновенную воспріимчивость ко всему, въ чемъ сказываются высшія потребности души. «Разумѣется,—поясняетъ онъ,—и ихъ забираетъ «князь міра». Есть скопидомы, есть и слабые люди, способные на сдѣлки съ совѣстью. Но—сколько я входилъ въ нихъ бытъ—они составляютъ исключеніе сравнительно съ нашими. Въ молоканахъ все уже улеглось, ихъ не преслѣдуютъ; а кто перешелъ въ баптисты—у тѣхъ сильнѣе подъемъ религіознаго чувства. Вотъ присмотритесь къ Науму Степанову. Этотъ весь полонъ жажды подвига».

Этого Наума, между прочимъ, обвиняютъ въ совращеніи и противъ него возбуждено дѣло, ради котораго отчасти Булашовъ рѣшилъ лично познакомиться съ ними, чтобы яснѣе можно было при случаѣ представить его дѣло

тѣмъ, отъ кого въ конечной инстанціи будетъ зависѣть судьба Наума. Здѣсь Булашовъ видитъ разныхъ представителей, но у всѣхъ одинъ общій принципъ свободы совѣсти, который очень откровенно проводится ими. На молитвенномъ собраніи мужикъ Василій ясно выражаетъ его, обращаясь къ окружающимъ съ разъясненіемъ, почему пріѣзжіе господа желаютъ поближе узнать разные ихъ «толки». «Извѣстное дѣло. Всѣ одного ищутъ. А чей путь самый правый? Вотъ они,—онъ указалъ рукой на Костровина, — къ нашимъ бывшимъ единовѣрцамъ желаютъ зайти въ часъ ихъ собранія. И съ ними, и съ нами они въ дружествѣ. Такъ-то, небось, лучше. А судить можетъ кто правъ, кто нѣтъ—только Тотъ, Кто сказалъ іудеямъ: «вы-де отъ нижнихъ, Я—отъ вышнихъ, вы—отъ міра сего, Я—не отъ сего міра».—Какъ далеко это отъ старой нетерпимости, воспрещающей всякое общеніе съ «не-нашими».

На собраніи у Наума, являющагося «отщепенцемъ» отъ прежнихъ собратій по вѣрѣ, гостей встрѣчаетъ тоже довѣріе и дружеское желаніе ввести ихъ въ свой кругозоръ, дать имъ возможность самимъ заглянуть въ своя «святая святыхъ». Это собраніе у Наума представляетъ лучшую страницу романа. «Только что они (Булашовъ и компанія) переѣхали оврагъ и поднялись на пригорокъ, изъ-за угла дома Наума Степановича гулко донеслось пѣніе. Они переглянулись, можно было даже различить ритмъ хорала, въ двѣ-четверти. А со стороны другого поселка вдругъ заблаговѣстили къ «достойной», въ той церкви съ зеленой крышей, мимо которой они ѣхали на дняхъ со станціи.

— «Чудно!—промолвилъ Костровинъ.—Вездѣ славятъ Бога. Оттуда побѣдно несется гулъ колокола. Тамъ, у Василія Егорова только что пѣли, и будутъ еще пѣть, не боясь никакого вторженія.

— «А тутъ мы съ вами легко можемъ попасть въ протоколъ.

«Дверь немного примерзла и отворилась съ трудомъ. Шумъ ея прервалъ пѣніе. Женщины, сидѣвшія и тутъ поодаль, около двери, оглянулись съ замѣтной тревогой. Наумъ Степановъ увидалъ ихъ со своего мѣста и приподнялся.

— «Свои!—сказалъ Топорковъ, пропуская впередъ Костровина, которому и тутъ сдѣлалось неловко.

— «Пожалуйста!—пригласилъ ихъ Наумъ сѣсть у окна, справа отъ себя.

«Другіе потѣснились. Народу было гораздо меньше, чѣмъ у молоканъ. Мужчины смотрѣли больше мастеровыми и мелкими лавочниками, чѣмъ крестьянами-хлѣбопашцами. Двое въ пиджакахъ и галстукахъ. У женщинъ также менѣе деревенскій видъ. Всѣ держали книжки, больше по одной на двоихъ. Когда Наумъ сказалъ, что будутъ пѣть,—онъ подложилъ книжку гостямъ. Костровинъ не видалъ этого изданія. Стихи показались ему переведенными съ нѣмецкаго. Были и переложенія псалмовъ. Тотъ хоралъ, что запѣли при нихъ, былъ пріятнаго напѣва—не русскаго, но пѣлся онъ уже съ оттѣнкомъ русской грусти, хотя ритмъ былъ короткій, и напѣвъ скорѣе мажорный.

«Все время Костровинъ смотрѣлъ на Наума, на его лицо и выраженіе глазъ. Тотъ весь ушелъ въ молитвенныя слова, и его голосъ отдѣлялся отъ остальныхъ особенной вибраціей. На столѣ передъ нимъ лежала Библія—въ дорогомъ сафьяновомъ переплетѣ, печатанная гражданскимъ шрифтомъ, а не

кириллицей. Кажется, на стѣнахъ было еще нѣсколько темныхъ картоновъ съ серебряными словами евангельскаго текста. И больше никакихъ украшеній или чего-нибудь напоминающаго символическій обрядъ или приготовленіе къ нему.

«Пропѣли еще одинъ номеръ. Послѣ того Наумъ развернулъ Библію и прочелъ то мѣсто изъ евангелиста, гдѣ говорится о мытарѣ Закхеѣ. Читалъ онъ гораздо болѣе нараспѣвъ, чѣмъ Василій Егоровъ, и съ какимъ-то придыханіемъ въ концѣ каждаго стиха, закрывъ на нѣсколько секундъ глаза, онъ сталъ давать толкованіе евангельскаго текста о томъ что такое горячая вѣра и какъ всѣмъ слѣдуетъ подражать примѣру мытаря, который по малому росту не могъ видѣть Христа и взобрался на дерево.

«Говорилъ Наумъ очень свободно, почти такимъ же тономъ, какъ и читалъ вслухъ, дѣлая короткія движенія обѣими ладонями отъ себя и къ себѣ и немного качая головой.

«Костровинъ зналъ, что это еще не все, что Наумъ, какъ духовный руководитель, произнесетъ еще особое молитвенное обращеніе, помимо толкованія евангельскаго текста.

«Спѣли еще одинъ номеръ. Сидѣвшій рядомъ съ Костровинымъ плотный мужчина, рыжеватый и курчавый, съ бородой, въ пиджакѣ и съ серьгой въ ухѣ—предложилъ прослушать еще притчу о Сѣятелѣ. Прочелъ онъ ее толково, но безъ того внутренняго умиленія, какое слышалось во всемъ, что произносилъ или пѣлъ Наумъ. И отъ себя рыжеватый человѣкъ въ пиджакѣ сказалъ нѣсколько словъ въ поучительномъ тонѣ, но безъ особой рѣчистости, опять, можетъ быть, стѣсняясь присутствіемъ гостей.

«Послѣ того Наумъ спросилъ, не желаетъ ли еще кто-нибудь предложить прочтеніе какого-нибудь мѣста? Никто больше не пожелалъ. Протянулось молчаніе. Наумъ полу закрылъ глаза и, наклонивъ голову, положилъ ладони на Библію. Такъ пробылъ онъ нѣсколько секундъ.

«И когда поднялъ голову и раскрылъ глаза, весь выпрямился и взглядъ получилъ восторженное, умиленное выраженіе. Одну руку—лѣвую, онъ приложилъ къ груди, другую—слегка приподнялъ. Это была настоящая молитва, безъ изреченій и цитатъ, вполнѣ своими словами. Онъ взывалъ къ Богочеловѣку и обращался къ Нему, какъ къ милосердому посреднику, принявшему на себя все бремя людского грѣха.

«Возгласъ «Господи» повторялся все чаще и чаще, по мѣрѣ того, какъ онъ ускорялъ темпъ своей рѣчи. Этотъ возгласъ раздавался среди большой тишины и, видимо, дѣйствовалъ на слушателей. Въ него Наумъ вкладывалъ всю свою тихую страсть и трепетное упованіе въ заступничество Того, Кто умиралъ на крестѣ.

«И не было тутъ того упиранія въ одну точку, въ ученіе о благодати, которое Костровинъ слышалъ въ Петербургѣ. Потребность добра, дѣятельной любви, *дѣлъ* слышалось въ молитвенныхъ призывахъ. Тутъ опять-таки сказывался народный духъ проповѣди подвиговъ милосердія и всепрощенія ближнему,— нужды нѣтъ, что самый ритуалъ собранія былъ не русскаго происхожденія».

Однако, Костровинъ, котораго поучаетъ такими собраніями Булашовъ, далеко не то выноситъ изъ нихъ, на что надѣялся его руководитель. Онъ не въ силахъ вникнуть и поддаться настроенію свободныхъ сектантовъ. Жажда вѣры въ немъ есть, но настолько осложненная и традиціями, и воспитаніемъ, и личными особенностями, что въ душѣ его получается настоящій хаосъ, который разрѣшается совершенно на свой ладъ, ничего общаго не имѣя ни съ свободой совѣсти, ни съ чистой вѣрой. Модернизированная дамочка, жена Костровина, тоже не теряла времени, пока ея развинченный мужъ искалъ «града». Вернувшись однажды нечаянно домой, Костровинъ застаетъ жену въ такомъ интимномъ единеніи съ новомоднымъ проповѣдникомъ мистической красоты, что все его стремленіе къ вѣрѣ и прочимъ высокимъ матеріямъ отлетаетъ и замѣняется мучительнымъ вопросомъ объ измѣнѣ жены. Все перепутывается въ больной головѣ Костровина и разрѣшается сугубо-мистическимъ ученіемъ о мірѣ зла, въ которомъ все безнадежно и безповоротно погружено. Повидимому, онъ на порогѣ или окончательнаго сумасшествія, или самоубійства, но что бы съ нимъ ни произошло, онъ теряетъ для читателя дальнѣйшій интересъ. Эта бѣдная больная голова не въ силахъ вынести никакого строгаго ученія, никакого сильнаго чувства, и не будь неожиданнаго для Костровина пассажа съ женой, онъ все-таки свихнулся бы на чемъ-нибудь другомъ. Самъ по себѣ онъ не интересенъ и не типиченъ, но, несомнѣнно, авторъ въ лицѣ его подмѣтилъ кое-какія общія современной интеллигенціи черты. Нѣкоторая усталость и равнодушіе къ общественнымъ интересамъ, излишнее копаніе въ мельчайшихъ оттѣнкахъ собственной особы, скрытый эгоизмъ и черствость къ другимъ, безволіе и апатія,—всѣ эти черты Костровина разсѣяны во многихъ, можетъ быть, безъ его жаждой вѣры, которая является достояніемъ скорѣе избранныхъ. Неудачность фигуры Костровина въ художественномъ отношеніи заключается въ обычномъ недостаткѣ творчества г. Боборыкина. Онъ обрисованъ скорѣе только извнѣ, хотя авторъ и дѣлаетъ попытки возможно глубже представить его душевную жизнь. Но для этого у него не хватаетъ художественнаго проникновенія въ эту темную область, открытую только для величайшихъ творцовъ.

Также поверхностно схвачены, чисто фотографически, черты и другого главнаго героя, Булашова, который суетливо мелькаетъ чуть не на каждой страницѣ, въ роли, нѣсколько напоминающей коми-вояжера, только не по торговымъ дѣламъ той или иной фирмы, а по дѣламъ совѣсти. Но самъ-то онъ что такое? Во что онъ-то вѣритъ, какова цѣль его личныхъ стремленій? Онъ постоянно съ назойливой поспѣшностью всѣмъ и всякому атгестуетъ себя, какъ человѣка, готоваго содѣйствовать свободѣ чужой совѣсти. Ну, а своя-то у него въ какомъ состояніи обрѣтается? Мы этого рѣшительно не видимъ. Онъ съ беззаботностью, мало отвѣчающей серьезности его задачи, порхаетъ по всѣмъ направленіямъ, отъ сектантовъ къ сановникамъ, оттуда въ камеру земскаго начальника, гдѣ судятъ сектантовъ за оказательство, и всюду чувствуетъ себя, какъ дома. По дорогѣ, между двумя визитами, онъ не прочь позаняться и нѣкоторымъ флиртомъ съ великосвѣтской дѣвицей, исповѣдующей феминизмъ, которая «уколола» его мужское достоинство. Дѣвица сія, графиня Бунина, строго

держитъ себя и не податлива ни на какія изліянія чувствъ, къ которымъ большой охотникъ самъ Булашовъ. Она рѣзко отклоняетъ всякую попытку въ этомъ направленіи. Эпизоды съ дѣвицей, впрочемъ, не играютъ существенной роли и пристегнуты къ повѣсти, главнымъ образомъ, для полноты дѣйствія, что такъ любитъ г. Боборыкинъ, полагающій, что чѣмъ больше навертѣть на одинъ клубокъ, тѣмъ ярче предстанетъ образъ предъ читателемъ, что въ сущности глубоко невѣрно. Отсюда у автора его безконечныя подчеркиванія, масса якобы характерныхъ, а въ сущности нудныхъ подробностей. Сколько онъ ни вертитъ своимъ Булашовымъ въ разныя стороны, личность его не уясняется, что и составляетъ не малый недостатокъ повѣсти.

Интересъ ея,въ концѣ концовъ, сводится къ бытовому матеріалу, образчики котораго мы проводили, и къ тому проявленію религіозности, которое авторъ съумѣлъ подмѣтить. Онъ вѣрно отмѣчаетъ безразличіе и равнодушіе интеллигенціи къ вопросамъ вѣры и тотъ пока смутный проблескъ новаго отношенія къ нимъ, хотя и тутъ авторъ дѣлаетъ странную ошибку. Своего Костровина онъ водитъ по разнымъ сектантамъ и проч. Едва ли, однако, въ жизни это такъ. Если вѣрно, что въ интеллигенціи замѣчается возбужденіе религіозныхъ чувствъ, то напередъ можно сказать, что за удовлетвореніемъ ихъ она врядъ ли пойдетъ туда, куда Булашовъ таскаетъ Костровина. Въ чемъ найдетъ она разрѣшеніе своихъ стремленій въ этомъ направленіи, мы не знаемъ.

Позволимъ себѣ сдѣлать маленькое отступленіе. Въ только что вышедшей книгѣ разсказовъ г. Тана есть прелестный разсказъ «На сѣверѣ дальнемъ», въ которомъ авторъ выводитъ американскаго миссіонера среди чукчей, мистера Лерриго. Это, по словамъ автора, «интеллигентъ, рыцарь или, если угодно, фантастъ духа, типъ извѣстный и любимый для русскаго сердца». Съ нимъ происходитъ у автора разговоръ о душѣ и вѣрѣ, имѣющій косвенное отношеніе и къ нашимъ «Исповѣдникамъ».

«— Вы все говорите—вѣра!—сказалъ я.—Скажите, пожалуйста, опредѣленно, во что именно вы вѣрите?

«Докторъ Лерриго протянулъ руку къ полкѣ и снялъ маленькое, сильно растрепанное Евангеліе.

«— Я вѣрю въ эту книгу!—сказалъ онъ просто, но очень твердо.—Я вѣрю въ то, что Господь создалъ міръ изъ своего слова и что Іисусъ Христосъ пришелъ въ міръ, чтобы спасти мою душу!..

«— И въ чудеса вѣрите?—настаивалъ я.

«— Въ каждую букву, которая написана въ книгѣ,—непоколебимо отвѣтилъ докторъ.—Мой Богъ—Богъ славы. Онъ можетъ творить чудеса!.. Credo, quia absurdum... Если бы все было просто, была бы не вѣра, а знаніе!..

«— Я не могу сказать: credo quia absurdum!—медленно проговорилъ я.

«— Какъ хотите!—сказалъ докторъ Лерриго нѣсколько обиженно.—Но такая вѣра составляетъ единственный исходъ для того, кто живетъ и мыслитъ. Если у васъ нѣтъ вѣры, то скажите мнѣ, какой у васъ останется исходъ предъ лицомъ жизни и смерти?

«Я подумалъ нѣсколько секундъ, прежде чѣмъ отвѣтить ему.

«—У современнаго человѣка, того, «кто живетъ и мыслитъ», не одна, а цѣлыхъ двѣ вѣры. Одна съ евангеліемъ мира и человѣчности, вѣра освобожденнаго Прометея, молодая и свѣтлая, какъ заря, смотритъ впередъ и живетъ будущимъ. Это—вѣра молодыхъ людей. Для нея нужно или очень чистое, или очень счастливое сердце, но нечѣмъ ей залечивать глубокія раны жизни, ибо она перестала сулить награды и воздаянія. И есть еще другая вѣра, какъ черная вѣра поклонниковъ дьявола, но ею мучился еще Каинъ и Іовъ на гноищѣ. Ею мучится всякій, кто чувствуетъ и мыслитъ, но—проливаетъ злыя слезы и свою или чужую кровь...

«—Какой остается у васъ исходъ безъ вѣры?—повторилъ докторъ Лерриго.

«—Протестъ!—отвѣчалъ я.—Вотъ мой исходъ. Это значитъ, что нѣтъ исхода, и я знаю, что нѣтъ исхода и не можетъ быть, и потому не хочу искать его.

«—Это отъ лукаваго... Только злой внушаетъ такія гордыя мысли!...—съ огорченіемъ сказалъ докторъ Лерриго.

«—Правда!—согласился я.—Въ томъ и исходъ, чтобы быть гордымъ!... Если я сотворенъ несчастнымъ, не стану просить пощады... Предъ опасностью и бѣдою не склоню головы!... Предъ неизбѣжною казнью смерти не хочу завязывать глазъ повязкою вѣры!...»

Въ этихъ словахъ нѣтъ отвѣта на поставленный вопросъ, но мы хотѣли только намекнуть, что не къ сектантамъ направитъ интеллигенція свои исканія вѣры. Нельзя перестать быть самимъ собою, это прежде всего, и кто перешагнулъ за извѣстный порогъ, тому уже нѣтъ возврата назадъ. Сколько угодно можно жалѣть о потерѣ сладостной наивности дѣтства и невинной чистоты сердца, отличающей доктора Лерриго, нашихъ сектантовъ и другихъ вѣрующихъ въ этомъ смыслѣ, но дѣло свершено и послѣдствія его непоправимы.

Скорѣе правъ окажется профессоръ, который въ началѣ повѣсти г. Боборыкина жалуется на пренебреженіе къ положительной наукѣ, какое проявляется къ ней нерѣдко теперь съ разныхъ сторонъ. «Когда набьете себѣ оскомину отъ всякихъ теперешнихъ вѣяній и юродствъ—загляните въ ту строгую обитель,—«гдѣ на высотахъ, тишина и студеный воздухъ, и куда не доходитъ ничего снизу, изъ людского муравейника»,—съ которою вы сравнили науку. Вы найдете въ ней отраду и успокоеніе. Она не обманетъ!...»

Смерть основательницы нашего журнала, Александры Аркадіевны Давыдовой, въ полной силѣ ея необыкновенныхъ способностей, рѣдкаго ума и организаторскаго таланта, явилась тѣмъ неожиданнымъ, роковымъ событіемъ, которое поражаетъ людей своей нелѣпостью, чудовищной несправедливостью и непоправимымъ зломъ. Зачѣмъ? Почему? Неужели больше нѣтъ этого удивительнаго по уму и сердцу человѣка, такого обаятельнаго и неотразимо милаго?.. Когда мѣсяца два тому назадъ мнѣ пришлось съ глубокой скорбью писать о безвременной кончинѣ Мушкетова, какъ я далекъ былъ отъ мысли, что въ ближайшемъ будущемъ придется говорить и о ней:—«не стало»...

Быть можетъ, тяжелѣе, чѣмъ кому-либо другому, писать о ней именно мнѣ. Семь слишкомъ лѣтъ совмѣстной работы, изо дня въ день, связали насъ

тѣми неразрывными нитями нравственнаго общенія, надъ которыми безсильна даже смерть. И въ эту минуту мнѣ кажется, будто я снова говорю съ ней, о журналѣ, о нашихъ планахъ, о будущихъ трудахъ, и она съ обычной бодростью и вѣрой въ себя и людей придумываетъ тысячи путей и средствъ для дальнѣйшей борьбы за любимое дѣло, какимъ сталъ для нея журналъ съ перваго дня его основанія и оставался въ буквальномъ смыслѣ до послѣдней минуты, когда закрылись на вѣки эти удивительные, проницательные и ясные глаза.

Вступивъ въ редакцію въ декабрѣ 1894 г., я засталъ журнальную дѣятельность Александры Аркадіевны уже въ тотъ періодъ, когда ея взгляды на журналъ и его задачи вполнѣ опредѣлились. Первые робкіе шаги уже были сдѣланы, кругъ интересовъ журнала намѣтился, главнѣйшіе сотрудники уже были привлечены и работали такъ, какъ умѣла заставлять работать эта замѣчательная работница. Въ дальнѣйшемъ, въ теченіе истекшихъ съ тѣхъ поръ лѣтъ, шло расширеніе и усовершенствованіе первоначальнаго плана, причемъ вся иниціатива и энергія принадлежали всецѣло ей. Мы, остальные ближайшіе сотрудники ея, являлись только болѣе или менѣе удачными исполнителями ея плановъ, надеждъ, упованій и желаній, которыми кипѣла эта неутомимая и неистощимая душа.

Начавъ съ небольшого изданія, которое должно было, по ея плану, заполнить пробѣлъ между журналами, назначенными для интеллигентной публики въ высшемъ значеніи этого слова, и тѣми изданіями, которыми пробавляется малоинтеллигентный читатель, Александра Аркадіевна очень строго и неуклонно проводила эту программу, лишь постепенно и съ крайней осторожностью расширяя задачи журнала. Она была принципіальнымъ противникомъ всякихъ неожиданныхъ расширеній дѣла, не вытекающихъ непосредственно изъ существа его. Зато она смѣло принималась за все, что само собой являлось необходимымъ и требовало осуществленія, хотя и было сопряжено съ несомнѣннымъ рискомъ, какъ новинка, и потому могло встрѣтить неодобреніе. Въ этихъ случаяхъ съ необычайной яркостью проявлялся ея тактъ и талантъ, какъ руководителя цѣлаго предпріятія. Поставивъ себѣ задачу создать широкій популярно-научный журналъ, въ которомъ всѣ отрасли знанія должны имѣть мѣсто, она требовала неизмѣнно одного, чтобы все было доступно для широкой публики. Тутъ не играли никакой роли въ ея глазахъ ни громкія имена, ни заманчивыя названія, а значеніе придавалось только одному—талантливому изложенію и общедоступности. Неуклонно преслѣдуя эту цѣль, она соединила въ теченіе десяти лѣтъ рядъ лучшихъ именъ въ нашей научной литературѣ, незамѣтно приспособивъ каждаго къ той же широкой задачѣ—популяризаціи знаній.

Незадолго передъ смертью, просматривая изданное за десятилѣтіе содержаніе журнала, она говорила съ справедливымъ удовлетвореніемъ, что «тутъ поработано не мало». И дѣйствительно, ея личный трудъ въ этомъ дѣлѣ былъ поистинѣ громаденъ, хотя только мнѣ и немногимъ ближайшимъ сотрудникамъ было извѣстно, каково ея личное участіе въ общей работѣ. За все время ни одна строчка, напечатанная въ журналѣ, не проходила безъ ея дѣятельнаго

участія. Она читала *все*, печатавшееся въ журналѣ, иногда по два-три раза: сначала въ рукописи, когда статья принималась еще, и обсуждала съ авторомъ и членами редакціи, годится ли это для «моего читателя», или нѣтъ; потомъ читала въ корректурѣ, когда статья печаталась, не довѣряя ни одной сколько-нибудь отвѣтственной статьи никому, и читала по-редакторски, съ карандашомъ въ рукахъ, отмѣчая все неясное, запутанное или неудачно выраженное, тутъ же исправляя, а подчасъ деспотически вычеркивая. Часто авторъ сопротивлялся, приводилъ доводы, даже взывалъ «къ великодушію», но она, съ свойственной ей настойчивостью и чарующей манерой обращенія, убѣждала его: «Повѣрьте, дорогой мой, такъ будетъ лучше!» И я не запомню случая, чтобы авторъ обижался, такъ какъ въ душѣ долженъ былъ сознаться, что «такъ» выходило, дѣйствительно, лучше.

Происходило это отъ того, что покойная обладала удивительно развитымъ и изощреннымъ вкусомъ и чуткостью въ общественномъ пониманіи того, что можно и должно сказать въ данный моментъ, и какъ сказать. На обычный вопросъ, можно ли писать въ журналѣ о такомъ-то вопросѣ, у нея былъ всегда одинъ отвѣтъ,—«можно, но имѣйте въ виду прежде всего *какъ*». И въ этомъ отношеніи она была поразительно чутка, являясь идеальнымъ редакторомъ, всякій совѣтъ и указаніе котораго даже для очень опытныхъ писателей оказывались всегда вѣрными. Въ особенности это было справедливо въ вопросахъ полемическаго характера. Надо сказать, что полемики она вообще не любила и крайне неохотно допускала ее. «Полемика у насъ обыкновенно ведется такъ, что больше интересуетъ самихъ полемистовъ, чѣмъ читателей. Въ увлеченіи противники забываютъ, что они пишутъ не для себя, а для читателей, которымъ рѣшительно нѣтъ дѣла до «личностей», очень живо затрогивающихъ господъ полемистовъ», говорила она и безпощадно вычеркивала все личное, непринципіальное, хотя бы отъ такихъ поправокъ статьи теряли въ живости. Не допускала она вообще обостренія вопроса въ полемикѣ. «Ну, высказались и довольно», такимъ категорическимъ рѣшеніемъ обрывалась обыкновенно полемика, грозившая затянуться надолго. «Нашъ журналъ не партійный, не боевой,—онъ долженъ знакомить читателей со всѣмъ, что происходитъ въ мірѣ Божьемъ, чтобы читатели были всегда хорошо освѣдомлены съ каждымъ движеніемъ въ мірѣ идей и науки. Но становиться рѣшительно на одну сторону и ничего не видѣть хорошаго въ противной, значитъ впадать въ слѣпую односторонность. Я этого не могу допустить во имя интересовъ моего читателя, который, какъ и я сама, хочетъ все знать и обо всемъ имѣть свое мнѣніе».

Это требованіе терпимости и объективности отнюдь не дѣлало ее безразличной, особенно въ вопросахъ общественныхъ. Тутъ она была неумолима и не допускала никакихъ компромиссовъ. «Никакихъ «съ одной стороны—съ другой стороны»: я этого не понимаю. Или одно, или другое, чего-бы это намъ ни стоило», говорила она обыкновенно въ тяжелыя минуты, когда условія веденія дѣла вдругъ усложнялись и приходилось быть сугубо осторожнымъ. «Въ крайнемъ случаѣ лучше полное молчаніе, чѣмъ суетливыя попытки сказать свое слово, когда его нельзя сказать съ полной искренностью». Въ одинъ изъ такихъ

тягостныхъ моментовъ, взвѣсивъ всѣ затрудненія и средства для борьбы съ ними, она спокойно, но твердо заявила, что предпочитаетъ смерть журнала, чѣмъ перемѣну его направленія, которое выработалось годами и считается ею вѣрнымъ.

Такія минуты неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ тягостно отражались на ея здоровьи. Принимая къ сердцу всѣ неудачи съ истинно женской страстностью, она страдала чисто физически по поводу каждой книги, появлявшейся съ урономъ или не по тому плану, какой былъ задуманъ. «Право, нерѣдко говорила она,—каждая женщина въ худшемъ случаѣ можетъ рожать только разъ въ годъ, а я—двѣнадцать, и каждые такіе роды,—я чувствую это всѣмъ существомъ,—уносятъ добрую часть меня. Эдакъ не надолго хватитъ самаго могучаго организма!»

Тѣмъ не менѣе, до послѣдней минуты она не могла привыкнуть къ столь обычнымъ въ журнальномъ дѣлѣ прорѣхамъ и «изъятьямъ». Казалось, она страдаетъ отъ этого больше, чѣмъ авторы. «Каждый изъ нихъ за себя только страдаетъ, а я за всѣхъ ихъ», объясняла она, и не было предѣла ея стараніямъ смягчить эти непріятности для авторовъ. Она нянчилась съ ними, какъ любящая мать, и ободряла, и уговаривала, и высмѣивала ихъ нервозность и пыталась остроумной шуткой подбодрить упавшаго духомъ. Хотя для опечаленнаго неудачей автора было не легче отъ этого, но устанавливался именно въ такія тяжелыя минуты тотъ сердечный тонъ, при которомъ взаимное пониманіе укрѣплялось навсегда, что и придавало ея отношеніямъ къ сотрудникамъ и послѣднихъ къ журналу особую дружескую теплоту и близость.

Въ сотрудникахъ она видѣла всю силу журнала, и даже самымъ незначительнымъ изъ нихъ дорожила и старалась привязать его къ дѣлу. Она достигала этого своей страстной любовью къ литературѣ и журналу, на который никогда не смотрѣла, какъ на средство для достиженія личныхъ цѣлей. Для нея весь смыслъ журнала заключался только въ его общественномъ значеніи. «Мой журналъ лишь постольку дорогъ мнѣ, поскольку онъ нуженъ другимъ», говорила она обыкновенно. Отсюда вытекала ея неутолимая жажда давать возможно больше новыхъ статей, ея огорченіе въ случаѣ, если эти статьи были тяжелы, неудобочитаемы или плохо написаны. «Кому это нужно? — говорила она.—Это мертвый матеріалъ»,—огорчалась она по поводу той или иной статьи, которую мы, ея ближайшіе сотрудники, подчасъ навязывали журналу по разнымъ, болѣе или менѣе важнымъ соображеніямъ. Съ этими «соображеніями» она никогда не уставала воевать. «Повѣрьте, мы никогда не достигнемъ того, чтобы не было скучныхъ статей: онѣ неизбѣжны, и я это не хуже васъ понимаю. Но мы должны ставить, какъ идеальное требованіе,—никакихъ тяжелыхъ, скучныхъ статей, а не ваши «соображенія», какъ бы они ни казались существенны». Скучныя статьи, конечно, проскакивали въ журналъ и подчасъ въ изобиліи, что огорчало покойную до слезъ, и когда мнѣ становилось досадно, я укорялъ ее, что это «совсѣмъ по-дамски плакать изъ-за того, что N.N. написалъ скучную статью». На это она язвительно отвѣчала всегда, что это, конечно, «чисто мужская черта—писать скучно и хладнокровно пе-

чатать скучныя вещи». «Вы про читателя забываете, вотъ въ чемъ суть,— волновалась она.—Пусть это и важно, и умно, и даже нужно. Но что изъ того, если изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ читателей вашу «умную» статью прочтутъ только два-три спеціалиста и похвалятъ? Вѣдь спеціалисты нашего журнала не читаютъ, у нихъ свои журналы есть. А читатель, тотъ настоящій массовой читатель, что онъ скажетъ, если статья ему не по силамъ?»

Ея идеаломъ было создать такой журналъ, который былъ бы доступенъ для возможно большаго числа читателей и въ тоже время съ вполнѣ опредѣленнымъ общественнымъ направленіемъ. Для достиженія этого идеала она не жалѣла средствъ и не щадила себя, выбирая матеріалъ изъ массы иностранныхъ изданій и ведя поистинѣ изумительную переписку съ массой сотрудниковъ. Она сама намѣчала темы, указывала источники, слѣдила по многочисленнымъ библіографическимъ изданіямъ за новыми книгами, въ которыхъ отмѣчала все, что при случаѣ могло пригодиться для журнала. Ея рабочая способность была поразительна. Съ ранняго утра она усаживалась за свою любимую работу— просмотръ иностранныхъ изданій и готовыхъ корректуръ, въ которыхъ исправляла, какъ редакторъ, цѣлые абзацы, вычеркивала и правила неловкій оборотъ, неудачное выраженіе или переводила всѣ цитаты съ иностраннаго, которыми иногда такъ любятъ щеголять иные писатели. «Мой читатель не знаетъ иностранныхъ языковъ,—сердилась она за эти цитаты,—ему надо облегчать доступъ къ знанію, а не затруднять непонятными фразами». Читала она бездну книгъ, выходящихъ на всѣхъ языкахъ, и въ то же время внимательно и чутко слѣдила за всѣмъ, что происходитъ въ родной литературѣ и журналистикѣ. Каждая новая книга журнала или новаго автора прочитывалась ею съ карандашомъ въ рукахъ и испещрялась массой помѣтокъ, подчеркиваній, выписокъ на поляхъ, иногда цѣлыми характеристиками автора или его мысли. Благодаря рѣдкому врожденному уму, изощренному многолѣтнимъ общеніемъ съ лучшими нашими литературными и научными силами, она тонко разбиралась въ самыхъ сложныхъ общественныхъ вопросахъ и въ особенности въ нашихъ такъ называемыхъ направленіяхъ. Въ первые годы изданія журнала она избѣгала давать ему болѣе или менѣе опредѣленную окраску. Это были годы исканія, когда журналъ еще слагался. Къ тому же, начало 90-ыхъ годовъ, когда она приступила къ изданію, было временемъ броженія общественной мысли, новое только еще намѣчалось, старое казалось еще въ силѣ, хотя уже утрачивало постепенно свое обаяніе. Тактъ и пониманіе ею общественнаго настроенія въ то время именно сказалось въ томъ, что журналъ сохранилъ полную свободу дѣйствія, не связавъ себя ни съ какимъ опредѣленнымъ теченіемъ. И лишь по мѣрѣ развитія и выясненія новыхъ настроеній, она постепенно придавала журналу тотъ характеръ, какимъ онъ отличался потомъ въ ряду другихъ изданій. Какъ «кормщикъ умный», она была далека отъ всякихъ временныхъ увлеченій и направляла свой «грузный челнъ» въ ту или иную сторону послѣ глубокаго обдумыванія и напряженнаго изученія перекрещивающихся общественныхъ теченій. Правиленъ ли былъ взятый его курсъ, или нѣтъ, не мнѣ судить, но это было ея искреннимъ убѣжденіемъ... Въ дальнѣйшемъ ея роль,

какъ редактора, была умѣряющею, какъ я говорилъ раньше, и въ минуты особенно ожесточенныхъ споровъ она не позволяла въ своемъ журналѣ ничего личнаго, непринципіальнаго, и если что-либо подобное и проскальзывало, это огорчало ее больше, быть можетъ, чѣмъ тѣхъ, кого это непосредственно затрогивало. Изящество ея натуры не выносило ничего рѣзкаго, грубаго, ее просто коробило отъ полемическихъ выходокъ, направленныхъ противъ личности противника, и она не уставала никогда бороться съ проявленіями некорректности и нетерпимости въ полемикѣ. Подъ натискомъ своихъ болѣе молодыхъ и пылкихъ сотрудниковъ она уступала крайне неохотно и всегда оставляла за собой послѣднее слово: «Вы сами пожалѣете объ этомъ впослѣдствіи»,—и была права въ большинствѣ случаевъ...

Такая напряженная работа изо дня въ день, въ теченіе десяти лѣтъ, работа всѣми силами души, всѣми нервами, могла бы, въ концѣ концовъ, свалить и гиганта. Что удивительнаго, если, наконецъ, ея сердце не выдержало и разбилось? Самый успѣхъ журнала уже не радовалъ ея,—онъ былъ достигнутъ слишкомъ дорогой цѣной, а усталость, дававшая себя чувствовать все чаще, вызывала ощущеніе горечи, которая проскальзывала въ ея отношеніи къ дѣлу и людямъ. «Да,—говорила она, глядя на редакціонныя полки, на которыхъ покоились сто двадцать «рожденныхъ» ею книгъ,—тутъ вложено много труда, таланта, знанія, но нужно ли это кому? Не самообманъ ли это, и стоило ли затрачивать столько усилій?...» Тѣмъ не менѣе, до послѣдней минуты она продолжала свою работу и умерла, какъ солдатъ на посту. За четыре дня до смерти она составляла программу апрѣльской книги и разсматривала новыя иностранныя изданія, выбирая нужныя статьи для перевода. Почти наканунѣ смерти она сдѣлала необходимыя распоряженія по выпуску мартовской книги. «А то, боюсь, по случаю моей смерти книга запоздаетъ. Подписчикамъ нѣтъ дѣла до того, жива я или нѣтъ, а книгу они должны получить во время». Сама проредактировала объявленіе для газетъ о своей смерти. «Чтобы поменьше всякихъ жалкихъ словъ. Терпѣть не могу этой показной казенной скорби...»

Эта славная смерть, спокойная и безстрашная, блестяще завершила эту чудную жизнь, богатую впечатлѣніями, полную труда, преданную общественнымъ интересамъ. Умирая въ полномъ разгарѣ своей дѣятельности, Александра Аркадіевна могла съ гордымъ самоудовлетвореніемъ глядѣть на дѣло своей жизни, оставляя его въ цвѣтущемъ и развивающемся видѣ. «Мой журналъ», какъ съ полнымъ правомъ называла она «Міръ Божій», превзошелъ самыя смѣлыя ея ожиданія, и достигла она этого только однимъ — честнымъ, безкорыстнымъ, самоотверженнымъ трудомъ, любовью къ дѣлу и людямъ и правдой, которую одну лишь преслѣдовала покойная, ею руководствовалась и ей служила. «Только правдой можно укрѣпить дѣло и завоевать людей. Все остальное приложится», было ея любимой поговоркой.

Какъ человѣкъ глубоко-религіозный,—не той показной религіозностью, которая состоитъ въ исполненіи обрядовъ (обрядовъ она не исполняла никакихъ),—она вѣрила, что духъ ея не умретъ. И мы вполнѣ раздѣляемъ ея

вѣру. Онъ не умретъ прежде всего въ памяти тѣхъ, кто имѣлъ счастье знать ее и работать вмѣстѣ съ нею, не умретъ и въ томъ дѣлѣ, которое она создала, которое оживляла и которому оставила завѣтъ: служить правдѣ, какъ служила она...

А. Богдановичъ.

Памяти Александры Аркадьевны Давыдовой.

Природа наградила ее тѣмъ тонкимъ, неуловимымъ талантомъ, который французы опредѣляютъ словомъ charme. Уже не молодая, никогда не молодящаяся, — напротивъ, умышленно подчеркивая свои годы, она часто называла себя старухой,—Александра Аркадьевна до послѣднихъ дней жизни умѣла очаровывать, привлекать къ себѣ людей самыхъ различныхъ взглядовъ, положеній и возраста. И въ этомъ очарованіи была большая доля властности.

— Такъ вы это сдѣлаете, голубчикъ? — говорила Александра Аркадьевна мягкимъ, ласковымъ голосомъ, клала свою маленькую, все еще красивую, руку на рукавъ собесѣдника, и почти всегда то, о чемъ она просила, бывало исполнено.

Какъ и большинство живыхъ дѣятельныхъ натуръ, она была властолюбива, но, подчиняя себѣ окружающихъ, она пользовалась ими не для удовлетворенія своихъ мелкихъ желаній, а для *дѣла*. Послѣднія десять лѣтъ, когда интересы издаваемаго ею журнала такъ всецѣло поглотили ее, эти дѣла почти всегда имѣли чисто литературный характеръ. Она любила свой журналъ и какъ важное общественное предпріятіе, и просто какъ свое созданіе, стоившее ей такого упорства и выдержки, стольнихъ тревогъ и волненій. Любила его съ пылкостью цѣльнаго и сильнаго человѣка и одинаково страстно относилась, какъ къ его достоинствамъ, такъ и къ неизбѣжнымъ недостаткамъ.

Получивъ удачную статью, или разсказъ, новаго автора, Александра Аркадьевна съ увлеченіемъ повторяла:

— Нѣтъ, вы прочтите какая прелесть! Ужъ изъ этого, навѣрное, что-нибудь да выработается.

Ея живые, черные глаза блестѣли тогда чисто молодымъ блескомъ, и она спѣшила познакомиться лично, или письменно, съ начинающимъ писателемъ, узнавала продолжаетъ ли онъ писать, нѣтъ ли у него еще чего-нибудь готоваго.

И какъ искренно, опять-таки горячо, огорчалась и сердилась она, когда ея новая надежда дарила ее какой-нибудь сѣрой или скучной вещью.

— Посмотрите-ка, чего онъ тутъ намазалъ. Вѣдь ужъ хуже не могъ написать! — говорила она съ такимъ раздраженіемъ, точно злополучный «онъ» нанесъ ей личную обиду. Потомъ, съ своимъ своеобразнымъ юморомъ, высмѣивала и себя, за эту неостывающую способность увлекаться нарождающимися талантами, и предметъ своего увлеченія.

Иногда, прочитывая въ рукописи сухую, нескладную статью о какомъ-нибудь интересномъ вопросѣ, она сердито ворчала:

— Разведутъ же такую скучищу! Вѣдь ни одна кошка этого читать не станетъ! А напиши это же самое иначе...

Какъ редакторъ-издательница, она обладала большимъ чутьемъ относительно того, что нравится, что интересуетъ широкій кругъ читателей.

— Вѣдь я сама средній читатель, оттого я и знаю,—поясняла она.

Но это была скромность выдающагося человѣка, несправедливаго къ себѣ.

Въ ней совсѣмъ не было тщеславія. Она никогда не выдвигалась впередъ, не старалась обратить на себя вниманіе, подчеркнуть свое вліяніе или значеніе. Да ей это и не нужно было. И безъ ея стараній судьба всегда выдвигала ее изъ толпы сѣрыхъ, рядовыхъ обывателей. Красивая, и сверхъ того обаятельная, Александра Аркадьевна шестнадцати лѣтъ вышла замужъ и, благодаря своему мужу, сразу попала въ тотъ блестящій кругъ выдающихся артистовъ и художниковъ, попасть въ который составляетъ предметъ недостижимыхъ мечтаній для многихъ людей. И въ этомъ кругу она съумѣла занять видное мѣсто, не только какъ жена своего мужа, но и по праву своей даровитости.

Ея жизнь была богата встрѣчами и впечатлѣніями, и это обострило ея врожденную наблюдательность, выработало изъ нея настоящаго психолога.

Когда Александра Аркадьевна бывала въ духѣ и начинала разсказывать о Рубинштейнѣ или Чайковскомъ, о Гаршинѣ или Гончаровѣ, всѣ они проходили передъ вами какъ живые. Нѣсколькими словами, интонаціей, характерной подробностью, юмористическимъ, или трогательнымъ фактомъ она такъ ярко и выпукло умѣла обрисовать фигуры этихъ крупныхъ людей, что въ ея бѣглыхъ очеркахъ они выходили жизненнѣе, чѣмъ въ длинныхъ, подробныхъ біографіяхъ.

— Хоть бы вы, Александра Аркадьевна, записки написали,—часто говорили ей друзья, заслушавшись ея талантливыхъ разсказовъ.

Но, къ сожалѣнью, она не исполнила ихъ просьбы. Диктовать ей не хотѣлось, да и некогда было, а сама она не писала. Можетъ быть, дѣйствительно, она владѣла только талантомъ рѣчи, но не письма.

По крайней мѣрѣ, она никогда не написала ни строчки для своего журнала. Незадолго до послѣдней болѣзни, увлеченная какимъ-то религіознымъ разсказомъ, она хотѣла сама перевести его, но со страхомъ прибавляла:

— Только не знаю, съумѣю-ли?

Но, если въ ней не было литературнаго дарованія, зато былъ талантъ организатора. Руководя такимъ сложнымъ и шаткимъ дѣломъ, какъ журналъ, Александра Аркадьевна пускала въ ходъ всю свою опытность, все знанье людей, всю свою рѣдкую практичность. Но всѣхъ этихъ качествъ было бы мало, безъ ея необычайной способности понимать людей. И внѣшнія условія нашихъ литературныхъ предпріятій, и внутреннія сношенія съ цѣлымъ батальономъ сотрудниковъ, постоянно требовали напряженія ея дипломатическихъ способностей. У большинства писателей самолюбіе почти всегда находится въ состояніи неустойчиваго равновѣсія. Точно въ душѣ ихъ ноетъ незаживающая болячка горделивой обидчивости, и одного прикосновенія къ ней, иногда даже мнимаго, достаточно, чтобы вызвать цѣлую бурю. Это одна изъ трудныхъ и темныхъ сторонъ писа-

тельской психологіи, но Александра Аркадьевна, съ рѣдкимъ тактомъ и умѣньемъ, обходила ее, не задѣвая и не обижая никого.

Тутъ опять-таки она ставила интересы дѣла, журнала, выше своего личнаго тщеславія или мелкаго самолюбія и, пользуясь своимъ charm'омъ, быстро и мягко улаживала возникающія недоразумѣнія и столкновенія. Сдѣлавъ изъ этого журнала центръ своей жизни, она и въ сотрудникахъ цѣнила преданность своему любимому дѣлу и, если говорили о ихъ недостаткахъ, часто отвѣчала:

— Но вы не знаете, какъ такой-то, (или такая-то), преданъ нашему журналу.

Этимъ ее можно было совсѣмъ купить. И она сама часто шутила надъ этой своей слабостью.

Шутить она умѣла такъ же хорошо, какъ и разсказывать. Ея мѣткій, иногда умышленно грубоватый, юморъ поражалъ неожиданностью и какой-то особой, граціозной откровенностью. Александра Аркадьевна никогда не боялась высказать свое мнѣніе, все равно, сходилось ли оно съ ходячими взглядами, или расходилось.

— Это не то... Это не настоящее...—Говорила она о чемъ-нибудь, или о комъ-нибудь, кто былъ въ модѣ, или въ славѣ, но почему-либо не удовлетворялъ ея требованьями.

Понятіе о настоящихъ и не настоящихъ людяхъ у нея было тоже своеобразное. Живя постоянно въ кругу артистовъ,—музыкантовъ, композиторовъ, писателей,—она научилась не прилагать къ людямъ обычной мѣрки шаблонныхъ добродѣтелей и пороковъ, а цѣнила въ нихъ выше всего умъ, доброту, даровитость. Сама занятая съ утра до вечера, она не выносила лѣнтяевъ.

— Бездѣльникъ!—презрительно говорила она, и на ея подвижномъ лицѣ выражалось чуть ли не отвращенье.

Раздражало ее тоже въ людяхъ мотовство и неразсчетливость.

— И какъ это они не понимаютъ, что это просто неприлично, такъ деньгами сорить,—досадливо говорила она.—Сколько можно на эти деньги хорошаго сдѣлать.

Въ своихъ личныхъ расходахъ она была разсчетлива, почти до скупости, откладывая и уменьшая до послѣдней возможности каждую трату. Сколько разъ ворчала она на своихъ сотрудниковъ за ихъ, неизмѣнную для русскаго литератора, привычку брать авансы и убѣдительно доказывала имъ, что это все происходитъ отъ распущенности и невыдержки, и что нельзя же рабочему человѣку не умѣть считать деньги? Но эта, болѣе или менѣе добродушная, воркотня не мѣшала ей, конечно, давать авансы.

Также какъ умѣнье хорошо считать деньги не мѣшало ей оказывать щедрую денежную помощь тѣмъ, кто почему-либо попадалъ въ тяжелыя условія. И она дѣлала это совершенно незамѣтно и безшумно, такъ что многіе, зная ея разсчетливость, и не подозрѣвали въ ней способности быть щедрой для другихъ.

Впрочемъ, Александру Аркадьевну вообще не легко было узнать. Въ ней

была такая смѣсь скрытности и откровенности, прямоты и тактичности, устойчивости и непостоянства, что часто она поражала даже близкихъ людей неожиданностью мнѣній или поступковъ. Но эта перемѣнчивость была чисто внѣшняя, отражалась только на мелочахъ. Въ главномъ, въ достиженіи намѣченной цѣли, она всегда была послѣдовательна и упорна.

Когда Александра Аркадьевна колебалась, не могла ни на чемъ остановиться и нѣсколько разъ мѣняла рѣшеніе, то, въ сущности, это было вызвано не столько нерѣшительностью, сколько привычкой вслухъ высказывать свои соображенія и тоже заставлять другихъ высказываться. Она отлично умѣла изъ каждаго мнѣнія взять то, что въ немъ было разумнаго и практичнаго, и примѣнить все это къ дѣлу. Эта способность особенно пригодилась ей въ первые годы веденья журнала, когда, совсѣмъ неопытная въ этомъ, она старалась совѣтываться съ уже испытанными журналистами и принимала ихъ совѣты къ свѣдѣнію.

Вообще Александра Аркадьевна умѣла слушать, а когда нужно было, такъ и слушаться. Очень женственная по складу натуры, она была совсѣмъ лишена одной изъ самыхъ скверныхъ женскихъ особенностей—безтолковаго, неразумнаго упрямства. Ея капризы,—а она, какъ и всякая женщина, а тѣмъ болѣе баованная, подчасъ капризничала,—носили всегда очень безобидный, несущественный характеръ. Тѣмъ болѣе, что она умѣла съ такимъ забавнымъ остроуміемъ требовать ихъ выполненія, что даже досадывать на нее долго было трудно.

Это остроуміе, вмѣстѣ съ умѣніемъ слушать, придавало большую прелесть разговору съ ней. Умная и чуткая, она удивительно быстро и тонко, безъ словъ понимала чужое настроеніе, схватывала съ одного намека чужую мысль. Оттого съ ней никогда не было скучно. Систематическаго образованія она не получила, но ея живой, быстрый умъ на все отзывался и сразу улавливалъ сущность вопроса.

Но иногда, когда какой-нибудь вопросъ, или книга, казались ей слишкомъ научно-скучными, она, конечно не безъ кокетства, говорила:

— Ну, я этого даже и понять не пробую...

И улыбалась своей милой, лукавой улыбкой. Впрочемъ улыбка, у нея была не одна, а цѣлый арсеналъ ихъ. Мало знакомые люди чаще всего видѣли ея привѣтливую, любезную улыбку. А любезной она умѣла быть, точно маркиза XVIII столѣтія, что не мѣшало ей, улыбаясь, говорить порой безпощадно правдивыя и колкія слова.

Но въ послѣдній годъ она гораздо чаще плакала, чѣмъ смѣялась. Смерть дочери, Лидіи Карловны Туганъ-Барановской, была той безпощадной, ненужной и возмутительной жестокостью судьбы, которая сразу убила въ жизнеспособной и дѣятельной, еще далеко не старой Александрѣ Аркадьевнѣ всѣ интересы стремленія. Правда, въ дочери она потеряла сразу и друга, и помощницу. Туганъ - Барановская унаслѣдовала отъ матери и выдающійся умъ, и дѣятельный характеръ, и тотъ же подкупающій юморъ, только у нея онъ всегда имѣлъ болѣе безобидный характеръ, чѣмъ у матери. Безко-

вечно-добрая, отзывчивая, деликатная, она всегда боялась задѣть, сдѣлать больно кому-нибудь. Въ ея шутливой веселости было что-то дѣтски-подкупающее, въ ней чувствовалась чистота человѣка, съумѣвшаго, при всей наблюдательности и проницательности, сохранить душевную свѣжесть и нетронутость, особенно поражающую въ литературномъ, все анализирующемъ кругу. У нея былъ совершенно особенный талантъ общественности, вытекающій изъ ея ненасытной любви къ людямъ и къ жизни.

И смерть ея была тяжелой, незамѣнимой утратой не только для тѣхъ, кто имѣлъ счастье считать себя въ числѣ ея друзей, но и для большого круга знакомыхъ. Но нечего и говорить, что, какъ бы сильно ни было горе другихъ близкихъ, никто не ощутилъ весь ужасъ этой потери съ такой жгучей, не заживающей болью, какъ мать. И эта же боль свела ее въ могилу. Сердце не выдержало не ослабѣвающаго напряженія тоски и отчаянія.

Да и въ сущности весь послѣдній годъ жизни Александры Аркадьевны былъ только мучительной агоніей. Дѣятельная натура толкала ее къ работѣ, она умомъ отлично сознавала, что на ней лежатъ извѣстныя обязанности, что она для многихъ еще можетъ быть полезна и нужна. И она автоматически, по привычкѣ, продолжала работать и заниматься, но во всемъ этомъ уже не было и слѣда прежней горячности и увлеченія. Точно вмѣстѣ съ дочерью что-то погибло, умерло въ ея душѣ...

А. Вергежскій.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Подъ бременемъ визитной карточки. Почтово-телеграфное дѣло, сдѣлавшееся одной изъ видныхъ доходныхъ статей въ нашемъ государственномъ бюджетѣ, слишкомъ мало считается съ интересами населенія съ одной стороны и съ интересами многочисленныхъ, но все еще далеко не достигающихъ самой скромной нормы почтово-телеграфныхъ работниковъ съ другой. Высокіе тарифы на пересылку писемъ и еще болѣе произведеній печати, а вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелый, часто совершенно непосильный трудъ служащихъ,—таковы основные недостатки почтово-телеграфнаго дѣла, недостатки, настоятельно требующіе его полной реорганизаціи. Весьма характерной иллюстраціей того положенія, въ какое ставитъ служащихъ тяжелая почтовая работа, является только что разобранное саратовской судебной палатой дѣло самарскихъ почтальоновъ, павшихъ подъ непосильнымъ бременемъ праздничной корреспонденціи, состоявшей главнымъ образомъ изъ визитныхъ карточекъ. Передаемъ сущность этого процесса со словъ «Самарской Газеты».

На пятый день Пасхи прошлаго года самарскіе ребятишки, удившіе рыбу на берегу Волги, вытащили изъ воды свертокъ, который состоялъ изъ сотни почтовыхъ отправленій, въ томъ числѣ около 90 бандеролей съ поздравительными карточками и нѣсколько писемъ. Когда онъ былъ доставленъ въ самарскую почтовую контору, мѣстныя власти тотчасъ же опредѣлили по адресамъ, что всѣ корреспонденціи подлежали раздачѣ въ VII почтальонскомъ участкѣ, который былъ порученъ Андрею Краснову и помощнику его Дмитрію Комиссарову. Будучи допрошены начальникомъ, оба они не только чистосердечно сознались, что наканунѣ, 4 апрѣля, бросили найденный теперь пакетъ въ рѣку, но также добавили, что 2 апрѣля они тѣмъ же путемъ освободились отъ другого пакета, въ которомъ находилось приблизительно столько же поздравительныхъ бандеролей.

По объясненію обвиняемыхъ, Красновъ, опытный почтальонъ, только что былъ назначенъ въ участокъ и не успѣлъ еще изучить его, чтобы имѣть возможность находить адресатовъ безъ посторонней помощи. Комиссаровъ, командированный къ нему въ виду значительнаго протяженія участка (въ

него входили 34 квартала), не могъ оказать ему большого содѣйствія, такъ какъ не зналъ ни участка, ни почтовой службы. Между тѣмъ, въ послѣдніе дни передъ Пасхой пришлось усиленно работать съ разборкой писемъ, а начиная съ Свѣтлаго Воскресенья приходилось ежедневно разносить около 5.000 отправленій. Ложились въ 12 час., въ 2 час. будили, нужно было сидѣть за разборкой до 6 часовъ, затѣмъ съ 6 час. утра до 11 вечера разноска, отъ 11—12 час. вечера опять разборка. Итакъ дней семь подрядъ безъ всякой передышки; даже ѣсть приходилось не дома, а въ конторѣ, между дѣломъ. По шагомѣру, который заводился и замыкался завѣдующимъ разноскою, каждый изъ обвиняемыхъ проходилъ по 30 верстъ въ среднемъ, считая всѣ лѣстницы, чердаки и подвалы.

Какъ то Красновъ принесъ обратно нѣсколько писемъ и былъ за это оштрафованъ 2 рублями (изъ 17 р. жалованья!) съ предупрежденіемъ, что при повтореніи проступка онъ, несмотря на свою 5-лѣтнюю безпорочную службу, будетъ вынужденъ подать въ отставку. И Красновъ, и Комиссаровъ—люди семейные. Когда съ перваго же дня Пасхи осталась залежь, они, боясь вернуться съ ней въ контору, оставили у знакомой, чтобы разнести ее поутру, но къ вечеру второго дня нерозданныхъ отправленій оказалось вдвое больше. Тогда они, сговорившись между собою, бросили оставшіяся отправленія въ Волгу. На третій и четвертый день повторилась та же исторія; къ тому же, Красновъ мучился лихорадкой, но его некѣмъ было замѣнить, и онъ, больной, ходилъ по городу.

Судъ, очевидно, довѣряя подсудимымъ, рѣшилъ не провѣрять ихъ показаній допросомъ свидѣтелей.

Товарищъ прокурора въ своей обвинительной рѣчи исходилъ изъ мысли, что разъ человѣкъ далъ присягу, онъ долженъ исполнить свой служебный долгъ во чтобы то ни стало. Конечно, работа почтальона чрезвычайно тяжела, однако, не превышаетъ силы человѣка, что видно хотя бы изъ числа подсудимыхъ: ихъ не 12, а только двое. Само собою разумѣется, тяжкое положеніе подсудимыхъ можетъ служить обстоятельствомъ, смягчающимъ ихъ вину, и даже въ путяхъ Монаршаго милосердія—повести къ пониженію наказанія сравнительно съ низшимъ размѣромъ его по закону.

Защитникъ О. Г. Гиршфельдъ, имѣя въ виду, что все направленіе нашего фабричнаго законодательства ведетъ къ ограниченію работы 8 часами,—промежуткомъ, не истощающимъ силъ человѣка, указывалъ, что 22 часовая работа въ теченіе нѣсколькихъ дней подъ рядъ—явленіе совершенно ненормальное; которое должно привести трудящагося къ полной нравственной подавленности, въ такомъ состояніи человѣкъ уже не управляетъ своими дѣйствіями и не въ силахъ предвидѣть всѣхъ ихъ послѣдствій. Говорятъ, что другіе почтальоны справлялись же со своей задачей... Однако, необходимо помнить, что участокъ Краснова былъ особенно великъ, что именно поэтому начальство командировало въ помощь ему Комиссарова; помощь, впрочемъ, оказалась незначительной: что вскорѣ послѣ Пасхи число почтальонскихъ участковъ въ городѣ увеличено съ 12 до 14. Если на скамьѣ подсудимыхъ только двое, то это значитъ лишь,

что противъ остальныхъ почтальоновъ не имѣется уликъ. Защитникъ проситъ примѣнить ст. 96, говорящую о невмѣненіи въ вину дѣяній, совершенныхъ въ состояніи умопомраченія или совершеннаго безпамятства, если же палата не найдетъ этого возможнымъ, то ходатайствовать передъ Государемъ о помилованіи.

На основаніи ст. 1.100 улож., палата приговорила обоихъ обвиняемыхъ лишить всѣхъ особенныхъ правъ и заключить въ тюрьму на восемь мѣсяцевъ каждаго.

Производительность труда на русскихъ и англійскихъ фабрикахъ. Незначительное, съ 24-хъ до $21^1/_2$ часа въ сутки, сокращеніе рабочаго времени, установленное на нашихъ фабрикахъ закономъ 1898 г., хотя и вызвало замѣтное повышеніе производительности труда, но и теперь еще въ этомъ отношеніи русскій рабочій остается далеко позади своего европейскаго собрата. Въ области ткацкаго производства г. Д. Ф. приводитъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», для сравненія успѣшности работы нашихъ фабрикъ съ англійскими слѣдующія числовыя данныя полезной работы въ единицу времени выраженныя въ процентахъ:

Названіе товара.	% полезной работы. Для нашихъ работъ.	Для англійскихъ.
Миткаль 1	78	83—93
» 3	76	84—94
Молескинъ	84	88—95
Жекардъ	83	83—92
Бязь	79	90—94
Деминотонъ	81	90—94

Для Россіи г. Д. Ф. взялъ данныя одной изъ лучшихъ фабрикъ. Данныя для англійскихъ фабрикъ сообщены автору компетентнымъ лицомъ, причемъ меньшія цифры въ первомъ столбцѣ относятся къ старымъ фабрикамъ, а большія во второмъ столбцѣ къ новымъ и къ тѣмъ, гдѣ большинство рабочихъ заинтересовано въ предпріятіи. Итакъ, если въ извѣстное время русскій ткачъ *при всѣхъ техническихъ улучшеніяхъ* сработаетъ 78 арш. миткаля, то англійскій ткачъ въ то же время успѣваетъ сработать больше отъ 5 до 15 аршинъ. Для уясненія причинъ, понижающихъ производительность работы русскихъ ткацкихъ фабрикъ съ прекрасными техническими улучшеніями даже со старыми англійскими фабриками, г. Д. Ф. сравниваетъ тѣ условія, которыя вліяютъ на производительность труда.

Рабочее время. Англійскій ткачъ работаетъ въ недѣлю 56 часовъ, русскій $\frac{27,5}{2}$. Распредѣленіе рабочаго времени англійскаго ткача ежедневно отъ 7-ми до $8^1/_2$, 9—1, 2—7-ми часовъ, всего $10^1/_2$ часовъ. Въ субботу кончается работа въ 12 часовъ, а начинается въ понедѣльникъ въ 9 часовъ. На тѣхъ русскихъ фабрикахъ, гдѣ строго придерживаются законнаго времени, денные ткачи работаютъ отъ 6-ти до 12-ти и съ 2-хъ до $7^1/_2$ часовъ, всего 11,5 часовъ въ день, а въ недѣлю 69 часовъ. Смѣнные ткачи работаютъ $21^1/_2$ часъ въ день, а въ субботу 20 часовъ.

Время распредѣляется слѣдующимъ образомъ.

Первая женская смѣна: отъ 4-хъ утра до 10-ти час. дня и съ 4-хъ час. дня до $9^1/_2$ вечера, всего 11,5 часовъ, въ субботу только не до $9^1/_2$, а до 8-ми час. Въ недѣлю—67,5 часа.

Вторая мужская смѣна: отъ 10-ти час. дня до 4-хъ час. дня и отъ $9^2/_2$ вечера до $1^1/_2$ час. ночи. Въ субботу до 12-ти час. ночи, а не до $1^1/_2$ час. Всего въ недѣлю 60 часовъ. Въ самомъ благопріятномъ условіи по количеству рабочаго времени въ недѣлю находится мужская смѣна, такъ какъ работаетъ въ недѣлю всего 60 часовъ, а на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ работа оканчивается въ 6 часовъ по субботамъ, число часовъ работы въ недѣлю = 57-ми часамъ. Къ неблагопріятному времени работы мужской смѣны для бо́льшей производительности можно отнести время ея работы отъ $9^1/_2$ до $1^1/_2$ часа ночи и, главнымъ образомъ, время отъ $11^1/_2$ до $1^1/_2$ часа. Въ неблагопріятныхъ условіяхъ по количеству рабочаго времени=69-ти час. и въ благопріятныхъ условіяхъ по распредѣленію времени работы находятся денные ткачи, такъ какъ бо́льшая часть времени работы происходитъ при денномъ свѣтѣ. Хотя число часовъ работы денныхъ ткачей превышаетъ число часовъ англійскихъ ткачей на 13 въ недѣлю, чѣмъ понижается интенсивность труда, но зато денные рабочіе могутъ при благопріятныхъ условіяхъ домашней жизни вести свою жизнь болѣе нормально.

Въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ находятся рабочіе первой смѣны, которая почти исключительно состоитъ изъ женщинъ. Всего часовъ работы, какъ было указано выше,—67,5 часовъ, что̀ превышаетъ число часовъ работы ткачей въ Англіи на $11^1/_2$, а поэтому интенсивность труда, конечно, понижается. Сравнивая время работы англійскихъ ткачей съ русскими первой смѣны, мы видимъ, что русскіе работаютъ отъ 4 хъ до 7-ми и отъ 7-ми до $9^1/_2$ часовъ—время, которое не можетъ быть (по времени дня) столь продуктивнымъ, какъ время работы англійскихъ ткачей отъ 2-хъ до 7-ми часовъ вечера. Слѣдовательно, продуктивность русскихъ ткачей отъ количества часовъ работы и отъ распредѣленія времени работы. Отъ времени работы зависитъ образъ жизни рабочаго, а отъ образа жизни рабочаго зависитъ его трудоспособность.

На образъ жизни рабочаго вліяетъ устройство его жилища. Въ Англіи каждое рабочее семейство имѣетъ свою квартирку, состоящую изъ четырехъ комнатъ, расположенныхъ въ двухъ этажахъ. Квартирки зажиточныхъ рабочихъ отъ болѣе бѣдныхъ отличаются только нѣкоторымъ размѣромъ комнатъ, маленькой пристройкой для кухни и для ванной комнаты во второмъ этажѣ и убранствомъ самихъ комнатъ. Передъ квартиркой — всегда почти маленькій садикъ, а сзади дворикъ съ сарайчикомъ. Размѣръ комнатъ 13×13 футовъ, а вышина 9,5 фута. Первая комната гостиная, вторая — столовая и кухня, а наверху спальни. Число спаленъ увеличивается перегородками. Отопленіе или газовое или углемъ. Освѣщеніе—газовое. Если семейство состоитъ изъ двухъ членовъ, то оно поселяется часто у родныхъ, чтобы не вести своего хозяйства и обоимъ работать. При большомъ семействѣ, какъ въ 5—6 человѣкъ, хо-

зяйка не работаетъ на фабрикѣ, или же въ домъ приглашается родственница за плату для веденія хозяйства. Утромъ все семейство встаетъ въ одно время, и почти всѣ уходятъ на работу; но если дѣти еще малы, то они отправляются въ школы. Обѣдаютъ (завтракаютъ) всѣ въ одно время. Пища, конечно, питательнѣе постной пищи, которая сильно изнуряетъ организмъ нашихъ рабочихъ. Вечеромъ всѣ въ одно время ужинаютъ (обѣдаютъ), а затѣмъ рабочіе или занимаются своими домашними дѣлами, или идутъ въ рабочій клубъ, или же въ театръ. Въ 10—11 часовъ всѣ ложатся обыкновенно спать. Если предположимъ даже, что семейство состоитъ изъ десяти членовъ, то воздуха въ четырехъ комнатахъ по $13 \times 13 \times 9{,}5 = 1605{,}5$ кубическихъ футовъ, всего 6,422 кубическихъ футовъ, такъ что на каждаго человѣка приходится 642,2 кубическихъ футовъ; но въ среднемъ можно считать 1,000 куб. футовъ на человѣка, что составляетъ въ 4—5 разъ больше, чѣмъ приходится воздуха для нашего рабочаго. Слѣдовательно, англійскій рабочій послѣ утомительной работы приходитъ домой, гдѣ чистый воздухъ, гдѣ онъ одинъ со своимъ семействомъ и можетъ дѣлать все, что ему угодно. Совсѣмъ другую картину представляетъ жизнь нашихъ рабочихъ. Обыкновенно въ одной комнатѣ въ одно окно помѣщаются два семейства; въ комнатѣ въ два окна помѣщаются четыре семейства, и въ этомъ случаѣ число лицъ равняется 8-ми человѣкамъ, а черезъ нѣкоторое время оно достигаетъ и двѣнадцати, такъ какъ при фабрикахъ чувствуется большой недостатокъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ, и все бо̀льшее число людей помѣщается въ каждое жилое помѣщеніе. Въ четвертомъ часу утра женщины встаютъ, чтобы идти работать, но предварительно несутъ въ печи горшки съ кашей и супомъ. Вставаніе и приготовленіе пищи нарушаетъ сонъ остающихся. Впродолженіи всего дня одна часть рабочихъ уходитъ на работу, а другая приходитъ; впродолженіи всего дня по очереди ѣдятъ, а ночью, когда оставшіеся уже спятъ, въ $1^1/_2$ час. приходитъ послѣдняя смѣна и нарушаетъ тишину. При такихъ условіяхъ русскій ткачъ не имѣетъ спокойнаго сна, не имѣетъ мѣста для отдыха. Еще въ худшемъ положеніи находятся тѣ, которымъ не досталось хозяйскаго помѣщенія. Послѣднимъ приходится нанимать часто за 3—5 рублей уголъ, т.-е. часть комнаты. Въ этомъ случаѣ родители спятъ на постели, а дѣти подъ постелью. Въ хозяйскомъ помѣщеніи есть коридоры, кухни, гдѣ могутъ играть дѣти, а въ наемныхъ квартирахъ дѣти живутъ безъ опредѣленнаго мѣста. Въ самомъ худшемъ положеніи находится женщина-ткачиха, такъ какъ она по несчастной случайности должна работать не 10 часовъ въ день, какъ мужчина, а $11^1/_2$ часовъ, а заработокъ дѣлить пополамъ съ мужчиной. Все хозяйство, а слѣдовательно, и столкновенія съ другими жильцами комнаты приходятся на долю женщины. Мытье бѣлья, уходъ за дѣтьми и шитье, все приходится на долю женщины. Если къ этому прибавить, что на нѣкоторыхъ фабрикахъ въ больницахъ, въ баняхъ, въ лавкахъ и прачечныхъ приходится ждать очереди цѣлыми часами, то понятно будетъ, что продуктивность работы русской ткачихи стоитъ гораздо ниже англійской.

Теперь приходится затронуть еще вопросы о техническихъ усовершенство-

ваніяхъ и способѣ оцѣнки труда. Пряжа, употребляемая у насъ на тѣ же сорта тканей, которые работаются въ Англіи, гораздо крѣпче и чище. Наши благоустроенныя фабрики не уступаютъ новымъ англійскимъ фабрикамъ, но зато наши старыя фабрики, которыя по 20—25 лѣтъ не мѣняютъ машинъ и скупятся на ремонтъ машинъ, далеко отстаютъ отъ англійскихъ. Качество англійскаго товара для колоній стоитъ ниже нашего товара для Юга и Сибири. Что же касается оцѣнки труда, то она совершается въ Англіи по строго установленной формѣ. Форма оцѣнки устанавливается союзами рабочихъ, цѣна же за единицу труда измѣняется и устанавливается въ зависимости отъ рынка предпринимателемъ и союзомъ рабочихъ. У насъ же нѣтъ строгой оцѣнки труда, а цѣны измѣняются черезъ годъ, полгода и даже черезъ двѣ недѣли. Каждый рабочій знаетъ, что если онъ слишкомъ станетъ поднимать выработку, то скоро послѣдуетъ убавка цѣны безъ всякихъ на то внѣшнихъ причинъ, а это, въ свою очередь, понижаетъ интенсивность труда.

Таковы причины, имѣющія вліяніе на производительность труда на русскихъ фабрикахъ.

Изъ прошлаго. «Саратовскій Дневникъ» извлекаетъ изъ только что вышедшаго третьяго тома «Литературы и просвѣщенія въ Россіи XIX вѣка» (прилож. къ «Ученымъ запискамъ» казанскаго университета) собранныя проф. Бобровымъ интересные матеріалы о Платонѣ Степановичѣ Нахимовѣ, бывшемъ инспекторомъ студентовъ московскаго университета въ періодъ съ 1834 по 1848 годъ.

П. С. Нахимовъ, братъ знаменитаго адмирала и самъ морякъ, оставилъ по болѣзни службу во флотѣ и вышелъ въ 1827 г. въ отставку капитаномъ 2-го ранга. Онъ былъ человѣкомъ необычайно добрымъ, и проф. Бобровъ приводитъ два факта, которые ярко рисуютъ отношенія Платона Степановича къ студентамъ.

1) «Во время революціи 1848 года университетъ былъ сильно возбужденъ. Это было первое начало, когда въ эпоху 40-хъ годовъ въ массѣ студентовъ зародился интересъ къ соціальнымъ вопросамъ. Устроился студенческій клубъ. Нанята была особая квартира, гдѣ и собиралось до 400 человѣкъ, доставали всѣ иностранныя газеты и брошюры, шли оживленные толки. Вдругъ въ самомъ разгарѣ Платонъ Степановичъ прислалъ за вожаками клуба, которыхъ онъ безошибочно угадалъ, потому что вообще зналъ чуть не каждаго студента, а почему-либо выдающихся—очень коротко.

«Платонъ Степановичъ вышелъ нѣсколько озабоченный и болѣе серьезный, чѣмъ обыкновенно.

«У васъ тамъ клубъ господа?»—«Да, есть, Платонъ Степановичъ».—«И, конечно, есть всякаго рода запрещенныя изданія?»—«Есть, Платонъ Степанович».—«Ну, такъ вотъ что я вамъ скажу, господа! Все это дошло до жандармскаго начальства; не сегодня—завтра у васъ сдѣлаютъ обыскъ: такъ вы клубъ этотъ немедленно закройте; все, что есть запрещеннаго, пришлите ко мнѣ, да не забудьте въ каждое такое сочиненіе вложить закладку, кому оно принадлежитъ: уляжется все—стану раздавать, такъ, пожалуй, перемѣшаю.

Да, пожалуйста, ведите себя поосторожнѣй! Вѣдь ни за грошъ пропадете. Послѣ одумаетесь, чушь эта сама изъ головы выпадетъ, а ушлютъ кого-нибудь, погубятъ ни за грошъ—и на себя послѣ пенять станете, да и меня нехорошимъ словомъ помянете: вотъ, скажете, старикъ-ротозѣй не умѣлъ во время предупредить».

«И, дѣйствительно, клубъ мы закрыли, запрещенныя изданія съ закладками снесли къ Платону Степановичу, а онъ, когда все улеглось, возвращая ихъ назадъ, не перемѣшалъ».

2) «Когда казенные студенты обѣдали въ столовой, Платонъ Степановичъ никогда не ходилъ; вдругъ онъ явился туда, къ общему изумленію. Добродушно переходилъ онъ отъ стола къ столу и разговаривалъ со студентами; отходя отъ одного изъ столовъ, онъ снова обернулся и сказалъ: «Ахъ, господа! Я забылъ вамъ еще сказать вотъ что: когда вамъ нужно у себя въ номерѣ что-нибудь такое, что вы не хотите, чтобы до меня дошло, дѣлайте это, когда господинъ Р. ушелъ».

«Затѣмъ Платонъ Степановичъ ушелъ. Р. былъ казенный студентъ изъ семинаристовъ; привыкнувъ наушничать отцу-ректору, онъ хотѣлъ примѣнить эту систему и къ Платону Степановичу, но не ожидалъ, конечно, такого исхода» (Колюпановъ, стр. 538).

Проф. Бобровъ заимствуетъ нѣсколько страницъ изъ Писемскаго, который, изображая московское студенчество въ своемъ романѣ «Взбаломученное море», далъ портретъ Платона Степановича,— по словамъ проф. Боброва,—исторически вѣрный и подтверждаемый другими свидѣтелями.

Ирбейское дѣло. Корреспонденту «Сибирской Жизни» случилось встрѣтиться съ людьми, проживающими въ Ирбейской волости, гдѣ въ прошломъ году произошло страшное избіеніе крестьянами татаръ-конокрадовъ. Естественно, разговоръ шелъ почти исключительно объ этихъ событіяхъ, на которыя собесѣдники корреспондента пролили новый свѣтъ.

Въ Ирбейской волости прочно основывались татары-конокрады. Это были своего рода коммерсанты, они воровали лошадей и требовали съ потерпѣвшихъ дани за возвратъ украденныхъ лошадей. Такой данью были обложены всѣ крестьяне Ирбейской волости. Татары жили безбѣдно своимъ промысломъ, а крестьяне должны были работать и на себя, и на татаръ, обложившихъ ихъ данью.

Конечно, при энергическомъ вмѣшательствѣ властей можно было бы постепенно уничтожить такой въ высшей степени ненормальный порядокъ вещей. Но власти относились пассивно, а крестьяне не были достаточно сплочены, чтобы бороться на легальной почвѣ съ этими новыми «баскаками».

Вспышка народной злобы вызвана была слѣдующимъ событіемъ.

У одного крестьянина украли лошадей, въ томъ числѣ одну очень хорошую. За возвращеніе лошадей конокрады-татары потребовали 50 рублей, а потомъ уступили изъ этой суммы 20 руб.

Крестьянинъ обратился къ начальству; но послѣднее, при недостаткѣ доказательствъ, не могло помочь его горю. Крестьяне рѣшили сдѣлать мѣтки на

кредитныхъ бумажкахъ, которыя потерпѣвшій отдалъ конокрадамъ. По этимъ мѣткамъ конокрады были уличены и арестованы. Но ихъ единомышленники не дремали и рѣшили отомстить смѣльчаку, рѣшившему сбросить съ себя это своеобразное «татарское иго». Они ночью забрались во дворъ смѣльчака и зарѣзали весь скотъ; пораспарывали животы коровамъ и такъ оставили во дворѣ.

Это было каплей, переполнившей сосудъ.

Крестьяне смежныхъ деревень сговорились бить татаръ и не давать имъ пріюта у себя, если они будутъ перебѣгать изъ деревни въ деревню.

Расправа крестьянъ съ татарами была въ высшей степени жестока. Татаръ убивали въ домахъ. Одна дѣвочка, лѣтъ 12, побѣжала на рѣку Канъ во время ледохода. Ее замѣтили и устроили на нее облаву, какъ на звѣря, засыпая градомъ пуль и, наконецъ, добрались на лодкѣ до нея и веслами спихнули въ воду. Она молила палачей оставить ей жизнь, обѣщая креститься, но они отвѣтили: «не надо намъ тебя!»

Разбѣжавшихся по тайгѣ татаръ добивали на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ встрѣчали. Пощажена была лишь одна семья татаръ, не занимавшаяся конокрадствомъ и не якшавшаяся съ конокрадами. Разсвирѣпѣвшая толпа хотѣла убить одного коренного крестьянина, слывшаго за коновода конокрадовъ. Пріѣхавшія власти спасли его отъ смерти, въ тотъ же моментъ, когда крестьяне дрекольями поднимали амбаръ (на стойкахъ), чтобы задавить имъ скрывшагося тамъ атамана конокрадовъ.

Несомнѣнно, замѣчаетъ корреспондентъ, что за всѣ эти жестокости придется поплатиться крестьянамъ не дешево. Но невольно возникаетъ вопросъ,— нельзя ли было предотвратить катастрофу болѣе энергичными мѣрами по отношенію къ конокрадамъ? На этотъ вопросъ не можетъ быть иного отвѣта, кромѣ утвердительнаго, тѣмъ болѣе, что въ мѣстной печати задолго до прискорбнаго случая появлялись сообщенія о могущей быть катастрофѣ.

Изъ жизни сибирскаго духовенства. Изъ-за Байкала въ «С.-Петербургскія Вѣдомости» пишутъ на старую, но, къ сожалѣнію, далеко не устарѣвшую тему о низкомъ уровнѣ просвѣщенности нашихъ служителей церкви, въ особенности въ Сибири, гдѣ священникъ, при отсутствіи культурной среды на мѣстѣ служенія, быстро отрѣшается и отъ того немногаго, что онъ вынесъ изъ семинаріи? Гдѣ-нибудь въ глуши,—а глушь въ Сибири преобладаетъ,— онъ оказывается вполнѣ безсильнымъ противостоять одичанію среди инородческаго или полуинородческаго населенія. «Мы,—говоритъ корреспондентъ,—знаемъ факты обращенія лицъ духовнаго званія къ шаманамъ; знали одного дьякона (потомъ священника), который, пуская бумажнаго змѣя, увѣрялъ инородцевъ, что это—пакетъ, посылаемый имъ въ небесную канцелярію съ запросомъ насчетъ размѣра платы за требы. Положимъ, это было давно: лѣтъ 10—12 тому назадъ. Но вотъ вамъ факты животрепещущей дѣйствительности.

«Миссіонеръ провѣдалъ, что нѣкая крещеная имъ бурятка Хамбаева, хотя и не уклоняется отъ исповѣди и причастія, но продолжаетъ поклоняться бурханамъ.

«Однажды онъ неожиданно нагрянулъ въ ея юрту и дѣйствительно увидѣлъ на полкѣ рядомъ съ иконой буддійскаго божка. Миссіонеръ возбуждаетъ дѣло, и Хамбаева за отступничество отъ православія предается окружному суду. На процессѣ выясняется, что бурятка была крещена 14 лѣтъ. По-русски она рѣшительно ничего не понимаетъ. Миссіонеръ заявляетъ, что онъ долго увѣщевалъ ее, но всѣ его усилія были напрасны.

«— На какомъ языкѣ вы объяснялись съ ней?—спрашиваетъ защитникъ.

«— На бурятскомъ.

«— Вы хорошо говорите по-бурятски?

«— Ми... да, болѣе или менѣе.

«На просьбу защитника произнести нѣсколько фразъ по-бурятски, миссіонеръ забормоталъ что-то, но на такомъ языкѣ, на которомъ ни одинъ народъ на земномъ шарѣ не говоритъ. Ясно было, что самыя краснорѣчивыя увѣщанія, произносимыя на этомъ діалектѣ, оставались для Хамбаевой совершенно непонятными. На вопросъ предсѣдателя (черезъ переводчика) о виновности, подсудимая выражаетъ изумленіе: она никого не убила и никогда ничего не украла. Предсѣдатель формулируетъ вопросъ иначе. Онъ спрашиваетъ: кому она молится? Бурятка cum sancta simplicitate отвѣчаетъ: «Христу и бурхану». Судъ отнесся снисходительно къ этой наивной «преступницѣ» и приговорилъ ее къ отдачѣ на увѣщаніе. Нужно было видѣть смущеніе о. миссіонера. «Опять увѣщевать!»—не удержался онъ, чтобъ не воскликнуть. И въ самомъ дѣлѣ, есть отъ чего придти въ отчаяніе! Извольте объясняться съ глупой буряткой на невѣдомомъ никому какомъ-то волапюкѣ! При такихъ условіяхъ, несомнѣнно, гораздо проще и для самой подсудимой вразумительнѣе предоставить дѣло свѣтской власти...

Въ Финляндіи. Въ «Финляндской Газетѣ» напечатано: «Происшествія, сопровождавшія объявленіе Высочайшаго манифеста 29-го іюня 1901 года въ двухъ гельсингфорскихъ лютеранскихъ церквахъ 3-го и 10 го февраля, вызвали много разныхъ противорѣчивыхъ толковъ. Въ виду сего редакція «Финляндской Газеты» даетъ мѣсто послѣдовательному изложенію какъ самыхъ происшествій, такъ и подготовившей ихъ агитаціи.

«Высочайшимъ манифестомъ отъ 29-го іюня (12 іюля) 1901 г. объявлено было объ изданіи Высочайше утвержденнаго для Великаго Княжества Финляндскаго новаго устава о воинской повинности. Вскорѣ послѣ этого въ г. Гельсингфорсъ начали съѣзжатся многіе депутаты чрезвычайнаго сейма 1899 года и другія лица, извѣстныя своею политическою дѣятельностью.

«Послѣ нѣсколькихъ частныхъ сходокъ, главнымъ образомъ на квартирѣ извѣстнаго политическаго дѣятеля Мехелина, всѣ вышеупомянутыя лица и многія другія собрались 4-го (17 го) августа на островѣ Тургольмъ (близъ г. Гельсингфорса), гдѣ и выработали прокламацію къ пасторамъ, въ коей обращались къ духовнымъ пастырямъ народа, чтобы они личнымъ примѣромъ неподчиненія названному Высочайшему повелѣнію повлекли бы къ тому же своихъ прихожанъ и отнюдь не объявляли бы, какъ то требуется закономъ, съ церковныхъ

кассаръ Высочайшаго манифеста о воинской повинности, «дабы тѣмъ не дать новому постановленію даже тѣни закона *)».

«Вслѣдъ за этой прокламаціей среди населенія начала распространяться другая, подъ заглавіемъ «Какъ слѣдуетъ поступать въ дѣлѣ воинской повинности» и подписанная: «Нѣкоторые сеймовые депутаты».

«Въ послѣдней прокламаціи, обращенной «къ почтеннымъ гражданамъ», рекомендуется прихожанамъ обратиться черезъ депутаціи къ пасторамъ съ просьбами не объявлять Высочайшаго манифеста, а если послѣдніе не дадутъ рѣшительнаго отвѣта, то заявить въ церкви дружный протестъ, лишь только пасторъ начнетъ чтеніе, не останавливаясь даже передъ самыми энергичными мѣрами для его прерванія, послѣ чего безотлагательно всѣмъ выходить изъ церкви.

«Кромѣ этихъ прокламацій, въ краѣ появилось громадное количество всевозможныхъ брошюръ и листковъ, помѣченныхъ главнымъ образомъ Стокгольмомъ и Штетиномъ, въ коихъ народу представлялся въ самомъ извращенномъ видѣ новый уставъ о воинской повинности. Слѣдуя намѣченной въ вышеприведенныхъ прокламаціяхъ программѣ, пасторы во многихъ церквахъ отказались, какъ извѣстно, отъ объявленія Высочайшаго манифеста,—нѣкоторые войдя съ ходатайствомъ въ Императорскій финляндскій сенатъ объ избавленіи ихъ отъ такой обязанности, другіе же подавъ весьма рѣзкіе отзывы, въ коихъ заявляли, что «не могутъ признавать за Высочайшимъ манифестомъ силы и значенія закона», а потому «по долгу совѣсти и не могутъ объявить ихъ народу, какъ законъ безъ содѣйствія тѣмъ правонарушенію и измѣны принятой ими присягѣ». Однако Императорскій финляндскій сенатъ отказалъ во всѣхъ ходатайствахъ пасторовъ и предписалъ консисторіямъ принять соотвѣтственныя мѣры къ скорѣйшему обнародованію новаго закона.

«Временемъ, потребнымъ для разсылки по всей финляндской окраинѣ «Сборника постановленій», содержащаго Высочайшій манифестъ о воинской повинности, а также задержкою нѣкоторыми магистратами передачи означеннаго «сборника постановленій» въ надлежащія пасторскія управленія, причемъ нюстадскій магистратъ даже не передалъ его вовсе, основываясь на томъ, что «новый уставъ не можетъ имѣть въ Финляндіи силы закона», — усердно воспользовалась преступная агитація, подготовивъ къ противодѣйствію вліятельную интеллигенцію, а въ нѣкоторыхъ немногихъ общинахъ—и самый народъ.

«При началѣ чтенія Высочайшаго манифеста въ иныхъ церквахъ отдѣльныя личности, главнымъ образомъ изъ интеллигентовъ, обращались къ пастору съ заявленіемъ будто бы отъ имени прихожанъ «не читать документовъ, состоявшихся въ порядкѣ, не установленномъ основными законами», въ другихъ пре-

---

*) Объявленіе въ церквахъ производится частью въ силу положительнаго закона, отчасти по установившемуся обычаю и произвольно. Къ перваго рода объявленіямъ относятся узаконенія, помѣщаемыя въ «Сборникѣ постановленій» съ пометкой «публиковать въ церквахъ», причемъ многія узаконенія, помѣщаемыя въ семъ «Сборникѣ», не имѣютъ таковой пометки, но равно съ первыми пріобрѣтаютъ силу закона.

рывали чтеніе пѣніемъ псалма «Господь наша могучая защита» или шумно выходили изъ церкви».

«Въ сиббоской же церкви (Нюландской губ.) нѣкоторыя интеллигентныя лица позволили себѣ насильно удалять желавшихъ слушать чтеніе Высочайшаго манифеста, а при выходѣ пастора изъ церкви—вырвать у него документы, толкать и давать пинки.

«Обращавшіеся къ пасторамъ съ приведенными заявленіями и призывавшіе прихожанъ начинать пѣніе псалма, не назначеннаго, какъ то требуется § 24-мъ церковнаго уложенія, пасторомъ на этотъ день, были привлекаемы къ судебной отвѣтственности, но оправдываемы мѣстными судами».

«Несмотря на категорическое указаніе сената и епископовъ, нѣкоторые пасторы все-таки не приступили къ чтенію Высочайшаго манифеста о воинской повинности, за что и привлечены къ подлежащей отвѣтственности; для объявленія же съ церковныхъ каѳедръ новаго закона были вмѣсто нихъ командированы не имѣющіе приходовъ пасторы, изъ коихъ пасторъ Хальме приступилъ къ чтенію Высочайшаго манифеста въ гельсингфорскихъ церквахъ: 3-го (16-го)—въ Николаевской и 10-го (13-го) февраля въ Новой церкви».

«Лишь только названный пасторъ началъ чтеніе Высочайшаго манифеста въ Николаевской церкви, тотчасъ же около него образовалась группа лицъ, предводительствуемая бывшимъ редакторомъ газеты Päiväleht Эро Эркко, который заявилъ: «Отъ имени финскаго народа мы просимъ васъ прекратить чтеніе постановленія о воинской повинности и сойти съ каѳедры», причемъ вокругъ послышались голоса: «Мы присоединяемся!» Вслѣдъ за симъ начали пѣть псаломъ «Господь наша могучая защита», почему пасторъ вынужденъ былъ прекратить чтеніе.

«Участники демонстраціи были приглашены полицейскимъ комиссаромъ въ участокъ для составленія протокола, причемъ сначала они желали уклониться отъ выполненія требованія комиссара, но по приближеніи нѣсколькихъ констаблей повиновались.

«При допросѣ всѣ задержанные, въ числѣ коихъ былъ, между прочимъ недавно отрѣшенный сенатомъ отъ должности ректоръ шведскаго нормальнаго лицея фонъ-Бонсдорфъ, состоящій нынѣ тамъ же преподавателемъ, адвокаты вице-Градсгевдинги фонъ-Гартманъ и Эмиль Валлинъ и другіе, желали отвѣчать всѣ разомъ, удаленные же въ другую комнату, сдѣлали попытку скрыться, но были остановлены.

«По составленіи протокола всѣ задержанные были освобождены.

«Въ слѣдующее воскресенье, 10-го (23-го) февраля, приступивъ послѣ окончанія службы къ чтенію Высочайшаго манифеста въ новой церкви, пасторъ Хальме былъ остановленъ громкимъ возгласомъ вышеупомянутаго г. фонъ-Бонсдорфа: «Пастору нельзя читать постановленіе о воинской повинности, такъ какъ оно незаконное и явилось незаконнымъ путемъ, и мы протестуемъ противъ чтенія».

«Вслѣдъ за симъ докторъ Іоганъ-Вильгельмъ Цилліакусъ и другіе окружавшіе г. фонъ-Бонсдорфа, а также и многіе прихожане кричали: «Нельзя читать по-

добное» и тотчасъ же начали пѣть псаломъ «Господь наша могучая защита», къ каковому пѣнію присоединились всѣ находившіеся въ церкви, чѣмъ и заставили пастора Хальме прекратить чтеніе Высочайшаго манифеста.

«При выходѣ изъ церкви, на паперти, лица, участвовавшія въ безпорядкахъ, были приглашены полиціей въ полицейскій участокъ для составленія протокола. Несмотря на неоднократныя просьбы полиціи разойтись, огромная толпа сопровождала задержанныхъ до полицейскаго участка, передъ которымъ и осталась ждать, запрудивъ прилегающія улицы».

«На всѣ приглашенія полиціи разойтись толпа отвѣчала крикомъ «ура», почему были вызваны конные полицейскіе и имѣвшійся пѣшій нарядъ, которые и разсѣяли толпу, причемъ нѣсколько сопротивлявшихся были задержаны.

«Въ числѣ приглашенныхъ въ полицейскій участокъ для составленія протокола между прочими были: отрѣшенный отъ должности вице-ландскамеръ нюландскаго губернскаго правленія Вернеръ Гольмбергъ, бывшій ректоръ фонъ-Бонсдорфъ, магистры философіи Гуго-Вильгельмъ Блумквистъ и Генрихъ Столь, протокольный секретарь сената Эмиль Фуругельмъ, позволившій себѣ ударить палкой полицейскаго комиссара, нѣсколько человѣкъ изъ учащейся молодежи и другіе.

«Всѣ протоколы по сему дѣлу переданы городскому фискалу для привлеченія виновныхъ къ судебной отвѣтственности».

За мѣсяцъ. Истекшій мѣсяцъ ознаменовался рядомъ оффиціальныхъ сообщеній о происходившихъ въ разныхъ городахъ безпорядкахъ и о понесенныхъ участниками этихъ послѣднихъ наказаніяхъ.

Въ кіевскихъ газетахъ напечатано слѣдующее сообщеніе начальника края о безпорядкахъ *въ Кіевѣ*.

«2-го февраля, въ 12 час. 40 мин. дня, на Крещатикѣ, противъ Пассажа, изъ числа многочисленной, по случаю праздничнаго дня, гулявшей по тротуарамъ публики, выскочили на средину улицы человѣкъ 50—60 студентовъ и мастеровыхъ и съ крикомъ «ура» подняли нѣсколько красныхъ флаговъ. Будучи окружены полицейскими чинами, манифестанты оказали полиціи сопротивленіе, причемъ нанесли палкой два тяжелыхъ удара по головѣ приставу Закусилову и болѣе легкіе удары нѣсколькимъ околоточнымъ надзирателямъ и нижнимъ полицейскимъ чинамъ. Приставъ Закусиловъ, обливаясь кровью, упалъ на мостовую, а нанесшій ему одинъ изъ ударовъ студентъ политехническаго института Вольскій, получивъ, въ свою очередь, ударъ ножнами шашки отъ полицейскаго чина, потерялъ сознаніе и былъ доставленъ въ аптеку Филиповича, откуда, по оказаніи ему медицинской помощи, уѣхалъ домой. Затѣмъ, въ теченіе 2 и 3-го февраля въ разныхъ мѣстахъ города изъ числа гуляющей публики выходили на улицу небольшія группы демонстрантовъ, собирали вокругъ себя толпу, которая, однако, полиціей и войсками была немедленно разсѣиваема. При удаленіи толпы на Бибиковскомъ бульварѣ, мѣщанинъ г. Мглина, Черниговской губерніи, Хаскель Ароновъ, ударившій казака и стащившій его съ лошади, получилъ во время свалки ушибы и отправленъ былъ въ Александровскую

больницу. Распространившіеся по городу слухи о томъ, что во время прекращенія безпорядковъ 2 и 3-го февраля, будто было убито и ранено много студентовъ, оказываются, такимъ образомъ, совершенно невѣрными, такъ какъ убитыхъ совсѣмъ не было, а раненыхъ изъ числа задержанныхъ манифестантовъ оказалось всего двое; возможно, что число ихъ было и больше, но они остались не обнаруженными. Лица, задержанныя во время уличныхъ безпорядковъ и признанныя виновными въ нарушеніи обязательнаго постановленія о воспрещеніи уличныхъ сборищъ, по распоряженію генералъ-губернатора, подвергнуты слѣдующимъ взысканіямъ: аресту на три мѣсяца 27 человѣкъ, аресту на два мѣсяца 56 человѣкъ, аресту на одинъ мѣсяцъ 16 человѣкъ и аресту на двѣ недѣли 13 человѣкъ».

Министромъ финансовъ, въ виду прекращенія студентами кіевскаго политехническаго института занятій, не возобновлявшихся вплоть до 5-го марта, сдѣлано распоряженіе о временномъ, до конца учебнаго года, закрытіи института. Въ своемъ сообщеніи о закрытіи института министръ финансовъ замѣчаетъ, между прочимъ: «Къ чести студентовъ кіевскаго политехническаго института слѣдуетъ отнести, что во все время прекращенія занятій они не нарушали порядка въ стѣнахъ заведенія и относились съ должнымъ уваженіемъ къ профессорамъ, которые съ своей стороны употребляли всѣ усилія къ благотворному воздѣйствію на учащуюся молодежь. При такихъ взаимныхъ отношеніяхъ учебнаго персонала и студентовъ и при полной заботливости о нихъ начальства не было никакихъ внутреннихъ причинъ къ прекращенію занятій. Причины эти слѣдуетъ считать навѣянными извнѣ».

«Вѣдомости Одесскаго Градоначальства», что въ *Одессѣ* 23-го февраля небольшой группой лицъ былъ произведенъ на углу Екатерининской и Дерибасовской улицъ безпорядокъ съ попыткой къ демонстраціи. Задержанныя при этомъ 54 лица, какъ нарушившія обязательныя постановленія, дѣйствующія въ одесскомъ градоначальствѣ, подвергнуты и д. градоначальника, независимо той отвѣтственности, коей они могутъ подлежать въ общемъ порядкѣ, аресту при полиціи 32 на 3 мѣсяца, 15—на 2 мѣсяца и 7—на 1 мѣсяцъ. Среди арестованныхъ одинъ студентъ, двое бывшихъ студентовъ, остальные—рабочіе и ремесленники.

6-го марта въ «Вѣдомостяхъ Спб. Градоначальства опубликованъ приказъ с.-петербургскаго градоначальства слѣдующаго содержанія: «3-го марта, въ 12½ час. дня, на Невскомъ проспектѣ, между улицами Садовой и Казанской, среди собравшейся въ усиленномъ составѣ публики, наблюдаемой въ праздничные дни въ этомъ районѣ города, группою молодыхъ людей, преимущественно студентовъ, были сдѣланы три попытки произвести уличные безпорядки, причемъ нѣкоторыми лицами были развернуты красные флаги съ преступными надписями. Попытки эти въ самомъ началѣ были прекращены мѣрами полиціи, всѣ флаги отобраны, и выкинувшія ихъ лица, а равно и большинство участниковъ безпорядковъ задержаны». Въ приказѣ сообщенъ списокъ арестованныхъ на три мѣсяца лицъ, въ томъ числѣ студентовъ: с.-петербургскаго университета—21 чел., горнаго института императрицы Екатерины II—5, инсти-

тута гражданскихъ инженеровъ императора Николая I—2, с.-петербургскаго технологическаго института императора Николая I—4, института инженеровъ путей сообщенія императора Александра I—4, Императорской Военно-Медицинской академіи—2, слушательницъ Высшихъ женскихъ курсовъ—2, слушательницъ Женскаго медицинскаго института—2 и частныхъ лицъ обоего пола разныхъ званій—44 чел. (Всѣ перечисленныя лица, независимо отъ ареста, наложеннаго на нихъ градоначальникомъ, подлежатъ привлеченію къ отвѣтственности въ общемъ порядкѣ. Аресту-же на три мѣсяца подвергнутъ студентъ с.-петербургскаго университета Левъ Плюснинъ, 9-го марта выписавшійся изъ клиническаго госпиталя, куда онъ былъ доставленъ 3-го марта, получивъ во время демонстраціи ссадину въ область правой теменной кости съ небольшимъ кровоподтекомъ).

Что касается участниковъ безпорядковъ *въ Москвѣ*, имѣвшихъ мѣсто 9, 10 и 17-го февраля, то помимо взысканій, коимъ они были подвергнуты московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ (арестъ) и министромъ народнаго просвѣщенія (исключеніе участвовавшихъ въ безпорядкахъ учащихся изъ учебныхъ заведеній), о нихъ состоялось слѣдующее распоряженіе:

«Происходившія въ послѣдніе годы волненія среди нѣкоторой части молодежи высшихъ учебныхъ заведеній Имперіи приняли въ концѣ минувшаго 1901 года явно противоправительственный характеръ. Не ограничиваясь, какъ раньше, предъявленіемъ различныхъ требованій измѣненія академическаго строя, руководители студенческаго движенія, какъ въ рѣчахъ на недозволенныхъ сходкахъ въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, такъ и въ многочисленныхъ подпольныхъ воззваніяхъ и прокламаціяхъ, пытались увлечь учащуюся молодежь на путь политическаго движенія, открыто заявляя о необходимости измѣненія формъ существующаго образа правленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сознавая безсиліе учащейся молодежи для непосредственнаго осуществленія такихъ стремленій, руководители этого движенія, въ тѣсномъ общеніи съ существующими революціонными группами и кружками, вели въ томъ же духѣ преступную пропаганду среди общества и рабочихъ большихъ городовъ, какъ устнымъ путемъ, такъ и распространеніемъ преступныхъ изданій. Однимъ изъ ближайшихъ способовъ заявленія своихъ стремленій агитаторы признавали устройство уличныхъ демонстрацій, къ чему и были сдѣланы попытки въ разныхъ городахъ.

«Для устройства подобной же уличной демонстраціи въ Москвѣ было избрано 9-е февраля сего года. По распоряженію мѣстной власти, получившей объ этомъ свѣдѣнія, были арестованы, до указаннаго дня, въ числѣ 47 лицъ, наиболѣе дѣятельные подстрекатели устройства предположенной демонстраціи и возможные ея руководители, выработавшіе между прочимъ, и подробную ея программу на одной изъ тайныхъ сходокъ. Мѣра эта, оказавшая несомнѣнно вліяніе на интенсивность послѣдовавшихъ безпорядковъ, для полнаго ихъ предупрежденія оказалась, однако, недостаточною, такъ какъ 9-го февраля въ московскомъ университетѣ, избранномъ исходной точкой для предполагавшейся демонстраціи, произошли событія, изложенныя въ приказѣ министра народнаго просвѣщенія отъ 14-го февраля 1902 г. № 1 «Правит. Вѣстн.» за № 38.

«Вслѣдъ за тѣмъ, воззваніемъ отъ 15-го февраля сего года, группа, студентовъ московскаго техническаго училища, присвоившая себѣ наименованіе «Исполнительнаго Комитета» этого училища, обратилась съ приглашеніемъ ко всѣмъ желающимъ выразить протестъ—явиться 17-го февраля къ 2 часамъ дня къ памятнику Пушкина для устройства уличной демонстраціи. Въ назначенный день въ указанное мѣсто собрались нѣсколько студентовъ этого училища и, соединившись группой, приступили къ совѣщанію о началѣ шествія; при первой же ихъ попыткѣ двинуться демонстративно по бульвару къ Никитскимъ воротамъ они тотчасъ же были оцѣплены полиціей, причемъ задержано 11 человѣкъ; при коихъ оказался флагъ съ преступною надписью.

«При разсмотрѣніи вопроса о виновности лицъ, участвовавшихъ въ этихъ безпорядкахъ, приняты были во вниманіе, какъ характеръ изложенныхъ событій, такъ и необходимость, для предупрежденія дальнѣйшаго вліянія главныхъ виновныхъ на окружающую среду, поставить ихъ въ условія, наименѣе благопріятныя для дальнѣйшаго проявленія революціонной дѣятельности, и, въ сихъ видахъ, всѣ виновные были предположены къ водворенію подъ надзоръ полиціи въ разныхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ Имперіи на болѣе или менѣе продолжительные сроки. По доведеніи этого предположенія до Высочайшаго свѣдѣнія, Государю Императору благоугодно было Всемилостивѣйше повелѣть сохранить мѣру высылки въ предѣлы иркутскаго генералъ-губернатора лишь въ отношеніи главныхъ виновныхъ; прочихъ же участниковъ подвергнуть тюремному заключенію на сроки отъ 3-хъ до 6-ти мѣсяцевъ.

«Министромъ внутреннихъ дѣлъ утверждены 7-го сего марта журналы особаго совѣщанія, образованнаго на основаніи 34 статьи положенія о государственной охранѣ, разсматривавшаго дѣло о 682 участникахъ безпорядковъ въ Москвѣ 9-го и 17-го февраля, причемъ лица, изобличенныя въ политической неблагонадежности, подготовленіи демонстрацій и сознательномъ участіи въ оныхъ, въ числѣ 95 лицъ, высылаются подъ надзоръ полиціи въ предѣлы иркутскаго генералъ-губернаторства на сроки отъ 2 до 5 лѣтъ, 567 лицъ подвергаются тюремному заключенію на сроки отъ 3 до 6 мѣсяцевъ и 6 лицъ подчиняются надзору полиціи на 1 годъ въ мѣстѣ жительства родителей или родственниковъ; въ отношеніи 14 лицъ дѣло прекращено.

«По учебнымъ заведеніямъ лица эти распредѣляются слѣдующимъ образомъ: студентовъ московскаго университета—537, московскаго техническаго училища—32, московскаго сельскохозяйственнаго института—13, московскаго инженернаго училища—3, студентовъ лазаревскаго института—1, студентовъ межевого института—7, слушательницъ разныхъ курсовъ—55, разночинцевъ мужчинъ и женщинъ—34.

«Главнымъ мѣстомъ отбытія тюремнаго заключенія лицами, подвергнутыми таковому назначена временная архангельская тюрьма».

Въ Казани опубликовано слѣдующее объявленіе казанскаго губернатора: «За послѣднее время въ Казани распространяются слухи о допущенномъ чинами полиціи жестокомъ обращеніи съ учащеюся молодежью, послѣдствіемъ чего были будто бы даже увѣчья: у одного сломана рука, у другого вышибленъ

глазъ и т. п. Считаю долгомъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, что ни одного подобнаго случая въ дѣйствительности не было; слухи эти совершенно ложны и распространяются злонамѣренными людьми съ цѣлью тревожить общественное мнѣніе».

— «Русскій Инвалидъ» сообщаетъ, что распоряженіемъ командующаго войсками *Варшавскаго* военнаго округа 20-го февраля арестованъ старшій адъютантъ инспекторскаго отдѣленія окружного штаба, числящійся по армейской пѣхотѣ, подполковникъ Гриммъ, за государственное преступленіе служебнаго характера, въ чемъ онъ и сознался.

— Постановленіемъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода 20-го февраля совершенно прекращено изданіе газеты «Россія».

— 21-го февраля въ соединенномъ засѣданіи отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ и разряда изящной словесности избраны были *въ почетные академики* А. В. Сухово-Кобылинъ и А. М. Пѣшковъ (*Максимъ Горькій*), а затѣмъ, спустя три недѣли, «отъ Императорской Академіи Наукъ» объявлено: «Въ виду обстоятельствъ, которыя не были извѣстны соединенному собранію отдѣленія русскаго языка и словесности и разряда изящной словесности Императорской академіи наукъ,—выборы въ почетные академики Алексѣя Максимовича Пѣшкова (псевдонимъ «Максимъ Горькій»), привлеченнаго къ дознанію въ порядкѣ ст. 1035 устава уголовнаго судопроизводства—объявляются недѣйствительными».

Статья 1035 устава уголовнаго судопроизводства, о которой говорится въ объявленіи «отъ Императорской Академіи Наукъ», находится во второмъ раздѣлѣ кн. 3 устава, трактующемъ «о судопроизводствѣ по государственнымъ преступленіямъ», и гласитъ слѣдующее:

«О всякомъ злоумышленіи, заключающемъ въ себѣ признаки государственнаго преступленія, сообщается прокурору судебной палаты, когда злоумышленіе обнаружилось въ мѣстѣ его пребыванія, а въ противномъ случаѣ мѣстному прокурору окружного суда или его товарищу, или же полиціи для донесенія о томъ немедленно прокурору судебной палаты».

Сельскохозяйственные симптомы современной деревни.

Въ настоящее время происходитъ любопытный процессъ въ области крестьянскаго земледѣлія. Съ одной стороны, все растущее малоземелье, съ другой—ростъ денежныхъ расходовъ на удовлетвореніе всевозможныхъ потребностей и несоотвѣтствіе доходности земли съ падающими на нее размѣрами платежей побуждаютъ населеніе все болѣе и болѣе расширять кругъ своей дѣятельности за предѣлы земледѣльческой промышленности. Въ этихъ условіяхъ и кроется причина отслоенія одной части населенія отъ общиннаго организма. Если въ годъ статистическаго изслѣдованія Тверской, напр., губерніи въ 80-хъ

*

годахъ платежей падало на десятину крестьянской надѣльной земли 1 р. 52 к., въ 1893 г.—1 р. 92 к., то въ 1900 г. ихъ падаетъ уже 2 р. 50 к. Потребности населенія и налоговое бремя все растутъ, а уровень знаній его не повышается. Найденный населеніемъ выходъ изъ своего положенія заключается въ интенсивной культурѣ при общинной формѣ землевладѣнія, разсчитанной на внѣшній сбытъ сырья. Такая примитивная интенсивная культура была извѣстна народамъ еще во времена варварства Европы. Въ VI и VII вѣкахъ нашей эры обремененіе земельной податью западно-европейскихъ провинцій заставило населеніе перейти къ болѣе интенсивнымъ, разсчитаннымъ на внѣшній сбытъ порядкамъ обработки*). Въ этой интенсификаціи хозяйства ищетъ выхода и населеніе Тверской губерніи. Въ уѣздахъ: Кашинскомъ, Бѣжецкомъ, Зубцовскомъ, Ржевскомъ и Старицкомъ въ послѣднее пятилѣтіе все сильнѣе и сильнѣе начинаетъ развиваться травосѣяніе. Въ 1900 году было засѣяно клевером и другими кормовыми растеніями 19,379 десятинъ, что составитъ 2,2% общей кормовой площади. Но дальнѣйшему сплошному развитію травосѣянія по территоріи губерніи въ сильной степени препятствуетъ недостатокъ, а въ нѣкоторыхъ обществахъ и совершенное отсутствіе пастбищныхъ угодій, вслѣдствіе чего населеніе вынуждено снимать съ своихъ полей одинъ и никакъ не болѣе двухъ клеверовъ; въ массѣ селеній въ первый же годъ по снятіи клевера по клеверной отавѣ пасется скотъ, который почти совершенно вытаптываетъ и выбиваетъ его. Во многихъ селеніяхъ клеверъ опутывается паразитирующей повиликой, отъ которой онъ задыхается и сохнетъ. Слѣдовательно, кормовыя нормы для скота въ сущности мало измѣняются отъ введенія травосѣянія, тѣмъ болѣе, что клеверъ въ большинствѣ случаевъ, въ силу необходимости, не скармливается на мѣстѣ, а вывозится на рынокъ.

Агрономамъ извѣстно, что клеверъ и другія родственныя ему травы полезны именно тѣмъ, что въ полѣ, засѣянномъ этими травами, хорошо сохраняется та влага, которая необходима для успѣшнаго роста нѣкоторыхъ культурныхъ растеній, напр., льна, что травы эти предохраняютъ поле отъ распространенія сорныхъ травъ. Длинные корни клевера, выворачиваясь при вспашкѣ изъ почвы, производятъ разрыхленіе ея, а ленъ именно и пользуется хорошо разрыхленной почвой. Отсюда становится понятнымъ, почему именно въ уѣздахъ съ развитымъ травосѣяніемъ развито въ то же время и льноводство. Культура воздѣлыванія клевера необходимо обусловливаетъ, или лучше—вызываетъ культуру льна; отсюда понятно также и то, почему арендная цѣна за десятину частновладѣльческой земли изъ-подъ клевера для посѣва льна достигаетъ 50—60 р. и выше. Въ Тверской губерніи крестьянская льняная площадь занимаетъ 80 тысячъ десятинъ, слѣдовательно, вчетверо болѣе клеверной. Если населеніе не сѣющихъ клевера уѣздовъ большую часть льняныхъ продуктовъ потребляетъ на мѣстѣ: сѣмена въ видѣ масла, жмыховъ, волокно на собственную одежду и бѣлье, то клеверосѣющіе уѣзды, наоборотъ, то и другое почти все безъ остатка вывозятъ на рынокъ. Такъ какъ ленъ высѣ-

*) *М. М. Ковалевскій.* «Экономич. ростъ Европы».

вается черезъ два года на третій, то это, по выраженію ржевскаго земскаго агронома, «неминуемо должно привести къ истощенію земли и обнищанію населенія, которое очутится на попеченіи земствъ и правительства» *). Во всякомъ случаѣ, съ каждымъ годомъ усиливающійся вывозъ на рынокъ льняного сырья свидѣтельствуетъ о регрессивной эволюціи въ этой отрасли промышленности. Волокно скупается у крестьянъ мелкими прасолами, которые перепродаютъ его крупнымъ торговцамъ, а эти послѣдніе перевозятъ его фабрикантамъ въ Петербургъ, Ревель, Кёнигсбергъ. Волокно продавалось въ 1900 г. по 5 р. за пудъ, поднимаясь мѣстами до 6 р. 50 к., а крупные торговцы доставляли его на заграничные рынки по 8 и 9 р., такъ что потери крестьянъ, по статистическимъ даннымъ, на сѣмени и волокнѣ составляютъ не менѣе 2 милліоновъ рублей.

«Нашъ ленъ доходитъ до пряжи № 70,—говоритъ г. К. Веберъ,—тогда какъ изъ заграничнаго льна, напр., ирландскаго и итальянскаго, добывается пряжа № 100, изъ бельгійскаго № 100 и выше. Къ сожалѣнію, и такого льна (т.-е. № 70) у насъ производятъ мало, и появленіе этого сорта на рынкѣ встрѣчается все рѣже и рѣже».

Въ то же время замѣчается ухудшеніе сельскохозяйственной культуры въ другомъ отношеніи. Изъ сѣвооборота выводится воздѣлываніе такого краснаго хлѣба, какъ ячмень, который все болѣе и болѣе замѣняется посѣвами картофеля. Такъ, высѣвалось въ 1894 г. ячменя 68.548 десятинъ, картофеля 36.875 десятинъ, въ 1900 г. ячменя 44.819 десят., картофеля 41.199 дес.

Слѣдовательно ячменная площадь за шестилѣтіе сократилась на 35,5%, а картофельная въ то же время увеличилась на 11,7%.

Очевидно, невозможность выполнить всѣ дефициты въ хозяйственной жизни населенія и является причиною громаднаго его отхода на сторонніе заработки. Въ 1893 году число лицъ, уходившихъ на сторонніе заработки, простиралось въ Тверской губерніи до 309.150 человѣкъ, въ 1900 г. оно достигло 361.302 чел. И въ области отхода замѣчается извѣстный эволюціонный процессъ: первоначально населеніе уходило по краткосрочнымъ билетамъ, затѣмъ по годовымъ индивидуальнымъ паспортамъ, наконецъ, въ послѣдней стадіи уходъ практикуется уже цѣлыми семьями. Такъ, уходило на сторону:

	Семей.	Въ нихъ лицъ об. пола.	% муж. работник. ушедшихъ одиночками на цѣлый годъ.
Въ 1894 г.	16.969	45.732	24,0
» 1896 »	17.946	52.079	27,2
» 1899 »	19.862	59.787	86,5
» 1900 »	20.176	60.528	88,8

Для всѣхъ этихъ порвавшихъ хозяйственныя связи съ деревней 20 тысячъ семей, а также и для массы уходящихъ на цѣлый годъ одиночекъ, процессъ отдѣленія рабочаго отъ земли можно считать уже совершившимся.

*) Докладъ ржевской земской управы 1900 г.

Слѣдовательно, усиленіе отхода на продолжительное время само собою указываетъ на невозможность совмѣщенія отхожихъ промысловъ съ земледѣльческимъ занятіемъ, не можетъ служить и подспорьемъ одно другому. Аналогичный процессъ отдѣленія рабочаго отъ земли совершается и въ другихъ губерніяхъ промышленнаго района: Московсковской, Ярославской, Владимірской и др.

Уходя на сторону цѣлыми семьями, большею частью весной, крестьяне заколачиваютъ досками двери и окна своихъ избъ; въ нѣкоторыхъ деревняхъ заколоченныя избы составляютъ половину общаго ихъ количества. У этихъ семей, по выраженію крестьянъ, «совсѣмъ нарушено хозяйство», т.-е. у нихъ не существуетъ ни живого, ни мертваго инвентаря. Уходъ на сторону цѣлой семьи вызываетъ необходимость сдачи надѣловъ однообщественникамъ исключительно изъ-за уплаты однихъ податей, или же возвратъ ихъ въ міръ, который уже самъ распредѣляетъ ихъ поровну между оставшимися членами общины. Но нерѣдко случается, что уходящія семьи просто оставляютъ свои надѣлы пустующими, не засѣянными, такъ какъ по невыгодности веденія хозяйства ихъ никто не беретъ и въ такомъ случаѣ, выражаясь языкомъ писцовыхъ книгъ, владѣльцы ихъ «платятъ подати спуста». Такъ было всегда. Въ XVII и XVIII вѣкахъ за опустѣвшіе дворы крестьяне несли платежи и въ томъ случаѣ, если покинутыми пашенными землями и сѣнными покосами никто не владѣлъ, и онѣ лежали въ пустѣ *). Слѣдовательно, всегда крестьяне несли подати и за тѣ земли, которыми фактичееки никто не пользовался за негодностью.

Еще въ моментъ статистическаго изслѣдованія губерніи въ 80-хъ годахъ земскихъ статистиковъ поразилъ фактъ запущенія въ поляхъ массы крестьянской пашни, которой было зарегистровано ими 3.443 надѣла, заключающихъ въ себѣ 14.000 десятинъ. Статистики объясняли это явленіе невыгодностью веденія хозяйства на малыхъ надѣлахъ и при сравнительно высокихъ платежахъ. Что именно малые размѣры надѣла побуждали крестьянъ бросать землю, показываетъ то, что количество пустующихъ надѣловъ обратно пропорціонально ихъ размѣрамъ. Такъ, пустующихъ надѣловъ было при размѣрѣ:

Менѣе	5	дес.	на	душу	2.693,9	надѣловъ.
»	6	»	»	»	374,1	»
»	7	»	»	»	224,6	»
»	8	»	»	»	72,5	»
»	9	»	»	»	22,5	»
»	10	»	»	»	29,5	»
Болѣе	10	»	»	»	23,0	»

Въ 1900 г. забрасыванье надѣловъ составляетъ массовое явленіе. Въ 1898 году количество надѣльныхъ домохозяевъ, не сѣявшихъ никакихъ хлѣбовъ, равнялось 2.940 съ 4.830 надѣлами, въ 1900 г. число первыхъ возросло до

*) *В. Н. Семевскій*: «Крестьяне въ царств. имп. Екат. II», т. II, 5.

4.793, а послѣднихъ до 8.378, количество же пустующихъ надѣловъ равняется 4.836, заключающихъ въ себѣ 22.900 десятинъ, слѣдовательно за 10—15 лѣтъ количество пустующихъ надѣловъ увеличилось на 1.393 или на 40,4%.

Прошлымъ лѣтомъ (въ 1901 г.) мы лично имѣли возможность собрать на мѣстѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о пустующихъ надѣлахъ въ Тверской губерніи и выяснить причины этого ненормальнаго явленія. Приведемъ здѣсь нѣсколько типичныхъ примѣровъ. Будемъ обозначать селенія для краткости №№.

№ 1. «Въ селеніи съ 8 пустующихъ надѣловъ скашивается только трава; но въ аренду ихъ никто не беретъ,—не стоитъ. Подати за нихъ платятъ спуста».

№ 2. «Крестьяне сдаютъ свои надѣлы въ аренду съ приплатою отъ себя арендатору 10 р.: земля не окупаетъ платежей».

№ 3. «8 пустующихъ надѣловъ домохозяева сдаютъ въ аренду за право косьбы на нихъ травы, причемъ одну половину податей платитъ арендаторъ, другую владѣлецъ».

№ 4. «Съ 4 пустующихъ надѣловъ арендаторы косятъ траву за 3 р. 25 к. за надѣлъ, податей же всѣхъ сходитъ 6 р. съ надѣла».

№ 5. «Пустуетъ 4 надѣла, на которыхъ и трава не растетъ, такъ какъ земля подзолъ. Въ аренду никто не беретъ: мало скота и не стоитъ».

№ 6. «6 пустующихъ надѣловъ никто не беретъ, подати за нихъ платитъ міръ спуста. Только за сѣнокосъ платится 2 р. 50 к. за надѣлъ, всѣхъ же платежей сходитъ 10 р. 12 к. съ надѣла. Въ 1900 году міръ навалилъ было 4 пустующихъ надѣла на 4 домохозяевъ, но послѣдніе пожаловались земскому начальнику, который не велѣлъ наваливать на нихъ надѣлы, если земля имъ въ тягость».

№ 7. «На пустующихъ вотъ уже въ теченіе 5 лѣтъ 6 надѣлахъ косится только трава за одну мірскую изгороду. Владѣльцы ихъ, живущіе на сторонѣ, высылаютъ за пустующіе надѣлы всѣ платежи».

№ 8. «Пустующихъ надѣловъ 22 съ 88 десятинами, на которыхъ арендаторы могутъ косить траву за уплату въ общество мірскихъ платежей, въ количествѣ 2 р. съ надѣла, окладные же платежи 5 р. 75 к. уплачиваютъ сами владѣльцы надѣловъ».

№ 9. «Пустуетъ 4 надѣла, за которые міръ уплачиваетъ всѣ платежи; ихъ никто не беретъ: мало скота и покосы съ нихъ плохіе».

№ 10. «4 надѣла пустуютъ уже 10 лѣтъ... никто не беретъ».

№ 11. Запущенныхъ надѣловъ 15 (75 десятинъ). Подати за нихъ высылаютъ со стороны сами владѣльцы, въ количествѣ 10 р. 37 к. за надѣлъ. На сторонѣ живутъ 50 домохозяевъ, а ихъ семьи обрабатываютъ землю наймомъ, такъ какъ у всѣхъ по одной коровѣ, но ни одной лошади».

№ 12. «10 лѣтъ тому назадъ запущенной пашни было въ селеніи 38 десятинъ, въ настоящее время 216 десятинъ или 1/4 общей пахатной площади. Пашня запущена по недостатку скота».

Анализъ приведенныхъ данныхъ приводитъ насъ къ заключенію, что запущеніе надѣловъ составляетъ результатъ невыгодности занятія земледѣліемъ при

существующихъ экономическихъ условіяхъ. Это было констатировано еще 10 лѣтъ тому назадъ В. Н. Покровскимъ. «Даже при очень благопріятныхъ условіяхъ,—говоритъ онъ,—производительность крестьянскаго надѣла недостаточна, чтобы за вознагражденіемъ труда семьи, сидящій на надѣлѣ, оставался какой нибудь чистый доходъ» *). Очень понятно, почему при существующемъ количествѣ рабочаго и рогатаго скота крестьянинъ не можетъ взять себѣ надѣловъ больше того, чѣмъ сколько ихъ имѣетъ, хотя бы ему и предлагали ихъ даромъ.

Массовый отходъ мужского населенія въ рабочемъ возрастѣ долженъ былъ повлечь за собой, во-первыхъ, эксплуатацію женскаго труда, слѣдовательно пониженіе сельскохозяйственной культуры и господство паразитическаго хозяйства, во-вторыхъ, повышеніе дѣтской смертности, достигающей въ 1891 году въ возрастѣ отъ 1 до 5 лѣтъ 62—63%, въ настоящее время 65%. Въ 1900 году кашинское земское собраніе обратило вниманіе на крайній недостатокъ рабочихъ рукъ въ уѣздѣ, что отражается самымъ неблагопріятнымъ образомъ на условіяхъ хозяйства *). Это обстоятельство привело кашинское земство къ мысли «организовать выписку рабочихъ изъ другихъ мѣстностей; но на запросы по сему поводу, обращенные къ различнымъ уѣзднымъ управамъ, получено 17 отвѣтовъ, изъ которыхъ выяснилось, что тѣ уѣзды находятся въ такомъ же положеніи **)».

Фактъ массоваго отхода на сторону и забрасыванья надѣловъ замѣчается и въ другихъ губерніяхъ промышленнаго района. Въ *Мышкинскомъ* уѣздѣ, Ярославской губ. пустующей крестьянской пашни зарегистровано въ 1897 году 2.000 десятинъ; въ земледѣльческомъ *Маленковскомъ* уѣздѣ Владимірской губерніи 9.070 дес., или 8% къ общей культурной площади, въ *Вязниковскомъ* уѣздѣ 11% запущенной пашни, *Ковровскомъ*—20%.

«Запущеніе пашни съ каждымъ годомъ принимаетъ все большіе и большіе размѣры,—говоритъ владимірскій статистикъ г. Смирновъ ***), все чаще пестрятъ крестьянскія поля незасѣянными полосами... Подъѣзжая къ Шуѣ, Иваново-Вознесенску, Тейкову, наблюдатель прямо поражается печальнымъ видомъ полей, переръзанныхъ, какъ старый, вытертый никуда негодный коверъ, сѣрыми полосами пустырей». Очевидно, улучшенія экономическаго положенія населенія трудно ожидать, разъ налоги будутъ поглощать всю ренту съ крестьянскаго надѣла, а само земледѣльческое хозяйство, принимая все болѣе и болѣе паразитическій характеръ, будетъ ограничиваться производствомъ и сбытомъ одного сырья безъ фабричной его переработки на мѣстѣ. Слѣдовательно, и отходъ населенія на сторонніе заработки будетъ все возрастать, а съ нимъ вмѣстѣ и земельная пустота, такъ какъ отхожій промыселъ все болѣе и болѣе становится несовмѣстимымъ съ земледѣліемъ.

И. Красноперовъ.

---

*) Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій Тверской губ., 1893 г., 15.

**) Постановленія уѣзднаго. земскаго собранія за 1900 г.

***) «Земледѣліе и земледѣлецъ центральн. промышлен. губерніи. «Русская Мысль», кн. VII, 1901 г.

Изъ русскихъ журналовъ.

(«Вѣстникъ Всемірной Исторіи»—январь, февраль; «Русская Старина»—мартъ; «Историческій Вѣстникъ»—мартъ; «Вѣстникъ Европы»—мартъ; «Образованіе»—февраль).

О «Вѣстникѣ Всемірной Исторіи» намъ говорить приходится рѣдко. Не то, чтобы этотъ органъ печати не заслуживалъ совершенно вниманія публики, нѣтъ, въ немъ появлялись и интересныя статьи, но многое въ этомъ журналѣ носило и носитъ такой спеціальный «привкусъ», который не позволяетъ зачислить «Вѣстникъ» въ число серьезныхъ представителей нашей литературы. Читатели не позабыли, вѣроятно, обнаружившихся изъ газетъ «дѣяній» одного изъ бывшихъ до послѣдняго времени столповъ «Вѣстника» г. Головинскаго по части рекламированія журнала г. Сухонина, затѣмъ письма г. Головинскаго о томъ, что онъ временно прекращаетъ свои отношенія къ «Вѣстнику» и уѣзжаетъ за границу, письма г. Сухонина, извѣщающаго публику, что г. Головинскій прекратилъ отношенія къ журналу вовсе не временно, а получилъ, что называется, чистую отставку и т. д. Все это не могло, разумѣется, не отразиться на мнѣніи о «Вѣстникѣ» какъ другихъ органовъ печати, такъ и публики. Но и это еще не все. Намъ, профессіональнымъ журналистамъ, не можетъ не бросаться въ глаза несерьезность, чтобы не сказать болѣе, «Вѣстника» и въ другихъ отношеніяхъ, примѣры чему, разъ заговоривъ о данномъ журналѣ, мы сейчасъ же и приведемъ. Въ январьской книжкѣ «Вѣст. ника» помѣщена статья г. В. К—ва «Декабристъ Волконскій», представляющая собою изложеніе недавно появившихся въ печати извѣстныхъ «Записокъ» С. Г. Волконскаго. Ну, и излагалъ бы г. К—въ содержаніе очень поучительной книги,—дѣло весьма полезное,—нѣтъ, надо ему непремѣнно сказать что-нибудь и «отъ себя», хотя сказать ему, видимо, рѣшительно нечего. Съ этою цѣлью г. К—въ начинаетъ говорить и о другихъ декабристахъ, противопоставляя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Волконскому «Пестеля, съ его натурой Кассія, фанатика Рылѣева, каждая строка котораго брыжжетъ негодованіемъ оскорбленнаго гражданина, и Батенкова, двадцать лѣтъ томившагося въ одиночномъ заключеніи, упорно отказываясь отъ всякой попытки смягчить свою участь». («Вѣстн. Всем. Ист.», январь, 1902, стр. 149). Всѣ эти характеристики Пестеля, Рылѣева и Батенкова г. К—въ и не думаетъ заключать въ ковычки и, тѣмъ болѣе, ссылаться на какой-нибудь источникъ, изъ котораго онъ ихъ заимствовалъ, такъ что не имѣющій спеціальнаго знакомства съ даннымъ предметомъ читатель остается въ полной увѣренности, что г. К—въ говоритъ «отъ себя». А между тѣмъ, это совсѣмъ не такъ. Кто пожелаетъ развернуть третій томъ «Критико-біографическаго словаря русскихъ писателей и ученыхъ» г. Венгерова, тотъ найдетъ тамъ противопоставленіе Александру Бестужеву-Марлинскому «Пестеля, съ его натурой Кассія, фанатика Рылѣева, вся поэзія котораго проникнута гражданскимъ духомъ, Батенкова, который высидѣлъ двадцать лѣтъ въ одиночномъ заключеніи, упорно отказываясь отъ

всякой попытки смягчить свою участь» и т. д. («Словарь», стр. 159). Теперь спрашивается: не лучше ли было бы г. К—ву не говорить ничего «отъ себя:», чѣмъ почти буквально списывая характеристики изъ «словаря»?.. А вотъ примѣръ нѣсколько иного рода. Въ февральской книжкѣ «Вѣстника» за текущій годъ помѣщены «Воспоминанія украинскаго писателя объ И. С. Тургеневѣ». Воспоминанія эти заслуживаютъ, разумѣется, серьезнаго вниманія и не встрѣтили бы съ нашей стороны ничего, кромѣ полнаго одобренія, если бы въ концѣ статьи не стояли неизвѣстно зачѣмъ слова: «сообщилъ С. Сухонинъ». Съ такими помѣтками мы привыкли читать вещи, въ печати еще не бывавшія, никому, поэтому, неизвѣстныя и обязанныя своимъ появленіемъ или спеціальнымъ розысканіямъ ученыхъ или какой-либо счастливой случайности. Но такъ ли это въ данномъ случаѣ? Отнюдь нѣтъ, ибо «Воспоминанія малороссійскаго писателя» перепечатаны почти полностью, т.-е. лишь съ самыми небольшими, обусловленными вполнѣ понятными всякому журналисту и всей публикѣ, пропусками, изъ приложенія къ извѣстнымъ «Письмамъ К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену». При чемъ же тутъ «сообщеніе» г. Сухонина? Правда, «Письма Кавелина и Тургенева» появились первоначально за границею, но книга эта давно перестала быть въ общемъ «запретной». Не говоря о другихъ писателяхъ, письма эти воспроизводилъ очень подробно и именно на страницахъ «Вѣстника Всемірной Исторіи» г. В. П. Батуринскій въ его статьяхъ «Герценъ и Тургеневъ», причемъ воспроизводилъ, нисколько не скрывая источника, изъ котораго онъ заимствовалъ матеріалъ для своихъ статей, и оповѣщая объ этомъ публику въ такихъ, не лишенныхъ комизма, выраженіяхъ: «въ 1892 году письма эти были изданы въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ недавно умершимъ профессоромъ софійскаго университета М. П. Драгомановымъ. Къ сожалѣнію, какъ самое содержаніе нѣкоторыхъ писемъ, такъ равно и характеръ примѣчаній къ нимъ Драгоманова сдѣлали невозможнымъ свободное обращеніе этой книжки въ Россіи и, вслѣдствіе этого, высокоинтересныя «Письма Кавелина и Тургенева къ Герцену» (Женева, 1892) остаются *совершенно неизвѣстными* (?!) не только большинству русской читающей публики, *но даже лицамъ, спеціально занимающимся изслѣдованіями по исторіи новѣйшей русской литературы* (sic!). Печатая въ настоящее время *въ обработанномъ видѣ* ту часть переписки двухъ замѣчательныхъ дѣятелей русской литературы, появленіе которой не можетъ встрѣтить препятствій, мы думаемъ, что доставимъ этимъ истинное наслажденіе всѣмъ тѣмъ, кому дорога личность одного изъ величайшихъ, если не величайшаго русскаго художника» («Вѣстн. Всем. Ист.», январь, 1900, стр. 34). Г. Батуринскій, конечно, очень хорошо сдѣлалъ, что путемъ перепечатки «писемъ» изъ книги покойнаго Драгоманова поспособствовалъ ознакомленію съ ними болѣе широкаго круга читателей; не сомнѣваемся и въ томъ, что *этою* стороною своихъ статей онъ доставилъ читателямъ «истинное наслажденіе», но думаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что наслажденіе было бы безъ примѣси разочарованія и досады, если бы г. Батуринскій ограничилъ свою «обработку» писемъ только исключеніемъ изъ книги Драгоманова всего того, что, по усло-

вѣмъ печати, не можетъ еще появиться въ нашей литературѣ. Но г. Батуринскій, этотъ спеціалистъ изъ спеціалистовъ, которому извѣстны книги, «совершенно неизвѣстныя даже лицамъ, спеціально занимающимся изслѣдованіями по исторіи новѣйшей русской литературы» (да проститъ ему Господь его смѣлость, ибо не вѣдаетъ бо, что пишетъ!), простеръ свою «обработку» гораздо далѣе и въ концѣ-концовъ такъ «обработалъ» переписку Герцена, что сильно попортилъ обѣщанное имъ «истинное наслажденіе». Ужъ какое тутъ безпримѣсное наслажденіе, когда г. Батуринскій помѣщаетъ, напр., въ число сотрудниковъ «Колокола» Ю. Ф. Самарина (Ibid., стр. 49), очевидно, даже и не подозрѣвая, что опроверженіе этого можно найти въ *частныхъ*, но уже опубликованныхъ, письмахъ къ Герцену самого Самарина. Но Богъ съ нимъ, съ г. Батуринскимъ; онъ сдѣлалъ все-таки хорошее дѣло, и объ этомъ писателѣ мы завели рѣчь лишь для напоминанія, что книга Драгоманова уже многократно цитировалась съ полными ссылками на источникъ на страницахъ «Вѣстника Всемірной Исторіи» и такимъ образомъ она перестала носить характеръ запретнаго плода. Но тогда спрашивается: какой же смыслъ при перепечаткѣ изъ нея же приложенія и при томъ приложенія совершенно невиннаго, такъ какъ всѣ (немногочисленныя и въ подлинникѣ, да и то бывшія въ свое время достояніемъ литературы въ родѣ предсмертныхъ словъ Тургенева, въ которыхъ онъ называлъ нѣкоторыхъ лицъ «великими людьми») мѣста иного характера, разумѣется, опущены,—прибавлять: «сообщилъ С. Сухонинъ»? Для чего это нужно? Для «красоты слога» или для внушенія вящаго уваженія читателей къ особѣ редактора-издателя «Вѣстника Всемірной Исторіи»? Или, можетъ быть, г. Сухонинъ повѣрилъ г. Батуринскому, что книга Драгоманова «совершенно неизвѣстна даже лицамъ, спеціально занимающимся изслѣдованіями по исторіи новѣйшей русской литературы», повѣрилъ на слово, не подумавъ о томъ, что рѣчи на этотъ счетъ г. Батуринскаго совсѣмъ легкомысленныя, ибо «Письма Кавелина и Тургенева къ Герцену» цитировались въ нашей литературѣ неоднократно задолго до того, какъ стало извѣстно, что на свѣтѣ существуетъ г. Бобчинскій, то бишь... г. Батуринскій, повѣрилъ г. Сухонинъ и рѣшилъ: дай, молъ, и я «сообщу» нѣчто совершенно новое, никому невѣдомое... И «сообщилъ»... Такъ вотъ о какомъ «привкусѣ» въ «Вѣстникѣ Всемірной Исторіи» мы завели рѣчь.

Но довольно пока объ этомъ журналѣ.

Если мы обратимся теперь къ журналу, дѣйствительно, историческому и ведущемуся съ знаніемъ своего дѣла,—мы говоримъ о «Русской Старинѣ»,—то тамъ мы найдемъ «сообщенія», которыя не чета псевдо-сообщеніямъ г. Сухонина, а нѣчто представляющее, дѣйствительно, цѣнные вклады въ наши свѣдѣнія о прошломъ Россіи. Таково помѣщенное въ мартовской книжкѣ «Русской Старины» сообщеніе И. А. Бычкова о неизданной главѣ изъ «жизни графа Сперанскаго» барона М. А. Корфа. Хотя глава эта,—говоритъ Бычковъ,—написана барономъ еще въ 1847 году. но, «несмотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло уже слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ, она сообщаетъ совершенно новыя свѣдѣнія и въ настоящее время». И въ самомъ дѣлѣ, если имена

Балашова, Армфельда, Де-Санглена и др. участниковъ интриги, приведшей къ паденію и ссылкѣ Сперанскаго, болѣе или менѣе хорошо извѣстны, то роль того, какъ говорятъ нѣмцы, «высокаго мѣста», которую считаютъ обыкновенно въ такихъ дѣлахъ пассивною, все болѣе и болѣе вскрывается въ дѣлѣ Сперанскаго, совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Мы не будемъ излагать подробностей этого поучительнаго эпизода русской исторіи, отсылая для этого читателя къ подлиннику о которомъ у насъ идетъ рѣчь, но приведемъ сдѣланныя авторомъ, на основаніи тщательнѣйшаго изученія даннаго вопроса, характеристики нѣкоторыхъ дѣятелей и участниковъ въ паденіи Сперанскаго. «Балашовъ, возведенный на одну изъ высшихъ государственныхъ степеней, на степень гдѣ открывалась равная возможность дѣлать и много добра и много зла, представляетъ одно изъ самыхъ непригляднихъ явленій въ исторіи царствованія Александра; постыдное его лихоимство знала вся Россія. Онъ бралъ немилосердно, гдѣ только можно было: бралъ и какъ оберъ-полицеймейстеръ, и какъ военный губернаторъ, и какъ министръ. Страсть къ преступному любостяжанію не охладѣла въ немъ и тогда, когда, черезъ второй бракъ свой въ 1808 году съ дѣвицею Бекетовою, двоюродною сестрою И. И. Дмитріева, онъ сдѣлался обладателемъ огромнаго богатства. Министерство его было не высокимъ по назначенію своему блюстительствомъ надъ общественными нравами, и полицейскою конторою, въ которой одной рукою брали, а другою рукою употребляли на шпіонство, вывѣдыванія и клеветы. Съ первой минуты своего образованія оно было уронено въ общемъ мнѣніи и потеряло всякое довѣріе публики. Самъ Балашовъ, пресмыкаясь, завидуя, всякому высшему, пристально вглядываясь въ царскія слабости, предательствуя и клевеща, изъ послушныхъ клевретовъ сдѣлался постепенно тайнымъ, но самымъ опаснымъ, самымъ дѣятельнымъ врагомъ неосторожнаго Сперанскаго, не столько изъ властолюбія и уже, конечно, не изъ патріотизма, сколько изъ духа интриги, желанія выслужиться и страха собственнаго обличенія. «Ввѣренное Балашову министерство полиціи, — писалъ Кочубей,—вскорѣ отдалилось отъ своей цѣли: — общаго надзора и главнымъ образомъ надзора законнаго. Балашовъ счелъ за нужное обратить его въ министерство шпіонства. Городъ закишѣлъ шпіонами всякаго рода: тутъ были и иностранные и русскіе шпіоны, состоявшіе на жалованьи, шпіоны добровольные; практиковалось постоянное переодѣваніе полицейскихъ офицеровъ; увѣряютъ даже, что самъ министръ прибѣгалъ къ переодѣванію. Эти агенты не ограничивались тѣмъ, что собирали свѣдѣнія и доставляли правительству возможность предупреждать преступленія, они старались возбуждать преступленія и подозрѣнія. Они входили въ довѣренность къ лицамъ разныхъ слоевъ общества, выражали неудовольствіе на ваше величество, порицая правительственныя мѣропріятія, прибѣгали къ выдумкамъ, чтобы вызвать откровенность со стороны этихъ лицъ или услышать отъ нихъ жалобы. Всему этому давалось потомъ направленіе, сообразное видамъ лицъ, руководившихъ этимъ дѣломъ». Таковъ былъ одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей интриги противъ реформаторскихъ плановъ Сперанскаго. Рядомъ съ нимъ стоитъ имя Армфельда, котораго Корфъ характеризуетъ такими словами: «тонкій царедворецъ, прошедшій че-

резъ всѣ бури и невзгоды придворной и политической жизни, съ блестящею наружностью, съ такимъ же даромъ слова и перомъ и со всѣми формами высшаго общества и дворскими навыками, онъ былъ однимъ изъ самыхъ искусныхъ, самыхъ тонкихъ интригановъ своего времени. Какъ Балашовъ былъ способенъ ко всякой низости изъ любостяжанія, такъ Армфельдъ готовъ былъ на всякое предательство изъ любочестія». Если прибавить сюда сестру императора Александра Екатерину Павловну, бывшую въ замужествѣ за принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ, неоднократно говорившую статсъ-секретарю Лубяновскому: «mon frère est une tête et un caractère faible; quiconque parvient à mèttre la main dessus l'a en son pouvoir. Speransky est un homme qui écorche l'état et le mène á sa ruine, un mafaiteur enfin, et mon frère ne s'en daute guère», и, наконецъ, самого принца, нерѣдко восклицавшаго про того же Сперанскаго: «можно ли такого злодѣя при себѣ держать», если прибавить, говоримъ, къ Балашову и Армфельду этихъ лицъ, то можно составить себѣ представленіе о тѣхъ препятствіяхъ, которыя надо было преодолѣвать Сперанскому на пути къ осуществленію его благородныхъ идей. Но и это еще не все. Противъ Сперанскаго былъ и самъ Александръ и былъ противъ не потому, что его настроили такъ Балашовы, Армфельды и К°, а въ силу особыхъ причинъ, крывшихся въ характерѣ личности Благословеннаго. Екатерина Павловна называла своего брата «une tête et un caractère faible», но на дѣлѣ вовсе не это было отличительною чертою личности Александра. Въ извѣстномъ капитальномъ трудѣ Шильдера можно найти массу матеріала для сужденія объ этомъ предметѣ. Въ дѣлѣ Сперанскаго Александръ былъ не пассивнымъ орудіемъ злокозненныхъ вліяній, а весьма активнымъ дѣйствующимъ лицомъ. «Александръ не довольствуясь доносами и надзоромъ министра полиціи, втайнѣ приблизилъ къ лицу своему и его правителя канцеляріи (извѣстнаго де Санглена), который, не смотря на маленькій свой чинъ коллежскаго совѣтника, бывалъ у государя наединѣ *почти каждый день* (курсивъ подлинника), оставался нерѣдко по нѣсколько часовъ и составлялъ въ нѣкоторомъ смыслѣ контръ-полицію Балашова. При всемъ томъ таково было омерзѣніе, внушенное извѣстными его обязанностями, что, какъ ни страшенъ, какъ ни опасенъ онъ могъ быть для каждаго, очень немногіе хотѣли ему кланяться и даже говорить съ нимъ». Этотъ-то де-Сангленъ и явился покорнымъ орудіемъ плановъ Александра. Много лѣтъ спустя, когда не было уже въ живыхъ никого изъ дѣйствующихъ лицъ въ дѣлѣ Сперанскаго, переживши ихъ всѣхъ де-Сангленъ на просьбу сообщить истинныя причины разразившейся надъ Сперанскимъ опалы, писалъ такія строки: «изъ всѣхъ дѣйствующихъ остался въ живыхъ одинъ я. Императоръ, скрывая отъ всѣхъ сихъ лицъ настоящую причину своего неудовольствія на Сперанскаго, дозволилъ имъ тайное за нимъ наблюденіе, выслушивалъ ихъ донесенія и направлялъ все *къ своей цѣли, имъ неизвѣстной*, а между тѣмъ полной своей довѣренностью удостоилъ *меня одного* (курсивъ подлинника), поставилъ меня между партіями въ томъ убѣжденіи, что все, дѣлаемое за кулисами, отъ него не скроется. Тайна, повѣренная такимъ образомъ царемъ и соблюденная имъ до гроба, можетъ ли нарушена быть под-

данным?» Написавши еще нѣсколько фразъ, де-Сангленъ кончалъ словами: «Болѣе объявлять не смѣю, ибо тайна, возложенная на меня,—почему, для чего и какъ?—соблюдена быть должна свято. Развязать уста можетъ единственно высшая власть». Корфъ сообщилъ это письмо де-Санглено графу А. Ѳ. Орлову, прося его войти съ представленіемъ по существу его къ императору Николаю, но послѣдній «глубоко презиралъ» де-Санглена и Корфъ не получилъ просимой санкціи. Пришлось воздѣйствовать на де-Санглена инымъ путемъ, что и увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. «Разсказъ де-Санглена исполненъ остроумія, увлекательнаго интереса и заключаетъ въ себѣ многочисленныя черты въ характеристикѣ императора Александра». Этими словами и заканчивается чрезвычайно интересное сообщеніе А. И. Бычкова.

Среди статей, помѣщенныхъ въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», останавливаетъ на себѣ вниманіе написанная г. Малисомъ «Страничка изъ біографіи Н. И. Пирогова», носящая названіе «Пироговъ и Булгаринъ». Странность сосѣдства этихъ двухъ именъ заставляетъ самого автора статьи съ первыхъ же строкъ ея вывести читателя изъ недоумѣнія указаніемъ на то, что—какъ и слѣдовало ожидать,—рѣчь, конечно, идетъ объ одной «гадости», сотворенной знаменитымъ «литературнымъ проходимцемъ» великому ученому. «Гадость» эта сама по себѣ мало интересна и не прибавляетъ ничего къ физіономіи одного изъ «охранителей» сороковыхъ годовъ, интереснѣе обстановка, обусловливающая возможность такого рода вещей. Пироговъ попалъ въ число профессоровъ медико-хирургической академіи путемъ перевода изъ Дерпта послѣ происшедшей въ академіи одной «исторіи», весьма характерной для «патріархальныхъ нравовъ» того «добраго стараго времени», о которомъ не могутъ безъ умиленія и теперь вспоминать наши охранители. Исторія состояла въ томъ, что студентъ Сочинскій бросился однажды съ перочиннымъ ножичкомъ на профессора химіи Нечаева. За это Сочинскій былъ наказанъ нѣсколькими тысячами ударовъ шпицрутенами, отъ которыхъ вскорѣ скончался, а самая академія была, по выраженію г. Малиса, «отдана въ солдаты», т.-е. «была передана изъ гражданскаго вѣдомства въ вѣдомство военнаго министерства и спеціально въ департаментъ военныхъ поселеній подъ властную руку ученика и «сподвижника» графа Аракчеева Петра Андреевича Клейнмихеля, достойнаго продолжателя жестокихъ дѣлъ графа». Начальникъ академіи зналъ, что «въ случаѣ чего не остановились бы и передъ закрытіемъ академіи, а студенты знали, что въ случаѣ чего, каждый изъ нихъ могъ попасть подъ красную шапку. Какое-либо не понравившееся ему представленіе конференціи Клейнмихель оставлялъ совершенно безъ отвѣта, помѣтивъ лишь на соотвѣтствующей бумагѣ кратко и выразительно: вздоръ. Къ студентамъ академіи Клейнмихель обращался на ты». Что такое былъ въ это время и чѣмъ долженъ былъ быть «Видокъ Фигляринъ» дѣло извѣстное; достаточно напомнить, что, не занимая никакой оффиціальной должности, Булгаринъ «былъ употребляемъ по усмотрѣнію Бенкендорфа *по письменной части на пользу службы* и всѣ порученія исполнялъ съ отличнымъ усердіемъ». Передъ Дубельтомъ онъ благоговѣлъ, былъ къ нему весьма близокъ и въ письмахъ называлъ его «отцомъ и коман-

диромъ». Таковъ фонъ картины, а узоръ уже гораздо менѣе интересенъ. Прибавьте сюда извѣстную независимость характера Пирогова, съ одной стороны, открытыя взятки, которыя бралъ Булгаринъ съ купцовъ, грозя имъ въ противномъ случаѣ «разносомъ» въ знаменитой «Сѣверной Пчелѣ», съ другой стороны и всѣ условія для какой угодно «гадости» со стороны Булгарина Пирогову были на лицо. Былъ нѣкій «экстроординарный» профессоръ Шипулинскій, сильно домогавшійся попасть въ «ординарные» и, видимо, не брезгавшій для этой цѣли услугами такой твари, какъ Булгаринъ. Хвалебные фельетоны «Сѣверной Пчелы» въ честь Шипулинскаго заставили однажды Пирогова сказать въ конференціи академіи, что фельетоны эти инспирированы самимъ Шипулинскимъ. Это дошло черезъ услужливыхъ людей до свѣдѣнія Булгарина, а вѣдь, этого рода людямъ и нуженъ только предлогъ для самыхъ нечистоплотныхъ дѣйствій. Въ «Пчелѣ» появились статьи противъ Пирогова съ самыми гнусными инсинуаціями, словомъ, «пошла писать губернія» и дѣло едва не кончилось уходомъ Пирогова изъ академіи и потерею послѣдней величайшаго ученаго. Исторія кое-какъ была затушена военнымъ министромъ Чернышевымъ, который увидѣлъ прежде всего въ фактѣ сообщенія Булгарину свѣдѣній о томъ, что происходило въ академіи нарушеніе канцелярской тайны и приказывалъ попечителю Анненкову поставить на видъ членамъ конференціи, что подобные поступки «не только не совмѣстимы съ ихъ званіемъ, но и противны существующимъ узаконеніямъ и чтобы впредь не допускалось ни малѣйшей огласки. Въ противномъ случаѣ будетъ доведено до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества». Да, есть чѣмъ помянуть доброе старое время!..

Обращаясь отъ журналовъ историческихъ къ журналамъ общаго характера, мы остановимся на помѣщенной въ мартовской книжкѣ «Вѣстника Европы» статьѣ г. Рихтера «По вопросу объ обѣдненіи черноземнаго центра Россіи». Статья эта трактуетъ одинъ изъ нашихъ больныхъ вопросовъ, вопросъ объ «оскудѣніи центра» и составляетъ варіантъ доклада, читаннаго авторомъ на ту же тему на засѣданіи подсекціи статистики XI съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Петербургѣ. «Оскудѣніе центра» т.-е. страшное истощеніе экономическихъ силъ тѣхъ мѣстностей нашего отечества, которыя еще сравнительно недавно славились въ качествѣ «житницы Россіи», составляетъ теперь фактъ вполнѣ установленный и, иллюстрируя его цифрами и примѣрами, г. Рихтеръ только даетъ болѣе рельефную картину общеизвѣстнаго явленія. Какъ извѣстно, для изученія этого вопроса весною 1899 года было образовано нынѣшнимъ товарищемъ министра финансовъ «особое совѣщаніе, результаты работъ котораго были изложены однимъ изъ его членовъ А. Д. Полѣновымъ въ брошюрѣ «Изслѣдованіе экономическаго положенія центрально-черноземныхъ губерній». На основаніи этого документа г. Рихтеръ и приводитъ главнѣйшіе выводы, къ которымъ пришло совѣщаніе. Они состоятъ въ слѣдующемъ:

«Недоимки *по окладнымъ сборамъ*, составлявшіе въ среднемъ за пятилѣтіе

1871—1875 гг. около 4 милліоновъ рублей или 10% всего оклада достигли въ 1898 году 55 милліоновъ рублей, что составляетъ уже *177% оклада*».

«Сборъ хлѣбовъ (и картофеля, считая три пуда послѣднихъ за одинъ пудъ хлѣба) въ отношеніи къ числу жителей сократился за 30 лѣтъ *на 33%*».

«Изъ данныхъ конскихъ переписей за 1888, 1891 и 1893 гг., за исключеніемъ западной части Россіи, *повсюду* замѣчается постепенная *убыль* количества лошадей, но нигдѣ эта убыль такъ не замѣтна, какъ въ обслѣдуемыхъ губерніяхъ, въ которыхъ она выражается цифрой въ 931 тысячу головъ, или *на 40%*».

«Въ результатѣ совѣщаніе пришло къ заключенію, что нѣкогда цвѣтущее состояніе средней черноземной полосы Европейской Россіи измѣнилось къ худшему, и это ухудшеніе захватило столько различныхъ явленій общественной жизни и выразилось и продолжаетъ выражаться съ такимъ постоянствомъ, что приписать его какимъ-либо случайнымъ и преходящимъ причинамъ становилось, очевидно, невозможнымъ».

Съ цѣлью выясненія того же вопроса образована въ настоящее время подъ руководствомъ товарища министра финансовъ В. Н. Коковцева новая комиссія, которая уже приступила къ своимъ работамъ. По поводу работъ этой-то комиссіи и высказываетъ г. Рихтеръ цѣлый рядъ пожеланій, заканчивающихся такими словами:

«Для того, чтобы предотвратить надвигающееся грозное явленіе, необходимо широко и всесторонне изучить какъ экономическія, такъ и естественно-историческія условія жизни страны. Работа министерской комиссіи, конечно, составляетъ частицу этого изслѣдованія—она можетъ многое дать, но далеко не исчерпать и не выяснить всего вопроса. Это послѣднее можетъ сдѣлать только рядъ изслѣдованій на мѣстѣ, и при томъ работа эта всего успѣшнѣе можетъ быть выполнена мѣстными общественными, наиболѣе заинтересованными органами, каковыми являются наши земства. Земства въ послѣднее время привлекаютъ къ своей работѣ разнообразныхъ спеціалистовъ: агрономовъ, почвовѣдовъ, метеорологовъ, врачей, статистиковъ и др. Всѣ эти силы должны быть привлечены къ изслѣдованію, о которомъ идетъ рѣчь и только при совмѣстномъ, дружномъ трудѣ этихъ научныхъ силъ съ земствомъ, по нашему мнѣнію, возможно освѣтить тотъ путь, по которому мы какъ бы въ потьмахъ идемъ,—возможно уяснить коренныя причины надвигающейся опасности, а слѣдовательно, тѣмъ самымъ, можетъ быть, и предотвратить ее отъ нашей родины...» Признаемся откровенно, что мы не понимаемъ, чего собственно желаетъ г. Рихтеръ. Работъ земствъ рука объ руку со спеціалистами для всесторонняго освѣщенія даннаго вопроса? Очень хорошо, ну, а затѣмъ,—что же дальше, какое употребленіе будетъ сдѣлано изъ этихъ изслѣдованій и,—что еще важнѣе—*какимъ способомъ* будутъ использованы эти изслѣдованія для мѣропріятій практическаго характера? Вѣдь самъ же г. Рихтеръ по поводу работъ комиссіи г. Коковцева замѣчаетъ, что ея программа «мало чѣмъ отличается отъ программы первоначальнаго обслѣдованія—тотъ же оффиціальный матеріалъ, правда, нѣсколько расширенный *рекомендаціей* пользоваться земскими

изданіями и другими источниками...» Такимъ образомъ, дѣло не въ отсутствіи у насъ по данному вопросу «земскихъ изданій и другихъ источниковъ», а въ томъ второстепенномъ, чтобы не сказать болѣе, мѣстѣ, которое занимаютъ онѣ при проведеніи тѣхъ или иныхъ мѣропріятій практическаго характера, въ томъ взглядѣ на эти изданія, который присущъ бюрократической средѣ и который не измѣнится до тѣхъ поръ, пока въ составѣ самихъ коммиссій не будетъ находиться людей, смотрящихъ на подобные вопросы подъ инымъ угломъ зрѣнія. Вотъ гдѣ, по нашему мнѣнію, центръ вопроса, а не тамъ, гдѣ его видитъ г. Рихтеръ. Но намъ могутъ возразить, что въ работахъ коммиссій обыкновенно и принимаютъ участіе «свѣдущіе люди», приглашаемые для этой цѣли въ Петербургъ, какъ то имѣло мѣсто въ сельскохозяйственномъ совѣтѣ при министрѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ и какъ то предполагается сдѣлать, по слухамъ, и во время работъ недавно учрежденной подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ коммиссіи по вопросу о нуждахъ сельскаго хозяйства и т. д. Все это такъ, но противъ крайней неудовлетворительности постановки у насъ вопроса о самыхъ *способахъ* приглашенія въ Петербургъ «свѣдущихъ людей» раздавались и раздаются у насъ не мало голосовъ не только въ литературѣ, но и въ земскихъ и даже дворянскихъ собраніяхъ. Такъ, во время послѣдняго очереднаго дворянскаго собранія въ Курскѣ графомъ Лорреромъ былъ внесенъ докладъ, въ которомъ предлагалось ходатайствовать предъ правительствомъ, чтобы вопросъ о приглашеніи свѣдущихъ лицъ въ разнаго рода коммиссіи, совѣты и т. д. былъ упорядоченъ, и для этого дворянскимъ собраніямъ было предоставлено право выбирать изъ своей среды такихъ людей, участіе которыхъ въ работахъ петербургскихъ коммиссій признается *самими собраніями* наиболѣе полезнымъ и отвѣчающимъ опредѣленной цѣли. Докладъ этотъ былъ принятъ курскимъ дворянствомъ очень сочувственно. Еще дальше пошелъ въ томъ же направленіи елецкій уѣздный предводитель дворянства А. А. Стаховичъ, только что предложившій экстренному орловскому губернскому земскому собранію ходатайствовать передъ министромъ финансовъ, какъ предсѣдателемъ особаго совѣщанія о нуждахъ сельской промышленности, о приглашеніи въ это совѣщаніе представителей земства, избранныхъ для этого земскимъ собраніемъ. Докладъ г. Стаховича настолько интересенъ, что мы приведемъ полностью имѣющуюся объ этомъ предметѣ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (отъ 4-го марта настоящаго года) корреспонденцію изъ Орла. Вотъ рѣчь по этому поводу А. А. Стаховича:

«23-го января состоялось Высочайшее повелѣніе объ образованіи особаго совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ господина министра финансовъ, для выясненія нуждъ сельскохозяйственной промышленности и соображенія мѣръ направленныхъ на пользу этой промышленности и связанныхъ съ нею отраслей народнаго труда. Чрезвычайное значеніе этого акта государственной власти не можетъ подлежать сомнѣнію. Упадокъ сельскохозяйственной промышленности, столь замѣтный въ послѣднее время, прямо или косвенно затрогиваетъ столь существенные интересы такихъ широкихъ круговъ населенія, что вполнѣ понятно то общее сочувствіе, съ которымъ было встрѣчено учрежденіе на зван-

наго особаго совѣщанія. Для насъ, «земскихъ» людей, представителей «земли», всѣхъ сословій, занимающихся почти исключительно сельско-хозяйственнымъ промысломъ, этотъ государственный актъ имѣетъ, конечно, совершенно особое значеніе, и врядъ ли я ошибусь, сказавъ, что изъ всѣхъ проявленій государственной власти за два послѣднія десятилѣтія—это Высочайшее повелѣніе будетъ встрѣчено земскими людьми съ чувствомъ наибольшей надежды и благодарности. Въ силу статей II-й и III-й означеннаго Высочайшаго повелѣнія, учрежденное совѣщаніе имѣетъ возможность услышать голосъ людей, дѣйствительно и близко знакомыхъ съ современными нуждами сельскохозяйственной промышленности и неразрывно съ ними связаннаго «сельскаго состоянія», правовыми и бытовыми условіями, въ которыхъ приходится примѣнять свой трудъ чуть не 100 милліонамъ сельскаго населенія Россіи и тѣми язвами, которыя глубоко въѣлись въ наши сельскіе порядки и которыя паллятивами излѣчить нельзя. Таковыми людьми являются, конечно, прежде всего, «земскіе люди»—представители и избранники земства».

Опытъ многихъ комиссій и совѣщаній послѣднихъ лѣтъ показалъ, какъ неудовлетворителенъ обыкновенно практикующійся у насъ способъ приглашенія «представителей» той или иной отрасли промышленности. Въ частности труднѣе всего сколько нибудь-сносно представить при помощи вызова интересы сельскаго хозяйства. Вызываютъ, болѣе или менѣе по-наслышкѣ, извѣстныхъ провинціальныхъ дѣятелей, но такого рода извѣстностью у насъ пользуются весьма немногіе представители дворянства, земскіе гласные или сельскіе хозяева, въ большинствѣ крупные землевладѣльцы. Но земледѣльческое населеніе страны распадается на нѣсколько слоевъ, интересы которыхъ вовсе не однородны и далеко не всегда и не во всемъ могутъ быть представлены крупными земельными собственниками. Чѣмъ ближе придетъ совѣщаніе въ непосредственное общеніе съ дѣйствительными представителями этихъ различныхъ слоевъ и интересовъ, тѣмъ, конечно, глубже будутъ изучены нужды сельскохозяйственной промышленности, тѣмъ вѣрнѣе, при остальныхъ равныхъ условіяхъ, отыскать средства къ удовлетворенію ихъ. Несомнѣнно, съ другой стороны, что на мѣстахъ найдется не мало людей, не уступающихъ въ знаніи мѣстныхъ нуждъ тѣмъ немногимъ дѣятелямъ, о которыхъ имѣются свѣдѣнія въ С.-Петербургѣ. И совѣщаніе, конечно, найдетъ этихъ людей, если обратится за указаніемъ къ мѣстнымъ общественнымъ всесословнымъ учрежденіямъ—земствамъ и организаціямъ—сельскохозяйственнымъ совѣтамъ, обществамъ сельскаго хозяйства. Нельзя при этомъ не имѣть въ виду, что въ существующемъ за послѣднее время порядкѣ и способѣ приглашенія «представителей» извѣстной промышленности, «свѣдущихъ людей» въ разнаго рода комиссіи и совѣщанія, чуть ли не единственнымъ руководящимъ принципомъ является случайное, часто по слухамъ, знакомство представителя вѣдомства и другихъ менѣе вліятельныхъ лицъ съ приглашаемымъ имъ лицами, а часто и другія совершенно случайныя же обстоятельства, какъ напримѣръ, пребываніе даннаго лица въ столицѣ во время засѣданія комиссіи. Позволю себѣ привести два характерныхъ примѣра, мнѣ извѣстныхъ, ярко характеризующихъ систему подобныхъ приглашеній.

«1) Изъ 15 приглашенныхъ въ сельскохозяйственный совѣтъ весной 1898 года лицъ 4 были изъ нашей Орловской губерніи и 2 изъ нихъ изъ родного мнѣ Елецкаго уѣзда, 2) въ совѣщаніи, созванномъ министромъ финансовъ въ февралѣ 1899 г. по упорядоченію хлѣбной торговли, въ которомъ принимали участіе болѣе 100 лицъ, только отъ одного нашего Елецкаго уѣзда присутствовало 7 представителей, тогда какъ отъ очень многихъ губерній не было ни одного участника совѣщанія. Я очутился на этомъ совѣщаніи только потому, что наканунѣ его открытія, по земскимъ ходатайствамъ, бесѣдовалъ съ его предсѣдателемъ. И такихъ примѣровъ можно привести много. Безъ сомнѣнія, принципъ случайности занимаетъ преобладающее мѣсто въ руководящихъ основаніяхъ подобныхъ приглашеній.

«Земства могутъ оказать, кромѣ того, созываемому совѣщанію незамѣнимое содѣйствіе и своими отвѣтами на прямо обращенные къ нимъ запросы съ его стороны и своими ходатайствами по предметамъ относящимся къ компетенціи совѣщанія.

«Въ виду всего изложеннаго, имѣю честь предложить нынѣ собранному чрезвычайному орловскому губернскому собранію ходатайствовать передъ предсѣдателемъ означеннаго совѣщанія—г. министромъ финансовъ о приглашеніи имъ, въ силу II-й и III-й статей Высочайшаго повелѣнія 23-го января 1902 года представителей орловскаго губернскаго земства, избранныхъ для сего земскимъ собраніемъ.

«На случай удовлетворенія этого ходатайства предлагаю собранію намѣтить теперь же своимъ избраніемъ, сколько оно найдетъ нужнымъ, кандидатовъ».

Орловское губернское земское собраніе *единогласно* приняло предложеніе А. А. Стаховича.

Намъ кажется, что мысли гр. Доррера и г. Стаховича о способахъ, какими слѣдуетъ приступить къ изслѣдованію, какъ вопроса объ «оскудѣніи центра», такъ и многихъ другихъ, съ нимъ связанныхъ, заключаютъ въ себѣ гораздо болѣе благихъ для нашей родины зиждительныхъ началъ, чѣмъ расплывчатыя пожеланія г. Рихтера...

Заговоривъ о земскихъ ходатайствахъ, мы хотимъ закончить наше обозрѣніе воспроизведеніемъ изъ напечатанной въ февральской книжкѣ «Образованія» замѣчательно сильной рѣчи, произнесенной въ воронежскомъ губернскомъ земскомъ собраніи губернскимъ гласнымъ этого земства, извѣстнымъ педагогомъ и общественнымъ дѣятелемъ Н. Ф. Бунаковымъ о значеніи недавно введенныхъ пресловутыхъ «школьныхъ кассъ». Упомянувъ о приближавшемся тогда пятидесятилѣтіи со дня смерти Гоголя, г. Бунаковъ продолжалъ свою рѣчь такъ:

«Какъ всѣмъ намъ извѣстно, Николай Васильевичъ Гоголь создавалъ свои безсмертные отрицательные типы, напр., Плюшкина, Чичикова, не съ тѣмъ, чтобы дать намъ идеалы, къ которымъ мы должны стремиться, а тѣмъ болѣе не для того, чтобы мы изъ своихъ дѣтей приготовляли новыхъ Плюшкиныхъ и новыхъ Чичиковыхъ. Нѣтъ, совершенно напротивъ. Я человѣкъ довольно много видавшій, довольно много пожившій, я имѣлъ возможность наблюдать,

какъ въ свое время при появленіи въ свѣтъ «Мертвыхъ душъ» дѣйствовали на тогдашнихъ русскихъ людей отрицательные типы Гоголя: они вызывали въ нашихъ душахъ свѣтлый идеальный образъ истиннаго человѣка, неутомимаго, безкорыстнаго, любящаго работника и честнаго гражданина. Надо сказать, что то время было жестокое время, одно воспоминаніе о которомъ приводитъ въ содраганіе. Это была одна изъ тѣхъ мрачныхъ эпохъ, когда уровень идеальныхъ представленій въ общемъ понижается ужасающимъ образомъ, когда на поверхность всплываютъ самые низменные идеалы и стремленія; но въ немногихъ личностяхъ сохраняется живой родникъ, который, наконецъ, прорывается наружу, бьетъ могучимъ ключомъ и въ своемъ широкомъ разливѣ захватываетъ задремавшее общество, пробуждая въ немъ чистыя человѣческія чувства и свѣтлые, идеальные образы. Въ этомъ смыслѣ я и понимаю, какъ два-три праведника т.-е. два-три человѣка съ возвышенными идеалами могутъ спасти отъ погибели цѣлый развращенный городъ т.-е. цѣлое общество съ низменными, пошлыми, ничтожными идеалами, къ числу такихъ праведниковъ, безъ сомнѣнія, принадлежалъ и Гоголь. Потому то даже въ то мрачное время все-таки были невозможны нѣкоторыя явленія, мимо которыхъ мы теперь проходимъ равнодушно и безмолвно. Приведу примѣръ. Мы собираемся чествовать Гоголя, давшаго отрицательные типы Чичикова и Плюшкина и въ это же время у насъ предлагаютъ открывать такъ называемыя школьныя кассы. Посредствомъ этихъ школьныхъ кассъ предполагается прививать нашимъ дѣтямъ и дѣтямъ нашего народа бережливость и предупреждать расточительность. Но съ нравственно-педагогической точки зрѣнія дѣло представляется нѣсколько иначе. Привьемъ ли мы нашимъ дѣтямъ разумную бережливость, искусственно пріучая ихъ копить копейки, пятачки, гривенники, рубли—это остается подъ большимъ сомнѣніемъ, но что этимъ путемъ мы можемъ привить дѣтямъ низменное стремленіе къ наживѣ, крохоборству, пріобрѣтенію безъ различія средствъ и путей, жадность, зависть и многое другое, о чемъ даже подумать страшно,—это, кажется, не подлежитъ сомнѣнію. И вотъ, когда я подумаю, что будетъ съ этими дѣтьми, отроками, юношами, которымъ мы будемъ искусственно, съ самаго ранняго возраста въ школѣ прививать подъ видомъ бережливости вкусъ къ крохоборству, наживѣ, пріобрѣтенію,—мнѣ представляется самая безотрадная картина: мнѣ видится группа русскихъ дѣтей и отроковъ, которые совершенно поглощены идеею пріобрѣтенія и наживы. Они толкуютъ между собою не о Шиллерѣ, о славѣ и любви, какъ разговаривали сверстники Пушкина,—нѣтъ, они разговариваютъ о томъ, сколько рублей и копеекъ у кого скоплено и сколько причитается на эти деньги процентовъ. Потому что предполагается, что они будутъ откладывать свои копейки, пятачки, гривенники не въ простую копилку, а въ такую, гдѣ будутъ насчитываться на нихъ проценты. Мнѣ видится, что дѣти наши сперва откладываютъ только свои свободныя деньги, но потомъ, по мѣрѣ того, какъ ими овладѣваетъ стремленіе къ наживѣ и соперничество пріобрѣтенія, начинаютъ отказываться и отъ завтрака, и отъ наклонности помочь бѣдному товарищу, и отъ многаго необходимаго или хорошаго, лишь бы увеличить сумму своей наживы. Но этого мало. Жадность къ

наживѣ растетъ. Возбуждается усиленно зависть малоимущаго къ счастливцамъ, скопившимъ больше. Появляется изобрѣтательность какихъ-либо школьныхъ торговыхъ операцій, какія изобрѣталъ въ школѣ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Появляется и придумываніе наиболѣе безопасныхъ способовъ присвоить или похитить чужія деньги. Мнѣ представляются юноши, въ которыхъ убиты всякія свѣтлыя и честныя идеальныя стремленія,—все поглощено однимъ стремленіемъ,—высчитать тѣ проценты, которые наростутъ на ихъ накопленія... Какой ужасъ! Вѣдь, это юные Чичиковы и Плюшкины! Вотъ я и предлагаю почтить память Гоголя прямымъ, открытымъ, рѣшительнымъ заявленіемъ желательности, чтобы школьныя кассы были отмѣнены, какъ мѣропріятіе, которое грозитъ нашимъ дѣтямъ и дѣтямъ нашего народа худшей изъ бѣдъ—растлѣніемъ ихъ души».

Воронежское губернское земское собраніе присоединилось къ мнѣнію Н. Ф. Бунакова и постановило возбудить ходатайство о совершенной отмѣнѣ школьныхъ кассъ.

Въ своихъ опасеніяхъ г. Бунаковъ явился рѣшительно пророкомъ. Свою рѣчь онъ произнесъ въ декабрѣ 1901 года, а уже въ февралѣ 1902 въ абсолютно чуждой всякаго «либерализма» газетѣ «Южный Край» появилась подтверждающая всѣ предсказанія г. Бунакова корреспонденція объ «успѣхѣ», который имѣютъ школьныя сберегательныя марки среди учащихся въ школахъ Харьковской губерніи. «Ученики очень часто отказываются даже отъ завтрака, а пріобрѣтаютъ на полученныя для его покупки отъ родителей деньги сберегательныя марки. Марки расходятся во многихъ учебныхъ заведеніяхъ до того быстро, что учебное начальство не успѣваетъ ихъ пріобрѣтать. Въ начальныхъ училищахъ каждый ученикъ старается пріобрѣсти ихъ хоть на нѣсколько копеекъ. Со стороны родителей приходится часто слышать жалобы на то, что дѣти у нихъ постоянно выпрашиваютъ хоть «пятачокъ», чтобы пріобрѣсти марокъ. Ученики разсказываютъ, что въ классахъ производится мѣновая торговля марками или ведутся различныя игры (въ перышки, крестики и т. п.) на марки».

Болѣе точнаго и болѣе быстраго осуществленія предсказанія того, что должно было произойти, чѣмъ въ данномъ случаѣ, трудно себѣ и представить. Разумѣется, и нравственныя послѣдствія для дѣтей будутъ именно тѣ, о которыхъ говорилъ въ своей рѣчи Н. Ф. Бунаковъ.

За границей.

Германская таможенная политика и женскій вопросъ. — Центръ тяжести внутренняго положенія Германіи въ данный моментъ составляетъ таможенная политика и агитація, вызванная проектомъ повышенія хлѣбныхъ пошлинъ,—«Хлѣбное ростовщичество», какъ называютъ этотъ законопроектъ оппозиціонныя партіи. Германское правительство выбивается изо всѣхъ силъ, стараясь вытащить на берегъ таможенный законопроектъ, который завязъ въ коммиссіи рейхс

тага. Въ самомъ дѣлѣ, комиссія засѣдала въ теченіе почти трехъ съ половиною мѣсяцевъ и изъ 946 параграфовъ законопроекта разсмотрѣно только 43, относительно которыхъ состоялось голосованіе. Этотъ «танецъ около хлѣбныхъ пошлинъ», какъ называетъ франкфуртская газета пренія комиссіи, грозитъ затянуться надолго и правительство, желая поощрить членовъ комиссіи, внесло даже предложеніе о назначеніи имъ вознагражденія, если они будутъ заниматься въ періодъ вакацій рейхстага. Предложеніе это вызвало сильный протестъ оппозиціи, которая требуетъ, чтобы въ такомъ случаѣ вообще всѣ члены парламента получали вознагражденіе во время парламентской сессіи. Вопросъ остается пока открытымъ, а въ данный моментъ рейхстагъ и комиссія прекратили свои работы по случаю приближенія пасхальныхъ вакацій.

Но засѣданія комиссіи, если даже они не были богаты практическими результатами, во всякомъ случаѣ много способствовали выясненію положенія. Прежде всего пренія обнаружили радикальныя разногласія, которыя существуютъ между правительствомъ и аграрными партіями, составляющими большинство въ комиссіи и вѣроятно въ рейхстагѣ. Впрочемъ это не ново. Трагикомическая исторія канала между Эльбою и Рейномъ, столь близкаго сердцу Вильгельма II, погубившая столько репутацій государственныхъ дѣятелей, должна была бы уже доказать не только чрезмѣрную протазательность и упорство, но также и силу юнкерской партіи въ Пруссіи, не стѣсняющейся даже вступать въ состязаніе съ Гогенцоллернами, не смотря на всѣ необыкновенно шумныя заявленія своей преданности и лойялизма.

Агитація, происходящая на почвѣ аграрной политики, отразилась недавно довольно курьезнымъ образомъ въ области женскаго вопроса: какъ извѣстно, прусскіе законы воспрещаютъ участіе женщинъ въ политическихъ собраніяхъ, между тѣмъ въ собраніе аграрной лиги, происходившемъ въ циркѣ Буша въ Берлинѣ, были допущены женщины въ большомъ числѣ, несмотря на то, что это собраніе носило спеціально агитаціонный характеръ. Разумѣется, оппозиція незамедлила подхватить этотъ фактъ и прусскому министру внутреннихъ дѣлъ фонъ-Гаммерштейну былъ предъявленъ запросъ по этому поводу. Допущеніе женщинъ на собраніе лиги являлось какъ бы косвеннымъ признаніемъ ихъ права являться и въ другіе политическіе ферейны. Можетъ ли г. министръ отвергать это право и было ли тутъ сдѣлано исключеніе только для аграрной лиги ради извѣстныхъ цѣлей? спрашивали оппозиціонные депутаты.

Министръ внутреннихъ дѣлъ чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко, отвѣчая на настоятельныя запросы оппозиціи. Не могъ же онъ признать, что могущественная аграрная лига, желая привлечь женскіе элементы на свою сторону и сознавая ту пользу, которую могутъ ей принести женщины на почвѣ агитаціи, нарочно пригласила ихъ въ собраніе, не обращая вниманія на запретительный законъ! Поэтому, желая какъ нибудь извернуться, министръ сказалъ, что тутъ не было никакого нарушенія закона въ пользу аграріевъ, такъ какъ женщины были допущены только въ качествѣ «слушательницъ», да и то ихъ было не много! Министръ чувствовалъ вѣроятно, что вступилъ на скользкій путь и далъ оппозиціи новое оружіе въ руки. Дѣйстви

тельно, газеты тотчасъ же подхватили этотъ фактъ и объясненіе министра, «Vorwärts» иронически выразилъ благодарность аграрной лигѣ за то, что она помогла разрѣшить трудный вопросъ о политическихъ правахъ женщинъ. Вѣдь если женщины были официально допущены на засѣданія аграрной лиги, то значитъ и другіе политическіе ферейны могутъ воспользоваться этимъ и раскрыть двери женщинамъ, какъ своимъ помощницамъ. Въ печати началась полемика и снова на сцену были выдвинуты всѣ обычные аргументы за и противъ женской политической равноправности. Но, какъ и слѣдовало ожидать, вопросъ перешелъ на практическую почву и была сдѣлана проба, которая должна была доказать искренность заявленій Гаммерштейна. Соціалъ-демократическій ферейнъ въ Килѣ назначилъ собраніе и пренія по докладу о дѣятельности женщинъ въ политической жизни, при чемъ объявилъ, что въ собраніе допускаются женщины. На приглашеніе отозвались впрочемъ всего лишь 15 женщинъ, но когда предсѣдатель объявилъ собраніе открытымъ, къ нему подошелъ полицейскій комиссаръ, которому поручено было наблюдать за собраніемъ, и потребовалъ, чтобъ женщины немедленно оставили залу. Предсѣдатель сослался тогда на заявленіе министра внутреннихъ дѣлъ, сдѣланное въ палатѣ депутатовъ, но полицейскій и слушать не хотѣлъ: «Это меня не касается, сказалъ онъ предсѣдателю.—На основаніи закона я требую отъ васъ удаленія женщинъ».

— Я этого не сдѣлаю—возразилъ предсѣдатель.

— Въ такомъ случаѣ я закрываю засѣданіе.

Тотчасъ же явилось еще шесть полицейскихъ и моментально очистили залу, такъ какъ никто изъ присутствующихъ не выказалъ ни малѣйшаго сопротивленія и всѣ спокойно удалились. Цѣль была достигнута: заранѣе предвидя этотъ конецъ, соціалъ демократы хотѣли только демонстрировать различное отношеніе органовъ правительства къ аграріямъ и другимъ партіямъ и доказать, что то, что дозволительно аграрной лигѣ, не дозволяется другимъ ферейнамъ, носящимъ политическій характеръ и не угоднымъ правительству.

Германскому рейхстагу вообще въ послѣднее время приходилось не мало имѣть дѣла съ женскимъ вопросомъ и, вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ ему придется еще болѣе подробно разсмотрѣть этотъ вопросъ. Въ рейхстагѣ было представлено множество петицій отъ разныхъ женскихъ ферейновъ и внесены предложенія нѣсколькихъ депутатовъ объ изданіи дополнительнаго закона объ ассоціаціяхъ, разрѣшающаго женщинамъ вступать въ соціально-политическіе ферейны и участвовать въ политическихъ собраніяхъ, на томъ основаніи, что почти во всѣхъ государствахъ германскаго союза женщины пользуются этими правами, и только одна Пруссія не признаетъ ихъ. Но женщины рѣшительно не могутъ пожаловаться на германскій парламентъ. Еще очень недавно въ рейхстагѣ число сочувствующихъ женскимъ притязаніямъ было очень невелико и они составляли лишь незначительную горсть. Теперь уже въ каждой парламентской партіи женщины имѣютъ много сторонниковъ и могутъ даже разсчитывать на большинство, которое будетъ поддерживать ихъ требованія въ рейхс-

стагѣ, разумѣется, если только женщины въ своихъ требованіяхъ не перейдутъ извѣстныхъ границъ.

Оппозиціонныя партіи въ своемъ спорѣ съ правительствомъ по поводу таможеннаго вопроса выдвигаютъ, между прочимъ, на сцену послѣднія данныя статистики 1900 года, дѣйствительно опровергающей самымъ неожиданнымъ образомъ всѣ утвержденія аграріевъ о томъ, что безъ нихъ страна неминуемо должна погибнуть, такъ какъ они поставляютъ наибольшее число рекрутъ для государства, и благодаря имъ, въ города вливается потокъ свѣжихъ народныхъ силъ, потому что деревенская жизнь здоровѣе городской во всѣхъ отношеніяхъ и т. д., и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, неподкупныя цифры указываютъ совсѣмъ иное положеніе дѣлъ: какъ разъ въ той области, которую прусскіе юнкера рисуютъ какимъ то Эльдорадо, смертность особенно велика, даже выше смертности въ промышленныхъ округахъ, и что еще болѣе, удивительно превосходитъ смертность въ Берлинѣ! Всѣ десять округовъ съ наиболѣе высокою смертностью лежатъ въ аграрныхъ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи; наименьшая же смертность показана въ 15 промышленныхъ округахъ западной Пруссіи. Кромѣ того оффиціальная «Statistiche Correspondenz», издаваемая прусскимъ статистическимъ бюро, констатируетъ въ высшей степени печальное положеніе сельскихъ рабочихъ, выставляющее въ довольно некрасивомъ свѣтѣ юнкерское хозяйство, и эти разоблаченія приходятся очень не кстати для аграріевъ, теряющихъ въ нѣкоторой степени почву подъ своими ногами.

Германскій канцлеръ и женская депутація. Въ концѣ прошлаго мѣсяца, когда рейхстагъ закрылъ уже свои засѣданія по случаю наступленія пасхальныхъ вакацій, графъ Бюловъ принималъ въ залѣ конгресса въ канцлерскомъ дворцѣ, депутацію женскаго ферейна (Verein für Frauenstimmrecht), во главѣ которой находились предводительницы берлинскаго женскаго движенія, г-жи Аугсбургъ, Кауэръ, Лина Моргенштернъ, Елена Штёкеръ и затѣмъ представительницы Данцига, Гёрлица и Штральзунда—въ общемъ 20 человѣкъ. Депутація явилась съ цѣлью ходатайствовать объ отмѣнѣ постановленій, стѣсняющихъ дѣятельность женщинъ въ союзахъ, и объ уравненіи ихъ правъ во всѣхъ государствахъ германскаго союза какъ въ отношеніи участія въ собраніяхъ, такъ и въ отношеніи права поступленія въ высшія учебныя заведенія. Кромѣ того депутація выразила еще другія желанія, касающіяся женскаго образованія и приглашенія компетентныхъ женщинъ къ участію въ проектируемой реформѣ женскихъ гимназій въ Пруссіи.

Графъ Бюловъ очень любезно принялъ депутацію и, выслушавъ рѣчь г-жи Аугсбургъ, изложившей ему желанія женской депутаціи, отвѣчалъ.

«Благодарю васъ за дружественное обращеніе ко мнѣ и за то, что вы пришли и прошу васъ вѣрить, что я глубоко сознаю огромное и серьезное значеніе женскаго вопроса; что же касается указанныхъ вами пунктовъ, то вы вѣдь сами знаете, что какъ относительно постановленій закона, касающихся правъ собраній (Versammlungsrecht), такъ и относительно другихъ параграфовъ этого закона, давшихъ поводъ къ разнымъ непріятнымъ инцидентамъ, я

далеко не всесиленъ и все это зависитъ отъ рѣшеній законодательныхъ собраній. Вопросъ о женскомъ образованіи присоединенъ министромъ просвѣщенія къ вопросу о народномъ образованіи, и вамъ извѣстно, какъ онъ относится къ этому вопросу. Предполагается оказать существенную поддержку женскимъ школамъ со стороны министерства просвѣщенія и городской общины и посредствомъ введенія новыхъ программъ будутъ сдѣланы улучшенія въ системѣ преподаванія. Но съ другой стороны министерство просвѣщенія высказывается противъ учрежденія особенныхъ женскихъ гимназій, а также пріема женщинъ въ высшія учебныя заведенія, хотя все таки разрѣшено открыть въ видѣ пробы отдѣльные частные шестилѣтніе гимназическіе курсы; вѣроятно, будутъ сдѣланы и дальнѣйшія попытки въ этомъ направленіи. Что касается привлеченія компетентныхъ женщинъ къ участію въ совѣщаніяхъ по поводу реформы преподаванія, то я готовъ возбудить этотъ важный вопросъ и обсудить, возможно ли будетъ пригласить женщинъ. Во всякомъ случаѣ вы можете быть увѣрены въ моемъ сочувствіи вашимъ стремленіямъ. Я постараюсь, насколько это меня касается, выразить это въ рейхстагѣ и въ союзномъ сеймѣ».

По словамъ германскихъ газетъ депутація ушла очень довольная пріемомъ канцлера, который, во всякомъ случаѣ, указываетъ, что женскій вопросъ сдѣлалъ огромные успѣхи въ Германіи, гдѣ во времена Бисмарка ни такая депутація, ни такой пріемъ были бы немыслимы. Бывшія бисмарковскія газеты, такъ называемая «рептильная пресса», глубоко возмущены тѣмъ, что порогъ канцлерскаго дворца, гдѣ нѣкогда царилъ всесильный Бисмаркъ, переступила женская депутація съ требованіями какихъ-то правъ. «Это начало конца!» восклицаютъ онѣ.

Ирландскій призракъ; обезлюдѣніе Лондона; двухсотлѣтній юбилей. Совѣтъ англійскихъ министровъ во всѣхъ своихъ послѣднихъ засѣданіяхъ удѣлялъ особенно много вниманія ирландскимъ дѣламъ. Обсуждались, главнымъ образомъ, репрессивныя мѣропріятія, предложенныя съ цѣлью окончательно раздавить «Объединенную ирландскую лигу» (United Irish League), которая покрываетъ своими развѣтвленіями весь островъ и ведетъ теперь усиленную агитацію. На этихъ мѣропріятіяхъ и на возстановленіи пресловутаго «Crimes Act» 1887 г. настаиваетъ вице-король Ирландіи лордъ Кодогенъ, но министръ Ирландіи Уиндгэмъ, не участвующій обыкновенно въ засѣданіяхъ совѣта министровъ и приглашенный только по случаю обсужденія ирландскихъ дѣлъ, горячо возсталъ противъ репрессалій, и его мнѣніе взяло на этотъ разъ верхъ Единственнымъ результатомъ этого совѣщанія была отмѣна королевскаго визита въ Ирландію, объявленная въ такихъ выраженіяхъ, изъ которыхъ ирландцы должны были бы вывести заключеніе, что они окончательно впали въ немилость у англійскаго правительства. Однако, врядъ ли при существующемъ настроеніи въ Ирландіи такая мѣра можетъ достигнуть своей цѣли. Отношенія между Англіей и Ирландіей обостряются; реорганизованная ирландская партія представляетъ въ парламентѣ единственную настоящую оппозицію, такъ какъ либеральная партія, вслѣдствіе происходящаго въ ней раскола и измѣнъ ея

ся прежнихъ дѣятелей, совершенно парализована и лишилась всякаго значенія. Несомнѣнно, что ирландскій призракъ снова встаетъ передъ Англіей и грозитъ повтореніемъ кризиса, который уже пришлось пережить Англіи въ 1841—43 и 48 годахъ и въ 1865 г. Такое мнѣніе высказываютъ и многіе изъ неослѣпленныхъ идеей имперіализма и безпристрастныхъ англійскихъ публицистовъ. Пока въ Ирландіи наростаетъ народное движеніе, въ парламентѣ происходятъ очень бурные дебаты, вызываемые ирландскими націоналистами по всякому удобному поводу и обыкновенно оканчивающіеся исключеніемъ ихъ изъ засѣданія палаты общинъ на извѣстный срокъ. Послѣдній разъ бурный инцидентъ произошелъ по поводу трансваальской войны, когда обсуждался въ третьемъ чтеніи законопроектъ о займѣ на покрытіе военныхъ расходовъ. Сэръ Кэмпбелль Баннерманъ воспользовался этимъ, чтобъ потребовать свѣдѣній отъ правительства о положеніи дѣлъ въ Южной Африкѣ, причемъ сказалъ слѣдующее: «Всякій разъ, когда какой-нибудь членъ оппозиціи обращается съ вопросомъ относительно войны, то сейчасъ же его называютъ пробуромъ и другомъ враговъ страны. Это все злобныя клеветы на оппозицію». Чэмберленъ, конечно, не замедлилъ рѣзко отвѣтить, замѣтивъ: «Достопочтенный джентльменъ какъ-то упоминалъ въ своей рѣчи о школѣ хорошихъ манеръ. Не знаю, былъ ли онъ самъ въ этой школѣ профессоромъ или ученикомъ, но если онъ былъ ученикомъ, то, во всякомъ случаѣ, онъ, видимо, плохо воспользовался преподанными ему уроками». Въ доказательство своихъ словъ Чемберленъ указалъ на фразу о «злобной клеветѣ». Спикеръ тотчасъ же заявилъ, что это не парламентское выраженіе, и Кэмпбелль Баннерманъ взялъ его назадъ. «И я тоже беру назадъ свои слова», объявилъ Чэмберленъ, и въ палатѣ раздались апплодисменты и смѣхъ. Но этотъ веселенькій эпизодъ не замедлилъ смѣниться однимъ изъ самыхъ бурныхъ инцидентовъ, свидѣтелями которыхъ когда-либо бывали стѣны англійскаго парламента. Чэмберленъ, продолжая свою рѣчь, сказалъ: «Число буровъ, стоящихъ подъ ружьемъ, можно опредѣлить приблизительно въ 9.000. Правительство имѣетъ всѣ основанія думать, что буры пріобрѣли лишь немного рекрутъ послѣ своего вторичнаго нашествія на Капскую колонію. Вопросъ о замиреніи края и его будущности послѣ войны составляетъ главный предметъ заботъ правительства. Быть можетъ, я покажусь вамъ оптимистомъ, но я не думаю, чтобы расовыя чувства могли имѣть опасныя послѣдствія, послѣ того, какъ будетъ установлено англійское господство въ Южной Африкѣ. Бургеры сражались съ нами рядомъ и съ нами же брали въ плѣнъ вліятельныхъ генераловъ и бурскія команды. Достаточно указать на бывшаго бурскаго генерала Вилонеля, который, сдѣлавшись командиромъ англійскаго корпуса «National Leonts», написалъ своимъ бывшимъ товарищамъ по оружію, что истинные враги отечества—это тѣ, кто продолжаетъ борьбу!»

Ирландскій депутатъ Диллонъ прервалъ его восклицаніемъ: «Этотъ Вилонель и тѣ, кто за нимъ послѣдовалъ,—измѣнники!» «Нѣтъ, милостивый государь,—возразилъ Чэмберленъ,—хотя, разумѣется, въ томъ, что касается измѣны, вы вполнѣ можете быть судьей».

Эта реплика Чэмберлена и чуть не прямое обвиненіе въ измѣнѣ, брошен-

ное въ лицо ирландскому депутату, вызвали неистовые восторги правительственнаго большинства и страшное негодованіе ирландцевъ. Диллонъ, весь блѣдный отъ волненія, всталъ съ своего мѣста и, стараясь говорить спокойно, обратился къ спикеру: «Я бы хотѣлъ знать, можно ли считать слова, сказанныя достопочтеннымъ джентльменомъ, парламентскимъ выраженіемъ»?

Ирландскіе депутаты присоединились къ нему, требуя, чтобы Чэмберленъ взялъ свои слова назадъ. Но спикеръ, который въ прежніе времена въ парламентѣ служилъ олицетвореніемъ полнѣйшаго безпристрастія по отношенію къ парламентскимъ партіямъ и считалъ несовмѣстимымъ со своимъ званіемъ президента палаты высказывать даже частнымъ образомъ свое сочувствіе тому или другому политическому направленію, теперь не могъ или не хотѣлъ оставаться безпристрастнымъ и, вспомнивъ о судѣ Соломона, высказалъ порицаніе Диллону за то, что онъ назвалъ «измѣнниками бургеровъ, сражающихся подъ англійскимъ знаменемъ», но осуждалъ также и отвѣтъ Чэмберлена, замѣтивъ, впрочемъ, что Диллонъ «первый» началъ эти пререканія.

Въ отвѣтъ на эти слова спикера Диллонъ еще разъ поднялся и убійственно холоднымъ тономъ, отчеканивая каждое слово, торжественно произнесъ:

— Хорошо! При такихъ условіяхъ, я считаю нужнымъ прибавить, что достопочтенный джентльменъ (Чэмберленъ)—проклятый лжецъ!

Поднялся страшный шумъ и, конечно, правительственное большинство потребовало лишенія Диллона права посѣщенія парламента въ теченіе восьми дней. Но волненіе не улеглось и послѣ этого, и стычки между ирландскою оппозиціей и правительствомъ происходятъ ежедневно; взаимное раздраженіе возрастаетъ и легко можетъ дойти до кульминаціоннаго пункта, что заставляетъ многихъ истинныхъ патріотовъ, понимающихъ, что Англія, вступившая на ложный путь, запутывается все больше, съ тревогою смотрѣть въ будущее. И какъ разъ въ такой моментъ двое политическихъ дѣятелей прежней великой либеральной партіи, лордъ Розберри и Асквитъ, сочли нужнымъ торжественно отречься отъ гомруля и отъ всей политики Гладстона, которой они были обязаны всею своею политическою карьерой, примкнувъ къ теперешней англійской политикѣ какъ въ Южной Африкѣ, такъ и въ Ирландіи.

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій парламента опять чуть было не вышло серьезнаго столкновенія между Уиндэмомъ и ирландскими депутатами. Спикеръ нѣсколько разъ призывалъ къ порядку разгорячennыхъ ораторовъ и въ воздухѣ чувствовалась буря, когда вдругъ въ самый разгаръ рѣчи ирландскаго депутата Хили произошелъ слѣдующій инцидентъ. Хили распространялся о выселеніяхъ ирландскихъ фермеровъ и въ самыхъ мрачныхъ краскахъ изобразилъ ихъ положеніе. «Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ нельзя увидѣть ничего подобнаго!» воскликнулъ онъ.

— Ну-ка, посмотрѣли бы въ Уайтчэпелѣ (бѣднѣйшій кварталъ Лондона),— крикнулъ кто-то съ галлереи для публики.

Это неожиданное вмѣшательство отвлекло вниманіе публики. Стали разыскивать смѣльчака, который произнесъ его, напомнивъ парламенту о язвахъ столицы, но такъ и не нашли. Между тѣмъ, это разсѣяло настроеніе пуб-

лики, и засѣданіе, грозившее стать очень бурнымъ, закончилось сравнительно благополучно.

Лондонская печать заинтересована только что опубликованными результатами статистики послѣдней переписи въ Лондонѣ, что въ Сити Лондона населеніе уменьшается. Это не должно никого удивлять. Конторы, лавки, склады и магазины давно уже вытѣснили въ этой части города всѣ семейныя квартиры и на ночь тамъ остаются только хозяева и полицейскіе, да сторожа, охраняющіе склады и т. п. Въ 1892 г. въ Сити еще насчитывалось 37.702 жителя; въ 1901 г.—уже только 20.923. Въ церковной общинѣ «St. Alphage» насчитывается теперь только 29 членовъ, и пасторы въ Сити, по словамъ газетъ, находятся теперь въ затруднительномъ положеніи, такъ какъ некому посѣщать ихъ церкви.

Но дѣло въ томъ, что обезлюдѣніе Лондона замѣчается и въ другихъ его частяхъ, не только въ Сити. Статистика указываетъ уменьшеніе на 67.000 душъ въ пяти другихъ частяхъ города: Вестминстерѣ, Марилбонѣ, Финсбюри, Гольборнѣ и Шордичѣ. Такое же уменьшеніе населенія замѣчается и во всемъ лондонскомъ графствѣ, что происходитъ вслѣдствіе эмиграціи изъ Лондона въ мѣста по сосѣдству съ графствами Кентъ, Сюррей, Эсексъ и Гертфордъ. Въ Лондонѣ негдѣ жить, и рабочій лишь съ большимъ трудомъ можетъ найти для себя помѣщеніе въ центральныхъ частяхъ Лондона и поэтому-то и наблюдается теперь выселеніе въ болѣе отдаленныя мѣста лондонскаго графства, на самыя его окраины или даже за его границы. Но зато въ Лондонѣ возрастаетъ иностранный элементъ среди населенія. Такъ, напримѣръ, по послѣдней статистикѣ число русскихъ въ Лондонѣ достигаетъ 38.117; нѣмцевъ—27.427; французовъ—11.264; итальянцевъ—10.889.

Въ прошломъ мѣсяцѣ исполнилось 200 лѣтъ со времени появленія первой англійской ежедневной газеты «Daily Courant». Первый номеръ этой газеты вышелъ 11-го марта 1702 г. Англійская печать можетъ съ гордостью взглянуть на пройденный путь и на успѣхи, сдѣланные съ того времени англійскою журналистикою. Основатель «Daily Courant» сэръ Маллетъ поставилъ себѣ цѣлью знакомить англійскую публику ежедневно со всѣмъ, что дѣлается въ разныхъ странахъ, но чтобы не утомлять вниманіе читателей, онъ издавалъ маленькую газетку, состоящую, главнымъ образомъ, изъ перевода извѣстій, появившихся въ газетахъ европейскаго континента, причемъ однако добросовѣстный Маллетъ не выдавалъ эти извѣстія за собственныя корреспонденціи, а въ заголовкѣ всегда печаталъ названіе газеты, откуда взято извѣстіе. Это было все что предлагалось англійскимъ читателямъ ежедневной газеты двѣсти лѣтъ тому назадъ. Зато Маллетъ обѣщалъ своимъ читателямъ только «достовѣрныя новости», а при тогдашнихъ условіяхъ, когда новости доставлялись въ Англію при непосредствѣ парусныхъ судовъ, это было еще затруднительнѣе, чѣмъ теперь, такъ какъ провѣрять факты было трудно.

Ежедневная пресса почему-то не ознаменовала ничѣмъ своего двухсотлѣтняго юбилея, и лишь нѣкоторыя изъ газетъ напечатали по этому случаю краткій очеркъ исторіи журналистики и указали на ея многотрудный путь

и многочисленныя препятствія, которыми было обставлено ея первоначальное развитіе.

Американскій лицей и свобода программъ. Эквивалентомъ европейскаго лицея въ Соединенныхъ Штатахъ надо считать такъ называемую высшую школу «High School». Но эта школа безплатная и такъ сказать демократическая,— общинное учрежденіе, куда въ восточныхъ штатахъ, поступаютъ только дѣти бѣдняковъ, тогда какъ богачи посылаютъ своихъ дѣтей въ платныя частныя школы. Въ высшей школѣ бѣдняки получаютъ среднее и классическое образованіе уличные мальчишки, вступая туда, проходятъ тамъ весь необходимый курсъ и выходятъ оттуда студентами. Затѣмъ уже отъ нихъ зависитъ заработать себѣ средства для поступленія въ университетъ, но труда юные американцы не боятся и никакой трудъ не кажется имъ унизительнымъ Въ Америкѣ не существуетъ того страха, который такъ часто высказывается въ Европѣ по поводу «перепроизводства университетовъ», «переполненія либеральныхъ профессій» и т. д. Американцы не боятся ученія, но умственный и физическій трудъ не представляютъ у нихъ двухъ полюсовъ и поэтому никто въ Америкѣ не удивится, если рабочій станетъ студентомъ или наоборотъ, студентъ превращается въ рабочаго.

Ученики въ «High School» происходятъ преимущественно изъ бѣднѣйшихъ классовъ и эта школа является такимъ образомъ продолженіемъ первоначальной школы. Программы у нея европейскія, но дисциплина американская, ученіе классическое, а воспитаніе гражданское. Учителя этой школы никогда не забываютъ, что они должны не столько обучать своихъ учениковъ. сколько воспитывать изъ нихъ будущихъ гражданъ великой американской республики. Они несутъ на себѣ отвѣтственность за нравственное развитіе учениковъ, которое у насъ возлагается на семью.

До сихъ поръ американскія школы раздѣлялись на четыре отдѣла: классическій, научный, либеральный и коммерческій. Но теперь это все измѣняется, такъ какъ по мнѣнію американцевъ, нѣтъ никакой надобности дѣлать особенныя различія между будущими учеными и будущими коммерсантами. Американскіе педагоги находятъ, что одинъ и тотъ же методъ воспитанія долженъ быть примѣненъ какъ къ тѣмъ, которые подготовляются къ либеральнымъ профессіямъ, такъ и къ тѣмъ, которыя выбираютъ практическую карьеру. Президентъ національной ассоціаціи Эліотъ высказалъ по поводу этого слѣдующее: «Нанимая юношу, только что вступающаго на почву практической дѣятельности, каждый хозяинъ, прежде всего, требуетъ отъ него не техническихъ знаній, которыя пріобрѣтаются на мѣстѣ, а 1) хорошую нравственность; 2) здоровье; 3) священный огонь; 4) способность къ сосредоточенію и ловкость. Не столько пріобрѣтенныя познанія важны, сколько важна способность человѣка усваивать и пріобрѣтать новыя знанія. Если пріобрѣтаются привычка и вкусъ къ ученію, то всему можно научиться».

Основная идея американскаго воспитанія,—что человѣческое существованіе не можетъ быть рѣзко раздѣлено на двѣ половины, причемъ въ одной онъ

получаетъ, а въ другой даетъ. И то, и другое соединяется вмѣстѣ и какъ никогда не бываетъ поздно учиться, такъ точно и нѣтъ слишкомъ ранняго возраста для дѣятельности. Теорія должна идти вмѣстѣ съ практикой и ученіе вмѣстѣ съ трудомъ и практическою дѣятельностью.

Въ нью-іоркскихъ школахъ классическое и коммерческія отдѣленія стремятся уже къ сліянію въ одно общее отдѣленіе, программа котораго настолько эластична, что допускаетъ всевозможныя комбинаціи. Обязательные предметы ограничиваются рисованіемъ, гимнастикой и музыкой, англійскимъ языкомъ, исторіей, небольшимъ курсомъ алгебры или физики, смотря по годамъ. Другіе предметы могутъ быть выбраны учениками по желанію. Въ первые два года имъ представляется выбрать два предмета, на третій годъ—три, на четвертый четыре. Къ этимъ «свободно избираемымъ» предметамъ преподаванія принадлежатъ: латинскій, греческій, французскій, нѣмецкій и испанскій языки; химія, алгебра, физика, геометрія въ пространствѣ и тригонометрія, затѣмъ пространный курсъ исторіи, англійскаго языка, политическая экономія, астрономія, психологія и этика. Исходя изъ того убѣжденія, что и въ среднемъ образованіи, подобно тому, какъ въ университетѣ, должна быть представлена нѣкоторая индивидуальная свобода, ученикамъ дается свобода выбора изъ общей программы тѣхъ предметовъ, которые они хотятъ изучить. Для каждаго предмета назначается одинаковое число часовъ въ недѣлю—четыре и допускается всякая учебная комбинація, лишь бы въ нее входили предметы, обозначенные въ программѣ. Разнообразіе программъ никого не пугаетъ и дѣйствительно ни въ одной странѣ нельзя найти такого необычайнаго разнообразія среднихъ школъ, представляющихъ массу разновидностей. Но въ одномъ онѣ всѣ сходятся между собою: каждая такая школа составляетъ достояніе народа и поэтому она открыта для всѣхъ, какъ музей или библіотека, и благодаря господствующей въ ней свободѣ преподаваній, она содѣйствуетъ развитію гораздо большихъ разновидностей ума и характера, чѣмъ такая школа, въ которой никому не позволяется отступить отъ разъ навсегда установленной программы.

Американцы, взявшіе сначала за образецъ европейскую систему раздѣленія средняго образованія, теперь все больше и больше отступаютъ отъ этой системы, такъ какъ ея узкія рамки не подходятъ къ духу американскаго народа и его широкимъ стремленіямъ къ индивидуальной свободѣ даже въ школѣ.

Выборная агитація. Общественная жизнь во Франціи. Французскія дѣла. Франція очень дѣятельно приготовляется къ предстоящимъ парламентскимъ выборамъ. Всѣ партіи энергично подготовляютъ свои кандидатуры, но всего больше волнуются и шумятъ націоналисты, газеты которыхъ заявляютъ: «Побѣда обезпечена!» На этотъ разъ особенно большое участіе въ выборной агитаціи принимаютъ дамы французской аристократіи, и благодаря имъ, въ кассу націоналистовъ деньги приплываютъ съ разныхъ сторонъ. Между прочимъ, и Эдмондъ Бланъ, арендаторъ игорнаго банка въ Монте-Карло, пожертвовалъ, какъ говорятъ, довольно изрядную сумму въ пользу націоналистовъ, — все это для спасенія Франціи! Антисемитская газета «Libre Parole» собрала у своихъ або-

ментовъ 26.000 фр.,—однимъ словомъ, въ деньгахъ недостатка нѣтъ и такъ какъ они-то и составляютъ «нервъ войны», то надо полагать, что битва произойдетъ жестокая, потому что націоналисты мобилизуютъ всѣ свои силы и, не довольствуясь собираніемъ денегъ, они посылаютъ по всей странѣ своихъ ораторовъ. Жюль Леметръ произнесъ рѣчь въ Реймсѣ, откуда онъ отправился въ Шамбери, въ Тулонъ, въ Тулузу, въ Альби и Ліонъ. И вездѣ онъ потрясалъ стѣны своими патріотическими возгласами и призывомъ къ единенію ради спасенія Франціи. Генералъ Мерсье, стяжавшій такую извѣстность во времена дрейфусовскаго дѣла, тоже въ качествѣ «горячаго французскаго патріота» говорилъ рѣчи, обращаясь къ избирателямъ въ разныхъ городахъ. Въ Парижѣ ежедневно происходятъ націоналистскія собранія, въ которыхъ принимаютъ участіе выдающіеся вожди клерикальной партіи, графъ Мёнъ и др. Тема, которую развиваютъ всѣ эти ораторы въ своихъ рѣчахъ, всегда одна и та же: армія распадается, религія порабощается, а государство доводится до банкротства и т. д., и т. д. Франціи предрекается гибель, если она не обратится на тотъ путь, который ей указываютъ націоналисты. Не обходится дѣло и безъ бурныхъ инцидентовъ и даже драки, но все это становится уже настолько обычнымъ явленіемъ, что никто не придаетъ серьезнаго значенія столкновеніямъ подобнаго рода.

Между тѣмъ, въ палатѣ депутатовъ все еще продолжается обсужденіе бюджета, которое никакъ не можетъ быть доведено до конца. Каждый изъ депутатовъ старается добиться какихъ-нибудь небольшихъ выгодъ для своего избирательнаго округа, проведенія вѣтви желѣзной дороги, открытія новой школы, учрежденія новаго гарнизона или проведенія канала и т. п., для того, чтобы имѣть право поднести это своимъ избирателямъ въ видѣ подарка. Однако, многіе друзья депутатовъ совѣтуютъ имъ торопиться, такъ какъ пока они тутъ возятся съ бюджетомъ и затягиваютъ пренія, ихъ противники разъѣзжаютъ по избирательнымъ округамъ и агитируютъ среди избирателей. Время выборовъ еще не назначено, но говорятъ, что Вальдекъ-Руссо желалъ бы назначить ихъ пораньше, чтобы не дать націоналистамъ слишкомъ много времени для агитаціи. Но до сихъ поръ палата не еще приступала къ обсужденію законопроектовъ, имѣющихъ отношеніе къ предстоящимъ выборамъ. Два законопроекта этого рода, которые вноситъ правительство, касаются наклейки избирательныхъ афишъ и подкупа избирателей. Въ послѣднее время въ этомъ отношеніи образовалось нѣчто вродѣ спорта: кандидаты старались наклеивать свои избирательные плакаты на плакаты своихъ противниковъ. Возникала борьба посредствомъ афишъ и одерживалъ побѣду, конечно, тотъ, у кого денегъ было больше; поэтому, правительство рѣшило воспретить этотъ видъ спорта и составило въ этомъ духѣ законопроектъ. Подкупъ избирателей также представляетъ зло, которое оказывается довольно распространеннымъ. Новый законопроектъ грозитъ продолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ каждому, кто попытается пустить въ ходъ это средство на выборахъ.

Около 30-ти депутатовъ отказываются ставить вновь свою кандидатуру. Къ числу такихъ принадлежитъ Вильсонъ, знаменитый зять бывшаго прези-

дента Греви, торговавшій орденами. Несмотря на свою запятнанную репутацію, онъ все таки неизмѣнно выбирался однимъ изъ округовъ и въ началѣ парламентской сессіи аккуратно посѣщалъ засѣданія, не взирая на то, что коллеги его всегда старались его избѣжать. Онъ спокойно садился на свое мѣсто, доставалъ бинокль и разсматривалъ залу засѣданія, точно театральную сцену. Очевидно, зрѣлище это уже надоѣло ему и онъ больше не хочетъ выставлять своей кандидатуры.

Вниманіе французскаго общества теперь исключительно поглощено приготовленіями къ выборамъ и это кладетъ отпечатокъ на все теченіе общественной жизни; поэтому, и печать удѣляетъ теперь мало вниманія другимъ явленіямъ. Между тѣмъ, недавно происходило собраніе новой университетской ассоціаціи «общества Кондорсе». Въ статутахъ этого Общества говорится, что оно ставитъ себѣ цѣлью «защиту и укрѣпленіе въ области средняго образованія свѣтскаго, демократическаго и республиканскаго духа». Однако, въ своихъ собраніяхъ члены этого общества гораздо менѣе занимались вопросами образованія, нежели политическими вопросами, составляющими теперь злобу дня. Между прочимъ, это общество возбудило очень важный вопросъ объ участіи профессоровъ въ общественной жизни и свободѣ слова и дѣйствій, которою они должны пользоваться наравнѣ съ прочими гражданами. Вопросъ былъ поднятъ по поводу дисциплинарнаго взысканія, которому подвергся одинъ изъ профессоровъ за высказанные имъ взгляды въ печати. Общество, послѣ довольно бурныхъ преній, вотировало резолюцію, требующую для всѣхъ членовъ ученой коллегіи и для всего педагогическаго персонала права свободно участвовать въ общественной жизни и высказывать свои взгляды печатно и устно, не рискуя подвергнуться за это преслѣдованію.

Въ Парижѣ, подъ названіемъ лиги противъ смертности дѣтей образовалось новое общество, поставившее себѣ цѣлью бороться всѣми зависящими отъ него средствами отъ ужасающей смертности, которая свирѣпствуетъ среди дѣтей въ первые годы ихъ жизни. Грозный призракъ убыли французскаго населенія въ особенности началъ безпокоить французское общество послѣ результатовъ послѣдней переписи. Французскіе государственные дѣятели, повидимому, серьезно встревожены и изыскиваютъ разныя средства бороться съ этимъ зломъ. Новый союзъ естественно долженъ придти къ нимъ на помощь и хотя онъ не имѣетъ въ виду повысить цифру рожденій, но можетъ, конечно, принести огромную пользу, понизивъ смертность дѣтей. Организаціонный комитетъ лиги состоитъ изъ выдающихся врачей, сенаторовъ и др. На первомъ публичномъ собраніи предсѣдательствовалъ Вальдекъ-Руссо, и трое врачей прочли рефераты, изобразивъ мрачными красками положеніе дѣтей въ бѣднѣйшихъ классахъ населенія и въ особенности незаконныхъ дѣтей. Около 150.000 дѣтей погибаетъ ежегодно въ нѣжнѣйшемъ возрастѣ и вотъ имъ-то и надо сохранить жизнь.

Французская печать привѣтствовала восторженно образованіе новой лиги, на сторонѣ которой, конечно, находятся всѣ симпатіи общества; но нѣкоторыя изъ газетъ справедливо указываютъ на необходимость поддержанія дѣятельности лиги изданіемъ соотвѣтствующихъ соціальныхъ законовъ, такъ какъ

безъ этого врядъ ли могутъ быть достигнуты сколько-нибудь значительные результаты.

Издатель сочиненій Золя, Фаскелль, въ отвѣтъ на слухи, что вмѣшательство Золя въ дѣло Дрейфуса отразилось невыгоднымъ образомъ на распространеніи его произведеній, выпустилъ книгу, которая опровергаетъ это посредствомъ цифровыхъ данныхъ. Книга эта служитъ, кромѣ того, руководствомъ при чтеніи романовъ Золя, такъ какъ заключаетъ въ себѣ на 500 страницахъ библіографическій указатель именъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, встрѣчающихся въ 20-ти томахъ его сочиненій, съ обозначеніемъ всѣхъ подробностей, происхожденія и біографіи этихъ лицъ. На заглавной страницѣ этого объемистаго труда помѣщены цифры, указывающія, какого распространенія достигли различные романы Золя. Изъ этой таблицы видно, что только «Paris»—романъ, вышедшій въ самый разгаръ смутъ въ 1898 г., нѣсколько пострадалъ отъ этого, такъ какъ теперь поступила въ продажу 88-я тысяча этого изданія; «Lourdes» же дошелъ до 154-й тысячи, «Rome»—до 106-й тысячи, «Fécondité», написанный Золя въ изгнаніи и появившійся въ 1899 г.,—до 94-й тысячи. Послѣдній романъ Золя «Travail» нѣсколько отсталъ и теперь поступила въ продажу 77-я тысяча. Всего хуже расходится его политическая сатира «Son Excellence Eugène Rougon» (32 тысячи) и первый романъ его знаменитой серіи «La fortune des Rougon».

Новыя экспедиціи въ Гренландію. Копенгагенскія газеты говорятъ, что интересъ къ Гренландіи сильно возросъ въ Даніи со времени экспедиціи Амдрупа и, вслѣдствіе этого, теперь организуются еще двѣ новыя датскія экспедиціи въ эту страну. Въ началѣ мая д-ръ философіи Энгелль и лейтенантъ Шеррингъ отправляются въ научную экскурсію въ Гренландію. Путевая программа этой экспедиціи еще не вполнѣ установлена, но уже рѣшено, что экспедиція отправится на суднѣ гренландскаго торговаго общества въ Якобсгафенъ. Д-ръ Энгелль предполагаетъ, кромѣ геологическихъ изслѣдованій, произвести еще цѣлый рядъ научныхъ наблюденій надъ образованіемъ глетчеровъ въ Гренландіи до поздней осени.

Но еще большій интересъ въ датскомъ обществѣ возбуждаетъ вторая экспедиція, которая также отправляется въ этомъ году и носитъ названіе «литературной экспедиціи» въ Гренландію, такъ какъ она организуется датскимъ писателемъ Эриксеномъ. Экспедиція эта—чисто частное предпріятіе; цѣль ея—изслѣдованіе соціальныхъ и экономическихъ условій Гренландіи. Эриксена, стоящаго во главѣ этой экспедиціи, будутъ сопровождать: одинъ гренландецъ, который будетъ служить переводчикомъ, и молодой художникъ графъ Гарольдъ Мольтке, много разъ уже совершавшій путешествія въ арктическія страны для изученія сѣвернаго сіянія. Эриксенъ намѣренъ обратить особенное вниманіе на умственную жизнь обитателей Гренландіи и свои изслѣдованія направитъ преимущественно въ эту сторону. Экспедиція разсчитана на полтора года. Въ іюнѣ она оставляетъ Данію и точно также отправится сначала въ Якобсгафенъ, который будетъ исходнымъ пунктомъ всѣхъ дальнѣйшихъ экскурсій

внутрь страны. Въ теченіе зимней ночи, которая продолжается отъ шести до семи недѣль въ этихъ широтахъ, изслѣдователи намѣрены посвятить свои занятія изученію обыденной жизни гренландцевъ, затѣмъ они предполагаютъ, съ помощью собакъ, запряженныхъ въ сани, пробраться дальше, до Уперникика и къ бухтѣ Мельвилля, еще не вполнѣ изслѣдованной. Тамъ существуютъ еще племена эскимосовъ, оставшіяся вдали отъ всякаго европейскаго вліянія; ихъ-то Эриксенъ и намѣренъ сдѣлать главнымъ предметомъ своихъ наблюденій. Такихъ первобытныхъ эскимосовъ осталось уже не болѣе нѣсколькихъ сотъ человѣкъ.

Экспедиція, между прочимъ, намѣрена запастись автомобилемъ и испробовать его въ полярной области. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произведетъ на эскимосовъ этотъ современный способъ передвиженія.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Американскія библіотеки и читальни для дѣтей.—Аргентинская газета.—Роль соціальной гигіены въ XX вѣкѣ.—Отсталость Соединенныхъ Штатовъ въ научномъ отношеніи и ея причины.

Американскій журналъ «Outlook» сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о дѣятельности американскихъ безплатныхъ библіотекъ, которыя существуютъ почти въ каждомъ американскомъ городѣ. Очень многія изъ этихъ библіотекъ имѣютъ цѣлью не столько снабжать книгами взрослыхъ, но развить вкусъ и любовь къ чтенію у дѣтей. Съ этою цѣлью при многихъ библіотекахъ открыты читальни для дѣтей и спеціально назначенные библіотекари руководятъ ихъ чтеніемъ. Дѣтскія читальни вездѣ очень тщательно обставлены, убраны картинами, бюстами, цвѣтами, чучелами животныхъ и т. д. Все сдѣлано для того, чтобы эти учрежденія нравились дѣтямъ и они охотно шли туда. Особенно хорошо устроена дѣтская читальня въ Питтсбургѣ, которую въ 1900 году посѣтило 200.000 дѣтей. Въ этой читальнѣ книги уставлены на удобныхъ низкихъ полкахъ, такъ что дѣти могутъ ихъ легко достать, просмотрѣть на низкихъ столикахъ. Всѣ переплеты свѣтлые. Въ читальнѣ имѣются книги для дѣтей всѣхъ возрастовъ, начиная отъ иллюстрированныхъ собраній сказокъ для маленькихъ дѣтей. Въ читальнѣ ежедневно выставляется таблица, на которой, кромѣ дня, числа и мѣсяца, нарисована еще картина, сопровождаемая изреченіемъ и стихами, имѣющими какое-нибудь отношеніе къ этому дню и мѣсяцу. Когда случается годовщина какого-нибудь знаменитаго человѣка, мужчины или женщины, то въ читальнѣ выставляется его или ея портретъ. Дѣти заходятъ въ читальню по дорогѣ въ школу и узнаютъ такимъ образомъ, чья память чествуется въ этотъ день, о чемъ и сообщаютъ своему учителю. Такимъ образомъ, работа школы дополняется библіотекой. Въ читальнѣ выставляются также снимки съ лучшихъ произведеній разныхъ художниковъ для ознакомленія съ ними дѣтей. Каталоги также спеціально составлены съ цѣлью заинтересовать дѣтей. На первой страницѣ находится слѣдующая надпись: «Не хотите ли вы

прочесть о герояхъ древнихъ временъ или объ отважныхъ морякахъ и смѣлыхъ строителяхъ, о прелестныхъ принцессахъ и дѣвушкахъ, обладающихъ чуднымъ голосомъ? Если да, то ниже вы найдете списокъ такихъ книгъ». Все это дѣлается съ цѣлью заинтересовать дѣтей и пріохотить ихъ къ чтенію. Съ этою же цѣлью въ библіотекѣ устроенъ карнизъ, который устанавливается рисунками разнаго рода, раскрашенными и другими, которыя относятся къ содержанію книгъ, стоящихъ на полкѣ возлѣ этого карниза, и картины такъ заинтересовываютъ дѣтей, что обыкновенно эти полки бываютъ пусты, и книги постоянно находятся въ чтеніи.

Въ Питтсбургѣ устраивается въ дѣтской читальнѣ два раза въ недѣлю собранія для слушанія разсказовъ о греческихъ герояхъ или совмѣстнаго чтенія Теннисона «Idylls of the King». Эти собранія имѣютъ большой успѣхъ и каждый разъ послѣ нихъ библіотека едва можетъ удовлетворить всѣ поступающія требованія на книги историческаго содержанія. Послѣ собраній, посвященныхъ Шекспиру, сочиненія Шекспира требовались въ такомъ количествѣ, что библіотека даже не въ состояніи была удовлетворить всѣ эти требованія. Послѣ окончанія каждаго такого засѣданія, посвященнаго какому-нибудь герою или писателю, въ читальнѣ выставляли портретъ этого героя или писателя. Вообще въ тѣ дни, когда бывали собранія, въ библіотеку поступало больше требованій отъ дѣтей, нежели отъ взрослыхъ.

Въ Мильвоке, надъ входомъ въ дѣтскую читальню помѣщается слѣдующая надпись: «Охрана библіотеки поручается мальчикамъ и дѣвочкамъ Мильвоке» И дѣти показали себя достойными этого довѣрія. Пропажа или порча книгъ въ этой библіотекѣ представляетъ крайне рѣдкое явленіе, и дѣти, беря книги на домъ, обращаются съ ними очень бережно. Сообщая цифровыя данныя, авторъ статьи особенно напираетъ на то, какъ сильно развивается любовь къ чтенію среди юныхъ американскихъ гражданъ, благодаря такой системѣ устройства спеціальныхъ дѣтскихъ библіотекъ съ читальнями.

Въ Буэносъ-Айресѣ съ 1869 г. издается газета «La Pressa» (Пресса), редакторъ которой Е. Пацъ поставилъ себѣ цѣлью сдѣлать редакцію своей газеты соціальнымъ, интеллектуальнымъ и политическимъ центромъ своей общины. Газета распространяется въ количествѣ 100.000 экземпляровъ и пользуется большою популярностью въ Аргентинской республикѣ. Населеніе Буэносъ-Айреса гордится этою газетой и каждому иностранцу, попадающему въ столицу Аргентины, непремѣнно указываютъ на дворецъ, гдѣ помѣщается редакція и всѣ учрежденія, связанныя съ газетой, какъ на главную достопримѣчательность города. «Review of Reviews» говоритъ, что это зданіе, дѣйствительно, заслуживаетъ того, чтобы на него было обращено вниманіе. Колоссальная бронзовая символическая фигура, изображающая Прессу, украшаетъ его. Фигура держитъ въ рукѣ фонарь, который освѣщается вечеромъ разноцвѣтнымъ огнемъ и посредствомъ этого освѣщенія жители Буэносъ-Айреса узнаютъ животрепещущія новости. Въ настоящее время, когда интересъ сосредоточенъ на бурской войнѣ, свѣтъ фонаря обозначаетъ побѣду или пораженіе англичанъ; если показывается

желтый свѣтъ, то значитъ побѣдили англичане, зеленый—побѣда на сторонѣ буровъ и т. д. Дворъ редакціи покрытъ стеклянною крышей и служитъ для собраній во время народныхъ волненій и вообще когда общество особенно интересуется какимъ-нибудь политическимъ вопросомъ или событіемъ. На этомъ дворѣ свободно размѣщаются 2.500 человѣкъ, къ которымъ редакторъ или кто-нибудь изъ сотрудниковъ обращается съ рѣчью, стоя на балконѣ второго этажа, когда представляется нужнымъ оказать вліяніе на общественное мнѣніе. Кромѣ того, при редакціи устроена консультація медицинская и юридическая, гдѣ каждый неимущій житель города можетъ получить безплатно медицинскій или юридическій совѣтъ. Въ амбулаторіи ежедневно бываютъ болѣе ста больныхъ, которыхъ принимаетъ одинъ главный врачъ и пять ассистентовъ; въ юридической консультаціи также бываетъ много народа и вообще оба эти учрежденія приносятъ огромную пользу бѣднѣйшимъ классамъ населенія. Рядомъ съ консультаціей помѣщается родъ торговаго музея, въ которомъ устроена постоянная выставка всѣхъ американскихъ продуктовъ и издѣлій. Въ связи съ музеемъ находится химическая лабораторія, куда можетъ обратиться каждый гражданинъ Аргентинской республики для анализа почвы или продуктовъ и это также дѣлается даромъ. Собственно редакція помѣщается во второмъ этажѣ и тамъ же находится огромная зала, представляющая родъ форума, доступъ въ который открытъ для всѣхъ гражданъ; тамъ они могутъ собираться для обсужденія своихъ дѣлъ. Сюда же примыкаетъ библіотека спеціальныхъ книгъ, техническихъ, юридическихъ, медицинскихъ и др. Библіотека открыта отъ 1 до 6 и отъ 8 до 10-ти вечера. При библіотекѣ учреждены классы испанскаго языка. Въ третьемъ этажѣ устроены комнаты для какихъ-нибудь выдающихся посѣтителей аргентинской столицы, писателей, ученыхъ и т. д. и тамъ же устроена зала, гдѣ редакція организуетъ литературные вечера, концерты и публичныя лекціи. При редакціи устроенъ ресторанъ, въ которомъ служащіе въ редакціи и типографіи получаютъ обѣдъ и завтракъ по удешевленной цѣнѣ, и въ часъ дня они получаютъ чай или кофе даромъ. По словамъ издателя, доходъ съ газеты покрываетъ всѣ расходы на эти учрежденія. Что же касается врачей и юристовъ, то они не берутъ гонорара и добровольно отдаютъ свой трудъ на пользу общества. Редакція, дѣйствительно стала центромъ всей соціальной жизни въ Аргентинѣ. Все стекается туда, кто ищетъ совѣта, помощи, наставленія, кто приходитъ для обсужденія какого-нибудь злободневнаго вопроса, полученія политическихъ свѣдѣній и разъясненій или просто чтобы послушать рѣчи другихъ—однимъ словомъ, ни одинъ важный вопросъ въ жизни общества и государства не рѣшается безъ прямого или косвеннаго участія этой газеты.

Д-ръ Генрихъ Мертенсъ говоритъ въ «Neue Deutsche Rundschau» о роли соціальной гигіены въ борьбѣ съ эпидемическими болѣзнями, которыя онъ называетъ «соціальными болѣзнями». Пробужденіе соціальнаго сознанія, съ одной стороны, и развитіе медицинскаго изслѣдованія—съ другой, привели къ тому, что теперь уже цѣлый рядъ такихъ болѣзней считается «соціальными болѣзнями», которыя прежде не обращали на себя вниманіе государства и причи-

слялись къ «индивидуальнымъ болѣзнямъ». Государство не находило нужнымъ вмѣшиваться въ борьбу съ этими болѣзнями, предоставляя это отдѣльнымъ индивидамъ и только при появленіи эпидемій холеры или чумы на помощь призывалась соціальная гигіена. Въ настоящее время кругъ дѣятельности этой послѣдней значительно расширился, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ къ разряду соціальныхъ болѣзней причисляются и всѣ промышленныя болѣзни, являющіяся непосредственнымъ результатомъ занятія извѣстными ремеслами и фабричнаго труда. Особенно важную роль играютъ въ данномъ случаѣ промышленныя отравленія: свинцовое, фосфорное, отравленіе сѣрой и хромовой кислотой и вдыханіе металлической и древесной пыли. Тифъ и туберкулёзъ занимаютъ теперь первое мѣсто въ ряду соціальныхъ болѣзней, съ которыми ведетъ борьбу соціальная гигіена. Сюда же причисляется въ настоящее время болотная лихорадка, которая въ извѣстныхъ мѣстностяхъ Италіи имѣетъ характеръ соціальной болѣзни и во многихъ колоніяхъ является смертельнымъ врагомъ европейцевъ. Послѣ знаменитаго открытія Лаверана, а затѣмъ Росса, Грасси и Коха, роль соціальной гигіены въ борьбѣ съ этою болѣзнью значительно расширилась, такъ какъ было установлено, что переносчиками заразы служитъ извѣстный родъ москитовъ (Anopheles). Слѣдовательно, для успѣшной борьбы съ распространеніемъ этой болѣзни нужно, прежде всего, уничтоженіе источниковъ заразы, т.-е. такихъ мѣстъ, гдѣ развиваются москиты, а это уже прямое дѣло соціальной гигіены. Въ послѣднее время, съ открытіемъ паразитарной природы рака и эта болѣзнь зачисляется въ разрядъ тѣхъ, съ которыми ведетъ борьбу соціальная гигіена, раздвигающая постепенно рамки своей дѣйствительности. Забота о сохраненіи здоровья соціальнаго организма и предупрежденіе его заболѣваній составляетъ теперь главную задачу соціальной гигіены XX вѣка, постепенно отодвигающей медицину на второй планъ.

Одинъ изъ американскихъ писателей, Карлъ Снайдеръ, напечаталъ въ «North American Review» статью объ отсталости Америки въ научномъ отношеніи. Безъ сомнѣнія, въ Соединенныхъ Штатахъ были великіе ученые, есть они и теперь, но число ихъ ограничено. А между тѣмъ, университетовъ и перворазрядныхъ коллегій въ Соединенныхъ Штатахъ больше, нежели во Франціи и Германіи, на образованіе расходуются гораздо бо́льшія суммы и число студентовъ и вообще учащихся гораздо больше. Что же за причина отсталости? Авторъ объясняетъ это тѣмъ, что въ Америкѣ есть ученые, но нѣтъ научнаго движенія. Соединенные Штаты стремятся, главнымъ образомъ, къ промышленному завоеванію міра, а о научныхъ побѣдахъ заботятся очень мало. Напр., въ Америкѣ нѣтъ учрежденія, подобнаго институту Пастёра, нѣтъ центра, гдѣ бы сосредоточивалась интеллектуальная и научная работа страны и вообще университетская система Соединенныхъ Штатовъ не можетъ сравняться, напр., съ германскою университетскою системой, гдѣ профессора пользуются такою независимостью и имѣютъ столько свободнаго времени для своихъ научныхъ работъ.

На эту статью въ томъ же журналѣ возражаетъ другой американскій писатель, Ньюкомбъ. Онъ говоритъ, что ни въ ученыхъ, ни въ научномъ движе-

ніи нѣтъ недостатка въ Соединенныхъ Штатахъ, но бѣда въ томъ, что американское общество не интересуется научными работами, потому что онѣ ему неизвѣстны. Между тѣмъ какъ въ Англіи имена Фарадея, Максъ Мюллера и др. рѣшительно всѣмъ извѣстны, въ Америкѣ имена ученыхъ, не уступающихъ только что названнымъ, извѣстны лишь немногимъ избраннымъ. Американцы извлекаютъ выгоду изъ изобрѣтеній и научныхъ трудовъ своихъ ученыхъ, но они никогда не чествуютъ ихъ такимъ образомъ, какъ чествовали англичане лорда Кельвина, нѣмцы—Гельмгольца, французы—Пастёра, Бертело и др. Кромѣ того, въ Европѣ всѣ правительства оказываютъ поддержку ученымъ обществамъ, въ Америкѣ же правительство ничего для нихъ не дѣлаетъ и печальнымъ примѣромъ такого пренебрежительнаго отношенія можетъ служить американская академія наукъ. Въ Европѣ ученые принимаютъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ, засѣдаютъ въ парламентахъ и т. д.—въ Соединенныхъ Штатахъ среди членовъ конгресса не встрѣчается ни одного ученаго, и только два писателя, пользующіеся извѣстностью, засѣдали на скамьяхъ конгресса за все время. Вообще, по мнѣнію автора, главная бѣда заключается въ томъ, что въ Америкѣ ученые не пользуются такою популярностью, какою пользуются ученые во Франціи, Германіи и Англіи и помочь этому горю можно только, учредивъ въ Вашингтонѣ такой научный центръ, который бы пролилъ лучи свѣта во всѣ отдаленные уголки великой сѣверо-американской республики и заставилъ бы американское общество интересоваться учеными трудами и занятіями.

Фабричныя инспектрисы въ Германіи.

(Письмо изъ Гейдельберга).

Въ послѣднее время вопросъ о введеніи института фабричныхъ инспектрисъ все настойчивѣе выдвигается на очередь во всѣхъ промышленныхъ странахъ. Подъ вліяніемъ несомнѣнной потребности, а также и удачнаго опыта Англіи, отдѣльныя государства Германіи пытаются въ томъ или иномъ видѣ провести у себя эту реформу, значеніе которой заключается въ томъ, чтобы приблизить къ работницамъ представителей фабричнаго надзора, поставить въ непосредственное общеніе съ ними лицо, внушающее имъ больше довѣрія и могущее ближе входить въ разсмотрѣніе какъ общихъ условій ихъ труда, такъ и отдѣльныхъ случаевъ недовольства, жалобъ и т. п. Такимъ лицомъ совершенно естественно должна быть именно женщина —фабричная инспектриса. Недостатка въ лицахъ, желающихъ работать на этомъ поприщѣ, конечно, и въ Германіи не встрѣчается *).

Любопытно сравнить двѣ попытки введенія женскаго труда въ область фабричнаго надзора въ двухъ государствахъ Германіи: великомъ герцогствѣ Баденѣ

*) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Берлинѣ устроены были даже особые курсы для подготовленія фабричныхъ инспектрисъ.

и въ королевствѣ Саксоніи. Эти попытки носятъ совершенно различный характеръ какъ по тѣмъ правамъ и обязанностямъ, которыя предоставлены въ нихъ женщинамъ, такъ и по требованіямъ, которыя предъявляются къ лицамъ, желающимъ нести эти обязанности; въ связи съ этимъ и служебное положеніе фабричныхъ инспектрисъ въ Саксоніи и Баденѣ далеко не одинаково. Въ великомъ герцогствѣ Баденѣ (по пространству равномъ средней русской губерніи) вся фабричная инспекція сосредоточена въ главномъ городѣ — Карлсруэ, откуда всѣ чины инспекціи совершаютъ свои разъѣзды; въ Саксоніи же, по пространству приблизительно въ два раза меньшей, но по густотѣ населенія и по развитію промышленности значительно опередившей Баденъ, фабричная инспекція распредѣлена на нѣсколько округовъ, каждый въ завѣдываніи особаго инспектора и его помощника. При каждыхъ пяти округахъ учреждена особая должность для женщины-помощницы фабричнаго инспектора, или, какъ онѣ тамъ называются, повѣренной (Vertrauensperson). Отъ кандидатокъ на эти должности не требуется никакой особой подготовки—ни научной, ни практической, но зато этимъ «повѣреннымъ» не присвоено никакихъ служебныхъ правъ; онѣ не имѣютъ даже права посѣщать фабрики и мастерскія, въ которыхъ примѣняется женскій трудъ, и такимъ образомъ лишены единственной возможности непосредственнаго наблюденія надъ положеніемъ работницъ въ производствѣ. Единственная, предоставленная имъ форма дѣятельности,—принимать въ опредѣленные часы всѣхъ работницъ, пожелавшихъ обратиться къ нимъ за совѣтомъ или за справками. Результатомъ такого взаимнаго незнакомства является постоянная пустота пріемныхъ этихъ «повѣренныхъ». Лишь одна изъ «повѣренныхъ» (въ Дрезденѣ) выхлопотала себѣ оффиціальное право посѣщенія фабрикъ и мастерскихъ, и это сейчасъ же отразилось не только на увеличеніи числа посѣщеній ея пріемной,—74 работницы въ теченіе одного года,—но и на болѣе правильномъ разслѣдованіи и болѣе вѣрной постановкѣ жалобъ. Конечно, нѣкоторыя изъэтихъ «повѣренныхъ»—помощницъ фабричнаго инспектора—обладаютъ чѣмъ-то въ родѣ профессіональной, а можетъ быть, и кое-какой научной подготовкой, такъ какъ при извѣстномъ интересѣ къ дѣлу могутъ знакомиться съ положеніемъ работницъ, принимая участіе во всевозможныхъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ обществахъ, но врядъ ли такая случайная и несистематическая подготовка можетъ быть признана удовлетворительной, особенно если она къ тому же необязательна. Да и самое положеніе этихъ «повѣренныхъ» является какимъ-то необязательнымъ и безправнымъ, и потому учрежденіе подобной должности для женщинъ-инспектрисъ едва ли можетъ имѣть какое-нибудь значеніе.

Попытка введенія женскаго труда въ фабричную инспекцію великаго герцогства Баденскаго носитъ гораздо болѣе серьезный характеръ и потому оказалась несравненно болѣе удачной. Мѣсто помощницы фабричнаго инспектора было предоставлено здѣсь особѣ, блестяще сдавшей экзаменъ на степень доктора государственныхъ наукъ (спеціальность — политическая экономія) при гейдельбергскомъ университетѣ. Ея права и обязанности обозначены вполнѣ точно, и служебное положеніе ея ничѣмъ не отличается отъ положенія всякаго начинаю-

щаго чиновника, могущаго впослѣдствіи занять мѣсто фабричнаго инспектора. Кругъ обязанностей помощницы фабричнаго инспектора былъ опредѣленъ такимъ образомъ: сначала вѣдѣнію ея было предоставлено лишь опредѣленіе внутренняго распорядка фабрикъ съ женскимъ трудомъ, надзоръ за исполненіемъ закона о продолжительности рабочаго времени для работницъ и разсмотрѣніе жалобъ и недоразумѣній, ихъ касающихся. Посѣщенія или ревизіи фабрикъ она могла предпринимать всякій разъ по соглашенію со своими коллегами; обо всѣхъ замѣченныхъ незначительныхъ правонарушеніяхъ должна была сообщать непосредственно низшимъ чинамъ администраціи даннаго округа, если же требованія ея носили болѣе серьезный и рѣшительный характеръ, то она должна была обращаться къ посредничеству фабричнаго инспектора. Этотъ послѣдній пунктъ сохранилъ свою силу и до настоящаго времени, въ остальномъ же компетенція помощницы фабричнаго инспектора теперь значительно расширена. Теперь ей предоставлены въ самостоятельное завѣдываніе всѣ тѣ отрасли промышленности великаго герцогства Баденскаго, въ которыхъ примѣняется одинъ женскій трудъ— главнымъ образомъ, фабрики табачныя и готоваго платья. Такимъ образомъ, въ настоящее время она должна самостоятельно ревизовать всѣ 700 табачныхъ фабрикъ страны, пользуясь лишь при желаніи помощью особаго техника, который сопровождаетъ, въ случаѣ надобности также и другихъ чиновъ фабричной инспекціи Бадена. Помощница фабричнаго инспектора должна утверждать планы устройства новыхъ табачныхъ фабрикъ и вести всю отчетность и переписку, касающіяся отраслей чисто женскаго труда. Наконецъ, ей не возбраняется ревизовать также и тѣ промышленныя заведенія, гдѣ женскій трудъ примѣняется наряду съ мужскимъ, но лишь по соглашенію съ фабричнымъ инспекторомъ даннаго района. Такимъ образомъ, помощница фабричнаго инспектора въ Баденѣ, вооруженная теоретической подготовкой, знаніемъ всѣхъ относящихся къ профессіи законовъ, снабженная авторитетомъ власти, вступаетъ въ непосредственныя сношенія какъ съ предпринимателями, такъ и съ работницами, и на основаніи близкаго знакомства съ дѣломъ можетъ стоять на высотѣ задачъ, возлагаемыхъ на нее труднымъ и отвѣтственнымъ постомъ.

Такой успѣхъ объясняется въ значительной мѣрѣ, конечно, личными качествами первой женщины, занявшей этотъ постъ въ Баденѣ. Fräulein von-Рихтгофенъ, докторъ юридическихъ наукъ гейдельбергскаго университета, блестяще оправдала всѣ возлагавшіяся на нее надежды. Со стороны баденской фабричной инспекціи ея дѣятельность вызвала восторженный отзывъ. По словамъ этого оффиціальнаго отзыва, г-жа фонъ-Рихтгофенъ превосходно справляется со всѣми задачами ея профессіи. Число произведенныхъ ею ревизій достигло за нѣсколько мѣсяцевъ 557. Во всѣхъ проявленіяхъ ея дѣятельности она обнаружила столько же пониманія, сколько энергіи и тактичности, и своимъ разумнымъ вмѣшательствомъ оказывала существенную помощь мужчинамъ — чинамъ фабричной инспекціи. Г-жа фонъ-Рихтгофенъ съумѣла завоевать особое расположеніе и довѣріе фабричныхъ работницъ, о чемъ свидѣтельствуетъ не только великогерцогская фабричная инспекція, но и вся баденская рабочая пресса. М. Б.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

О психикѣ насѣкомыхъ.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

Мозгъ и органы чувствъ. Для того, чтобы судить о высотѣ психической организаціи центральной нервной системы, нужно сначала разсмотрѣть всѣ нервные центры, служащіе для низшихъ отправленій и, прежде всего, завѣдующіе иннерваціей мускуловъ и органовъ чувствъ. Количество всѣхъ этихъ невроновъ не зависитъ отъ сложности умственной работы; но отъ соотвѣтствующаго числа мышечныхъ волоконъ, отъ воспринимающихъ поверхностей органовъ чувствъ, отъ рефлекторныхъ аппаратовъ, а также и отъ величины животнаго.

Мозгъ муравьевъ является хорошимъ примѣромъ того, что для сложныхъ мозговыхъ комбинацій необходимо, чтобы нервный центръ, завѣдующій ими, являлся бы болѣе развитымъ, чѣмъ центры, завѣдующіе мышцами и органами чувствъ. Колонія муравьевъ обыкновенно состоитъ изъ 3-хъ родовъ индивидуумовъ: царицы (самой большой), работницы (самой маленькой) и самца, который немного больше работницы. Сложные инстинкты и рѣзко раздѣляемыя умственныя способности (память, умъ и др.) выражены рѣзче всего у работницы и затѣмъ у царицы. Самецъ невѣроятно глупъ, не различаетъ друзей отъ враговъ и не можетъ даже отыскать дорогу въ муравейникъ. Но у него хорошо развиты глаза и щупальцы, т.-е. два органа, находящіеся въ зависимости отъ надглоточнаго узла и благодаря которымъ онъ можетъ на лету схватывать царицу. Надглоточный узелъ непосредственно не завѣдуетъ ни однимъ изъ мускуловъ.

Эти факты облегчаютъ сравненіе органовъ умственной жизни, т.-е. мозга (corpora pedunculata) у трехъ родовъ индивидуумовъ. У работницы мозгъ очень великъ, у царицы меньше, у самца же едва развитъ, но у него очень развиты зрительныя и обонятельныя доли. Кромѣ того, у работницы мозговая корка чрезвычайно богата клѣточками.

Теперь въ модѣ уменьшать значеніе строенія мозга для психологіи и физіологіи нервовъ. Но мода не должна оказывать давленія на научныя изслѣдованія, какъ не должно заставлять анатомію говорить болѣе того, чѣмъ она можетъ сказать.

Поврежденіе мозга у муравьевъ даетъ тѣ же результаты, что и у голубей.

Достовѣрно, что насѣкомыя обладаютъ 4-мя чувствами: зрѣніемъ, обоня-

ніемъ, вкусомъ и осязаніемъ; существованіе слуха—сомнительно. Можетъ быть, слухъ есть не что иное, какъ измѣненное осязаніе, приспособленное для воспринятія небольшихъ колебаній. Но шестое чувство не встрѣчается въ этомъ классѣ животныхъ.

Кожно-свѣтовое чувство, измѣненное для свѣтовыхъ воспріятій, принадлежитъ къ одной изъ разновидностей осязанія. Оно встрѣчается у многихъ насѣкомыхъ. У водяныхъ насѣкомыхъ обоняніе и вкусъ, вѣроятно, сливаются (Nagel), такъ какъ оба эти чувства служатъ для распознаванія химическихъ веществъ, растворенныхъ въ водѣ.

Сѣтчатыя глаза служатъ для обозрѣванія движеній; при полетѣ такой глазъ ясно различаетъ большія пространства, но воспринимаетъ предметы въ менѣе ясныхъ контурахъ, чѣмъ нашъ глазъ. Фасеточный глазъ даетъ только одно прямое изображеніе, ясность котораго увеличивается съ числомъ фасетокъ и выпуклостью глаза. Экснеру удалось сфотографировать изображеніе, получаемое въ глазу у Lampyris (свѣтящійся червячокъ). Неподвижность глаза мѣшаетъ, конечно, насѣкомому, находящемуся въ покоѣ, видѣть боковые предметы, вотъ почему тогда легко поймать насѣкомое. Во время полета, благодаря фасеточному глазу, насѣкомое оріентируется въ пространствѣ. Запахъ ихъ притягиваетъ, если они нюхаютъ только въ извѣстномъ направленіи. Если залѣпить фасеточные глаза, то у насѣкомаго исчезаетъ всякая способность оріентироваться въ воздушномъ пространствѣ. Извѣстнымъ перемѣщеніемъ пигмента глазъ насѣкомыхъ приспособляется къ дневному и ночному свѣту. Муравьи воспринимаютъ глазами ультра-фіолетовые лучи. Пчелы и шершни различаютъ цвѣта, но по всей вѣроятности, съ другими оттѣнками, чѣмъ мы; такъ, ихъ нельзя никоимъ образомъ обмануть искусственными цвѣтами, какъ бы хорошо они ни были сдѣланы; можетъ быть, это зависитъ отъ того, что ими воспринимаются, кромѣ того, ультра-фіолетовые лучи, не воспринимаемые нами.

Ocelles играютъ незначительную роль и служатъ, вѣроятно, для зрѣнія на близкихъ разстояніяхъ въ темномъ пространствѣ.

Органъ обонянія находится на щупальцахъ, преимущественно въ scape или же въ обонятельныхъ скопленіяхъ. Благодаря своему положенію на концахъ щупалецъ и своей подвижности, органы обонянія насѣкомыхъ обладаютъ 2-мя свойствами, невстрѣчающимися у позвоночныхъ и у человѣка: 1) способностью различать прямымъ прикосновеніемъ химическія свойства тѣлъ (обоняніе соприкосновенія); 2) способностью узнавать и различать, при помощи обонанія, пространство и форму предметовъ, а также и собственный слѣдъ.

Обоняніе многихъ насѣкомыхъ позволяетъ имъ узнавать точныя отношенія предметовъ въ пространствѣ и помогаетъ оріентироваться животному, двигающемуся по землѣ.

Я назвалъ это качественное чувство, отличающееся отъ нашего обонянія своими особенными свойствами, *топохимическимъ обоняніемъ*. Съ уничтоженіемъ щупалецъ, у муравьевъ исчезаетъ способность отличать друзей отъ враговъ, а также способность оріентировки на землѣ; если же отрѣзать 3 лапки и одно щупальце, способности эти сохраняются. Топохимическое чувство поз-

воляетъ муравью различать оба направленія въ слѣдѣ, оставляемомъ имъ. Ощущенія различныхъ запаховъ различны у различныхъ насѣкомыхъ. То, что пахнетъ для однихъ, не имѣетъ запаха для другихъ (и для насъ) и обратно. Органы вкуса находятся въ ротовыхъ частяхъ. Вкусовыя ощущенія насѣкомыхъ очень близки къ нашимъ.

Виль пріучилъ осъ находить медъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Однажды онъ положилъ туда хининъ. Осы тотчасъ замѣтили, повернули назадъ и больше не возвращались. То же самое случилось, когда Виль, вмѣсто меда, положилъ квасцы. Кстати сказать, это служитъ примѣромъ вкусовой памяти насѣкомыхъ и ихъ способности къ ассоціаціямъ.

Описывали различные органы слуха, но, по моему мнѣнію, слухъ есть не что иное, какъ воспріятіе осязаніемъ слабыхъ колебаній.

Осязаніе же у всѣхъ представлено волосками и щетинками.

Нѣкоторыя членистоногія, напр., пауки, ориентируются въ пространствѣ, главнымъ образомъ, при помощи осязанія.

Только у насѣкомыхъ для ориентировки и распознаванія внѣшняго міра приспособляются различные органы чувствъ, смотря по тому, къ какому виду то или другое насѣкомое принадлежитъ. У однихъ недостаетъ глазъ, у другихъ очень слабое обоняніе, у третьихъ отсутствуетъ обоняніе соприкосновенія напр., у большинства двукрылыхъ.

Способность ориентировки нѣкоторыхъ летающихъ животныхъ, напр., птицъ, пчелъ и т. д. покоится, конечно, на органѣ зрѣнія и зрительныхъ ощущеніяхъ. Движенія въ воздухѣ усиливаютъ ее. Полукружные каналы служатъ для позвоночныхъ органомъ равновѣсія и воспринимаютъ ощущенія ускоренія движенія и вращенія, но они не даютъ возможности ориентироваться. Не существуетъ особенной способности ориентироваться, магнетической или какой-либо другой, независимо отъ извѣстныхъ намъ чувствъ.

Всѣ эти факты, о которыхъ мы только что говорили, составляютъ основаніе психологіи насѣкомыхъ. Изученіе общественныхъ насѣкомыхъ особенно благопріятно въ этомъ отношеніи, благодаря разнообразію ихъ взаимныхъ отношеній.

Если мы по отношенію къ нимъ будемъ употреблять терминологію, взятую изъ психологіи человѣка, то ее нужно понимать не антропоморфически, не только какъ аналогію.

Область познанія. Прежде всего, можно констатировать, что большинство насѣкомыхъ обладаетъ памятью, т.-е. впечатлѣнія, получаемыя отъ органовъ чувствъ, запечатлѣваются въ мозгу, чтобы позже снова можно было бы ими воспользоваться, причемъ память проявляется не только прямымъ раздраженіемъ органовъ чувствъ. Губеръ, Фабръ, Лэббокъ, Васманнъ, фонъ-Буттель и я, всѣ мы доказали невѣрность этого взгляда при помощи опытовъ. Вотъ наиболѣе яркій фактъ. Пчелы, осы и др. при полетѣ, несмотря на вѣтеръ и дождь (слѣдовательно, безъ всякаго содѣйствія со стороны обонянія), даже послѣ уничтоженія щупалецъ, находятъ дорогу къ какому-нибудь мѣсту, гдѣ онѣ находили раньше что-нибудь нравящееся имъ; это происходитъ и тогда, если даже

это мѣсто невидимо изъ ихъ улья, и даже послѣ многихъ дней и недѣль, протекшихъ со времени перваго знакомства ихъ съ этимъ мѣстомъ. Такимъ образомъ, очевидно, что они узнаютъ предметы по ихъ цвѣту, формѣ и въ особенности по положенію въ пространствѣ. Фонъ-Буттель показалъ, что эфирный или хлороформный наркозъ отнимаетъ память у пчелъ. Онѣ тогда принимаютъ враговъ за друзей и теряютъ память о мѣстности. Но вѣдь нельзя забывать то, о чемъ не помнилъ.

Топохимическое чувство даетъ тоже доказательство памяти у муравьевъ, пчелъ и пр. Муравей совершаетъ свой тяжелый путь въ 30 метровъ отъ разореннаго муравейника, находитъ новое мѣсто, подходящее для постройки новаго гнѣзда, возвращается (ориентируясь при помощи щупалецъ), находитъ товарища, котораго приноситъ на себѣ на новое мѣсто. Этотъ 2-й муравей приводитъ 3-го и т. д. Память о томъ, что гдѣ-то находится мѣсто, подходящее для новаго муравейника, должна сохраняться въ мозгу 1-го муравья, иначе онъ бы не возвратился въ сопровожденіи товарища.

Муравьи—рабы (Polyergus) отправляются на разграбленіе муравейниковъ, въ сопровожденіи однѣхъ только работницъ, которыя въ теченіи многихъ дней и недѣль обозрѣвали мѣстность съ цѣлью отыскать муравейникъ вида Formica fusca. Часто муравьи во время похода теряютъ дорогу; тогда они останавливаются, пока одинъ изъ нихъ не найдетъ прежнихъ слѣдовъ, благодаря топохимическому чувству, и не заставитъ остальныхъ, быстрыми ударами, идти впередъ. Личинки, найденныя въ муравейникѣ Formica fusca, вытаскиваются изъ глубины его и приносятся домой, нерѣдко за 40 и болѣе метровъ. Если изъ разореннаго муравейника взяты не всѣ личинки сразу, то муравьи возвращаются за ними въ тотъ же или на другой день. Какимъ же образомъ муравьи Polyergus знаютъ, остались ли еще личинки? Обоняніе не можетъ ихъ притягивать на такомъ далекомъ разстояніи, еще менѣе того зрѣніе или какое, нибудь другое чувство. Одна только память, т.-е. воспоминаніе о томъ, что въ муравейникѣ осталось много личинокъ, можетъ заставить муравьевъ вернуться. Мнѣ приходилось очень много разъ слѣдить за подобными походами муравьевъ.

Нѣкоторые муравьи узнаютъ своихъ друзей спустя нѣсколько мѣсяцевъ.

Муравьи и пчелы, какъ то показалъ фонъ-Буттель, различаютъ обоняніемъ разные оттѣнки запаха, напр., запахъ гнѣзда, запахъ своей колоніи и запахъ индивидуальный. У муравьевъ, кромѣ того, существуетъ запахъ вида, тогда какъ запахъ царицы у нихъ не играетъ такой роли, какъ у пчелъ. Изъ всѣхъ этихъ и многихъ другихъ фактовъ слѣдуетъ, что у общественныхъ насѣкомыхъ изъ рода перепончатокрылыхъ въ мозгу сохраняются типохимическія и зрительныя картины, которыя затѣмъ перерабатываются въ представленія или во что нибудь аналогичное этому; представленія же, полученныя отъ различныхъ органовъ чувствъ (зрѣнія, обонянія, вкуса), ассоціируются между собой и такимъ образомъ получается представленіе о пространствѣ. Губеръ, Васманъ и я, мы всѣ констатировали, что у этихъ животныхъ, благодаря частому повторенію какого-нибудь акта, вырабатывается точность и скорость въ исполненіи его. Другими словами, у нихъ образуются, и даже очень быстро,—*привычки*.

Но кто говоритъ о привычкахъ, тотъ говоритъ и объ автоматизмѣ и о ранѣе совершившемся приспособленіи мозга. Такъ по Буттелю старыя пчелы, никогда не вылетавшія изъ улья, не находятъ дороги, даже на разстояніи нѣсколькихъ метровъ, если только онѣ не видятъ улья, тогда какъ обыкновенно старыя пчелы знаютъ окрестности часто на 6 и 7 километровъ вокругъ ихъ улья.

Изъ подобныхъ наблюденій ученыхъ слѣдуетъ, что всѣ впечатлѣнія органовъ чувствъ, представленія, ассоціаціи, вниманіе, память, привычки подчиняются въ общемъ у общественныхъ насѣкомыхъ тѣмъ же законамъ, что и у позвоночныхъ, и у насъ. Наслѣдственный же автоматизмъ болѣе развитъ у насѣкомыхъ. Вышеупомянутыя способности проявляются у нихъ очень слабо внѣ видового инстинктивнаго автоматизма.

Насѣкомое чрезвычайно глупо и плохо приспособляется ко всему, что не относится къ инстинкту. Я обучилъ одного Dytiscus marginalis *) ѣсть на моемъ столѣ. Въ природѣ онъ ѣстъ, только находясь въ водѣ. Положенный же на столъ, онъ тотчасъ же дѣлалъ неловкое движеніе передними лапками, которое перевертывало его на спину, и въ такомъ положеніи ѣлъ, не умѣя избавиться отъ положенія, удобнаго для ѣды въ водѣ. Когда же я входилъ въ комнату, то этотъ Dytiscus выскакивалъ изъ воды, вмѣсто того, чтобы спрятаться въ глубинѣ ея, и кусалъ нѣжно концы моихъ пальцевъ, которые я ему протягивалъ. Также большіе алжирскіе муравьи акклиматизировались у меня въ Цюрихѣ и выучились на лѣто закрывать комками земли широкое отверстіе своего муравейника, спасаясь отъ преслѣдованій нашихъ муравьевъ вида Lasius niger. Въ Алжирѣ же муравейники всегда широко открыты. Многочисленные аналогичные примѣры показываютъ, что эти маленькія животныя умѣютъ пользоваться опытомъ, даже если при этомъ они немного и удаляются отъ прирожденнаго имъ инстинкта.

Что муравьи, пчелы и осы умѣютъ сообщаться другъ съ другомъ—фактъ, на который такъ часто указывали, что я считаю лишнимъ долго останавливаться на немъ. Наблюденіе хотя бы одного похода Polyergus съ остановкой арміи, отыскиваніемъ потеряннаго пути достаточно это доказываетъ. Но это, конечно, не языкъ въ смыслѣ человѣческомъ! Знакамъ не соотвѣтствуетъ ни одна абстрактная идея. Здѣсь идетъ рѣчь только о наслѣдственныхъ знакахъ инстинтивно автоматизированныхъ; то же самое относится и къ ихъ умственному развитію (знаки, дѣлаемые головою, щелканіе челюстями, заднею частью тѣла, склоненіе въ тактъ щупалецъ и пр.). Подражаніе здѣсь играетъ большую роль. Муравьи, пчелы и др. подражаютъ своимъ товарищамъ. Совершенно ошибочно (Васманнъ, фонъ-Буттель и я вполнѣ въ этомъ согласны) этому инстинктивному языку приписываютъ размышленіе и человѣческій умъ Губеръ и многіе др. Спрашивается, образуется ли въ мозгу муравьевъ общія представленіе, напр., представленіе о муравьѣ, врагѣ, муравейникѣ, личинкѣ. Это, конечно, довольно трудно доказать. Понятія и ассоціаціи могутъ, конечно, обра-

*) Одинъ изъ видовъ плавающихъ жуковъ.

зовываться въ очень простомъ, можетъ быть, видѣ, не доходя до такой сложности, какъ у насъ.

Примѣромъ можно иллюстрировать лучше, чѣмъ разсужденіями. Плато говоритъ, что если цвѣты георгины закрыть зелеными листьями, пчелы все таки къ нимъ возвращаются. Сначала онъ закрывалъ цвѣты не совсѣмъ, затѣмъ совершенно, не оставляя отверстія. Изъ этого онъ выводитъ, что пчелы притягиваются запахомъ цвѣтовъ, а не ихъ видомъ.

10-го сентября, въ $2^1/_4$ часа пополудни я поставилъ слѣдующій опытъ. Изъ 43 цвѣтовъ георгинъ, окрашенныхъ различно и очень часто посѣщаемыхъ пчелами, я закрылъ совершенно сначала 17, затѣмъ 28 — виноградными листьями, которыми я обернулъ каждый цвѣтокъ, закалывая ихъ снизу (a). У 4-хъ (b) цвѣтовъ я закрылъ желтую центральную часть цвѣтка; у одного же, наоборотъ, закрытъ былъ весь вѣнчикъ, а центръ его оставался открытымъ (c). Пчелы перестали посѣщать цвѣты, совершенно закрытые листьями; цвѣтокъ же *c* продолжалъ посѣщаться ими такъ же, какъ совершенно открытые. До цвѣтовъ же *b* пчелы часто долетали, но тотчасъ же ихъ оставляли; только нѣкоторымъ удавалось пройти подъ листомъ до центральной части. Какъ только я открылъ одну красную георгину, пчелы быстро къ нему прилетѣли; цвѣтокъ плохо закрытый также сталъ посѣщаться пчелами. Какъ-то одной пчелѣ удалось проникнуть снизу или сбоку въ совершенно закрытый цвѣтокъ. Съ этихъ поръ эта пчела и, только она одна, прилетала къ каждому закрытому цвѣтку. Другія пчелы, очевидно, тоже искали внезапно исчезнувшіе цвѣты; около $^1/_2$ 6-го нѣкоторыя, въ свою очередь, открыли закрытыя георгины. Съ этого момента имъ стали подражать въ этомъ и остальныя пчелы и въ короткій промежутокъ времени всѣ закрытые цвѣты стали снова посѣщаться пчелами, уже безъ всякихъ предварительныхъ поисковъ. Въ послѣдующія посѣщенія пчелы прямо подлетали къ отверстію съ нижней стороны винограднаго листа. Если одна пчела находитъ что-нибудь, то другія не слѣдуютъ ея примѣру, но какъ только ихъ нѣсколько 4 или 5 по крайней мѣрѣ, то остальныя идутъ за ними. Плато, слѣдовательно, плохо поставилъ опытъ и сдѣлалъ невѣрное заключеніе. Пчелы видѣли его георгины, которыя не были закрыты со всѣхъ сторонъ. Когда же онъ затѣмъ закрылъ ихъ совершенно, но не снизу, а сверху, пчелы ужъ обратили вниманіе на его пріемы и, кромѣ того, съ боковъ имъ были еще видны цвѣты. Плато забылъ о существованіи вниманія и памяти у пчелъ.

13-го сентября я изъ желтыхъ головокъ Hieracium (ястребинка), которыя я воткнулъ въ цвѣты петуніи, грубо воспроизвелъ цвѣты георгины и расположилъ ихъ между цвѣтами этой послѣдней. Ни петунія, ни ястребенка не посѣщались пчелами. Когда же многія пчелы и шмели прилетали къ моимъ искусственнымъ георгинамъ такъ же, какъ и къ настоящимъ, то покидали ихъ, какъ только, вѣроятно, по запаху, узнавали о своей ошибкѣ. То же самое было и съ георгиной, у которой центральная часть цвѣтка была замѣнена соотвѣтственной частью ястребенки.

Я поставилъ и обратный опытъ, т.-е. помѣстилъ пахучую центральную часть корзинки георгины между бѣлыми и желтыми хризантемами, оставлен-

ными пчелами и которыя находились на краю грядки съ георгинами. Въ теченіе получаса всѣ пчелы летали въ нѣсколькихъ сантиметрахъ надъ изуродованной георгиной, не замѣчая ея; наконецъ къ ней прилетѣла одна пчела, за которой случайно послѣдовала другая; тогда ужъ и всѣ остальныя стали посѣщать ее.

Плато полагаетъ, что искусственныые цвѣты, какъ бы они хорошо по нашему мнѣнію, ни были сдѣланы, пчелами не признаются. Можетъ быть, пчелы отличаютъ хлорофильную окраску отъ искуственной, благодаря ультрафіолетовымъ лучамъ. 19-го сентября я сдѣлалъ изъ бумаги слѣдующіе цвѣты: α—красный цвѣтокъ, β—бѣлый; γ—голубой; δ—голубой съ желтой серединой, сдѣланной изъ опавшаго листа; ε—изъ куска розовой бумаги съ высушенной центральной частью корзинки георгины; ζ—изъ зеленаго листа георгины. Въ 9 часовъ утра я кладу въ каждый цвѣтокъ по капелькѣ меда. Въ теченіе $^1/_4$ часа пчелы летаютъ очень близко, совершенно не замѣчая меда въ моихъ цвѣтахъ; слѣдовательно, онѣ меда не обоняютъ, не слышатъ. Черезъ часъ я прихожу снова. Только въ δ нѣтъ больше меда.

Помѣщаю α очень близко отъ георгины, гдѣ находятся пчелы, но вниманіе ихъ такъ занято георгины, что я долженъ это повторить 4—5 разъ, пока мнѣ удалось положить каплю меда прямо на хоботъ одной пчелы. Тогда эта послѣдняя сейчасъ же начинаетъ сосать медъ изъ бумажнаго цвѣтка. Я дѣлаю помѣтку голубой краской на спинѣ этой пчелы; тотъ же самый опытъ я повторяю съ цвѣтками β и ε, причемъ пчелъ я помѣтилъ въ желтый и въ бѣлый цвѣтъ. Обѣ пчелы—голубая и желтая, много разъ прилетали къ цвѣткамъ α, δ, β, совершенно не обращая вниманія на георгины. Наконецъ, прилетѣла и бѣлая, ищетъ ε, но не находитъ его сразу и садится то на одну-то на другую георгину, но остается на каждой только одинъ моментъ, какъ будто бы неотвязное представленіе о медѣ не даетъ ей покоя. Затѣмъ она прилетѣла къ искусственнымъ цвѣтамъ, не ассоціируя еще представленіе о медѣ съ воспоминаніемъ о его вкусѣ. Наконецъ, она все-таки находитъ упавшую часть цвѣкта ε и высасываетъ изъ него медъ. Я считаю очень важнымъ тотъ фактъ, что пчелы сами нашли другіе искусственные цвѣты, вѣроятно, благодаря инстинктивнымъ выводамъ по аналогіи, какъ только ихъ вниманіе было обращено на медъ одного изъ нихъ и, несмотря на то, что цвѣты были далеко другъ отъ друга и окрашены различно. Только не былъ найденъ листъ ζ, вѣроятно потому, что онъ не отличается отъ прочей зеленой листвы.

Затѣмъ еще 3 пчелы прилетѣли къ бумажнымъ цвѣтамъ. На георгинахъ же оставалась масса пчелъ. Когда же на моихъ искуственныхъ цвѣтахъ собралось 6 пчелъ, то одна за другой и всѣ пчелы перелетѣли на эти цвѣты съ георгинъ, такъ что у меня ужъ не хватало красокъ, чтобы ихъ помѣчать. Когда я пришелъ въ $^1/_2$2-го, то на бумажныхъ цвѣтахъ былъ ужъ цѣлый улей. Только послѣ 4-хъ часовъ одна изъ этихъ пчелъ нашла ζ. Въ 1 ч. 55 м., наконецъ, весь медъ высосанъ, и пчелы возвращаются на георгины; тогда я замѣщаю α и β бѣлой и красной бумагой, не содержащей ни капли меда. Несмотря на это, куски бумаги посѣщаются пчелами, въ

мозгу которыхъ осталась память о вкусѣ меда. Здѣсь не можетъ быть рѣчи объ неизвѣстной силѣ или же о притягиваніи пчелъ запахомъ или окраской цвѣтовъ. Эти факты могутъ быть только объяснены памятью о пространствѣ, формѣ и цвѣтѣ, ассоціированныхъ съ воспоминаніями о вкусѣ. Наконецъ, я уношу всѣ бумажные цвѣты. Двѣ или три пчелы слѣдуютъ за мною, окружаютъ мою руку и стараются сѣсть на цвѣты. Картина пространства измѣнилась; слѣдовательно, цвѣтъ и форма предметовъ достаточны для пчелъ, чтобы ихъ узнавать. Опытъ этотъ показываетъ о существованіи у пчелъ:

1) Понятій о пространствѣ, формѣ и цвѣтѣ. Что все это возможно только при фасеточныхъ глазахъ, доказываютъ другіе опыты (покрываніемъ глазъ лакомъ, отрѣзываніемъ щупалецъ, ротовыхъ органовъ и пр.).

2) Памяти о медѣ и въ особенности зрительной и вкусовой памяти.

3) Способности ассоціировать воспоминанія вкусовыя съ зрительными.

4) Способности инстинктивно дѣлать выводы по аналогіи.

5) Плохого обонянія, почему онѣ и слышатъ запахъ только на очень близкомъ разстояніи.

6) Несовершенства и ограниченнаго круга ихъ вниманія.

7) Быстраго образованія привычекъ.

8) Подражанія другъ другу.

Конечно, всѣ эти выводы я дѣлаю не на основаніи только одного опыта, но они подтверждаются также громаднымъ числомъ опытовъ и другихъ наблюдателей. Леббокъ, кромѣ того, показалъ, что можно заставить пчелу предпочитать въ теченіе нѣкотораго времени одинъ какой-нибудь цвѣтъ и не обращать вниманіе на другія цвѣты. Только такимъ путемъ можно доказать способность ихъ различать цвѣта. Мои же пчелы, наоборотъ, привыкли къ предметамъ, окрашеннымъ въ различные цвѣта (георгины, бумажные цвѣты), почему онѣ и не замѣчали различій въ цвѣтѣ. Но заключить отсюда, что онѣ не различаютъ цвѣтовъ, было бы ошибочно. Другими опытами я вполнѣ убѣдился въ справедливости утвержденій Леббока.

27-го сентября, т.-е. черезъ 8 дней, съ цѣлью пріучить моихъ помѣченныхъ пчелъ къ опредѣленнымъ цвѣтамъ, я расположилъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ были раньше искусственные цвѣты, бумажные диски, раскрашенные въ различные цвѣта, начиная отъ бѣлаго до чернаго. На нѣкоторые изъ дисковъ положенъ былъ медъ. Вскорѣ цѣлый улей пчелъ покрылъ всѣ диски, не исключая и тѣхъ, на которыхъ меда не было, но ихъ, конечно, пчелы быстро оставляли. Такимъ образомъ, мнѣ опытъ совершенно не удался, такъ какъ я забылъ о памяти пчелъ. Вѣдь у пчелъ еще сохранилась память о различно окрашенныхъ бумажныхъ цвѣтахъ, содержащихъ медъ, а потому при видѣ цвѣтныхъ дисковъ сейчасъ же снова возникла ассоціація вкуса меда и бумажныхъ кружковъ.

Вмѣстѣ со способностью къ представленіямъ и ассоціаціямъ возникаетъ также индивидуальная опытность на основаніи простыхъ и инстинктивныхъ заключеній по аналогіи, безъ чего образованіе представленій и память невозможны. Шмели, гнѣздо которыхъ я помѣстилъ у себя на окнѣ, только вначалѣ

смѣшивали мое окно съ другими окнами. Фонъ-Буттель показалъ, что пчелы, пріученныя къ одной комнатѣ и къ одному окну, отыскивали комнаты и окна и въ другихъ домахъ. Писсо закрылъ входъ осинаго улья сѣткой, отверстія которой были въ 22 mm. Сначала осы были очень удивлены и дѣлали различныя попытки выйти, пока, наконецъ, не догадались и не пріучились вылетать изъ отверстій сѣтки. То-же самое наблюдается и у муравьевъ. Послѣ открытія добычи или пищи на какомъ-нибудь предметѣ или растеніи, муравьи отыскиваютъ и посѣщаютъ подобные имъ предметы.

Но есть насѣкомыя, которыя очень глупы, какъ, напр., самцы муравьевъ, двукрылыя, однодневки съ мозгомъ крайне неразвитымъ, которыя неспособны выучиться чему бы то ни было, неспособны синтезировать впечатлѣнія, получаемыя отъ органовъ чувствъ болѣе, чѣмъ нужно для простаго автоматизма, у которыхъ память едва развита. Картины, возникающія въ ихъ мозгу, отвѣчаютъ только непосредственнымъ раздраженіямъ органовъ чувствъ. Здѣсь-то лучше всего можно подмѣтить различія и эти факты выясняютъ тотъ *плюсъ*, которымъ владѣютъ болѣе умныя насѣкомыя.

О волѣ. Понятіе о волѣ, какъ только оно противополагается рефлексу, предполагаетъ, что необходимъ извѣстный промежутокъ времени между полученнымъ отъ органовъ чувствъ впечатлѣніемъ и вызваннымъ имъ движеніемъ, а также сложные мозговые процессы. При совершеніи въ извѣстной послѣдовательности простыхъ автоматическихъ движеній, существуетъ тоже промежуточное время, заполненное внутренними, динамическими процессами, совершающимися въ мозгу, какъ и при волевыхъ движеніяхъ. Слѣдовательно, это не простые рефлексы, они могутъ быть прерваны на нѣкоторое время и затѣмъ снова возобновлены. Но для ихъ реализаціи, главнымъ образомъ, необходима цѣлая цѣпь сложныхъ рефлексовъ, которые слѣдуютъ въ такой, а не другой послѣдовательности. Это есть именно то, что мы называемъ автоматизмомъ или инстинктомъ. Если говорить о волѣ въ узкомъ смыслѣ этого слова, то мы должны считаться съ индивидуальными рѣшеніями, которыя образуются, смотря по событіямъ, могутъ, слѣдовательно, измѣняться, также оставаться нѣкоторое время въ мозгу до приведенія ихъ въ исполненіе. Воля насѣкомыхъ не должна быть схожей съ сложной человѣческой волей, которая есть равнодѣйствующая чрезвычайно сложныхъ слагаемыхъ, долго комбинированныхъ и приготовляемыхъ. Муравьи бладаютъ положительной и отрицательной волей. Ихъ походы, упомянутые выше, говорятъ объ индивидуальныхъ планахъ работника, выполненныхъ съ большою тщательностью.

Впродолженіи многихъ часовъ муравей можетъ превозмогать цѣлый рядъ затрудненій, чтобы достичь цѣли, намѣченной имъ. Случается, что два муравья дѣлаютъ двѣ противоположныя работы. Поверхностному наблюдателю покажется это глупымъ. Но здѣсь-то и выступаетъ умъ ихъ; когда они замѣчаютъ это, то одинъ изъ нихъ перестаетъ, уходитъ или начинаетъ помогать другому.

Устройство муравейниковъ и дорогъ служитъ хорошими случаями для наблюденій, напр., у Formica rufa или же еще лучше F. pratensis. Но, чтобы со-

ставить себѣ ясное понятіе о ихъ дѣятельности, необходимо большое терпѣніе и время. Войны муравьевъ знакомятъ насъ съ цѣлесообразностью ихъ поступковъ, чрезвычайно послѣдовательныхъ, напр., названныя мною *холодными сраженіями*. Послѣ того, какъ обѣ партіи (двѣ колоніи) заключаютъ миръ, часто видишь, какъ нѣсколько муравьевъ преслѣдуютъ нѣкоторыхъ особей изъ другого лагеря. Иногда этихъ послѣднихъ они относятъ очень далеко. Если же изгнанникъ самъ приходитъ въ свой муравейникъ и врагъ его это замѣчаетъ, то онъ снова схватываетъ и относитъ еще дальше. Такъ, однажды преслѣдующій муравей принесъ свою жертву на край моего стола; затѣмъ сбросилъ его на полъ. Сдѣлалъ онъ это не случайно, такъ какъ два раза я подымалъ муравья и каждый разъ онъ его снова сбрасывалъ. Изъ всѣхъ индивидуумовъ враждебнаго лагеря, теперь сдружившихся, онъ выбралъ одного, на которомъ сконцентрировалъ свою антипатію, всѣми силами стараясь не допустить возврата его въ муравейникъ.

Нужно имѣть предвзятое мнѣніе, чтобы во всемъ этомъ не видѣть существованія индивидуальныхъ рѣшеній и приведенія ихъ въ исполненіе. Правда, что вещи эти происходятъ въ рамкахъ специфическаго инстинкта, и что различные періоды приведенія въ исполненіе какого-нибудь рѣшенія совершаются инстинктивно. Съ другой стороны, я совершенно отказываюсь мысли людей и абстрактныя идеи вкладывать въ волю муравьевъ. Тѣмъ не менѣе, мы должны признать, что у насъ, людей, постоянно проскальзываетъ въ исполненіи нашихъ рѣшеній рядъ автоматическихъ дѣйствій, какъ второстепенныхъ, такъ и наслѣдственныхъ. Въ то время, какъ я пишу эти строки, мои глаза работаютъ съ автоматизмомъ, отчасти наслѣдственнымъ, а моя рука съ автоматизмомъ вторичнымъ. Но, конечно, только человѣческій мозгъ способенъ привести въ движеніе всю мою сложную иннервацію и абстрактныя размышленія, которыя ее сопровождаютъ.

Муравей, который преслѣдуетъ вышеупомянутыя цѣли и комбинируетъ инстинкты въ этомъ направленіи, можетъ ассоціировать и думать о чемъ-нибудь конкретномъ только по-муравьиному. Инстинкты у муравья могутъ быть разъединены или соединены только для простыхъ цѣлей (мало отличныхъ другъ отъ друга), благодаря нѣкоторымъ приспособленіямъ или ряду индивидуальныхъ ассоціацій; у мыслящаго же человѣка автоматическія движенія, какъ наслѣдственныя, такъ и пріобрѣтенныя, являются только орудіями громадной умственной работы, царящей надъ всѣмъ. Скажу мимоходомъ, относительная независимость спинного мозга и мозговыхъ центровъ отъ мозга у низшихъ позвоночныхъ и млекопитающихъ, когда сравниваешь съ громадной зависимостью этихъ органовъ и ихъ отправленій отъ мозга у человѣка и отчасти у обезьянъ, объясняется тѣмъ же.

Во время удачи сила и тонкость воли муравьевъ замѣтно усиливаются, послѣ же повторныхъ неудачъ или же при внезапномъ нападеніи сильнаго врага, они падаютъ духомъ, иногда инстинкты наиболѣе сильные ихъ покидаютъ, они обращаются въ трусливое бѣгство или начинаютъ уничтожать и выбрасывать яйца, покидаютъ работу и т. д. Бываетъ, что колоніи выродившихся муравьевъ

хронически падаютъ духомъ, острые же случаи этого бываютъ послѣ потерянаго сраженія. Въ такомъ случаѣ можно видѣть, какъ нѣсколько большихъ и сильныхъ муравьевъ убѣгаютъ, не стараясь защищаться отъ одного маленькаго врага, который ихъ храбро преслѣдуетъ, тогда какъ получасомъ ранѣе этотъ маленькій муравей былъ бы убитъ нѣсколькими укусами убѣгающихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, интересно замѣтить, какъ побѣдитель замѣчаетъ и быстро пользуется этимъ замѣшательствомъ и потерей бодрости духа побѣжденныхъ. Муравьи, впавшіе въ уныніе обыкновенно черезъ нѣкоторое время послѣ бѣгства, собираются вмѣстѣ и тогда скоро овладѣваютъ прежней храбростью и волей. Но все же они слабо противостоятъ даже на другой день новой аттакѣ врага. Даже муравьиный мозгъ не можетъ забыть такъ скоро внезапнаго пораженія.

Въ битвахъ между двумя колоніями почти одной силы желаніе побѣдить усиливается до тѣхъ поръ, пока одна изъ нихъ не побѣждена окончательно. Подражаніе и для развитія воли также играетъ большую роль. У муравьевъ уныніе и другія состоянія духа заразительны.

О чувствахъ. Нѣкоторымъ покажется смѣшнымъ, что говоришь о чувствахъ у муравьевъ. Но если мы отдадимъ себѣ отчетъ, насколько наша жизнь чувствъ глубоко инстинктивна и наслѣдственна и, съ другой стороны, насколько ясны чувства нашихъ домашнихъ животныхъ, то мы должны признать чувства и въ психологіи животныхъ. Нѣкоторые примѣры этого мы находимъ въ части, гдѣ говорили о волѣ насѣкомыхъ. Бо̀льшая часть чувствъ у этихъ послѣднихъ тѣсно связана съ инстинктами: ревность царицы пчелъ, которая убиваетъ своихъ соперницъ; страхъ этихъ соперницъ, находящихся еще въ ячейкахъ; ярость воиновъ-муравьевъ, пчелъ и осъ; уныніе ихъ; любовь, съ которою ухаживаютъ за личинками; жертва, которую приноситъ работница, умирая съ голоду, чтобы накормить царицу и т. д., и т. д. Но существуютъ также индивидуальныя чувства, которыя не зависятъ обязательно отъ инстинкта, какъ, напр., у муравьевъ—отыскиваніе опредѣленныхъ враговъ съ цѣлью преслѣдованія ихъ.

Съ другой стороны, можно наблюдать и дружескія услуги (кормленіе), оказываемыя въ исключительныхъ случаяхъ врагу, за которыми слѣдуетъ взаимная симпатія, даже между муравьями, принадлежащими къ различнымъ видамъ. Кромѣ того, чувства симпатіи, антипатіи и гнѣва усиливаются у муравьевъ отъ повторенія дѣйствій, имъ соотвѣтствующихъ, какъ это наблюдается у животныхъ и у человѣка.

Взаимныя психическія отношенія. Наблюденія надъ антагонизмомъ между различными чувствами и импульсами пчелъ и муравьевъ и манера, съ какой вниманіе обращается съ одного предмета на другой, очень интересны. Опытъ, какъ всегда, поучаетъ многому. Пчелы, собирающіяся на цвѣтахъ, не замѣчаютъ ничего вокругъ, даже другихъ цвѣтовъ. Но, если обратить ихъ вниманіе на медъ, котораго онѣ до тѣхъ поръ не замѣчали, то у нихъ нѣтъ больше глазъ ни для чего другого. Интенсивное чувство, напр. во время роенія пчелъ, заставляетъ ихъ забывать всякую вражду и даже царицу ихъ стараго улея, куда онѣ ужъ никогда больше не возвращаются. Но, если, напр.,

роеніе прерывается выводомъ царицы, то пчелы вспоминаютъ о своемъ старомъ ульѣ и летятъ въ ульи, окрашенные въ ту же краску, что и онъ. Часто два чувства борятся у пчелъ, не имѣющихъ царицы: ненависть къ постороннимъ пчеламъ и желаніе имѣть царицу. Если въ это время имъ принести царицу, то онѣ ее убиваютъ, такъ какъ первое чувство сначала преобладаетъ. Поэтому пчеловоды приносятъ царицу, заключенную въ сѣтку. Запахъ этой чужой царицы ихъ тогда безпокоитъ меньше, такъ какъ она болѣе удалена отъ нихъ и черезъ сѣтку они не могутъ ее убить. Кромѣ того, онѣ узнаютъ царицу по свойственному ей запаху; кормить же онѣ могутъ ее и черезъ сѣтку, съ помощью своего хобота. Появленіе царицы сейчасъ же успокоиваетъ весь улей. И тогда беретъ верхъ второе чувство; работницы быстро привыкаютъ къ чужому запаху и послѣ 3-хъ или 4-хъ дней безъ всякой опасности можно освободить царицу.

У муравьевъ можно наблюдать, какъ любовь къ лакомствамъ побѣждается чувствомъ долга. Если заставить враговъ, нарочно для этого принесенныхъ, напасть на колонію и въ то же время дать меду защитникамъ, которые выбѣгаютъ изъ муравейника, то сначала муравьи набрасываются на медъ, но это продолжается только моментъ, послѣ чего у всѣхъ безъ исключенія долгъ побѣждаетъ, и они бѣгутъ сражаться, большею частью до смерти.

Выводы: 1) Съ натуралистической точки зрѣнія, мы должны поддерживать гипотезу психофизіологическаго единства (монизмъ) въ противоположность дуализму, такъ какъ оно рѣдко согласуется съ факторами и спеціально съ законами сохраненія энергіи. Нашъ разумъ долженъ изучаться прямымъ путемъ— извнутри и косвеннымъ— извнѣ, при помощи *біологіи*, не упуская изъ вида развитія всѣхъ его способностей. Существуетъ, слѣдовательно, сравнительная психологія наряду съ субъективной. Здѣсь необходимо прибѣгать къ аналогіи, держась въ извѣстныхъ границахъ.

2) Органы чувствъ насѣкомыхъ—наши органы; только чувство слуха остается подъ сомнѣніемъ. Существованіе 6-го чувства до сихъ поръ не доказано; также отдѣльное чувство направленія и оріентировки, конечно, отсутствуетъ. Органы предверія соотвѣтствуютъ только чувству равновѣсія у насѣкомыхъ, которое не даетъ возможности оріентироваться во внѣшнемъ пространствѣ. Чувства зрѣнія и обонянія обладаютъ специфическою энергіею (зрѣніе ультрафіолетовыхъ лучей, способъ функціонированія фасеточныхъ глазъ, топохимическое щупальцевое осязаніе и обоняніе соприкосновенія).

3) Нервная дѣятельность осложняется у различныхъ группъ и видовъ животныхъ двумя способами: а) наслѣдственностью (подборомъ и т. д.) автоматизма и сложныхъ инстинктовъ b) возможностью, индивидуальнаго приспособленія умственной дѣятельности, связанной со способностью постепенно развивать автоматизмъ индивидуальный, вторичный (привычки). Второй способъ требуетъ гораздо большаго количества нервныхъ элементовъ. Благодаря наслѣдственнымъ расположеніямъ болѣе или менѣе опредѣленнаго вида (недоразвитые инстинкты), второй способъ переходитъ въ первый.

4) У общественныхъ насѣкомыхъ существуетъ прямое отношеніе между психическими способностями и величиной мозга.

5) У нихъ есть память, ассоціація картинъ, получаемыхъ отъ органовъ чувствъ, представленія, вниманіе, привычки, элементарная способность выводить заключенія изъ аналогій, утилизація индивидуальнаго опыта, также какъ примѣненіе или приспособленіе индивидуальнаго ума.

6) У нихъ существуютъ воля, конечно, очень простая, чувства радости и печали, а также связь и борьба этихъ различныхъ психическихъ силъ.

7) Во время дѣйствія насѣкомыхъ вниманіе ихъ очень поверхностно и концентрируется на первомъ попавшемся предметѣ, такъ что насѣкомое дѣлается слѣпымъ (невнимательнымъ) къ другимъ впечатлѣніямъ органовъ чувствъ

И теперь я твердо держусь положенія, выставленнаго мною въ 1877 г. въ первой вступительной лекціи въ мюнхенскомъ университетѣ въ качествѣ привать-доцента. «Всѣ свойства человѣческаго интеллекта могутъ быть выведены изъ свойствъ интеллекта высшихъ животныхъ». Къ этому прибавлю теперь, что всѣ свойства высшихъ животныхъ могутъ быть выведены изъ свойствъ интеллекта низшихъ животныхъ.

Другими словами, законъ эволюціи подтверждается такъ же точно въ области психической, какъ и въ другихъ областяхъ органической жизни. Несмотря на всю разницу животныхъ организмовъ и условій ихъ жизни, психическія отправленія нервныхъ элементовъ подчиняются нѣкоторымъ основнымъ законамъ даже тамъ, гдѣ разница такъ велика, что этого нельзя было бы ожидать.

Августъ Форель,
бывшій профессоръ психіатріи
цюрихскаго университета.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Инфракрасная часть солнечнаго спектра. — Успѣхи цвѣтной фотографіи. — Форма кристалловъ снѣга.—Низкая температура и развитіе организмовъ.—Соли натрія калія и кальція и сокращеніе сердца.—Леченіе оспы пивными дрожжами.

Инфракрасная часть солнечнаго спектра. Недавно опубликованы результаты двадцатилѣтнихъ изслѣдованій извѣстнаго американскаго ученаго Ланглея надъ инфракрасной частью солнечнаго спектра. Работа эта была начата въ 1881 году. До этого года изслѣдованіе теплового лученспусканія солнца производилось при помощи электро-термической батареи Мелони, но длины волнъ инфракрасныхъ лучей не были точно опредѣлены. Какъ извѣстно, Ланглей построилъ для этой цѣли приборъ—болометръ, принципъ котораго основанъ на измѣненіяхъ проводимости проволокъ подъ вліяніемъ температуры. Этотъ приборъ обладаетъ необыкновенною чувствительностью. Вначалѣ изслѣдованія велись Ланглеемъ на горѣ Витней, на высотѣ 4.000 метровъ. Болометръ

отодвинулъ границы инфракрасной части солнечнаго спектра отъ 1,8 микрона до 5,3 микрона, а въ концѣ концовъ до 18 микроновъ *).

Ланглей установилъ, что энергія инфра-красной части солнечнаго спектра равняется $^3/_4$ всей его энергіи; раньше считали первую равной всего $^2/_3$ второй и даже меньше. Кромѣ того, Ланглеемъ детально установлены колебанія этой энергіи въ различные года, времена года и даже часы одного и того же дня. Эти различія зависятъ отъ того, что земная атмосфера, вслѣдствіе измѣненій, претерпѣваемыхъ ею въ различное время неодинаково поглощаетъ солнечные лучи.

Перенеся съ 1892 г. свою дѣятельность въ Вашингтонъ въ болѣе благопріятныя условія, Ланглей въ теченіи 8 лѣтъ непрерывныхъ занятій достигъ большихъ усовершенствованій въ своемъ приборѣ. Благодаря автоматическому и фотографическому записыванію отклоненій болометра, этотъ ученый могъ составить спектральную таблицу инфракрасной части солнечнаго спектра, начиная отъ 0,76 микрона до 5,3 микрона съ точно обозначенными темными линіями, аналогичными тѣмъ, которыя были извѣстны уже въ свѣтовой и ультрафіолетовой частяхъ спектра. Въ этой же работѣ сведены и результаты изслѣдованій Ланглея, касающіеся свѣторазсѣянія каменной соли, способовъ построенія наиболѣе чувствительныхъ гальванометровъ, точности балометрическихъ наблюденій и, наконецъ, изученія инфракрасныхъ лучей различныхъ земныхъ источниковъ.

Успѣхи цвѣтной фотографіи. Попытки получить сразу, непосредственно цвѣтной снимокъ до сихъ поръ оставались безуспѣшными **). Обыкновенно фотографируютъ объектъ съ помощью пластинокъ, чувствительныхъ исключительно или къ красному, или зеленому, или голубому цвѣту, и затѣмъ уже отпечатываютъ снимокъ съ этихъ трехъ негативовъ. Въ этомъ достигли уже такихъ блестящихъ результатовъ, что задача непрямой цвѣтной фотографіи считается до извѣстной степени почти разрѣшенной. Напротивъ того, въ непосредственной цвѣтной фотографіи существуютъ только опыты Липмана, который стремится передать окраску предметовъ при помощи интерференціонныхъ красокъ. Недавно *Нейгаузъ*, извѣстный своими работами по цвѣтной фотографіи, опубликовалъ опыты, которые даютъ надежду, что онъ недалекъ отъ полученія непосредственныхъ цвѣтныхъ снимковъ въ обыкновенной фотографической камерѣ. («Photographische Rundschau», XVI, Heft. 1902 1. S. 1—11.)

Исходной точкой его опытовъ служитъ тотъ фактъ, что на целлоидной бумагѣ (аристо б.) темнѣющей на свѣту, получаются цвѣтныя копіи съ прозрачныхъ картинъ. Краски здѣсь появляются вслѣдствіе обезцвѣчиванія, и Нейгаузъ поставилъ себѣ задачу придумать такое искусственное смѣшеніе красокъ, при которомъ требуемый цвѣтъ долженъ получаться вслѣдствіе выцвѣтанія всѣхъ остальныхъ. Въ своихъ опытахъ онъ добился того, что достаточно пяти минутъ солнечнаго освѣщенія, чтобъ получить цвѣтной снимокъ съ прозрачнаго цвѣтного

*) Микронъ—0,001 милиметра.

**) См. статью А. Гершуна. «Цвѣтная фотографія». «М. Б.» «Научный Обзоръ» Апрѣль 1901 г.

трасспаранта и затѣмъ зафиксировать его. Для снимковъ требуется 2—3 часа. Результатовъ этихъ Нейгаузъ достигъ только прошлою осенью, и потому не установилъ еще, какое время года является въ данномъ случаѣ самымъ подходящимъ.

При этихъ опытахъ онъ натолкнулся на слѣдующее явленіе. Эмульсія, окрашенная ціаниномъ, быстро выцвѣтаетъ подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей; онъ испробовалъ 30 анилиновыхъ красокъ въ желатиновой эмульсіи, налитой на матовое стекло. Препараты были чувствительны къ свѣту, но очень незначительно, особенно въ сравненіи съ ціанинжелатиновыми; прибавленіе амміака, формалина и органическихъ кислотъ, замѣна матоваго стекла бумагой, матеріей и т. п. не улучшала результатовъ; бумага во многихъ опытахъ прекрасно замѣняетъ стекло.

Если на стекло или на бумагу нанести слой смѣси различныхъ красокъ и выставить подъ цвѣтными стеклами на свѣтъ, то мы замѣтимъ, что развитіе зеленаго и голубого задерживаются, между тѣмъ какъ желтый и красный цвѣта прекрасно отпечатываются. Нейгаузъ пробовалъ прибавлять другія зеленыя и голубыя краски, чтобъ получить лучшіе результаты, и даже обратился къ хлорофиллу. Въ этомъ послѣднемъ онъ нашелъ очень важное подспорье, *сокращающее время экспозиціи*. Фильтровальная бумага три или четыре раза вымачивалась въ спиртовой вытяжкѣ хлорофилла и высушивалась послѣ каждаго раза. Затѣмъ ее опускали въ анилиновую ванну (немного эозину, уранину, мителиновой сини) и выставляли на свѣтъ; черезъ 2 или 3 часа отпечатываются краски.

Имѣя въ виду, что выцвѣтаніе нѣкоторыхъ красокъ зависитъ отъ окисленія, Нейгаузъ, вмѣсто желатина съ H_2O_2 (перекисью водорода), взялъ желатинъ съ H_2O (водою) и достигъ этимъ ускоренія экспозиціи до 5 минутъ. Такимъ образомъ опыты его достигли уже значительной законченности. Кромѣ того, здѣсь проявилось замѣчательное свойство выставленной на свѣтъ пластинки. Краски выцвѣтаютъ только на мѣстахъ, прикрытыхъ стекломъ или стеклянными пластинками, на непокрытыхъ онѣ сохраняются. Когда кислородъ, выдѣляющійся изъ перекиси водорода остается на поверхности, то быстро поѣдаетъ краски.

Если полученный снимокъ оставить нѣсколько дней на воздухѣ, то излишній кислородъ уйдетъ, и снимокъ зафиксируется. Чтобы закончить фиксированіе, снимокъ опускаютъ въ ванну изъ мѣдной соли.

Нейгаузъ подробно описалъ свои опыты, для того, чтобъ облегчить работу для всѣхъ другихъ изслѣдователей и скорѣе достигнуть возможности получать сразу, въ нѣсколько минутъ цвѣтные снимки.

Форма кристалловъ снѣга. Бентлей (Соедин. Штаты) посвятилъ 20 лѣтъ изученію снѣжныхъ кристалловъ; при этомъ онъ обращалъ особенное вниманіе на связь между ихъ формой и атмосферными условіями въ моментъ выпаденія снѣга. Въ «Monthly Weather Review» онъ даетъ резюме своихъ работъ, присоединяя къ нимъ большое число микрофотографическихъ воспроизведеній кристалловъ снѣга.

Изслѣдованіе производилось, начиная съ 1884 г.; было сдѣлано болѣе

800 фотографическихъ снимковъ; изъ нихъ нѣтъ и двухъ совершенно сходныхъ. Почти каждая большая зимняя буря давала новыя формы. Всѣ эти снимки снабжены соотвѣтственными метеорологическими примѣчаніями: отмѣчалась температура, характеръ и приблизительная толщина облаковъ, ихъ направленіе, скорость, а также направленіе и скорость вѣтровъ на земной поверхности. Зарегистрированы также и измѣненія формы кристалловъ въ различные моменты каждой снѣжной бури.

Эти наблюденія показываютъ, что степень влажности воздуха на земной поверхности не вліяетъ такъ сильно на форму и размѣры кристалловъ снѣга, какъ это предполагали раньше. Самыя красивыя и самыя совершенныя формы пластинчатыхъ кристалловъ снѣга наблюдаются чаще всего въ восточной и сѣверо-восточной частяхъ большихъ снѣговыхъ бурь; снѣгъ здѣсь состоитъ почти исключительно изъ этихъ формъ. Вѣроятно, есть какая-то общая законность въ распредѣленіи различныхъ формъ снѣжныхъ кристалловъ: палочекъ, пластинокъ и шариковъ и въ другихъ частяхъ снѣжныхъ бурь, оно мало колеблется въ различныхъ буряхъ, но авторъ считаетъ еще преждевременнымъ придти въ данномъ случаѣ къ какому-нибудь вполнѣ опредѣленному выводу.

Грозы мѣстнаго типа и тѣ, при которыхъ снѣгъ образуется изъ нижнихъ слоевъ облаковъ, даютъ обыкновенно пластинчатыя и вѣтвеобразныя формы снѣга, лишенныя твердаго ядра, или же различныя зернистыя формы. Кристаллы же снѣга, образованные большими бурями, обыкновенно имѣютъ болѣе разнообразную форму и болѣе сложное строеніе. Электрическое состояніе атмосферы, а, можетъ быть, и присутствіе болѣе или менѣе значительнаго количества нѣкоторыхъ газовъ или паровъ, являются главнымъ условіемъ образованія въ кристаллахъ снѣга болѣе твердыхъ ядеръ.

Низкая температура и развитіе организмовъ. Извѣстно, что жизненная энергія организмовъ сначала понижается съ паденіемъ температуры и затѣмъ исчезаетъ окончательно. Амебы уже при нѣсколькихъ градусахъ ниже 0° перестаютъ двигаться и принимаютъ характерную шарообразную форму—протоплазма ихъ *окоченѣваетъ*. Процессъ дѣленія морскихъ ежей и звѣздъ прекращается при 2—3° Ц.; дрожжевые грибки не оказываютъ вліянія на виноградный сокъ при температурѣ ниже 10° Ц.; бактеріи оказываются болѣе выносливыми и остаются жизнеспособными даже при 200° Ц.

Особенно интереснымъ является тотъ фактъ, что нѣкоторое охлажденіе яйца *необходимо* для *быстраго* и *здороваго* развитія. Каждому, кто выводилъ бабочекъ, извѣстно, что изъ тѣхъ куколокъ, которыя провели зиму въ теплой комнатѣ, выходятъ плохо развитые экземпляры; нѣкоторые виды инфузорій пробуждаются къ новой жизни только послѣ того, какъ были подвергнуты замораживанію или высыханію; для развитія красивыхъ мшанокъ также необходимо предшествующее сильное охлажденіе яичекъ.

У нѣкоторыхъ растеній мерзлыя сѣмена всходятъ быстрѣе, чѣмъ нормальныя. *Штейеръ* утверждаетъ, что большинство видовъ прѣсноводныхъ раковъ отличаются на сѣверѣ бо̀льшею величиною и разнообразіемъ формъ, чѣмъ рако-

образныя изъ болѣе теплаго климата съ продолжительнымъ лѣтомъ, гдѣ періодъ размноженія болѣе растянутъ, и животныя слабѣютъ и вырождаются.

Объ этомъ говоритъ и *Штингелинг*: «Удивительно также, что тропическія прѣсноводныя формы, сходныя съ европейскими, вопреки ожиданію, оказываются не больше и роскошнѣе, а скорѣе мельче ихъ».

Конечно, въ такомъ охлажденномъ организмѣ жизненный процессъ не прекращается совершенно, но интенсивность его понижена до минимума, и многія вещества, которыя, при другихъ условіяхъ, были бы быстро израсходованы и уничтожены, теперь сохраняются. Когда же, подъ вліяніемъ повышенія температуры, жизнь снова пробуждается, то она находитъ болѣе богатый матеріалъ для проявленія своей дѣятельности, чѣмъ въ организмахъ, не подвергавшихся такимъ, повидимому, неблагопріятнымъ условіямъ.

Соли калія, натрія и кальція и сокращеніе сердца. *Говель* (въ Балтиморѣ), изучая вліяніе солей натрія и калія на сердечную сократимость у черепахи, пришелъ къ заключеніямъ, которыя подтверждаютъ и пополняютъ имѣющіяся уже данныя.

Прежде всего, при отсутствіи въ сердечной ткани легко разлагающихся соединеній кальція и натрія, невозможно произвольное сокращеніе мускула желудочка. Необходимо присутствіе этихъ двухъ веществъ вмѣстѣ: если одно изъ нихъ отсутствуетъ, сердце остается неподвижнымъ. Дѣйствіе ихъ различно: натрій производитъ діастолу, вслѣдствіе потери сократимости; кальцій, наоборотъ,—систолу, вслѣдствіе усиленія сократимости, которая можетъ перейти даже въ постоянное окоченѣніе. Калій—антогонистъ кальція, но только тогда, когда натрій находится приблизительно въ нормальномъ количествѣ. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ всѣхъ трехъ веществъ вмѣстѣ, автоматическая сократимость продолжается гораздо дольше, чѣмъ при дѣйствіи только кальція и натрія.

Леченіе оспы пивными дрожжами. Благопріятное дѣйствіе пивныхъ дрожжей на леченіе чирьевъ навело г. *Пьетри* (изъ Ницы) на мысль прибѣгнуть къ тому же самому средству при оспѣ; онъ примѣнилъ его двумъ сорокалѣтнимъ мужчинамъ, которые не имѣли вторичныхъ послѣ дѣтства прививокъ и получили сплошную оспу. Паціенты не принимали ничего другого, кромѣ дрожжей свѣжаго пива, 5—6 чайныхъ ложекъ въ день; это произвело очень быстрое подсыханіе пустулъ, безъ нагноенія и лихорадки и устранило образованіе рубцовъ. Основываясь на этихъ фактахъ, Пьетри предполагаетъ, что дрожжи свѣжаго пива могли бы не только оказать большую услугу при леченіи уже образовавшейся оспы, но и быть еще прекраснымъ предупредительнымъ средствомъ, если къ нему прибѣгнуть вначалѣ заболѣванія.

В. А.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Апрѣль 1902 г.

Содержаніе:—Беллетристика.—Критика и исторія литературы.—Исторія всеобщая и русская.—Исторія культуры.—Естествознаніе.—Народное образованіе.—Новыя книги поступившія для отзыва.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Фонъ-Поленцъ. «Крестьянинъ».—*Танъ.* «Очерки и разсказы».

Крестьянинъ. Романъ фонъ-Поленца. Съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. Изд. «Посредника». 1902 г. Ц. 1 р. 20 к. Романъ Поленца, напечатанный три года назадъ въ «Вѣстникѣ Европы», обратилъ на себя вниманіе Л. Н. Толстого, который снабдилъ его предисловіемъ. Въ немъ онъ пишетъ, что «романъ этотъ» не только «есть настоящее художественное произведеніе, но и прекрасное художественное произведеніе, соединяющее въ себѣ въ высокой степени всѣ три главныя условія настоящаго хорошаго произведенія искусства. Во-первыхъ,—говоритъ Толстой—содержаніе его важно, касаясь жизни крестьянства, т.-е. большинства людей, стоящихъ въ основѣ всякаго общественнаго устройства и переживающихъ въ наше время не только въ Германіи, но и во всѣхъ европейскихъ странахъ, тяжелое измѣненіе своего вѣкового, древняго устройства. Во-вторыхъ, романъ этотъ написанъ съ большимъ мастерствомъ, прекраснымъ нѣмецкимъ языкомъ, особенно сильнымъ, когда авторъ заставляетъ говорить свои лица грубымъ, мужественнымъ рабочимъ платдейчъ. Въ-третьихъ, романъ этотъ весь проникнутъ любовью къ тѣмъ людямъ, которыхъ авторъ заставляетъ дѣйствовать».

«Крестьянинъ», это исторія постепеннаго упадка и разоренія нѣкогда зажиточнаго крестьянскаго хозяйства Траугота Бютнера, который изъ рода въ родъ былъ крестьяниномъ-пахаремъ, не зналъ иныхъ занятій, кромѣ земледѣлія, и во власть земли отдалъ «и тѣло, и душу». Отъ отца Трауготъ унаслѣдовалъ свое хозяйство уже обремененнымъ долгами, которые еще возросли, когда пришлось выдѣлить доли младшихъ братьевъ и сестеръ. Несмотря на всю приверженность землѣ, на всю страстную преданность хозяйству, Бютнеръ, послѣ тридцати лѣтъ самостоятельнаго хозяйничанія, видитъ, какъ всѣ усилія его безплодны, хозяйство запутывается все болѣе, пока не гибнетъ окончательно въ сѣтяхъ евреевъ-ростовщиковъ. Авторъ, умный и наблюдательный бытописатель, указываетъ и на тѣ глубокія причины, которыя приводятъ къ гибели крестьянское хозяйство: новыя условія рынка, зависимость его отъ причинъ мірового хозяйства и невозможность въ настоящее время вести старое, замкнутое въ себѣ хозяйство. Мелкіе землевладѣльцы осуждены на гибель подъ давленіемъ міровой конкуренціи и большихъ хозяйствъ, основанныхъ на началахъ широкаго производства, которое недоступно и непонятно Бютнеру, привыкшему къ мелкимъ домашнимъ оборотамъ, гдѣ все разсчитано на мѣстное потребле-

ніе и домашнія нужды. Старый и опытный хозяинъ, Трауготъ Бютнеръ знаетъ свою землю, страстно любитъ ее и ухаживаетъ за нею, какъ за любимымъ существомъ. Всѣ его мысли, его заботы, его взгляды на Бога и природу, на людей, семейныя и общественныя отношенія—все исходитъ изъ его неразрывной связи съ землей, въ которую онъ вросъ корнями, столь же прочными, какъ дубы и клены его усадьбы. Эта связь его съ землею прекрасно освѣщена въ романѣ, напоминая лучшія страницы «Власти земли» Гл. Успенскаго. Постепенное разрушеніе бютнеровскаго хозяйства, гибель его безплодныхъ начинаній въ борьбѣ съ непонятными ему враждебными силами новаго хозяйственнаго строя, и вмѣстѣ съ этимъ паденіе всего, что было дорого, чѣмъ жилъ старый крестьянинъ—и составляетъ драматическое содержаніе романа.

Въ началѣ его мы видимъ старика Бютнера, еще крѣпкаго и мощнаго работника, какъ онъ, окруженный семействомъ, идетъ въ церковь, напоминая патріарха, въ кругу семьи приносящаго жертву. Его старшій сынъ, Карлъ, наслѣдующій землю и хозяйство, недалекій, весь отданный работѣ и семьѣ, подчиняющійся отцу, мало радуетъ старика, который ясно видитъ, что не такую опору надо имѣть ему въ наступившія трудныя времена Зато онъ не нарадуется младшимъ, Густавомъ, унтеръ-офицеромъ, отбывающимъ повинность. Несмотря на то, что солдатская служба ему по душѣ и онъ на видномъ счету, Густавъ въ душѣ сохранилъ всѣ коренные инстинкты крестьянина. Не менѣе отца онъ любитъ землю и природу, но онъ гораздо развитѣе отца. Онъ уже кое-что видѣлъ, узналъ много новаго и въ сельскомъ хозяйствѣ, и ясно сознаетъ, что старые порядки отжили время, и отцовское хозяйство сильно отстало. Отецъ уговариваетъ его выйти въ отставку и взяться за землю. Густавъ колеблется и отказывается, хотя есть одна причина, влекущая его въ деревню,—любовная связь съ милой дѣвушкой Паулиной, отъ которой у него есть ребенокъ. Однако, онъ уѣзжаетъ, не рѣшивъ окончательно вопроса. Между тѣмъ, дѣла старика плохо поправляются. Надо платить проценты по закладнымъ родственникамъ, надо прикупить скота, а денегъ нѣтъ. Нѣсколько неурожайныхъгодовъ подорвали его платежныя силы, а міровая конкуренція сбиваетъ цѣны. Богатое солидное помѣщичье хозяйство предлагаетъ ему продать кусокъ лѣса, врѣзавшійся клиномъ въ лѣсъ помѣщика, но старикъ и слышать не хочетъ. Вся его страсть къ землѣ пробуждается и протестуетъ противъ продажи. и старикъ дѣлаетъ первый неосмотрительный заемъ у еврея-ростовщика. Старинное недовѣріе крестьянина къ господамъ, выношенное вѣками, не позволяетъ Бютнеру согласиться на сдѣлку съ помѣщикомъ, а грубое невѣжество въ денежныхъ дѣлахъ мѣшаетъ ему видѣть, въ какую петлю попалъ онъ, выдавъ первый вексель. Когда Густавъ, вернувшійся со службы, которую онъ, наконецъ, бросаетъ подъ вліяніемъ привязанности къ дому и невѣстѣ, онъ уже не можетъ предотвратить послѣдствій гибельнаго шага отца. Первый неоплаченный вексель влечетъ новый заемъ, новый неурожай, невозможность выждать подъема цѣнъ—и хозяйство Бютнера продается съ аукціона. Одновременно съ разрушеніемъ хозяйства идетъ и разрушеніе семьи. Карлъ начинаетъ пьянствовать, старшая дочь приноситъ незаконно прижитаго ребенка и уходитъ въ кормилицы къ тому же ростовщику въ городъ, гдѣ связывается съ «покровителемъ». Густавъ и младшая дочь ищутъ вмѣстѣ съ другой деревенской молодежью заработка на сторонѣ, старуха отъ плохого ухода умираетъ, и Трауготъ Бютнеръ, мощный нѣкогда и гордый своимъ хозяйствомъ крестьянинъ, превращается въ бобыля, котораго изъ милости терпятъ въ его же хозяйствѣ. Душа старика не выноситъ этихъ ударовъ, и въ заключительной главѣ мы снова видимъ его идущимъ въ церковь, но уже не для обычной жертвы Богу, а передъ смертью: рѣшивъ покончить съ собой, онъ въ послѣдній разъ хочетъ причаститься и испросить прощеніе у Бога за то преступленіе, которое онъ намѣренъ совершить. Для

него нѣтъ больше мѣста въ этомъ мірѣ, разъ порвана связь съ землей, которой онъ отдалъ свою душу и тѣло, и онъ кончаетъ съ собой.

Кромѣ этой центральной фигуры, превосходно выдержанной въ романѣ, прекрасно изображены и молодые деревенскіе типы, условія заработковъ на сторонѣ, типъ бродячаго рабочаго Гешке, который увлекаетъ Густава въ городъ, гдѣ знакомитъ его съ «красными», т.-е. такими же рабочими, но уже понимающими многое и давно утратившими связь съ землею. Хороши также и представители тѣхъ силъ, которыя стихійно разрушаютъ крестьянское хозяйство, мелкіе кулаки и капиталисты, обсѣвшіе крестьянина, какъ трактирщикъ Кашель и еврей Гарросовицъ, выжимающіе изъ него послѣдніе соки.

Единственнымъ, но зато весьма существеннымъ недостаткомъ романа является его растянутость и повторенія, излишнія подчеркиванія авторомъ того, что само собой вытекаетъ изъ положенія и дѣйствія лицъ. Авторъ слишкомъ увлекается своей темой и то и дѣло отвлекается размышленіями, что мѣстами превращаетъ романъ въ публицистическую статью или трактатъ по экономикѣ или соціологіи. Дѣйствіе романа, вслѣдствіе этого, сильно замедляется и онъ становится скучноватъ.

Но мнѣніе Л. Н. Толстого о важности и художественности этого романа, тѣмъ не менѣе, остается въ полной силѣ, и мы понимаемъ, что въ немъ такъ увлекло великаго писателя. Онъ увидѣлъ здѣсь отраженіе своихъ любимыхъ идей о трудѣ, о жизни въ связи съ землей и природой, о разрушительной силѣ современныхъ условій труда. Въ предисловіи Толстой высказываетъ нѣсколько глубоко-интересныхъ мыслей о критикѣ и современной литературѣ, въ которой онъ указываетъ на преобладаніе посредственности и отсутствіе выдающихся произведеній. Онъ объясняетъ это «перепроизводствомъ», вызваннымъ тѣмъ, что «книги, журналы, въ особенности газеты стали въ наше время большими денежными предпріятіями, для успѣха которыхъ нужно наибольшее число потребителей». Чтобы завоевать ихъ, печать и старается подѣлаться къ вкусамъ этого большинства, которое въ массѣ невѣжественно и неразвито. «Для этого большинства и издаются грубыя, безвкусныя и нехудожественныя произведенія, вытѣсняющія—истинно прекрасныя вещи или не дающія имъ распространенія. И потому, по мѣрѣ все большаго и большаго распространенія газетъ, журналовъ и книгъ, вообще книгопечатанія, все ниже и ниже спускается уровень достоинства печатаемаго, а все больше и больше погружается большая масса такъ называемой образованной публики въ самое безнадежное, довольное собой и потому неисправимое невѣжество». Далѣе, великій писатель поясняетъ свою мысль указаніемъ, какъ на его памяти произошло постепенное пониженіе по всѣмъ отраслямъ литературы. Такъ, «послѣ Пушкина и Лермонтова (Тютчевъ обыкновенно забывается), поэтическая слава переходитъ сначала къ весьма сомнительнымъ поэтамъ Майкову, Полонскому и Фету, потомъ къ совершенно лишенному поэтическаго дара Некрасову, къ искусственному и прозаическому стихотворцу Алексѣю Толстому, потомъ къ однообразному и слабому Надсону, потомъ къ совершенно бездарному Апухтину, а потомъ уже все мѣшается и являются стихотворцы, имъ же имя легіонъ, которые даже не знаютъ, что такое поэзія и что значитъ то, что они пишутъ, и зачѣмъ они пишутъ». То же замѣчается и въ романѣ. Возрожденія Толстой ожидаетъ отъ критики, если только это будетъ настоящая критика, которая должна «выдвигать и указывать людямъ все, что есть самаго лучшаго какъ въ прежнихъ, такъ и въ современныхъ писателяхъ», а не заниматься «высмѣиваніемъ» или писать «по поводу литературныхъ произведеній», высказывая свои экономическія или политическія мысли.

Нельзя, конечно, принять безъ очень и очень существенныхъ оговорокъ эти рѣшительные приговоры великаго писателя, скорѣе глубоко-интересные

для характеристики мысли самого Толстого, который неустанно работаетъ надъ собой, не останавливаясь и не успокаиваясь. Справедливо его указаніе на общее пониженіе *качества* литературныхъ произведеній одновременно съ количественнымъ ихъ ростомъ. Не едва ли повинна въ этомъ печать или спросъ на литературу. Точно также, какъ и литература, критика находится въ самой тѣсной связи съ общими условіями жизни, и едва ли ее можно выдѣлять, ожидая, что именно она-то и спасетъ насъ отъ дальнѣйшаго пониженія вкусовъ. Всегда было такъ, что критика шла послѣ расцвѣта литературы, и если оказывала извѣстное вліяніе, то лишь косвенное, и менѣе всего опредѣляла ходъ и развитіе литературы. Критика разъясняла и проводила въ сознаніе читателей то, что давали великія произведенія, изъ нихъ же почерпая свои правила и указанія. Роль критики всегда была и будетъ служебной, а не руководящей, и нерѣдко критика рѣзко расходится въ оцѣнкѣ произведеній съ мнѣніемъ читателей. Какъ на ближайшій примѣръ, можно указать на судьбу произведеній М. Горькаго, къ которымъ критика въ большинствѣ своихъ представителей отнеслась очень отрицательно, что не помѣшало этому писателю завоевать небывалую популярность. Дѣло, такимъ образомъ, не въ отсутствіи «настоящей критики», а, какъ намъ кажется, въ общемъ пониженіи тона жизни, но это вопросъ, далеко выходящій за предѣлы литературной критики.

Не будемъ приводить другихъ возраженій, которыя сами собой напрашиваются по поводу рѣзкихъ приговоровъ Толстого. Романъ Поленца—хорошее и цѣнное художественное произведеніе, которое, несомнѣнно, заслуживаетъ полнаго вниманія читателей, а предисловіе Толстого, какъ и все, что выходитъ изъ-подъ пера великаго патріарха русской литературы, возбуждаетъ важные вопросы, имѣющіе огромное общественное значеніе. *А. Б.*

Танъ. Очерки и разсказы. Томъ второй. Изд. магазина «Книжное дѣло». Москва. 1902 г. Ц. 1 р. Стр. 312. Среди современныхъ русскихъ писателей оригинальную и самобытную фигуру представляетъ г. Танъ, второй томъ разсказовъ котораго только что вышелъ. Далекій сѣверъ, такой далекій, что дальше и идти некуда, восточныя окраины Россіи, бытъ русской интеллигенціи, оторванной отъ родной среды и закинутой волею судебъ къ чукчамъ и эскимосамъ, Великій Океанъ, Японія, Манчжурія—такова необъятная по пространству область, захваченная этимъ безпокойнымъ, вдумчивымъ и наблюдательнымъ художникомъ. Вся самобытность этихъ мѣстъ и людей, населяющихъ ихъ, все, что такъ странно, такъ непохоже на наше обыденное существованіе,—оживаетъ и врѣзывается въ вашу память въ образахъ, создаваемыхъ этимъ оригинальнымъ талантомъ. Второй томъ по захватывающему интересу не только не уступаетъ прежде появившимся очеркамъ г. Тана, какъ, напр., его потрясающая драма «На Каменномъ мысу», но превосходитъ разнообразіемъ и глубиной содержанія. Авторъ самъ, какъ непосредственный художникъ, рѣдко-рѣдко появляется на сценѣ, лишь мѣстами, подавленный и потрясенный, позволяетъ онъ себѣ подчеркнуть личное отношеніе, отчего его очерки выигрываютъ въ выпуклости и опредѣленности. И тѣмъ не менѣе, вездѣ чувствуется тотъ нервный, безпокойный духъ, который закинулъ автора въ эти «гиблыя мѣста» и подчасъ исторгаетъ изъ его наболѣвшаго сердца настоящій вопль скорбнаго отчаянія: «Господи, приспособи меня! Найди какое-нибудь мѣсто въ этой сложной машинѣ, куда я могъ бы втиснуть свою строптивую волю, какъ винтъ въ гайку и истомить ее до конца въ будничной работѣ, чтобы не быть мнѣ больше зрителемъ чужихъ безумій и ошибокъ, и лучше самому сойти сума, и заблуждаться, и буйствовать вмѣстѣ съ другими, не смущая бѣгущаго вѣка проклятымъ вопросомъ: зачѣмъ?..» («Домой»).

Въ настоящій томъ вошло десять очерковъ, которые вполнѣ опредѣленно

разбиваются на двѣ группы. Въ первую вошли три разсказа изъ жизни интеллигенціи на далекой окраинѣ: «Рыбаки», «На каникулахъ» и «Возвращеніе». Самый большой и значительный по содержанію изъ нихъ—«На каникулахъ», напечатанный первоначально у насъ (іюнь, 1900 г.), почему не можемъ подробнѣе остановиться на немъ, какъ онъ того заслуживалъ бы. Всѣ три очерка проникнуты тяжелымъ настроеніемъ, какое охватываетъ человѣка подъ вліяніемъ безцѣльной жизни, въ которой уходятъ капля по каплѣ лучшія силы души и гаснетъ постепенно высокій пламень благородныхъ мечтаній. Остальные очерки представляютъ рядъ превосходныхъ впечатлѣній путешественника, которому пришлось проѣхать всѣ далекія побережья сѣвернаго угла Великаго Океана. Съ рѣдкимъ мастерствомъ и скрытымъ юморомъ, дѣйствующимъ тѣмъ сильнѣе, что онъ выливается изъ-подъ пера автора какъ бы помимо его воли, описаны отношенія культуры и полнаго отсутствія ея, столкновенія цивилизаціи и дикости, оригинальные типы обитателей и героевъ этихъ странъ. Не можемъ удержаться, чтобы, для характеристики манеры автора, не выписать образчика христіанской проповѣди, которую произноситъ среди своей паствы—чукчей и эскимосовъ — англійскій миссіонеръ, а передаетъ ее по-чукотски авторъ и молодой чукча Уванъ, разъясняющій смыслъ проповѣди, получающей въ его передачѣ слѣдующій оригинальный характеръ. «У бѣлыхъ людей тоже есть шаманы! — объяснялъ Уванъ толпѣ. — Эти шаманы большіе люди, друзья начальниковъ, всю жизнь только и дѣлаютъ, что шаманятъ, и отецъ бѣлыхъ людей (президентъ) посылаетъ имъ за это пищу и ткани. Богъ бѣлыхъ далъ имъ большую шаманскую книгу; эта книга даетъ счастье въ промыслѣ и защиту противъ болѣзни, и для нея бѣлые люди учатъ своихъ дѣтей читать. Богъ бѣлыхъ людей любитъ ихъ, какъ своихъ дѣтей; когда они ведутъ себя худо, пьютъ много рому, обманываютъ въ торговлѣ, слишкомъ много дерутся, Ему становится скучно и Онъ говоритъ свои мысли маленькимъ мальчикамъ, чтобы они выросли великими шаманами и, устрашая, учили сосѣдей... Богъ дулъ вѣтромъ, плевался пламенемъ, скрадывалъ людей въ темнотѣ, какъ свою добычу. Однажды, когда бѣлые люди стали слишкомъ злобны (все время дрались и пили водку,—пояснилъ Уванъ),—Бога такъ забрало за сердце, что Онъ послалъ своего роднаго сына съ приказомъ, чтобы они перестали. Сынъ Божій сталъ воскрешать мертвыхъ и кормить голодныхъ, но большой злой начальникъ съ товарищами разсердился и велѣлъ его убить (все равно какъ капитанъ Кауперъ,—пояснилъ Уванъ, называя капитана китоловнаго судна, который прославился варварскимъ обращеніемъ съ туземцами лѣтъ тридцать тому назадъ). Но Сынъ умеръ не настояще и черезъ три дня ожилъ, поднялся на небо къ своему Отцу и сказалъ: «Смотри, что со мной сдѣлали злые начальники». — Молодые люди изъ одной лодки съ Божіимъ Сыномъ, вмѣстѣ съ нимъ ловившіе рыбу, остались на землѣ и стали ходить изъ поселка въ поселокъ, научая людей, чтобы они не обижали, не обманывали и не грабили одинъ другого... Но бѣлые люди ихъ никогда не слушали, — прибавилъ Уванъ, въ видѣ собственнаго комментарія» («На сѣверѣ дальнемъ»).

Съ такимъ же захватывающимъ интересомъ читаются остальные очерки, въ которыхъ описаны Камчатка и обитатели Чукотскаго Носа, Манчжурія и хорошо намъ понятные нравы «манчжурскихъ усмирителей». Текущій, такъ сказать злободневный интересъ послѣдняго очерка усиливается художественностью изображенія такихъ типовъ и сценокъ, что вчужѣ неловко дѣлается за нашу «культуру», которую мы собираемся тамъ насаждать. Вспоминаются приснопамятные господа ташкенцы, но, кажется, отдаленность Манчжурія придаетъ этому безсмертному типу особую истинно-монгольскую красоту. Заканчивается книга прелестнымъ очеркомъ-легендой о томъ, кто первый пролилъ

на землѣ кровь, налагающей въ поэтической формѣ взгляды сѣверныхъ инородцевъ на взаимныя отношенія населяющихъ природу живыхъ существъ.

А. Б.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Н. Буличъ. «Очерки по исторіи русской литературы».—*В. Розановъ.* «Легенда о великомъ инквизиторѣ Ѳ. М. Достоевскаго».

Н. Н. Буличъ. Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка. Томъ I. Спб. 1902. Стр. 381. Ц. 2 руб. «Очерки» покойнаго профессора казанскаго университета Булича состоятъ изъ лекцій, прочитанныхъ имъ въ 1872—73 году. Сынъ Булича рѣшился издать эти старыя лекціи послѣ того, какъ онѣ были просмотрѣны А. Н. Пыпинымъ и В. И. Семевскимъ. «Очерки» составлены по очень широкой программѣ, о чемъ можно судить уже по тому факту, что сорокъ двѣ лекціи, вошедшія въ первый томъ, посвящены почти исключительно первой половинѣ царствованія императора Александра I, до Отечественной войны. Авторъ «Очерковъ» удѣляетъ много вниманія воспитанію и личности императора, характеристикѣ его приближенныхъ, заботамъ о народномъ просвѣщеніи, цензурѣ, журналистикѣ, спору о старомъ и новомъ слогѣ, запискѣ Карамзина «О древней и новой Россіи» и т. д. Собственно изящной литературѣ удѣлено очень немного мѣста, и даже далеко не всѣ писатели перваго десятилѣтія XIX вѣка нашли мѣсто въ книгѣ Булича. Это послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что покойный профессоръ въ своихъ лекціяхъ останавливался только на главныхъ теченіяхъ русской общественной мысли и на отраженіи ихъ въ печатной и рукописной литературѣ. Эти теченія разсматриваются въ связи съ личностями писателей и журналистовъ, вслѣдствіе чего біографическому элементу отведено въ «Очеркахъ» довольно много мѣста. Изъ отдѣльныхъ теченій особенно подробно разсмотрѣны консервативное, либеральное, патріотическое и мистическое. Изъ литературныхъ дѣятелей наибольшее вниманіе удѣлено Карамзину, Шишкову, графу Растопчину, Сергѣю Глинкѣ, Озерову, мистикамъ Лопухину и Лабзину.

Хотя въ русской литературѣ и существуютъ спеціальные труды, посвященные и общественному движенію, и исторіи народнаго образованія, и обозрѣнію русской журналистики въ первое десятилѣтіе XIX вѣка (напримѣръ, книга Пыпина, статьи Сухомлинова и г. Пятковскаго—сочиненія, которыми пользовался и авторъ «Очерковъ»), тѣмъ не менѣе и рядомъ съ подобными трудами книга Булича не теряетъ своего значенія и интереса для обширнаго круга читателей. Остается только пожалѣть, что лица, просматривавшія «Очерки» въ рукописи и подновлявшія библіографическія ссылки, не позаботились о томъ, чтобы снабдить книгу дополненіями, поправками и указаніями новѣйшей литературы о томъ или другомъ литературномъ дѣятелѣ. Безъ такихъ примѣчаній и дополненій книга Булича должна потерять нѣкоторую долю своего значенія и своей цѣнности. Лекціи, прочитанныя тридцать лѣтъ тому назадъ, для настоящаго времени не могли не устарѣть. И въ «Очеркахъ» дѣйствительно, встрѣчаются и фактическія ошибки, и невѣрныя или сомнительныя обобщенія, а также и противорѣчія. Все это было бы необходимо или, исправить или, по крайней мѣрѣ, отмѣтить.

С. Ашевскій.

В. В. Розановъ. «Легенда о великомъ инквизиторѣ» Ѳ. М. Достоевскаго. Опытъ критическаго комментарія съ присоединеніемъ двухъ этюдовъ о Гоголѣ. Изд. 2 е, Спб. 1902. Стр. 178. Ц. 1 р. По собственному признанію Достоевскаго, «Легенда о великомъ инквизиторѣ» составляетъ кульминаціонный

пунктъ его творчества, и тему этой легенды онъ выносилъ въ своей душѣ въ теченіе всей жизни. Далѣе, изъ собственныхъ заявленій Достоевскаго извѣстно, что его всю жизнь мучилъ вопросъ о бытіи Бога и что въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» (главы: «Бунтъ» и «Великій инквизиторъ») заключается «такой силы отрицаніе Бога», какое и «не снилось обыкновеннымъ» людямъ. Кто заинтересуется этими заявленіями великаго писателя, тотъ можетъ найти въ книжкѣ г. Розанова интересныя указанія и разъясненія. Авторъ книжки доказываетъ, что «Легенда о великомъ инквизиторѣ составляетъ «какъ бы душу» всего романа «Братья Карамазовы», что «въ ней схоронена завѣтная мысль писателя, безъ которой не былъ бы написанъ не только этотъ романъ, но и многія другія произведенія его; по крайней мѣрѣ, не было бы въ нихъ самыхъ лучшихъ и высокихъ мѣстъ». Для доказательства своей мысли, г. Розановъ перепечатываетъ десятки страницъ изъ разныхъ произведеній Достоевскаго, гдѣ являются въ зародышѣ основныя идеи легенды, и устанавливаетъ связь между такими произведеніями, какъ «Записки изъ подполья», «Преступленіе и наказаніе», «Идіотъ», «Бѣсы», отдѣльныя главы «Дневника писателя» и, наконецъ, «Братья Карамазовы».

Г. Розановъ по своему, конечно, разъясняетъ силу и характеръ пережитаго Достоевскимъ «отрицанія». «Три великіе мистическіе акта,—говоритъ г. Розановъ, — служатъ въ религіозномъ созерцаніи опорными точками, къ которымъ какъ бы прикрѣплены судьбы человѣка, на которыхъ онѣ висятъ, какъ на своихъ опорахъ. Это—актъ грѣхопаденія: онъ объясняетъ то, что есть; актъ искупленія: онъ укрѣпляетъ человѣка въ томъ, что есть; актъ вѣчнаго возмездія за добро и за зло, окончательнаго торжества правды: онъ влечетъ человѣка въ будущее... Именно эти три акта, три опорныхъ точки земныхъ судебъ человѣка, источникъ вѣдѣнія его о себѣ, источникъ силъ его — и колеблются съ помощью діалектики», вложенной Достоевскимъ въ уста Ивана Карамазова. Окончательный выводъ этой діалектики—«отсутствіе въ дѣйствительности религіи и абсолютная невозможность ея за отсутствіемъ внѣшняго для нея основанія мистическихъ актовъ грѣхопаденія, искупленія и вѣчнаго суда». «Нужно замѣтить, — продолжаетъ г. Розановъ, — что въ столь мощномъ видѣ (какъ у Достоевскаго) діалектика не направлялась противъ религіи. Обыкновенно исходила она изъ злого чувства къ ней и принадлежала немногимъ людямъ, отъ нея отпавшимъ. Здѣсь она исходитъ отъ человѣка, очевидно, преданнаго религіи болѣе, чѣмъ всему остальному въ природѣ. Можно сказать, что здѣсь возстаетъ на Бога божеское же въ человѣкѣ: именно, чувство въ немъ справедливости и сознаніе имъ своего достоинства. Это-то и сообщаетъ всей діалектикѣ опасный, нѣсколько сатанинскій характеръ... Построить опроверженіе этой діалектики, столь же глубокое и строгое, какъ она сама, безъ сомнѣнія, составитъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ нашей философской и богословской литературы въ будущемъ» (стр. 63, 64, 68).

Не останавливаясь на разсужденіяхъ г. Розанова по поводу легенды, разсужденіяхъ, въ которыхъ можно находить интересъ и смыслъ только при извѣстномъ складѣ ума, отмѣтимъ два слѣдующихъ факта, имѣющихъ отношеніе къ Достоевскому и свидѣтельствующихъ, что комментаторъ легенды пошелъ гораздо дальше, чѣмъ ея авторъ. Достоевскій считалъ свою легенду направленной противъ католицизма, а г. Розановъ придаетъ ей не только антикатолическій, но и антихристіанскій характеръ. Онъ видитъ въ ней «діалектику христіанства въ его основной идеѣ», «мефистофельскую пѣснь, пропѣтую съ надзвѣздной высоты надъ нашей бѣдной землей» и способную смутить всѣхъ вѣрующихъ, къ какой бы формѣ христіанства они ни принадлежали, къ романской, къ германской или къ славянской. Далѣе, Достоевскій, упоминая о необычайной силѣ своего «отрицанія», говоритъ о немъ, какъ о фактѣ пережи-

томъ, и указываетъ даже, что *весь романъ* (курсивъ Достоевскаго) «Братья Карамазовы» служитъ «отвѣтомъ» инквизитору, комментаторъ же даетъ понять, что авторъ легенды и въ могилу сошелъ съ тѣми идеями, которыя были высказаны имъ отъ лица Ивана Карамазова (см. стр. 104).

Кромѣ этихъ комментаріевъ въ легендѣ великаго инквизитора и неудачныхъ попытокъ поколебать діалектику Ивана Карамазова, въ книжкѣ г. Розанова высказано нѣсколько мнѣній о Гоголѣ, Достоевскомъ и Толстомъ, мнѣній, въ большинствѣ случаевъ, парадоксальныхъ и противорѣчащихъ одно другому. Такъ, напримѣръ, на стр. 30-й г. Розановъ устанавливаетъ такую разницу между Толстымъ и Достоевскимъ: Толстой—«художникъ жизни въ ея завершившихся формахъ», Достоевскій—«аналитикъ *неустановившагося* въ человѣческомъ духѣ». А на стр. 38-й мы узнаемъ, что и г. Розановъ въ «Аннѣ Карениной» ощущаетъ «присутствіе чего-то встревоженнаго и ищущаго». Далѣе, вопреки мнѣнію, считающему Гоголя родоначальникомъ новѣйшей русской литературы, г. Розановъ думаетъ, что вся новѣйшая русская литература «явилась отрицаніемъ Гоголя, борьбой противъ него». И Тургеневъ, и Достоевскій, и Островскій, и Гончаровъ, и Левъ Толстой напоминаютъ Гоголя только пріемами, только внѣшней стороной своего творчества. «Но если посмотрѣть на дѣло съ внутренней стороны,—говоритъ г. Розановъ,—если сравнить по содержанію творчество Гоголя съ творчествомъ его мнимыхъ преемниковъ, нельзя не увидѣть между ними діаметральной противоположности». Гоголь былъ «геніальный живописецъ внѣшнихъ формъ», но за этими формами «нѣтъ никакой души», тогда какъ у послѣдующихъ русскихъ писателей мы повсюду видимъ человѣческую душу. Все это говорится на первыхъ страницахъ книжки г. Розанова. А на стр. 128-й мы читаемъ: «все, что не въ духѣ Гоголя, не имѣетъ силы, и, напротивъ, все, что согласуется съ нимъ, какъ бы ни было слабо само по себѣ, растетъ и укрѣпляется». Какъ же быть послѣ этого съ величайшими представителями новѣйшей русской литературы, съ Гончаровымъ, Тургеневымъ, Достоевскимъ, Львомъ Толстымъ и др.? «Отрицаютъ» они Гоголя или «согласуются» съ нимъ? Вѣдь, въ томъ, что ихъ дѣятельность «имѣетъ силу» не только въ Россіи, но и за границей, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

Особенно парадоксальны взгляды г. Розанова на литературную дѣятельность Гоголя. Сущность этихъ взглядовъ выражена въ слѣдующихъ словахъ: «Мертвымъ взглядомъ посмотрѣлъ Гоголь на жизнь и мертвыя души только увидалъ онъ въ ней. Вовсе не отразилъ дѣйствительность онъ въ своихъ произведеніяхъ, но только съ изумительнымъ мастерствомъ нарисовалъ рядъ карикатуръ на нее: отъ этого-то и запоминаются онѣ такъ, какъ не могутъ запомниться никакіе живые образы». «Мертвыя души» для г. Розанова—«геніальная и преступная клевета на человѣческую природу». Такой взглядъ на Гоголя г. Розановъ называетъ въ предисловіи «одинокимъ, непризнаннымъ». Въ утѣшеніе ему можно напомнить, что еще Булгаринъ и Сенковскій усмотрѣли въ «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ душахъ» рядъ карикатуръ и клевету на Россію.

С. Ашевскій.

ИСТОРІЯ РУССКАЯ И ВСЕОБЩАЯ.

Евг. Трифильевъ. «Къ біографіи В. Н. Каразина».—*В. Н. Семевскій.* «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II». — *А. Быкова.* «Разсказы изъ исторіи Ирландіи.—*Э. Гримм.* «Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти».

Евгеній Трифильевъ. Къ біографіи Василія Назаровича Каразина. Попытка бѣгства за границу. Эпизодъ изъ исторіи царствованія императора

Павла. Харьковъ. 1901 г. Брошюра г. Трифильева, напечатанная раньше въ видѣ статьи въ «Запискахъ Имп. Харьковскаго университета», касается одного случая въ жизни Каразина, необыкновенно характернаго для его времени. Дворянинъ, землевладѣлецъ, одинъ изъ выдающихся по уму и образованію лицъ, будущій «маркизъ Поза» императора Александра I (по выраженію Герцена),—въ ночь съ 12-го на 13-ое августа 1798 г. пытался тайкомъ перейти Нѣманъ, попалъ въ руки двухъ рядовыхъ, ходившихъ обходомъ «для присмотра бѣглецовъ» и былъ ими арестованъ. Бѣжалъ же онъ безъ всякой за собою вины, только затѣмъ, чтобы укрыться отъ правленія императора Павла I, отъ его жестокости (по признанію самого бѣглеца въ письмѣ къ императору). Это—весьма типично для того времени, ибо извѣстно, что паника, наведенная первыми же годами новаго царствованія была ужасна.

Со времени зловѣщихъ, мстительныхъ похоронъ покойной государыни, вся Россія, особенно служащая, дворянская,—жила въ безпрерывномъ трепетѣ, въ страхѣ безпричинной и жестокой гибели,—и ежедневныя житейскія впечатлѣнія слишкомъ хорошо оправдывали этотъ страхъ и трепетъ.

У насъ очень мало психопатологовъ, которые бы пытались приступить во всеоружіи своихъ научныхъ методовъ къ рѣшенію трудныхъ историческихъ проблемъ, гдѣ играетъ важную роль та или иная загадочная индивидуальность: смѣхотворныхъ книжечекъ г. П. Ковалевскаго мы, конечно, въ разсчетъ не принимаемъ, по той простой причинѣ, что онѣ суть не наука, но желѣзнодорожное чтеніе. При такомъ положеніи вещей нѣкоторыя дѣйствія историческихъ лицъ до сихъ поръ не освѣщены съ надлежащею яркостью; однако мы, потомки, испытываемъ отъ этого, конечно, далеко не тотъ ущербъ, какъ современники, на своемъ хребтѣ выносившіе всѣ эти патологическіе эксперименты; для нихъ дѣло шло уже не о научномъ интересѣ, а о жизни и смерти...

То, что, можетъ быть, было бы ясно представителю медицинской науки, кажется совсѣмъ непонятнымъ и немотивированнымъ для историка: непонятно помилованіе бѣглеца въ то время, можно сказать, въ тѣ же дни, когда по вздорному доносу засѣкались кнутомъ казачьи офицеры, когда годами люди томились въ подземныхъ кельяхъ безъ объясненія опредѣленныхъ причинъ. Вотъ варіантъ письма арестованнаго Каразина къ императору (напечатанное впервые въ «Русской Старинѣ» за 1873 г.):

«Государь! Несчастный преступникъ осмѣливается къ тебѣ писать: преступникъ противъ твоихъ повелѣній, самодержецъ Россіи! не противу чести, совѣсти, религіи и отечественныхъ законовъ. Удостой внять прежде осужденія. Да озаритъ меня единый лучъ твоей прозорливости прежде, нежели сожжетъ молнія твоего гнѣва! Я хотѣлъ оставить мое отечество, великую страну твоей державы; покусился на сіе вопреки твоей, двукратно, т.-е. всенародно и частно на мое имя выраженной воли (кромѣ общаго запрещенія выѣзда за границу,—Каразину и на его личное до бѣгства подававшееся прошеніе о выѣздѣ было отказано, *Е. Т.*). Ночью, противу 3-го числа сего мѣсяца, при переправѣ у у Ковно черезъ Нѣманъ, я удержанъ объѣздомъ екатеринославскаго гренадерскаго полка. Въ короткое время достигнетъ о томъ оффиціальное донесеніе. Конечно, будутъ собраны обо мнѣ свѣдѣнія въ С.-Петербургѣ, гдѣ я короткое время пробылъ, и въ Слободско-Украинской губерніи, краѣ моего рожденія и помѣстья. Дерзаю здѣсь предварительно увѣрить, что они не послужатъ въ мое обвиненіе. Я не имѣлъ никакой нужды спасаться бѣгствомъ, оно будетъ загадкою для моихъ слѣдователей. Прими мое признаніе: я желалъ укрыться отъ твоего правленія, страшась его жестокости. Многіе примѣры, разнесенные молвою въ пространствѣ царства твоего,—молвою вѣроятно удесятеренные, грезили моему воображенію день и ночь. Я не зналъ за собою вины. Въ уединеніи сельской жизни не могъ я имѣть ни случаевъ, ниже поводовъ оскор-

бить тебя; но свободный образъ моихъ мыслей могъ быть уже преступленіемъ. Теперь въ волѣ твоей наказать меня — и оправдать страхъ мой, или простить — и заставить лить слезы раскаянія о томъ, что столь ложныя мысли имѣлъ о государѣ великомъ и милосердномъ». Другой варіантъ, которому г. Трифильевъ придаетъ больше вѣры, написанъ въ болѣе умоляющемъ тонѣ, но и тамъ читаемъ: «Наконецъ, хотя бы строгости суда твоего угодно было приписать мое бѣгство мрачной непріязни къ правленію твоему, человѣколюбивый монархъ! неужели милосердіемъ твоимъ не восхощешь ты примирить меня съ нимъ? Неужели допустишь, чтобы наказаніе жестокое оправдало въ душѣ моей непріязнь сію?» и т. д. Каразинъ, его беременная жена и прислужникъ были арестованы и отправлены въ Петербургъ. Г-ну Трифильеву почему-то «менѣе всего, кажется», что «можно приписывать причину бѣгства жестокости правленія Павла». Доказательствъ—никакихъ, кромѣ того, что г. Трефильеву кажется искреннимъ объясненіе бѣгства, даваемое Каразинымъ въ первомъ варіантѣ (о желаніи, просто, пожить въ чужихъ краяхъ и т. д.).

Дѣло Каразина совершенно неожиданно кончилось слѣдующей резолюціей: «Каразина Высочайше повелѣно опредѣлить въ штатцъ-службу. Докладывано 4-го октября 1798 года». Не малымъ комизмомъ дышетъ то обстоятельство, что Каразинъ изъ крѣпости вовсе въ «штатцъ-службу» не просился, а вѣроятно мечталъ только уйти отъ вѣчной тюрьмы или каторги, или солдатчины безъ выслуги; врядъ ли даже о простомъ освобожденіи съ высылкою въ имѣніе подъ надзоръ могъ онъ мечтать. Каразинъ воспользовался этою резолюціею для поступленія на государственную службу въ вѣдомство государственнаго казначея.

Въ послѣднихъ строчкахъ своей брошюры г. Трифильевъ считаетъ своимъ долгомъ констатировать въ Павлѣ Петровичѣ наличность двухъ качествъ: уваженія къ закону и великодушія. «Извѣстно, какъ строго относился Павелъ къ какому бы то ни было, даже незначительному нарушенію закона. *Это уваженіе у него было какъ бы врожденно*». Такимъ образомъ, г. Трифильевъ не только открываетъ въ Павлѣ уваженіе къ законности, но и тщится проникнуть въ эмбріологію этого его качества («врожденно»).—«И если онъ все-таки простилъ виновнаго, то это приписать нужно только великодушію Павла. *Основаніемъ же для проявленія великодушія безъ сомнѣнія послужили—съ одной стороны отсутствіе вины*, которая бы заставила Каразина бѣжать за границу, съ другой — глубокое раскаяніе бѣглеца, наконецъ, искренность и прямодушіе, обнаруженные Каразинымъ и въ прошеніи, и на допросѣ». Если г. Трифильевъ и останется одинокъ въ своемъ мнѣніи о Павлѣ (особенно, какъ о носителѣ врожденнаго чувства уваженія къ законности), — то пусть утѣшится: такова участь всѣхъ авторовъ слишкомъ ошеломляющихъ открытій, недоступныхъ невооруженному глазу обыкновенныхъ смертныхъ.

Е. Т.

В. И. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины Второй. Спб. 1902. in 8-vo. XLVI+866. Ц. 5 руб. 19 февраля 1861 года—моментъ, который мы должны признать исходнымъ пунктомъ для всѣхъ возможныхъ въ нашемъ будущемъ реформъ; отъ него идетъ все, что есть культурнаго въ нашей дѣйствительности. То былъ актъ, которымъ завершилось раскрѣпощеніе русскихъ сословій, опутанныхъ крѣпкими сѣтями правовыхъ положеній Уложенія царя Алексѣя. Нынѣ съ большимъ успѣхомъ выдвигаютъ на первый планъ *экономическія причины* реформы 19 февраля, и никто не станетъ отрицать громадной роли этихъ причинъ въ половинѣ XIX вѣка, когда правительству пришлось съ ними считаться и уступить ихъ рѣшительному натиску. Но чѣмъ крупнѣе ихъ значеніе, тѣмъ сложнѣе, тѣмъ настоятельнѣе ихъ научное изученіе, которое только еще начинается и которое надлежитъ начи-

нать издалека. Юридическая свобода милліоновъ, русскаго крестьянства ужилась однако съ крѣпостною организаціей крестьянской общины, которая уже настоятельно требуетъ реформы, и не *экономическія ли причины* требуютъ прежде всего новаго 19 февраля, т. е. высвобожденія крестьянской личности изъ подъ опеки крѣпостной общины, изъ подъ дѣйствія розги, какъ позорнаго наслѣдія отходящей въ область преданій крѣпостной старины, на ряду съ иной организаціей всего крестьянскаго быта. Въ чемъ же прежде всего должна выразиться реорганизація крестьянскаго быта и чѣмъ она должна опредѣляться? Мы не отвѣчаемъ здѣсь на этотъ вопросъ, мы призваны только намекнуть на отвѣтъ, имѣя въ виду тотъ матеріалъ, который побуждаетъ насъ писать настоящія строки: подъемъ экономическаго благосостоянія крестьянства, подъемъ его образовательнаго уровня—вотъ первое къ чему надо стремиться, если имѣть въ виду прежде всего благоцѣлаго народа, цѣлой націи. Эта нація не можетъ далѣе жить, не можетъ далѣе развиваться, если остановится подготовка тѣхъ реформъ, которыя въ концѣ концовъ должны завершить зданіе начатое временемъ Александра Второго. Если припомнить, что *крестьянство* составляетъ подавляющую массу населенія, если поставить на видъ, что положеніемъ этого крестьянства черезчуръ многое опредѣляется въ нашей странѣ, то не трудно понять, какое широкое научное и практическое значеніе получаютъ поставленные сейчасъ вопросы, какъ много времени и усилій должна отдать имъ научная литература, какого серьезнаго вниманія заслуживаетъ всякая работа, которая появляется въ этой области.

Къ числу такихъ обращающихъ на себя всеобщее вниманіе работъ относится книга В. И. Семевскаго, заголовокъ которой приведенъ выше. В. И. Семевскій занимаетъ видное мѣсто въ нашей литературѣ по своей удивительной приверженности къ исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи. Если намъ не измѣняетъ память, первыя статьи В. И. Семевскаго по исторіи крѣпостного права въ Россіи появились въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Вѣстникѣ Европы» и «Русской Старинѣ» 1877 и 1878 годовъ, а слѣдовательно, болѣе четверти вѣка занимается г. Семевскій одною и той же темой, и какой благодарной темой. Можно безъ преувеличенія сказать, что эта тема столько же сдѣлала для созданія имени автора въ литературѣ, сколько самъ онъ для ея разработки. И всего любопытнѣе, что г. Семевскій повелъ разработку своей темы въ такомъ направленіи, что статьи его печатались въ общихъ журналахъ, а книги всегда были достояніемъ большой публики. Магистерскою диссертаціей г. Семевскаго служилъ *первый* томъ (Спб. 1881) того самаго труда, *второй* томъ котораго только что появился и который мы привѣтствуемъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Во время двадцатилѣтняго промежутка между выходами въ свѣтъ перваго и второго томовъ «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II» авторъ успѣлъ издать двухтомную докторскую диссертацію «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка» (Спб. 1888) и двухтомную же книгу, хорошо всѣмъ памятную, «Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ» (Спб. 1898). Авторъ обѣщаетъ перепздать въ текущемъ году первый томъ книги «Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II» и подготовляетъ *третій* томъ, въ которомъ предполагаетъ дать общую характеристику экономическаго и домашняго быта крестьянъ, ихъ самоуправленія и духовной жизни, насколько это возможно, а равно изобразить участіе крестьянъ въ Пугачевщинѣ.

Въ *первомъ* томѣ названнаго сочиненія г. Семевскій описалъ бытъ крестьянъ помѣщичьихъ и посессіонныхъ, т. е. составлявшихъ неотъемлемую принадлежность фабрикъ и заводовъ. Изучая крестьянскій бытъ времени Екатерины Второй, авторъ предлагаетъ цѣлый рядъ историческихъ справокъ, которыя идутъ вглубь нашей исторіи, а вся работа должна представить собою введеніе къ

исторію акта 19 февраля 1861 года. Авторъ согласно выставленному нами выше требованію, начинаетъ изученіе вопроса издалека. *Второй* томъ посвященъ описанію быта всѣхъ разрядовъ сельскаго населенія Великороссіи и Сибири (кромѣ, конечно, помѣщичьихъ и поссессіонныхъ крестьянъ и за исключеніемъ малорусскаго крестьянства, надъ исторіей котораго работаетъ В. А. Мякотинъ): то будутъ крестьяне дворцоваго вѣдомства, крестьяне церковныхъ вотчинъ, крестьяне государственные, ямщики, и наконецъ, обѣльные вотчинники и крестьяне.

Крестьянъ церковныхъ вотчинъ авторъ *не* считаетъ крѣпостными, а лишь прикрѣпленными къ землѣ; въ общемъ положеніе ихъ онъ признаетъ весьма тяжелымъ. Недовольство церковныхъ крестьянъ нерѣдко приводило къ волненіямъ (съ 50-хъ годовъ XVIII вѣка), которыя приходилось подавлять военною силою. Г. Семевскій описываетъ, какъ однажды въ крестьянъ стрѣляли даже изъ пушки и небольшихъ мортиръ и бросали въ нихъ ручныя гранаты; при усмиреніи подвергали заточенію цѣлыя сотни людей, значительная часть которыхъ иногда умирала въ тюрьмахъ. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, солдаты, поставленные на постой въ деревню, гдѣ было волненіе, грабили и распродавали имущество крестьянъ, подвергали насиліямъ ихъ женъ и дочерей; арестъ очень многихъ крестьянъ, продолжаетъ авторъ, вредно отзывался и на земледѣльческихъ работахъ и на аккуратности взноса податей. При Екатеринѣ II, которая очень скоро убѣдилась, что въ рукахъ духовенства не можетъ оставаться управленіе принадлежащими ему имѣніями, крестьяне синодальные, архіерейскіе, монастырскіе и церковные—всѣ переданы были въ вѣдѣніе вновь учрежденной коллегіи экономіи (по указу о секуляризаціи въ 1764 году).

Дворцовыхъ крестьянъ авторъ также считаетъ *не* крѣпостными, а лишь прикрѣпленными къ землѣ. Въ общемъ положеніе ихъ во второй половинѣ XVIII вѣка было довольно благопріятнымъ, что доказывается отчасти совершеннымъ почти отсутствіемъ среди нихъ волненій. Въ худшихъ условіяхъ среди крестьянъ дворцоваго вѣдомства жилъ разрядъ крестьянъ государевыхъ: среди крестьянъ этого послѣдняго типа чаще наблюдаются и волненія; во всякомъ случаѣ, пишетъ г. Семевскій, отсутствіе продажи людей безъ земли въ государевыхъ имѣніяхъ заставляетъ признать ихъ, подобно дворцовымъ, *не* крѣпостными, а прикрѣпленными къ землѣ. Въ дворцовыхъ волостяхъ Великороссіи, кромѣ Сѣвернаго края, существовало общинное землевладѣніе съ передѣлами земли; въ сѣверномъ краѣ этого не было еще въ половинѣ 60-хъ годовъ XVIII вѣка. Авторъ такъ формулируетъ свои наблюденія по этому поводу. Введеніе подушной подати при Петрѣ Первомъ сыграло значительную роль въ развитіи поземельной общины, такъ какъ требованіе равнаго платежа въ казну съ каждой души вызывало мысль о равномъ правѣ и на обезпеченіе землей. Вліяніе этого сознанія обнаружилось постепенно на Сѣверѣ Россіи, но до того какъ передѣлы пахотной земли были окончательно введены и въ этой мѣстности, здѣсь существовало сильное имущественное неравенство, и въ дворцовыхъ волостяхъ были такъ называемые, *деревенскіе владѣльцы* изъ посадскихъ, а также черносошныхъ и дворцовыхъ крестьянъ, такъ или иначе завладѣвшіе значительнымъ количествомъ земли, которая продолжала считаться дворцовою.

Среди крестьянъ государственныхъ авторъ прежде всего выдѣляетъ крестьянъ, приписанныхъ къ горнымъ заводамъ. Подробности, приводимыя авторомъ, прямо поражаютъ читателя: въ какихъ чудовищно возмутительныхъ формахъ выражалось существованіе многихъ слоевъ русскаго крестьянства. Этого истиннаго поильца и кормильца господствующей кучки русскаго населенія подвергали тому, что можно назвать пыткой существованія. Когда приписные, будучи выведены изъ терпѣнія «ужаснымъ положеніемъ, всевозможными злоупотребленіями и насиліями», волновались, то прежде всего заботились не объ устраненіи

законныхъ причинъ волненій, а о томъ, чтобы привести крестьянъ «въ должное рабское послушаніе и усмирить». Такое отношеніе къ крестьянамъ подготовляло пугачевщину, явленіе, которое еще предстоитъ изобразить русскому историку въ должномъ свѣтѣ, безъ окутавшей его лжи и лирическихъ изліяній оффиціальныхъ слагателей историческаго миража. Книга г. Семевскаго—ученая работа, чуждая какихъ бы то ни было лирическихъ пріемовъ, грѣшащая напротивъ, крайней сухостью тона, а между тѣмъ, она прямо волнуетъ читателя своимъ содержаніемъ.

Страницы, посвященныя крестьянамъ черносошнымъ, какъ кажется, возбуждаютъ въ книгѣ г. Семевскаго наибольшее количество вопросовъ и нѣкоторыхъ сомнѣній. Въ исторіи черносошныхъ крестьянъ центральное мѣсто занимаетъ вопросъ о томъ, какая существовала у нихъ форма землевладѣнія, подворная или общинная. Какъ въ этомъ вопросѣ, такъ и въ изображеніи передѣловъ земли у черносошныхъ авторъ стоитъ преимущественно на почвѣ *описанія*. Изслѣдовательская сторона въ собственномъ смыслѣ слова стоитъ у г. Семевскаго на второмъ планѣ.

Мы не будемъ, конечно, далѣе останавливаться на содержаніи многолѣтняго труда В. И. Семевскаго, ни тѣмъ болѣе предлагать какія либо критическія замѣчанія, излишнія для большой публики: наша исключительная цѣль обратить вниманіе послѣдней на содержательную книгу почтеннаго автора и указать, что въ ней описанъ обширный и цѣнный матеріалъ какъ для изученія крестьянскаго быта въ Россіи вообще, такъ и для исторически правильной постановки крестьянскаго вопроса во всей его совокупности. Приближаясь съ каждымъ годомъ къ новымъ актамъ, долженствующимъ продолжать развитіе факта освобожденія отъ крѣпостной зависимости 19 февраля 1861 года, надлежитъ позаботиться о научно-литературной подготовкѣ дѣла. Не далекъ день, когда минетъ полустолѣтіе со дня великой реформы. Встрѣтитъ ли этотъ день русское крестьянство, которымъ только мы всѣ живемъ и дышемъ, съ лучомъ надежды на высвобожденіе изъ подъ тяжкаго ига нищеты, невѣжества и всякаго произвола, нами вызываемаго, или нѣтъ,—не намъ судить.—Но литература наша къ великому дню 19-го февраля 1911 года должна приготовиться съ честью, и, за [illegible] благородную книгу г. Семевскаго, мы горячо призываемъ поклонниковъ научно-литературной работы не забывать, что времени до этого дня остается въ сущности очень мало и что новые факты, обнаружившіеся въ сорокъ первую годовщину 19-го февраля, показываютъ коренной поворотъ извѣстной доли общественныхъ интересовъ въ сторону поставленнаго вопроса. Онъ является, такимъ образомъ, очереднымъ и въ научномъ, и въ практическомъ отношеніяхъ.

В. Сторожевъ.

А. Быкова. Разсказы изъ исторіи Ирландіи (Съ XII вѣка до нашихъ дней). Съ портретами Парнеля и О'Коннеля. Цѣна 80 коп. Спб. 1902 г. Популярная компиляція г-жи Быковой написана довольно легко и литературно и безъ особенно рѣзкихъ отступленій отъ фактической истины. Можно только пожалѣть, что авторъ иногда беретъ на себя излишній и неблагодарный трудъ налагать свои догадки и домыслы, безъ которыхъ читатель могъ бы обойтись, не испытывая ни малѣйшаго для себя ущерба. Напримѣръ, на 39 страницѣ читаемъ: «Республика не долго продержалась въ Англіи. Англичане нашли, что безъ короля имъ жилось ничуть не лучше, чѣмъ при королѣ, а, пожалуй, еще хуже; послѣ смерти Кромвеля они рѣшили призвать обратно Стюартовъ». Все здѣсь изображенное,—весьма легкомысленно, и зачѣмъ понадобилась вся эта экскурсія въ область чтенія въ англійскихъ сердцахъ XVII вѣка—неизвѣстно. Слова «англичане нашли» и т. д. когда рѣчь идетъ о времени обостреннаго дѣленія англійскаго народа на партіи, лишены всякаго значенія. Точно также неисторично и несогласно съ истиною объясненіе самовластнаго правленія Тю-

деревъ ихъ властолюбивыми наклонностями и тѣмъ, что «народъ англійскій готовъ былъ повиноваться королю, только бы онъ далъ странѣ желанный миръ». Дѣло съ Тюдорами, смѣемъ увѣрить г-жу Быкову, обстояло несравненно сложнѣе, и безъ внимательнаго анализа классовой структуры англійскаго общества XVI вѣка историку не понять никогда, какимъ классамъ была нужна сильная центральная власть и были ли эти классы достаточно могущественны, чтобы поставить на своемъ и сдѣлать правительство почти самодержавнымъ.

Въ пользу разбираемой книжки говоритъ то очевидное обстоятельство, что г-жа Быкова знаетъ исторію Ирландіи гораздо лучше, нежели исторію Англіи, а такъ какъ книжка посвящена Ирландіи, то читатель можетъ читать эту работу довольно безбоязненно. Изложеніе исторіи Парнеля и парнеллизма сходится близко съ нашей статьей о Парнелѣ, помѣщенной въ «Мірѣ Божьемъ» за 1899 годъ; глава объ О'Коннелѣ весьма обстоятельна; вообще XIX вѣкъ у г-жи Быковой изложенъ подробно, что повышаетъ общій интересъ книжки. Рѣшительную заслугу этой популярной работы мы видимъ въ томъ, что рядомъ съ національными и религіозными причинами ирландскихъ броженій она не забываетъ нигдѣ подчеркнуть причины чисто-экономическія, имѣвшія въ исторіи отношеній обоихъ острововъ такое громадное значеніе.

Если книжка потребуетъ 2-го изданія, мы посовѣтовали бы автору только выбросить свои догадки, введенныя для вящшей живости разсказа, и быть осмотрительнѣе въ нѣкоторыхъ своихъ объясненіяхъ. Такъ, мы надѣемся не встрѣтить въ слѣдующемъ изданіи перевода словъ «habeas corpus» словами «да будетъ личность каждаго человѣка неприкосновенной» (стр. 73) и т. п. Въ остальномъ измѣненій дѣлать придется мало. Кромѣ живости слога, изложеніе скрашивается теплымъ сочувствіемъ автора къ угнетеннымъ и къ борцамъ за свою родину. *Евг. Тарле.*

Э. Гриммъ. Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти, т. I. (Спб. 1900) и II. (Спб. 1901 г.) Исторія римской имперіи переживаетъ въ настоящее время одинъ изъ самыхъ блестящихъ и интересныхъ періодовъ своей разработки. Огромная масса новаго документальнаго матеріала чуть ли не ежедневно расширяетъ и пополняетъ наши свѣдѣнія о жизни политической и общественной того конгломерата разнообразныхъ частей, который носитъ имя римской имперіи Мы все дальше и дальше проникаемъ въ тайники того, что, въ сущности говоря объединяло этотъ конгломератъ, чѣмъ онъ держался и какимъ путемъ сглаживалась та культурная, экономическая, правовая и государственно—политическая пестрота, которую являлъ весь тогдашній культурный и полукультурный міръ, далеко вышедшій за предѣлы бассейна Средиземнаго моря, граничившій съ одной стороны съ Атлантическимъ океаномъ и сѣверными морями, съ другой—съ океаномъ Индійскимъ и его морями.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ объединяющихъ факторовъ надо считать несомнѣнно единую центральную власть, выросшую въ Римѣ изъ того строя, который въ послѣднее время своего существованія показалъ свою явную несостоятельность разрѣшить тѣ огромнаго значенія задачи, которыя предъявлялъ къ нему соединенный греко-семитическій и италійско-кельтическій міръ.

Возникновеніе и развитіе этой новой власти—римскаго принципата представляютъ, поэтому, наиболѣе важный и трудный вопросъ, который поставленъ былъ въ области изученія римской исторіи. Вопросы соціальные, экономическіе, административные, и слѣдовательно, все, что сдѣлано было въ изслѣдованіи всѣхъ этихъ сторонъ римской жизни, тѣсно переплетаются съ этимъ основнымъ, если хотите, конституціоннымъ вопросомъ и только ихъ разрѣшеніе способно разрѣшить и вопросъ о сущности и развитіи императорской власти. Конституціонной исторіи римской имперіи нѣтъ; не рядъ конституціонныхъ

измѣненій, не рядъ законовъ расширялъ власть римскихъ самодержцевъ, обычай, практика, usus и узурпація были главными факторами этого развитія и слѣдить за извилинами этихъ факторовъ дѣлается главной и основной задачей историка развитія римской императорской власти.

Кромѣ нихъ однако немалую роль въ эволюціи принципата сыграло сознательное и безсознательное заимствованіе. Самодержавіе и его теорія не были новостью. Востокъ въ лицѣ монархій священнаго божественнаго характера и просвѣщеннаго самодержавія эллинистическаго далъ образцы самыхъ разнообразныхъ схемъ монархическаго строя и эти примѣры должны были вліять на возникавшую римскую имперію, наслѣдницу восточнаго абсолютизма.

Такова была сложная и трудная задача автора разбираемой работы. Укажу тотчасъ же, что связь монархіи римской и восточной имъ абсолютно не ощущается и вліяніе одной на другую онъ даже и не пытается отмѣтить, лишая этимъ себя важного и необходимаго устоя. Зависитъ это отъ того, что все новѣйшее направленіе въ наукѣ, руководимое этимъ принципомъ, прошло мимо нашего автора, абсолютно его не затронувъ. Зависитъ и отъ того, что авторъ со всей суммой источниковъ древней исторіи не знакомъ и впадаетъ въ ту же ошибку, что и многіе другіе поборники всемірно-историческаго метода: за quasi всемірно-историческимъ міровоззрѣніемъ они совершенно упускаютъ изъ виду необходимость, прежде всего всеантичной точки зрѣнія.

Отвлекаясь отъ востока, перейдемъ къ задачамъ автора на западѣ. Въ узкомъ смыслѣ слова предшественниковъ у г. Гримма было немного. Немного было людей въ наукѣ, которыя бы рѣшились взяться за разрѣшеніе этого кардинальнаго вопроса съ надеждой на успѣхъ этой затѣи. Одни только почти историки и систематики, поставившіе себѣ задачей изложеніе всего римскаго государственнаго права считали себя обязанными давать посильное его разрѣшеніе, явно сознавая всю тяжесть задачи.

Нашъ авторъ въ своемъ методѣ изслѣдованія примыкаетъ къ историкамъ, считая этотъ методъ единственно правильнымъ и усиленно настаивая на немъ въ противоположность антикварамъ и систематикамъ, послѣднимъ въ лицѣ главнымъ образомъ Моммзена въ его системѣ римскаго государственнаго права. Новаго здѣсь г. Гриммъ ничего не говоритъ. Попытку историческаго разрѣшенія вопроса далъ до него, и почти такую же неудовлетворительную, Herzog, теоретически требовалъ историческаго метода E. Meyer, практически далъ исторію одной эпохи Kromayer, нѣсколько aperçus можно найти у Asbach'a, и, конечно, не уничтожь пожаръ рукописи 4-го тома римской исторіи Моммзена, мы имѣли бы и исторію императорской власти руки того же мастера, который далъ намъ ея систему.

Нельзя дать системы римскаго государственнаго права и, конечно, императорской власти, которая одинаково подходила бы ко всѣмъ эпохамъ развитія римскаго государства, утверждаетъ авторъ, и въ этомъ, я думаю, всякій съ нимъ согласится. Но можно и должно было дать устои, основныя понятія этого права, можно и должно было показать тѣсную зависимость всѣхъ элементовъ римской конституціи между собою, можно и должно было выдвинуть цѣлостность и единство основныхъ идей римскаго государственнаго права и это-то именно и далъ намъ Моммзенъ, выдѣлившій однообразное и единое изъ разнообразнаго и установивъ опредѣленную и точную схему на мѣстѣ прежняго хаоса. За разрѣшеніе задачи во всемъ ея объемѣ Моммзенъ не брался, а нѣкоторую утрировку систематизаціи и нѣкоторыя историческія неточности, ясно при томъ сознанныя имъ и отмѣченныя, были жертвами, принесенными Моммзеномъ стройности и прозрачности всей конструкціи.

Весь первый томъ работы г. Гримма въ ея наиболѣе содержательной части по-

священъ разбору теоріи Моммзена въ той ея части гдѣ она касается принципата Августа. На матеріалѣ *всецѣло* собранномъ Моммзеномъ и его предшественниками, авторъ строитъ свое историческое изложеніе, полемизируя, главнымъ образомъ съ именемъ «діархія»—двоевластіе, даннымъ первымъ временамъ имперіи Моммзеномъ, Принимая терминъ діархія, равновластіе двоихъ, авторъ очень легко доказываетъ непригодность термина для цѣлаго ряда эпохъ; но во-первыхъ,двоевластіе не есть и не можетъ быть равновластіемъ, а во-вторыхъ, мелкія несоотвѣтствія не могутъ разрушить глубокой сущности, заключенной въ терминѣ. Терминъ указываетъ на то, что ни подъ одинъ изъ существующихъ государственно-правовыхъ терминовъ римскій принципатъ подвести нельзя и что тамъ, гдѣ вплоть до Діоклетіана сенатъ юридически полный господинъ въ цѣломъ рядѣ частей римскаго государства, нѣтъ единовластія, а есть несомнѣнная двойственность власти. Полемику съ Моммзеномъ авторъ продолжаетъ и тамъ, гдѣ разбираетъ отдѣльныя составныя части власти перваго принцепса; новымъ по сравненію съ Моммзеномъ является здѣсь только указаніе на общее верховенство, которое даровано было Августу и, въ силу неопредѣленности, способствовало широкому развитію фактическаго его вмѣшательства во всѣ стороны государственной жизни; но на эту же составную часть власти мы находимъ указанія и у другихъ изслѣдователей вопроса (напр., Pick и др.).

Тамъ, гдѣ авторъ могъ дать наибольшее количество новаго, онъ его сознательно не даетъ, такъ какъ для этого матеріаломъ, собраннымъ Моммзеномъ, ограничиться было нельзя. Совершенно правильно указываетъ авторъ на то, что для исторіи власти надо прослѣдить и за тѣмъ, что ей способствовало, и за тѣмъ, что ей препятствовало т.-е. за исторіей цезаризма и оппозиціи. Но его изслѣдованіе оппозиціонныхъ тенденцій въ обществѣ покоится все на тѣхъ же избитыхъ данныхъ, которыми оперируютъ уже столько времени послѣ книги Boissier. «L'opposition sous les Césars», а изслѣдованія цезаризма и его развитія въ области императорскаго культа, италійскихъ коллегій, муниципальной жизни и вовсе нѣтъ. Нѣтъ, слѣдовательно, даже попытки уловить благопріятное монархіи настроеніе общества и тѣ мѣры, которыя принимались для его созданія и поддержанія императорами, въ Римѣ, и въ Италіи, и въ провинціяхъ.

Не разбираются совершенно и оппозиціонныя теченія греческаго Востока приведшія въ концѣ концовъ къ пораженію націонализма въ Римъ въ лицѣ послѣдняго изъ Флавіевъ—Домиціана. Все это произошло отъ того, что авторъ сознательно не хотѣлъ воспользоваться матеріаломъ, который даютъ надписи и подобные оффиціальные и полуоффиціальные источники. По его взгляду, историки, данной эпохи и ея писатели исчерпываютъ все, что можно было бы дать. «Нѣтъ болѣе сомнительнаго источника,—говоритъ авторъ на стр. 109, 110 второго тома,—для изображенія умственнаго состоянія какого-либо общества, чѣмъ надписи: масса современныхъ аналогій изъ повседневной жизни любой изъ европейскихъ націй съ избыткомъ доказываетъ, какъ мало искренни и какъ формальны бываютъ подобнаго рода выраженія преданности и т. д.». Авторъ очевидно настолько мало знакомъ съ наукой о надписяхъ, что полагаетъ, будто въ древности надписи также исключительно украшали памятники болѣе или менѣе великихъ людей настоящаго и прошлаго, какъ и въ наше время. Онъ либо не знаетъ, либо нарочно забываетъ, что именно надписи, и почти исключительно онѣ, свидѣтельствуютъ намъ о религіозныхъ вѣрованіяхъ древности, объ общемъ культурномъ уровнѣ населенія тогдашняго міра, о развитіи культа имперіи т.-е. о постепенномъ примиреніи съ имперіей, о ростѣ воздѣйствія имперіи, на войско, Италію и провинціи и о многомъ другомъ, о чемъ не мѣшало бы знать г. Гримму.

Совершенно не сдѣлано попытки характеризовать и настроеніе одного изъ правящихъ классовъ—класса всадниковъ, носителей цезаризма въ администра-

ціи и войскѣ. Римъ и сенаторское сословіе совершенно захватили вниманіе автора и не дали ему времени посчитаться съ Италіей и провинціями. Это тѣмъ болѣе досадно, что именно въ отношеніяхъ къ Италіи и провинціямъ императоровъ и надо искать причинъ того, а не иного развитія власти. Другой важнѣйшій факторъ—войско—также почти не принятъ во вниманіе и вопросъ объ его отношеніяхъ къ имперіи не обслѣдованъ.

Нечего и говорить, что и вся экономическая, административная и соціальная политика императоровъ—эти лучшіе показатели развитія власти, ни въ первомъ, ни во второмъ томѣ не подвергнуты тщательной и новой обработкѣ на основаніи новыхъ изслѣдованій и новаго матеріала. Всѣ детальныя и точныя изслѣдованія новѣйшаго времени, все тщательное изученіе жизни римской имперіи во всѣхъ ея проявленіяхъ не существуютъ для г. Гримма: финансовыя мѣры, мѣры административной политики (хотя бы отношеніе къ городамъ и городскому строю) упоминаются только вскользь и только на основаніи данныхъ писателей. Въ какой связи стоитъ это съ развитіемъ фактической мощи имперіи, совершенно не выяснено.

Словомъ, авторъ ограничился тѣмъ, что распредѣлилъ матеріалъ, собранный Моммзеномъ по хронологическимъ рубрикамъ отдѣльныхъ правленій, сдобрилъ все это длиннымъ и утомительнымъ пересказомъ мнѣній отдѣльныхъ писателей объ имперіи и характеристиками нѣкоторыхъ представителей римской аристократіи и это назвалъ исторіей развитія римской императорской власти.

Въ детальный разборъ книги здѣсь входить не мѣсто (см. Журналъ Мин. Нар. Пр. 1902, Апрѣль). И въ томъ, что приведено и упомянуто авторомъ, можно найти рядъ ошибокъ и неточностей, рядъ скороспѣлыхъ и непродуманныхъ сужденій объ отдѣльныхъ фактахъ, теоріяхъ и трудахъ другихъ авторовъ, которые къ тому же далеко не использованы авторомъ.

Подкупаетъ въ пользу автора только гладкій и ясный языкъ и легкость изложенія. Но изслѣдованія и детальной работы здѣсь искать нечего и кто хочетъ познакомиться съ дѣйствительно, критически провѣренной и продуманной исторіей императорской власти, долженъ искать ее въ другомъ мѣстѣ.

М. Ростовцевъ.

ИСТОРІЯ КУЛЬТУРЫ.

Н. Харузинъ. «Этнографія».—*А. Ермоловъ.* «Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ».

Николай Харузинъ. Этнографія. Лекціи, читанныя въ Императорскомъ московскомъ университетѣ. Изданіе посмертное, подъ редакціею Вѣры и Алексѣя Харузиныхъ. Выпускъ I: 1. Часть общая. 2. Матеріальная культура. Спб. 1901. Цѣна 2 р. (X + 343 стр. 8°). Изданіе лекцій покойнаго Н. Н. Харузина по этнографіи разсчитано на 4 выпуска: первый, уже вышедшій въ настоящее время, содержитъ общее введеніе и обзоръ матеріальной культуры; второй долженъ носить заголовокъ «Семья и родъ»; третій—«Собственность и первобытное государство» и четвертый—«вѣрованія». Уже изъ этой программы видно, насколько интересно и широко поставлена задача: этнографія должна быть изложена во всѣхъ своихъ частяхъ, и это изложеніе, судя по первому выпуску, должно быть достаточно подробно. Если матеріалъ и въ слѣдующихъ выпускахъ окажется обработаннымъ съ тою же подробностью, то все сочиненіе должно будетъ составить почтенный томъ объемомъ болѣе 1.000 страницъ. Не касаясь пока содержанія перваго выпуска, надо сказать нѣсколько словъ о самомъ изданіи.

Въ предисловіи редакторовъ (ст. IX) указывается на то, что лекціи Н. Н. Харузина «не были авторомъ приготовлены къ печати». Однако, «измѣненія, внесенныя по необходимости редакторами, ни въ чемъ, не коснулись существа изложенія и носятъ чисто редакціонный характеръ, отразившійся на внѣшней сторонѣ изложенія... Въ концѣ выпуска помѣщенъ перечень трудовъ, легшихъ въ основаніе его содержанія; редакторы имѣютъ въ виду приложить къ четвертому выпуску подробный библіографическій указатель главнѣйшихъ сочиненій, имѣющихъ прямое отношеніе къ этнографіи». Для удобства справокъ «редакторы признали необходимымъ снабдить изданіе систематическими указателями именъ и предметовъ», помѣщаемыми въ концѣ каждаго выпуска. Такимъ образомъ, редакторы отнеслись къ дѣлу весьма серьезно и за составленіе указателей къ такому обширному труду мы можемъ быть имъ только благодарны. Насколько можно заключить по тѣмъ справкамъ, которыя намъ приходилось наводить при первомъ ознакомленіи съ книгою, предметный указатель (27 стр. мелкаго шрифта) достаточно полонъ. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать относительно библіографическаго указателя, помѣщеннаго на стр. 307—310 подъ именемъ «указателя источниковъ». Прежде всего бросается въ глаза странное смѣшеніе дѣйствительныхъ *источниковъ* этнографіи съ научными изслѣдованіями, которыя обыкновенно относятъ къ *литературѣ* предмета. Поэтому здѣсь мы встрѣчаемъ рядомъ имена Геродота и Харузина, Страбона и Тейлора. Кромѣ того поражаетъ и самый порядокъ, въ которомъ расположены сочиненія: порядокъ хронологическій, казалось бы самый удобный; но хронологія устанавливается по году изданія книги, и потому получается нѣсколько странная послѣдовательность: сочиненія Харузина и Геродота стоятъ рядомъ, такъ какъ Геродотъ въ переводѣ Мищенка появился въ 1885 году. Такимъ образомъ вмѣсто системы получается полнѣйшій безпорядокъ, и, чтобы найти какого-нибудь автора, приходится каждый разъ пересмотрѣть весь списокъ отъ начала до конца. При такихъ условіяхъ простой алфавитный порядокъ представляетъ гораздо больше удобствъ. Кромѣ того, этотъ библіографическій указатель не отличается и полнотой: не указаны, напр., такія упоминаемыя въ книгѣ источники, какъ Тацитъ, Марко-Поло и др.; не указаны также многіе изъ упоминаемыхъ въ сочиненіи изслѣдователей, какъ Розну, Вестермаркъ и др.

Такъ какъ покойный авторъ не считалъ своего труда приготовленнымъ для печати, то несправедливо было бы ставить ему въ вину нѣкоторыя шероховатости въ изложеніи и неясности въ описаніи.

Особенно рѣзкій примѣръ такой неясности даетъ описаніе способа добыванія огня у ирокезовъ на стр. 131 и сл. Такіе примѣры ясно показываютъ, насколько необходимы въ подобнаго рода сочиненіяхъ иллюстраціи, безъ которыхъ текстъ теряетъ почти всякій смыслъ: онъ ясенъ только тому, кто видѣлъ описываемое, т.-е. тому, кто уже и безъ описанія знакомъ съ предметомъ. Нельзя не пожалѣть поэтому, что въ книжкѣ нѣтъ ни одной иллюстраціи, между тѣмъ какъ въ настоящее время техника этого дѣла настолько уже развилась, что иллюстраціи не могутъ считаться недоступною по дороговизнѣ роскошью. Отсутствіе иллюстрацій особенно чувствительно въ первомъ выпускѣ, который почти весь посвященъ матеріальной культурѣ: въ послѣдующихъ выпускахъ отсутствіе иллюстрацій не было бы, пожалуй, даже и замѣтно; но здѣсь въ рисункахъ чувствуется настоятельная потребность.

Всѣ эти замѣчанія касались исключительно внѣшности изданія, что же касается содержанія, то уже и редакторы совершенно справедливо отмѣчаютъ въ предисловіи (стр. IX), что «лекціи Н. Н. Харузина являются первымъ трудомъ на русскомъ языкѣ, приводящимъ въ систему изученіе этнографическихъ явленій». Этотъ трудъ отличается отъ подобныхъ трудовъ иностранныхъ уче-

ныхъ, по мнѣнію редакторовъ, тѣмъ, что въ немъ впервые находятъ мѣсто многочисленные факты изъ жизни русскаго племени и живущихъ въ Россіи инородцевъ. Дѣйствительно у иностранныхъ авторовъ рѣдко встрѣчается достаточное знакомство съ этнографіей Россіи. Въ этомъ отношеніи трудъ Н. Н. Харузина значительно дополняетъ труды западноевропейскихъ ученыхъ, хотя, конечно, нельзя сказать, что бы весь богатый этнографическій матеріалъ, собранный въ Россіи, былъ авторомъ использованъ. Да онъ, очевидно, и не имѣлъ этого въ виду. Этнографія до сихъ поръ такъ слабо разработана, что подобные общіе курсы поневолѣ должны сводиться къ самымъ общимъ характеристикамъ, иллюстрируемымъ фактами изъ жизни народовъ земного шара. Такимъ образомъ внесеніе фактовъ этнографіи Россіи сводится по преимуществу къ такимъ иллюстраціямъ, вставляемымъ въ обычныя рамки, уже выработанныя западноевропейской наукой.

Въ первомъ выпускѣ матеріалъ расположенъ слѣдующимъ образомъ. Первая общая часть (68 стр. 1) содержитъ краткое введеніе, «историческій обзоръ накопленія этнографическихъ матеріаловъ; исторію развитія этнографіи, какъ науки, ея задачи, методы и предѣлы; классификаціи человѣчества (sic) и этнографическихъ явленій». Вторая часть даетъ обзоръ матеріальной культуры сначала по археологическимъ даннымъ, а потомъ по даннымъ этнографіи. Этотъ послѣдній отдѣлъ распадается на 13 главъ, трактующихъ объ орудіяхъ дикарей, незнакомыхъ съ металлами, о добываніи огня, о растительной пищѣ, охотѣ и рыболовствѣ, о способахъ приготовленія пищи, о первобытной посудѣ, о прирученіи животныхъ, о земледѣліи, о жилищѣ, одеждѣ, о способахъ передвиженія, объ оружіи, обработкѣ металловъ, объ украшеніяхъ и искусствѣ. Противъ такого распредѣленія матеріала нельзя ничего возразить, кромѣ развѣ того, что, отдѣляя орудія отъ оружія, авторъ поневолѣ вынужденъ повторяться, такъ какъ у первобытнаго человѣка орудіе и оружіе почти совпадаютъ; поэтому, намъ кажется, было бы удобнѣе и то, и другое разсматривать вмѣстѣ въ одной главѣ.

Само собою разумѣется, что не всѣ главы этого сочиненія написаны одинаково: однѣ лучше, другія слабѣе. Особенно удачной показалась намъ глава о первобытномъ жилищѣ. Не останавливаясь далѣе на подробностяхъ изложенія спеціальной части, намъ хотѣлось, однако, сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу общихъ вопросовъ, затронутыхъ во вводныхъ главахъ этого выпуска. Прежде всего нужно замѣтить, что авторъ держался того, по нашему мнѣнію, ложнаго взгляда на соціологію, по которому она представляетъ изъ себя особую «обобщающую науку» (стр. 38), пользующуюся, какъ матеріаломъ, данными всѣхъ наукъ о человѣкѣ, «какъ членѣ группы» (стр. 26). Объ этомъ недоразумѣніи мы говорили подробно въ рецензіи на книгу Уорда «Очерки соціологіи» (см. «М. Б.», сентябрь, 1901), и потому не будемъ здѣсь снова повторять своихъ доводовъ. Намъ хотѣлось, однако, остановиться на другомъ, методологическомъ вопросѣ, который на нашъ взглядъ тоже неправильно поставленъ въ книгѣ Харузина,—это именно вопросъ объ историко-сравнительномъ методѣ. На стр. 29-й авторъ говоритъ; «Исходя изъ общаго положенія, что болѣе простыя и менѣе сложныя явленія должны предшествовать болѣе комплицированнымъ, и располагая явленія въ этомъ порядкѣ, изслѣдователь получаетъ послѣдовательную цѣпь формъ, изъ которыхъ каждая будетъ соотвѣтствовать опредѣленной, установленной ступени развитія». Это довольно распространенное «общее положеніе» заимствовано соціологіей изъ естествознанія и принимается изслѣдователями обыкновенно на вѣру. Увѣренность въ его приложимости къ явленіямъ общественной жизни и человѣческой культурѣ основывается вовсе не на опытѣ, а скорѣе наоборотъ, несмотря на то, что опытъ часто этого положенія не подтверждаетъ. Что это дѣйствительно такъ,

можно видѣть даже изъ словъ самого же Харузина. На стр. 67-й и сл. онъ возвращается къ этому вопросу и говоритъ: «Классификація, которая имѣетъ цѣлью установить преемственность явленій, исходитъ изъ основного положенія, что изъ двухъ явленій болѣе простое должно было предшествовать болѣе сложному. Это положеніе едва ли возможно оспаривать, такъ какъ оно оправдывается на всѣхъ явленіяхъ органической природы, будь то въ царствѣ животныхъ или растеній». Въ этихъ словахъ сказывается твердая увѣренность въ томъ, что это «основное положеніе» *должно* быть справедливымъ, такъ какъ оно доказано для естествознанія. Далѣе приводятся примѣры изъ исторіи матеріальной культуры, подтверждающіе это положеніе, и авторъ указываетъ на то, при какихъ условіяхъ мы можемъ прилагать это основное положеніе и къ фактамъ «такъ называемой духовной культуры». Для этого необходимо, во-1-хъ, «привлеченіе возможно большаго количества матеріала и критическаго къ нему отношенія и, во-2-хъ, подробное изученіе явленія извѣстной категоріи не изолированно, а взятаго въ связи съ окружающими его явленіями въ той же группѣ». И какъ примѣръ обманчивости перваго впечатлѣнія, авторъ приводитъ иллюстрацію изъ исторіи семьи. «Союзъ родителей и дѣтей, т.-е. семья, можетъ казаться формой самой простой, а слѣдовательно, и наиболѣе первобытной. Но... не трудно увидать, что она (семья) лишь небольшая часть болѣе обширныхъ союзовъ, начиная съ группы родственниковъ... и кончая наиболѣе обширнымъ союзомъ—государствомъ, въ составъ которыхъ входитъ семья» (стр. 68). Автору извѣстно, что семья, въ смыслѣ союза родителей и дѣтей, есть явленіе сравнительно новое, которому предшествуютъ родовыя организаціи, болѣе сложныя, чѣмъ позднѣйшая парная семья. Несмотря, однако, на это противорѣчіе «основному положенію», авторъ считаетъ необходимымъ его защищать. Сущность его аргументаціи сводится къ тому, что этотъ принципъ мы и не можемъ прилагать къ исторіи семьи, такъ какъ семья есть лишь одна изъ формъ «союзныхъ людей», а этотъ принципъ приложимъ лишь ко всѣмъ союзамъ въ цѣломъ. Если такъ, то защищаемое авторомъ «основное положеніе» въ приложеніи къ общественнымъ явленіямъ примѣнимо только къ «обществу» въ цѣломъ, и тогда мы возвращаемся къ исходному пункту возникновенія этого взгляда, къ органической теоріи общества, которая въ настоящее время не находитъ поддержки, по крайней мѣрѣ, сознательной, даже у соціологовъ уардовскаго толка. Мы должны, слѣдовательно, въ положеніи: «изъ двухъ *явленій* болѣе простое предшествуетъ болѣе сложному» замѣнить слово «явленіе» какимъ-либо другимъ, такъ какъ не можемъ же мы признать, что формы семьи не явленія. Если мы вмѣсто «явленій» вставимъ болѣе широкій терминъ, какъ этого требуетъ аргументація автора, то получимъ, напр., такое положеніе: «изъ двухъ общественныхъ организацій болѣе простая предшествуетъ болѣе сложной». Весьма возможно, что это положеніе и справедливо, но въ такой формулировкѣ оно теряетъ свой методологическій смыслъ, такъ какъ лишь только научный анализъ коснется общества въ цѣломъ и расчленитъ общественную организацію на ея составные элементы, основное положеніе наше уже не можетъ быть приложено къ этимъ элементамъ, такъ какъ мы опять можемъ принять первичное за вторичное и наоборотъ, подобно приведенному авторомъ примѣру изъ исторіи семьи.

Къ тому же выводу можно придти и другимъ путемъ. Въ исторіи человѣческой культуры мы встрѣчаемся нерѣдко съ такъ называемыми пережитками, т.-е. утратившими первоначальный свой смыслъ отрывочными остатками старины. Этотъ процессъ утраты стараго всегда идетъ параллельно съ созданіемъ новаго, и трудно сказать, чего больше въ культурѣ какого-либо народа въ данный моментъ, умирающаго ли, стараго или живого—новаго. Никто, я думаю, не станетъ сомнѣваться, что отживающее не можетъ слѣдовать закону перехода

отъ простого къ сложному, а потому ясно, что классификація явленій по степени сложности для опредѣленія ихъ хронологической послѣдовательности неприложима для доброй половины культурнаго достоянія человѣчества. Такимъ образомъ, и съ этой точки зрѣнія мы приходимъ къ тому же выводу, что наше «основное положеніе» въ методологическомъ отношеніи играетъ болѣе чѣмъ скромную роль. Это просто пережитокъ органической теоріи общества, сохраняющійся только по преданію во вводныхъ главахъ къ соціологическимъ сочиненіямъ.

Возражая противъ нѣкоторыхъ его воззрѣній, мы должны, во всякомъ случаѣ, признать, что эти воззрѣнія до сихъ поръ имѣютъ въ наукѣ своихъ защитниковъ, и потому они умѣстны и даже неизбѣжны въ книгѣ, представляющей изъ себя лекціи по этнографіи. Мы увѣрены поэтому, что трудъ покойнаго Н. Н. Харузина прочтутъ съ интересомъ всѣ занимающіеся этнографіей. Считаемъ долгомъ обратить вниманіе интересующихся на то, что все изданіе (4 выпуска) по подпискѣ будетъ стоить 5 руб., а въ отдѣльной продажѣ 7 руб., цѣна безусловно недорогая. *Д. Кудрявскій.*

А. Ермоловъ. Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. Т. I. Всенародный мѣсяцесловъ. Спб. 1901. 620 стр. Ц. 3 руб. Про крестьянина, пожалуй, съ большимъ правомъ, чѣмъ про поэта, можно сказать: «съ природой одною онъ жизнью дышалъ». И чѣмъ ниже культура данной страны, чѣмъ примитивнѣе орудія, которыми крестьянинъ обрабатываетъ землю, тѣмъ тѣснѣе и непосредственнѣе зависитъ все благополучіе крестьянина отъ капризовъ природы. Не даромъ нашъ русскій крестьянинъ говоритъ, что «не земля родитъ, а небо», «лѣто родитъ, а не поле», указывая этимъ, что какъ ни засѣвай и ни воздѣлывай землю, а неурожай или урожай все-таки будетъ цѣликомъ зависѣть отъ погоды, отъ того количества влаги, тепла и свѣта, которое пошлетъ на землю «небо». Неудивительно поэтому, что крестьянинъ испоконъ вѣка тревожно и пристально слѣдилъ за всѣми атмосферическими явленіями и безсознательно, чисто эмпирически подмѣчалъ ту несомнѣнную причинную зависимость, которая существуетъ между этими явленіями и урожайностью и неурожайностью года.

Вѣками накоплялись эти наблюденія, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, пополняясь, видоизмѣняясь, а отчасти и забываясь, и постепенно кристаллизуясь въ «народную сельскохозяйственную мудрость», въ пословицы, поговорки и примѣты, о которыхъ Пушкинъ писалъ:

Пастухъ и земледѣлъ, въ младенческія лѣты,
Взглянувъ на небеса, на западную тѣнь,
Умѣютъ ужъ предречь и вѣтръ, и ясный день,
И майскіе дожди, младыхъ полей отраду,
И мразовъ ранній хладъ, опасный винограду.

Цеховые ученые обыкновенно относились свысока къ этой «народной сельскохозяйственной мудрости», въ лучшемъ случаѣ видя въ ней лишь этнографическій и миѳологическій матеріалъ, между тѣмъ какъ вѣковая наблюдательность сельскаго народа, такъ близко живущаго съ природою, не могла, хотя бы и въ наивной грубой формѣ, безсознательно выработать метеорологическія теоріи, которыми предстоитъ еще широко воспользоваться ученымъ метеорологамъ.

Книга г. Ермолова, въ которой съ необычайной тщательностью и любовью, затративъ на это огромный трудъ, авторъ собралъ тысячи пословицъ и поговорокъ, относящихся къ предсказаніямъ погоды, показываетъ, какъ много глубокихъ и на практикѣ подтвердившихся истинъ высказано въ этихъ поговоркахъ.

И съ полнымъ основаніемъ обращается авторъ къ ученымъ метеорологамъ со слѣдующими словами:

«Не слѣдуетъ ни пренебрегать этимъ опытомъ, этими безхитростными наблюденіями, выразившимися въ цѣломъ рядѣ народныхъ примѣтъ, пословицъ,

поговорокъ, ни игнорировать этотъ запасъ элементарныхъ, но подчасъ вполнѣ вѣрныхъ проявленій народной мудрости, которыя послужили, можно сказать, колыбелью нашей настоящей науки. Не слѣдуетъ забывать, что даже первыми астрономами были вѣдь не ученые люди, а простые халдейскіе пастухи... Но, выразивъ пожеланіе о томъ, чтобы наука въ будущемъ пошла рука объ руку съ житейскою народною мудростью, я считаю своимъ долгомъ предоставить на пользу науки, съ одной стороны, и русскихъ сельскихъ хозяевъ и практиковъ—съ другой, весь тотъ богатый матеріалъ, который мнѣ самому за долгіе годы удалось накопить, въ видѣ обширнаго собранія народныхъ пословицъ, поговорокъ и примѣтъ, относящихся къ самымъ разнообразнымъ явленіямъ природы, къ погодѣ—по временамъ года, мѣсяцамъ и днямъ, къ свѣтиламъ небеснымъ, къ дождю и грому, къ теплу и холоду, къ урожаю, къ животнымъ, растеніямъ и т. п.».

Г. Ермолову удалось накопить поразительно обильный матеріалъ, что сдѣлать было тѣмъ труднѣе, что трудъ г. Ермолова является въ своей области первою систематическою работою.

Къ сожалѣнію только, авторъ ограничился хронологическимъ расположеніемъ собраннаго имъ матеріала по временамъ года, мѣсяцамъ и днямъ, отказавшись отъ теоретической и критической разработки его. «Вдохновившись одною изъ русскихъ же пословицъ, что «не то бѣда, коли въ хлѣбѣ лебеда, а вотъ бѣды, какъ ни хлѣба, ни лебеды», я сталъ наряду съ хлѣбомъ собирать въ свою кучу и эту лебеду въ надеждѣ, что не я, такъ другіе въ этой кучѣ впослѣдствіи разберутся и всему свое мѣсто найдутъ». Вслѣдствіе этого, книга г. Ермолова наполнена сырымъ тяжелымъ матеріаломъ, который подлежитъ дальнѣйшей критической разработкѣ. Это обстоятельство, не умаляя научной цѣнности труда г. Ермолова, дѣлаютъ его, однако, для чтенія профановъ слишкомъ тяжеловѣснымъ, загромождающимъ память и вниманіе массою совершенно не нужнаго, сырого матеріала.

Г. Ермоловымъ приводятся пословицы, кромѣ русскихъ, еще и нѣмец., фран., англійск. и т. д. И какъ поразительно иногда совпадаютъ эти пословицы, хотя заимствованіи здѣсь едва ли можетъ быть рѣчь. Вотъ, напр., примѣты на май: «Май холодный—годъ хлѣбородный» говорятъ русскіе крестьяне, «Se maggio va fresco, va ben la fava e anco il formento» (если холоденъ май, то хороши будутъ бобы и хлѣба), говорятъ итальянцы; «a cold May and a windy—makes a full barn and a findy» (холодный и вѣтряный май даетъ полный и обильный урожай), говорятъ англичане; «kühler Mai bringt Korn, Stroh und Heu» (холодный май приноситъ хлѣбъ, солому и сѣно), говорятъ нѣмцы. И съ подобными совпаденіями метеорологическихъ примѣтъ у самыхъ различныхъ народовъ мы встрѣчаемся почти на каждой страницѣ интереснаго труда г. Ермолова.

П. Берлинъ

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

П. Крыловъ. «Флора Алтая и Томской губерніи».—*А. Роговинъ.* «Возделываніе главнѣйшихъ кормовыхъ травъ».—*Ю. Головнина.* «На Памирахъ».—«Европа. Географическій сборникъ». — *А. Флеровъ.* «Флора Владимірской губ.». — *Юнгъ.* «Уроки астрономіи».

П. Крыловъ. Флора Алтая и Томской губерніи. Руководство къ опредѣленію растеній Западной Сибири. I. Ranunculaceae-Rhamneae. Томскъ. 1906. Всякому, кто начиналъ интересоваться растительностью, кто пытался собирать растенія и опредѣлять ихъ, извѣстны тѣ огромныя затрудненія, которыя встрѣ-

чаются здѣсь на каждомъ шагу, благодаря недостатку пособій и руководствъ. Въ этомъ отношеніи только Московская губернія и вообще Средняя Россія стоятъ въ исключительномъ положеніи, для той области есть хорошія пособія—книги Маевскаго и Кауфмана. Опредѣленіе растеній изъ другихъ частей Европейской Россіи представляетъ уже значительно большія затрудненія, такъ какъ книга Шмальгаузена менѣе пригодна для начинающихъ.

Опредѣленіе растеній Сибири было до сего времени совершенно недоступно для лицъ, не владѣющихъ латинскимъ языкомъ, не имѣющихъ возможности пользоваться массивной «Flora rossica» Ледебура.

Въ настоящее время мы имѣемъ передъ собой первый выпускъ «Флоры Алтая и Томской губ.», составляемой извѣстнымъ флористомъ, П. Н. Крыловымъ. Первый выпускъ содержитъ краткое предисловіе, подробный перечень литературы по флорѣ Сибири, таблицъ для опредѣленія всѣхъ семействъ и затѣмъ, таблицы для опредѣленія родовъ и видовъ, а также подробныя описанія и указанія мѣстонахожденія видовъ. Всего описывается 332 вида, принадлежащихъ къ первымъ 24 семействамъ сибирской флоры. Это приблизительно $^1/_6$ часть всей западно-сибирской флоры.

Въ общемъ, таблицы для опредѣленія составлены весьма тщательно, описанія видовъ достаточно подробны. Несомнѣнно, книга эта будетъ настольной у каждаго, кто только заинтересуется сибирской флорой. Но помимо этого, книга П. Н. Крылова имѣетъ и научное значеніе, какъ сводъ нашихъ свѣдѣній по флорѣ Западной Сибири; многія данныя здѣсь впервые опубликовываются, такъ какъ авторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи много не изданныхъ, не обработанныхъ коллекцій.

Какихъ-либо серьезныхъ недосмотровъ въ книгѣ П. Н. Крылова, при внимательномъ изученіи ея, мы не замѣтили, и потому должны пожелать ей возможно широкаго распространенія среди русскихъ спеціалистовъ и любителей ботаники, а также выразить надежду въ ближайшемъ будущемъ видѣть и слѣдующіе выпуски этого полезнаго изданія. *Б. Федченко.*

А. М. Роговинъ. Воздѣлываніе главнѣйшихъ кормовыхъ травъ. Съ 44 рисунками въ текстѣ. Изданіе А. И. Осипова. 1901 г. Цѣна 1 рубль. Съ каждымъ годомъ воздѣлываніе кормовыхъ травъ становится все болѣе и болѣе насущной потребностью всякаго сельскаго хозяина, крупнаго и мелкаго, крестьянина и помѣщика. Естественныхъ луговъ не хватаетъ, да и тѣ, которые есть, требуютъ ухода и улучшеній; между тѣмъ, руководствъ или пособій, которыя могли бы помочь мало свѣдующему человѣку, крайне недостаточно. Въ особенности же чувствуется недостатокъ въ пособіяхъ недорогихъ и расчитанныхъ по содержанію и по изложенію, на хозяевъ мелкихъ и безъ большой общей подготовки.

Въ книгѣ г. Роговина, прежде всего, весьма наглядно указывается важность травосѣянія, къ которому все больше и больше начинаютъ прибѣгать не только отдѣльные хозяева, но и цѣлыя общины, чуть не сплошь цѣлые уѣзды. Затѣмъ авторъ обстоятельно описываетъ способы культуры и все относящееся къ посѣву и уборкѣ отдѣльныхъ видовъ кормовыхъ травъ—клевера краснаго, шведскаго, бѣлаго, люцерны, эспарцета, язвенника, вики, люпина, сераделлы и главнѣйшихъ злаковъ. Въ концѣ книги авторъ останавливается на уходѣ за лугами естественными и способахъ ихъ улучшенія.

Въ общемъ, книга составлена весьма тщательно и будетъ, несомнѣнно, полезна именно тѣмъ, кто наиболѣе нуждается въ руководствѣ и указаніяхъ—людямъ мало опытнымъ. Въ слѣдующемъ изданіи этой книгѣ, которое, полагаемъ, не замедлитъ появиться, возможно было бы сдѣлать нѣкоторыя сокращенія и такимъ образомъ удешевить книгу, а также улучшить рисунки.

Отмѣтимъ здѣсь нѣкоторые недосмотры въ латинскихъ названіяхъ растенія

(стр. 54, 55, 71) и неловкую фразу на стр. 177: «къ уходу за лугомъ нужно отнести также и пастьбу скота». Между тѣмъ, какъ это видно и изъ книги Роговина, пастьба скота на лугахъ относится не къ *уходу* за лугомъ, а къ *порчѣ* луговъ. *Б. Федченко.*

Ю. Головнина. На Памирахъ. Записки русской путешественницы. Съ портретомъ, картой, 64 цинкографіями и двумя прибавленіями. Москва 1902 г. Цѣна 1 р. 50 к. Мы, русскіе, рѣдко путешествуемъ по Россіи—безъ крайней къ тому надобности или какихъ-нибудь спеціальныхъ цѣлей. Да и отъ этихъ рѣдкихъ сравнительно путешествій мало выходитъ толку для большой публики, такъ какъ въ результатѣ получаются извѣстные томы «Трудовъ» путешественника или ничего не получается. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ надо привѣтствовать появленіе такихъ живо написанныхъ путевыхъ очерковъ, каковы книжка г-жи Головниной. Изо дня въ день, шагъ за шагомъ, вмѣстѣ съ небольшой экспедиціей, въ которой участвовали двѣ дамы, мы посѣтили Ташкентъ, Ферганy, Памиры и вернемся опять назадъ. Многочисленныя иллюстраціи прекрасно передаютъ характеръ посѣщенныхъ мѣстностей и знакомятъ съ нѣкоторыми деталями.

Экспедиція была обставлена съ внѣшней стороны довольно хорошо, такъ что особыхъ лишеній переносить участникамъ не приходилось; но нельзя не указать на то, что самое пребываніе на той большой высотѣ, какова высота Памировъ (около 3 верстъ надъ уровнемъ моря), крайне тяжела для непривычныхъ людей, да и во многихъ случаяхъ приходилось мириться съ весьма существенными неудобствами. Энергія обѣихъ путешественницъ заслуживаетъ полнѣйшаго уваженія.

Не ограничиваясь описаніемъ своихъ впечатлѣній изъ поѣздки на Памиры, г-жа Головнина описываетъ довольно подробно свое пребываніе въ Ташкентѣ и Ферганѣ и здѣсь касается различныхъ сторонъ туркестанской жизни, различныхъ наболѣвшихъ тамъ вопросовъ, и, между прочимъ, касается андижанскаго возстанія, которое случилось какъ разъ въ годъ ея путешествія, говоритъ и о нашихъ непростительныхъ ошибкахъ, какъ, напр., казнь одного изъ сыновей знаменитой «царицы Алая», по подозрѣнію въ участіи въ убійствѣ русскаго; впослѣдствіи, прибавляетъ г-жа Головнина, было почти доказано, что въ день убійства онъ былъ за 150 верстъ отъ мѣста преступленія...

Поменьше такихъ ошибокъ и побольше путешествій по Туркестану, которыя дали бы какъ научные результаты, такъ и чисто литературные путевые очерки! *Б. Федченко.*

Европа. Иллюстрированный географическій сборникъ, составленный преподавателями географіи, А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ. 760 стр. съ 95 фотоцинкогр. Москва. 1902 Цѣна 2 р. 75 к. Съ удовольствіемъ привѣтствуемъ третій томъ географической хрестоматіи, издаваемой гг. Григорьевымъ, Барковымъ, Круберомъ и Чефрановымъ. Появленіе этой книжки свидѣтельствуетъ прежде, всего, о неизсякающей энергіи у гг. составителей этихъ хрестоматій, а затѣмъ—и о томъ, что книги эти, очевидно, хорошо расходуются среди читающей и учащейся публики, которой до сихъ поръ ничего подобнаго на русскомъ языкѣ не предлагалось.

«Европа» заключаетъ въ себѣ 124 статьи или отрывка, знакомящихъ насъ съ природой и людьми всѣхъ странъ *Западной* Европы—отъ Норвегіи до Греціи. Европейская Россія не вошла сюда, такъ какъ составители этой книги подготовляютъ особый томъ, посвященный Россійской Имперіи.

«Европа» составлена по тому же плану, что и вышедшія раньше «Азія» и «Америка». Объемъ ея нѣсколько больше, чѣмъ тѣхъ двухъ книгъ, и это весьма пріятно, такъ какъ благодаря этому, составители могли съ достаточной подробностью развернуть картины Европейской природы и жизни.

Одно обстоятельство для насъ является не вполнѣ понятнымъ: составители подчеркиваютъ въ своемъ предисловіи то обстоятельство, что они пользовались, главнымъ образомъ, русскими источниками, «такъ какъ при описаніи Западной Европы особенно важна русская точка зрѣнія, тотъ сравнительный методъ, съ которымъ всякій русскій путешественникъ невольно подходитъ къ явленіямъ западно-европейской жизни». Намъ кажется, что это не совсѣмъ такъ, и во многихъ случаяхъ можно было бы дать интересныя и для русскаго читателя *переводныя* статьи по Европы. Впрочемъ, и сами составители даютъ нѣсколько переводныхъ статей.

Желаемъ «Европѣ» широкаго распространенія среди всѣхъ интересующихся разнообразной природой Западной Европѣ и жизнью ея обитателей.

Б. Федченко.

А. Ф. Флеровъ. Флора Владимірской губерніи. Москва. 1902 г. Цѣна съ пересылкой 3 р. 40 к. (складъ изданія: Москва, Бол. Молчановка, 43). 338 + 18 + 76 стр., съ 33-мя фотоцинкографіями и 4-мя картами. Предъ нами извѣстный томъ, ученая диссертація, представляющая результатъ изслѣдованій, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ производившихся во Владимірской губерніи А. Ф. Флеровымъ. Однако, интересъ, представляемый этой книгой, далеко не ограничивается тѣми новыми данными спеціальнаго характера, которыя въ ней содержатся во множествѣ и крайне цѣнны для спеціалистовъ по флорѣ Россіи. Помимо чисто научнаго значенія, книга А. Ф. Флерова представляетъ интересъ для гораздо болѣе широкаго круга читателей и вотъ съ этой-то точки зрѣнія мы и скажемъ здѣсь о ней нѣсколько словъ.

Книга А. Флерова, благодаря чрезвычайно подробному, ясному и строго обдуманному способу изложенія, сразу знакомитъ насъ со всѣмъ растительнымъ міромъ Владимірской губерніи; это не сухой списокъ, каталогъ растеній, а живое слово, описаніе всей губерніи въ ботаническомъ отношеніи, разчлененіе растительнаго покрова на тѣ *сообщества*, которыя можно тамъ отличить, описаніе взаимныхъ отношеній этихъ сообществъ, ихъ борьбы... Прибавимъ, что все это иллюстрировано въ изобиліи превосходными фотографіями.

Теперь всякій, кому по той или иной причинѣ придется заинтересоваться, научно или практически, флорой Владимірской губерніи, можетъ легко сдѣлать необходимую справку, пользуясь этой книгой. А флора губерніи этой чрезвычайно разнообразна, и есть мѣстности съ весьма оригинальной растительностью.

Ни для одной губерніи Россіи мы не имѣемъ еще до сихъ поръ подобной книги. Будемъ надѣяться, что примѣръ г. Флерова вызоветъ болѣе энергичную дѣятельность въ этомъ направленіи, какъ среди любителей природы, которые собираніемъ матеріала и наблюденіями на мѣстѣ могутъ принести громадную пользу дѣлу изученія Россіи, такъ и среди спеціалистовъ ботаниковъ.

Пожелаемъ, чтобы въ недалекомъ будущемъ каждая губернія имѣла свою «флору», подобную разсматриваемой. *Б. Федченко.*

Юнгъ. Уроки астрономіи. Краткій вступительный курсъ безъ математики. Переводъ съ послѣдняго американскаго изданія 1901 года П. Я. Морозова. Изд. О. Н. Поповой. 365 + XIII стр., 102 рис. Цѣна 1 руб. 50 коп. Переводъ книжки Юнга отвѣчаетъ давно назрѣвшей въ русской публикѣ потребности въ хорошемъ начальномъ руководствѣ по астрономіи. Если имѣющіяся у насъ налицо учебники космографіи даже при занятіяхъ въ школѣ съ помощью преподавателя являются обыкновенно и скучными, и трудными, то для самостоятельнаго изученія они, конечно, совершенно непригодны. Уроки астрономіи, наоборотъ, могутъ быть рекомендованы въ этомъ отношеніи. Въ сжатой, но довольно легкой формѣ, авторъ даетъ своимъ читателямъ массу интереснаго матеріала. Это не компиляторъ, а самъ мастеръ — извѣстный ученый и замѣчательный педагогъ, собравшій въ своей книжкѣ все существенное, характерное,

важное, такъ что она оказывается полезной даже для справокъ во многихъ случаяхъ. Авторъ любитъ небо и звѣзды, о которыхъ пишетъ, хочетъ, чтобы и читатель ихъ полюбилъ, по крайней мѣрѣ, чтобы отдалъ имъ непосредственное вниманіе. Съ первыхъ же страницъ онъ приглашаетъ его къ наблюденіямъ, правда первоначальнымъ, но, во всякомъ случаѣ, интереснымъ и важнымъ для оживленія дальнѣйшаго содержанія, трактующаго иногда о весьма мудреныхъ вещахъ. Въ концѣ книги, въ дополнительныхъ статьяхъ, даны указанія, какъ производятся и спеціальныя наблюденія, какіе инструменты употребляютъ астрономы, въ чемъ заключается существенное значеніе каждаго.

Особенно интересны у Юнга главы о физическомъ строеніи небесныхъ тѣлъ. Здѣсь мы найдемъ и самыя послѣднія новости въ надлежащемъ ихъ освѣщеніи. Книжка иллюстрирована весьма хорошими рисунками, издана она довольно изящно. Желаемъ ей успѣха, котораго она заслуживаетъ. *К. Покровскій.*

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

«Текущая школьная статистика Курской губерніи». — «Начальное народное образованіе въ Россіи».

Текущая школьная статистика курскаго губернскаго земства. Годъ пятый. 1900—1901 уч. г. Курскъ. Изданіе справочно-педагогическаго бюро курскаго губернскаго земства. 1901 г. Несмотря на цѣлый рядъ серьезныхъ препонъ и препятствій, вопросы народнаго образованія продолжаютъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ общей схемѣ всѣхъ земскихъ мѣропріятій. Интересъ къ нимъ въ средѣ земскихъ дѣятелей не только не ослабѣваетъ, но, напротивъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивается и, повидимому, ждетъ только первыхъ «весеннихъ дней», чтобы проявиться въ самомъ широкомъ масштабѣ. Въ настоящее время серьезнымъ препятствіемъ къ дальнѣйшему развитію земской дѣятельности въ области народнаго образованія является, между прочимъ, новый законъ о предѣльности земскихъ расходовъ, который допускаетъ увеличеніе земскихъ бюджетовъ всего лишь на 3% противъ предыдущаго года. Нѣкоторымъ земствамъ уже пришлось считаться съ этимъ ограниченіемъ и отказаться поневолѣ отъ увеличенія расходовъ на народное образованіе; но несмотря на всѣ тучи, которыя скопляются на земскомъ горизонтѣ, земства, повторяемъ, усиленно занимаются вопросомъ народнаго образованія, и надо надѣяться, найдутъ какой-нибудь выходъ изъ настоящаго, въ высшей степени тягостнаго и ненормальнаго для нихъ положенія. Жизнь съ каждымъ днемъ дѣлается все сложнѣе и сложнѣе, и потребность въ образованіи растетъ въ народной массѣ не по днямъ, а по часамъ. Все это хорошо сознаетъ наше земство и напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы помочь сельскому населенію въ его стремленіи къ свѣту. Много сдѣлано уже земствами въ этомъ отношеніи, но неизмѣримо больше еще осталось ему сдѣлать. Указанный въ началѣ нашей замѣтки отчетъ курскаго губерн. земства краснорѣчиво подтверждаетъ все вышеприведенное, и тотъ, кто внимательно просмотритъ этотъ прекрасно составленный статистическій трудъ, будетъ имѣть ясное представленіе, на примѣрѣ курскаго губернскаго земства, о современномъ положеніи земской школы, а также о томъ, что сдѣлано земствомъ въ области народнаго образованія и что ему остается еще сдѣлать. А остается сдѣлать, повторяемъ, еще очень многое. Такъ, напр., изъ отчета курской губернской управы видно, что 5.610 дѣтей остались въ 1900 году въ Курской губерніи за дверью земской школы. Но кромѣ этой пятитысячной толпы дѣтей, «стучащейся въ двери земской школы» и не могущей быть принятой въ нее, еще большее число дѣтей остается, по словамъ отчета,

*

безъ всякой возможности пріобрѣсти начальное образованіе «за отсутствіемъ въ селѣ школы или по матеріальнымъ обстоятельствамъ». По подсчету справочно-педагогическаго бюро курскаго земства, *половина всѣхъ дѣтей губерніи, нуждающихся въ обученіи, не попадаетъ въ свѣтскую школу.* Такимъ образомъ, для курскаго земства 700.000 р., которые оно тратитъ вмѣстѣ съ сельскими обществами на дѣло народнаго образованія, являются далеко еще не достаточной суммой и не могутъ удовлетворить вполнѣ существующую потребность въ школѣ. Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать то затрудненіе въ средствахъ, какое встрѣтитъ курское земство при дальнѣйшемъ развитіи школьной сѣти, если не будетъ отмѣненъ вышеуказанный временный законъ. Въ отчетномъ 1900—1901 уч. году число школъ, содержимыхъ уѣзднымъ земствомъ Курской губерніи, возросло съ 685 до 710 и обучалось въ нихъ 42.280 мал. и 9.616 дѣв., а всего, стало быть, 52.896 чел. Кромѣ этихъ данныхъ, въ настоящемъ отчетѣ читатели найдутъ много интересныхъ свѣдѣній объ учащихъ въ земскихъ школахъ Курской губ., объ ихъ матеріальномъ и семейномъ положеніи, о народныхъ и школьныхъ библіотекахъ, вечернихъ занятіяхъ со взрослыми, школьныхъ праздникахъ и пр. Особая глава посвящена выясненію роли курскаго губернскаго земства въ дѣлѣ народнаго образованія за послѣднія 6 лѣтъ. Къ отчету приложены два доклада по вопросу о введеніи четырехлѣтняго курса обученія въ земскія школы. Особый интересъ представляетъ глава, въ которой разсматривается вопросъ о семейномъ положеніи и воспитаніи дѣтей учителей земскихъ школъ и которая даетъ достаточно матеріала для сужденія о тѣхъ причинахъ, какія заставляютъ учителя сельской школы при первой возможности мѣнять свою педагогическую дѣятельность на болѣе обезпеченную службу, напр., сидѣльца въ казенной винной лавкѣ. Въ концѣ отчета помѣщены цифровыя данныя о начальныхъ народныхъ училищахъ Курской губерніи. *Конст. Диксонъ.*

Начальное народное образованіе въ Россіи. Подъ редакціей членовъ совѣта бывшаго с.-петербургскаго комитета грамотности Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. Томъ IV. Комбинаціонныя таблицы по губерніямъ. Спб. 1902 г. Изданіе Императорскаго вольнаго экономическаго общества. Цѣна 6 р. Въ свое время мы отмѣтили на страницахъ нашего журнала появленіе на свѣтъ первыхъ двухъ томовъ этого замѣчательнаго изслѣдованія и познакомили въ общихъ чертахъ съ его содержаніемъ. Въ настоящее время вышелъ IV томъ этого труда, такъ какъ печатаніе III тома, какъ видно изъ предисловія, еще не закончено, вслѣдствіе задержки въ доставленіи нѣкоторыхъ дополнительныхъ разъясненій и свѣдѣній. Въ первые два отдѣла IV тома входятъ комбинаціонныя таблицы по губерніямъ и районамъ, составленныя на основаніи данныхъ первыхъ двухъ томовъ. Въ третьемъ и четвертомъ отдѣлахъ IV тома заключаются комбинаціонныя таблицы по губерніямъ и районамъ со свѣдѣніями о низшихъ правильно организованныхъ училищахъ, въ связи съ пространствомъ и населеніемъ. Въ предисловіи къ настоящему IV тому гг. редакторы выясняютъ значеніе данныхъ объ учащихся, окончившихъ курсъ, и о годахъ открытія училищъ. При этомъ надо сказать, что относительно значенія данныхъ объ окончившихъ курсъ существуютъ два, діаметрально-противоположные взгляда. Французскіе изслѣдователи школьнаго дѣла придаютъ даннымъ объ окончившихъ значеніе очень важное, американцы, наоборотъ, принимаютъ во вниманіе, главнымъ образомъ, число учащихся. Настоящее изслѣдованіе даетъ и тѣ, и другія данныя. Что же касается вообще данныхъ о годахъ открытія, то, кромѣ своего непосредственнаго значенія, они могутъ еще, по мнѣнію гг. Фальборка и Чарнолускаго, «играть роль суррогата для характеристики историческаго развитія школьнаго дѣла» и пренебрегать такими суррогатами не приходится, въ виду полнаго отсутствія у насъ «доброкачественной

ретроспективной статистики». Изслѣдованіе Императорскаго вольнаго экономическаго общества было произведено, какъ извѣстно, на 1 января 1894 года, т.-е. 8 лѣтъ тому назадъ. Естественно, поэтому, рождается вопросъ: не устарѣло ли настоящее изслѣдованіе и не потеряло ли оно свой raison d'être, т.-е. свое жизненное и практическое значеніе? На это мы находимъ слѣдующій отвѣтъ въ предисловіи: «Принимая во вниманіе естественный приростъ дѣтей школьнаго возраста и исходя изъ положенія школьнаго дѣла на 1 января 1894 года, мы получаемъ, что для того, чтобы дать мѣсто въ школахъ всему приросту дѣтей школьнаго возраста, къ 1 января 1902 года надо было открыть еще 40.660 новыхъ училищъ при полномъ числѣ дѣтей школьнаго возраста или 20.850 школъ при четырехгодичномъ учебномъ періодѣ. Въ первомъ случаѣ общее число низшихъ правильно организованныхъ училищъ на 1 января 1902 г. должно было достигнуть 84.896, во второмъ—62.282. Только въ такомъ случаѣ, за бортомъ народной школы оставалось бы на 1 января 1902 года такое же число дѣтей школьнаго возраста, какъ восемь лѣтъ тому назадъ, на 1 января 1894 г.». Посмотримъ теперь, что оказывается на самомъ дѣлѣ. Точныхъ данныхъ о школьномъ дѣлѣ на 1 января 1902 г. не имѣется, но можно опасаться, что картина 1894 года, представленная настоящимъ изслѣдованіемъ, будетъ «*скорѣе оптимистической, чѣмъ пессимистической*». «Въ самомъ дѣлѣ,—читаемъ мы далѣе въ томъ же предисловіи,— разсматривая данныя о годахъ открытія училищъ, мы видимъ, что ни одно десятилѣтіе не давало болѣе 1.700 ежегодно открывавшихся училищъ; превысили эту норму только 1884 г. (1.806 училищъ), 1885 г. (2.184 училища) и 1886 г. (1.951 училище), но на нихъ, безъ сомнѣнія, отразился законъ о церковно-приходскихъ школахъ. За 1893 годъ было открыто только 1.602 училища. Между тѣмъ, для того, чтобы сохранить въ школьномъ дѣлѣ status quo и обучать весь приростъ числа дѣтей школьнаго возраста, у насъ необходимо было бы открывать ежегодно отъ 5082 (при школьномъ возрастѣ 7—14 лѣтъ) до 2.606 (при четырехгодичномъ учебномъ періодѣ) новыхъ училищъ». Такимъ образомъ, въ среднемъ, полученныя изслѣдованіемъ данныя, безусловно, сохраняютъ значеніе и для характеристики современнаго положенія дѣла. Обратимся теперь къ нѣкоторымъ даннымъ IV тома. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе таблица распредѣленія уѣздовъ (селеній) и городовъ по количеству ежегодно открывавшихся въ нихъ низшихъ правильно организованныхъ училищъ въ періоды 1856—1893, 1856—1880 и 1881—1893 гг. Въ періоды 1856—1893 гг. ежегодно открывалось училищъ 907,7. Въ эту цифру входятъ всѣ низшія училища всѣхъ вѣдомствъ и разрядовъ, а также и частныя училища III разряда. Изъ нихъ общественныхъ одноклассныхъ училищъ было открыто 515,6 и одноклассныхъ училищъ вѣдомства св. синода 290,6.

Только что разсмотрѣнный періодъ распадается на двѣ эпохи: эпоху императора Александра II (1856—1880 гг.) и эпоху императора Александра III (1881—1893 гг.). Въ первую эпоху было открыто низшихъ училищъ всѣхъ вѣдомствъ и разрядовъ—704,8; общественныхъ одноклассныхъ училищъ—564,0 и одноклассныхъ училищъ вѣдомства св. Синода—61,9. Во вторую разсматриваемую нами эпоху картина рѣзко мѣняется: цифра общественныхъ одноклассныхъ училищъ падаетъ до 422,5, страшно поднимается цыфра одноклассныхъ училищъ вѣдомства св. Синода, которая съ 61,9 доходитъ до 730,4 и сильно увеличивается также число частныхъ училищъ, что объясняется, конечно, попытками общества найти какой-нибудь выходъ. Интересной является таблица, которая показываетъ распредѣленіе уѣздовъ (селеній) и городовъ по количеству низшихъ правильно организованныхъ училищъ всѣхъ вѣдомствъ и разрядовъ и частныхъ училищъ III-го разряда, открытыхъ въ 1893 году. Всего было открыто училищъ въ селеніяхъ 1.182 и въ городахъ 320. При этомъ

этомъ одно училище было открыто въ 164 сел. и 139 гор.; два училища въ 101 сел. и 30 городахъ; три училища въ 87 сел. и 10 городахъ; отъ 5—10 училищъ въ 32 сел. и 2 городахъ и болѣе 10 училищъ въ 4 селеніяхъ и 3 городахъ. Слѣдующая интересная таблица даетъ свѣдѣнія о распредѣленіи уѣздовъ (селеній) по числу квадратныхъ верстъ и селеній, приходящихся на одно низшее правильно организованное училище. Въ среднемъ на одно училище приходится 500,1 кв. верстъ. До 25-ти кв. верстъ приходится на 19-ть училищъ, отъ 25-ти до 50-ти верстъ на 170 учил.; отъ 50-ти до 70-ти на 141 учил.; отъ 75-ти до 100 на 80 училищъ. 100 кв. верстъ имѣютъ своимъ райономъ 400 училищъ! Болѣе 100 кв. вер.—123 училища, болѣе 300 кв. вер.—22, болѣе 500 кв. вер.—26 и болѣе 1.000 кв. верстъ 102 училища! Невольно вспоминается при этомъ знаменитый докладъ А. Н. Страннолюбскаго о «Пятнѣ невѣжества». Этотъ докладъ всплыветъ также въ памяти всякаго, кто просмотритъ хотя бы таблицу распредѣленія уѣздовъ и городовъ по числу дѣтей школьнаго возраста (7—14 лѣтъ), *остающихся безъ обученія*. Мы не будемъ здѣсь приводить цыфры по уѣздамъ, а прямо возьмемъ общее число дѣтей школьнаго возраста, остающихся безъ обученія. Таковыхъ въ уѣздахъ числится 15.720.828 и въ городахъ 2.070.244! Итакъ, мы, какъ видитъ читатель, имѣемъ 17.791.066 дѣтей остающихся безъ школьнаго обученія. Эта грандіозная цифра стоитъ передъ нами какъ ужасный призракъ и до нѣкоторой степени можетъ служить объясненіемъ того печальнаго экономическаго положенія, въ какомъ находится наше крестьянство. Мы не думаемъ, конечно, что экономическое положеніе народа зависитъ исключительно отъ степени его развитія и образованія. Здѣсь, конечно, оказываютъ вліяніе и многіе другіе факторы, но народное образованіе все же является среди нихъ однимъ изъ главныхъ. Единственный выходъ изъ современнаго печальнаго положенія—это всеобщій крестовый походъ противъ невѣжества и самое широкое участіе русскаго общества и, главнымъ образомъ, земства въ дѣлѣ устройства и веденія народной школы. Безъ помощи живыхъ общественныхъ силъ эти семнадцать милліоновъ дѣтей такъ и останутся за дверями школы и «пятно народнаго невѣжества» будетъ все болѣе и болѣе увеличиваться, содѣйствуя при томъ не только моральному и физическому вырожденію народа, но, какъ мы уже указали выше, и его экономическому разоренію.

Замѣчательное изслѣдованіе гг. Фальборка и Чарнолускаго открыло намъ ужасную истину, рядомъ съ которой всѣ современныя мѣропріятія въ области народнаго образованія покажутся простой «гомеопатіей». *17 милліоновъ дѣтей*, повторяемъ, *остаются за дверями школы*, и это должны помнить всѣ, для кого дѣйствительно дорого культурное развитіе нашей родины.

Конст. Диксонъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го февраля по 15-ое марта 1902 г.).

Д. Ротгаузъ. Пѣсни любви и печали. Спб. 1902 г. Ц. 1 руб.

Е. Н. Опочининъ. Изъ давнихъ лѣтъ. Разсказы. Изд. ред. «Дѣтск. Чтенія». Мск. 1902 г. Ц. 20 к.

Генри-Джорджъ. Запутавшійся философъ. Перев. съ англ. Николаева. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

С. И. Ростовцевъ. Для начинающихъ. Пособіе къ опредѣл. цвѣтковъ. растеній. Мск. 1902 г. Ц. 5 к.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Проектъ земск. управленія въ 13-ти неземск. губерніяхъ. Спб. 1902 г.

М. М. Шуцкій. Свѣдѣнія изъ русск. законовъ. Для народн. чтенія. Изд. К. И. Тихомирова. Мск. 1902 г. Ц. 50 к.

Бріё. Порченные. Пьеса. Перев. Ф. Корша. Мск. 1902 г. Ц. 50 к.

Докт. мед. В. Луцъ. Пища и болѣзни желудка. Спб. 1902 г. Ц. 80 к.

Б. Магалифъ. Систем. сборникъ геометрич. задачъ на вычисленіе. Изд. кн. магаз. Думнова. Мск. 1902 г. Ц. 40 к.

М. А. Дерновъ. Устройство улья Дидона. Изд. 2-ое. Спб. 1902 г. Ц. 35 к.

Е. Н. Опочининъ. Въ деревнѣ и на охотѣ. Мск. 1902 г. Изд. ред. «Дѣтск. Чтенія». Ц. 15 к.

Гоголевскій сборникъ. Изд. то же. Ц. 60 к.

Указатель статей и замѣтокъ по вопрос. город. жизни помѣщ. въ «Извѣстіяхъ московск. город. думы». Мск. 1902 г.

Стан. Пишбышевскій. На распутьи. Перев. Эрве. Спб. 1902 г. Ц. 80 к.

Д-ръ мед. М. Ю. Лахтинъ. Краткій біограф. словарь знамен. врачей всѣхъ временъ. Изд. «Медицинск. журн.». Спб. 1902 г. Ц. 75 к.

Д-ръ П. И. Кедровъ. Условія труда и жизни лицъ низш. медицинск. персонала въ Россіи. Изд. то же. Ц. 50 к.

В. Г. Виленцъ. Задачи и дѣятельн. бюро содѣйств. труду въ Германіи. Мск. 1902 г. Ц. 10 к.

Постановленія Мелитопольск. уѣздн. земск. собранія XXXVI очередн. сессіи. Мелитополь. 1901 г.

Г. К. Штембергъ. Коммерч. образов. въ Швейцаріи. Спб. 1901 г.

Н. П. Коробчевскій. Около правосудія. Спб. 1902 г. Ц. 2 руб.

С. А. Мокржецкій. Вредныя животныя и растенія въ Таврич. губ. Симферополь. 1901 г. Ц. 60 к.

П. Мижуевъ. Лондонскія школы и начальн. въ Англіи. Спб. 1902 г. Изд. ред. журн. «Образованіе». Ц. 40 к.

К. Д. Покровскій. Успѣхи астрономіи въ XIX стол. Изд. то же. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 20 к.

М. Кроль. Роль желѣзн. дорогъ и водныхъ путей сообщенія. Спб. 1902 г. Ц. 70 к.

Сборникъ матеріал. по вопросу объ Астрах. желѣзн. дорогѣ. Астрахань. 1899 г. Ц. 5 руб.

И. М. Ивановъ. Русскіе кустари. Спб. 1902 г. Ц. 60 к.

С. Старосивильскій. К. Д. Ушинскій, его жизнь и дѣятельность. Варшава. 1902 г.

А. Веселовскій. Байронъ. Біограф. очеркъ. Мск. 1902 г. Ц. 1 р. 75 к.

Волжскій. Два очерка объ Успенскомъ и Достоевскомъ. Спб. 1902 г. Ц. 1 руб. 20 коп.

Докт. филос. А. Родэ. Гауптманъ и Нитцше. Перев. съ нѣм. Мск. 1902 г. Ц. 40 к.

А. П. Воротниковъ. Анна Ярославна, королева Франціи. Изд. кн. склада Ефимова. Мск. 1902 г. Ц. 1 р.

Д-ръ Е. М. Брусиловскій. Историч. очеркъ развѣ. бальнеологіи и гидрологіи. Одесса. 1901 г.

Евг. Соловьевъ. Очерки по исторіи русск. литерат. XIX вѣка. Спб. Изд. Карабасникова. 1902 г. Ц. 2 р.

Гр. А. А. Бобринской. Секта Исманлья. Мск. 1902 г.

С. Щербаковъ. Курсъ космографіи для средн. учебн. заведеній. Н.-Новгородъ. 1902 г.

Д-ра Генр. Шурца. Краткое народовѣдѣніе. Перев. Д. Коробчевскаго. Изд. ред. «Дѣтское Чтеніе». Мск. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Н. И. Карѣевъ. Политическ. исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Изд. об-ва «Брокгаузъ-Ефронъ». Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

П. Н. Ардашевъ. Абсолютная монархія на Западѣ. Изд то же. Ц. 1 р.

И. М. Аничковой. Изъ деревни. Спб. 1902 г. Ц. 70 к.

П. Таннери. Первые шаги древне-греческой науки. Перев. съ предисл. проф. А. И. Введенскаго. Спб. 1902 г. ц. 2 р.

К. Головинъ (К. Орловскій). Полное собр. сочиненій. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.

Ежегодникъ русскихъ сельско хоз. опытн. учрежденій. Вып. I. Спб. 1901 г.

Е. С. Ѳедоровъ. Курсъ кристаллографіи. Спб. Изд. К. Л. Риккера. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.

Скиталецъ. Разсказы и пѣсни. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

Л. Андреевъ. Разсказы. Спб. 1902 г. Ц. 1 руб.

Софоклъ. Эдипъ-царь. Эдипъ въ колоннѣ. Антигона. Перев. Д. Мережковскаго. Спб. 1902 г. Ц. по 40 к.

Эсхилъ. Скованный Прометей. Перев. Д. Мережковскаго. Спб. 1902 г. Ц. 40 к.

Эврипидъ. Медея. Ипполитъ. Перев. Д. Мережковскаго. Спб. 1902 г. Ц. по 40 к.

Е. Булгакова. Изъ жизни средневѣкового ремесленника. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1902 г. Ц. 50 коп.

Ѳ. Тищенко. Разсказы. Мск. 1902 г. Ц. 1 руб.

Поль Аданъ. Византія. Спб. 1902 г. Ц. 1 руб.

Габр. Д'Аннунціо. Сонъ осенняго вечера. Трагическая поэма. Мск. 1902 г. Цѣна 50 коп.

Чехъ. Разсказы и очерки. Т. III. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ф. П. Купчинскій. Собраніе сочиненій въ 2-хъ част. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

И. Я. Гуляндъ. Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ. Ярославль. 1902 г. Ц. 3 руб.

Проф. А. Е. Щербакъ. Клинич. лекціи по первнымъ и душевнымъ болѣзнямъ. Варшава. 1901 г.

А. Рождественскій. Левъ Толстой въ критической оцѣнкѣ Мережковскаго. Казань. 1902 г. Ц. 20 к.

Его же. Жизнь и поэзія Никитина. Казань. 1902 г. Ц. 35 к.

Н. Софистъ. Проектъ мѣръ болѣе точнаго опредѣленія степени убѣжденности соврем. писателей. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.

М. Чайковскій. Жизнь П. И. Чайковскаго. Т. II, вып. XIV. Изд. Юргенсона. Мск. Ц. 40 к.

Г. Риманъ. Музыкальн. словарь. Вып. IV. Изд. Юргенсона.

Марко Басанинъ. Записки эмигранта въ Южн. Америкѣ. Изд. Суворина. 1902 г. Ц. 1 руб.

А. П. Мещерскій. Испольщина и крестьянск. заработки. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.

Н. В. Гоголь. Похожденія Чичикова. Ревизоръ. Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Женитьба. Тарасъ Бульба. Миргородъ. Повѣсти. Изд. Суворина. «Дешевая библіотека».

Н. Пружанскій. Разсказы. Т. I. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Труды съѣзда дѣятелей агрономич. помощи мѣстн. хозяйству. Мск. 1901 г.

І. О. Петерсонъ. Наша пища. Какъ надо питаться, чтобы быть здоровымъ. Изд. Посредника. Мск. 1901 г. Ц. 90 к.

Проф. Ю. Вагнеръ. Разсказы о томъ какъ устроены и какъ живутъ растенія. Изд. то же. Ц. 18 к.

Сборникъ статей въ помощь самообразов. по матем., физикѣ, химіи и астрономіи. Вып. IV. Мск. 1901 г. Ц. 1 р. 20 к

Шиллеръ. Два Пикколомини. Смерть Валленштейна и друг. Перев. П. А. Каленова. Мск. 1902 г. Ц. 1 р. 75 к.

П. А. Каленовъ. Будда. Поэма Мск. 1902 г. Ц. 1 р. 60 к.

Сост. И. Михайлова. Краткая грамматика. Русск. яз. въ конспектахъ. Ирбитъ. 1901 г. Ц. 1 р.

Н. В. Гоголь. Полное собр. сочиненій съ иллюстрац. въ 3-хъ том. Изд. Сытина. Ц. 3 р. 58 к.

Данте-Алигіери. Божеств. комедія. Адъ. Т. I. Перев. Дм. Мина. Изд. А. С. Суворина. 1902 г. Цѣна 3-хъ томовъ 7 руб. 50 коп.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Les arts et les métiers chez les animaux*» *par M. Coupin* (*Nony et C°*). (*Искусства и ремесла у животныхъ*). Авторъ этой интересной книги не избѣжалъ общей участи всѣхъ любителей животныхъ; онъ также идеализируетъ ихъ. Даже самые знаменитые натуралисты грѣшили этимъ. Авторъ, конечно, слѣдуетъ по ихъ стопамъ, утверждая, что большинство нашихъ искусствъ и ремеселъ встрѣчаются среди животныхъ. Тѣмъ не менѣе онъ все-таки собралъ въ своей книгѣ очень многочисленныя доказательства ума животныхъ. Его классификація ремеслъ у животныхъ очень оригинальна и приводимые имъ образчики дѣятельности животныхъ въ высшей степени любопытны.

(Journal des Débats).

«*Les Entrailles de la terre*» *par M. E. Courtier* (*Nony et C°*). (*Нѣдра земли*). Авторъ заставляетъ читателя спускаться съ нимъ въ копи и каменоломни, на дно рѣкъ и въ подземелья и наблюдать гигантскую работу, производимую подъ дномъ океана и въ глубинахъ земли. Это—геологія, доступная вниманію самаго широкаго круга читателей, начинающаго все болѣе и болѣе интересоваться чудесами современной науки. Книга знакомитъ читателя съ прогрессомъ геологіи и представляетъ одно изъ лучшихъ популярныхъ изложеній этой науки.

(Revue des Revues).

«*Les Évasions célèbres*» (*Hachette et C°*). (*Знаменитые побѣги*). Исторія знаменитыхъ побѣговъ разсказывается въ этой книгѣ на основаніи мемуаровъ, корреспонденціи и повѣствованій историковъ. Книга читается съ захватывающимъ интересомъ, хотя и представляетъ строго научное историческое изслѣдованіе, опирающееся на документы и факты.

(Journal des Débats).

«*Studies in Political and Social Ethics*» *by David G. Ritchie* (*Swan Sonnenschein*) (*Очерки политической и соціальной этики*). Въ книгѣ заключается восемь очерковъ, въ которыхъ авторъ развиваетъ свой высокій идеалъ государства, въ основу котораго заложены принципы политической и соціальной этики.

(Daily News).

«*A History of Political Theories, ancient and Mediaval*» *by M. A. Dunning. Prof. of History* (*Macmillan and C°*). *Исторія политическихъ теорій, древнихъ и средневѣковыхъ*). Авторъ начинаетъ съ развитія политическихъ теорій въ Греціи и оттуда переходитъ въ Римъ, гдѣ изучаетъ конституціонное развитіе, затѣмъ онъ описываетъ развитіе средневѣковыхъ учрежденій и вліяніе на нихъ христіанской доктрины и власти духовенства. Читатель можетъ прослѣдить всю исторію развитія политическихъ идей, начиная съ возникновенія папства, составлявшаго громадную силу и до его паденія.

(Daily News).

«*Aerztliche Ethic*». *Die Pflichten des Arztes in allen Beziehungen seines Thätigkeit von D-r Albert Moll. Stuttgart* (*Ferdinand Guke*). (*Врачебная этика*). Авторъ разсматриваетъ всесторонними образомъ въ высшей степени трудный вопросъ врачебной этики и изслѣдуетъ положеніе врача въ разныхъ затруднительныхъ случаяхъ. Книга эта интересна не только для врачей, для которыхъ она можетъ служить до нѣкоторой степени руководствомъ, но и для юристовъ.

(Frankfurt. Zeit).

«*Souveraines et grandes dames. Madame Récamier*» *Avec documents nouveaux et inédits pour Joseph Turquan* (*1. Tallandier*). *3 fr. 50* (*Монархини и свѣтскія дамы; г-жа Рекамье*). Исторія г-жи Рекамье тѣсно связана съ исторіей многихъ ея выдающихся современниковъ и поэтому представляетъ двойной интересъ, тѣмъ болѣе, что въ ней отражается замѣчательная эпоха французской исторіи. Авторъ воспользовался для своей книги многими еще не изданными документами.

(Journal des Débats).

«*La Magie moderne ou l'hypnotisme de nos jours*» *par H. Dorangeon* (*P. Téqui*) *3 fr. 50*. (*Современная магія и гипнотизмъ нашихъ дней*). Это переводъ итальянскаго

сочиненія, авторъ собралъ огромный матеріалъ фактовъ, при помощи которыхъ онъ устанавливаетъ различіе между истиннымъ и ложнымъ гипнотизмомъ и указываетъ, въ какой мѣрѣ гипнотизмъ допускается католическою церковью.

(Journal des Débats).

«*Die karikatur der europäischer Völker vom Alterthum bis zur Neuzeit*» *von Eduard Fuchs. Mit 500 Illustrationen und 60 Beilagen hervorragender und seltener Kunstblätter in schwarz und Farbendruck. Berlin.* (*Hoffmann und C°*). (*Карикатура у европейскихъ народовъ съ древнихъ временъ до настоящаго времени*). Это изданіе выходитъ серіями и отличается необыкновенною тщательностью обработки огромнаго матеріала, такъ какъ издателю пришлось просмотрѣть около 68.000 карикатурныхъ листковъ и выбранный матеріалъ снабдить соотвѣтствующими комментаріями и текстомъ. Эта исторія карикатуры можетъ служить путеводителемъ въ исторіи культуры европейскихъ народовъ, такъ какъ въ карикатурѣ отражалась эволюція общественной жизни и общественныя теченія, изданіе доведено до мартовскихъ событій 1848 г. Въ слѣдующихъ выпускахъ авторъ предполагаетъ разработать послѣдующее развитіе карикатуры въ 1898 году и въ 1866 г. и 1870 г. г. и отраженіе въ ней различныхъ общественныхъ и политическихъ событій и теченій.

(Frankfurt. Zeit.).

«*Die moderne Agrarfrage*» *von D-r Alfred Nossig. Berlin 1902.* (*Akademisches Ferlag für Sociale wissenschaften*). (*Современный аграрный вопросъ*). Несмотря на свое названіе, книга разсматриваетъ только одну сторону проблемы современнаго аграрнаго вопроса, а именно: положеніе и надежды крестьянскаго сельскаго хозяйства. Авторъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи большой матеріалъ и пользуется имъ очень искусно. Большимъ достоинствомъ книги являются ясность мысли и прекрасный слогъ автора.

(Frankfurt Zeit.).

«*Psychologie du Rire*» *par D.-r L. Dugas. Paris* (*Félix Alcan*) *2 fr. 50.* (*Психологія смѣха*). Очень интересная книга, авторъ которой излагаетъ теорію смѣха, его психологическое значеніе и внѣшнія проявленія.

(Journal des Débats).

«*Das Weib und der Intellectualismus*» *von Oda Olberg* (*Verlag von John Edelheim*). *Berlin.* (*Женщина и интеллектуализмъ*). Книга эта написана не только въ защиту женщинъ, но и для того чтобы доказать необходимость удовлетворенія ея справедливыхъ требованій. Между прочимъ, авторъ, пользуясь аргументами противниковъ женской эмансипаціи, постоянно выдвигающихъ на первый планъ материнство, какъ истинное призваніе женщины, доказываетъ, какое важное значеніе имѣетъ образованность и умственное развитіе матери для ея п гомства.

(Berliner Ta eblatt).

«*A Rhide in Morocco*» *by F ances Macnab* (*Arnold*). (*Поѣздка въ Морк хо*). Миссъ Макнабъ совершила путешес віе по Марокко одна, безъ всякаго е ропейскаго спутника и этотъ фактъ уз е самъ по себѣ замѣчателенъ, такъ какъ не имѣетъ прецедента. Каждый, кто з наетъ эту страну, долженъ удивляться см ѣлости путешественницы. Но миссъ М экнабъ не пришлось раскаиваться въ с воемъ поступкѣ и вездѣ она встрѣчала остепріимство у самыхъ ортодоксальныхъ мусульманъ. Она очень интересно описываетъ свое путешествіе и страну съ ея жителями. Между прочимъ, она посвящаетъ главу миссіонерской дѣятельности въ Марокко и доказываетъ полную несостоятельность миссіонерской пропов ѣди среди мусульманъ Марокко, отличающихся, какъ извѣстно, большимъ фанатизмомъ и приверженностью къ исламу.

(Athaeneum).

«*La Pensée antique, de Moïse à Marc Aurèle, par Joseph Fabre* (*Felix Alcan*). (*Древнее мышленіе, отъ Моисея до Марка, Аврелія*). Авторъ предпринялъ трудную задачу — прослѣдить эволюціи человѣческой мысли, отъ Моисея до Канра и Толстого. Первый томъ серіи, которую онъ собирается издать, останавливается на доктринѣ Марка Аврелія. Изслѣдовавъ древнія доктрины востока и египтянъ, авторъ переходитъ къ этическимъ элементамъ, заключающимся въ ученіи древнихъ евреевъ, въ доктринахъ персовъ и индусовъ, въ брамманизмѣ, буддизмѣ, ученіи Лаоти и другихъ китайскихъ мудрецовъ, затѣмъ авторъ изучаетъ политическій и греческій геній во всѣхъ его видоприношеніяхъ, какія представляютъ главныя греческія школы. Проанализировавъ римскій міръ въ его главныхъ представителяхъ, авторъ останавливается на Маркѣ Авреліѣ и на агоніи язычества.

(Journal des Débats).

«*Les jeux des animaux*» *par K. Gros* (*Félix Alcan*). (*Игры животныхъ*). Книга эта представляетъ цѣнный кладъ въ психологіи животнаго міра. Авторъ преимущественно изучаетъ инстинкты животныхъ и видитъ въ играхъ молодыхъ животныхъ безсознательное проявленіе инстинкта или инстинктовъ, которые упражняются для послѣдующей серьезной функціи. Въ цѣломъ ридѣ главъ авторъ изучаетъ разнаго рода игры животныхъ и опредѣляетъ ихъ значеніе.

(Revue des Revues).

«*L'Evolution de la vie*» *par le D-r Loloy* (*Schleicher frères*). (*Эволюція жизни*). Это популярный трудъ, дающій возмож-

ность читателямъ, мало знакомымъ съ успѣхами біологическихъ наукъ, составить себѣ понятіе о современномъ состояніи этихъ наукъ и современной эволюціонитской философіи. Авторъ старается примирить смѣлость научныхъ выводовъ съ религіозными воззрѣніями вѣрующихъ.

(Journal des Débats).

«*Philosophia Militans*». *Gegen klerikalismus und Naturalismus von Friedrich Paulsen. Fünf Abhandlungen. Berlin (Verlag von Reuther und Reichardt).* (*Воинствующая философія*). Авторъ принадлежитъ къ числу немногихъ академическихъ представителей философіи, которыя принимаютъ очень живое участіе въ злобахъ дня и въ современной борьбѣ различныхъ теченій. Одна изъ главъ его книги, озаглавленная «Фихте и борьба за свободу философскаго мышленія», носитъ болѣе историческій характеръ, чѣмъ остальныя, но и она все-таки имѣетъ современное значеніе. Другія главы авторъ посвящаетъ жгучимъ вопросамъ, относящимся къ области умственнаго и духовнаго развитія человѣчества.

(Berliner Tageblatt).

«*Ein Volk von Genies*» *von L. v. Kunowski. (Verlag Eugen Diederichs).* (*Leipzig*). (*Народъ геніевъ*). Авторъ этой любопытной книги рисуетъ будущее. Нѣмецкій народъ, какъ самый молодой, призванъ взять на себя руководящую роль. Но новое культурное человѣчество не будетъ ни романскимъ, ни германскимъ, ни семитическимъ. Царство его охватитъ слѣдующія страны: Скандинавію, Голландію, Швейцарію, Австрію, романскія и средиземноморскія страны. Это новое человѣчество и будетъ народомъ геніевъ.

(Berliner Tageblatt).

«*Hunger und Liebe in der Frauenfrage*» *von Anna Bernau* (*Bruns Verlag*). *Freie Worte. Sammlung moderner Flugschriften* (*Голодъ и любовь въ женскомъ вопросѣ*). Въ этой книгѣ авторъ противопоставляетъ двѣ великія проблемы человѣчества: вопросъ о насущномъ хлѣбѣ и о любви. Обыкновенно экономическая сторона женскаго вопроса игнорируется большинствомъ авторовъ, писавшихъ о немъ. Противники женскаго вопроса очень много распространяются о томъ, что женщины, выступающія въ качествѣ конкурентовъ мужчины въ области практической дѣятельности, теряютъ свою женственность, становятся сухими, безсердечными и плохими семьянинками, забывая, что главный стимулъ, заставляющій женщину стремиться къ расширенію круга своей дѣятельности—это забота объ обезпеченіи семьи.

(Berliner Tageblatt).

«*Les problèmes du vingtième siècle*» *par M. G. de Molinari, rédacteur en chef du* «*Journal des Economistes*» (*Librairie Guillaumin*) *3 fr. 50.* (*Проблемы XX вѣка*). Авторъ резюмируетъ въ этомъ трудѣ современное положеніе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ вопросовъ: религіозной проблемы, нравственной, экономической, политической и проблемы прогресса и упадка. Въ предшествующихъ своихъ сочиненіяхъ авторъ изложилъ уже свои взгляды на организацію будущаго общества на войну и религію и проблемы народонаселенія. Въ новомъ своемъ трудѣ авторъ отыскиваетъ рѣшеніе всѣхъ этихъ важныхъ вопросовъ, которое можетъ быть найдено человѣчествомъ, когда въ области знанія, свободы и нравственности оно достигнетъ извѣстной высоты.

(Journal des Débats).

«*Storia e Fisiologia dell' arte del ridere*» *Fullo Massarani Milan* (*Ulrico Hoepli*). *1902.* (*Исторія и физіологія искусства смѣяться*). Авторъ поставилъ себѣ задачей написать исторію смѣха съ самыхъ древнихъ временъ до нашихъ дней. Въ третьемъ, только что вышедшемъ, томѣ онъ говоритъ о современной юмористической литературѣ и изучаетъ смѣхъ въ литературѣ, въ театрѣ, романѣ, въ поэзіи и въ политическомъ памфлетѣ.

(Journal des Débats).

«*L'Empire du Milieu*» *par Elisée et Onisime Reclus* (*Hachette et C°*). (*Срединная имперія*). Оба ученые съ рѣдкимъ безпристрастіемъ изслѣдуютъ въ своемъ интересномъ трудѣ всѣ достоинства и недостатки древней китайской цивилизаціи и китайскаго народа, который такъ мало въ сущности извѣстенъ и такъ несправедливо презирается многими. Кромѣ того, оба автора подробно изучаютъ различныя расы, населяющія Китай, климатъ страны, условія почвы и богатство ея рессурсовъ. Книга написана такъ живо и интересно и снабжена такимъ множествомъ иллюстрацій, что представляетъ занимательное чтеніе, не взирая даже на свой строго научный характеръ.

(Revue des Revues).

За издательницу М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

ВОЛШЕБНЫЕ ФОНАРИ

ДЛЯ ВСЕВОЗМОЖНЫХЪ КАРТИНЪ НА БУМАГѢ.

Изобрѣтеніе полков. МАЛИНОВСКАГО. Спеціальная мастерская С. К. АКИМОВ Й. Москва, Плющиха, соб. д. Освѣщеніе керосиновое, а также переносными лам ами

НАИСИЛЬНѢЙШАГО СВѢТА АЦЕТИЛЕНОВАГО ГАЗ ,

годными для всѣхъ системъ фонарей. Цѣны дешевыя. Полный каталогъ фон рей. лампъ, книгъ, картинъ, съ отзывами заказчиковъ и печати, за 20 к. марк

ДИПЛОМЪ за всероссійскую выставку 1896 г.

Новыя изданія редакціи журнала „Образованіе".

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ Н. В. ГОГОЛЯ

для юношества.

подъ редакціею А. Острогорскаго.

Изданіе состоитъ изъ 2 томовъ, въ 880 стр. большого формата, напечатанныхъ крупныхъ четкимъ шрифтомъ и на хорошей бѣлой бумагѣ. Къ изданію приложенъ портретъ Гоголя и біографич. очеркъ П. О. Морозова.

«Сорочинская ярмарка». — «Майская ночь или утопленница». — «Ночь передъ рождествомъ»,—«Иванъ Ѳедоровичъ Шпоньна и его тетушка.»—Заколдованное мѣсто»,—«Старосвѣтскіе помѣщики»,—«Тарасъ Бульба».—«Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ».—«Шинель».—«Ревизоръ».—«Женитьба».—«Мертвыя души» ч. I и отрывки изъ II ч.

Цѣна за 2 тома 1 руб., въ двухъ перепл. 1 руб. 75 коп. и 2 руб.; за пересылку 50 коп.

Успѣхи астрономіи въ XIX столѣтіи.—Общедоступные очерки К. Покровскаго, съ 94 рис. ц. 1 р. 20 к., стр. in 8.

Начальныя школы г. Лондона и народи. образов. въ Англіи, П. Мижуева. Ц. 40 к.

Съ требованіями обращаться въ редакцію (СПБ., Моховая, 33).

Въ книжномъ магазинѣ „Практической Медицины" СПБ. Нижегородская. 15.

Поступило въ продажу.

Н. В. Фармаковскій.

ВРАЧИ и ОБЩЕСТВО

Мысли врача по поводу

„ЗАПИСОКЪ ВРАЧА" ВЕРЕСАЕВА.

НОВАЯ КНИГА.

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

А. ЯБЛОНОВСКАГО

Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія у В. И. Раппъ. Харьковъ, Харинскій пер., д. № 8.

не высокаго мнѣнія обо мнѣ, какъ о человѣкѣ. Вы ей нравитесь, пользуйтесь этимъ. Миссъ Де Во можетъ составить вамъ хорошее положеніе въ обществѣ.

— Я думаю, вы, мистеръ Огденъ, имѣете хорошее положеніе въ обществѣ?

— Порядочное.

— И совѣтуете мнѣ тратить время, чтобы добиться того же?

— Ну! я бы не далъ за него мѣднаго гроша, но я уже имѣю его. Плохо, когда стремишься, но не можешь занять извѣстное положеніе въ обществѣ.

— Я совершенно согласенъ съ вами,— серьезно замѣтилъ Питеръ.

Лиспенардъ отъ души смѣлся, потягивая шампанское.

— Хотѣлъ бы я, — сказалъ онъ,— чтобы люди, тратящіе свою жизнь на пустяки, могли бы слышать васъ теперь. Вѣдь вы не изъ тѣхъ, которые пишутъ слово «Общество» съ большой буквы?

— Врядъ ли,—отвѣтилъ Питеръ,— я предпочитаю, чтобы мое имя писали крупными буквами.

— Ну еще бы,—сказалъ Лиспенардъ, а про себя подумалъ: «каковъ молодецъ? пробуетъ острить. Кузина Аннеке ни за что этому не повѣритъ».

Онъ былъ правъ, миссъ Де-Во не повѣрила ему, когда онъ передалъ ей свой разговоръ съ Питеромъ. Лиспенардъ нисколько не обидѣлся, а только добродушно разсмѣялся.

— Вашъ Стерлингъ — славный малый,—сказалъ онъ.—Мы съ нимъ отлично провели время у Ле-Гранъ, разошлись только въ часъ ночи, такъ увлеклись его гравюрами. Просто наслажденіе встрѣтить человѣка, который умѣетъ спокойно сидѣть и слушать, и курить, не имѣя скучающаго вида. Онъ понравился и Ле-Гранъ. Мы съ нимъ дополняемъ другъ друга.

— Я очень рада, что вы сошлись. Мнѣ хочется ввести его въ общество.

— Кузина, знакомъ ли вамъ анекдотъ о д-рѣ Браунѣ?

— Нѣтъ, а въ чемъ тамъ дѣло?

— Одна вдова объявляетъ сыну, что выходитъ замужъ за д-ра Брауна. «Подождите, мамаша, — говоритъ сынъ.— Знаетъ ли объ этомъ докторъ Браунъ?»

— Что вы хотите этимъ сказать?

Лиспенардъ опять засмѣялся.

— Знаетъ ли Стерлингъ о вашихъ намѣреніяхъ? Я совѣтую вамъ спросить его мнѣніе, прежде чѣмъ вы что-нибудь предпримете. Имъ не такъ-то легко командовать.

— Конечно, ему будетъ пріятно познакомиться съ порядочными людьми.

— Спросите его.

— Но зачѣмъ?

— А затѣмъ, что вашъ Стерлингъ ни въ грошъ не ставитъ то общество, куда вы, во что бы то ни стало, хотите его ввести.

— Вы сами не знаете, о чемъ говорите.

Лиспенардъ былъ правъ. Питеръ очень пріятно провелъ время у миссъ Де Во и у Ле-Гранъ, но оба раза, вернувшись домой, онъ долго сидѣлъ въ своей темной конторѣ и долго думалъ о томъ, что ему говорила миссъ Де-Во про... но только не про общество.

Глава XXVIII.

Дѣла.

Питеръ сдѣлалъ визитъ миссъ Де-Во, но не засталъ ее дома, и вскорѣ получилъ отъ нея очень любезное письмо съ выраженіемъ сожалѣнія, что ей не удалось его повидать, и съ приглашеніемъ позавтракать у нея на другой день и ѣхать вмѣстѣ съ ней въ концертъ. «Если вы не любите музыки, то приходите хоть только къ завтраку», кончала она.

Питеръ отвѣтилъ, что онъ крайне сожалѣетъ, что долженъ ѣхать по дѣлу въ Альбани именно въ этотъ день и лишенъ, такимъ образомъ, возможности принять ея любезное приглашеніе.

— Это очень досадно, — говорила миссъ Де-Во Дороти. — Сезонъ скоро кончается, и если онъ не зайдетъ на-днихъ, мнѣ не удастся ни съ кѣмъ познакомить его.

У Питера, дѣйствительно, совершенно неожиданно оказалось дѣло въ Альбани. Онъ получилъ черезъ Костелля словесное

приглашеніе губернатора Кэтлина пріѣхать къ нему.

— Кэтлинъ хочетъ поговорить объ учрежденіи комиссіи для надзора надъ съѣстными припасами и жилищами. Билль объ этомъ пройдетъ не сегодня-завтра черезъ сенатъ и будетъ въ рукахъ Кэтлина.

— Надѣюсь, онъ назначитъ полезныхъ лицъ? — съ волненіемъ спросилъ Питеръ,

— Вѣроятно,—отвѣчалъ Костелль,— тихонько улыбаясь. — Но я не вѣрю, чтобы они могли много сдѣлать. Комиссіи обыкновенно назначаются для того, чтобы провалить какое-нибудь законодательство.

Питеръ поѣхалъ въ Альбани и повидался съ Кэтлиномъ. Къ великому его удивленію, губернаторъ спросилъ его совѣта, относительно опубликованія билля и состава комиссій. Но черезъ нѣсколько минутъ онъ понялъ, что эта просьба помощи и поддержки была обычной формальностью и серьезнаго значенія не имѣла.

— М-ръ Шлергеръ сказалъ мнѣ, что хотя онъ предложилъ оба эти билля, но вырабатывали ихъ вы. Вы думаете, мнѣ слѣдуетъ подписать ихъ?

— Да, конечно.

— М-ръ Костелль сказалъ мнѣ спросить вашего совѣта. Такъ вы совѣтуете?

— Да.

Рѣшительный тонъ Питера, казалось, подѣйствовалъ на губернатора успокоительно. Онъ потянулъ къ себѣ двѣ бумаги.

— Вы мнѣ безусловно совѣтуете?

— Безусловно.

Губернаторъ обмакнулъ перо въ чернильницу, но все еще колебался.

— Поправки исказили ихъ?

— По моему нѣтъ.

— Но все-таки они подверглись измѣненіямъ?

— Въ нѣкоторой степени, но къ лучшему.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да.

Но губернаторъ все колебался. Наконецъ, онъ сталъ вырисовывать большое «Г». Первый шагъ былъ сдѣланъ, и теперь онъ быстро докончилъ подпись.

Надъ второй бумагой онъ тоже задумался и нервно вертѣлъ ее въ рукахъ. Потомъ со вздохомъ быстро подписалъ.

— Готово

Онъ оттолкнулъ бумаги отъ себя, точно боялся ихъ.

«Хотѣлъ бы я знать», подумалъ Питеръ, «доволенъ ли онъ своимъ положеніемъ».

— Много было хлопотъ съ назначеніемъ комиссій,—сказалъ губернаторъ.

— Я думаю,—отвѣтилъ Питеръ.

— Даже и теперь я не пришелъ къ окончательному рѣшенію. Всѣ лидеры желаютъ назначенія разныхъ лицъ.

— Но окончательное рѣшеніе вѣдь зависитъ отъ васъ.

— Въ этомъ-то и горе. Если бы только они пришли къ какому-нибудь соглашенію,—вздохнулъ губернаторъ.

— Вы бы сами выбрали. Вѣдь все равно, отвѣчать будете вы за плохія назначенія.

— Я это прекрасно знаю. Но просмотрите списки и скажите мнѣ, годятся ли эти?

Питеръ взялъ листочки бумаги и прочиталъ ихъ.

— Мнѣ крайне лестно видѣть здѣсь мое имя,—сказалъ онъ.—Я не воображалъ, что вы подумаете обо мнѣ.

— Этого желалъ Костелль,—быстро отвѣтилъ губернаторъ, какъ бы желая сложить съ себя отвѣтственность.

— Я слишкомъ мало знаю всѣхъ остальныхъ, чтобы имѣть право высказывать свое мнѣніе. Лично я желалъ бы видѣть въ каждой комиссіи ученыхъ спеціалистовъ.

— Ученыхъ спеціалистовъ! Но они не занимаются политикой.

— Нѣтъ. Да развѣ это политика?

— Я надѣюсь, что вы одобрите эти списки.

— Я ничего не имѣю противъ нихъ, мнѣ кажется, они составлены хорошо. А такъ какъ новыя положенія даютъ намъ право прибѣгать къ эксперизѣ, намъ можно будетъ этимъ путемъ привлечь ученыхъ спеціалистовъ.

Питеръ сдѣлалъ все возможное, чтобы подбодрить Кэтлина; результатомъ его стараній, а можетъ быть, еще чьего-нибудь вліянія, было сообщеніе въ газетахъ, что обѣ комиссіи назначены.

Однако, составъ ихъ все-таки подвергся измѣненіямъ.

Комиссія для надзора за съѣстными припасами состояла изъ Грина, одного крупнаго оптоваго торговца колоніальными товарами и одного изъ членовъ санитарнаго управленія; Питера исключили. Въ составъ комиссіи о жилищахъ вошли: Питеръ, одинъ крупный нью-іоркскій домовладѣлецъ, состоявшій также членомъ законодательнаго собранія, профессіональный агитаторъ между рабочими, извѣстный политическій дѣятель изъ числа лучшихъ и богатый подрядчикъ.

Питеръ, подробно изучившій отчеты британской королевской коммиссіи о томъ же вопрссѣ, ходилъ хмурый, думая, что ему врядъ ли удастся съ такими неподходящими сотрудниками добиться того, чего не могли достигнуть опытные общественные дѣятели въ Англіи.

Газеты встрѣтили очень враждебно новыя назначенія.

«Эти назначенія разрушили малѣйшій шансъ на успѣхъ», было ихъ общее мнѣніе, и Питеръ опасался, что онѣ правы.

Костелль только расхохотался, когда Питеръ заговорилъ съ нимъ о коммиссіяхъ.

— Если вы хотите, чтобы Кэтлинъ сдѣлалъ что-нибудь какъ слѣдуетъ, вы должны стоять надъ нимъ, пока это не будетъ сдѣлано. Я хотѣлъ назначить васъ въ обѣ коммиссіи, чтобы вы сами могли видѣть, насколько онѣ безполезны, и не нападали бы на насъ, что мы плохо исполняемъ свой долгъ. Гринъ обѣщалъ назначить васъ секретаремъ въ коммиссію по вопросу о пищевыхъ продуктахъ. По крайней мѣрѣ, вы будете получать жалованье.

Засѣданія квартирной коммиссіи скоро начались, и Питеръ имѣлъ возможность познакомиться ближе съ ея разнородными членами. Крупный домовладѣлецъ былъ большой баринъ, мечтавшій о политической славѣ, но черезчуръ дилетантъ, чтобы имѣть какой-нибудь вѣсъ. Питеръ былъ предубѣжденъ противъ него, еще не будучи знакомъ съ нимъ, потому что хорошо зналъ, чѣмъ было достигнуто его избраніе въ законодательное собраніе и даже цифру чека, а въ глазахъ Питера подкупъ избирателей былъ поступкомъ, не внушающимъ уваженія.

То, что онъ слыхалъ раньше о рабочемъ агитаторѣ, тоже не нравилось ему, такъ какъ всѣ его рѣчи и теоріи были на дешевую популярность. Политическаго дѣятеля онъ уже встрѣчалъ и оцѣнилъ; подрядчика не зналъ вовсе.

Комиссія начала свои труды тѣмъ, что избрала политическаго дѣятеля предсѣдателемъ. При выборѣ секретаря никакъ не могли придти къ соглашенію, потому что у каждаго члена, кромѣ Питера, оказался собственный кандидатъ на эту должность. Къ удивленію Питера, м-ръ Пелль, домовладѣлецъ, предложилъ Рея Ривингтона.

— Мнѣ казалось, что онъ готовится быть адвокатомъ?—замѣтилъ Питеръ.

— Да,—сказалъ Пелль,—но ему легко будетъ освобождаться въ тѣ дни, когда у насъ будутъ засѣданія. А пять долларовъ за каждый разъ будутъ не лишнимъ добавленіемъ къ его бюджету. Вы знаете его?

— Мы были вмѣстѣ въ университетѣ. Я думалъ, что онъ богатъ.

— Нѣтъ, онъ изъ очень хорошей семьи, но Ривингтоны бѣднѣютъ съ каждымъ годомъ. Они стараются жить по своимъ традиціямъ, но традиціями нельзя платить поставщикамъ. Я надѣюсь, вы поможете ему, онъ очень порядочный человѣкъ.

— Я подамъ голосъ за него,—сказалъ Питеръ, изумленный тѣмъ, что ему приходится поддерживать того, кто, во время пребыванія въ Гарвардѣ, казался, послѣ Уатта, самымъ богатымъ изъ всей «шайки».

Такъ какъ Ривингтонъ былъ единственный кандидатъ, имѣвшій за себя два голоса, то его и избрали.

Одинъ изъ членовъ коммиссіи предло-

жилъ отложить засѣданія до тѣхъ поръ, пока секретарь не освоится со своими обязанностями, но Питеръ возсталъ противъ этого.

— Я думаю,—сказалъ онъ,—намъ слѣдуетъ тотчасъ же приступить къ выработкѣ программы.

Его поддержалъ рабочій агитаторъ.

Планъ Питера былъ прочтенъ вслухъ.

— Я не стою за утвержденіе его, но желалъ бы, чтобъ онъ послужилъ основаніемъ,—замѣтилъ Питеръ.

Никто изъ членовъ ничего не понялъ, такъ какъ они не были знакомы съ вопросами, кромѣ предсѣдателя, который сказалъ:

— Мнѣ кажется, планъ м-ра Стерлинга строго обдуманъ и выполненъ превосходно. Намъ остается только принять его.

Наконецъ, все было улажено, и слѣдующее засѣданіе назначено.

Питеръ сошелъ съ лѣстницы съ м-ромъ Пеллемъ, который предложилъ подвезти его, и по дорогѣ они говорили о задачахъ коммиссіи.

На другой день къ Питеру пришелъ Ривингтонъ. Онъ очень благодарилъ Питера, вспоминалъ университетскіе дни и просилъ направлять его. Питеръ сдѣлалъ ему необходимыя указанія, написалъ форму повѣстокъ, которыя слѣдовало разсылать членамъ, и познакомилъ съ ходомъ засѣданій.

— Я увѣренъ, что буду страшно путать,—сказалъ Рей.—У меня такой отвратительный почеркъ, что я самъ часто не разбираю, что я написалъ. Какъ же я буду писать протоколы и вести журналъ?

— Я всегда дѣлаю замѣтки для себя и могу давать ихъ тебѣ, если ты хочешь.

— Спасибо, Питеръ, ты остался такимъ же, какъ и былъ.

Коммиссія начала свою работу въ назначенный день и стала аккуратно засѣдать по три раза въ недѣлю.

Питеръ не старался выскакивать впередъ, но онъ лучше всѣхъ былъ знакомъ съ вопросомъ и всегда могъ сообщить необходимыя свѣдѣнія. Онъ также умѣлъ предлагать настоящіе вопросы призываемымъ свидѣтелямъ, наконецъ, онъ одинъ присутствовалъ аккуратно на всѣхъ засѣданіяхъ и всегда могъ сказать, о чемъ говорили въ прошлый разъ. Предсѣдатель былъ главнымъ его помощникомъ.

Пелль былъ очень полезенъ, но онъ рѣдко посѣщалъ засѣданія, а съ іюня и вовсе не сталъ являться.

— Я ѣду на дачу,—заявилъ онъ,— и исчезъ до поздней осени.

Подрядчикъ не принималъ никакого участія въ занятіяхъ, хотя посѣщалъ ихъ усердно, и оживлялся только тогда, когда дѣло касалось построекъ.

Агитаторъ оказался славнымъ малымъ. Правда, у него совсѣмъ не было памяти, и онъ страшно надоѣдалъ всѣмъ, заставляя по десяти разъ перечитывать протоколы предыдущихъ засѣданій, но онъ относился къ дѣлу добросовѣстно и сдѣлался полезенъ съ той минуты, какъ понялъ, что члены коммиссіи должны работать, а не говорить рѣчи.

Питеръ много разъ возвращался домой вмѣстѣ съ нимъ, и они проводили вечера въ квартирѣ Питера, обсуждая свои дѣла.

Во время разслѣдованій Питеру пришлось имѣть дѣло съ самыми разнообразными людьми: съ домовладѣльцами, страховыми агентами, оцѣнщиками, инженерами, архитекторами, подрядчиками, каменьщиками, кровельщиками, докторами и т. п. Часто ему случалось заходить къ нимъ послѣ того, какъ они давали свои показанія въ коммиссіи, и онъ нашелъ, что они охотнѣе сообщали съ глазу на глазъ много такого, о чемъ умалчивали во время допроса.

Питеръ былъ назначенъ секретаремъ въ коммиссію по вопросу о съѣстныхъ припасахъ и отдавалъ ей много времени.

Онъ съ радостью видѣлъ, что пользуется значительнымъ вліяніемъ, и что Гринъ не только поступаетъ по его указаніямъ, но и самъ спрашиваетъ его совѣта.

Никакихъ отчетовъ не нужно было представлять до слѣдующаго законодательнаго собранія, т.-е. до января мѣсяца, и объ коммиссіи собрали подавляющее количество фактовъ. Бѣдняга Рей приходилъ въ отчаяніе отъ массы «мусора»,

какъ онъ говорилъ, которую приходилось приводить въ порядокъ.

Время Питера было раздѣлено между обѣими его обязанностями. Онъ былъ особенно занятъ, когда собираніе свѣдѣній кончилось, и началось составленіе отчетовъ. Записки Рея оказались никуда негодными, поэтому Питеръ старательно проредактировалъ свои и далъ ему. Составленіе отчетовъ было поручено Питеру; онъ уже выработалъ проектъ общаго законодательства о училищахъ для рабочаго населенія. И отчетъ, и проектъ подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ, но настолько незначительнымъ, что смыслъ ихъ не пострадалъ. Питеръ составилъ также отчеты и коммиссіи о снабженіи города съѣстными припасами, хотя его долженъ былъ писать Гринъ. Къ этому отчету также былъ присоединенъ проектъ законодательства, который былъ предложенъ на обсужденіе санитарному управленію и удостоился одобренія.

Въ ноябрѣ Питеръ отвезъ оба отчета въ Альбани и имѣлъ по поводу ихъ продолжительный разговоръ съ Кэтлиномъ. Губернаторъ предпочиталъ бы, чтобъ не было никакихъ отчетовъ, но разъ они были написаны—ему ничего не оставалось, какъ представить ихъ въ законодательное собраніе.

Губернаторъ не особенно обнадежилъ Питера относительно успѣха его биллей. Но Костелль сказалъ ему, что «ихъ можно будетъ отвоевать. Страшно только, что начнутъ исправлять ихъ, пока не испортятъ».

— Что-жъ,—отвѣтилъ Питеръ,—будемъ надѣяться. Будь что будетъ! Я сдѣлалъ все, что могъ, и что отъ меня зависѣло.

Глава XXIX.

Между дѣломъ.

Нельзя сказать, что бы все время Питера было занято, несмотря на упорную девятимѣсячную работу въ двухъ коммиссіяхъ. Если человѣкъ спитъ семь часовъ въ сутки и употребляетъ только два часа на ѣду, у него времени остается достаточно, и даже у такого медлителя, какъ Питеръ, были свободные часы, которые онъ могъ отдавать обществу, «салонамъ» или чему угодно.

Его свѣтскіе выѣзды ограничились вечеромъ у миссъ Де-Во передъ ея отъѣздомъ изъ города, визитами къ Лиспенарду и Ле-Гранъ и семейнымъ обѣдомъ у Ривингтоновъ, которые платили ему этой любезностью за помощь, оказанную Рею.

Въ «салонахъ» Питеру пришлось много поработать въ виду приближающейся предварительной подачи голосовъ, и онъ провелъ не одинъ вечеръ на улицахъ своего участка, обсуждая на порогѣ домовъ достоинства различныхъ кандидатовъ.

По этой же причинѣ ему часто пришлось видѣться съ Костеллемъ, Гриномъ, Галлагеромъ, Шлергеромъ и другими болѣе или менѣе выдающимися политическими дѣятелями города.

Онъ самъ сталъ значительной величиной въ своемъ участкѣ, и многіе отдѣльные кружки добивались его поддержки. Когда состоялась предварительная подача голосовъ, хотя волненій было много, въ результатахъ ея нельзя было и сомнѣваться, такъ какъ Галлагеръ, Питеръ, Деннисъ и Бленкерсъ пришли къ соглашенію относительно программы и кандидатовъ.

Была сдѣлана попытка «провалить» Шлергера, но Питеръ воспротивился и настоялъ на своемъ, чѣмъ заслужилъ искреннюю благодарность честнаго, молчаливаго нѣмца. Что гораздо важнѣе, ему удалось поставить на своемъ, не возбуждая непріязни.

— Стерлингъ разумный человѣкъ,—говорилъ Галлагеръ Костеллю, не подозрѣвая, насколько Питеръ близокъ съ знаменитымъ лидеромъ. — Онъ не старается во что бы то ни стало проводить свои собственные планы. Никогда у насъ не было такъ мало сплетенъ и недовольствъ, какъ этой весной. Моріерти и Бленкерсъ клянутся его именемъ. Это очень странно, они всегда, до сихъ поръ, принадлежали къ противнымъ партіямъ.

Когда стало теплѣе, Питеръ опять началъ посѣщать свой «треугольникъ», но

не такъ аккуратно, какъ прежде. Однако, не было недѣли, когда бы онъ не проводилъ тамъ двухъ-трехъ вечеровъ. Единодушный восторгъ, возбуждаемый его появленіемъ, могъ уже вознаградить его за потерянное время, не говоря объ удовольствіи, которое онъ испытывалъ въ обществѣ малышей. Ничего не случилось такого, что могло бы возвысить Питера въ ихъ глазахъ, но они отлично понимали по своему, что онъ пріобрѣлъ особенное значеніе.

У нихъ были быстрые глазенки и острый слухъ, и они знали все, что говорилось и думалось въ участкѣ.

— Удирай, Тимъ, фараонъ идетъ!— кричалъ одинъ малышъ другому, игравшему въ мячикъ посреди улицы.

— Важное кушанье! Удирай самъ,— важно отвѣчалъ Тимъ.—Какъ же онъ посмѣетъ тронуть меня, когда самъ м-ръ Питеръ здѣсь.

Изъ этихъ словъ можно видѣть, какимъ значеніемъ пользовался Питеръ въ глазахъ мелюзги. Онъ уже не былъ «пріятелемъ съ городовымъ», этотъ предметъ ужаса ребятишекъ самъ трепеталъ передъ нимъ.

Питеръ окончательно покорилъ сердца дѣтей тѣмъ, что сдѣлалъ для нихъ среди лѣта. Бленкерсъ просилъ его принять участіе въ томъ событіи, о которомъ объявляли расклеенныя по всѣмъ заборамъ афиши:

ВПЕРЕДЪ НА БЕРЕГЪ МОРЯ!

Шестой ежегодный праздникъ жареныхъ устрицъ ассоціаціи Патрика Н. Бленкерса.

Питеръ справился, въ чемъ дѣло, и узналъ, что устраивалась прогулка на баржѣ на песчаную отмель недалеко отъ города (билеты по 50 центовъ), съ музыкой, купаньемъ, танцами, жареными устрицами безплатно, и продажей пива въ неограниченномъ количествѣ для любителей этого благороднаго напитка.

— Пиво за все заплатитъ, — объяснялъ Бленкерсъ.—Я не даю имъ водки, потому что эти черти не умѣютъ, какъ слѣдуетъ, пить ее.

Замѣтивъ выраженіе лица Питера, онъ сконфуженно засмѣялся:

— Я забылъ, — извинился онъ. — Чортъ меня...— тутъ онъ поперхнулся.— Право я нечаянно выругался! Самъ не замѣтилъ, извините.

— Я съ удовольствіемъ прокачусь,— сказалъ Питеръ.

— Расчудесно!—отвѣтилъ Бленкерсъ, потомъ робко прибавилъ:—А у меня къ вамъ еще просьба: обыкновенно кто-нибудь изъ ребятъ говоритъ рѣчь. Не взяли ли бы вы этого на себя, разъ вы ѣдете съ нами?

— Объ чемъ же обыкновенно говорятъ?

— Да кто объ чемъ хочетъ.

— Хорошо, я съ удовольствіемъ скажу рѣчь, если ничего, что рѣчь будетъ немножко серьезная.

— Сдѣлайте одолженіе. Объ чемъ бы вы ни говорили, васъ всегда станутъ слушать.

Черезъ два дня Питеръ опять зашелъ въ лавку Бленкерса.

— Послушайте, — сказалъ онъ хозяину.—Нельзя ли было бы нанять еще одну баржу и забрать всѣхъ ребятишекъ? Я заплачу вамъ за нее, а также за лишнюю провизію, если дѣти не помѣшаютъ.

— Чортъ меня возьми, если они будутъ мѣшать! — заоралъ Бленкерсъ.— Ни копѣйки вы не заплатите, а ребята все-таки поѣдутъ, это такъ же вѣрно, какъ то, что меня зовутъ Бленкерсъ!

И дѣти поѣхали, причемъ Бленкерсъ не дѣлалъ тайны изъ того, что инициатива прогулки принадлежала Питеру. Поэтому, каждый ребенокъ, почти обезумѣвшій отъ восторга, хорошо сознавалъ, что видѣлъ море, песокъ и паруса и до сыта наѣлся разныхъ вкусныхъ вещей только благодаря Питеру.

Прогулка доставила Питеру много удовольствія. Въ числѣ участниковъ онъ встрѣтилъ многихъ членовъ своей партіи, даже такихъ значительныхъ, какъ Галлагеръ и Кеннеди, и старался быть любезенъ съ ними, поддерживая интересный разговоръ.

Питеръ купался вмѣстѣ съ другими мужчинами и мальчиками, и хотя между ними было не мало хорошихъ пловцовъ, ему, выросшему въ деревнѣ на берегу

большой рѣки, удалось поразить ихъ своимъ искусствомъ плаванія и перещеголять даже «портовыхъ крысъ».

Затѣмъ послѣдовало угощеніе знаменитыми жареными устрицами, послѣ котораго Питеръ минутъ двадцать говорилъ по вопросу о жилищахъ для рабочихъ. Слушатели ожидали совсѣмъ другой рѣчи и были слегка разочарованы, но Питеру удалось сгладить неблагопріятное впечатлѣніе небольшимъ благодарственнымъ спичемъ, обращеннымъ къ Бленкерсу, гдѣ онъ выказалъ такъ много здороваго юмора и чисто мѣстныхъ остротъ, что публика пришла въ неистовый восторгъ.

Бленкерсъ былъ такъ доволенъ, что попросилъ Питера записать то, что онъ говорилъ, и посѣтители «салона» Бленкерса и до сихъ поръ еще могутъ любоваться рѣчью, написанной четкимъ почеркомъ Питера, висящей подъ стекломъ въ нарядной рамкѣ на самомъ видномъ мѣстѣ.

Впродолженіи этого лѣта Питеръ началъ также понемножку писать. Ему пришлось повидать нѣкоторыхъ журналистовъ, знакомыхъ ему раньше по дѣлу о молокѣ, чтобы попросить ихъ написать въ газетахъ по вопросу о съѣстныхъ припасахъ и жилищахъ. Его ходатайство увѣнчалось успѣхомъ, и они не только согласились сами написать, но помогли ему помѣстить нѣсколько его собственныхъ замѣтокъ по этому вопросу, а въ двухъ газетахъ ему даже поручили написать передовыя статьи по этому вопросу, за которыя заплатили пятнадцать долларовъ. Вообще, всѣ газеты обѣщали ему поддержку, когда его отчеты пойдутъ въ законодательное собраніе.

Въ августѣ мѣсяцѣ Питеръ, какъ обыкновенно, уѣхалъ къ матери.

Предъ отъѣздомъ онъ зашелъ къ доктору Плему и съ нимъ вмѣстѣ обошелъ рабочій кварталъ. Посѣщеніе это имѣло результатомъ то, что Питеръ увезъ троихъ ребятишекъ, блѣдныхъ и худенькихъ звѣрьковъ, которыхъ собственные родители не узнали, когда они вернулись черезъ двѣ недѣли домой, такъ они пополнѣли и загорѣли.

Каникулы Питера не ограничились этими двумя недѣлями. Онъ прожилъ еще четыре дня у Костеллей, наслаждаясь длинными прогулками въ экипажѣ съ быстро бѣгущими лошадьми и помогая миссисъ Костелль возиться въ цвѣтникѣ.

Зимою онъ успѣлъ прочитать нѣсколько книгъ объ уходѣ за цвѣтами, а теперь дѣлился съ нею своими теоретическими познаніями и пробовалъ прилагать ихъ на практикѣ.

Справедливость требуетъ замѣтить, что онъ не меньше наслаждался, когда цѣлыми часами лежалъ на травѣ или лѣниво сидѣлъ на верандѣ, покуривая отличныя гаванскія сигары Костелля.

Два раза по субботамъ м-ръ Больманъ заѣзжалъ за Питеромъ и увозилъ его на воскресенье къ себѣ на дачу.

Вся семья была искренно привязана къ Питеру и не стыдилась показывать это. Самъ Больманъ разъ сказалъ ему:

— Я трачу до трехъ тысячъ долларовъ въ годъ на дѣловыя бумаги. Теперь моими дѣлами завѣдуетъ старикъ Деммеръ, но когда онъ откажется, я все передамъ вамъ.

Когда Питеръ пріѣхалъ въ слѣдующій разъ, миссисъ Больманъ въ разговорѣ сказала ему.

— Я сколько разъ говорила мужу, что со всѣми его дѣлами ему непремѣнно нуженъ зять-кристъ.

Питеръ подозрѣвалъ, не было ли между этими двумя разговорами какого-нибудь отношенія. Обѣ барышни нравились ему. Это были хорошенькія, серьезныя дѣвушки. Онъ зналъ, что Больманъ милліонеръ и съ каждымъ годомъ богатѣетъ, но...

Впродолженіи лѣта у Питера опять была судебная практика. Однажды къ нему зашелъ мелочной лавочникъ изъ рабочаго квартала, у котораго пошли нелады съ домохозяиномъ. Питеръ выслушалъ его и сказалъ.

— Собственно состава преступленія тутъ нѣтъ, но если вы предоставите мнѣ поступить такъ, какъ я найду нужнымъ, я постараюсь помочь вамъ.

Лавочникъ согласился, и Питеръ отправился къ домовладѣльцу, рознич-

ному табачному торговцу, гдѣ-то на самомъ краю города.

— Я не считаю, чтобы мой довѣритель имѣлъ законные поводы для жалобы,—сказалъ Питеръ домохозяину,— но онъ увѣренъ въ противномъ, да и случай исключительный. Подобный ремонтъ не былъ предусмотрѣнъ при заключеніи контракта.

Хозяинъ сперва долго упрямился, но, наконецъ, сказалъ:

— Вотъ что, я дамъ на ремонтъ сто долларовъ, если вы заставите Поддса, одного изъ моихъ квартирантовъ, заплатить за квартиру, или, если онъ не заплатитъ, выселите его такъ, чтобы мнѣ это не стоило ни гроша.

Питеръ согласился и пошелъ къ неисправному плательщику. Онъ нашелъ, что самъ Поддсъ боленъ ревматизмомъ и совершенно неспособенъ къ труду. Жена его выбилась изъ силъ надъ работой, и даже всѣ дѣти работали, какъ могли, добывая гроши. Они задолжали доктору и тому же мелочному лавочнику.

Питеръ вернулся къ домовладѣльцу и разсказалъ, въ чемъ дѣло.

— Да, сказалъ тотъ, — я понимаю ихъ положеніе, но, м-ръ Стерлингъ, мой домъ заложенъ, и мнѣ нужно въ сентябрѣ проценты. Я ждалъ четыре мѣсяца и, право, больше ждать не могу.

Питеръ взялъ тридцать два доллара изъ своего «запаснаго фонда» и послалъ домовладѣльцу. «Я задержалъ восемь долларовъ за взысканіе», написалъ онъ ему.

Потомъ онъ позвалъ своего кліента лавочника и сказалъ ему объ уступкѣ домовладѣльца.

— Сколько я вамъ долженъ,—спросилъ лавочникъ.

— Поддсы сказали мнѣ, что должны вамъ 16 долларовъ?

— Да, но я ихъ вѣрно не получу.

— Мнѣ слѣдуетъ 25 долларовъ. уничтожьте счетъ Поддса и дайте мнѣ разницу.

Лавочникъ былъ въ восторгѣ, такъ какъ не разсчитывалъ получить денегъ съ Поддсовъ, и съ готовностью уплатилъ 9 долларовъ.

Питеръ опять зашелъ къ Поддсамъ и отдалъ эти деньги женѣ.

— Если ваши дѣла поправятся, то отдадите ихъ когда-нибудь, — сказалъ онъ ей.—Не можете отдать—и не надо. Я загляну къ вамъ недѣли черезъ двѣ, посмотрю, какъ вы справились.

Когда это сложное дѣло было кончено, Питеръ написалъ митери: «Еще нѣсколько такихъ дѣлъ, и я обанкручусь. Мой запасный капиталъ таетъ быстрѣе, чѣмъ бы мнѣ хотѣлось, хотя его исчезновеніе равносильно облегченію чьихъ-нибудь заботъ. Я бы хотѣлъ сказать миссъ Де-Во, какъ много добра сдѣлали ея деньги, но боюсь, она не пойметъ, зачѣмъ я это говорю. У меня осталось только 176 долларовъ. Однако, большинство истраченныхъ денегъ роздано въ долгъ и, можетъ быть, вернется. Какъ бы тамъ ни было, я буду получать около 600 долларовъ жалованья за мое секретарство въ коммиссіи о снабженіи съѣстными припасами, и половина его пойдетъ въ запасный капиталъ».

Глава XXX.

Комедія.

Когда начался сезонъ, миссъ Де-Во принялась серьезно вводить Питера въ свѣтъ. Она дважды приглашала его обѣдать, дважды брала въ свою ложу въ оперу, и оказывала ему очень много вниманія. Питеръ съ благодарностью принималъ ея любезности, даже сшилъ себѣ новый фракъ у портного, котораго ему рекомендовалъ Лиспенардъ. Онъ получилъ нѣсколько приглашеній отъ знакомыхъ миссъ Де-Во, вѣроятно, по ея просьбѣ, и сдѣлалъ имъ визиты. Но прошло три мѣсяца, и миссъ Де-Во съ недоумѣніемъ покачала головой.

— Онъ совершенный джентльменъ и всѣмъ нравится. Но все-таки иногда... нѣтъ, я ничего не понимаю.

— А дѣло ясно, — хохоталъ Лиспенардъ.—Нельзя сдѣлать шелковаго кошелька изъ свиного уха.

— Лиспенардъ,—разсердилась миссъ

Де-во.—Развѣ можно сравнивать Стерлинга...

— Конечно, нѣтъ, — сказалъ Лиспенардъ. — Я вовсе не хочу умалять достоинства Питера. Напротивъ, въ томъ-то и дѣло, что онъ слишкомъ хорошій человѣкъ, чтобы обратится въ свѣтскаго шаркуна или дамскаго угодника.

— Пожалуй, вы правы. Я не думаю, чтобы это доставляло ему удовольствіе.

— Да, — замѣтилъ Лиспенардъ. — «Браунъ не согласенъ». Мнѣ кажется, онъ искренно привязанъ къ вамъ и продѣлываетъ всѣ эти церемоніи, чтобы угодить вамъ.

— Вы въ самомъ дѣлѣ такъ думаете?

Лиспенардъ засмѣялся при видѣ серьезности, съ какой этотъ вопросъ былъ ему предложенъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—я шучу. Питеръ ходитъ къ вамъ потому, что его привлекаютъ ваши свѣтскіе друзья.

Неизвѣстно, повліялъ ли этотъ разговоръ на миссъ Де-Во, или она измѣнила свое мнѣніе, но только приглашенія на званые обѣды и въ оперу вдругъ прекратились и замѣнились обѣдами въ тѣсномъ кругу, посѣщеніями галлерей и вечернимъ концертами. Иногда къ миссъ Де-Во и Питеру присоединялся Лиспенардъ или одна изъ барышень Ордэнъ, но чаще они были одни. Не проходило недѣли безъ того, чтобы Питеръ не имѣлъ случая видѣться съ миссъ Де-Во.

Однажды, въ февралѣ, Питеръ получилъ отъ миссъ Де-Во приглашеніе зайти, «чтобы переговорить о дѣлѣ». Питеръ въ тотъ же вечеръ отправился къ ней.

Она горячо благодарила, что онъ такъ скоро исполнилъ ея просьбу, и Питеръ замѣтилъ, что она чѣмъ-то очень взволнована, и только присутствіе двухъ другихъ гостей заставляло ее сдерживаться. Наконецъ, гости ушли, и они остались вдвоемъ.

— Пойдемте въ библіотеку,—сказала миссъ Де-Во и, обращаясь къ лакею, прибавила:—Морденъ, я больше не принимаю.

Они не успѣли сѣсть, какъ она начала:

— М-ръ Стерлингъ, я вчера была у Манфредовъ.—Ея голосъ дрожалъ, несмотря на всѣ ея усилія не волноваться. Питеръ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на нее.—Тамъ былъ мистеръ Лафэмъ, директоръ банка.

Питеръ ничего не понималъ.

— Онъ разсказалъ мнѣ про одного молодого адвоката, у котораго были очень скромныя средства, а между тѣмъ, онъ отложилъ пятьсотъ долларовъ, свои первые заработанные деньги, чтобы помогать...—голосъ миссъ Де-Во оборвался, она прислонилась къ камину и закрыла лицо руками.

— Какъ странно, что вы это узнали,—сказалъ Питеръ.

— Онъ не назвалъ имени, но я сейчасъ догадалась.

— Я не хотѣлъ говорить объ этомъ, потому что... А впрочемъ, мнѣ всегда хотѣлось разсказать вамъ, какъ много добра удалось сдѣлать на эти деньги. Не присядете ли вы?

Питеръ подвинулъ кресло, и миссъ Де-Во сѣла.

— Что вы обо мнѣ подумаете! Вы должны считать меня страшно ребячливой,—говорила она, выгибая глаза.

— Плакать, конечно, не объ чемъ.

И Питеръ началъ разсказывать, сколько склянокъ съ лекарствами, сколько швейныхъ машинъ ему удалось купить, сколько просроченныхъ квартирныхъ денегъ онъ заплатилъ изъ своего «капитала».

— Видите ли,—говорилъ онъ,—эти бѣдняки слишкомъ самолюбивы, чтобы обращаться къ общественной благотворительности или къ богатымъ людямъ. Но они обсуждаютъ свои затрудненія въ «салонахъ» и на порогахъ домовъ, а я слышу и могу самъ убѣдиться, дѣйствительно ли они нуждаются въ помощи. Они охотно принимаютъ ее отъ меня, потому что я—свой человѣкъ.

Миссъ Де-Во была слишкомъ взволнована, чтобы поддерживать разговоръ. Жизнь ея такъ сложилась что ей рѣдко приходилось о чемъ-нибудь плакать, и ей никогда не случалось плакать изъ пустякамъ.

Когда Питеръ поднялся, чтобы уходить, она сказала ему:

— Мнѣ бы хотѣлось серьезно поговорить съ вами, чтобы посмотрѣть, не

могу ли я вамъ помочь. Пожалуйста, заходите поскорѣй. Стоило васъ звать сегодня, чтобы вы только смотрѣли, какъ я плачу, какъ маленькая! Но я была несправедлива къ вамъ по поводу этихъ семи долларовъ, а теперь мнѣ такъ совѣстно...

Голосъ ея опять задрожалъ, но она пересилила свое волненіе:

— До свиданья.

Когда Питеръ ушелъ, миссъ Де-Во, всласть наплакавшись,—выраженіе чисто женское, котораго мужчины никогда не поймутъ,—пошла въ свою уборную и вымыла глаза. Потомъ она усѣлась у камина въ библіотекѣ и долго сидѣла задумавшись.

Наконецъ, она встала и, уходя въ свою комнату, громко сказала:

— Да, онъ женится на Дороти, если я могу это устроить.

Поэтому, Дороти сдѣлалась непремѣнной участницей обѣдовъ и посѣщеній выставокъ и концертовъ. Питеръ былъ опять приглашенъ въ оперу, но въ ложѣ, кромѣ него, миссъ Де-Во и Дороти, въ эти дни никого больше не бывало. Миссъ Де-Во представила Питера миссисъ Огденъ и расхваливала его обоимъ родителямъ. Она даже открыто изложила имъ свои проекты.

М-ръ Огденъ сказалъ:

— Всѣ, кто только его знаютъ, хорошо отзываются о немъ. Пелль очень хвалилъ его прошлымъ лѣтомъ въ Ньюпортѣ. Говорилъ, что это восходящее свѣтило на политическомъ небѣ.

— Онъ выглядитъ очень положительнымъ человѣкомъ,—замѣтила мамаша.—Только, кажется, онъ очень мало зарабатываетъ.

— Ахъ, не думайте о деньгахъ,—перебила ее миссъ Де-Во.—Лишь бы человѣкъ былъ хорошій, такой, котораго стоитъ любить.

— А все-таки деньги—вещь необходимая,—замѣтилъ папаша.

— Конечно, но вы оба знаете, что я хочу сдѣлать для Дороти и Минны. Не будемъ думать о деньгахъ. Лишь бы онъ и Дороти полюбили другъ друга.

Питеръ и Дороти нравились другъ другу. Дороти была очень хороша собой и обладала всѣми качествами, дѣлающими дѣвушку привлекательной въ глазахъ мужчины. Питеру она не могла не нравиться.

Что же касается Дороти, она была женщиной въ полномъ смыслѣ слова. Она любила поболтать и пошутить съ свѣтскими молодыми людьми въ обществѣ, кокетничала и танцовала съ ними съ упоеніемъ, но замужество съ однимъ изъ нихъ она не считала привлекательнымъ.

Современная женщина хочетъ, чтобы человѣкъ, котораго она полюбитъ, обладалъ сильнымъ характеромъ и умѣлъ говорить правду.

Поэтому то Питеръ и нравился Дороти, и она восхищалась въ немъ многими чертами, которыхъ она не потерпѣла бы въ другомъ человѣкѣ. Правда, она часто подсмѣивалась надъ нимъ, но въ ея насмѣшкахъ не было ничего обиднаго, въ нихъ скорѣе высказывалось ободреніе и восхищеніе.

Когда настала весна, сердце миссъ Де-Во исполнилось надеждъ.

— Мнѣ кажется, дѣло идетъ на ладъ. М-ръ Стерлингъ обѣщалъ мнѣ погостить у меня недѣльку въ Ньюпортѣ. Пришлите ко мнѣ и Дороти на это время,—говорила она миссисъ Огденъ.

Лиспенардъ, присутствовавшій при этомъ разговорѣ, по обыкновенію расхохотался.

— Что, новая игрушка уже надоѣла?

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Развѣ вы не хотите женить его, чтобы избавиться отъ него?

— Конечно, нѣтъ. Мы будемъ видѣться попрежнему.

— Говорите за себя, маменька. Знаетъ ли объ этомъ д-ръ Браунъ?

Миссъ Де-Во сердито покраснѣла и сократила свой визитъ.

— Что за шутъ это Лиспенардъ!—невольно сказала она лакею, подсаживавшему ее въ экипажъ.

— Что прикажете, барышня?—спросилъ онъ, и глубокое изумленіе изобразилось на его лицѣ.

— Домой, Велингтонъ,—сердито отвѣтила ему миссъ Де-Во.

Питеръ заѣхалъ въ Ньюпортъ въ августѣ, возвращаясь отъ матери. Миссъ

Де-Во искусно намекнула ему, что будетъ Дороти, а Дороти дѣйствительно уже была тамъ. Но Питеръ очень мало видѣлъ ее наединѣ. Конечно, онъ могъ бы видѣть ее больше, если бы захотѣлъ, но Питеръ не умѣлъ, да и не хотѣлъ ловить часы и минуты, чтобы наединѣ бесѣдовать съ барышнями. Его пребываніе въ домѣ миссъ Де-Во доставило ему меньше удовольствія, чѣмъ онъ ожидалъ. Ему казалось, что недѣля, проведенная въ обществѣ миссъ Де-Во, Дороти и Лиспенарда, безъ другихъ гостей, будетъ однимъ безпрерывнымъ удовольствіемъ. Но онъ чувствовалъ, что что-то случилось съ его друзьями. И не онъ одинъ это чувствовалъ. Дороти, вернувшись домой, говорила матери:

— Не понимаю, что произошло съ кузиной Аннеке. Всю весну она была такъ мила со мной, какъ никогда, а не успѣла я пріѣхать въ Ньюпортъ,—она стала такъ холодна, хотя я ничѣмъ не могла ее обидѣть. Черезъ два дня я спросила ее, что съ ней, но она отвѣтила, что ничего, и разсердилась на меня. А я увѣрена, что есть что-то, такъ какъ она не стала меня удерживать, когда я сказала, что уѣду отъ нея раньше, чѣмъ предполагала.

— Можетъ быть, она была огорчена чѣмъ-нибудь, и это невольно вліяло на ея обращеніе съ тобой—отвѣтила ей мать.

— Но она не сердилась, кромѣ того дня, когда я спросила ее, что съ ней, а просто была рѣзка.

— Что, м-ръ Стерлингъ былъ?

— Да, и еще куча народу. Только мнѣ кажется, никто особенно не веселился, развѣ кузенъ Лиспенардъ. Но онъ пренесносный! Онъ все чему-то радовался, дѣлалъ замѣчанія, которыхъ никто не понималъ, а самъ все подсмѣивался. Я ему сказала разъ, что онъ невѣжливъ, а онъ мнѣ отвѣтилъ, что, когда люди играютъ комедію, надо умѣть во время смѣяться. Это было очень нелюбезно по отношенію къ м-ру Стерлингу, его ужъ никакъ нельзя обвинить въ томъ, что онъ играетъ комедію, онъ всегда говоритъ правду.

— Лиспенардъ вѣчно старается быть остроумнымъ.

— О, да. Представьте себѣ, что онъ сказалъ мнѣ на прощанье!

— Что же?

— Онъ пожалъ мнѣ руку и со смѣхомъ сказалъ: «злодѣй удаляется, будетъ комедія, а не трагедія». Что бы это значило?

Лиспенардъ остался, чтобы посмотрѣть «комедію», и казалось забавлялся ею, если судить по довольному выраженію его лица, когда ему случалось предаваться размышленіямъ.

Питера уговорили остаться подольше, и онъ согласился продолжить свое пребываніе на три дня.

Эти три дня прошли пріятнѣе, чѣмъ всѣ предыдущіе, хотя Дороти уѣхала, а Дороти нравилась Питеру.

Онъ гораздо больше времени проводилъ съ миссъ Де-Во, и миссъ Де-Во была въ лучшемъ настроеніи.

Они дѣлали длинныя прогулки пѣшкомъ и въ экипажѣ, и цѣлые часы проводили въ разговорахъ.

Однажды миссъ Де-Во заговорила о Дороти:

— Это такая милая, прелестная дѣвушка. Мы всѣ надѣемся, что она выйдетъ замужъ за Лиспенарда.

— Вы одобряете бракъ между родными?

Миссъ Де-Во пристально смотрѣла на Питера, дѣлая свое замѣчаніе. Питеръ отвѣчалъ совершенно спокойно. Казалось, этотъ вопросъ интересовалъ его только съ научной точки зрѣнія. Миссъ Де-Во отвѣтила:

— Собственно говоря — нѣтъ, но лучше такіе браки, чѣмъ неизвѣстность. Очень трудно для дѣвушки въ положеніи Дороти выйти замужъ такъ, какъ хотѣлось бы.

— Почему?—спросилъ Питеръ, который не понималъ, что молодая, богатая и хорошенькая дѣвушка не могла найти себѣ подходящаго мужа.

— Это трудно объяснить, но... я разскажу вамъ свою собственную исторію, и вы, можетъ быть, тогда поймете. Такъ какъ вы никогда не задаете вопросовъ, я должна сама начать. Впрочемъ, можетъ быть, вы не спрашиваете потому,

что это васъ не интересуетъ?—и миссъ Де-Во засмѣялась.

— Я буду слушать васъ съ удовольствіемъ.

Что бы Питеръ ни говорилъ, его собесѣдникамъ въ голову не приходило спросить его «въ самомъ дѣлѣ?» или «вы это серьезно говорите?» Поэтому, и миссъ Де-Во повѣрила ему на слово.

— И мой отецъ, и моя мать были очень богаты, прежде чѣмъ поженились, а когда недвижимая собственность въ Нью-Іоркѣ возросла въ цѣнѣ, то они еще болѣе разбогатѣли. Оба они принадлежали къ самымъ стариннымъ фамиліямъ. Я была ихъ единственнымъ ребенкомъ — Ласпенардъ говоритъ, что старинныя фамиліи такъ гордятся своимъ происхожденіемъ, что не рѣшаются обзаводиться большой семьей изъ боязни, что бы ихъ имя не стало заурядньмъ. Родители сосредоточили на мнѣ всѣ свои мысли, все свое обожаніе. Я не была избалована, но за мной смотрѣли и ухаживали такъ, точно я была самой большой драгоцѣнностью на свѣтѣ. Когда я выросла и стала выѣзжать, мои родители и на полчаса не спускали меня съ глазъ. Я видѣла много людей, но исключительно нашего круга. Всѣ другіе люди были не достойны знакомства со мною. Мой отецъ ни съ кѣмъ не имѣлъ дѣлъ, никакой свѣжій элементъ не проникалъ въ нашъ домъ. Только старинныя фамиліи, и такъ изъ году въ годъ! Съ той минуты, какъ я вступила въ свѣтъ, за мной начали ухаживать. У меня было много претендентовъ, но меня воспитали въ страхѣ передъ охотниками за приданымъ, и я не довѣряла чистотѣ намѣреній большинства изъ нихъ. Другіе казались мнѣ ниже меня по рожденію, а я привыкла гордиться своимъ именемъ. Тѣ же, которые казались равными мнѣ по рожденію, часто были ниже меня по уму и никуда не годились въ нравственномъ отношеніи. Можетъ быть, я и полюбила бы кого-нибудь, еслибъ меня не такъ оберегали. Я была всегда окружена, и стоило мнѣ заговорить съ кѣмъ-нибудь, показавшимся мнѣ симпатичнымъ, что бы всѣ остальные нарушили нашъ tête-à tête. Только очень немногіе изъ молодыхъ людей, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться, имѣли доступъ къ намъ въ домъ. Остальныхъ не считали достойными этой чести. Если бы серьезный, честный, дѣльный человѣкъ замѣтилъ и полюбилъ меня, ему не было бы случая сказать мнѣ это. Тѣхъ немногихъ, которыхъ я могла полюбить, или пугали мои деньги, или отталкивала моя популярность и исключительное положеніе въ свѣтѣ. Они не пробовали приближаться ко мнѣ. Я тогда еще ничего не понимала. Я гордилась моимъ успѣхомъ и не видѣла, какъ онъ мнѣ вредитъ. Я была вполнѣ счастлива дома и не стремилась выйти замужъ, особенно за одного изъ тѣхъ кавалеровъ, что окружали меня. Такъ я прожила шесть лѣтъ. Смерть моей матери прервала мои выѣзды. Когда я вернулась въ свѣтъ, я встрѣтила совершенно новыхъ людей. Мои прежніе знакомые переженились или разъѣхались. Свѣтъ пересталъ занимать меня. Я уѣхала съ отцомъ въ Европу и путешествовала три года. Едва мы вернулись домой, какъ онъ умеръ. Я вернулась въ общество, когда мнѣ уже было тридцать два года и стала той «незамужней тетушкой», какой вы меня знаете. Теперь вы понимаете, почему такой дѣвушкѣ, какъ Дороти, трудно хорошо выйти замужъ?

— Да, если человѣкъ не влюбился. Но разъ онъ дѣйствительно полюбитъ дѣвушку, его не испугаютъ ни богатство, ни положеніе ея.

— Такіе люди рѣдки, или, можетъ быть, я не привлекала ихъ. Я не такъ хорошо знала людей, какъ знаю ихъ теперь. Теперь я совсѣмъ другого мнѣнія о многихъ людяхъ, которые казались мнѣ прежде смѣшными и скучными. Женщина выходитъ замужъ не только для того, чтобы ее увеселяли.

— Я думаю,—замѣтилъ Питеръ,— женятся по любви и взаимной симпатіи.

— Да, и разъ она есть, все остальное не имѣетъ значенія. Мнѣ теперь тридцать семь лѣтъ; но если бы я нашла настоящаго человѣка, который полю-

билъ бы меня такъ, какъ я хочу быть любимой, я бы полюбила его всей душой. Я считала бы счастьемъ не только дать ему общественное положеніе и богатство, но сдѣлать моими каждое его желаніе, каждую его надежду.

Это было сказано самымъ спокойнымъ естественнымъ тономъ, какъ все, что они говорили. Миссъ Де-Во говорила безъ видимаго волненія, но когда она начала свою послѣднюю фразу, она перестала смотрѣть на Питера и отвернулась къ окну, такъ что ему былъ виденъ только ея профиль.

Поэтому она не замѣтила, какъ онъ внезапно поблѣднѣлъ, и выраженіе сильнаго страданія появилось на его лицѣ.

Она не видѣла, какъ это выраженіе исчезло, и лицо стало суровымъ и рѣшительнымъ, хотя глаза остались грустными.

Миссъ Де-Во нарушила молчаніе, начавъ:

— Вы не находите... но Питеръ прервалъ ее.

— Это очень печальная для меня исторія, потому что я тоже однажды молилъ любви и участія...

Миссъ Де-Во быстро оглянулась на него. Она замѣтила его страдальческое выраженіе, но не поняла его.

— Что вы хотите сказать? — спросила она.

— Я любилъ дѣвушку, которая не любила меня,—тихо отвѣтилъ Питеръ.

— Вы и до сихъ поръ ее любите?

— Я не имѣю права любить ее.

— Она замужемъ?

— Да.

— Разскажите мнѣ все.

— Нѣтъ, лучше не надо.

Миссъ Де-Во сидѣла нѣсколько минутъ молча, потомъ встала.

— Дорогой другъ,—сказала она, положивъ руку на плечо Питера,—мы съ вами ничего не выиграли въ жизненной лотереѣ. И вашъ жребій тяжелѣе, чѣмъ мой. Очень,—миссъ Де-Во на мгновеніе замолчала,—очень тяжело любить, когда васъ не любятъ.

И вотъ какъ кончилась «комедія» Лиспенарда.

Глава XXXI.

Столкновеніе.

Лиспенардъ вмѣстѣ съ Питеромъ вернулся въ городъ и въ поѣздѣ такъ объяснялъ ему причину своего отъѣзда.

— Видите ли, я иногда наѣзжаю лѣтомъ въ городъ, чтобы сдѣлать пребываніе въ деревнѣ выносимымъ, и затѣмъ возвращаюсь въ деревню, чтобы городъ казался привлекательнымъ. Черезъ недѣлю я вернусь въ Ньюпортъ. А вы когда вернетесь?

— Мои каникулы кончились.

— Знаю, но я думалъ, что моя кузина опять пожелаетъ васъ видѣть.

— Она мнѣ этого не говорила.

— Вотъ какъ! Значитъ, она только этого не сказала вамъ во время вашихъ бесѣдъ?

Питеръ ничего не отвѣтилъ, хотя Лиспенардъ имѣлъ вопросительный видъ.

— Можетъ быть, она такъ много болтала, что не догадалась попросить васъ?

Опять Питеръ промолчалъ.

— Вы увѣрены, что она не намекнула вамъ на возможность снова наслаждаться ея обществомъ?

Лиспенардъ улыбался.

— Огденъ, — спокойно сказалъ Питерсъ,—вы ведете себя низко и отлично сознаете это.

Краска бросилась въ лицо Лиспенарда, и онъ всталъ со словами:

— Такъ ли я васъ понялъ?

Его манера и тонъ были сдержанны, но въ то же время вызывающи.

— Если вы мнѣ скажите, что я не такъ понялъ васъ, я извинюсь. Если вы находите мои слова оскорбительными, я возьму ихъ назадъ. Я сказалъ это не съ тѣмъ, чтобы оскорбить васъ, но чтобы показать вамъ, какое впечатлѣніе произвели на меня ваши вопросы.

— Когда человѣкъ называетъ другого низкимъ, онъ не долженъ надѣяться избѣжать послѣдствій своихъ словъ. Здѣсь не мѣсто для объясненій. Можете прислать мнѣ извиненіе, когда мы пріѣдемъ въ Нью-Іоркъ...

Питеръ перебилъ его.

— Я извинюсь только тогда, когда

вы мнѣ скажите, что я былъ неправъ, предполагая въ вашихъ вопросахъ дурное намѣреніе.

Лиспенардъ не обратилъ вниманія на его слова.

— Иначе,—докончилъ онъ,—я буду считать наши отношенія прерванными,— и онъ ушелъ.

Питеръ въ тотъ же вечеръ написалъ Лиспенарду длинное письмо. Онъ не извинялся, но кончилъ письмо слѣдующими словами:

«Между нами не должно быть недоразумѣній, намъ лучше остаться друзьями. Сегодняшнее столкновеніе, надѣюсь, не испортитъ нашихъ отношеній. Одинъ изъ насъ виноватъ и долженъ извиниться. Или вы предлагали мнѣ вопросы, которыхъ не имѣли права предлагать, или я не такъ понялъ васъ. Я написалъ вамъ мой взглядъ на то, что случилось—у васъ, конечно, свой взглядъ. Предоставляю дѣло на вашу совѣсть. Обдумайте его, и если вы все-таки найдете, что я неправъ, и сообщите мнѣ это, я готовъ извиниться».

Питеръ не получилъ отвѣта, а встрѣтивъ черезъ нѣсколько дней Огдена, услышалъ отъ него, что Лиспенардъ, совершенно неожиданно для всѣхъ, уѣхалъ охотиться на западъ.

— Онъ сказалъ, чтобы мы не ждали его, пока онъ самъ не вернется, и казался очень не въ духѣ.

Въ сентябрѣ Питеръ получилъ письмо отъ миссъ Де-Во, только нѣсколько строкъ, гдѣ она сообщала, что рѣшила провести зиму заграницей и на другой же день уѣзжаетъ.

«Я не успѣю повидать моихъ друзей,—писала она,—но мнѣ не хотѣлось уѣхать, не простившись съ ними, вотъ почему я пишу вамъ».

«Комедія» была совершенно окончена. Мы не должны думать, что разыгравшаяся комедія и ея прологъ, тянувшійся почти всю предыдущую зиму, отвлекли Питера отъ занятій.

Несмотря на всѣ старанія миссъ Де-Во, у него оставалось еще достаточно времени, чтобы провести нѣсколько дней въ Альбани, когда его отчетъ о дѣятельности комиссіи обсуждался законодательнымъ собраніемъ. Питеръ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе обоимъ своимъ биллямъ и долженъ былъ вынести жестокую борьбу.

Газеты были на его сторонѣ; Костель помогалъ ему, но, несмотря на такую могущественную поддержку, его билли сначала были сильно искажены поправками и, наконецъ просто отложены.

Въ этой борьбѣ главнымъ помощникомъ Питера явился Пелль, и Питеръ начиналъ думать, что можно подкупать избирателей и все же быть не совсѣмъ дурнымъ человѣкомъ.

Не менѣе дѣятельнымъ, чѣмъ Пелль, оказался прежній врагъ Питера, бывшій мѣстный атторней, а теперь сенаторъ, съумѣвшій постоянствомъ и сочувственнымъ отношеніемъ къ биллямъ завоевать дружбу и уваженіе Питера.

Главнымъ противникомъ Питера былъ, конечно, Магиръ.

Не смотря на полное пораженіе, Питеръ рѣшилъ не складывать оружія. Работая надъ своими биллями, онъ познакомился съ дѣйствительнымъ настроеніемъ правительства, а сидя подолгу въ Альбани безъ всякаго дѣла и невольно вглядываясь въ то, что вокругъ него происходило, онъ выучился распознавать тѣ истинныя силы, которыя скрывались за подкупленнымъ большинствомъ и руководили сопротивленіемъ.

Питеръ повидался съ вождями оппозиціи и откровенно объяснился съ ними. Онъ сказалъ, что будетъ возобновлять борьбу съ каждой новой сессіей законодательнаго собранія до тѣхъ поръ, пока его билли не будутъ приняты, но что онъ готовъ сдѣлать нѣкоторыя поправки, если только онѣ будутъ справедливы. Онъ очень ясно доказалъ имъ, что имъ придется ежегодно тратить много денегъ, если они хотятъ, чтобъ его билли не вошли въ собраніе законовъ.

Нѣкоторые смѣялись надъ нимъ, другіе сердились. Только немногіе выслушавъ его, высказывали ему серьезныя возраженія, которыя Питеръ старался опровергнуть.

Наступило время очередныхъ выборовъ, и Питеръ сталъ проводить свое дѣло иными путями. Трое изъ город-

ихъ членовъ законодательнаго собранія и одинъ сенаторъ подали голоса противъ билля. Питеръ отправился въ ихъ избирательныя участки и въ «салонахъ» и другихъ мѣстахъ сталъ говорить противъ нихъ. Сначала общественное мнѣніе быстро обернулось противъ Питера, но кровь его разгоралась вмѣстѣ съ борьбою, и ни свистки, ни тухлыя яйца, ни другія попытки оскорбить его не могли уже остановить его. Лидерамъ партій было предложено усмирить его, но Костелль отказался отъ вмѣшательства.

— Онъ все равно не перестанетъ,— говорилъ Костелль Грину,—и пользы мы не принесемъ. Пусть сами дерутся до конца.

Это рѣшеніе показывало, что м-ръ Костелль хорошо зналъ свое дѣло.

Питеръ вызвалъ своихъ противниковъ на открытые дебаты, и когда они отказались, онъ сталъ нанимать залы, гдѣ цѣлые вечера обсуждалъ этотъ вопросъ. Онъ говорилъ крайне доказательно, съ еще большей силой, чѣмъ въ своемъ знаменитомъ «дѣлѣ».

Послѣ первой же попытки онъ увидѣлъ, что слушатели у него всегда будутъ. Слухъ дошелъ до его собственнаго участка, что онъ «началъ войну», и многіе изъ его друзей побѣжали его слушать. Скоро объ этомъ узналъ весь городъ, и публика стала ломиться на его митинги. Многіе не могли попасть за неимѣніемъ мѣста, и именно это обстоятельство привлекало новыя толпы. Наконецъ, нѣсколько заинтересованныхъ лицъ, во главѣ съ Пеллемъ, наняли громадный залъ «Союза Купера», и здѣсь Питеръ сказалъ, дѣйствительно, выдающуюся рѣчь передъ аудиторіей въ три тысячи слишкомъ человѣкъ. Газеты тоже пришли ему на помощь и мужественно поддерживали его. Съ ихъ помощью выяснилось, что борьба ведется только противъ горсти людей, заботящихся о своихъ интересахъ больше, чѣмъ объ интересахъ страны.

Встрѣчаясь съ редакторами многихъ газетъ, Питеръ дѣлился съ ними свѣдѣніями, полученными имъ во время дѣятельности коммиссій, а также собственными наблюденіями, сдѣланными имъ въ Альбани. Они платили ему за это похвалами на страницахъ своихъ газетъ и выдвинули его впередъ, какъ иниціатора движенія.

Миссисъ Стерлингъ пришла къ заключенію, что заговоръ противъ возвышенія ея сына пересталъ существовать.

Результаты борьбы оказались благотворнѣе, чѣмъ самъ Питеръ могъ ожидать. Одинъ изъ членовъ законодательнаго собранія сдался и заявилъ, что больше не будетъ противиться принятію биллей. Второй былъ окончательно разбитъ.

Сенатора его собственные избиратели заставили отказаться отъ оппозиціи. Въ послѣднее время вопросъ обсуждался такъ открыто, дѣйствія собранія такъ порицались, и столько кричали о безсовѣстномъ подкупѣ, что провинціальные члены законодательнаго собранія не смѣли продолжать оппозиціи. Поэтому, билли, предложенные Шлергеромъ тотчасъ же послѣ открытія новой сессіи, были приняты послѣ перваго чтенія единогласно, никто не посмѣлъ сдѣлать ни малѣйшаго возраженія.

При помощи Костелля Питеру удалось побудить Кэтлина тотчасъ же подписать ихъ, и его долгая борьба кончилась блестящей побѣдой.

«Шестой» просто съ ума сошелъ отъ восторга. Зависѣло ли это отъ того, что жители шестого участка принадлежали къ тому классу, котораго новый законъ касался ближе всего, или причина лежала въ ихъ симпатіи къ Питеру, только при извѣстіи, что билль подписанъ, всю ночь пускали фейерверки и предавались шумному веселью.

Когда Питеръ вернулся въ городъ, однажды вечеромъ его пригласили въ самую большую залу квартала, и тамъ, послѣ факельной процессіи, продефилировавшей передъ нимъ, поднесли ему благодарственный адресъ.

Бленкерсъ предсѣдательствовалъ на торжествѣ и произнесъ длинную рѣчь, исполненную глубокаго чувства и грамматическихъ ошибокъ, но принятую всѣми присутствующими оглушительными криками «ура».

Затѣмъ судья Галлагеръ прочелъ прекрасно составленный, краснорѣчивый адресъ. Деннисъ нарушилъ программу торжества; не будучи въ силахъ сдерживать своего энтузіазма, онъ вскочилъ и разразился горячей, хотя довольно нескладной импровизаціей, объясняя собравшимся, какъ много Питеръ сдѣлалъ для него лично, и хотя слушатели давно знали то, о чемъ онъ имъ говорилъ, однако, награждали его дружными аплодисментами.

— Это было неумѣстно, — сказалъ Деннису Бленкерсъ, когда онъ кончилъ свою рѣчь.

— Врешь! — закричалъ тотъ, опять вскакивая на ноги. — Всегда умѣстно хвалить мистера Стерлинга!

И толпа снова зааплодировала ему.

Глава XXXII.

Конецъ конфликта.

Во время послѣдней кампаніи Питеръ подвергся два или три раза нападеніямъ, и Деннисъ, который всегда сопровождалъ его, взялся «дополнить его образованіе».

— У васъ лишнихъ тридцать фунтовъ жиру, сударь, и вы не умѣете работать кулаками,— заявилъ онъ ему.

Питеръ, по его совѣту, купилъ гимнастическія гири и рукавицы для бокса и, подъ руководствомъ Денниса, принялся изучать искусство самозащиты. Онъ былъ крайне удивленъ, когда мѣсяца черезъ два увидѣлъ, что спустилъ весь лишній жиръ, пріобрѣлъ быстроту и ловкость движенія и прекрасный аппетитъ и можетъ гораздо больше, чѣмъ прежде, работать и физически, и умственно, безъ малѣйшаго утомленія. Деннисъ же убѣдилъ Питера записаться въ тотъ полкъ милиціи, который пользовался особымъ расположеніемъ 6-го участка, и гдѣ онъ самъ былъ сержантомъ.

Полкъ очень тепло встрѣтилъ Питера, такъ какъ Деннисъ, который былъ весьма популяренъ, давно трубилъ о его славѣ; исключительная физическая сила и дружеское обращеніе Питера скоро привлекли къ нему всѣ сердца. Огденъ Огденъ смѣялся надъ Питеромъ, что онъ выбралъ самый «плебейскій» полкъ, и предлагалъ перевести его въ седьмой, но Питеръ отвѣтилъ, что ему и тутъ хорошо. Питера мало видѣли въ свѣтѣ этой зимой. Онъ добросовѣстно сдѣлалъ визитъ всѣмъ знакомымъ, но постоянныя поѣздки въ Альбани, упражненія съ Деннисомъ и вечернія ученія въ полку часто мѣшали ему воспользоваться полученными приглашеніями. Кромѣ того, у него было очень много новыхъ знакомыхъ, поэтому онъ могъ меньше времени отдавать старымъ. Число этихъ послѣднихъ, положимъ, убавилось съ отъѣздомъ миссъ Де-Во и Лисперанда, за то время его было гораздо больше занято.

Юридическая практика Питера расширялась.

Подрядчикъ, сидѣвшій съ нимъ вмѣстѣ въ коммисіи, первый поручилъ ему крупное дѣло. Затѣмъ, санитарное управленіе пригласило его въ качествѣ спеціальнаго повѣреннаго при возбужденіи судебныхъ преслѣдованій на основаніи новаго закона о жилищахъ. Газеты говорили, что онъ обязанъ своимъ назначеніемъ своему основательному знакомству съ этимъ вопросомъ, но Питеръ хорошо зналъ, что назначеніе его—дѣло рукъ Грина, только что избраннаго въ члены санитарнаго управленія. Наконецъ, и избиратели его начали поручать ему веденіе своихъ дѣлъ, и хотя денегъ эти послѣднія приносили мало, но число ихъ скоро достигло солидной цифры. О возрастаніи успѣха Питера можетъ свидѣтельствовать предложеніе Деммера соединиться съ нимъ.

— Мистеръ Больманъ хочетъ передать вамъ часть своихъ дѣлъ,—сказалъ Деммеръ,—и намъ удобнѣе образовать товарищество, чѣмъ дѣлить между собою дѣла.

Питеръ зналъ, что Деммеръ имѣетъ много выгодныхъ дѣлъ извѣстнаго сорта, а потому отказался.

— Я рѣшилъ никогда не вести дѣла, правота котораго не очевидна для меня.

— Адвокатъ обязанъ вести всякія дѣла, также какъ докторъ обязанъ лечить всякихъ паціентовъ.

— Адвокаты только говорятъ это, а думаютъ иначе.

— Что-жъ, каждый можетъ имѣть свои убѣжденія. Мы будемъ сообща вести только тѣ дѣла, которыя вы захотите. Остальными я могу самъ заняться.

— Я вамъ очень благодаренъ за предложеніе,—отвѣтилъ Питеръ,—но я не думаю, чтобы это было возможно; разъ мы образуемъ товарищество, дѣйствія его будутъ приписываться намъ обоимъ.

Несмотря на то, что комбинація не удалась, Больманъ поручилъ Питеру веденіе нѣкоторыхъ дѣлъ, и Деммеръ въ этихъ случаяхъ помогалъ ему.

Вотъ почему, хотя кругъ знакомства Питера расширился, его все рѣже и рѣже видѣли въ обществѣ, и даже друзья его, видя, какъ сильно онъ занятъ, перестали особенно приглашать его и довольствовались тѣмъ, когда онъ самъ неожиданно заходилъ къ нимъ.

Въ серединѣ зимы Питеръ былъ неожиданно обрадованъ письмомъ Лиспенарда, присланнымъ изъ Японіи.

«Тихоокеанскій вѣтеръ развѣялъ мое дурное настроеніе,—писалъ онъ;—я вижу, что былъ не правъ, и оплакиваю мой первородный грѣхъ и то, что произошло черезъ него. Вы были совершенно правы, и мы остаемся друзьями попрежнему».

Питеръ сейчасъ же отвѣтилъ ему, и у нихъ завязалась правильная переписка. Онъ послалъ также миссъ Де-Во поздравленіе съ праздниками и получилъ отъ нея изъ Ниццы длинное письмо, въ которомъ она сообщала ему о Уаттсѣ и Эллен̈ъ.

«Эллен̈ъ теперь поправилась совершенно, но, проведя шесть лѣтъ въ Европѣ, они совершенно сжились съ европейской жизнью и врядъ ли вернутся. Я говорила имъ про наше знакомство, и они вспоминали васъ съ большимъ участіемъ».

Питеръ отвѣтилъ ей и попросилъ передать «привѣтъ м-ру и миссисъ Д'Аллуа, если вамъ придется опять встрѣтить ихъ». Съ этихъ поръ онъ изрѣдка переписывался съ миссДе-Во; она описывала ему свои странствія по Италіи, Греціи и Египту, а онъ сообщалъ ей о своихъ дѣлахъ и посылалъ отчеты о состояніи «запаснаго фонда», въ который миссъ Де-Во обѣщала ежегодно вносить тысячу долларовъ.

Когда доходы Питера увеличились, онъ сталъ позволять себѣ кое-какое баловство. По рекомендаціи м-ра Пелля, онъ былъ выбранъ въ члены сначала одного, а затѣмъ двухъ нью-іоркскихъ клубовъ, и его обѣды, поэтому, стали болѣе роскошны. Чтобы доставить себѣ необходимый моціонъ, онъ просилъ Костелля поискать ему верховую лошадь, но Костелль подарилъ ему одну изъ своихъ собственныхъ. Питеръ теперь одѣвался у хорошаго портного, что могло сильно повредить ему въ глазахъ «ребятъ», но, однако, не повредило. Онъ попрежнему не отказывался выкурить трубку въ «салонахъ» или на порогѣ дома своихъ избирателей, но справедливость заставляетъ насъ сознаться, что на его столѣ появился ящикъ съ настоящими гаванскими сигарами. Юридическая практика Питера все расширялась. По мѣрѣ того, какъ росла его политическая слава, его стали приглашать третейскимъ судьей въ особенно запутанныхъ вопросахъ. Одно крупное мѣстное учрежденіе, имѣвшее массу дѣлъ по взысканіямъ, предложило ему быть его постояннымъ повѣреннымъ съ годовымъ содержаніемъ.

Потомъ тотъ банкъ, гдѣ Питеръ былъ вкладчикомъ, поручилъ ему веденіе своихъ дѣлъ.

— Его имя привлекаетъ къ намъ кліентовъ, говорилъ м-ръ Лафэмъ своимъ товарищамъ акціонерамъ,—да и самъ онъ скоро будетъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ вкладчиковъ.

Питеръ скоро замѣтилъ, что ему одному не справиться съ дѣлами, и взялъ компаньона. Мысль эту подалъ ему Огденъ, окончившій свои занятія въ конторѣ адвоката и собиравшійся самостоятельно заняться адвокатурой.

— У меня масса друзей,—сказалъ онъ,—и они обѣщали поручать мнѣ веденіе своихъ дѣлъ. Не знаю, много ли ихъ будетъ, но мнѣ бы хотѣлось попробовать свои силы подъ вашимъ руководствомъ. Конечно, ваша практика

куда обширнѣй моей, но мы какъ-нибудь поладимъ.

Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, дощечка на дверяхъ Питера перемѣнилась. Теперь на ней красовались два имени: «Стерлингъ и Огденъ», и товарищество стало процвѣтать, появился даже мальчикъ разсыльный, одинъ изъ пріятелей Питера изъ «треугольника».

Друзья у Огдена были все дѣльцы, и трудъ компаньоновъ оплачивался хорошо. Дѣла все пребывали, понадобился еще помощникъ, и по просьбѣ Огдена, былъ приглашенъ Рей Ривингтонъ.

— Его занятія идутъ туго, хотя онъ увѣряетъ, что трудится изо всѣхъ силъ,— говорилъ Огденъ. Врядъ ли онъ когда-нибудь будетъ хорошимъ юристомъ, у него не юридическій умъ. Но онъ будетъ привлекать кліентовъ, потому что очень популяренъ въ нашемъ кругу, и съумѣетъ разговаривать съ ними и бѣгать по порученіямъ. Онъ такъ умѣетъ угодить всѣмъ. А кромѣ того, долженъ сказать вамъ, я еще по другой причинѣ хлопочу за него. Онъ и Дороти рѣшили повѣнчаться, когда онъ будетъ въ состояніи жениться. Но это, конечно, между нами.

— Я съ удовольствіемъ возьму его, особенно послѣ того, что вы сказали мнѣ, хотя онъ и самъ по себѣ мнѣ симпатиченъ,—отвѣтилъ Питеръ.

На дощечкѣ появилось третье имя: «Стерлингъ, Огденъ и Ривингтонъ», и къ прежнему помѣщенію прибавили еще двѣ комнаты; прежняя комната Питера поступила въ распоряженіе маленькаго разсыльнаго, который цѣлый день свистѣлъ и пѣлъ уличныя пѣсни и не занимался изученіемъ стѣнъ. Да и Питеру теперь некогда было этимъ заниматься; онъ велъ войну съ двумя сильными противниками: свѣтомъ и самимъ собой, и побѣдилъ обоихъ.

Глава XXXIII.

Послѣ многихъ лѣтъ.

Такъ прошло цѣлыхъ десять лѣтъ. Питеръ снова сидѣлъ у конторки съ письмомъ въ рукахъ и по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, на лицѣ его появилось удивленное выраженіе. Вотъ что гласило письмо:

«22-го марта.

«Дорогой старый товарищъ.

«Я по обыкновенію попалъ въ бѣду и взываю къ тебѣ: выручи меня, какъ ты уже много разъ выручалъ. Ради Бога, приходи, какъ можно скорѣе, каждая минута дорога. Ты видишь, я убѣжденъ, что взываю не даромъ. «Неизмѣненъ какъ пирамиды», должно было бы быть твоимъ девизомъ.

«Элленъ и наша малютка будутъ въ восторгѣ увидѣть тебя, также какъ преданный тебѣ Уаттсъ».

Питеръ открылъ ящикъ стола и спряталъ письмо; потомъ справился съ календаремъ, подошелъ къ двери, открылъ ее и сказалъ:

— Я ухожу. Если придетъ м-ръ Мурти, его приметъ м-ръ Огденъ.

Питеръ вышелъ на улицу, сѣлъ на извозчика и велѣлъ везти себя въ Грамерси-Паркъ.

Когда Питеръ позвонилъ, лакей, открывшій ему дверь, колебался, принять ли его.—М-ръ Д'Аллуа дома, сэръ, но онъ отдыхаетъ, и намъ не приказано тревожить его.

— Передайте мою карточку. Онъ меня приметъ.

Лакей провелъ Питера въ гостинную и исчезъ. Питеръ услыхалъ какіе то переговоры въ пол-голоса, затѣмъ портьеры быстро раздвинулись и на порогѣ, протягивая гостю обѣ руки, появилась Элленъ.

— Какъ это мило съ вашей стороны! И какъ неожиданно!

Питеръ пожалъ ея руку, но ничего не сказалъ. Они сѣли, и миссисъ Д'Аллуа продолжала:

— Уаттсъ спитъ, и я не велѣла его безпокоить. Я хочу сама поговорить съ вами. У васъ есть время?

— Да.

— Чудесно. Вы не должны церемониться съ нами. Вѣдь вы можете остаться у насъ обѣдать?

— Я бы очень хотѣлъ, но я уже приглашенъ.

— Ну такъ въ другой разъ. Какъ

мило, что вы зашли къ намъ! Я посылала къ вамъ Уаттса, но онъ такой лѣнтяй! Но теперь вы сами розыскали насъ. Только отчего вы не спросили насъ обоихъ?

— Я пришелъ по дѣлу,—сказалъ Питеръ.

Миссисъ Д'Аллуа разсмѣялась.

— Уаттсъ наименѣе всего пригоденъ къ дѣламъ, но я увѣрена, что онъ сдѣлаетъ все, что можетъ, чтобы помочь вамъ. Онъ очень любитъ васъ.

Изъ этихъ словъ Питеръ заключилъ, что миссисъ Д'Аллуа не знаетъ о «бѣдѣ», и съ осторожностью юриста не сталъ ее разубѣждать, что пришелъ не по своимъ дѣламъ.

— Какъ вы измѣнились!—продолжала миссисъ Д'Аллуа.—Если бы я не прочла вашего имени на карточкѣ, я ни за что не узнала бы васъ.

Питеръ только что подумалъ тоже самое относительно миссисъ Д'Аллуа. Долгая болѣзнь или протекшіе годы такъ повліяли на нее? Все въ ней измѣнилось, кромѣ глазъ. Щеки поте ли округлость и румянецъ, волосы замѣтно порѣдѣли; года и заботы наложили печать на ея лицо, съ котораго исчезло кроткое выраженіе, составлявшее главную ею прелесть. Стройность фигуры поддерживалась очевидно только искусствомъ портнихи. Питеръ недоумѣвалъ Неужели эта женщина могла причинить ему столько страданій? Неужели изъ-за нея онъ остался холостякомъ до тридцати восьми лѣтъ? Какъ многіе люди, онъ убѣдился, что любилъ только свой идеалъ, созданіе своей собственной фантазіи, и ради мечты столько разъ отталкивалъ свое счастье. А теперь онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ предметомъ своихъ мечтаній и чувствовалъ, какъ блекли краски его идеала. Съ той достопамятной недѣли, проведенной у Пирсовъ, Питеру пришлось встрѣчаться съ многими очаровательными женщинами и дѣвушками, и взглядъ его на женщину былъ уже не тотъ, что прежде. Питеръ не былъ такъ неловокъ, чтобы сказать миссисъ Д'Аллуа, что и она измѣнилась. Съ годами онъ пріобрѣлъ свѣтскій тактъ, хотя не потерялъ своей правдивости.

Поэтому онъ ограничился тѣмъ, что сказалъ:

— Вы находите?

— Несомнѣнно. Вы стали стройнѣе, хотя расширились въ плечахъ, и ваше лицо такъ... такъ перемѣнилось.

Все это было совершенно справедливо. Не смотря на высокій ростъ и ширину въ плечахъ, Питеръ не отяжелѣлъ. А лицо его дѣйствительно измѣнилось. Когда юношеская округлость щекъ исчезла, глаза и лобъ стали болѣе замѣтны, а они у Питера были очень хороши. Нижняя челюсть была по прежнему немного тяжела, но прежнее угрюмое и скучающее выраженіе замѣнилось добрымъ и энергичнымъ. Лицо его нельзя было назвать прекраснымъ, т. к. красота обусловливается правильностью чертъ, но оно было строго и выразительно, носило отпечатокъ мысли и чувства.

— Знаете ли вы,—засмѣялась миссисъ Д'Аллуа,—что вы очень похорошѣли, а я думала, что это невозможно.

— Давно ли вы пріѣхали?

— Мѣсяцъ тому назадъ. Мы теперь живемъ у отца, пока не приведутъ въ порядокъ нашъ домъ на 55-ой улицѣ. Онъ стоялъ пустой со смерти миссисъ Д'Аллуа. Но не будемъ говорить о домахъ. Разскажите лучше о себѣ.

— Нечего разсказывать. Я занимаюсь адвокатурой и имѣю нѣкоторый успѣхъ.

— Но я видѣла ваше имя въ газетахъ. И въ Европѣ мы встрѣчали многихъ людей, говорившихъ, что вы стали знаменитостью.

— Я много занимался политикой. Самъ не знаю—прославился ли я или обезславился. Это зависитъ оттого, какую газету... я въ данный моментъ читаю.

— Да, я читала на пароходѣ одну газету... Миссисъ Д'Аллуа остановилась, вспомнивъ, что эта газета обвиняла Питера во всѣхъ преступленіяхъ, какія только возможно взвести на человѣка. Она поторопилась прибавить:—Я знаю, что это все ложь. Но ея тонъ скорѣе

былъ вопросительный, чѣмъ убѣжденный.

По правдѣ сказать, миссисъ Д'Аллуа была вовсе не увѣрена въ безукоризненности Питера: въ Америкѣ каждое обвиненіе, брошенное въ лицо политическому дѣятелю, отличается особенною жизненностью и упорствомъ.

Она слышала, что Питеръ открыто поддерживаетъ кабаки, и что въ Ньюіоркѣ политическій успѣхъ всегда зиждется на потворствѣ порокамъ толпы.

— Вамъ не тяжело заниматься политикой? спросила она, чтобы испытать, какъ глубоко онъ погрязъ въ бездну порока.

— До сихъ поръ—нѣтъ.

— Но эта политика должна быть очень непріятна для джентельмена? У простого народа такія грязныя руки!

— Не грязныя руки отравляютъ въ Америкѣ политику, а грязныя совѣсти.

— Развѣ вся политика такъ безнравственна и подкупна?

— Политику дѣлаютъ люди.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Я думаю, ваша жизнь не могла васъ познакомить со всѣмъ этимъ. Разскажите лучше, что дали вамъ эти долгіе года?

— Полнѣйшее счастье! О м-ръ Стерлингъ! Могу я васъ звать просто Питеръ? Благодарю васъ, Питеръ, у меня лучшій благороднѣйшій мужъ на свѣтѣ! Онъ—сама доброта и снисходительность! Лицо миссисъ Д'Аллуа сіяло счастьемъ и нѣжностью.

— А ваши дѣти?

— У насъ только одна дочка. Прелестнѣйшее дитя, какое только можно себѣ представить.

— Фи, фи, мой цвѣточекъ,—закричалъ, входя, Уаттсъ.—Не надо такъ говорить про себя, даже если все это святая истина. Предоставь мнѣ хвастаться. Питеръ, старина, какъ погуливаешь? Я бы извинился, что заставилъ тебя ждать, но не за что, разъ Эллен меня замѣнила. Не Буало-ли какъ-то сказалъ: лучшее въ человѣкѣ—это его жена?

Миссисъ Д'Аллуа сіяла.

— Не вѣрьте ему, Питеръ,—сказала она.—Онъ гораздо лучше меня.

Уаттсъ разсмѣялся.

— Извини, старина. Это случается въ лучшихъ семьяхъ, когда женишься на ангелѣ.

— Видите,—замѣтила миссисъ Д'Аллуа,—какъ онъ меня балуетъ.

— А она отъ этого хорошѣетъ, правда, Питеръ?—сказалъ Уаттсъ.—Ну не прелесть-ли она! Даже лучше, чѣмъ была прежде!

Миссисъ Д'Аллуа покраснѣла отъ удовольствія, однако, замѣтила:

— Полно, Уаттсъ, голубчикъ, неужели ты думаешь, что я повѣрю такой явной лести. Теперь поцѣлуй меня — Питеръ не осудитъ, и я васъ оставлю. Я чувствую, что вы горите желаніемъ поговорить о прежнихъ дняхъ. Прощайте, Питеръ, т.-е. до свиданія, вы должны почаще приходить. Уаттсъ, сговорись съ Питеромъ, когда онъ можетъ обѣдать у насъ.

Миссисъ Д'Аллуа вышла. Сердце Питера продолжало биться ровно и спокойно.

Глава XXXIV.

Спасеніе Уаттса.

По уходѣ жены Уаттсъ снова протянулъ руку.

— Еще разъ здравствуй, старый дружище. Какъ я радъ тебя видѣть! Снова чувствую себя студентомъ! Пойдемъ въ мою берлогу, тамъ намъ никто не помѣшаетъ.

Они прошли черезъ двѣ комнаты и усѣлись въ кабинетѣ Уаттса.

— Ну, закуривай сигару. Удобно ли тебѣ?

— Да!

— Maintenant, я думаю, ты желаешь знать, зачѣмъ я тебя такъ стремительно выписалъ?

— Да.

— По правдѣ сказать, я попалъ въ ужасную передрягу. Я былъ въ такомъ отчаяніи вчера, что готовъ былъ пустить себѣ пулю въ лобъ. Мнѣ такъ стало скверно на душѣ, что я вчера

вечеромъ пошелъ въ клубъ, чтобы немножко развлечься. Первое, что я тамъ услышалъ, было твое имя. «Выигралъ крупный процессъ. Лучшій нью-іоркскій адвокатъ». Я подумалъ: это внушеніе свыше, Питеръ всегда меня выручалъ, еще въ школѣ. Дай напишу ему. Сейчасъ же написалъ и весь вечеръ игралъ на билліардѣ, такъ былъ увѣренъ, что ты, какъ прежде, сейчасъ же прибѣжишь меня спасать.

— Скажи же, въ чемъ дѣло?

— Чертовская штука, даже и не разскажешь.

— Денежныя затрудненія?..

— Нѣтъ, нѣтъ,—перебилъ Уаттсъ.— Вовсе нѣтъ. По совѣсти, у меня больше денегъ, чѣмъ бы нужно было, и всегда такъ будетъ. Если бы только это!

— Я охотно помогу, но какъ?

— Поможешь, поможешь,—радостно закричалъ Уаттсъ. — Ты все тотъ же милый, старый другъ! Вотъ въ чемъ дѣло. Подвинься поближе. Ну, я начинаю. Я не обижусь, если ты придешь въ негодованіе. Ругай, сколько хочешь!

— Я слушаю.

— Ну-съ, короче сказать, я такъ запутался съ одной бабенкой, что теперь самъ чортъ меня не развяжетъ. А ты вытащишь меня изъ этой ямы, голубчикъ, не правда ли?

— Нѣтъ!

— Не говори этого, Питеръ. Ты долженъ помочь мнѣ. На тебя вся моя надежда.

— Я терпѣть не могу мѣшаться въ такія дѣла,—сказалъ Питеръ совершенно спокойно.—И не желалъ бы даже ничего знать.

И онъ всталъ.

— Не бросай меня! — закричалъ Уаттсъ, вскочивъ съ мѣста и положивъ руку на плечо Питера, желая удержать его.—Ради Бога! Она грозитъ мнѣ скандаломъ. Подумай, какой позоръ! Господи, Питеръ, подумай...

— Пусти меня!

— Но, Питеръ, подумай...

— Надо было раньше думать, теперь поздно, Уаттсъ. Я не хочу путаться въ это дѣло.

— Но, старина, я голову теряю. Это убьетъ Эллену!

Питеръ успѣлъ вырваться изъ рукъ Уаттса и сдѣлалъ шагъ къ двери. При имени Эллену онъ остановился.

— Она не знаетъ?

— И не подозрѣваетъ даже. Нужны очень вѣскія доказательства, чтобы заставить ее повѣрить этому. Она обожаетъ меня. О, Питеръ, спаси ее! Спаси Леонору, если не хочешь спасти меня!

— Развѣ ихъ можно спасти?

— Это-то я и хочу знать отъ тебя. Сядь пожалуста. Я все тебѣ разскажу.

Питеръ еще колебался, но всетаки сѣлъ.

— Это началось въ Парижѣ, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Такія исторіи всегда начинаются въ Парижѣ. Тамъ воздухъ особенный. Она...

— Стой! Я самъ буду тебя спрашивать. Мнѣ вовсе не интересно слушать твои исторіи.

Питеръ старался говорить спокойно и ни голосомъ, ни лицомъ не выдать того, что онъ чувствовалъ.

— Она грозитъ тебѣ скандаломъ? Какимъ?

— Да вотъ! Черезъ три года она мнѣ надоѣла, и я хотѣлъ съ этимъ покончить. А она преслѣдовала меня 10 лѣтъ, такъ что я, наконецъ, съ отчаянія, вернулся въ Америку, чтобы удрать отъ нея.

— А она послѣдовала за тобой?

— Да! Она гонялась за мной по всей Европѣ и превратила мою жизнь въ адъ, а теперь пріѣхала сюда.

— Если это чисто денежный вопросъ, я не понимаю, чего тебѣ отъ меня надо?

— Она говоритъ, что ищетъ не денегъ, а мести. Она взбѣсилась, что я уѣхалъ, не сказавъ ей, у ней всегда былъ скверный характеръ, ну, а теперь, самъ знаешь, разозлившаяся женщина способна на все.

— Она грозитъ все разсказать твоей женѣ?

— Нѣтъ. Она говоритъ, что подастъ на меня въ судъ.

— На какомъ основаніи?

— Вотъ это-то самое скверное. Видишь ли, старина, у нея ребенокъ, и

она хочетъ требовать на его воспитаніе. Господи! Да на тѣ деньги, что я передавалъ ей, можно десять ребятъ воспитать. Это просто злоба!

— Уаттсъ, Уаттсъ!—сказалъ Питеръ грустнымъ голосомъ.

— Дрянь дѣло, правда? Не будь ребенка, я бы могъ...

Питеръ перебилъ его:

— Есть у нея доказательства, что ребенокъ твой?

— Есть, чортъ ее возьми! Письма ей писалъ, какъ дуракъ, пока былъ увлеченъ. Талейранъ былъ правъ, когда сказалъ, что только дураки и женщины пишутъ письма.

— Но какъ ты могъ?..

— Самъ себя сто разъ объ этомъ спрашивалъ. О, я довольно раскаиваюсь. Клятву далъ пера въ руки не брать. Jamais!

— Я не о письмахъ говорю, а объ обѣщаніи.

— Объ обѣщаніи?

— О твоемъ брачномъ обѣщаніи.

— Ахъ, да! понимаю. Только видишь ли, дружище, прежде чѣмъ обѣщать вѣчно любить одну женщину, надо было бы знать всѣхъ остальныхъ.

— Значитъ, четверть часа тому назадъ ты игралъ комедію?

— Да нѣтъ же! Честное слово, Питеръ, я очень люблю мою маленькую женушку. Право, люблю. Ты знаешь, Доде говоритъ, что можно любить двухъ женщинъ заразъ.

— Если такъ, то гдѣ же честь?

Питеръ старался подавить свое волненіе, которое мѣшало ему дѣлать допросъ.

— Ахъ, самъ знаю! Сколько разъ я себѣ твердилъ это! Вотъ смотри.—Уаттсъ вытащилъ изъ кармана револьверъ.—Вотъ видишь, до какого отчаянія я дошелъ. Я уже два дня держу его въ карманѣ, и если случится худшее — бацъ. Voila tout.

Питеръ всталъ и заговорилъ дрожащимъ отъ негодованія голосомъ.

— Ты хочешь убѣжать отъ послѣдствій твоего грѣха и оставить его вмѣстѣ съ безчестіемъ въ наслѣдство женѣ и дочери! Спрячь свой револьверъ, Уаттсъ д'Аллуа. Если я долженъ тебя выручить, пусть я выручу человѣка, а не труса. Что тебѣ нужно отъ меня?

— Да я и самъ не знаю. Что мнѣ дѣлать?

— Ты предлагалъ ей деньги?

— Да, я сказалъ ей...

— Подробности мнѣ не нужны,—перебилъ Питеръ.— Такую сумму, которая вполнѣ обезпечивала ее?

— Да, но она и слышать не хочетъ о деньгахъ. Она жаждетъ мести.

— Дай мнѣ ея адресъ и фамилію.

— Селестина...

Раздался стукъ въ дверь.

— Что нужно?—спросилъ Уаттсъ.

Дверь открылась и вошелъ лакей.

— Извините, сэръ, васъ желаетъ видѣть какая-то француженка. Она не говоритъ своей фамиліи, но увѣряетъ, что вы ее знаете.

— Скажите, что я не могу ее принять. Я занятъ.

— Она мнѣ велѣла сказать, что зайдетъ къ барынѣ, если вы заняты.

— Боже мой!—въ ужасѣ произнесъ Уаттсъ.

— Попросите эту даму сюда,—сказалъ Питеръ спокойно, но такимъ тономъ, что лакей исчезъ, не ожидая подтвержденія отъ Уаттса.

Наступило томительное молчаніе. Послышался шелестъ платья, и въ комнату вошла дама. Питеръ, который стоялъ въ сторонѣ, сдѣлалъ лакею знакъ удалиться, и самъ заперъ дверь на ключъ.

Дама дошла до середины комнаты.

— Такъ, monsieur д'Аллуа,—заговорила она по-французски, тихо, но очень ясно выговаривая слова,—вы признали, что будетъ благоразумнѣе не приказывать вашему лакею выгнать меня, какъ вы сдѣлали въ Парижѣ, когда надѣялись, что бѣгство въ Америку позволитъ вамъ дѣлать все, что угодно. Но вамъ не удалось убѣжать отъ меня. И вотъ я здѣсь.

Уаттсъ сѣлъ въ кресло и закурилъ папиросу.

— Послушайте, Селестина,—сказалъ онъ тоже по-французски,—я ничего другого отъ васъ не ожидалъ.

Селестина сердито забила носкомъ по ковру.

— Не старайтесь прикидываться, будто вы знали, что я поѣду за вами. Вы думали, что можете бросить меня, какъ старую туфлю.

Уаттсъ пускалъ колечками дымъ.

— Кажется, это замѣчаніе Рикардо, если я не ошибаюсь, что отъ женщины всегда можно ожидать неожиданнаго.

— Mon Dieu!—закричала Селестина.— Если бы я могла убить васъ... если бы...

Питеръ прервалъ ее, подвинувъ ей стулъ и сказавъ по-французски:

— Потрудитесь присѣсть.

Селестина въ изумленіи повернулась, такъ какъ, въ своемъ возбужденіи, не замѣтила его присутствія. Она молча посмотрѣла на него и сѣла.

— Вотъ такъ,—сказалъ Уаттсъ.— Успокойтесь. Волноваться нечего.

— Нечего! — опять закричала Селестина, вскакивая со стула.—Ваше имя будетъ во всѣхъ газетахъ! Вы...

Питеръ снова прервалъ ее.

— Могу я васъ просить выслушать меня?

Онъ говорилъ вѣжливо и даже почтительно. Селестина опять посмотрѣла на него и быстро спросила:

— Зачѣмъ мнѣ васъ слушать? Какое мнѣ до васъ дѣло? Я васъ даже не знаю. Я твердо рѣшилась. Я говорю вамъ...

Она снова приходила въ бѣшенство, и Питеръ перебилъ ее:

— Простите меня. Мы съ вами другъ другу чужіе. Если бы я просилъ чего-нибудь для себя, я бы готовъ былъ получить отказъ, но я прошу васъ во имя человѣчности, и вы не имѣете права отказать мнѣ. Только выслушайте меня. Я не требую этого, а прошу, какъ объ одолженіи.

Селестина опять сѣла.

— Я слушаю,—сказала она.

Она повернулась спиной къ Уаттсу и смотрѣла прямо въ лицо Питера, который стоялъ у письменнаго стола.

Питеръ помолчалъ съ минуту, потомъ сказалъ:

— Послѣ того, что я сейчасъ видѣлъ, я знаю, что вы хотите отомстить мистеру д'Аллуа.

— Да.

— Теперь позвольте мнѣ указать вамъ, какъ вамъ это лучше всего сдѣлать. Вотъ уже два дня какъ мистеръ д'Аллуа носитъ въ карманѣ револьверъ, и если вы его опозорите, онъ застрѣлится.

— Туда ему и дорога!

— А гдѣ же ваша месть? Вѣдь онъ уйдетъ отъ васъ, и только на вашей совѣсти будетъ смерть человѣка.

— Плакать объ немъ не буду!

— Это еще не все. Мстя ему, вы поступаете самымъ жестокимъ образомъ У него есть жена, которая вѣритъ ему и любитъ его; ея любовь и вѣра будутъ разбиты. Его дочь молоденькая дѣвушка, почти дитя, у которой вся жизнь впереди—должна будетъ презирать своего отца и стыдиться своего имени. Вы не боитесь наказать слабыхъ и невинныхъ за грѣхи виновнаго?

Питеръ говорилъ страшно серьезно. Въ голосѣ его звучали слезы, и оба его слушателя поднялись со своихъ мѣстъ подъ впечатлѣніемъ не столько его словъ, сколько того голоса, которымъ эти слова были сказаны. Онъ былъ настолько взволнованъ, и они такъ внимательно слушали его, что не замѣтили, какъ дверь изъ столовой открылась, и на порогѣ появилась миссисъ Д'Аллуа.

— Вы правы, правы, — закричала француженка, когда Питеръ кончилъ,— но что же мнѣ дѣлать съ ребенкомъ? Развѣ мы не страдаемъ? Развѣ вы не должны помочь намъ? Развѣ мы не достойны участія и покровительства?

— Все эта такъ,—сказалъ Питеръ.— Но вы желаете мстить. Требуйте помощи, справедливости, и я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, чтобы помочь вамъ.

— Уаттсъ, — вскричала миссисъ Д'Аллуа, бросаясь впередъ.—О какомъ ребенкѣ вы говорите? Чей ребенокъ? Что это за женщина?

Уаттсъ вскочилъ, какъ громомъ пораженный. Даже Селестина отступила, услышавъ ужасный голосъ и увидя лицо миссисъ Д'Аллуа.

Грустное, усталое выраженіе появилось въ глазахъ Питера.

Всѣ молчали.

— Да отвѣчайте же мнѣ!—закричала миссисъ Д'Аллуа.

— Дорогая моя, не волнуйся. Все благополучно.

Уаттсъ говорилъ это, но лицо его выражало совершенно противоположное.

— Отвѣчай мнѣ, говорю тебѣ! Кто эта женщина? Говори же!

— Все въ порядкѣ, право, ничего нѣтъ. Право, Питеръ скажетъ тебѣ, что все въ порядкѣ.

— Питеръ,—молила миссисъ Д'Аллуа. О чьемъ ребенкѣ вы говорили?

Питеръ продолжалъ стоять у стола. Лицо его было грустное и усталое, когда онъ сказалъ.

— Вотъ его мать, миссисъ Д'Аллуа.

— Да. Дальше?

Питеръ поднялъ глаза и посмотрѣлъ въ лицо Эллень.

Потомъ онъ тихо продолжалъ:

— А Уаттсъ подтвердитъ вамъ, что я его отецъ.

Глава XXXV.

Новое спасеніе.

Тяжелое молчаніе, наступившее послѣ словъ Питера, было прервано миссисъ Д'Аллуа, которая обняла Уаттса съ радостнымъ крикомъ.

— О мой дорогой, прости, прости мнѣ мое подозрѣніе!

Питеръ обратился къ Селестинѣ.

— Сударыня, — сказалъ онъ, — мы здѣсь лишніе.

Онъ открылъ дверь въ гостиную, пропустилъ ее впередъ и вышелъ вслѣдъ за нею. Черезъ минуту они оба уже были на улицѣ.

— Если вы позволите, я провожу васъ до дому,—сказалъ Питеръ.

— Пожалуйста,—отвѣтила Селестина, и больше не было произнесено ни слова, пока они не дошли до отеля, гдѣ остановилась Селестина.

У подъѣзда Питеръ спросилъ ее:

—Можете ли вы принять меня на нѣсколько минутъ?

— Да, войдите въ мою гостиную.

Не успѣли они войти въ номеръ, какъ Питеръ сказалъ:

— Сударыня, вы видѣли эту сцену. Пощадите жену и дочь. Онъ не сто[ит] вашего гнѣва.

— О Боже!—съ волненіемъ воскликнула Селестина,—неужели вы считаете меня до того низкой, что я могла бы уничтожить значеніе вашей жертвы? Вашей высокой, драматической благородной жертвы. Нѣтъ, нѣтъ, Селестина Лакуръ не способна на это. Она скорѣе снесетъ жестокость, бѣдность, униженіе, чѣмъ рѣшится на такой подлый, измѣнническій поступокъ!

Питеръ не раздѣлялъ восторга романической француженки передъ «драматичностью» своей жертвы, но онъ былъ слишкомъ хорошій юристъ, чтобы не воспользоваться ея уступкой, на какомъ бы основаніи она ее ни дѣлала. Онъ быстро протянулъ ей руку.

— Сударыня,—сказалъ онъ ей,—примите мою глубокую благодарность и выраженіе восхищенія передъ вашимъ великодушіемъ.

Селестина горячо пожала ему руку.

— Не подлежитъ сомнѣнію,—продолжалъ Питеръ,—м-ръ Д'Аллуа обязанъ выдать вамъ хорошее обезпеченіе.

— Пожалуйста, отвѣтила Селестина, не говорите мнѣ о немъ. Предоставляю вамъ сдѣлать все, что вы сами найдете нужнымъ.

— А вы тогда вернетесь во Францію?

— Да, да, если вы этого желаете?

Селестина кокетливо посмотрѣла на него. Но въ эту минуту дверь въ сосѣднюю комнату съ шумомъ распахнулась, и въ гостиную ворвался мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, въ сопровожденіи чернаго пуделя

— Маленькій негодяй!—закричала на него Селестина.—Какъ ты смѣешь входить, не постучавшись? Убирайся вонъ, скорѣе!

— Извините, сударыня, — сказалъ мальчикъ,—я не зналъ, что вы уже вернулись.

— Этотъ тотъ самый ребенокъ?—спросилъ Питеръ.

— Да,—отвѣтила Селестина.

— Онъ знаетъ?

— Онъ ничего не знаетъ. Я даже не говорю ему, что онъ мой сынъ.

— Значитъ, вы не желаете его воспитывать, какъ мать?

Со вступленіемъ въ болѣе прохладную область улучшилось состояніе здоровья и самочувствіе у сочленовъ экспедиціи, болѣвшихъ приступами постоянно возвращавшейся маляріи. Въ теченіе ближайшихъ дней однако, быстрое охлажденіе воздуха, шедшее рука объ руку съ пониженіемъ температуры поверхности воды, сдѣлалось настолько чувствительнымъ, что почти всѣ перехворали простудою, впрочемъ легкою и скоро проходящею. 19-го ноября намъ впервые пришлось пустить въ ходъ также паровое отопленіе, чтобы сдѣлать возможнымъ пребываніе въ каютъ-компаніи и въ каютахъ.

Хорошая погода, однако, продолжалась недолго. 20-го ноября барометръ, стоявшій до сихъ поръ на 760 мм., упалъ на 738 мм. и почти одновременно задулъ вѣтеръ, перешедшій отъ нордъ-оста къ западному и южному и превратившійся въ сильную бурю. Сила вѣтра по скалѣ Бофора равнялась 10 и волны съ грохотомъ разбивались о стѣны судна, перекатывались по палубѣ и принудили насъ, наконецъ, перемѣнить курсъ и держаться противъ волны.

Быстрое паденіе барометра продолжалось и въ теченіе слѣдующихъ дней и приводило насъ въ недоумѣніе,—намъ приходилось переживать сильную бурю впервые и потому быстро спускающаяся внизъ кривая самопишущаго барометра производила на насъ даже нѣсколько удручающее впечатлѣніе. Притомъ небо нерѣдко затягивалось тучами и становилось чернымъ, при чемъ чернота эта составляла рѣзкій контрастъ съ бѣлыми гребнями гигантскихъ волнъ, которыя въ большинствѣ случаевъ по три, одна за другой, набѣгали на судно и раскатывались по палубѣ. При такой обстановкѣ мы впервые встрѣтили настоящаго антарктическаго пингвина, который съ сиплымъ крикомъ выскакивалъ какъ дельфинъ изъ воды, ударяя своими крыльями, превращенными въ плавники, и долгое время слѣдовалъ за судномъ. Буревыя птицы и между ними попавшійся здѣсь впервые пепельно-сѣрый альбатросъ (*Diomedea fuliginosa*) съ черноватой головой и бѣлыми краями вѣкъ носились подобно вампирамъ, несмотря ни на какую бурю, вокругъ нашего едва подвигающагося впередъ судна и чувствовали себя совершенно въ своей сферѣ.

Утромъ 21-го ноября солнце, прорвавшееся сквозь облака, освѣтило величественную картину: сильное сѣверное волненіе повстрѣчалось съ рядомъ волнъ, бѣгущихъ съ запада, и вся поверхность моря превратилась въ дико колышащуюся пелену, гдѣ чудный голубой цвѣтъ перемѣшивался съ бѣлою пѣной.

Такъ какъ намъ приходилось держаться противъ вѣтра по направленію къ западу, судно наше черезъ правильные промежутки времени подхватывалось волнами, идущими съ сѣвера и отбрасывалось въ сторону. Это влекло за собой невѣроятную качку, при которой сосуды въ нашихъ лабораторіяхъ выскакивали изъ своихъ гнѣздъ, полочки съ реактивами падали и реактивы проливались и многимъ изъ нашихъ спутниковъ приходилось, сидя на привинченномъ къ полу стулѣ, очутиться неожиданно на совершенно другомъ концѣ каютъ-кампаніи. О снѣ нечего было и думать и за завтракомъ также не мало возникало затрудненій. Несмотря на то, что уже давно на столахъ были укрѣплены квадратныя штормовыя рамы,—тарелки, ножи, ложки, а иногда и прислуживавшіе намъ лакеи летали постоянно.

Барометръ 21-го ноября началъ снова подниматься съ такою же быстротою, какъ упалъ, и вскорѣ онъ достигъ необычайной подъ этими широтами высоты—770 мм. Одновременно западный и юго-западный

вѣтеръ, сопровождаемый дождемъ и градомъ, повернулъ на сѣверный. Наступило нѣсколько болѣе спокойныхъ дней, въ теченіе которыхъ намъ препятствовалъ подвигаться впередъ лишь все чаще и чаще ложившійся на море туманъ. Нерѣдко мы бывали принуждены останавливаться, если же, несмотря на туманъ, и рѣшались идти половиннымъ ходомъ впередъ, то черезъ правильные промежутки времени пускался въ ходъ свистокъ, въ ожиданіи, что раздастся эхо отъ незамѣтной впереди въ туманѣ ледяной горы.

24-го ноября мы оказались, наконецъ, на 54° южн. шир.—въ той области, въ которой на картахъ англійскаго адмиралтейства указаны три острова, обозначенные, какъ группа острововъ Бувэ. Рѣзкій, иногда доходящій до бури сѣверный вѣтеръ покрылъ нашу палубу слоемъ льда, а постоянные туманы затемняли кругозоръ, — однако, иногда все же прорывались лучи солнца и въ насъ не угасала надежда, что удастся найти какіе-либо указанія относительно этихъ острововъ. Тогда какъ въ теченіе послѣднихъ дней были найдены очень значительныя глубины между 4.000 и 5.000 метровъ (два раза даже болѣе 5.000 метровъ),—23-го ноября промѣръ далъ глубину 3.585 метровъ, а 24-го—лишь 2.268 метровъ. Такимъ образомъ было доказано существованіе подводнаго хребта, который, быть можетъ, служилъ основаніемъ для острововъ Бувэ, и оставалось лишь систематически обыскать всю мѣстность. Штурманскій офицеръ нашъ нанесъ на карту тѣ положенія, которыя были указаны для этихъ острововъ Бувэ Линдсеемъ и Норрисомъ, и, идя съ востока къ западу, мы начали наши поиски. 24-го ноября намъ не удалось достичь благопріятныхъ результатовъ, несмотря на то, что небо дважды прояснялось и на короткое время было совершенно безоблачно. Воздухъ былъ, тѣмъ не менѣе, туманенъ, а вода окрашена въ зеленоватый цвѣтъ микроскопическими водорослями, которыя образовывали на поверхности положительно кашу. Когда небо затягивалось однообразнымъ сѣрымъ покровомъ облаковъ, поверхность моря получала тотъ черноватый оттѣнокъ, который часто упоминается въ описаніяхъ экспедиціи «Чэленжера». Вечеромъ солнце снова прорвалось и затѣмъ опять зашло за сплошную стѣну облаковъ, которыя мы первоначально приняли за отдаленные острова.

25-го ноября утромъ мы измѣрили глубину между предполагавшимися положеніями острововъ и нашли 3.458 метровъ. Надежда найти въ этихъ мѣстностяхъ острова разрушалась этимъ обстоятельствомъ, но, съ другой стороны, огромное количество птицъ и въ особенности добытая нами пара капскихъ голубей съ пятномъ, указывающимъ на насиживаніе, заставляли предполагать близость земли. Временами шелъ снѣгъ, затѣмъ небо опять прояснялось и мы снова могли продолжать наши поиски острововъ, подвигаясь къ западу. Если предположить, что прежніе мореплаватели должны были опредѣлить широту съ достаточною точностью, то, съ другой стороны, вполнѣ можно допустить ихъ ошибку въ опредѣленіи долготы, такъ какъ въ тѣ времена примѣнявшіеся для этого способы были еще крайне несовершенны.

Около полудня 24-го ноября мы увидѣли первую крупную ледяную гору. Блистая въ яркихъ лучахъ солнца, она производила величественное впечатлѣніе и не только своимъ полнымъ ненарушимымъ спокойствіемъ среди моря, обдающаго ее отъ основанія до вершины брызгами разбивающихся волнъ, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что пѣна волнъ, казавшаяся на морѣ снѣжно-бѣлою, на ослѣпительно блестящей поверхности ледяной горы производила впечатлѣніе сѣровато-желтой. Кромѣ

того, казалось, что вся гора окутана какой-то голубоватой дымкой, а трещины и пещеры ея—кобальтово-синяго цвѣта.

Послѣ полудня небо снова затянулось облаками и горизонтъ затемнился. Послѣ тревожныхъ и безсонныхъ ночей нашъ капитанъ не могъ хладнокровно говорить о ненадежности опредѣленій прежнихъ мореплавателей. Въ тотъ день мы оба съ нимъ рѣшили, что будемъ продолжать поиски за этими какъ бы заколдованными островами въ западномъ направленіи лишь до захода солнца,—но вотъ въ 3 ч. 20 мин. въ каютъ-компанію вбѣжалъ нашъ старшій офицеръ и словами: «островъ Бувэ лежитъ передъ нами!» привелъ все судно въ волненіе. Всѣ бросились на мостикъ и, дѣйствительно, увидали расплывающіеся контуры обрывистаго одинокаго острова, всего лишь въ семи морскихъ миляхъ впереди судна. Крутые и высокіе обрывы съ сѣверной стороны, огромные спускающіеся къ морской поверхности глетчеры, обширное фирновое поле, постепенно понижающееся къ югу и оканчивающееся ледяной стѣной у моря, гребни возвышенностей, закутанные въ облакахъ—таково было наше первое впечатлѣніе при видѣ этого острова, оставававшагося непосѣщеннымъ въ теченіе 75-ти лѣтъ и тщетно отыскивавшагося тремя экспедиціями.

Если принять во вниманіе трудности, какими сопровождалось нахожденіе ихъ—почти непрестанные бурные вѣтры, волненіе, часто спускавшійся на море туманъ, заставлявшій опасаться столкновенія съ ледяной горою или рифами, то должно признать, что въ доказательствѣ существованія острова Бувэ лежитъ большая заслуга со стороны нашего капитана и офицеровъ «Вальдивіи», которые цѣлыми ночами не сходили съ мостика.

Въ виду острова и будучи прикрыты имъ отъ нордъ-веста, мы воспользовались случаемъ произвести океанографическія и біологическія работы. Такъ какъ дно круто спускается къ большимъ глубинамъ и уже на разстояніи 3, 4 морскихъ миль имѣются глубины 400—600 метровъ, мы получили возможность произвести 5 драгировокъ, при помощи которыхъ добыли необыкновенно богатую фауну. Насъ,

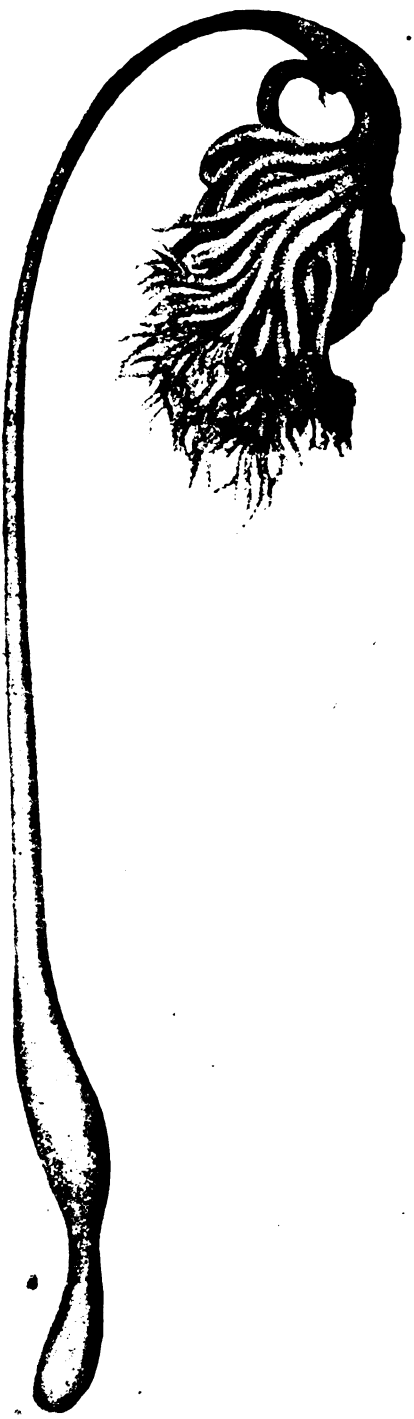


Рис. 32. Колонія полиповъ *Umbellula* съ глубины 457 метр.

положительно, поразили своею красотою актиніи, окрашенныя отчасти въ кровавокрасный цвѣтъ, и тѣ изящнѣйшіе представители морскихъ перьевъ, которые относятся къ роду *Umbellula* и были первоначально открыты въ арктическихъ моряхъ—здѣсь мы встрѣтили чрезвычайно близкія къ нимъ формы. Къ нимъ присоединялись кустообразные гидроиды, голотуріи, кольчатые черви, мшанки, цѣлый рядъ морскихъ звѣздъ и и офіуръ, моллюски съ нѣжными раковинками и раки изъ рода *Arcturus*, опять таки напоминающіе арктическія формы и чрезвычайно курьезные по своему строенію. Полипы нерѣдко превосходно окрашены, изображенная здѣсь *Umbellula* (рис. 32), напримѣръ, обладаетъ стеблемъ ярко оранжеваго цвѣта, на которомъ красиво выдѣляются крупные полипы нѣжной фіолетовой окраски.

Что касается до общаго характера глубоководной фауны у острова Бувэ, то она въ дѣйствительности является соединительнымъ звеномъ между областью Кергуэльскихъ острововъ и фауною Магелланова пролива. На ряду съ извѣстными формами, однако, появляется такое огромное количество новыхъ видовъ, что кажется, будто мы имѣемъ передъ собой особую подъобласть со спеціально ей свойственными характерными формами.

Вполнѣ естественно, что слѣдующій день 26-го ноября мы употребили на то, чтобы обойти островъ и, путемъ засѣчекъ выдающихся его пунктовъ, опредѣлить его общую форму. Моментальные фотографическіе снимки, полученіе которыхъ, къ сожалѣнію, затрудняло сильное волненіе и мало прозрачный воздухъ, дополняютъ данныя, добытыя засѣчками. Прошу позволенія, на основаніи этой съемки, дать краткое описаніе этого острова.

Центръ острова Бувэ лежитъ подъ 54°26,4′ юж. шир. и 3°24,2′ вост. долг., ширина острова по направленію съ запада на востокъ 5,1, съ сѣвера на югъ—4,3 морскихъ мили. По размѣрамъ своимъ островъ этотъ равняется, слѣдовательно, приблизительно посѣщенному нами позднѣе острову Новому Амстердаму въ южномъ Индійскомъ океанѣ. Соотвѣтствіе въ данномъ случаѣ увеличивается тѣмъ, что островъ Бувэ, какъ это ясно указываетъ еще Норрисъ, вулканическаго характера. Мы не видѣли, правда, вулканическихъ породъ, но уже при первыхъ драгировкахъ замѣтили, что находимся на сѣромъ вулканическомъ грунтѣ, который нерѣдко сильно рвалъ наши сѣти. Камни, попадавшіеся въ драгу, состояли изъ полуразложившагося туфа и мелкозернистаго базальта. Мы тщательно собирали всѣ обломки и будущее изслѣдованіе покажетъ подробнѣе, что они изъ себя представляютъ. На вулканическую природу острова указываетъ уже прежде всего и его своеобразная форма, съ которой намъ удалось познакомиться всего лишь одинъ разъ — 26-го ноября въ 5 часовъ утра, — когда островъ освободился отъ облаковъ тумана. Одинъ изъ моментальныхъ снимковъ позволяетъ видѣть широкій и острозазубренный край кратера, отъ котораго съ юга на востокъ съ постепеннымъ наклономъ спускаются обрывы къ морю. На сѣверо-восточномъ мысу замѣтенъ крутой обрывъ, который является, впрочемъ, типичнымъ и для всего сѣвернаго и западнаго берега и наиболѣе крутъ съ сѣверо-западной стороны. Въ благодарномъ воспоминаніи о томъ интересѣ, съ какимъ Его Величество относился къ экспедиціи, мы назвали вулканическій конусъ съ широкимъ кратеромъ, который господствуетъ надъ островомъ, — «Пикомъ Императора Вильгельма». Вышина края кратера значительнѣе всего на сѣверной сторонѣ и достигаетъ 935 метровъ надъ уровнемъ моря.

Въ 5 мѣстахъ, именно на сѣверѣ, сѣверо-востокѣ, югѣ, юго-западѣ и сѣверо-западѣ, на островѣ имѣются небольшіе выступы. Сѣверный мысъ оканчивается огромными воротами изъ скалъ, мы его назвали—«Мысомъ Вальдивіи». Тщетно искали мы какой-нибудь глубоко врѣзающейся бухты, которая могла бы дать хорошо защищенное мѣсто якорной стоянки,—всѣ поиски были напрасны.

Если принять во вниманіе незначительную величину острова, расположеннаго на той же широтѣ, какъ Южная Георгія, то бросается въ глаза необыкновенно сильное развитіе глетчернаго покрова. Объясненіемъ можетъ служить лишь то обстоятельство, что антарктическій океанъ выдвигаетъ въ этомъ направленіи съ юга какъ бы особо холодный языкъ, что сказывается также и въ удивительно низкихъ температурахъ моря и въ положеніи границы плавучихъ льдовъ, сильно продвинутой на сѣверъ на этой долготѣ. Весь островъ покрытъ сплошнымъ глетчернымъ полемъ, которое спускается на пологой южной и восточной сторонѣ до самаго моря и затѣмъ обрывается отвѣсной ледяной стѣною. Раковистые изломы по краямъ указываютъ на то, что отъ этого ледянаго покрова отрываются небольшія ледяныя горы. Тамъ, гдѣ берегъ падаетъ круто, ледяная стѣна поднимается вверхъ и продвигается впередъ до тѣхъ поръ, покуда держатся еще ледяныя массы. На сѣверной сторонѣ роскошный, изрѣзанный голубыми продольными трещинами глетчеръ круто спускается съ высоты въ море. Мы назвали его «глетчеромъ Посадовскаго». На южной сторонѣ острова, тамъ гдѣ она переходитъ въ круто поднимающуюся западную сторону, къ уровню моря спускаются два короткихъ глетчера, изъ которыхъ одинъ довольно широкъ. Повидимому, только на этомъ краю являлась возможность пристать къ острову, но вслѣдствіе все еще продолжавшагося волненія и спускавшагося по временамъ тумана, это было невыполнимо. По всему остальному протяженію берегъ обрывистъ или же возвышается сплошная ледяная вертикальная стѣна и пристать совершенно невозможно.

Мы нигдѣ не видали текущей воды, которая, несомнѣнно, была бы замѣтна въ виду крутого паденія берега,—при такомъ наклонѣ должны были бы образовываться каскады. Лишь въ одномъ мѣстѣ на круто обрывающемся къ морю западномъ берегу я замѣтилъ серебристо-блестящую полоску, которая оказалась, когда мы подошли ближе, превратившимся въ ледъ почти вертикально падающимъ ледниковымъ потокомъ. Отсутствіе текущей воды указываетъ, повидимому, на то, что на островѣ Бувэ снѣговая линія находится на уровнѣ моря. Врядъ ли существуетъ гдѣ-нибудь еще на земномъ шарѣ второй такой островъ, который бы, находясь подъ столь низкой широтою обладалъ бы подобными неблагопріятными климатическими условіями!

Судя по нашимъ промѣрамъ, можно думать, что вулканическій конусъ спускается въ море довольно круто. Тѣмъ не менѣе передъ островомъ находится нѣсколько подводныхъ утесовъ, изъ которыхъ одинъ, располагающійся передъ южнымъ мысомъ, выдается и имѣетъ клиновидную форму, другіе скрыты подъ водою и замѣтны лишь по прибою у юго-восточнаго конца острова.

Въ противоположность сообщеніямъ Бувэ и Линдсея, которые говорятъ о существованіи деревьевъ, должно замѣтить, что при помощи подзорной трубы мы не могли открыть никакихъ слѣдовъ растительности, даже на разстояніи всего лишь двухъ морскихъ миль. Животная жизнь, которая обыкновенно вблизи антарктическихъ острововъ

развита столь сильно, оказывается здѣсь также въ соотвѣтствіи съ существованіемъ глетчернаго покрова почти отсутствующей. Больше всего мы встрѣчали здѣсь капскихъ голубей, тогда какъ всѣ другія антарктическія птицы попадались въ самомъ незначительномъ количествѣ. Должно отмѣтить, что бѣлоснѣжный буревѣстникъ (Pagodroma nivea), котораго еще Россъ совершенно справедливо назвалъ «наиболѣе надежнымъ доказательствомъ присутствія льда», впервые появился вблизи нашего судна здѣсь, у острова Бувэ.

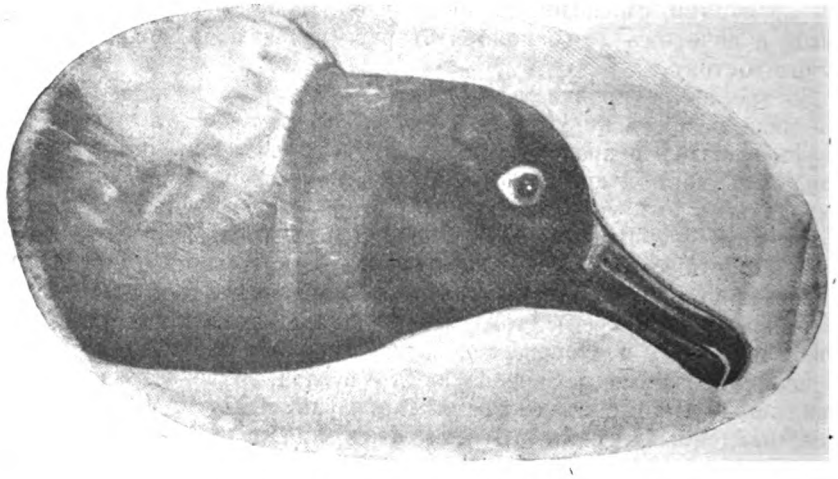
Чтобы оцѣнить своеобразность антарктической области и полное перемѣщеніе всѣхъ климатическихъ условій, стоитъ только сравнить ихъ съ тѣми, которые мы встрѣчаемъ въ сѣверномъ полушаріи. На одинаковой широтѣ съ островомъ Бувэ, но на сѣверъ отъ экватора располагаются острова Гельголандъ и Рюгенъ. Представьте себѣ теперь, что Рюгенъ покрытъ вѣчнымъ снѣгомъ, что съ поверхности его спускаются къ морю глетчеры и даже позднимъ лѣтомъ онъ нерѣдко окруженъ еще плавучими льдами; представьте себѣ, что поверхностная температура лѣтомъ ниже 0° и что ледяныя горы затрудняютъ судоходство вблизи Англіи! Судно, которое бы при такихъ условіяхъ достигло до Лофотскихъ острововъ, пробиваясь между льдами, было бы занесено уже на лѣтописи исторіи, а если бы оно дошло до Шпицбергена, куда въ настоящее время предпринимаются увеселительныя прогулки путешественниковъ, то такое путешествіе считалось бы уже однимъ изъ величайшихъ научныхъ предпріятій, такъ какъ до этой широты въ южномъ полушаріи не достигъ и Джемсъ Россъ!

Норрисъ сообщаетъ, что въ 45 миляхъ отъ «острова Ливерпуль», который, по всей вѣроятности, тожественъ съ островомъ Бувэ, находится другой островъ на NNO. Онъ назвалъ его «островомъ Томпсона» и высадился на него на лодкѣ. Команда его охотилась тамъ на тюленей и пингвиновъ и вслѣдствіе бурнаго времени могла попасть обратно на судно лишь черезъ 7 дней.

Въ виду того, что слѣдующій день 27-го ноября, какъ воскресенье и день отдыха, мы предполагали использовать инымъ способомъ, было рѣшено приняться за отысканіе этого второго острова въ указанномъ Норрисомъ направленіи. Ночью при сильной снѣжной вьюгѣ мы отошли отъ острова Бувэ и къ 6 часамъ утра были на томъ мѣстѣ, гдѣ можно было предполагать присутствіе острова Томпсона. Воздухъ былъ туманный и такъ какъ промѣры указывали на относительно небольшую глубину—1.849 метровъ, то было признано за лучшее крейсеровать въ этой области и ожидать, когда туманъ разсѣется. Это дѣйствительно случилось, и на нѣкоторое время открылся кругозоръ, по крайней мѣрѣ, на 10 морскихъ миль въ окружности. Земли, однако, не было никакихъ признаковъ и промѣры въ восточномъ направленіи показали глубину въ 2.321 метръ,—въ виду этого мы измѣнили курсъ сперва на западъ, а затѣмъ, когда поднялся бурный сѣверо-западный вѣтеръ, пошли опять по направленію къ острову Бувэ. Къ сильной качкѣ присоединился вечеромъ туманъ, ничего не стало видно и мы принуждены были всю ночь продержаться почти на одномъ мѣстѣ, работая машиной противъ сильной волны съ норд-веста. Буря повернула на западъ и мягкіе снѣговые хлопья неслись почти горизонтально по воздуху облѣпляя насъ, такъ что снасти судна покрылись льдомъ. Около 10 часовъ утра прояснило, намъ удалось сдѣлать астрономическія наблюденія, и мы вернулись затѣмъ къ острову Бувэ, который находился всего лишь въ трехъ миляхъ. Снѣжная метель чередова-

лась временами съ полнымъ прояснѣніемъ неба, мы занялись драгировкой и вечеромъ 28-го ноября отправились дальше по направленію къ юго-востоку.

Во время драгировки мы подошли къ острову почти на двѣ морскія мили и, тѣмъ не менѣе, не видали его, такъ какъ онъ былъ затянутъ густымъ непроницаемымъ покровомъ тумана: теперь мы поняли, какъ могъ Джемсъ Россъ пройти мимо этого острова, судя по приводимымъ имъ указаніямъ, всего лишь въ 4 миляхъ отъ него и не замѣтить его. Въ виду такого нашего опыта нельзя безусловно отрицать, что существуетъ еще и второй островъ,—мы не были, однако, въ состояніи найти его. Подробное разсмотрѣніе вопроса, является ли найденый нами островъ тожественнымъ съ островами, указанными Бувэ, Линдсеемъ и Норрисомъ, завлекло бы насъ слишкомъ далеко. По всей вѣроятности, «Cape de la Circoncision» Бувэ, островъ Линдсея и видѣнный Норрисомъ «островъ Ливерпуль» тожественны съ островомъ, найденнымъ нами. Бувэ и Линдсей нашли его окруженнымъ льдами, но вполнѣ согласно сообщаютъ, что на SSO и O онъ низменный и плоскій. Линдсей нашелъ, что земля на западѣ обрывиста и высока, тогда какъ Норрисъ сообщаетъ то же самое относительно сѣвернаго берега и снова подтверждаетъ, что южная сторона плоская. На основаніи такого согласія этихъ показаній съ тѣмъ, что мы нашли въ дѣйствительности, должно думать, что это одинъ и тотъ же островъ, за которымъ мы, въ честь открывшаго его, и оставляемъ названіе «острова Бувэ».



Сѣрый альбатросъ (*Diomedea fuliginosa*).

ГЛАВА IX.

Въ антарктическомъ морѣ. — Промѣры. — Температура воды. —Ледяныя горы.— Планктонъ.—Составъ грунта дна.

Вторая часть нашего пути въ антарктической области дала очень цѣнные результаты. Зависѣло ли это отъ избраннаго направленія пути, или судьба особенно благопріятствовала экспедиціи,—фактъ тотъ, что экспедиція работала безпрепятственно въ теченіе трехъ недѣль, пользуясь погодой для антарктическихъ странъ совершенно исключительно благопріятной, и, въ концѣ концовъ, имѣла возможность пересѣчь 64° шир. на суднѣ, которое совсѣмъ не было приспособлено къ встрѣчѣ съ антарктическими льдами.

Ясно, что въ этой части пути успѣхъ зависѣлъ также въ значительной степени отъ осторожности капитана и офицеровъ «Вальдивіи». Разстилавшійся часто туманъ, поднимавшіяся снѣжныя мятели и постоянно попадавшіяся на пути многочисленныя ледяныя горы и цѣлыя поля плавучаго льда принуждали насъ нерѣдко измѣнять курсъ или заставляли пробиваться черезъ льды. Путемъ осторожнаго соображенія данныхъ условій и принимая во вниманіе прежнія данныя о распредѣленіи льдовъ, намъ удалось, однако, безъ малѣйшей аваріи проникнуть гораздо далѣе на югъ, чѣмъ это было предположено въ началѣ пути.

Много содѣйствовало намъ то обстоятельство, что мы вышли изъ Капштата еще въ ноябрѣ, слѣдовательно, гораздо ранѣе всѣхъ предыдущихъ экспедицій, и попали въ южныя широты во время періода наиболѣе долгихъ дней. По ту сторону 60° шир. даже въ полночь, несмотря на затянутое небо, бывало такъ свѣтло, что можно было свободно читать.

Покинувъ островъ Бувэ 28-го ноября, мы встрѣчали затѣмъ въ теченіе трехъ недѣль вѣтеръ не болѣе 7—8 балловъ по скалѣ Бофора. Между 55° и 60° юж. шир. направленіе вѣтра было непостоянно,— господствовали слабые вѣтры, переходящіе къ югу или къ сѣверу,

силою въ 1—3 балла; лишь по ту сторону 60° начало сказываться постоянное восточное направленіе вѣтра, которое становилось преобладающимъ по мѣрѣ того, какъ «Вальдивія» подвигалась на югъ. Въ связи съ этимъ находилось то обстоятельство, что во время всего пути вдоль границы льдовъ мы не встрѣчали никакихъ признаковъ постоянныхъ сильныхъ теченій. Насъ очень мало сносило, и работа напа облегчалась тѣмъ, что тросъ вертикальныхъ пелагическихъ сѣтей и проволка лота держались вертикально.

Тѣхъ сильныхъ колебаній въ атмосферномъ давленіи, какіе характерны для области западныхъ вѣтровъ и сопровождаются быстрымъ измѣненіемъ направленія вѣтра, мы совершенно не наблюдали. Небо было, однако, постоянно затянуто однообразнымъ сѣрымъ покровомъ облаковъ, который лишь изрѣдка прорывался лучами солнца на короткое время. Океаническій климатъ сказывался въ томъ, что температура колебалась лишь въ незначительныхъ границахъ. Наступило сопровождавшееся снѣжными мятелями антарктическое лѣто, и мы наслаждались имъ при температурѣ, которая лишь рѣдко доходила до 0°, но и никогда не спускалась ниже —2,5°.

Уже 30-го ноября въ 2 часа дня мы послѣ совершенно спокойнаго пути достигли на 56° 45′ юж. шир. границы плавучаго льда. Какъ обыкновенно при приближеніи ко льду, здѣсь сперва показались мелкія льдинки или обломки льда, которыя нерѣдко сбивались вѣтромъ въ длинныя полосы. За ними послѣдовали болѣе значительныя и широкія, направленныя перпендикулярно къ вѣтру поля плавучаго льда, которыя становились все чаще и чаще и, очевидно, переходили уже въ компактный ледъ. Поля эти состояли отчасти изъ сильно разбитыхъ льдинъ, между которыми иногда попадались болѣе крупные куски льда небесно-голубого цвѣта. Наибольшія льдины имѣли 2—3 метра въ поперечникѣ, и намъ приходилось ихъ тщательно избѣгать, такъ какъ чрезвычайно хрупкій ледъ могъ легко попортить пароходный винтъ. Между полями льда, то вытянутыми въ длину, то кольцеобразными и имѣющими видъ атолловъ, море было часто спокойно, какъ озеро. Мы нерѣдко пользовались этимъ обстоятельствомъ и производили наши работы посреди льдовъ. Иногда во время работъ, продолжавшихся цѣлый день, судно наше, стоявшее на мѣстѣ, окружалось со всѣхъ сторонъ задвигающимся льдомъ, и мы бывали принуждены пробиваться черезъ него, чтобы попасть въ открытую воду. Къ этому принудило насъ однажды и то обстоятельство, что ледъ вытянулся, въ видѣ длинныхъ языковъ, какъ разъ на нашемъ пути. Величественное, но и не особенно для насъ пріятное зрѣлище было, когда напа «Вальдивія», совершенно не приспособленная къ плаванію въ антарктическихъ льдахъ, на всѣхъ парахъ разбѣгалась противъ ледянаго поля, затѣмъ работа винта прекращалась передъ самымъ льдомъ, и судно по инерціи пробивало себѣ дорогу посреди трескающихся льдинъ. Мы имѣли, правда, всегда осторожность, выбирать наиболѣе узкія мѣста ледяныхъ полей для подобныхъ попытокъ,—послѣднія могли бы окончиться довольно непріятно, если бы сила инерціи судна оказалась недостаточною для того, чтобы пробиться между льдинами и намъ пришлось бы пустить въ ходъ нашу машину посреди льда. Значительнымъ подспорьемъ для успокоенія нервовъ былъ «ледоколъ», сочиненный нашимъ геніальнымъ поваромъ и состоявшій изъ двухъ бутылокъ портвейна и одной бутылки коньяка,—если положеніе было особенно критическимъ, то въ составъ пунша входили двѣ бутылки коньяка и одна бутылка портвейна.

Уже въ первую же ночь, съ 30 го ноября на 1-е декабря, мы были принуждены, послѣ многочисленныхъ перемѣнъ курса, неоднократно пересѣкать ледяныя поля и при непривѣтливомъ трескѣ льдинъ и поскрипываніи стѣнъ нашего судна обитатели «Вальдивіи» лишь съ большимъ трудомъ могли заснуть.

1-го декабря намъ снова удалось попасть въ чистую воду, и мы рѣшили придерживаться юго-восточнаго направленія до тѣхъ поръ, пока поля плавучаго льда не принудятъ насъ измѣнить его. Намъ удалось удерживать это направленіе въ теченіе двухъ съ половиною недѣль и такимъ образомъ мы были въ состояніи пройти около 50° долготы вдоль границы льда. Этотъ путь, совершенный при относительно столь благопріятныхъ условіяхъ, позволилъ намъ произвести тщательное изслѣдованіе грунта дна, физико-химическихъ свойствъ морской воды и пелагической фауны, которую мы нашли широко развитою, какъ на поверхности, такъ и на большихъ глубинахъ. Было бы слишкомъ скучно описывать въ хронологическомъ порядкѣ наши работы день за днемъ, и потому я предпочитаю изложить результаты ихъ въ одномъ общемъ очеркѣ.

Наиболѣе важнымъ результатомъ этой части пути является то, что мы доказали существованіе значительной глубины антарктическаго моря. Изъ 17 промѣровъ между областью острова Бувэ и землею Эндерби, не менѣе 11 даютъ глубину между 5.000 и 6.000 метровъ, 5 промѣровъ—4000—5000 метровъ и лишь одинъ, вблизи острова Бувэ, указываетъ глубину въ 3080 метровъ. На основаніи этой серіи промѣровъ—первой, которая была произведена съ такой непрерывностью въ антарктической области—существовавшія до сихъ поръ представленія о рельефѣ глубинъ антарктическаго океана должны претерпѣть значительныя измѣненія. До работъ «Вальдивіи» имѣлось лишь 15 глубоководныхъ промѣровъ на югъ отъ 50°, намъ же удалось произвести южнѣе 50 параллели 29 промѣровъ и доказать, что въ противоположность къ господствующему представленію объ антарктическомъ морѣ, какъ относительно мелководномъ бассейнѣ, тамъ, совершенно неожиданно, существуютъ значительныя глубины. По теоретическимъ соображеніямъ, прежде приписывалась морямъ вблизи полюсовъ земного шара незначительная глубина, въ настоящее же время это представленіе опровергается, съ одной стороны, промѣрами Нансена въ полярныхъ моряхъ, съ другой—работами «Вальдивіи» въ антарктическихъ водахъ. Правда, наши промѣры были произведены подъ относительно небольшими широтами, сравнительно съ произведенными сѣверными полярными экспедиціями, но онѣ зато подходятъ близко къ краю антарктическаго континента и простираются на протяженіе 50 градусовъ долготы. Ясно, что, въ виду такихъ неожиданныхъ результатовъ, океанографическимъ изслѣдованіямъ въ антарктическомъ морѣ было отведено почетное мѣсто. Ежедневные промѣры держали насъ послѣ отплытія изъ Капштата болѣе мѣсяца въ постоянномъ напряженіи, и курсъ нашъ вдоль края плавучихъ льдовъ мы избрали, именно руководствуясь ими.

Перейду теперь къ даннымъ о температурныхъ условіяхъ антарктическаго моря. Во всѣхъ болѣе теплыхъ моряхъ температура морской воды постепенно уменьшается отъ морской поверхности къ глубинамъ—уменьшеніе это не равномѣрно, но нерѣдко образуетъ болѣе или менѣе рѣзкіе скачки, которые въ различныхъ моряхъ на различныхъ глубинахъ наблюдаются обыкновенно между 50—200 метровъ глубины. Если

не принимать во вниманіе этихъ скачковъ, постепенное пониженіе температуры позволяетъ примѣнять для измѣренія ея максимальные и минимальные термометры, такъ какъ можно съ увѣренностью разсчитывать, что температура, указываемая минимальнымъ термометромъ, соотвѣтствуетъ наибольшей глубинѣ, достигнутой этимъ инструментомъ. Въ томъ предположеніи, что законъ этотъ является общимъ для всѣхъ морей, экспедиція «Чэлленжера» пользовалась исключительно максимальными и минимальными термометрами. Лишь позднѣе наблюденія надъ своеобразными условіями арктическихъ и антарктическихъ водъ повели къ примѣненію переворачивающагося термометра Негретти и Замбра. Однимъ изъ наиболѣе удивительныхъ океанографическихъ открытій экспедиціи «Чэлленжера» является доказательство, что въ антарктической области, вблизи границы льдовъ, поверхностная температура ниже, чѣмъ температура глубокихъ слоевъ. Океанографы экспедиціи «Чэлленжера» не могли, однако, получить болѣе точныхъ данныхъ относительно температурныхъ условій на глубинахъ, такъ какъ минимальные термометры проходя при поднятіи, по болѣе холоднымъ слоямъ, охлаждались и указывали болѣе низкую температуру, чѣмъ была на глубинѣ въ дѣйствительности. Нами примѣнялся въ антарктической области почти исключительно переворачивающійся термометръ и потому явилась возможность дать правильную картину распредѣленія теплыхъ и холодныхъ слоевъ въ вертикальномъ направленіи. Наблюденія показываютъ, что въ общемъ, до глубины въ 150 метровъ, верхніе слои воды обладаютъ температурою ниже 0° и лишь затѣмъ располагаются слои съ болѣе высокой температурой. Между 300 и 400 метровъ мы находили слои воды съ самой высокой температурой $+1{,}7°$; начиная съ этой глубины, температура медленно понижается и лишь на относительно очень большихъ глубинахъ въ 3.000—4.000 метровъ спускается опять ниже 0°. Обыкновенно придонная температура на 5.000 метрахъ была въ антарктическомъ океанѣ около $-0{,}5°$.

Интересенъ тотъ фактъ, что охлажденіе, сказывающееся въ области острова Бувэ уже на поверхности моря чрезвычайно низкими температурами въ $-1{,}5°$, наблюдается тамъ и въ болѣе глубокихъ слояхъ. Одна изъ температурныхъ серій, полученныхъ нами 2-го декабря вблизи области Бувэ, на глубинѣ 150—1.500 метровъ, указываетъ во всѣхъ слояхъ температуру, которая на одинъ градусъ и болѣе ниже наблюдавшейся нами позднѣе на самомъ южномъ достигнутомъ нами пунктѣ—вблизи границы плавучаго льда у земли Эндерби. Здѣсь, повидимому, болѣе сильное прогрѣваніе поверхностныхъ и глубокихъ слоевъ обусловливается теченіемъ, проходящимъ чрезъ Кергуэльскіе острова на югъ. Интересно, что минимумъ температуры находится не на поверхности, а на глубинѣ 50—80 метровъ. Повидимому, разность между температурами поверхности и 100 метровъ глубины является болѣе значительной нѣсколько далѣе на востокъ, гдѣ производились наблюденія «Чэлленжера». Съ другой стороны, надо указать на то, что наблюденія Нансена отмѣчаютъ въ высшей степени замѣчательное соотвѣтствіе температурныхъ разрѣзовъ въ арктическихъ и въ антарктическихъ водахъ. Само собою разумѣется, что замѣчательное охлажденіе поверхностныхъ слоевъ воды обусловливается процессомъ таянія ледяныхъ горъ и плавучаго льда. Вода, происходящая отъ таянія льда, имѣетъ меньшій удѣльный вѣсъ и, благодаря этому, она и удерживается въ верхнихъ слояхъ, несмотря на то, что холоднѣе ниже лежащихъ слоевъ. Для иллюстраціи можетъ служить слѣдующій

примѣръ: у земли Эндерби мы нашли на поверхности содержаніе соли равнымъ 33,7 на 1.000, тогда какъ на 150 метрахъ было 34, а на 1.500—34,6 на 1.000. Параллельно съ увеличеніемъ соли съ глубиною происходитъ, по наблюденіямъ нашего химика, увеличеніе содержанія поглощенной углекислоты и, съ другой стороны, понижается количество поглощеннаго кислорода; на глубинѣ 1.500 метровъ имѣется лишь половина количества кислорода, заключающагося въ водѣ поверхностныхъ слоевъ. Впрочемъ, увеличеніе количества углекислоты, идущее параллельно съ уменьшеніемъ кислорода, не настолько значительно, чтобы повліять неблагопріятно на присутствіе органической жизни.

Присутствіе въ антарктическихъ водахъ слоя относительно теплой воды толщиною болѣе чѣмъ въ 2.000 метровъ является обстоятельствомъ высокой важности какъ въ океанографическомъ, такъ и въ біологическомъ отношеніи. Антарктическая вода глубокихъ слоевъ доходитъ путемъ медленной циркуляціи до экватора, а въ Индійскомъ океанѣ даже переходитъ значительно за него. Если сильное нагрѣваніе поверхностныхъ слоевъ въ умѣренныхъ и тропическихъ областяхъ моря и вліяетъ нѣсколько на глубокіе слои, то все же вліяніе это не достаточно сильно, чтобы вызывать значительныя разницы въ температурѣ. На глубинѣ 2.000 метровъ вода въ серединѣ Индійскаго океана непосредственно на экваторѣ лишь на 2° теплѣе, чѣмъ вблизи антарктическаго континента. Незначительностью этой разницы объясняются удивительные результаты нашихъ лововъ вертикальными и замыкающимися сѣтями: тѣ же самые пелагическіе организмы, которые свойственны глубокимъ водамъ тропиковъ, были отчасти найдены нами въ антарктическомъ морѣ. На поверхности замѣчается необыкновенно сильно сказывающееся различіе, тогда какъ на глубинѣ замѣчательное соотвѣтствіе!

Чтобы оцѣнить теперь правильнѣе происхожденіе холодныхъ поверхностныхъ слоевъ сравнительно небольшого удѣльнаго вѣса, будетъ не лишнимъ познакомиться со строеніемъ и процессомъ постепеннаго разложенія ледяныхъ горъ въ антарктическихъ водахъ.

На островѣ Бувэ граница вѣчнаго снѣга и ледниковъ совпадаетъ съ уровнемъ моря. Мы не можемъ указать ни одного другого острова, у котораго подъ столь низкой широтою наблюдалось бы такое значительное развитіе ледниковаго покрова. Въ этомъ ярко выражается вліяніе того холоднаго языка, который въ области острова Бувэ вдается здѣсь по направленію къ сѣверу. Прежніе мореплаватели не могли подойти къ острову, потому что онъ былъ совершенно окруженъ плавучимъ льдомъ,—намъ удалось найти его свободнымъ отъ льда, мы могли подойти ближе и опредѣлить, что на юго-восточномъ берегу его находится изломъ слабо наклоненнаго глетчера высотою въ 57—133 метра. Этотъ край его представляется вертикально опускающейся въ море ледяной стѣною, на которой вулканическія породы выдаются лишь тамъ, гдѣ берегъ совершенно отвѣсенъ. По обрывамъ ледяная стѣна поднимается на такую вышину, на какую ея поверхность находитъ себѣ опору въ почвѣ; на немногочисленныхъ впадинахъ долинъ массы льда вдвигаются съ вышины въ формѣ прорѣзанныхъ щелями глетчеровъ.

Эта ледяная стѣна, которою оканчивается слабо наклоненный глетчеръ, доходящій до края кратера, представляетъ изъ себя въ маломъ масштабѣ прототипъ тѣхъ гигантскихъ стѣнъ, которыя были найдены путешественниками по южно-полярнымъ странамъ на огромномъ протя-

женіи по краю антарктическаго континента. Общеизвѣстна огромная ледяная стѣна, найденная Россомъ въ южной части земли Викторіи. Онъ опредѣлялъ ея вышину въ 60 — 70 метровъ и могъ прослѣдить ее на большомъ протяженіи на востокъ отъ Маунтъ-Террора. Она образуетъ край того гигантскаго антарктическаго глетчера, который простирается по слабо наклоненному берегу и вдается далеко въ море. Промѣры Росса показали, что массы континентальнаго льда, выдвинутыя нерѣдко на нѣсколько морскихъ миль отъ края материка, не лежатъ уже болѣе на твердомъ грунтѣ, а вслѣдствіе своего незначительнаго удѣльнаго вѣса плаваютъ на водѣ. Вычисленіе показываетъ, что они приблизительно на $^6/_7$ своей вышины погружены въ воду и лишь $^1/_7$ выдается надъ поверхностью моря. Если бы, слѣдовательно, представить себѣ, что выдающіеся въ видѣ языковъ глетчеры земли Викторіи были бы обломлены на самомъ берегу, то вышина ихъ должна была бы достигать тамъ огромныхъ размѣровъ —400—500 метровъ.

Различіе въ удѣльномъ вѣсѣ морской воды и континентальнаго льда обусловливаетъ, что лежащій приблизительно въ горизонтальной плоскости краевой выступъ глетчера образуетъ очень плоскій уголъ съ тѣми массами льда, которыя позади прилежатъ на слегка пологомъ материкѣ. Благодаря этому, происходятъ натяженія, которыя въ концѣ концовъ, вызываютъ разрывъ. Край глетчера отдѣляется и обращается въ плавучую столообразную ледяную гору. Происходитъ ли такой изломъ глетчера исключительно благодаря тому, что ледъ поднимается водою, или здѣсь играютъ роль еще какія-либо другія силы — это должно быть разрѣшено будущими изслѣдованіями. Россъ предполагалъ, что температурная разница между охлажденной верхней поверхностью выдающагося языка плавающаго глетчера и его болѣе нагрѣтой нижней поверхностью могутъ содѣйствовать отдѣленію ледяныхъ горъ и это предположеніе нельзя оставить безъ вниманія. Наши упомянутыя выше опредѣленія температуръ показываютъ, что на глубинѣ 300—400 метровъ имѣется температурный максимумъ въ + 1,7°. Языки глетчера погружены до этой глубины и обмываются, слѣдовательно, водою, которая на 3° теплѣе воды поверхности. Имѣетъ ли такая разность, дѣйствительно, вліяніе на изломъ глетчера — предоставляю рѣшить физикамъ и океанографамъ.

Ледяныя горы распространяются постепенно изъ своего первоначальнаго очага образованія по очень обширному району антарктическихъ и субъантарктическихъ водъ и при случаѣ могутъ даже препятствовать судоходному сообщенію съ Австраліей. Такъ, съ 1894 до 1897 гг. замѣчалось сильное накопленіе льдовъ, начиная отъ мыса Горнъ и простираясь почти до мыса Доброй Надежды, а затѣмъ, заходя далѣе на востокъ, эти льды сильно мѣшали мореплавателямъ, направляющимся въ Австралію. Передъ нашимъ отправленіемъ на югъ мы не имѣли никакой возможности составить себѣ представленіе о томъ, каковы условія распространенія льдовъ въ антарктическомъ морѣ. Въ виду того, что намъ удалось достичь острова Бувэ, надо думать, что главнѣйшія массы льда продвинулись въ восточномъ направленіи и подверглись разложенію въ болѣе теплыхъ областяхъ моря. Лишь за 53° широты встрѣтили мы первыя ледяныя горы и позднѣе наблюдали ихъ все въ большемъ и большемъ количествѣ, по мѣрѣ того, какъ приближались къ границѣ льдовъ. Наши судовые офицера, стоявшіе на вахтѣ, вели перечень всѣмъ замѣчаемымъ на пути ледянымъ горамъ, и въ общей сложности было ихъ за все время отмѣчено 180,

за исключеніемъ того, можно сказать, безчисленнаго количества ледяныхъ горъ, которое было отмѣчено на самой южной достигнутой нами точкѣ 16-го и 17-го декабря.

Поражало быстрое исчезновеніе ледяныхъ горъ во время нашего пути отъ южной точки до Кергуэльскихъ острововъ. Послѣднюю ледяную гору мы увидали 19-го декабря, приблизительно на пересѣченіи 61° юж. шир. съ 61° вост. долг. Направляющееся отъ Кергуэльскихъ острововъ теплое теченіе, вѣроятно, отбиваетъ ледяныя горы къ югу и обусловливаетъ необыкновенное массовое скопленіе ихъ вблизи самаго мѣста ихъ происхожденія. Сходныя наблюденія были сдѣланы и экспедиціей «Чэлленжера», которая въ февралѣ 1874 года увидала первыя ледяныя горы, перейдя 60° южн. шир.

Что касается до формы антарктическихъ ледяныхъ горъ, то всѣмъ наблюдателямъ бросалось въ глаза, что вблизи своего мѣста возникновенія онѣ являются въ видѣ столообразныхъ гигантовъ довольно однообразнаго строенія (рис. 33). Состоятъ онѣ изъ глетчернаго льда

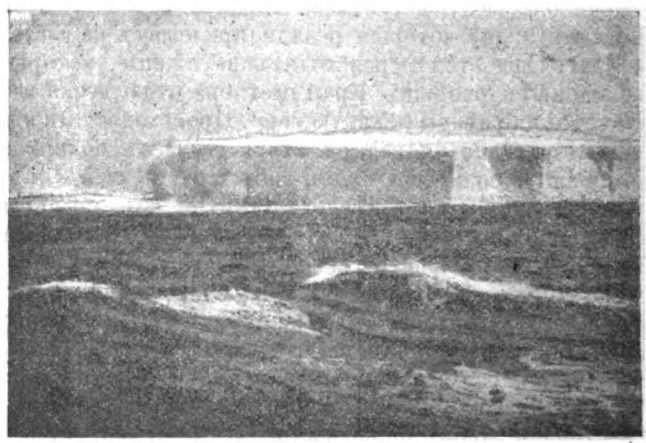


Рис. 33. Столообразная гора, замѣченная 19 декабря 1898 г.

и вычисленіе показываетъ, что изъ воды выдается лишь приблизительно $^1/_7$, тогда какъ не менѣе $^6/_7$ скрыто подъ водою. Мы пытались опредѣлить высоту горъ возможно точнѣе, причемъ разстояніе судна до горы опредѣляли путемъ наблюденія скорости звука, такъ какъ отъ горы отражается очень явственное эхо. Съ судна производился выстрѣлъ, затѣмъ опредѣлялся точно промежутокъ времени между звукомъ выстрѣла и эхомъ при помощи секундомѣра и въ то же время секстаномъ измѣрялась вышина горы. Очень простое вычисленіе давало затѣмъ вышину горы, и оказалось, что нѣкоторыя изъ видѣнныхъ нами ледяныхъ горъ достигали значительной вышины — до 60 метровъ; большинство, однако, было ниже и въ среднемъ имѣло около 30 метровъ въ вышину. Длина измѣренныхъ нами ледяныхъ горъ колебалась въ еще болѣе широкихъ предѣлахъ, чѣмъ вышина. Одна изъ наиболѣе длинныхъ горъ была встрѣчена нами 14-го декабря и имѣла 54 метра вышины при длинѣ 575 метровъ. Въ ночь съ 17-го на 18-е декабря мы видѣли огромнѣйшія горы, настоящіе ледяные острова, около земли Эндерби. Когда мы тогда выбрались изъ плавучаго льда,

мы оказались недалеко отъ ледяной горы, которую я первоначально принялъ за ледяную стѣну, выдвинутую впереди континента, позднѣе оказалось, однако, что это былъ ледяной островъ, длину котораго наши моряки опредѣляли въ 4—5 морскихъ миль. Такіе гигантскіе острова должны возникать на огромнѣйшихъ глетчерахъ, по которымъ массы снѣговъ съ постепенно опускающагося съ берегу материка приносятся къ морю. Ледяные острова такой огромной величины могутъ сохраняться цѣлыми лишь въ относительно хорошо защищенныхъ частяхъ

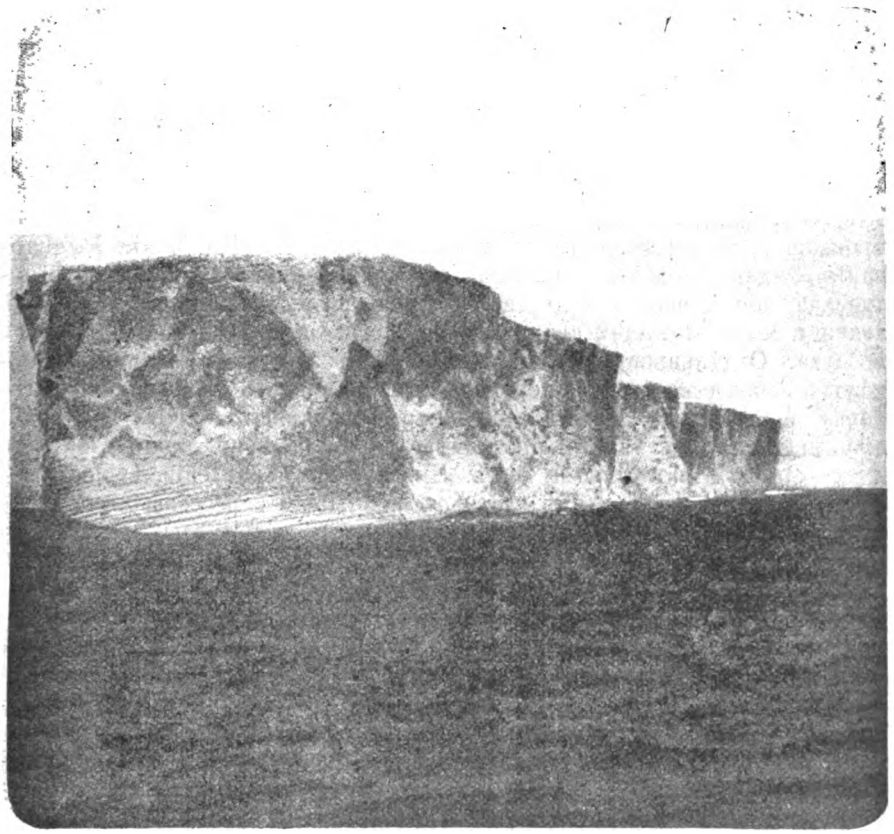


Рис. 34. Столообразная ледяная гора съ ясною полосатостью, замѣченная 4 декабря 1898 г.

моря. Между тѣмъ, нѣкоторые географы предполагаютъ, что земля Эндерби представляетъ изъ себя островъ, отдѣленный отъ антарктическаго материка,—если это такъ, то островъ этотъ долженъ быть, во всякомъ случаѣ, очень большимъ. Мнѣ же, на основаніи знакомства съ такими гигантскими ледяными горами, кажется болѣе вѣроятнымъ, что земля Эндерби является лишь выдающейся частью обширнаго антарктическаго материка.

Всѣ прежніе наблюдатели согласно указываютъ на характерную полосатость столообразныхъ ледяныхъ горъ, причемъ полосы въ большинствѣ случаевъ параллельны верхней площади. Полосатость эта обу-

словливается правильнымъ чередованіемъ голубыхъ и бѣлыхъ слоевъ глетчернаго льда, что и мы могли вполнѣ ясно замѣтить во многихъ случаяхъ (рис. 34). Разрушительная дѣятельность волнъ и снѣжныхъ бурь является затѣмъ причиною того, что ледяныя горы, далеко унесенныя отъ мѣста своего происхожденія, нерѣдко имѣютъ лишь крайне неясную слоистость или совершенно не обладаютъ ею. Часто на боковыхъ сторонахъ своихъ онѣ оказываются какъ бы обсахаренными напаснымъ снѣгомъ, и полосатость намѣчается тогда лишь на свѣжихъ поверхностяхъ излома Совершенно необыкновенной ясности наблюдалась полосатость на ледяной горѣ, которую мы встрѣтили 1-го декабря вблизи острова Бувэ: у нея чередовались слои кобальтово-синяго глетчернаго льда толщиною въ нѣсколько метровъ съ тонкими прослойками бѣлоснѣжнаго цвѣта.

Чтобы понять причину различной окраски отдѣльныхъ слоевъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе на структурѣ льда. Прежде общепринятымъ былъ взглядъ, что глетчерный ледъ отличается отъ льда, образуемаго замерзаніемъ воды, зернистой структурой,—именно, что онъ состоитъ изъ отдѣльныхъ зернышекъ, которыя первоначально произошли, вѣроятно, изъ снѣжныхъ кристалловъ. Новѣйшія изслѣдованія Эмдена доказали, однако, что эта зернистая структура свойственна всѣмъ видамъ льда, но выступаетъ явственно лишь тамъ, гдѣ ледяная масса подвергается на свободѣ дѣйствію умѣренно нагрѣтаго воздуха. Отдѣльныя зернышки имѣютъ чрезвычайно различные размѣры—наблюдаются всѣ переходы отъ величины съ булавочную головку и до орѣха. Мелкія зернышки увеличиваются тѣмъ, что вода, происходящая отъ таянія, просачивается въ болѣе глубокіе слои льда и, замерзая, отлагается на нихъ. При сильномъ давленіи, существующемъ въ глубокихъ слояхъ глетчера, зернышки спрессовываются, дѣлаются многогранными и превращаются въ кристаллы, которые по оптическимъ свойствамъ одноосны.

Изъ примѣсей, которыя обусловливаютъ окраску льда, важны прежде всего, по изслѣдованіямъ Дригальскаго, включенія воздуха,—они встрѣчаются не только между зернами, но нерѣдко и внутри зеренъ. Чѣмъ богаче зерна льда такими воздушными пузырьками, нерѣдко замѣтными лишь подъ микроскопомъ, тѣмъ бѣлѣе кажется вся ледяная масса. Если поверхность льда протачивается солнечными лучами, многочисленные воздушные каналы проникаютъ между зернышками и внутрь ихъ, и тогда ледъ положительно слѣпитъ своимъ бѣлымъ цвѣтомъ. Съ другой стороны зерно льда кажется совершенно голубымъ, когда воздухъ вытѣсненъ замерзшей водою,—чѣмъ менѣе воздушныхъ пузырьковъ во льду, тѣмъ интенсивнѣе его голубая окраска. Ясно, что на цвѣтъ льда вліяютъ также и другія примѣси, напримѣръ пыль и песокъ. Прежніе путешественники сообщаютъ о ледяныхъ горахъ въ антарктической области, которыя были покрыты мелкими обломками камня и казались грязно-коричневыми. Намъ такихъ ледяныхъ горъ не встрѣчалось, если не считать двухъ плавучихъ льдинъ, которыя были замѣчены на самой южной достигнутой нами точкѣ недалеко отъ земли Эндерби. Эти льдины были отчасти шоколаднаго цвѣта и, спустивъ лодку, мы добыли отъ нихъ куски льда, изслѣдованіе которыхъ показало, что цвѣтъ этотъ обусловливался примѣсью зернышекъ песка и кварца, расположенныхъ правильными параллельными слоями.

Что касается до происхожденія этихъ правильно чередующихся

слоевъ глетчернаго льда, то надо полагать, что это явленіе обусловливается, съ одной стороны, давленіемъ на ниже лежащіе слои покоящихся на нихъ массъ, съ другой—медленнымъ поступательнымъ движеніемъ глетчера. Какъ было доказано еще экспедиціей «Чэлленжера», болѣе глубокіе слои ледяной горы образованы преимущественно голубымъ льдомъ, между которымъ лежатъ слои бѣлаго льда значительно меньшей толщины. Наоборотъ, по направленію къ верхней поверхности горы увеличивается толщина бѣлыхъ слоевъ. Той же экспедиціей былъ произведенъ очень оригинальный опытъ, показывающій, что кобальтово-синій ледъ значительно болѣе хрупокъ, чѣмъ бѣлый: въ ледяную гору былъ произведенъ выстрѣлъ изъ пушки,—оказалось, что ядро, попавъ въ нижніе голубые слои горы около поверхности моря, откалывало отъ льда большіе куски, тогда какъ при попаданіи въ верхніе бѣлые слои—оно безпрепятственно проникало внутрь ледяной массы.

Вблизи поверхности воды болѣе мягкіе бѣлые слои растворяются сильнѣе, чѣмъ хрупкій голубой ледъ,—это особенно ясно было замѣтно на ледяной горѣ, которую мы встрѣтили въ туманѣ 4-го декабря.

Едва ледяная гора возникла, какъ она начинаетъ уже, подъ вліяніемъ различныхъ внѣшнихъ воздѣйствій, преобразовываться,—гигантскія массы льда эти, вѣсомъ во много милліоновъ тоннъ, подвергаются вліянію теплоты воздуха и воды и механическому воздѣйствію волненія. Какъ долго можетъ такой антарктическій колоссъ противостоять внѣшнимъ пагубнымъ для него вліяніямъ, трудно сказать за отсутствіемъ въ этомъ направленіи наблюденій, заслуживающихъ довѣрія. Какой бы періодъ времени онъ, однако, ни сохранялся, все же участь его предрѣшена еще при самомъ его рожденіи, — рано или поздно онъ долженъ растаять и подвергнется гибели тѣмъ скорѣе, чѣмъ ранѣе принесутъ его вѣтры и теченія въ болѣе теплыя области.

Важнѣйшую роль играетъ въ данномъ случаѣ механическая работа воды. Антарктическое море постоянно неспокойно настолько, что даже при кажущейся гладкой морской поверхности едва удается близко подойти на лодкѣ къ ледяной горѣ и высадиться на нее,—медленно, но непрерывно работаетъ прибой по бокамъ горы, если же вѣтеръ разыграется, то волны начинаютъ точить гору со всѣхъ сторонъ. Въ бурю мореплавателю представляется величественное зрѣлище: гигантскія волны обрушиваются на ледяного великана, стоящаго совершенно спокойно и непоколебимо,—ударяясь объ него, онѣ разбиваются въ мелкія брызги, бѣгутъ широкой полосой прибоя вдоль ледяной стѣны и обдаютъ ее бѣлою пѣной. Такое зрѣлище представилось намъ, когда мы отошли отъ земли Эндерби и при сильнѣйшемъ штормѣ съ востока повстрѣчали послѣднія на нашемъ пути ледяныя горы. Когда на нихъ набѣгали волны и начинали свою разрушительную работу, казалось, вдали была слышна сильнѣйшая канонада.

Прежде всего механическое дѣйствіе воды выражается въ томъ, что образуется на уровнѣ моря вокругъ всей горы выемка, какъ бы перехватъ. Пока ледяная гора находится еще въ холодной водѣ, температура поверхности которой ниже 0°, таяніе льда еще не можетъ происходить, но, благодаря механическому воздѣйствію, образовавшійся перехватъ углубляется все глубже и глубже и обусловливаетъ постепенное обламываніе ледяныхъ массъ, находящихся надъ нимъ. Навѣтренная сторона ледяной горы разрушается быстрѣе, чѣмъ противоположная,—потому происходитъ нѣкоторое перемѣщеніе центра тяжести и образовав-

шійся перехватъ становится виднѣе. Волны, поднимающіяся по краямъ горы, полируютъ ея стороны и дѣлаютъ ихъ совершенно гладкими. Даль-

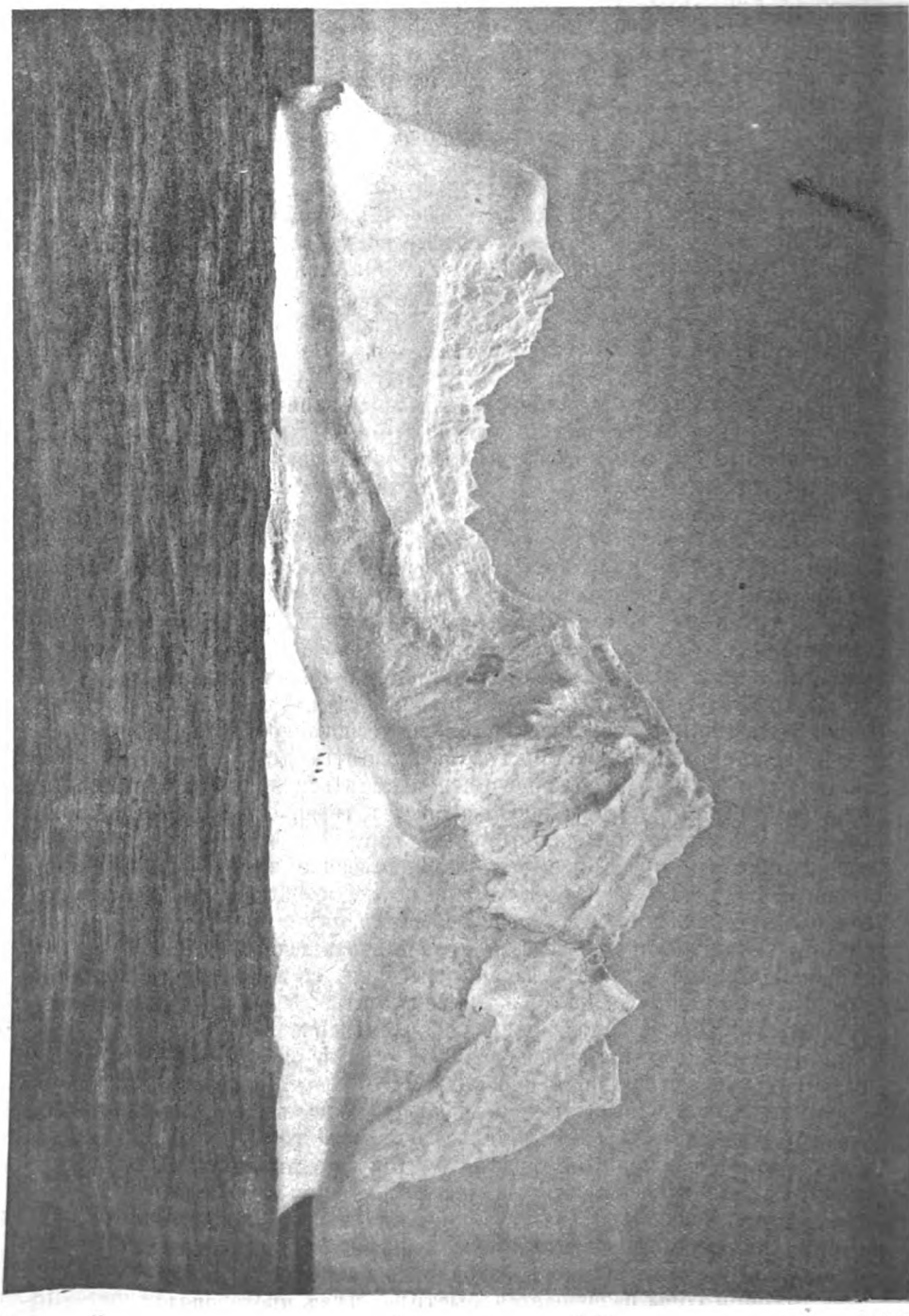


Рис. 35. Ледяная гора съ восточной стороны (на выступѣ колонія пингвиновъ).

нѣйшее разложеніе облегчается тѣмъ, что возникаютъ небольшія продольныя трещины надъ поверхностью воды и образуютъ новыя мѣста, подвергающіяся разрушительному дѣйствію волнъ; трещины эти расширяются и превращаются, наконецъ, въ глубоко врѣзывающіяся пещеры, которыя иногда поддерживаются какъ бы готическими арками. Если вытянутая въ длину ледяная гора въ теченіе цѣлыхъ недѣль подвергается дѣйствію волнъ лишь съ одной своей широкой стороны, то можетъ случиться, что противоположная подвѣтренная сторона представляетъ изъ себя гладкую ледяную стѣну, тогда какъ навѣтренная уже сильно изрѣзана пещерами. Такую ледяную гору мы наблюдали 4-го декабря (рис. 35). На восточной сторонѣ своей она казалась состоящей изъ трехъ большихъ ледяныхъ горъ, тогда какъ на западной была совершенно гладкая. Если пещеры глубоко врѣ-

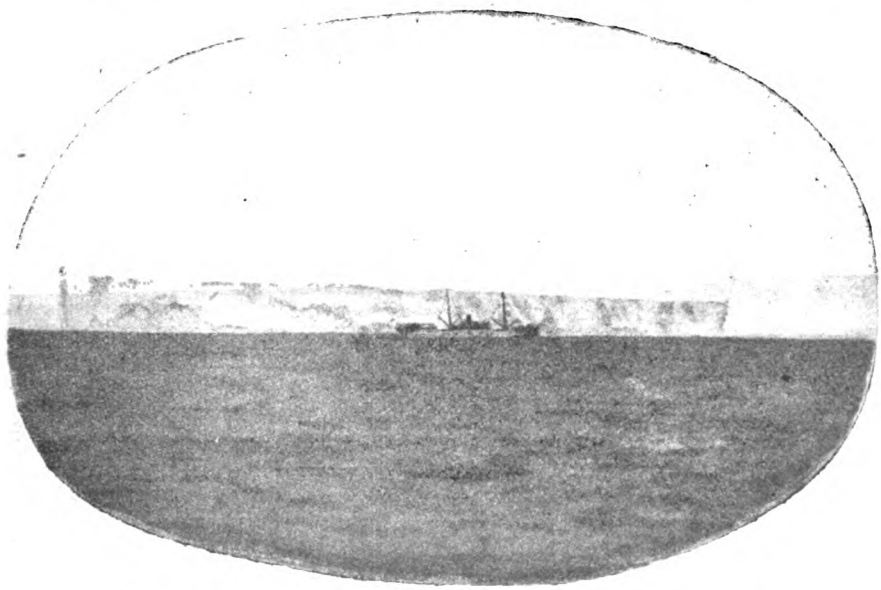


Рис 36. «Вальдивія» передъ ледяной горой, 7 декабря 1898 г.

заются и отъ нихъ отходятъ трещины, простирающіяся до верхняго плато горы, то нерѣдко раздѣляемыя этими трещинами массы льда расходятся, нагибаются въ сторону и налегаютъ на сосѣднія. Въ такомъ случаѣ полосатость на сторонахъ горы образуетъ зигзаги. При дальнѣйшемъ разрушеніи ледяныя массы эти иногда обрываются и образуютъ тараны, которыми волны начинаютъ въ сильнѣйшей степени разрушать еще сохранившуюся часть ледяной стѣны. Такимъ способомъ нерѣдко уничтожается вся навѣтренная сторона ледяной горы—гора превращается въ открытый съ одной стороны амфитеатръ, образуемый сохранившеюся ледяною стѣной навѣтренной стороны. Я никогда не забуду впечатлѣнія, которое произвела на насъ одна изъ наиболѣе крупныхъ встрѣченныхъ нами горъ, попавшаяся на нашемъ пути 7-го декабря и замѣченная еще съ разстоянія 20 морскихъ миль (рис. 36). Приблизившись, мы спустили тогда лодку, чтобы снять ее вмѣстѣ съ нашимъ судномъ. Съ западной стороны, которая ранѣе открылась передъ нами, гора казалась столообразной, но когда мы, обходя ее,

подошли къ восточной сторонѣ, у каждаго вырвался невольный крикъ изумленія при видѣ величественнаго зрѣлища, открывшагося передъ нами. Гора производила впечатлѣніе гигантскаго амфитеатра, на стѣнахъ котораго голубой цвѣтъ перемѣшивался живописнѣйшимъ образомъ съ бѣлымъ,—арена, несомнѣнно, была грандіознѣйшей изъ всѣхъ когда-либо видѣнныхъ нами.

Ясно, что у такихъ ледяныхъ горъ, разрушенныхъ съ одной стороны, перемѣщается центръ тяжести. Онѣ наклоняются нѣсколько въ ту сторону, гдѣ сохранилась ледяная стѣна, а разрушенная часть поднимается все выше и выше изъ воды. Такія горы намъ попадались довольно часто. Онѣ состоятъ какъ бы изъ двухъ этажей (рис. 37)—изъ низкой площади съ очень неправильной поверхностью и изъ круто поднимающейся стѣны. Въ отчетахъ экспедиціи «Чэлленжера» также находится большое количество изображеній ледяныхъ горъ такой формы.

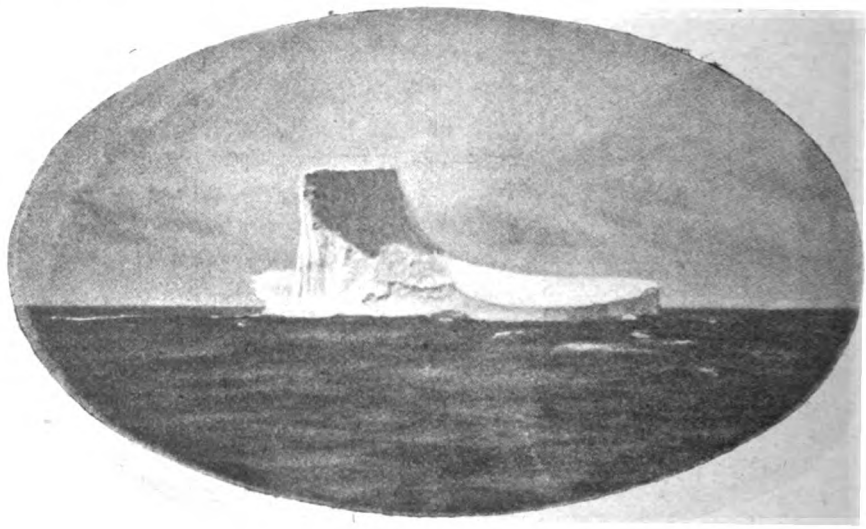


Рис. 37. Двуэтажная ледяная гора.

Наконецъ, можетъ случиться, что либо такая сохранившаяся стѣна, либо прямо вся гора разбивается глубоко врѣзывающимися и все болѣе и болѣе расширяющимися трещинами на многочисленные отдѣлы. Круто поднимающіяся вершины, которыя сидятъ въ такомъ случаѣ нерѣдко на массивѣ, совершенно покрытомъ водою, живо напоминаютъ фантастическія формы доломитовъ.

Ограничиваясь въ данномъ случаѣ изложеніемъ наблюденій лишь въ антарктической области, гдѣ температура поверхности воды ниже 0^0, упомянемъ только вкратцѣ, что въ болѣе низкихъ широтахъ къ механическимъ воздѣйствіямъ воды присоединяется также таяніе подъ вліяніемъ теплоты воды. Въ высокихъ широтахъ вліяніе это не сказывается вовсе, однако въ лѣтніе мѣсяцы повышенная температура воздуха все же является и здѣсь до нѣкоторой степени дѣйствующей неблагопріятно на цѣлостность ледяныхъ массъ.

Когда температура поднимается выше 0^0 или когда она, наоборотъ, спускается нѣсколько ниже точки замерзанія, какъ это часто

происходитъ въ посѣщенной нами области, поверхностные слои ледяной горы оттаиваютъ или замерзаютъ. Вода, происходящая отъ таянія, просачивается въ щели и, расширяясь, при замерзаніи раскалываетъ ледъ, что влечетъ за собою сильное разрушеніе поверхности. Когда мы обходили упомянутую выше большую ледяную гору, отъ боковъ ея отдѣлялись огромные куски льда и съ грохотомъ, подобнымъ грохоту лавины, низвергающейся съ горъ, летѣли въ море. Точно такъ же находятъ обыкновенно навѣтренную сторону ледяной горы, окруженною многочисленными льдинами,—онѣ примѣшиваются къ плавучему льду, но легко отличимы отъ синевато-зеленаго морского льда по своему кобальтово-синему цвѣту. По твердости своей они являются особенно опасными для мореплавателя и съ давнихъ поръ ихъ стараются избѣжать всѣ путешествующіе въ южно-полярныхъ моряхъ. Что въ лѣтніе мѣсяцы и подъ высокими широтами происходитъ постоянное оттаиваніе и послѣдующее затѣмъ замерзаніе, объ этомъ свидѣтельствуютъ свѣшивающіяся нерѣдко съ краевъ ледяныхъ горъ огромныя ледяныя сосульки.

Такое же дѣйствіе, какъ нагрѣтый воздухъ, производятъ и солнечные лучи. Въ тѣхъ областяхъ, которыя были посѣщены нами, вліяніе ихъ сказывается относительно мало, такъ какъ небо постоянно затянуто,—въ южныхъ же широтахъ, гдѣ небо чаще проясняется, они вліяютъ значительнѣе. Россъ замѣтилъ на выступахъ гигантской ледяной стѣны земли Викторіи огромныя ледяныя сосульки, происхожденіе которыхъ при господствующихъ тамъ низкихъ лѣтнихъ температурахъ обусловливается, несомнѣнно, вліяніемъ солнечныхъ лучей.

Принимая во вниманіе огромную величину антарктическихъ ледяныхъ горъ, является вполнѣ понятнымъ, что образующаяся отъ таянія льда прѣсная вода собирается во многочисленныхъ впадинахъ и, наконецъ, соединяется въ ручейки, которые каскадами сбѣгаютъ въ море съ края верхняго плато горы. На ледяной горѣ, встрѣченной нами 7-го декабря, мы замѣтили множество водяныхъ потоковъ на низкой части плато, сбѣгавшихъ въ море, несмотря на то, что температура воздуха тогда была —1°. На слѣдующій же день температура около полудня была +0,4, такъ что вполнѣ понятно, какимъ образомъ при такихъ постоянныхъ колебаніяхъ температуры около 0° на ледяной горѣ образуется непрерывно текущій водяной потокъ.

Вода отъ таянія льда обусловливаетъ небольшое повышеніе поверхностной температуры воды моря вокругъ ледяной горы; она повышалась, какъ мы наблюдали, какъ въ тотъ же день, такъ и на слѣдующій, съ —0,6° до 0°.

Врядъ ли стоитъ указывать на то, какія опасности угрожаютъ мореплавателямъ со стороны ледяныхъ горъ. Подходить къ нимъ на сколько-нибудь близкое разстояніе положительно не рекомендуется,—нерѣдко достаточно уже, напримѣръ, выстрѣла, чтобы вызвать паденіе огромныхъ обломковъ льда, отдѣлившихся вслѣдствіе нарушенія того состоянія равновѣсія, въ которомъ они находились. Кромѣ того, въ этихъ областяхъ часто съ поразительной быстротою набѣгаетъ туманъ и укутываетъ все непроницаемой завѣсой,—мы бывали иногда принуждены останавливаться въ туманѣ, если передъ тѣмъ вдали наблюдались ледяныя горы. Если даже горизонтъ и былъ отъ нихъ свободенъ и затѣмъ набѣгалъ туманъ, то мы все-таки шли не полнымъ ходомъ и подавали постоянные свистки, чтобы вызвать эхо отъ ледяныхъ горъ, которыя могли попасться навстрѣчу. Одно обстоятельство, впро-

чемъ, открываетъ присутствіе ледяной горы даже и при густомъ туманѣ,—именно, въ непосредственной близости горы происходитъ, какъ это намъ неоднократно приходилось наблюдать, нѣкоторое прояснѣніе, обусловленное, очевидно, тѣмъ, что холодъ, испускаемый горою, вызываетъ замерзаніе и осѣданіе водяныхъ частицъ окружающаго воздуха.

Всѣ упомянутыя здѣсь вліянія воды и воздуха сказываются лишь на той части горы, которая выставляется надъ поверхностью моря. По нашимъ изслѣдованіямъ, однако, гораздо болѣе значительныя разрушенія происходятъ отъ того, что ледяная гора низомъ своимъ погружена въ слои воды, которые, по сравненію съ поверхностными слоями бываютъ теплѣе на 3°. Мы указывали уже выше, что на глубинѣ 300—400 метровъ, т.-е. на той глубинѣ, до которой хватаетъ самая выступающая часть ледяной горы, господствуетъ температура +1, 7°. Ясно, что здѣсь происходитъ постоянное и сильное таяніе льда, причемъ получающаяся годъ, какъ обладающая болѣе легкимъ удѣльнымъ вѣсомъ, поднимается на поверхность и распредѣляется здѣсь по всей антарктической области относительно тонкимъ слоемъ. Это вліяніе теплой воды сказывается незамѣтно, но, несомнѣнно, по эффекту превосходитъ всѣ разрушенія, обусловливаемыя надъ поверхностью ударами волнъ и теплотою воздуха. При таяніи льда значительное количество теплоты отнимается отъ окружающихъ глубокихъ слоевъ воды и переходитъ въ скрытое состояніе.

Когда ледяная гора, подтаивая снизу и дѣлаясь постепенно легче, попадаетъ въ болѣе теплыя области, гдѣ процессъ таянія начинается и въ поверхностныхъ слояхъ, то можетъ случиться, что центръ тяжести ея совершенно перемѣщается, и гора переворачивается вверхъ основаніемъ. Мы не встрѣчали, впрочемъ, такого явленія ни разу въ той холодной области, въ которой работали.

Можно замѣтить, что на далекомъ разстояніи отъ мѣста своего происхожденія ледяныя горы встрѣчаются обыкновенно сильно разложившимися. Первыя ледяныя горы, замѣченныя нами по ту сторону 53° южн. шир. указывали на то, что онѣ, несомнѣнно, совершили уже далекое путешествіе. При всѣхъ подобныхъ заключеніяхъ необходима, однако, большая осторожность,—такъ, напримѣръ, еще 3 го и 4-го декабря, когда мы были въ области острова Буве, намъ попадались столообразныя ледяныя горы, которыя совершенно походили на горы встрѣченныя нами на самой южной достигнутой нами точкѣ. Ледяная гора, попавшаяся 3-го декабря подъ 56° 0′ юж. шир. и 16° 18′ вост. долг., была не только совершенно цѣльной, но и имѣла 59 метровъ въ вышину, такъ что являлась наиболѣе высокой изъ всѣхъ, измѣренныхъ нами.

Все предыдущее изложеніе не можетъ дать никакого понятія о томъ поразительномъ великолѣпіи, которое представляютъ антарктическіе ледяные колоссы. Ни одинъ художникъ не въ состояніи передать тѣхъ замѣчательныхъ полутоновъ голубого и синяго цвѣта, которые поражаютъ зрителя, смотрящаго на ледяную гору вблизи. Какъ бы легкая дымка окутываетъ всю ледяную массу, то тамъ, то здѣсь слѣпятъ бѣлоснѣжныя поверхности, тогда какъ трещины, гроты и ступени амфитеатровъ выдѣляются своимъ темнымъ кобальтово-синимъ цвѣтомъ. Вода, окружающая ледяную гору, принимаетъ цвѣтъ мѣднаго купороса и рѣзко выдѣляется на морѣ, которое изъ за затянутаго неба кажется постоянно сѣрымъ. Причудливыя формы разлагающихся ледяныхъ горъ даютъ вволю разыграться фантазіи,—въ нихъ видишь то укрѣпленія съ

AP 50 MIR BOZHII
.M67
v. 11
no. 4
1902
Serial
10-28-69 BINDERY NOV

AP 50 MIR BOZHII
.M67
v.11
no.4
1902
UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARIES

U of Chicago
55015491